ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

№ 2.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1868.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. МОРИГЕРОВСКАГО, ВЪ ТРОИЦКОМЪ ПЕРЕУЛКѢ, ДОМЪ ГАССЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Рюи Блазъ.
Донъ Саллюстій де-Бассанъ.
Донъ Цезарь де-Бассанъ.
Донъ Гуританъ.
Графъ Кампореаль.
Маркизъ Санта Крузе.
Маркиза дель Басто.
Графъ Альба.
Маркизъ донъ Ніэго.
Донъ Мануэль Аріасъ.
Монтазго.
Донъ Антоніо Убилла.
Кованденга.
Гюдіэль.
Лакей.
Алькадъ.
Алгвазилъ.
Гофмейстеръ.
Марія Нейбургская, испанская королева.
Герцогиня Альбукеркская.
Казильда.
Дуэнья.
Пажъ.

Дамы, придворные, пажи, дуэньи, алгвазилы, стража, камергеры. Мадридъ 169... г.

РЮИ БЛАЗЪ.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

ВИКТОРА ГЮГО.

ДѢЙСТВІЕ I.

Донъ Саллюстій.

Пріемная во дворцѣ короля, въ Мадридѣ. Роскошная обстановка въ полуфламандскомъ вкусѣ временъ Филиппа IV. Налѣво большое окно съ золочеными рамами и занавѣсами. Съ обѣихъ сторонъ въ боковыхъ кулисахъ маленькія двери, ведущія во внутреннія покои. Въ глубинѣ сцены большая стеклянная перегородка съ золотыми рамами и съ стеклянной дверью, ведущей въ длинную галлерею. Галлерея эта, пересѣкающая сцену, скрыта тяжелой драпировкой, падающей съ верху до низу стеклянной перегородки. Столъ, кресло и всѣ письменныя принадлежности.

Донъ Саллюстій выходитъ изъ маленькой двери слѣва; за нимъ Рюи-Блазъ и Гюдіэль, несущій ящикъ и дорожные узлы. Донъ Саллюстій одѣтъ въ придворный костюмъ изъ чернаго бархата временъ Карла II. На шеѣ орденъ Золотого Руна. Сверхъ чернаго платья на немъ богатый плащъ изъ свѣтло-зеленаго бархата, вышитый золотомъ и подбитый чернымъ атласомъ. Шпага съ широкимъ эфесомъ. Шляпа съ большими перьями. Гюдіэль весь въ черномъ, съ шпагой на боку. Рюи Блазъ въ ливреѣ. Камзолъ и панталоны коричневые. Сюртукъ обшитый галунами, красный съ золотомъ. Онъ безъ шпаги и съ открытой головой.

СЦЕНА I.

Донъ Саллюстій де Бассанъ, Гюдіэль и Рюи Блазъ.

Донъ Саллюстій (*Рюи-Блазу*)

Запри ты дверь и отвори окно.

(*Рюи-Блазъ исполняетъ приказаніе и, по знаку Донъ Саллюстія, уходитъ въ дверь въ глубинѣ сцены. Донъ Саллюстій подходитъ къ окну.*)

Всѣ спятъ, а на дворѣ ужъ разсвѣтало...
(Быстро поворачивается къ Гюдіэлю.)
Какъ громъ ударилъ съ неба!.. Все пропало!..
Да, Гюдіэль! мое паденье рѣшено:
Я удаленъ, я прогнанъ, я въ опалѣ...
Все потерять въ одни лишь сутки!.. Но
Объ этомъ не болтай пока... Узнали
Мою интрижку съ горничной... Смѣшна
Въ мои лѣта, положимъ, прихоть эта,
Но гдѣ-жъ бѣда? Что мной обольщена
Ничтожная дѣвчонка?... Но она
У королевы въ милости, съ ней вмѣстѣ
Изъ Нейбурга пріѣхала; изъ мести,
Чтобъ мнѣ вредить, ревѣла во дворцѣ—и разъ
До короля съ ребенкомъ добралась...
Я получилъ приказъ на ней жениться...
Чтобъ я на ней женился! Никогда.
И ссылка ждетъ меня за это навсегда...
Забыто все: плоды работъ упорныхъ
И двадцать лѣтъ тяжелаго труда...
Я, президентъ, гроза придворныхъ,
Чье имя вторила молва,
Я, рода древняго глава,
И все, къ чему такъ долго я стремился,
О чемъ мечталъ, чѣмъ занятъ былъ, трудился,
Власть, почести, къ которымъ я привыкъ—
Все рушилось въ единый мигъ
При хохотѣ всеобщемъ...

Гюдіэль. Но объ этомъ
Еще никто не знаетъ, государь.

Донъ Саллюстій. Но завтра ссылка будетъ не секретомъ.
Скорѣе въ путь!.. Я не хочу, какъ тварь,
Пасть низко, самъ исчезну я...
(Съ бѣшенствомъ разстегиваетъ свой кафтанъ.)
Однако,

Ты такъ стянулъ меня, что задохнусь... (Садится.)
О, мину я устроивать пріймусь
Глубокую, незримую изъ мрака...
А!.. Прогнанъ!.. (Встаетъ.)

Гюдіэль. Государь, ктожь виноватъ
Въ томъ?

Донъ Саллюстій. Королева... О, я отомщу ужасно.
Для мщенья моего, пойми ты, нѣтъ преградъ.
Ты зналъ меня ужь двадцать лѣтъ назадъ,
Воспитывалъ меня и видѣлъ очень ясно
Ту глубь души, гдѣ, какъ на темномъ днѣ,
Мракъ помысловъ зловѣщихъ можетъ скрыться...
Въ Кастилію я долженъ удалиться—
Изъ-за дѣвчонки жалкой!—тамъ-то мнѣ
Придется планъ обдумать въ тишинѣ.
Готовься же къ отъѣзду. А теперь я
Поговорю съ забавнымъ шутникомъ,
Съ которымъ ты давно уже знакомъ...
На сколько стоитъ онъ довѣрья—
Рѣшить нельзя, но все же здѣсь теперь
Хозяинъ я... Такъ созрѣвай же мщенье!..
О, буду мстить ужасно я, повѣрь,
Не зная никакого сожалѣнья...
Сбирайся же немедля въ путь сейчасъ:
Отправишься со мною ты...

(Гюдіэль съ поклономъ уходитъ.)

Донъ Саллюстій (зоветъ.)

Рюи Блазъ!

Рюи Блазъ (появляясь въ глубинѣ сцены.)

Здѣсь, ваша свѣтлость...

Донъ Саллюстій. Пусть закрыты
На окнахъ будутъ ставни и ключи ты
Оставь въ дверяхъ: я ѣду изъ дворца.

Рюи Блазъ (съ поклономъ.)

Исполню, ваша свѣтлость.

Донъ Саллюстій. До конца
Все выслушай. Изъ церкви королева
Пойдетъ по галлереѣ черезъ часъ
Въ пріемный залъ... Будь тамъ ты, Рюи Блазъ.

Рюи Блазъ. Исполню все..

Донъ Саллюстій (у окна).

Смотри: вонъ тамъ, на лѣво
По площади прошелъ одинъ бѣднякъ....
Ему ты молчаливо сдѣлай знакъ,
Чтобъ онъ по задней лѣстницѣ явился
Сюда ко мнѣ...

(Рюи Блазъ исполняетъ приказаніе. Донъ Саллюстій, указывая на маленькую дверь справа.)

Постой! Взгляни тихонько въ дверь,
Кто изъ дежурныхъ пробудился?..

Рюи Блазъ (заглянувши въ дверь, возвращается.)

Всѣ алгвазилы спятъ еще теперь.

Донъ Саллюстій. Тссъ!.. Тише... Нуженъ мнѣ ты. Стой на стражѣ,
Чтобы никто не могъ намъ помѣшать.

(Входитъ Донъ Цезарь де Бассанъ. Шляпа смята. Плащъ его въ лохмотьяхъ, изъ подъ которыхъ видны спущенные чулки и дырявые башмаки. Огромная шпага. При входѣ онъ переглядывается съ Рюи Блазомъ; каждый съ своей стороны выражаетъ удивленіе, что замѣчаетъ и Донъ Саллюстій.)

Донъ Саллюстій (про себя.)

Другъ друга имъ не въ первый разъ встрѣчать...
Они теперь переглянулись даже.

СЦЕНА II.

Донъ Саллюстій и Донъ Цезарь.

Донъ Саллюстій. Ты здѣсь, бандитъ?
Донъ Цезарь. Да, mon cousin, я здѣсь.
Донъ Саллюстій. Пріятный гость: всегда оборванъ весь.

Донъ Цезарь (съ поклономъ.)

Я очень радъ!..
Донъ Саллюстій. Всѣ ваши похожденья
Извѣстны нынче стали...
Донъ Цезарь. Безъ сомнѣнья,
Подъ вашъ они вполнѣ подходятъ вкусъ!..
Донъ Саллюстій. Я болѣе разборчивъ, чѣмъ кажусь...
Послушай же: недавно обобрали
Донъ Карлоса де Мира въ темнотѣ
И шпагу очень цѣнную украли;
Оставили ему по добротѣ
Бродяги только плащъ одинъ...
Донъ Цезарь. О, Боже!..
Но доброта такая отчего же?..
Донъ Саллюстій. Шифръ на плащѣ, къ несчастью, вышитъ былъ.
Что скажешь ты о наглости подобной?
Донъ Цезарь. Да, чортъ возьми, поступокъ очень злобный!
Ужасный вѣкъ, по правдѣ, наступилъ,
И каждый воръ...
Донъ Саллюстій. А самъ былъ въ ихъ числѣ ты...
Донъ Цезарь. Чтожъ? Точно былъ, коль нужно то сказать,
Но Карлоса не думалъ обирать:
Я только лишь давалъ одни совѣты.
Донъ Саллюстій. Еще примѣръ: съ закатомъ мѣсяца вчера
Оборвыши какіе-то блуждали

По улицамъ, и съ стражей драться стали,
И ты былъ тамъ...

Донъ Цезарь. Ложь вовсе не хитра.
Я съ аргусами этими едва ли
До схватки унижаться стану... Нѣтъ,
Я былъ—и только—близко этой драки,
И сочинялъ подъ арками сонетъ...
Бой жаркій былъ во мракѣ.

Донъ Саллюстій. Еще не все...

Донъ Цезарь. Чтожь дальше?

Донъ Саллюстій. Говорятъ,
Что съ шайкою своей, во Франціи недавно
Всю кассу солянаго сбора славно
Очистилъ ты...

Донъ Цезарь. Чтожь,—очень радъ:
Намъ Франція враждебна...

Донъ Саллюстій. Такъ же точно
Ограбленъ былъ донъ Поль Бартелеми
Во Фландріи какими-то людьми.
Онъ ѣхалъ въ Монсъ и были, какъ нарочно,
Съ нимъ деньги духовенства: ты ихъ взялъ.

Донъ Цезарь. Во Фландріи? Я точно тамъ бывалъ...
Быть можетъ, и случилось такъ,—кто знаетъ!...
Ну, все-ли?

Донъ Саллюстій. Цезарь, ты такъ низко палъ,
Что потъ стыда невольно выступаетъ
При мысли о тебѣ...

Донъ Цезарь. Пускай! Что за бѣда!..

Донъ Саллюстій. Фамилія страдаетъ наша...

Донъ Цезарь. Да?..
Кто я таковъ, лишь знаешь ты въ Мадридѣ,
Такъ о фамиліи нѣтъ нужды толковать.

Донъ Саллюстій. Одна маркиза, разъ тебя увидя
На паперти, мнѣ начала болтать:
— Смотрите: вотъ разбойникъ непремѣнно.

На всѣхъ онъ смотритъ съ наглостью такой,
Въ лохмотья драпируется надменно,
Держась за шпагу длинную рукой.
Изорванъ плащъ, чулки до пятокъ свисли,
Въ глазахъ же подозрительныя мысли.

Донъ Цезарь (осматривая свой костюмъ.)

Ты бъ ей сказалъ, что добрый я бѣднякъ.

Донъ Саллюстій. Я покраснѣлъ.

Донъ Цезарь. Чтожь, дама засмѣялась?
Смѣшить ихъ всѣхъ—забавнымъ мнѣ казалось.

Донъ Саллюстій. Ты водишься лишь съ обществомъ бродягъ.

Донъ Цеаарь. Друзья мои скромнѣе, чѣмъ ягнята...

Донъ Саллюстій. Съ тобой гризетки всюду...

Донъ Цезарь. О любовь!..
Плутовки милыя, которымъ я когда-то
Читалъ стихи, чтобъ взволновать ихъ кровь...
И даже васъ коснуться злоба можетъ!..

Донъ Саллюстій. Затѣмъ разбойникъ тотъ Маталабосъ,
Что весь Мадридъ пугаетъ и тревожитъ —
Пріятель твой...

Донъ Цезарь. Но разберемъ вопросъ:
Я бъ безъ него былъ голоденъ и босъ.
Зимой меня увидя безъ костюма
Онъ тронутъ былъ... Тотъ раздушенный фатъ
Графъ Альба, у котораго безъ шума
Кафтанъ украли ловко, говорятъ...

Донъ Саллюстій. Ну?

Донъ Цезарь. У меня кафтанъ его. Изъ дружбы
Его мнѣ подарилъ Маталабосъ...
И мнѣ носить теперь его пришлось.

Донъ Саллюстій. Не совѣстно тебѣ?

Донъ Цезарь. Мнѣ?.. Почему жь бы
Мнѣ шитаго кафтана не принять;

Зимой онъ можетъ—грѣть, а лѣтомъ украшать.
Взгляни, онъ новъ...

(Распахиваетъ плащъ и показываетъ великолѣпный розоваго атласа кафтанъ, шитый золотомъ.)

Карманы всѣ набиты
Любовными записками. Тотъ графъ—
Ихъ собиралъ, какъ видно, для забавъ.
Теперь вообрази ты:
Голодный и влюбленный, безъ гроша
Я гдѣ нибудь, норой, у печки помѣщался
И запахомъ обѣда наслаждался,
И графскія записки не спѣша
Читалъ при томъ: обманывались вмѣстѣ
Желудокъ и душа.

Донъ Салюстій. Донъ Цезарь...

Донъ Цезарь. Полно, mon cousin! По чести,
Упрековъ ужь довольно... Пусть меня
Когда-то величали Цезаремъ и знатнымъ,
Я графомъ былъ, я былъ тебѣ родня,
Но это было въ прошломъ невозвратномъ:
Я по своей натурѣ—съумасбродъ.
Я былъ богатъ, имѣлъ дворцы, владѣнья,
Я щедро расточать могъ свой доходъ,
Но въ двадцать лѣтъ узналъ ужь разоренье,
Все промоталъ: одни кредитора
Мутили жизнь мнѣ съ ранняго утра.
Я скрылся, измѣнивши имя; изъ вельможи
Преображенъ въ Зафари-бѣдняка,
Въ веселаго товарища и ты одинъ пока
Донъ Цезаремъ зовешь меня... Мой Боже!..
Нѣтъ денегъ—я безъ денегъ обхожусь;
Передъ дворцомъ наслѣднымъ графовъ Теви
Ужь девять лѣтъ я мирно спать ложусь
На мостовой—и на ночлегъ не въ гнѣвѣ.
Всѣ думаютъ, что я лежу въ землѣ,

Иль странствую подъ небомъ Индустана,
Я-жь, утоливши жажду у фонтана,
Задумчиво брожу въ полночной мглѣ.
Такая жизнь—отличнѣйшая школа...
Въ моемъ дворцѣ, гдѣ нунцій Эспинола
Живетъ теперь, я иногда бывалъ
И нунція работникамъ давалъ
Различные въ ваяніи совѣты...
Не можешь ли дать мнѣ ты
Экю десятокъ?..

Донъ Саллюстій. Слушай...

Донъ Цезарь (скрестивши руки.)

Очень радъ
Твоихъ рѣчей послушать...

Донъ Саллюстій. Слушай. Одинокій
И опытнѣй, чѣмъ ты, донъ Цезарь, я богатъ;
Я вижу, что надъ пропастью глубокой
Ты сталъ, и я спасти тебя хочу.
Тебѣ дворцы я снова возвращу,
Отъ всѣхъ долговъ избавлю,
И ко двору опять тебя представлю:
Въ донъ Цезарѣ Зафари пусть умретъ...
Желаешь денегъ—можешь брать безъ счета,
Не думая заглядывать впередъ...
Трать деньги ты—платить моя забота...
Мы о роднѣ должны всегда радѣть
И къ ближнимъ снисходительность имѣть.

(Во время словъ донъ Саллюстія на лицѣ Цезаря видно сильное изумленіе, радость и довѣріе. Онъ прерываетъ его.)

Донъ Цезарь. Ты былъ, клянусь, всегда умнѣе чорта,
И говоришь ужасно какъ умно.
Ну, продолжай: вотъ дѣльній разговоръ-то!..

Донъ Саллюстій. Но есть притомъ условіе одно,
Его сейчасъ я объясню подробно...

Возьми сперва вотъ этотъ кошелекъ
Себѣ...

Донъ Цезарь. (сжимая въ кулакѣ кошелекъ, полный золота.)
Да это безподобно!..

Донъ Саллюстій. Пятьсотъ дукатовъ хочешь взять, дружокъ?..

Донъ Цезарь (теряясь.)
Маркизъ!..

Донъ Саллюстій (продолжая.)
Сегодня...

Донъ Цезарь. Чортъ возьми! Меня ты
Совсѣмъ купилъ. Я твой. Чтожъ до расплаты—
Приказывай: къ услугамъ мой клинокъ.
Я если хочешь, въ адъ готовъ спуститься,
Чтобъ съ донъ Спавенто въ немъ сразиться.

Донъ Саллюстій. Оставь въ покоѣ шпагу: не она
Теперь, донъ Цезарь, мнѣ нужна.

Донъ Цезарь. Такъ чтожь еще? Богатъ я только шпагой.

Донъ Саллюстій. (подходитъ къ нему, понижая голосъ).

Ты знаешься съ оборванной ватагой
Мадридскихъ нищихъ:—въ нихъ то-сила есть
На этотъ разъ...

Донъ Цезарь. Ты дѣлаешь мнѣ честь.

Донъ Саллюстій. Вслѣдъ за тобой они бѣгутъ, какъ стадо,
И ихъ толпа поднять тревогу рада.
Все это мнѣ полезнымъ можетъ быть.

Донъ Цезарь (хохочетъ).

Ты оперу желаешь сочинить?
Поэму иль симфонію?.. Прекрасно!..
Какую жь роль играть придется мнѣ?
Любую дай, которая опасна...
Предпочитаю шумъ я тишинѣ.

Донъ Саллюстій (строго).

Я не съ Зафари,—съ Цезаремъ теперь я.

(Все болѣе и болѣе понижая голосъ).

Мнѣ нуженъ человѣкъ такой, чтобъ онъ
Достоинъ былъ полнѣйшаго довѣрья,
Чтобъ смѣло могъ быть въ дѣло посвященъ....
Не мстителенъ, не золъ я по натурѣ,
Но есть дѣла, когда изъ насъ любой
Становится неумолимѣй бури
И не владѣетъ въ миѳніи собой...
Ты долженъ помогать мнѣ въ настоящемъ,
Раскидывать таинственную сѣть,
Сѣть, скрытую подъ зеркаломъ блестящимъ;
Чтобъ этой сѣтью самою съумѣть
Опутать... ну, хоть женщину... Мнѣ надо,
Хоть способомъ ужаснымъ, да отмстить,
Но чрезъ кого? Вотъ въ чемъ теперь преграда...

Донъ Цезарь. Отмстить?

Донъ Саллюстій. Да, да..

Донъ Цезарь. Кому?

Донъ Саллюстій. Мстить женщинѣ одной.

Донъ Цезарь. (Выпрямляясь, гордо смотритъ на донъ Саллюстія).

Довольно! ни полслова болѣе со мной!...
Объ этомъ вотъ мое какое мнѣнье:
Кто женщинѣ предательски отмстилъ,
Открытаго пугалсъ нападенья,
Тому одно названье—алгвазилъ.
Ктобъ ни былъ онъ—кастильскій грандъ надмѣнный,
Виконтъ, маркизъ иль древній дворянинъ,
Наслѣдственныхъ помѣстій властелинъ,
По моему онъ—негодяй презрѣнный,
Которому до вѣсилицы—шагъ...

Донъ Саллюстій. Донъ Цезарь!..

Донъ Цезарь. Говори со мной не такъ...
Тебя мнѣ слушать даже непріятно,...

(Бросаетъ кошелекъ къ ногамъ донъ Саллюстія).

Храни же тайну страшную отъ всѣхъ,
А кошелекъ возьми обратно.
Прощу скорѣй разбойнику я грѣхъ:
Да, можно грабить полночью глубокой,
Въ прохожаго всадить кинжалъ широкій,
Тюремщика зарѣзать, гайдука,
Разить открыто, прямо и глубоко:
Зубъ за зубъ и за око—око;
Но чтобы поднялась моя рука
На женщину! чтобъ за глазами, тайно
Ей западню невидимую рыть
За то, въ чемъ даже, можетъ быть,
Та женщина виновна лишь случайно—
О, нѣтъ!—Я не куплю такой цѣной
Богатства и безчестья золотаго...
Пусть нищета останется со мной,
Пусть прослыву я за бродягу снова,
Пусть ждетъ меня преступника судьба,
И у позорнаго столба
Пусть гложатъ черепъ мой голодныя собаки,
Но женщину я не погублю во мракѣ.

Донъ Саллюстій. Но, Цезарь, ты...

Донъ Цезарь. Я не прійму отъ васъ
Обѣщанныхъ благодѣяній. Стану
Свободно жить, какъ прежде. Въ поздній часъ
Я жажду утолить прійду къ фонтану;
Отыщетъ воръ одежду для меня,
А для души я самъ найду забвенье...
Не думая о скоромъ пробужденьѣ,
Близь вашего дворца, въ сіяньѣ дня,
Я буду спать на солнцѣ... Но прощайте!..
Межъ вашими клевретами блистайте,
А я опять найду своихъ воровъ,
Предпочитая волчій кровъ
Змѣинымъ гнѣздамъ....

Донъ Саллюстій. Стой, хоть на мгновенье...
Донъ Цезарь. Къ чему послужитъ это замедленье?..
Когда меня желаете въ тюрьму
Вы засадить—сажайте поскорѣе...
Донъ Саллюстій. О, Цезарь! Да, честнѣй ты и добрѣе,
Чѣмъ думалъ я, и очень радъ тому.
Все это было только испытанье...
Дай руку....
Донъ Цезарь. Какъ?
Донъ Саллюстій. Я только пошутилъ.
То опытъ искушенья только былъ.
Донъ Цезарь. Чтожь, брежу я? Иль это сновидѣнье?..
Месть, женщина....
Донъ Саллюстій. Все вздоръ!..
Донъ Цезарь. Отъ сердца отлегло....
А пятисотъ дукатовъ предложенье?
Оно присниться тоже мнѣ могло?
Донъ Саллюстій. Я деньги принесу тебѣ...

(Идетъ къ задней двери и дѣлаетъ знакъ Рюи-Блазу войдти.)

Донъ Цезарь. Какъ вѣрить
Измѣнщику! Начнетъ онъ лицемѣрить,
А выраженіе его лукавыхъ глазъ
Предательствомъ пугаетъ....
Донъ Саллюстій. Рюи Блазъ,
Останься здѣсь. (Цезарю) Я возвращусь сейчасъ...

(Уходитъ въ дверь на лѣво. Съ его уходомъ Рюи Блазъ и Цезарь быстро подходятъ другъ къ другу).

СЦЕНА III.

Донъ Цезарь и Рюи Блазъ.

Донъ Цезарь. Клянусь, я не ошибся. Ты ли это,
Другъ Рюи Блазъ?

Рюи Блазъ. Зафари! я ль тебя
Встрѣчаю во дворцѣ, въ жилищѣ этикета?..
Донъ Цезарь. Я мимоходомъ здѣсь... Любя,
Какъ птица, воздухъ и пространство
Я ухожу отсюда. Но къ чему
Въ ливреѣ ты? Зачѣмъ лакейское убранство?..
Рюи Блазъ. (Съ горечью).
Наряженъ я въ ливрею потому,
Что я не тотъ теперь...
Донъ Цезарь. Не понимаю.
Рюи Блазъ. Дай руку мнѣ. Ее я пожимаю
Какъ нѣкогда, въ счастливые года,
Когда нужда казалась не сурова,
Когда я днемъ безъ пищи былъ и крова
А ночью мерзнулъ иногда...
Тѣ дни прошли, какъ и моя свобода...
Похожія, какъ братья, межъ собой,
Какъ дѣти одного народа,
Мы были веселы. Хранимые судьбой,
Съ утра мы громко пѣсни распѣвали,
А ночь придетъ—подъ звѣзднымъ небомъ спали.
Тогда мы все дѣлили пополамъ,
Но суждено разстаться было намъ.
Прошло четыре года... Другъ Зафари!
Ты тотъ же все, свободный, какъ цыганъ,
Своей сумой довольный пролетарій,
Безпечный, какъ ребенокъ.... Я же?.. братъ, былъ данъ
Мнѣ жребій очень горькій въ наказанье.
Я сирота. Меня изъ состраданья
Призрѣли въ высшемъ свѣтѣ; воспитанье
Учило не работать, а мечтать.
Ты зналъ меня. Умѣлъ я возсылать
Лишь къ небесамъ безплодныя моленья
И не смущалъ меня твой ѣдкій смѣхъ.
Въ моей душѣ росъ честолюбья грѣхъ

И къ цѣли непонятной, въ ослѣпленьи
Стремился я. Мнѣ былъ противенъ трудъ.
Съ нелѣпыми мечтами, въ праздной лѣни,
Вблизи дворцовъ, на мраморной ступени
Просиживалъ не мало я минутъ,
И на графинь блестящихъ любовался...
Однажды я отъ голода упалъ
На мостовую,—руку поднималъ
И коркой хлѣба брошенной питался...
Позорнѣй наказанья въ жизни нѣтъ...
Я, вѣруя въ свой геній, въ двадцать лѣтъ
Шелъ босикомъ въ народъ съ надеждою прекрасной
Узнать людей,—была мнѣ дорога
Судьба моей Испаніи несчастной....
И чтожь теперь? Ты видишь: я—слуга!..

Донъ Цезарь. Да, голодъ—это крошечная дверца,
И болѣе великимъ будетъ тотъ,
Кто передъ ней согнется и пройдетъ...
Повѣрь, я говорю тебѣ отъ сердца:
Есть въ счастіи приливъ свой и отливъ—
Не нынче—завтра будешь ты счастливъ.

Рюи Блазъ (качая головой).

Нѣтъ, я лакей маркиза де-Финласа.

Донъ Цезарь. И во дворцѣ живешь ты?

Рюи Блазъ. Нѣтъ и часа,
Какъ въ первый разъ явился я сюда.

Донъ Цезарь. Да?
А твой маркизъ живетъ здѣсь?

Рюи Блазъ. Постоянно:
Его ежеминутно по утру,
Зачѣмъ-то приглашаютъ ко двору,
Но внѣ дворца живетъ онъ очень странно:
Есть домъ одинъ, отсюда въ ста шагахъ,
Куда лишь по ночамъ съ ключомъ въ рукахъ

Является маркизъ секретнымъ ходомъ;
Съ нимъ входятъ люди въ маскахъ и плащахъ,
И съ этимъ неизвѣстнымъ мнѣ народомъ
Бесѣдуетъ онъ тихо въ заперти....
Меня въ томъ домѣ могъ бы ты найдти.
Нѣмыхъ два негра тамъ мнѣ помогаютъ;
Я властвую надъ ними, хоть не знаютъ
Они—кто я.

Донъ Цезарь. Глава алькадовъ, онъ
Сбираетъ тамъ шпіоновъ, вѣроятно.
Въ ихъ западню попасть не такъ пріятно...
Маркизъ Финласъ всесиленъ и уменъ.

Рюи Блазъ. Вчера онъ мнѣ сказалъ, чтобъ до разсвѣта
Сегодня я явился во дворецъ,
Чтобъ на меня была надѣта
Ливрея эта
И, видишь, я въ ливреѣ наконецъ:
Я въ первый разъ въ одеждѣ этой гнусной.

Донъ Цезарь (пожимая ему руку).
Надѣйся, другъ...

Рюи Блазъ. Совѣтъ довольно грустный.
Носить слуги пятнающій нарядъ,
Утратить радость, съ гордостью разстаться
И въ жалкомъ раболѣпствѣ пресмыкаться—
Нѣтъ болѣе обиды... Слушай, братъ.
Меня ливрея эта не пугаетъ,
Но огненная гидра мнѣ сжимаетъ
Измученное сердце, и испугъ
Узналъ бы ты, когда бъ постичь могъ вдругъ
Какой огонь внутри меня пылаетъ.

Донъ Цезарь. Какъ понимать тебя мнѣ, разскажи?

Рюи Блазъ. Изобрѣти, создай, предположи
Ужасное, неслыханное дѣло,
Безуміе безъ всякаго предѣла,—

Такую бездну вырой, чтобъ она
Была страшнѣй безумья, изступленья,
Черньѣе рокового преступленья,
И все же для тебя останется темна
Всего меня сжигающая тайна.
Ты угадалъ? Нѣтъ, даже и случайно
Разгадка невозможна... Брось свой взглядъ
Въ тотъ непроглядный омутъ, темный адъ,
Гдѣ я стою надъ пропастью ужасной:
Влюбленъ я—въ королеву....

Донъ Цезарь. О, несчастный!.

Рюи Блазъ. Подъ балдахиномъ царскимъ во дворцѣ,
Въ Аранжуэдѣ иль въ Эскуріалѣ
Есть человѣкъ: его встрѣчали
Мы не однажды съ трепетомъ въ лицѣ.
Всѣ равны передъ нимъ, какъ передъ Богомъ:
Онъ взглянетъ и предъ нимъ склоняется народъ,
Махнетъ рукой въ своемъ величьи строгомъ
И насъ съ тобой взведутъ на эшафотъ;
Капризъ его считается событьемъ...
Тотъ человѣкъ.... король!.. И я, одинъ изъ слугъ,
Его ревную... да...

Донъ Цезарь Безумецъ!..

Рюи Блазъ. Мнѣ ль не быть имъ,
Когда жену его люблю я...

Донъ Цезарь. Бѣдный другъ!..

Рюи Блазъ. Я каждый день слѣжу за ней... Бѣдняжка!..
Вся жизнь ея изъ горя соткана,
Ея страданья видѣть даже тяжко:
Ложь, ненависть сносить она должна,
Несчастная, забытая жена;—
Вездѣ, всегда одну ее найдете:
Король и дни и ночи—на охотѣ...
Глупецъ!.. Онъ въ тридцать лѣтъ ужь изнемогъ...
Его отецъ такъ хилъ былъ, что не могъ

Пергамента сдержать своей рукою.....
А королева такъ прекрасна, молода,
И ей ли жить съ развалиной такою?..
Она—послушай—ходитъ иногда
Въ тотъ монастырь—ты знаешь?—надъ горою
И ей.... Какъ я безуменъ, я не скрою...
Ей милъ одинъ голубенькій цвѣтокъ...
Его вездѣ искалъ я, сбился съ ногъ,
И отыскалъ лишь за пять верстъ отсюда
Одинъ уединенный уголокъ
Съ душистыми цвѣтами и—причуда
Моя дика—изъ нихъ букетъ я вью,
Въ паркъ королевскій ночью проскользаю,
И на ея любимую скамью
Букетъ цвѣтовъ тихонько опускаю.
Еще вчера я даже былъ такъ смѣлъ....
Мой другъ! меня несчастнѣй нѣтъ на свѣтѣ:
Свое письмо оставилъ ей въ букетѣ.
До той скамьи пробраться я умѣлъ
Чрезъ тынъ желѣзный каменной ограды,
И, можетъ быть, гвоздями той преграды
Когда нибудь я истерзаю грудь...
Дошло ли къ ней письмо мое съ букетомъ—
Не знаю я...

Донъ Цезарь. Но берегись при этомъ...
Да, чортъ возьми, есть отчего струхнуть.
Графъ д'Онате, какъ пажъ, въ нее влюбленный,
За королевою слѣдитъ, какъ мажордомъ.
Когда нибудь, при сумракѣ ночномъ,
Наемный стражъ въ засадѣ потаенной
Букетъ завѣтный пулей пригвоздитъ
Къ твоей груди... Кого же посѣтитъ
Мысль—въ королеву гордую влюбиться...
Скажи, какъ это все могло случиться?

Рюи Блазъ (горячо).

А почему я знаю!.. Сатанѣ
Готовъ продать я душу, чтобъ явиться
Въ числѣ вельможъ возможно было мнѣ.
Взгляни въ окно: они идутъ всѣ въ шляпахъ,
Ихъ взглядъ, походка самая горда...
О, я готовъ у дьявола быть въ лапахъ,
Чтобъ цѣпь свою отбросить навсегда
И какъ они, быть возлѣ королевы...
О, духи преисподней! гдѣ вы? гдѣ вы?
О, бѣшенство! На мнѣ ливрея!.. Хамъ,
Рабъ передъ ней!.. Ужаснѣй есть ли срамъ
И жребій больше жалкій и проклятый?..

(приближаясь къ донъ Цезарю).

Братъ, кажется, меня ты
Спросилъ зачѣмъ и какъ я полюбилъ.
Однажды.... Нѣтъ, разсказывать не въ силахъ:
Гдѣ? какъ? когда? вся кровь вскипаетъ въ жилахъ...
Вопросами всегда ты доводилъ
Меня до изступленія. Я знаю,
Что я люблю—и только...

Донъ Цезарь. Не сердись!..

Рюи Блазъ (блѣдный и изнеможенный опускается на кресло).

Я не сержусь, а только лишь страдаю...
Оставь меня, мой другъ, и не пекись
Объ участи несчастнаго, въ которомъ
Подъ этою одеждою съ позоромъ
Страсть короля скрывается...

Донъ Цезарь (кладя ему руку на плечо).

О, нѣтъ,
Тебя я не оставлю. Много лѣтъ
Я жилъ любви не зная и страданья;
Съ угаснимъ сердцемъ, счастія лишенъ,
Я въ этомъ мірѣ—книга безъ названья,
Гремушка, потерявшая свой звонъ,

Спектакля позабытаго афиша
И—видишь ли—измученный въ борьбѣ,
Я все жь теперь завидую тебѣ,
Хоть и скорблю, твое несчастье слыша...

(Минута молчанія. Они стоятъ нѣсколько времени, пожимая другъ другу руки и смотрятъ одинъ на другого съ выраженіемъ грусти и довѣрія.

Входитъ донъ Саллюстій медленными шагами, устремляя проницательный взглядъ на донъ Цезаря и Рюй Блаза, которые не видятъ его. Онъ держитъ въ одной рукѣ шляпу и шпагу, которыя кладетъ при входѣ своемъ, на кресло, а въ другой—кошелекъ, который подноситъ къ столу.)

Донъ Саллюстій (донъ Цезарю).

Вотъ деньги.

(При голосѣ донъ Саллюстія, Рюй Блазъ стоитъ внезапно пробужденный отъ сна, съ почтительнымъ видомъ опустивъ глаза.)

Донъ Цезарь (въ сторону, искоса поглядывая на донъ Саллюстія.)

Чортъ возьми! онъ слушалъ у дверей...
Что жь, пусть!.. (Громко дону Саллюстію.)
Благодарю!..

(Выбрасываетъ изъ кошелька дукаты на столъ и раскладываетъ по кучкамъ на бархатной салфеткѣ.

Пока онъ считаетъ деньги, донъ Саллюстій идетъ въ глубину сцены и, убѣдившись, что донъ Цезарь ничего не видитъ, онъ открываетъ маленькую дверь на право. По его знаку входятъ три алгвазила въ черной одеждѣ. Донъ Саллюстій таинственно указываетъ имъ на донъ Цезаря. Рюй Блазъ стоитъ у стола, какъ статуя, не видя и неслыша ничего.)

Донъ Саллюстій (тихо алгвазиламъ).

Послѣдуйте за нимъ и поскорѣй
Безъ всякаго насилія возьмите
И въ Денію не медля, въ тотъ же часъ,
На кораблѣ съ собою отвезите.

(Онъ даетъ имъ пергаментъ съ печатью).

Вотъ за моею подписью приказъ.
Какую бы не поднялъ онъ тревогу,

Должны его корсарамъ вы продать.
Вотъ—тысячу піястровъ... Ну, въ дорогу!...

(Алгвазилы съ поклономъ уходятъ).

Донъ Цезарь (оканчивая переборку своихъ дукатовъ).

О, деньги! въ васъ всей жизни благодать.
Вашъ звонъ въ карманѣ чистъ и благороденъ...

(Онъ раскладываетъ деньги на двѣ равныя части и говоритъ Рюи Блазу)

Вотъ часть твоя!

Рюи Блазъ. Моя?

Донъ Цезарь (указывая ему на одну золотую кучку).

Бери и будь свободенъ.

Донъ Саллюстій (въ сторону, въ глубинѣ театра.)

Вотъ какъ!...

Рюи Блазъ (отрицательно качая головою).

Для сердца гдѣ свободу я найду?
Не нужно, братъ. Я долженъ здѣсь остаться..

Донъ Цезарь. Какъ хочешь... Я ли правъ иль ты теперь въ бреду—
Мы въ будущемъ узнаемъ, можетъ статься.

(Собираетъ деньги въ кошелекъ и прячетъ его въ карманъ).

Донъ Саллюстій (въ сторону, въ глубинѣ сцены, продолжая наблюдать надъ ними).

Одно лицо, и видъ одинъ, какъ разъ...

Донъ Цезарь (Рюи Блазу)

Прощай же, братъ.

Рюи Блазъ. Дай руку.

(Пожимаютъ одинъ другому руку. Донъ Цезарь уходитъ, не видя въ сторонѣ донъ Саллюстія).

СЦЕНА IV.

Рюи Блазъ, Донъ Саллюстій.

Донъ Саллюстій. Рюи Блазъ!

Рюи Блазъ (быстро оборачиваясь).

Сеньоръ!

Донъ Саллюстій. Скажи, свѣтло ужь было,
Когда пришелъ ты утромъ въ этотъ залъ?

Рюи Блазъ. Нѣтъ, ваша свѣтлость. Молча показалъ
Я пропускъ вашъ у входа; пропустила
Меня тотчасъ же стража.

Донъ Саллюстій. И накрытъ
Плащемъ ты былъ?

Рюи Блазъ. Такъ точно...

Донъ Саллюстій. И въ одеждѣ
Слуги тебя никто не видѣлъ прежде?

Рюи Блазъ. Никто, хоть соберите весь Мадридъ.

Донъ Саллюстій (указывая на дверь, въ которую вышелъ донъ Цезарь).

Прекрасно... Эту дверь запри скорѣе,
Да сбрось кафтанъ, останься безъ ливреи...

(Рюи Блазъ сбрасываетъ съ себя ливрейный кафтанъ и кладетъ его на кресло).

Ты, кажется, красиво пишешь? Будь
Секретаремъ моимъ сегодня. Сядь за дѣло.

(Дѣлаетъ знакъ Рюи Блазу сѣсть къ столу съ письменными принадлежностями. Рюи Блазъ повинуется).

Любовнаго письма, во-первыхъ, не забудь,—
Я многое тебѣ открою смѣло,—
Письма къ прекрасной доньѣ Прахедисъ.
Она—мой демонъ чудный. Ну, садись;
Диктую я: „грозитъ мнѣ справа, слѣва
Ужасная опасность.... Королева

Моей любви и счастья, можетъ быть,
Вы можете ту бурю отвратить.
Сегодня же ко мнѣ явившись на домъ
И вашъ отказъ мнѣ будетъ смертнымъ ядомъ...
Мой умъ и жизнь позвольте положить
Къ ногамъ моей царицы несравненной!.."

(прерываетъ диктовку со смѣхомъ.)

Опасность! Вотъ пріемъ обыкновенный,
Чтобъ женщинъ на участіи поймать.
Изъ нихъ любая,—опытенъ я,—любитъ
Лишь только тѣхъ спасать,
Кто ихъ самихъ безславно губитъ.
Прибавь: „въ концѣ аллеи, ночью, въ дверь
Войдете вы, гдѣ будетъ дожидаться
Васъ вѣрный другъ..." Прекрасно!.. Такъ!.. Теперь
Ты подпишись...

Рюи Блазъ. Но какъ мнѣ подписаться?
Поставить ваше имя?

Донъ Саллюстій. Нѣтъ, не такъ.
Есть у меня другой условный знакъ:
Пиши ты просто—Цезарь.

Рюи Блазъ (исполнивъ приказаніе).

Ваша дама
По почерку васъ можетъ не узнать...

Донъ Саллюстій. Узнаетъ, увидавъ мою печать.
Диктую я нерѣдко письма прямо.
Отсюда вечеромъ я ѣду, Рюи Блазъ,
Здѣсь безъ меня ты долженъ оставаться:
Твоей судьбой я думаю заняться
И измѣню ее какъ разъ,
Когда ты будешь мнѣ повиноваться.
Въ тебѣ я вижу вѣрнаго слугу...

Рюи Блазъ (кланяясь).

Сеньоръ!...

Донъ Саллюстій. И для тебя полезнымъ быть могу.

Рюи Блазъ (указывая на записку, которую онъ написалъ).

Какой здѣсь адресъ долженъ написать я?

Донъ Саллюстій.

Самъ напишу я... (приближается къ Рюи Блазу съ значительнымъ видомъ.)

Слушай — хочешь счастья?

(Молчаніе. Онъ дѣлаетъ знакъ Рюи Блазу сѣсть снова къ столу.)

Садись, пиши: „я, Рюи Блазъ,
Слуга маркиза де Финлясъ
Даю обѣтъ и тайно и публично
Служить ему — отлично...“

(Рюи Блазъ повинуется.)

Теперь — число и имя... Дай сюда.

(Беретъ и прячетъ въ свой портфель бумагу, написанную Рюи Блазомъ.)

Недавно принесли мнѣ шпагу... Да.
Вотъ она на креслѣ...

(Беретъ шпагу и подходитъ къ нему.)

Посмотри ты
На перевязь, гдѣ золотомъ разшиты
По ткани шелковой цвѣты.
Взгляни-ка на эфесъ работы Джиля ты;
Какъ онъ искусно точитъ!
Онъ въ рукоятке шпаги на эфектъ
Устроитъ, ежели захочетъ,
Коробку для конфектъ.

(Надѣваетъ на Рюи Блаза перевязь, къ которой прикрѣплена шпага.)

Дай-на тебя примѣрить... Ты похожъ
На каждаго изъ записныхъ вельможъ.

(Прислушивается.)

Идутъ... Пора!... Здѣсь въ эту пору часто
Проходитъ королева... А, маркизъ дель Басто!

(Дверь въ глубинѣ галлереи отворяется. Донъ Саллюстій отстегиваетъ свой плащъ и быстро набрасываетъ его на плечи Рюи Блаза, въ ту минуту, когда показывается маркизъ дель Басто. Потомъ идетъ прямо къ маркизу, увлекая за собой изумленнаго Рюи Блаза.)

СЦЕНА V.

Донъ Салюстій, Рюи Блазъ, Донъ Памфильо д'Авалосъ, маркизъ дель Басто. Затѣмъ маркизъ де Санта Крузе. Потомъ графъ д'Алрба и всѣ придворные.

Донъ Саллюстій (маркизу дель Басто).

Маркизъ, позвольте мнѣ представить вамъ: мой братъ —
Донъ Цезарь, графъ Гарофы...

Рюи Блазъ (тихо).

Какъ?

Донъ Саллюстій (тихо).

Молчи!

Маркизъ дель Басто (кланяясь Рюи Блазу).

Я радъ,
Сеньоръ, въ восторгѣ видѣть васъ я..,

(Беретъ его руку, которую Рюи Блазъ подаетъ съ смущеніемъ),

Донъ Саллюстій (тихо Рюи Блазу).

Притворяйся
И кланяйся,—любезнымъ быть старайся.

(Рюи Блазъ кланяется маркизу).

Маркизъ дель Басто (Рюи Блазу).

Я вашу мать любилъ и уважалъ.

(Тихо донъ Саллюстію, указывая на Рюи Блаза).

Онъ очень измѣнился
И я его едва ли бы узналъ.

Донъ Саллюстій (тихо маркизу).

Онъ—шутка-ль?—десять лѣтъ здѣсь не бывалъ.

Маркизъ дель Басто (также).

Да, такъ!...

Донъ Саллюстій (хлопая по плечу Рюи Блаза).

Вотъ онъ и воротился!
Ахъ, блудный сынъ! Припомните, маркизъ,
Какъ у него пистоли-то лились.
Почти что каждый вечеръ шумный праздникъ
Балы у Аполонова пруда...
Дивился весь Мадридъ тогда,
Какъ денежки проматывалъ, проказникъ,
На праздники и танцы пышныхъ дѣвъ.
—Въ три года раззоренъ!—Вотъ настоящій левъ.
Изъ Индіи теперь онъ возвратился...
На кораблѣ...

Рюи Блазъ (въ сторону).

Сеньоръ!..

Донъ Саллюстій (весело).

Зовите просто—братъ.
Нашъ родъ не даромъ древностью гордился.
Одинъ нашъ предокъ Педро де Бассанъ
На Маріаннѣ Горъ одной женился,
А отъ нея родился донъ Хуанъ,
При королѣ Филлипѣ славный воинъ.
Тотъ донъ Хуанъ двухъ сыновей имѣлъ,
Оставившихъ намъ два герба въ удѣлъ,
И каждый гербъ, по чести, насъ достоинъ.
Меня зовутъ маркизомъ де Фипласъ,
За графа де Горофа знаютъ васъ,
Нашъ родъ одинъ,—кладу въ закладъ червонецъ,—

Я—португалецъ, вы же—арагонецъ,
Но въ знатности считаться намъ смѣшно...

Рюи Блазъ (въ сторону).

Куда же меня онъ тянетъ, правый Боже?

(Во время рѣчи донъ Саллюстія, маркизъ де Санта-Крузе, донъ Альваръ де-Бассанъ, старикъ съ сѣдыми усами и въ большомъ парикѣ, подошелъ къ нимъ.)

Маркизъ де Санта-Крузе. Вы говорили дѣльно и умно
И коль онъ вамъ cousin, то и cousin мнѣ тоже.

Донъ Саллюстій. Дѣйствительно, другъ другу мы—родня
И нужно помнить намъ о родственномъ союзѣ...
Сеньоръ донъ Санта-Крузе.

(Представляетъ ему Рюи Блаза.)

Донъ Цезарь!

Маркизъ Санта Крузе. И теперь вотъ смотритъ на меня,
Тотъ самый, что за мертваго считали?

Донъ Саллюстій. Онъ самъ.

Маркизъ Санта-Крузе. Пріѣхалъ онъ?

Донъ Саллюстій. Изъ Индіи...

Маркизъ Санта-Крузе. Не ждали!

Донъ Саллюстій. Ну, чтожь, маркизъ,—его теперь узнали?

Маркизъ Санта-Крузе. Еще бы нѣтъ,—его я крошкой зналъ,
Онъ на моихъ глазахъ почти родился...

Донъ Саллюстій (тихо Рюи Блазу).

По слѣпотѣ бѣднякъ тебя призналъ,
Чтобъ въ зрѣніи его никто не усомнился.

Маркизъ донъ Санта-Крузе (протягивая Рюи Блазу руку).

Позвольте вашу руку мнѣ...

Рюи Блазъ (кланяясь).

Сеньоръ...

Маркизъ Санта Крузе (тихо донъ Саллюстію, указывая на Рюи Блаза).

Да, это онъ!... И тотъ же самый взоръ!...

(Рюи Блазу.) Радъ видѣть васъ...

Донъ Саллюстій (тихо маркизу отведя его въ сторону).

Плачу его долги я.
А вы услуги сдѣлайте другія:
Его пристройте, или къ королю,
Иль къ королевѣ... Это въ вашей власти.

Маркизъ донъ Санта-Крузе (тихо).

Хвалю его, хвалю!...
Подумаю объ этомъ... Вѣдь отчасти
Онъ мнѣ сродни...

Донъ Салюстій (тихо).

Я знаю, вы сильны,
Вы главный членъ кастильскаго совѣта
И Цезаря въ защиту взять должны.

(Оставляетъ маркиза и подходитъ къ другимъ придворнымъ, которымъ представляетъ Рюи Блаза. Между ними графъ Альба, великолѣпно одѣтый.)

Донъ Саллюстій (представляя имъ Рюи Блаза).

Ждетъ, господа, здѣсь вашего привѣта
Мой родственникъ, Донъ Цезарь...

(Всѣ размѣниваются церемоннымъ поклономъ съ Рюи Блазомъ.)

Донъ Саллюстій (графу Рибагорцо).

Графъ, вчера
Вы Линдамиру видѣли въ балетѣ?
Танцовщица едва-ль есть лучше въ свѣтѣ...

(любуясь кафтаномъ графа Альбы).

Прелестно, графъ!... Какъ много серебра!...

Графъ Альба. О, прежній мой кафтанъ вы не видали!...
Онъ розовымъ атласомъ былъ покрытъ
И золотыми лентами обшитъ,
Но у меня его мошенники украли...

Гофмейстеръ (въ глубинѣ театра).

Выходитъ королева! По мѣстамъ!

(Большая занавѣсъ стеклянной галлереи поднимается. Придворные становятся возлѣ дверей, стража выстраивается въ рядъ. Рюи Блазъ, задыхающійся, внѣ себя, отходитъ на передній планъ сцены, какъ бы отыскивая убѣжища. Донъ Саллюстій слѣдуетъ за нимъ).

Донъ Саллюстій (тихо Рюи Блазу).

Ужели, въ самомъ дѣлѣ,
Когда тебя ведутъ къ высокой цѣли —
Робѣешь ты и отступаешь самъ?
Очнись же, Рюи Блазъ. Мадридъ я оставляю
И въ домикѣ, гдѣ ты живешь одинъ,
Теперь ты полновластный господинъ:
Его и двухъ нѣмыхъ тебѣ вѣряю.
Будь вѣренъ мнѣ, а прочее все вздоръ,.
Лезь въ гору ты, забывъ, что есть преграда:
Ужь такъ устроенъ этотъ дворъ,
Что ощупью бродить въ немъ только надо.
Не бойся!...

Гофмейстеръ (громогласно).

Королева!..

Рюи Блазъ (въ сторону).

Что со мною?..

(Королева, вѣликолѣпно одѣтая, показывается, окруженная своими дамами и пажами, подъ алымъ бархатнымъ балдахиномъ, который несутъ четыре камергера съ непокрытою головою. Рюи-Блазъ, какъ подавленный блестящимъ видѣніемъ, растерявшись смотритъ на королеву. Всѣ гранды испанскіе: дель Басто, Альба, Санта-Крузе, донъ-Саллюстій надѣваютъ шляпы. Донъ Саллюстій быстро подходитъ къ креслу и беретъ съ него шляпу, которую приноситъ Рюи Блазу).

Донъ Саллюстій (Рюи-Блазу, надѣвая ему шляпу на голову).

Васъ
Испанскимъ грандомъ, Цезарь, называютъ,

А гранды шляпъ предъ тропомъ не снимаютъ...

Рюи Блазъ (внѣ себя, тихо донъ Саллюстію).

Какой же будетъ вашъ теперь приказъ?

Донъ Саллюстій (показывая ему на королеву, которая медленно проходитъ по галлереѣ).

Любви вотъ этой женщины добиться
И при дворѣ ея любовникомъ явиться.

ДѢЙСТВІЕ II.

Королева испанская.

(Зала, смежная съ спальнею королевы. На-лѣво маленькая дверь, ведущая въ эту комнату; на-право въ срѣзанномъ углу стѣны другая дверь въ пріемные аппартаменты. Въ глубинѣ огромныя открытыя окна. Прекрасный лѣтній день; время послѣ полудня. Большой столъ. Кресло. У стѣны стоячая фигура святой Мадонны въ богатой ракѣ; подъ нею подпись: Santa Maria Esclavo. На-противоположной сторонѣ Мадонна, передъ которой теплится золотая лампада. Возлѣ Мадонны портретъ во весь ростъ короля Карла II.

При поднятіи занавѣса, королева донья Марія Нейбургъ сидитъ въ углу, возлѣ одной изъ своихъ дамъ—молодой и хорошенькой дѣвушки. На королевѣ бѣлое платье изъ серебрянаго глазета. Она вышиваетъ и разговаривая иногда оставляетъ работу. Въ противоположномъ углу сидитъ на стулѣ со спинкою донья Хуана Куэва, герцогиня Альбукеркская, гофмейстерина (camerega-mayor) съ вышиваньемъ въ рукахъ; она старуха, въ черномъ. Около нея, у стола, нѣсколько дамъ, занятыхъ женскими работами. Въ глубинѣ залы находится донъ Гуританъ, графъ Оньято, гофмейстеръ, высокій, худощавый съ сѣдыми усами, человѣкъ лѣтъ пятидесяти пяти; наружность стараго служаки, хотя онъ одѣтъ съ преувеличенной изысканностью и даже самая обувь его украшена лентами).

СЦЕНА I.

Королева, герцогиня Альбукеркская, донъ Гуританъ, Казильда, дуэньи.

Королева. Казалось бы конецъ для огорченій:
Уѣхалъ онъ,—а я не весела...

Маркизъ Финлясъ,—о это мой злой геній;
Меня онъ ненавидитъ...

Казильда. Но была
Исполнена буквально ваша воля:
Онъ сосланъ,—такъ чего же болѣ?

Королева. Меня онъ ненавидитъ страшно...

Казильда. Но...

Королева. Тебѣ понять все это мудрено,
Но для меня, Казильда, онъ—злой демонъ...
Онъ долженъ былъ уѣхать, но предъ тѣмъ онъ,
Въ обычный часъ пріемнаго утра,
Передо мной, какъ прочіе, явился...
Не весела была я, но бодра...
Передо мной придворный штатъ тѣснился,
Мнѣ грандъ за грандомъ руку цѣловалъ,
Но вдругъ мой взглядъ мгновенно помутился:
Ужасный человѣкъ вблизи меня стоялъ.
Я никого ужь больше не видала,
Я видѣла, что онъ ко мнѣ идетъ,
Играя рукояткою кинжала,
Что взоръ его меня, какъ пламя жжетъ...
Согнулся онъ, какъ гадъ, и въ то мгновенье
Почувствовала я прикосновенье
Его змѣиныхъ губъ къ рукѣ моей...

Казильда. Такъ чтожь!..
Онъ отдавалъ, какъ всѣ мы, долгъ почтенья.

Королева. Но поцѣлуй его на прочихъ не похожъ.
Съ тѣхъ поръ ни въ чемъ я не найду забвенья.
И безъ того, страдаю много я,
Но этой муки адская змѣя
И въ самыхъ снахъ меня не оставляетъ,
И въ снахъ моихъ меня терзаетъ
Тотъ демонъ лобызающій. Во снѣ
Взглядъ ненависти чувствуется мнѣ,
Какъ черный ядъ проходитъ въ кровь и жилы

И сердце, какъ отъ холода могилы,
Сжимается и мерзнетъ... Что же ты
На это скажешь мнѣ, Казильда?

Казильда. Все мечты,
Одни пустые призраки, сеньера...

Королева. Да, точно, есть заботы поважнѣй... (Въ сторону).
Что мучаетъ меня всего больнѣй,
Того я имъ не выдамъ для укора. (Казильдѣ)
А давишніе нищіе—взгляни,
Пожалуйста,—ушли уже?

Казильда (подходя къ окну).
Они
Еще на площади стоятъ...

Королева. Въ окошко
Брось имъ мой кошелекъ...

(Казильда беретъ кошелекъ и бросаетъ его въ окно).

Казильда. Сеньера, хоть немножко
Великодушны будьте и къ другимъ...
Я объ одномъ теперь просить васъ стану:

(Указывая королевѣ на донъ Гуритана, который безмолвно стоитъ въ глубинѣ залы, устремивъ на королеву взглядъ полный нѣмого обожанія).

Ну, бросьте, что нибудь донъ Гуритану,
Словечкомъ подарите... хоть однимъ!...
Поймите, какъ страдаетъ старый воинъ:
Онъ по уши влюбленъ, хоть и спокоенъ.

Королева. Онъ чрезвычайно только скучноватъ.

Казильда. Но вашему онъ слову будетъ радъ.

Королева (поворачиваясь къ донъ-Гуритану).
Графъ, съ добрымъ утромъ!...

(Донъ Гуританъ приближается съ тремя поклонами и цѣлуетъ со вздохомъ руку королевы, которая остается равнодушною и разсѣянною. Потомъ онъ отходитъ на свое прежнее мѣсто, возлѣ стула гофмейстерины).

Донъ-Гуританъ (тихо Казильдѣ).

Какъ прекрасна
Сегодня королева!...

Казильда (глядя на него, когда онъ удаляется).

Бѣдный нашъ аистъ!
Его судьба по истинѣ злосчастна,
А подвигъ безкорыстно чистъ:
Стоитъ весь день надъ рѣчкой въ ожиданьи
И если въ ней поймаетъ, носъ уткнувъ,
Словечко: „съ добрымъ утромъ“, „до свиданья“,
Онъ съ радостью подниметъ птичій клювъ.

Королева (съ печальной улыбкой.)

Ну, замолчи!

Казильда. При васъ онъ воскресаетъ
И всѣ бѣды на свѣтѣ забываетъ.

(Любуясь ящикомъ, стоящимъ на маленькомъ столикѣ).

Вотъ чудный ящикъ!

Королева (подавая ей ключъ)

Отопри.
Положены—увидишь ты—внутри
Реликвіи священныя. Мнѣ надо
Къ отцу ихъ въ Нейбургъ отослать...

(Задумывается на минуту, но быстро поднимаетъ голову какъ бы желая освободиться отъ тайной мысли. Говоритъ въ сторону).

Нѣтъ, не хочу я думать!... Я бы рада
Мысль эту неотвязную прогнать... (Казильдѣ)
Хоть принеси мнѣ книгу почитать...
Но я глупа!.. Здѣсь нѣтъ нѣмецкой книги:
Все по-испански здѣсь—и книги, и интриги...
Со мной почти невидится король:
Въ полгода я его и двухъ недѣль не знала...
Что за тоска!...

Казильда. Охота жъ вамъ пришла,
Взять на себя его супруги роль!...

(Королева снова задумывается и вдругъ порывисто, какъ бы съ усиліемъ выходитъ изъ задумчивости).

Королева. Сію минуту я желаю прогуляться!...

(При этихъ словахъ, сказанныхъ королевою повелительно, герцогиня Альбукеркская, сидѣвшая до тѣхъ поръ неподвижно, поднимаетъ голову, встаетъ и дѣлаетъ глубокій реверансъ королевѣ).

Герцогиня (отрывистымъ и рѣзкимъ голосомъ).

Порядокъ есть: предъ королевой дверь
Должна однимъ изъ грандовъ отворяться,
А гранды во дворцѣ не могутъ быть теперь.

Королева. Такъ это значитъ здѣсь я въ заключеньи?
Хотятъ, чтобъ я совсѣмъ сошла съ ума?

Герцогиня (съ новымъ поклономъ).

Я только исполняю здѣсь сама
Обязанность свою и назначенье... (снова садится).

Королева (схвативъ обѣими руками голову съ отчаяніемъ, въ сторону).

Что жь дѣлать мнѣ?... Ужель опять мечтать?
О, нѣтъ!... (громко дамамъ). Сюда, ко мнѣ проворно!...
Поставьте столъ, начнемъ въ ландскнехтъ играть!...

Герцогиня (дамамъ).

Сидите по мѣстамъ!...

(Вставая и кланяясь королевѣ).

Обычай нашъ придворный
Ея величеству напомнить я должна,
Что можетъ съ королями лишь она,
Иль съ близкой королевскою роднею
Играть и развлекаться...

Королева (запальчиво).

Если такъ,
Зовите же играть ее со мною!...

Казильда (тихо, смотря на герцогиню).

Дуэнья старая!...

Герцогиня (поднимая глаза къ небу).

Богъ милостивъ и благъ,
Но королю,—извѣстно вамъ прекрасно —
Не пожелалъ родни онъ даровать...
Скончалась королева-мать,
И нашъ король одинъ теперь...

Королева. Согласна.
Пускай теперь мнѣ завтракъ подадутъ.

Казильда. Забавнаго не мало встрѣтишь тутъ.

Королева. Казильда на него тебя я приглашаю.

Казильда (тихо, смотря на герцогиню)

Прабабушка!

Герцогиня (съ поклономъ).

Я васъ предупреждаю,
Что королева кушаетъ одна,
Когда король въ отлучкѣ...

Королева (выведенная изъ себя).

Боже! Боже!
И я терпѣть насиліе должна!..
Свободно не могу желать я—и чего же?
Свободно ѣсть, играть и выходить...
Какъ тяжело корону такъ носить!...

Казильда (тихо, смотря съ сожалѣніемъ на королеву).

О бѣдная! Вся жизнь ея въ стѣсненьи
Средь этого надутаго двора,
Гдѣ у нея одно лишь развлеченье—
Смотрѣть какъ и сегодня, и вчера,
Передъ болотомъ сонным, на дорожкѣ—

(Взглядывая на донъ Гуритана, все неподвижно стоящаго въ глубинѣ залы).

Стоитъ влюбленный графъ на тонкой ножкѣ.

Королева (Казильдѣ).

Что жь дѣлать намъ? Придумай ты!

Казильда. Ахъ, вотъ!

Вѣдь вамъ король всю власть передаетъ,
Когда онъ уѣзжаетъ,—и прекрасно!
Отъ скуки прикажите вы призвать
Министровъ всѣхъ...

Королева. Ну, весело ужасно.

Морщины на восьми фигурахъ ихъ считать,
Выслушивать о Римѣ разсужденья,
О Франціи съ усталымъ королемъ,
О Бургосѣ, гдѣ съ шумнымъ торжествомъ
Эрцгерцога несутъ изображенье
Подъ пышнымъ балдахиномъ изъ парчи...
Нѣтъ, развлеченье лучше пріищи...

Казильда. Но если такъ, нѣтъ лучше развлеченья:
Съ хорошенькимъ придворнымъ разговоръ.

Королева. Казильда!

Казильда. Это искреннее мнѣнье.
Мнѣ надоѣлъ вашъ мрачный, старый дворъ.
Мнѣ кажется, что старость заражаетъ:
Самъ станешь старъ, смотря на стариковъ.

Королева. Шалунья, смѣйся!... Время надѣваетъ
На наше сердце множество оковъ.
И словно греза, счастье изчезаетъ. (Задумчиво).
Люблю я въ паркѣ темный уголокъ,
Куда одна ходить имѣю право.

Казильда. Великое удобство и забава!
Паркъ за стѣной, угрюмый, какъ острогъ,
Гдѣ за любою статуей засада...

Королева. О, иногда бъ была я очень рада
Свободно уходить отсюда...

Казильда. Да?
Желаете? Такъ слушайтесь совѣта.

Въ одной тюрьмѣ, безъ воздуха и свѣта,
Придумать только можно иногда
Возможность отъ тюрьмы освободиться.
Хотите? я могу того добиться
И ночью въ городъ васъ я проведу...

Королева. О, нѣтъ! Молчи! Накличешь ты бѣду.

Казильда. А это бы возможно очень было.

Королева. Молчи!

(Она немного отдаляется отъ Казильды и снова впадаетъ въ задумчивость).

Зачѣмъ я здѣсь должна страдать,
Гдѣ чуждо все, гдѣ все мнѣ опостыло?
Зачѣмъ я не могу перенестись опять
Въ Германію, къ роднымъ моимъ!... Бывало
Тамъ по полямъ я бѣгала съ сестрой,
Съ крестьянами вечернею порой
Встрѣчалась и болтала...
Какъ хорошо прожить такъ цѣлый вѣкъ!...
Однажды вдругъ явился предо мною
Весь въ черное одѣтый человѣкъ
И мнѣ сказалъ: „Вы будете женою,
Женою короля испанскаго!“ Отецъ
Былъ радъ, мать плакала объ этомъ чрезвычайно.
Теперь же оба плачутъ наконецъ...
Желаю я вотъ этотъ ящикъ тайно
Послать къ отцу,—онъ будетъ радъ ему.
Пойми же ты, Казильда, почему
Становится не милъ мнѣ этотъ свѣтъ.
Моихъ германскихъ птичекъ больше нѣтъ,

(Казильда, искоса смотря на герцогиню, дѣлаетъ знакъ, какъ бы свертывая голову птицамъ.)

Мнѣ не даютъ цвѣтовъ моей отчизны,
Хочу любви, а слышу укоризны,
Мое чело корона обвила,
Но не свободна я, какъ нѣкогда была.

Ты права, здѣшній паркъ глядитъ уныло,
Свободный путь стѣна въ немъ заградила.
Что за тоска!..

(Слышенъ звукъ отдаленной пѣсни.)

Чу! кажется, поютъ?

Казильда. Крестьянки съ пѣньемъ по полю идутъ.

(Пѣніе приближается. Королева жадно прислушивается.)

Голоса за сценой.

Пѣвицы лѣсной щебетанье
Зачѣмъ тебѣ слушать въ тоскѣ?
Вѣдь самую нѣжную птичку
Мы слышимъ въ твоемъ голоскѣ.

* * *

Пусть меркнетъ иль снова зажжется
Сіянье свѣтилъ въ небесахъ,
Находимъ мы яркія звѣзды
Въ твоихъ вѣчно ясныхъ глазахъ.

* * *

Пусть лѣтомъ цвѣтовъ ароматы
Разноситъ кругомъ вѣтерокъ,
Твое непорочное сердце
Есть самый душистый цвѣтокъ.

* * *

Та самая чудная птичка
И звѣзды полдневныя глазъ
И сердца цвѣтокъ ароматный
Зовется любовью у насъ.

(Голоса постепенно стихаютъ и удаляются.)

Королева. (задумчиво.)

Любовь!.. Счастливыя! Ихъ голоса, ихъ пѣнье
Мнѣ принесли и боль, и облегченье...

Герцогиня (дамамъ).

Велите этихъ женщинъ отогнать,
Чтобъ королевѣ пѣньемъ не мѣшали.

Королева (съ живостью.)

Къ чему, когда ихъ вовсе не слыхать!
Я не хочу, чтобъ ихъ, бѣдняжекъ, гнали.

(Казильдѣ, указывая на одно изъ оконъ въ глуби нѣ залы.)

Здѣсь лѣсъ не густъ и въ полѣ безъ труда
Мы разглядѣть ихъ можемъ безподобно.

(Она идетъ съ Казильдой къ окну).

Герцогиня (вставая, кланяется.)

Испанской королевѣ неудобно
Смотрѣть въ окно...

Королева (останавливается и возвращается назадъ).

Я позабыла... Да!
Сіянью солнца, пѣснѣ отдаленной,
Пылинкамъ золотистымъ на пути,
Травѣ полей, росою упоенной—
Должна я говорить теперь: „прости!“
Не смѣю любоваться я природой
И даже наконецъ—чужой свободой.

Герцогиня (дѣлая знакъ присутствующимъ удалиться).

Сегодня день святыхъ апостоловъ. Пора
Вамъ уходить: таковъ уставъ двора..

(Казильда дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ дверямъ. Королева ее останавливаетъ.)

Королева. Какъ, ты идешь?

Казильда (указывая на герцогиню).

Велятъ намъ удалиться.

Герцогиня (кланяясь королевѣ до земли).

Ея величеству часъ наступилъ молиться...

(Всѣ уходятъ съ глубокими поклонами.)

СЦЕНА II.

Королева (одна).

Молиться! Нѣтъ, молиться не могу...
Отъ тайныхъ думъ куда я убѣгу?
Одна!... Забыта всѣми разомъ...
Теряется во тьмѣ мой бѣдный разумъ.

(Задумываясь.)

Но, слѣдъ кровавыхъ пальцевъ на стѣнѣ!..
Такъ значитъ онъ былъ раненъ?.. Боже, Боже!..
И чрезъ такую стѣну для чего же
Перелѣзать? Чтобъ принести лишь мнѣ
Моихъ цвѣтовъ любимыхъ!.. Мнѣ понятно:
Желѣзныхъ спицъ не видно... ночь и мгла...
Онъ раненъ былъ, вотъ отчего тамъ пятна
И кружева обрывки я нашла...
Нѣтъ, съ каплей крови этой драгоцѣнной
Сравнить свои страданья я боюсь.

(Углубляясь въ свою мысль.)

О, каждый разъ, когда я тороплюсь
Къ скамейкѣ той уединенной,
Я всякій разъ себѣ сама клянусь,
Что для цвѣтовъ ходить туда не буду
И очень скоро клятву позабуду.
— Но онъ, но онъ! Три дня онъ не былъ тамъ...
— Онъ раненъ!.. да!.. О другъ мой неизвѣстный,
Ты, кравшійся по парку по ночамъ
Лишь для того, чтобы цвѣтокъ прелестный
Испанской королевѣ подарить,
Ты, скромно такъ умѣющій любить
И жизнью рисковать безъ сожалѣнья

И слѣдовать за мною какъ видѣнье—
Пусть матери твоей хранитъ тебя любовь,
А отъ меня пріими мое благословенье!..

(съ живостью кладя руку на сердце.)

Его письмо жжетъ грудь мою и кровь!...

(снова задумывается.)

А этотъ Донъ Саллюстій безпощадный!..
Судьбы я не пойму умомъ своимъ.
Со мною идутъ вмѣстѣ: серефимъ
И страшный призракъ, бѣшеный и жадный.
Не видя ихъ, я чувствую во мглѣ,
Что слѣдуютъ со мною всюду оба:
Одинъ—съ любовью чистой на челѣ,
Другой—неумолимый, точно злоба.
Куда они ведутъ меня?—Богъ вѣсть,
Чѣмъ кончится все это?—Я не знаю...
Межъ двухъ вѣтровъ я плавать начинаю
Но будущей судьбы мнѣ не прочесть...
Какъ ты ничтожна доля королевы!..

(Преклоняетъ колѣна передъ Мадонной.)

Я помощи прошу у Чистой Дѣвы,
Не смѣя на Владычицу взглянуть...

(Останавливается.)

Огонь не можетъ сильно жечь такъ грудь,
Какъ эти кружева съ письмомъ его, цвѣтами...

(Выхватываетъ изъ-подъ лифа измятое письмо, букетъ мелкихъ полевыхъ голубыхъ цвѣтовъ, кусокъ кружевъ, запятнанный кровью и бросаетъ все на столъ, а сама вновь падаетъ на колѣни.)

Владычица, царица надъ сердцами!
Спаси меня!

(Останавливается.)

Письмо его!.. Оно

(Оборачиваясь на половину къ столу.)

Меня влечетъ непобѣдимой властью,

(Опускаясь снова на колѣни.)

Но я его читать не стану... все равно!
Мать кротости! Предъ роковой напастью
Въ день скорби ты утѣшить можешь насъ!
Прійди ко мнѣ!..

(Встаетъ, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ столу, останавливается и наконецъ кидается на письмо, какъ бы уступая неотразимому влеченью.)

Въ послѣдній разъ
Прочту его и разорвать рѣшаюсь...

(Съ грустной улыбкой.)

Такъ цѣлый мѣсяцъ сдѣлать я сбираюсь...

(Съ рѣшимостью развертываетъ письмо и читаетъ.)

„У вашихъ ногъ, невидимый сквозь мракъ,
„Лежитъ безумецъ васъ боготворящій,
„Влюбившійся въ звѣзду простой червякъ,
„Внизу на все готовый и дрожащій
„Когда вверху звѣзда его блеститъ..."

(Кладетъ письмо на столъ.)

Когда всю душу жаждою палитъ,
Ей нужно хоть бы ядомъ утолиться.

(Снова кладетъ кружева и письмо къ себѣ на грудь.)

Мнѣ въ мірѣ не съ кѣмъ чувствомъ подѣлиться,
А сердце чувства требуетъ, моля...
О, какъ бы я любила короля!..
Но онъ меня забылъ безъ сожалѣнья.

(Большая дверь отворяется на обѣ половинки. Входитъ одинъ изъ гофмейстеровъ въ парадной одеждѣ.)

Гофмейстеръ (громко.)

Письмо отъ короля!..

Королева (какъ бы пробужденная отъ сна, съ радостнымъ крикомъ.)

О, вотъ мое спасенье!..

СЦЕНА III.

Королева, Герцогиня Альбукеркская, Казильда, Донъ Гуританъ, дамы королевы, пажи, Рюи Блазъ.

(Всѣ входятъ торжественно. Впереди герцогиня, потомъ дамы. Рюи Блазъ остается въ глубинѣ залы. Онъ великолѣпно одѣтъ, плащъ его ниспадаетъ на лѣвую руку, такъ что закрываетъ ее. Два пажа несутъ на золотой глазетовой подушкѣ письмо короля; они опускаются на колѣна предъ королевой, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея.)

Рюи Блазъ (тихо въ глубинѣ залы).

Гдѣ я?... Какъ хороша она!..

Королева (тихо).

Мнѣ помогаетъ Богъ!..
Не даромъ я ждала его, горюя...
Скорѣй письмо!.. (Обращаясь къ портрету короля.)
Король! благодарю я!.. (Герцогинѣ.)
Откуда же письмо послать онъ могъ?

Герцогиня. Король въ Аранжуэцѣ на охотѣ,
Оттуда и письмо свое прислалъ...

Королева. Благодарю его. Онъ вѣрно угадалъ,
Что я нуждаюсь въ немъ, въ его заботѣ.
Давайте же письмо!..

Герцогиня (съ поклономъ, указывая на письмо).

У насъ обычай есть:
Должна сперва всѣ письма я прочесть...

Королева. Читайте же!.. О, что за наказанье!..

Казильда (тихо).

Послушаемъ любовное посланье!..

Герцогиня (читаетъ).

„Ужасный вѣтръ; убилъ я шесть волковъ".

И подпись: „Карлосъ."

Королева (тихо).

Только?

Донъ Гуританъ (Герцогинѣ).

Больше нѣтъ ни слова?

Герцогиня. Ни слова, графъ!

Казильда (тихо).

Скажите же, каковъ!...

Какъ интересно всѣмъ: убилъ онъ шесть волковъ!

Пусть ваше сердце нѣжно, пылко, но готово

Оно упасть мгновенно съ облаковъ:

„У-б-и-л-ъ п-о-л-д-ю-ж-и-н-у в-о-л-к-о-в-ъ!..."

Герцогиня (предлагая королевѣ письмо).

Когда ея величество прикажетъ?..

Королева. Не нужно мнѣ.

Казильда (Герцогинѣ).

И все тутъ?

Герцогиня. До конца.

Да и о чемъ же болѣе онъ скажетъ

Съ охоты королевской чрезъ гонца?

Онъ пишетъ, что убилъ и какова погода.

Какого жь ждать письма другого рода?..

(Вновь разсматривая письмо.)

Король письмо однако диктовалъ..

Королева (вырывая у нея письмо и тоже его разсматриваетъ).

Дѣйствительно, письмо не онъ писалъ.

(Приходитъ въ изумленье, разсматривая письмо.)

Что это? Чувствъ обманъ иль ослѣпленье?..

Вѣдь тажь рука, что и въ моемъ письмѣ...

(Кладя руку на грудь, гдѣ спрятано письмо).

Какъ мнѣ понять?.. Блуждаю, какъ во тьмѣ...

(Герцогинѣ.)

Кто жъ короля исполнилъ порученье?

Герцогиня (указывая на Рюи Блаза).

Онъ здѣсь.

Королева (полуоборачиваясь къ Рюи Блазу).

Вотъ этотъ молодой придворный?

Герцогиня. Да;
Онъ новый камеръ-юнкеръ королевы.
Его еще не видѣли нигдѣ вы,
И при дворѣ онъ не былъ никогда.

Королева. Зовутъ его?

Герцогиня. Донъ Цезаремъ Бассаномъ.
Всѣ говорятъ, что можетъ Цезарь быть
Блистательнымъ примѣромъ всѣмъ дворянамъ.

Королева. Я съ нимъ сама желаю говорить...

(Рюи Блазу.)

Сеньоръ....

Рюи Блазъ (тихо, вздрагивая).

Со мною говоритъ она, Создатель!..
Я весь дрожу...

Герцогиня (Рюи Блазу).

Приближьтесь, графъ, сюда..

Донъ Гуританъ (смотря искоса на Рюи Блаза, тихо).

Онъ—камеръ-юнкеръ. Гмъ!.. такой пріятель
Не могъ входить въ разсчетъ мой никогда.

(Рюи Блазъ блѣдный и смущенный медленно приближается).

Королева (Рюи Блазу).

Отъ короля теперь вы прямо?

Рюи Блазъ (съ поклономъ).

Да, сеньора.

Королева. Король здоровъ?

(Рюи Блазъ кланяется. Она указываетъ на королевское письмо).

Не самъ онъ мнѣ писалъ?

Рюи Блазъ. Онъ былъ тогда верхомъ и очень скоро
Вотъ это самое письмо продиктовалъ....

(Останавливается на мгновеніе).

Придворному изъ свиты близь стоящей.

Королева (тихо, смотря на Рюи Блаза).

Меня смущаетъ взглядъ его блестящій..
Кто именно писалъ, скрываетъ онъ...
А какъ спросить?

(Громко).

Ну, хорошо, идите.
Постойте...

(Рюи-Блазъ, сдѣлавши нѣсколько шаговъ, чтобъ выдти, возвращается къ королевѣ).

Изъ вельможъ кто состоитъ при свитѣ?

(Тихо).

Чего жъ волнуюсь я?

Рюи Блазъ. Незнаю ихъ именъ.
Всего три дня я нахожусь въ Мадритѣ.

Королева (тихо).

Три дня!

(Она устремляетъ на Рюи Блаза тревожный взглядъ).

Рюи Блазъ (тихо).

Забыть ли мнѣ: она жена другого!
— И чья жена?... Душа моя кипитъ...

Донъ Гуританъ (подходя къ Рюи Блазу).

Вы камеръ-юнкеръ королевы? Одно слово.
По должности вамъ нынче предстоитъ
Всю ночь въ сосѣдней комнатѣ остаться:
Въ покои королевы, можетъ быть,
Придется короля вамъ проводить

Рюи Блазъ (вздрагивая, тихо).

Мнѣ,—королю дверь въ спальню отворить?

(Громко).

Но короля здѣсь нѣтъ....

Донъ Гуританъ. А можетъ статься.

Онъ неожиданно пріѣдетъ...

Рюи Блазъ (тихо).

Какъ!..

Донъ Гуританъ (тихо, наблюдая за Рюи Блазомъ).

Что съ нимъ?

Потерянный стоитъ... Ну, поглядимъ!..

Королева (которая слышала все и не сводила глазъ съ Рюи Блаза).

Блѣднѣетъ онъ...

(Рюи Блазъ шатаясь, опирается на ручку кресла).

Казильда (королевѣ).

Съ нимъ дурно!..

Рюи Блазъ (едва держась на ногахъ).

Нѣтъ.... не много....

Блескъ солнца... воздухъ... длинная дорога...

(Тихо).

Чтобъ короля я въ спальню ввелъ!...

(Онъ падаетъ въ изнеможеніи на кресло. Плащъ его спускается и открываетъ его лѣвую руку, завернутую окровавленнымъ платкомъ).

Казильда. Мой Богъ!

Онъ раненъ, королева...

Королева. Раненъ!

Казильда. Безъ движенья,

Лишился чувствъ... Ахъ, кто бъ ему помогъ!..

Скорѣе что нибудь для облегченья...

Королева. Возьми со спиртомъ мой флаконъ.

(Взглядъ ея падаетъ на манжетку правой руки Рюи Блаза):

И тѣ же кружева на немъ!..

(Въ то же мгновеніе она вынула изъ за своего корсажа флаконъ и, въ волненіи, вмѣстѣ съ флакономъ и кусокъ кружева, спрятанный у ней на груди. Рюи Блазъ, несводившій съ нея глазъ, видѣлъ это).

Рюи Блазъ (внѣ себя).

Ахъ!..

(Взглядъ королевы встрѣчается со взглядомъ Рюи Блаза. Молчаніе.)

Королева (тихо).

Это онъ!

Рюи Блазъ (тихо).

Близь сердца!..

Королева (тихо).

Это онъ!

Рюи Блазъ (тихо).

Вотъ лучшее мгновенье,
Когда Господь мнѣ можетъ смерть послать...

(Во время суматохи никто не замѣчаетъ того, что происходитъ между Рюи Блазомъ и королевою.)

Казильда (поднося флаконъ Рюи Блазу.)

Какъ ранили себя вы? гдѣ? Недавно?
Больнымъ въ дорогѣ хуже и подавно..
Охота вамъ такъ жизнью рисковать,
Скакать сюда съ письмомъ....

Королева (Казильдѣ.)

Казильда, не пора-ли
Распросы кончить?

Герцогиня (Казильдѣ).

Вы бы замолчали.
Нельзя же королеву утомлять.

Королева. И что тутъ много думать надъ отвѣтомъ:
Онъ и писалъ письмо, онъ и привезъ...

Казильда. Что *онъ* писалъ, пока еще вопросъ:
Онъ, кажется, не говорилъ объ этомъ?

Королева (тихо.)
Ахъ!... (громко) Замолчи!..

Казильда (Рюи Блазу.)
Вамъ лучше, нашъ больной?

Рюи Блазъ. Воскресъ совсѣмъ...

Королева (своимъ дамамъ.)
Идите же за мной.
Пусть графу здѣсь укажутъ помѣщенье.

(Пажамъ, стоящимъ въ глубинѣ залы.)

Его величества не ждите возвращенья:
Съ охоты въ ночь поспѣть не можетъ онъ...

(Она уходитъ въ свои комнаты)

Казильда (смотря ей вслѣдъ.)
Она хитритъ и что-то замышляетъ...

(Она уходитъ въ одну съ ней дверь, унося съ собой ящикъ съ реликвіями.)

Рюи Блазъ (оставшись одинъ.)

(Онъ съ глубокою радостью какбы еще прислушивается къ послѣднимъ словамъ королевы, словно находясь подъ вліяніемъ сновидѣнія. Кусокъ кружева, выроненный случайно королевой, остался на коврѣ. Онъ поднимаетъ его, съ любовью покрываетъ его поцѣлуями и обращаетъ глаза къ небу).

Разсудокъ бѣдный мой смущенъ...
Пусть онъ теперь меня не оставляетъ!...
Прошу тебя, о Боже пощади!... (Смотря на кусокъ кружева)
Она носила это на груди!...

(Онъ прячетъ кружево. Входитъ донъ Гуританъ изъ той двери, въ которую онъ проводилъ королеву. Онъ медленными шагами подходитъ къ Рюи Блазу. Молча дойдя до него, онъ вытаскиваетъ на половину свою шпагу и взглядомъ сравниваетъ ея длину съ шпагой Рюи-Блаза. Шпаги не равны. Онъ снова вкладываетъ свою шпагу въ ножны. Рюи Блазъ смотритъ на его движенія съ удивленіемъ).

СЦЕНА IV.

Рюи Блазъ, Донъ Гуританъ.

Донъ Гуританъ (вкладывая шпагу свою въ ножны.)

Одной длины двѣ шпаги я добуду.

Рюи Блазъ. Какъ понимать, сеньоръ, такую мнѣ причуду?

Донъ Гуританъ (серьезно.)

Жилъ въ Аликанте я и очень былъ влюбленъ
Въ годъ тысяча шестьсотъ пятидесятый.
Повадился какой-то франтъ завзятый,
Красивый, какъ амуръ, успѣхами богатый,
Ходить къ моей любезной подъ балконъ,
Ухаживалъ за ней высокомѣрно...
Мнѣ это показалось скверно
И мною былъ убитъ онъ.

(Рюи Блазъ хочетъ прервать его, но донъ Гуританъ останавливаетъ его движеніемъ и продолжаетъ.)

Далѣе пойду.
Въ шестидесятъ шестомъ году
Графъ Джиль, вельможа, баловень великій,
Интрижки шаловливой пожелалъ
Съ любовницей моею Анжеликой,
И къ ней съ письмомъ невольника прислалъ,
Я приказалъ убить невольника прислугѣ,
А графа самъ убилъ я.

Рюи Блазъ. Но, сеньоръ...

Донъ Гуританъ (продолжая.)

Поздпѣй, къ одной измѣнчивой подругѣ
Я потерялъ довѣріе съ тѣхъ поръ,
Какъ вслѣдъ за ней вездѣ являться началъ
Донъ Гаманаль, красавецъ въ цвѣтѣ силъ.

Меня онъ красотой не озадачилъ:
Донъ Гамоналя тотчасъ я убилъ.

Рюи Блазъ. Но что жъ все это значитъ?

Донъ Гуританъ. Значитъ это,
Что завтра будетъ часъ разсвѣта,
Что позади часовни мѣсто есть
Пустынное, вдали большей дороги,
Гдѣ можно безъ большой тревоги
Двумъ людямъ межъ собою счеты свесть,
Что васъ зовутъ донъ Цезаремъ Бассаномъ,
Меня же—донъ Гаспаромъ Гуританомъ.

Рюи Блазъ (холодно.)

Извольте! Завтра мы сойдемся тамъ.

(За нѣсколько минутъ, Казильда, съ любопытствомъ тихонько вошла въ маленькую дверь въ глубинѣ залы и слушала послѣднія слова собѣсѣдниковъ, незамѣченная ими.)

Казильда (тихо.)

Дуэль!... Я королевѣ передамъ.

(Исчезаетъ въ туже маленькую дверь.)

Донъ Гуританъ (невозмутимо).

Позвольте мнѣ, коль это вамъ угодно,
Для пользы вашей, въ двухъ словахъ
Свое вамъ мнѣнье высказать свободно—
О томъ, что разфранченный вертопрахъ,
Любви постигшій тайное искуство,
Умѣющій крутить свой черный усъ
И отъ царапинъ падавшій безъ чувства,
Не по душѣ всегда мнѣ былъ...

Рюи Блазъ. Клянусь,
Вы не понятны мнѣ...

Донъ Гуританъ. О, все для васъ понятно.
Одно и тоже благо намъ пріятно,
И лишній во дворцѣ одинъ изъ насъ.

Вы—врагъ мой, говорю безъ дальнихъ фразъ.
Мы оба—очень знатные вельможи,
Но все жъ игра межъ нами не равна:
Я старше васъ, а вы меня моложе.
И злость моя тѣмъ болѣе сильна.
Безсильному мнѣ наблюдать несносно
Какъ предо мной на всѣхъ глядитъ кругомъ
Соперникъ молодой побѣдоносно,
И васъ за то считаю я врагомъ.
Съ подагрой на любовную арену
Мнѣ выходить нисколько не къ лицу;
Особенно такому молодцу
Я не гожусь на смѣну,
Который можетъ въ обморокъ упасть
И этимъ возбудить, пожалуй, страсть.
Я нахожу васъ нѣжнымъ, интереснымъ,
Красавцемъ граціознымъ и прелестнымъ,
А потому я долженъ васъ убить.

Рюи Блазъ. Попробуйте, убьете можетъ быть.

Донъ Гуританъ. Графъ, завтра до зари въ пустынномъ мѣстѣ
Вдвоемъ безъ слугъ мы подеремся вмѣстѣ
По рыцарски на шпагахъ и ножахъ,
Какъ кровные, испанскіе дворяне.

(Онъ протягиваетъ руку Рюи Блазу, который береть ее.)

Рюи Блазъ. Ни слова никому о томъ заранѣ...

(Графъ дѣлаетъ знакъ согласія.)

До завтра же...

(Рюи Блазъ уходитъ.)

Донъ Гуританъ. Гмъ! Незнакомъ съ нимъ страхъ...
Рука его нисколько не дрожала,
А это очень добрый знакъ
Въ виду дуэльной шпаги и кинжала.

(Щелканье ключа въ маленькой двери комнаты королевы. Донъ-Гуританъ оборачивается.)

Чу! Эту дверь открыть желаютъ!... Какъ?!...

(Входитъ королева и быстро идетъ къ донъ Гуритану, удивленному и восхищенному ея явленіемъ. Она держитъ въ рукахъ ящикъ.)

СЦЕНА V.

Донъ Гуританъ, Королева.

Королева (съ улыбкой.)

А, васъ-то я искала!...

Донъ Гуританъ (съ восторгомъ.)

Это счастье
Чѣмъ объяснить мнѣ?...

Королева (ставя ящикъ на столъ.)

Собственно все вздоръ.
Сейчасъ былъ у меня съ Казильдой разговоръ,
Вѣдь къ болтовнѣ у всѣхъ у насъ пристрастье,
И силилась она мнѣ доказать,
Что всѣ мои малѣйшія желанья
Готовы вы тотчасъ же исполнять.

Донъ Гуританъ. Она сказала правду.

Королева (смѣясь.)

Это замѣчанье,
Однако, я правдивымъ не сочла.

Донъ Гуританъ. Ошиблись вы.

Королева. Казильда же сказала,
И въ томъ увѣрена была.
Что за меня, не думая ни мало,
Готовы вы отдать всю душу, жизнь и кровь...

Донъ Гуританъ. Казильда превосходно разсуждала..

Королева. Но съ нею я не согласилась вновь.

Донъ Гуританъ. И вновь ошиблись вы. Все, что хотите
Для васъ готовъ я сдѣлать.
Королева. Все?
Донъ Гуританъ. Клянусь!...
Королева. Прекрасно. Вашей клятвой подтвердите,
Что все, зачѣмъ я къ вамъ не обращусь,
Исполните вы, съ свойственнымъ вамъ жаромъ.
Донъ Гуританъ. Клянусь въ томъ королемъ Гаспаромъ,
Распоряжайтесь мной. Исполню иль умру.

Королева (беретъ ящикъ.)

Отправьтесь вы тотчасъ же, поутру,
Не медля ни мгновенія въ Мадридѣ,
И въ Нейбургъ къ моему отцу вы отвезите
Вотъ этотъ ящикъ...

Донъ Гуританъ (тихо.)

Поймалъ я какъ разъ!...

(громко.)

Какъ? Въ Нейбургъ?
Королева. Да.
Донъ Гуританъ. То миль шестьсотъ отсюда?
Королева. Пятьсотъ лишь пятьдесятъ, и я бъ просила васъ,
О чемъ вамъ позаботиться не худо,—

(Указывая на чехолъ, покрывающій ящикъ.)

Бахромки голубыя сберегать:
Онѣ въ дорогѣ могутъ полинять...
Донъ Гуританъ. Когда же ѣхать?
Королева. Тотчасъ.
Донъ Гуританъ. Завтра!
Королева. Несогласна.

Донъ Гуританъ (тихо.)

Попался я! (громко.) Но, если....

Королева. Въ путь сейчасъ!..
Донъ Гуританъ. Но нужно мнѣ...

Королева. Вы поклялись напрасно?

Донъ Гуританъ. Здѣсь дѣло есть...

Королева. Не слушаю я васъ.

Донъ Гуританъ. Такіе пустяки.

Королева. Я этого желаю.

Донъ Гуританъ. Отсрочки день!

Королева. Сегодня жъ....

Донъ Гуританъ. Умоляю...

Королева. Нельзя, нельзя, я ужъ сказала разъ....

Донъ Гуританъ. Но...

Королева, Нѣтъ.

Донъ Гуританъ. Лишь день....

Королева. Я поцѣлую васъ! (Бросается ему на шею и цѣлуетъ его.)

Донъ Гуританъ (разсерженный и восхищенный.)

Я повинуюсь вамъ и хоть сейчасъ въ дорогу,
Власть ваша надо мной сильна...
(тихо.)
Богъ человѣкомъ былъ, а сатана
Переродился въ женщину, ей богу.

Королева (указывая на окно.)

Внизу васъ экипажъ дорожный ждетъ...

Донъ Гуританъ (тихо.)

А, все уже устроено впередъ.

(Онъ пишетъ нѣсколько словъ и звонитъ. Входитъ пажъ.)

Донъ Цезарю отдай! (отдаетъ письмо пажу.)
Какъ оказалось,
Нашъ поединокъ нужно отложить... (громко.)
Я, королева, долженъ поспѣшить...

(Онъ беретъ ящикъ, цѣлуетъ руку королевы, низко кланяется и уходитъ. Черезъ минуту слышится шумъ отъѣзжающаго экипажа.)

Королева (упадая въ кресло.)

Онъ будетъ жить. Дуэль не состоялась...

ДѢЙСТВІЕ III.

Рюи Блазъ.

(Государственная зала въ королевскомъ дворцѣ, въ Мадридѣ.

Въ глубинѣ большая дверь, возвышающаяся надъ нѣсколькими ступенями. Въ углу на лѣво срѣзанный уголъ, образуемый ковровою занавѣсью. Въ другомъ углу окно. На право квадратный столъ, покрытый зеленымъ бархатнымъ ковромъ; вокругъ него стоятъ табуреты для восьми или десяти особъ, съ такимъ же числомъ письменныхъ приборовъ на столѣ. У стороны стола, обращенной къ зрителю, большое кресло, обитое золотою парчею; надъ нимъ балдахинъ изъ золотой парчи съ испанскимъ гербомъ и съ королевской короной. Возлѣ этого кресла стулъ.

Въ минуту поднятія занавѣса тайный королевскій совѣтъ собирается начать засѣданіе.)

СЦЕНА I.

Донъ Мануэль Аріакъ, президентъ Кастиліи, Донъ Педро Велезе Гаваръ, графъ Кампореаль, министръ и царедворецъ. Донъ Фернандо Кордова, маркизъ Пріэго, въ томъ же званіи. Антоніо Убилла оберъ-контролеръ. Монтазго, предсѣдатель индѣйской палаты, Коваденга, главноуправляющій островами, нѣсколько другихъ членовъ совѣта (гражданскіе совѣтники въ черномъ. Прочіе въ придворномъ платьѣ. У Кампорелля на плащѣ крестъ ордена Калатравы. У Пріэго орденъ Золотого руна на шеѣ). (Донъ Мануэль Аріасъ, президентъ Кастиліи и Графъ Кампореаль разговариваютъ вполголоса между собою впереди сцены: прочіе члены совѣта стоятъ различными группами въ залѣ).

Донъ Мануэль Аріасъ. Возвысился онъ чрезвычайно быстро!
Скрываться тайна въ томъ должна.

Графъ Кампореаль. Да, кавалеръ онъ ордена Руна,
Статсъ-секретарь и въ должности министра,
И герцогомъ Ольмедо сдѣланъ онъ...

Донъ Мануэль Аріасъ. Въ шесть мѣсяцевъ!...
Графъ Кампореаль. Тутъ помогаетъ кто-то.
Донъ Мануэль Аріасъ (таинственно.)
Еще бы! королевы то забота.
Графъ Кампореаль. Дѣйствительно, король забылъ свой тронъ.
Больной, почти безумный отъ печали,
Оплакивая первую жену,
Онъ заперпись живетъ въ своемъ Эскуріалѣ,
А королевѣ отдалъ всю страну.
Донъ Мануэль Аріасъ. Любезный графъ, она страною правитъ,
Донъ Цезарь же надъ ней самой царитъ.
Графъ Кампореаль. Но жизнь его задуматься заставитъ:
Отъ встрѣчи съ королевой онъ бѣжитъ,
Они нигдѣ не видятся,—я знаю,—
За ними я полгода наблюдаю,
И мнѣ повѣрить можете вы въ томъ.
Потомъ,
По прихоти едва ли постижимой,
Живетъ онъ въ мрачномъ домѣ, взаперти,
Двумя нѣмыми слугами хранимый,
Чтобъ въ домъ никто не могъ къ нему войдти...
О, если бъ слуги не были такъ нѣмы,
То многое отъ нихъ узнали бъ всѣ мы...
Донъ Мануэль Аріасъ. Они нѣмые?
Графъ Кампореаль. Да. Толпа другихъ же слугъ
Живетъ въ его дворцовомъ помѣщеньи....
Донъ Мануэль Аріасъ. Творится что-то странное вокругъ.
Донъ Антоніо Убилла (который подошелъ за нѣсколько минутъ.)
Однако жъ знатнаго онъ самъ происхожденья.
Графъ Кампореаль. Но болѣе всего дивитъ меня,
Что корчитъ мудреца онъ такъ не въ пору...
Маркиза донъ Саллюстія родня,
Онъ и пошелъ чрезъ Санта Крузе въ гору;—
А нѣкогда донъ Цезарь самый тотъ,

Трепещемъ мы теперь передъ которымъ,
Повѣса величайшій былъ и мотъ,
Принявшій капиталъ свой за доходъ,
И въ мірѣ все считавшій чистымъ вздоромъ.
На прихоти готовъ былъ онъ тогда
Истратить всѣ богатства Перу;
Затѣмъ онъ промотался черезъ мѣру
И вдругъ изчезъ, Богъ вѣдаетъ, куда.

Донъ Мануэль Аріасъ. Что жъ, значитъ онъ успѣлъ перебѣситься.

И изъ повѣсы сдѣлался мудрецъ...

Графъ Кампореаль. Такъ всякая блудница наконецъ
Подъ старость лѣтъ въ ханжу преобразится.

Убилла. А все-таки онъ честный человѣкъ!...

Графъ Кампореаль (смѣясь.)
О, простодушный, добрый Донъ Убилла!
Наивнымъ вы останетесь весь вѣкъ.
(значительно.)
Штатъ нашей королевы—вотъ въ чемъ сила!—
(Дѣлая удареніе на цифрѣ.)
Почти что милліонъ дукатовъ стоитъ въ годъ.
Вѣдь это—темный омутъ!.. Безъ хлопотъ,
Навѣрняка тутъ сѣть забросить можно:
Тамъ будетъ ловъ, гдѣ мутная вода..

Маркизъ Донъ Пріэго (подходя.
Позвольте вамъ замѣтить, господа,
Что говорите вы неосторожно...
Такой языкъ васъ доведетъ до бѣдъ
Вотъ что совѣтывалъ когда-то всѣмъ мой дѣдъ:
Предъ королемъ ты можешь огрызаться,
А предъ любимцемъ—спину долженъ гнуть...
Теперь дѣлами можемъ мы заняться.

(Всѣ садятся вокругъ стола. Одни берутся за перья, другіе перебираютъ бумаги. Впрочемъ, общее бездѣйствіе. Минута молчанія.)

Монтазго (тихо Убиллѣ.)

Мнѣ изъ сохранной суммы, какъ нибудь,
Нельзя ли выдать денегъ? Очень скоро
Племянникъ мой алькадомъ хочетъ быть,
А эту должность надобно купить...

Убилла (тихо.)

А брата моего донъ Мельхіора
Судьей не вы ль хотѣли помѣстить?

Монтазго (возражая.)

Не худо вамъ ко свѣденью принять бы:
Съ насъ ваша дочь приданое взяла,
А вотъ теперь другой расходъ—для свадьбы...

Убилла (тихо.)

Ну, быть по вашему!—за вами пусть алькадъ..

Монтазго (тихо.)

Получитъ мѣсто тотчасъ же вашъ братъ.
(Они пожимаютъ другъ другу руку.)

Каваденга (вставая.)

Совѣтники Кастиліи! Намъ нужно
Свои права и власть опредѣлить
Для полнаго согласія, и дружно
Всѣмъ къ дѣлежу доходовъ приступить.
Займемся раздѣленіемъ ихъ строго,
Чтобъ не было примѣровъ прошлыхъ лѣтъ:
Въ рукахъ однихъ—доходовъ слишкомъ много,
Въ рукахъ другихъ—почти ихъ вовсе нѣтъ.
У васъ табачный откупъ, донъ Убилла;
Индиго, мускусъ вамъ принадлежатъ,
Любезный донъ Пріэго. Говорятъ,
Что и у васъ, Кампореаль, есть сила:
Налогъ съ металловъ, соли, янтаря,
Налогъ съ товаровъ, въ Индію идущихъ,
Ну, словомъ вы богачъ одинъ изъ всемогущихъ..
(Монтазго.)
Умѣнью своему благодаря,

Вы, Монтазго, въ таможнѣ безконтрольны,
Кладете вы налоги на свинецъ,
Латунь, мышьякъ и карты наконецъ;
Взимать съ мѣщанъ вы штрафъ огромный вольны...
Одинъ лишь я бѣднѣе всѣхъ въ странѣ,
Такъ дайте-жъ что нибудь, сеньоры, мнѣ...

Графъ Кампореаль (заливаясь смѣхомъ.)

О, старый чортъ! Объ Индіи молчитъ онъ,
Молчитъ объ островахъ на двухъ моряхъ...
Каковъ захватъ въ его рукахъ!..
Иль чистый съ нихъ доходъ имъ не сосчитанъ?..
Въ одной рукѣ Маіорка, а другой
За Тенерифскій Пикъ онъ ухватился..

Каваденга (горячась.)

Я нищъ теперь!.. Совсѣмъ я разорился..

Маркизъ Донъ Пріэго (смѣясь.)

А ваши негры? Кушъ вѣдь дорогой.

(Всѣ встаютъ и говорятъ вмѣстѣ. Споръ.)

Монтазго. Доходъ съ лѣсовъ я получить желаю.

Каваденго (Маркизу Донъ Пріэго.)

Отдайте мнѣ мышьякъ, я негровъ уступаю...

(За нѣсколько минутъ Рюи-Блазъ вошелъ въ дверь, которая въ глубинѣ залы, и присутствуетъ при происходящемъ, не будучи никѣмъ замѣченъ. Онъ въ черной бархатной одеждѣ, въ пунцовомъ бархатномъ плащѣ. Шляпа у него съ бѣлымъ пером, на шеѣ орденъ Золотаго Руна. Онъ прислушивается сначала молча, потомъ вдругъ подходитъ медленными шагами и появляется среди всѣхъ въ самый разгаръ спора.)

СЦЕНА II.

Тѣже, Рюи Блазъ (подходя.)

Миръ и совѣтъ, сеньоры, вамъ желаю!...

(Всѣ оборачиваются. Минута удивленія и безпокойства. Рюи Блазъ надѣваетъ шляпу, скрещиваетъ руки и продолжаетъ глядѣть имъ въ лицо).

Такъ вотъ они, правители страны,
Министры безкорыстные народа!
Такъ вотъ у васъ труды какого рода!
Вы грабежу дневному преданы.
Когда народъ испанскій издыхаетъ,
Вы свой карманъ хотите набивать
И, раздѣливъ добычу, убѣжать...
Вся нація проклятье въ васъ бросаетъ,
Могильщики, стоящіе надъ ней,
Чтобъ обокрасть страну въ ея могилѣ...
Иль совѣсть, стыдъ совсѣмъ вы позабыли?
Взгляните жъ на позоръ послѣднихъ дней!
Гдѣ блескъ испанскій, доблести и сила?
Испанія безъ боя уступила
Бразилію, край португальскій весь,
Съ Бризахомъ и Штейнфортомъ мы простились,
Франконіи и Синихъ горъ лишились...
Вездѣ позоръ—и тамъ, и здѣсь.
Европа вся глядитъ на васъ сурово;
Голландія и Англія готова
Дѣлить тебя, испанская земля,
Какъ будто нѣтъ у насъ ужъ короля.
Римъ, Піэмонтъ обманывать насъ хочетъ.
Савойѣ не кладите пальца въ ротъ,
Вся Франція на насъ давно ужъ когти точитъ,
Насъ Австрія, какъ коршунъ стережетъ,
Инфантъ баварскій болѣнъ, умираетъ...
Вицъ-королей же вашихъ кто не знаетъ!.
Медина вашъ до бѣшенства влюбленъ,
Безумствами Неаполь забавляетъ,
Продастъ Миланъ хлопочетъ Водемонъ,
Отъ Легапеца Фландрія страдаетъ..
Какія-жъ средства вы придумали? Страна,
Истощена, измучена, бѣдна:

У насъ нѣтъ денегъ, войска нѣтъ и флота...
Народъ безъ силъ, измученный отъ гнета,
Несчастный и задавленный народъ
Трудомъ кровавымъ, потомъ отдаетъ
Четыреста пятнадцать милліоновъ
Для васъ, стоящихъ внѣ законовъ,
Для вашихъ оргій, женщинъ и забавъ...
Довольны вы, весь край свой обокравъ?..
Иль этого еще вамъ не довольно?
За васъ, правители Испаніи, мнѣ больно..
Внутри страны свирѣпствуетъ разбой,
Бандиты жгутъ селенья и воруютъ...
Какъ будто мало имъ, что межъ собой
Правители дерутся и воюютъ;
Въ монастыряхъ, въ провинціяхъ война,
Сосѣдъ сосѣда грабитъ въ безпорядкѣ,
Религія забытая въ упадкѣ,
А что касается до знати, то она
Лишь можетъ только предками гордиться,
А за дѣла свои должна стыдиться...
Повсюду ложь, обманъ, измѣна и нужда.
Всѣхъ націй грязь стекается сюда...
Убійцъ наемныхъ держатъ всѣ вельможи;
Мадридъ и Вавилонъ—теперь одно и тоже.
Богатымъ льстя, не пожалѣетъ силъ,
Чтобъ бѣдняка обидѣть алгвазилъ.
На улицахъ—убійства. Лишь недавно
Въ часъ ночи самъ ограбленъ былъ я славно:
Полъ-города другая грабитъ часть..
Суды подкуплены, нѣтъ платья у солдата.
Мы, царства представляющіе власть,
Мы, міра побѣдители когда-то, —
И гдѣ же наше войско встрѣтитъ врагъ?..
Шестъ тысячъ человѣкъ бродягъ,

Которые въ лохмотьяхъ, босоноги.
Мы можемъ войскомъ нашимъ называть?..
Ихъ шайки рѣжутъ граждан на дорогѣ...
Маталобосъ сильнѣй имѣетъ рать,
Чѣмъ войско полновластнаго барона;
Бандитъ ведетъ атаку противъ трона...
Тамъ, въ селахъ королевскій экипажъ
Давно ли поселяне оскорбляли,
А онъ, король, владыка общій вашъ,
Весь въ траурѣ, одинъ въ Эскуріалѣ
Надъ падшей, умирающей страной
Чело свое задумчиво склоняетъ...
Испанія свой прежній блескъ теряетъ
И прежній пурпуръ ветошью одной
Теперь смѣненъ. Въ несчастное столѣтье
Распалось государство все... и что жъ?
Здѣсь принужденъ негаданно смотрѣть я
На вашъ кровавый, наглый вашъ дѣлежъ..
И вашъ народъ, измученъ, обокраденъ,
Великій и въ паденіи народъ
Упалъ во прахъ и молча смерти ждетъ,
Какъ старый левъ, попавшій въ нору гадинъ.
— Карлъ пятый! Встань! Въ годину страшныхъ бѣдъ
Тебѣ ль лежать въ гробницѣ! Край богатый
Безславно падаетъ... Ни въ комъ опоры нѣтъ.
Скорѣй сюда, на помощь къ намъ, Карлъ пятый!..
Испанія, которая землѣ,
Какъ солнце лучезарное, свѣтила,
Теперь для всѣхъ потухшее свѣтило;
Луной, едва замѣтная во мглѣ
Глядитъ твоя усталая держава...
Твое величье, доблести и слава—
Временщики позорятъ и скверняТъ...
Пусть, исполинъ—твой духъ въ тебѣ проснется!..

Твой царскій скипетръ на́ вѣсъ продается,
Изъ мантіи твоей себѣ кроятъ
Камзолы отвратительные гномы,
А твой орелъ, могучій на погромы,
Побѣдоносный, царственный на видъ,
Парившій гордо надъ вселенной,
Теперь ощипанный лежитъ
Въ кострюлькѣ ихъ презрѣнной...

(Всѣ присутствующіе молчатъ, уничтожены. Только маркизъ донъ Пріэго и графъ Кампореаль поднимаютъ голову и смотрятъ гнѣвно на Рюи Блаза. Потомъ Кампореаль, переговоривъ съ донъ Пріэго, идетъ къ столу, пишетъ нѣсколько словъ на листѣ, подписываетъ эту бумагу и даетъ подписаться подъ нею и маркизу донъ Пріэго.)

Графъ Кампореаль (указывая на донъ Діэго и вручая бумагу Рюи Блазу.)

Прошу отъ имени обоихъ насъ принять
Прошенье объ отставкѣ...

Рюи Блазъ (беретъ бумагу, холодно.)

Принимаю.
Вы можете отсюда уѣзжать
Въ свои помѣстья каждый, полагаю...
Прошу оставить завтра же Мадридъ.

(Оба сановника кланяются и уходятъ гордо, съ шляпами на головахъ. Рюи Блазъ обращается къ прочимъ совѣтникамъ).

По ихъ слѣдамъ пусть каждый поспѣшитъ,
Кто слѣдовать за мною не желаетъ...

(Молчаніе между присутствующими. Рюи Блазъ садится на стулъ возлѣ королевскаго кресла и занимается разборомъ одного пакета. Пока онъ пробѣгаетъ одно письмо за другимъ, Коваденга, Аріасъ и Убилла обмѣниваются вполголоса нѣсколькими словами.)

Убилла (Коваденгѣ, указывая на Рюи Блаза.)

Мой другъ, онъ далеко пойдетъ впередъ...

Донъ Мануэль Аріасъ. Да, если только шеи не сломаетъ.

Коваденга. И головы случайно не свернетъ

Отъ крайняго усердія...

Убилла. Онъ будетъ
Нашъ Ришелье...

Донъ Мануэль Аріасъ. Иль Оливарецъ. Какъ еще разсудитъ!..

Рюи Блазъ (пробѣжавъ быстро только-что распечатанное письмо).

А! заговоръ!.. Что полчаса назадъ...
Я говорилъ, сеньоры, вамъ?... Смотрите: (Читаетъ)
„Остерегитесь герцогъ и слѣдите:
„Одну особу важную въ Мадритѣ
„Похитить въ скоромъ времени хотятъ“...

(Разсматривая письмо.)

Нѣтъ подписи, и нѣтъ намека даже—
Кого хотятъ похитить... Все равно,
Необходимо ждать и быть на стражѣ.

(Входитъ гофмейстеръ, который съ глубокимъ поклономъ приближается къ Рюи Блазу.)

Что тамъ?

Гофмейстеръ. Васъ ждетъ посолъ французскій ужь давно...

Рюи Блазъ. Д'Аркуръ? Теперь нельзя мнѣ...

Гофмейстеръ. Ваша свѣтлость, въ залѣ
Имперскій нунцій хочетъ видѣть васъ...

Рюи Блазъ. Скажите—не могу... Я занятъ въ этотъ часъ...

(Гофмейстеръ съ поклономъ уходитъ. Вошедшій за нѣсколько минутъ пажъ въ ливреѣ огненнаго цвѣта съ серебряными галунами, приблизился къ Рюи Блазу.)

Рюи Блазъ (увидя его.)

Скажи, чтобъ никого не принимали.

Пажъ (тихо).

Изъ Нейбурга вернувшійся назадъ,
Донъ Гуританъ...

Рюи Блазъ (съ движеніемъ изумленія.)

А, новое извѣстье!.. (пажу)
Пусть посѣтитъ графъ домикъ мой въ предмѣстьѣ:

Хоть завтра тамъ его я видѣть радъ.
Иди.

(Пажъ уходитъ. Собранію.)

Намъ нужно скоро вмѣстѣ потрудиться
Сеньоры! Черезъ часъ прошу васъ возвратиться,

(Всѣ уходятъ, низко поклонясь Рюи Блазу. Оставшись одинъ, Рюи Блазъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, погруженный въ глубокую задумчивость. Вдругъ, въ углу залы занавѣсъ отдергивается и показывается королева. Она въ бѣломъ платьѣ, съ короною на головѣ. Она кажется сіяющею отъ восторга и устремляетъ на Рюи Блаза восхищенный и почтительный взглядъ, поддерживая одной рукой занавѣсъ, за которой виднѣется родъ малепькой темной комнатки съ крошечною дверью. Рюи Блазъ, оборотясь, видитъ королеву и остается, какъ окаменѣлый).

СЦЕНА III.

Рюи Блазъ, Королева.

Королева (въ глубинѣ театра.)
Благодарю!..
Рюи Блазъ. О, Боже!..
Королева. Я должна
Пожать вамъ руку, герцогъ, безъ стѣсненья...
Вся ваша рѣчь была полна
Правдиваго и честнаго стремленья...
Да, вы съумѣли съ ними говорить...

(Она быстро подходитъ къ нему, беретъ за руку и пожимаетъ ее, прежде нежели онъ успѣваетъ опомниться.)

Рюи Блазъ (тихо.)
Полгода убѣгать ее и быть
Вдругъ съ нею неожиданно!.. (громко)
Сеньора,
Вы были здѣсь во время разговора...

Королева. Да, герцогъ, я все слышала, могла
Внимательно слѣдить за всѣмъ случайно.

Рюи Блазъ (указывая на потайную дверь.)

Въ той комнатѣ...

Королева. Она для всѣхъ здѣсь тайна.
Та комната прорублена была
Во дни Филиппа Третьяго. Бывало,
Скрывался въ ней,—я часто наблюдала,—
Задумчивый и мрачный Карлъ Второй
При засѣданіяхъ совѣта, той порой
Когда его терзали достоянье
И государство грабили...

Рюи Блазъ. Что жъ онъ?

Королева. Молчалъ и оставлялъ все безъ вниманья.

Рюи Блазъ. Что жъ дѣлалъ онъ, открытьемъ возмущенъ?

Королева. Онъ просто на охоту отправлялся...
Но вы, но вы! Еще я слышу васъ.
Какъ весь совѣтъ предъ вами растерялся,
Какой огонь сверкалъ изъ вашихъ глазъ,
Какъ правы были вы въ своемъ презрѣньи смѣломъ...
Я любовалась вами въ этотъ мигъ...
Кто далъ вамъ эту силу и языкъ?
Какъ ознакомились такъ скоро съ новымъ дѣломъ?
Вашъ голосъ былъ такъ горделиво строгъ,
Какъ у любимца счастія и славы;
Какъ самъ король, вы были величавы,
И грозны и велики, какъ самъ Богъ.

Рюи Блазъ. Все потому, что я люблю васъ. Знаю,
Что шаткія развалины страны
На васъ, на васъ обрушиться должны,
И я, спасая васъ, случайно міръ спасаю.
Я васъ люблю, узнайте наконецъ!
Я думаю о васъ какъ, думаетъ слѣпецъ,
Объ яркомъ днѣ, о солнечномъ сіяньи...

Я васъ давно люблю издалека,
Не смѣя васъ коснуться и слегка,
И вы какъ лучезарное созданье,
Какъ ангелъ ослѣпляете меня...
О, сколько я испытывалъ страданья!
Полгода тайну страшную храня,
Я бѣгалъ васъ, скрывался... Королева!
Я васъ люблю! Людского гнѣва
Я не боюсь... Но если бъ мнѣ: умри!
Сказали вы, я умеръ бы въ мгновенье...
Простите же меня изъ сожалѣнья...

Королева. Неумолкай, небойся, говори!...
Подобныхъ словъ я прежде не слыхала...
Тебя я слушать, слушать все хочу,
Я взгляда твоего вездѣ ищу...
Когда бъ ты зналъ, какъ я сама страдала!
Сто разъ хотѣлось мнѣ тебѣ сказать...
Но нѣтъ, къ чему высказывать такъ скоро...
Несчастная, должна я замолчать...

Рюи Блазъ (слушавшій съ восторгомъ.)
Молю васъ, говорите все, сеньора!
Я каждымъ вашимъ словомъ дорожу...

Королева. Такъ слушай же!...

(Поднимая глаза къ небу)

Я все ему скажу.
Пусть это преступленіе... На части
Когда въ насъ сердце разрывается, нѣтъ власти
Себя сдержать. Узнай же все теперь:
Ты—избѣгалъ меня, а я тебя искала;
Въ той комнатѣ я отворяла дверь
И каждый день незримо наблюдала,
Какъ ты судилъ, какъ разрѣшалъ дѣла:
Тебѣ благодаря, я начала
Заботами твоими увлекаться;

Ты гордымъ королемъ мнѣ сталъ казаться...
Тебя въ полгода я высоко подняла,—
О чемъ ты догадался, можетъ статься,—
Ты занялъ высшій постъ во всей странѣ,
Незамѣнимъ и дорогъ сталъ ты мнѣ...
Въ своемъ умѣ я все перебираю:
Сперва—цвѣты, потомъ—услуги краю,
Сперва—въ тебѣ я сердце поняла,
Потомъ я поняла твое величье...
Ужель за это ждетъ меня хула?
Ужели жизнь есть только клѣтка птичья,
Гдѣ я должна погибнуть взаперти,
Не зная ни любви, ни счастья на пути?..
Со временемъ про многое должна я
Тебѣ сказать. Всегда почти одна,
Бывала я не разъ оскорблена,
Свободы самой маленькой не зная.
Вотъ, напримѣръ, вчера,—послушай ты!—въ иной
Я комнатѣ хотѣла поселиться
И—не успѣла этого добиться...
Раба, во всемъ раба!.. Но ты теперь со мной...
О, герцогъ!.. Богъ тебя мнѣ посылаетъ!..
Спаси народъ, который такъ страдаетъ,
Народъ, который любитъ такъ меня,
Страдающую тоже безконечно...
Въ моихъ словахъ нѣтъ связи, но, конечно,
Ты ихъ поймешь, ихъ правду оцѣня...

Рюи Блазъ (падая на колѣни.) Клянусь!..

Королева (серьезно.)

Донъ Цезарь, вамъ ввѣряю я
Для всѣхъ я королевой остаюсь,
Но сердцемъ, чувствомъ вамъ я отдаюсь
И, зная васъ, за честь свою не трушу.
Я къ вамъ приду, на первый вашъ призывъ...

—О, Цезарь! Разумъ твой мнѣ будетъ оборона...
Ты выше всѣхъ. Будь гордъ, пока ты живъ:
Могучій геній—вотъ твоя корона.
(Цѣлуетъ его въ лобъ.)
Прощай!
(Она приподнимаетъ занавѣсъ и уходитъ.)

СЦЕНА IV.

Рюи Блазъ (одинъ.)

(Онъ какъ бы погруженъ въ созерцаніе божественнаго видѣнія.)

Я словно вижу неба синеву...
Едва ли въ жизни лучше есть мгновенья...
Блаженныя о раѣ сновидѣнья
Сбываются, какъ будто на яву.
Во мнѣ самомъ и внѣ меня—сіянье,
Свѣтъ, счастіе, восторгъ и вмѣстѣ съ нимъ—
Любовь и власти гордое сознанье...
Ужели королевой я любимъ?
Такая мыслъ сжигаетъ, ослѣпляя...
Не выше ли теперь сталъ короля я?
Она меня любовію даритъ;
Испанія у ногъ моихъ лежитъ,
Я властелинъ, счастливецъ... Боже, Боже!..
Но это все на свѣтлый сонъ похоже...
Нѣтъ, эта грёза въ жизнь передалась,
Нѣтъ, королева здѣсь была сейчасъ,
Была со мной... На ней была надѣта
Изъ кружевъ діадема... и орла
Замѣтилъ я на золотѣ браслета...

Да, мнѣ она довѣриться могла...
О, если точно нѣжность и величье
Живутъ въ любви, безъ всякаго различья,
Я гордъ ея любовью, и силенъ,
Могуществомъ и страстью окриленъ,
Могу сказать ей вслухъ, безъ колебанья, —
Пусть видитъ Богъ всю правду этихъ словъ:
Какъ женщину, хранить я васъ готовъ,
Какъ королеву, чтить до обожанья...
Не бойтесь же!

(За нѣсколько минутъ передъ концомъ рѣчи изъ задней двери вошелъ человѣкъ, закутанный въ широкій плащъ и въ шляпѣ съ серебрянымъ галуномъ. Онъ медленно приблизился къ Рюи Блазу, не будучи имъ замѣченъ, и въ туже минуту, когда взволнованный Рюи Блазъ поднимаетъ глаза къ небу, этотъ человѣкъ неожиданно кладетъ ему руку на плечо. Рюи Блазъ оборачивается, какъ пробужденный отъ сна: вошедшій сбрасываетъ съ себя плащъ и Рюи Блазъ узнаетъ Донъ Саллюстія. Донъ Саллюстій одѣтъ въ пунцовую ливрею съ серебряными галунами, подобную той, которая была на пажѣ Рюи Блаза.)

СЦЕНА V.

Рюи Блазъ, Донъ Саллюстій.

Рюи Блазъ (встревоженный тихо.)

Ахъ, Боже мой! Маркизъ!..
Все кончено теперь!..

Донъ Саллюстій. Пари держу на призъ,
Что вы меня не ждали! Безъ сомнѣнья!..

Рюи Блазъ. Дѣйствительно, не скрою удивленья.

(Тихо.)

Мои несчастья снова начались.

На ангела смотрѣлъ сейчасъ, а сзади
Явился бѣсъ...

(Онъ бѣжитъ къ занавѣси, которая скрываетъ потайную комнату и запираетъ маленькую дверь на ключъ, потомъ возвращается весь дрожащій къ Донъ Саллюстію.)

Донъ Саллюстій. Ну, какъ идутъ дѣла?

Рюи Блазъ (не сводя глазъ съ невозмутимаго Донъ Саллюстія и едва собираясь съ мыслями.)

На васъ ливрея... Какъ? въ такомъ нарядѣ...

Донъ Саллюстій (улыбаясь.)

Меня сюда ливрея довела.
Вездѣ пробраться можно въ вашемъ платьѣ...
И вотъ въ ливреѣ вздумалъ щеголять я...

(Онъ надѣваетъ шляпу. Рюи Блазъ остается съ непокрытой головой.)

Рюи Блазъ. Но я боюсь за васъ...

Донъ Саллюстій. Что за смѣшное слово.

Рюи Блазъ. Вы изгнаны.

Донъ Саллюстій. Да это ужь не ново...

Рюи Блазъ. Но могутъ днемъ васъ во дворцѣ узнать...

Донъ Саллюстій. Кому придетъ охота разбирать
Черты лица ливрейнаго лакея.

(Садится въ кресло. Рюи Блазъ продолжаетъ стоять.)

Ну, кстати, объясните мнѣ скорѣе,
Какъ это здѣсь толкуетъ весь Мадридъ,
Что будто вы въ горячкѣ нѣжной страсти
Къ общественной казнѣ, по силѣ данной власти,
Сослали Донъ Пріэго... Что за стыдъ!
Онъ—старый грандъ, онъ вамъ сродни, мой милый.
Ужь если волкъ желаетъ волка съѣсть,
Зачѣмъ ему носить святоши видъ унылый?..
Пусть каждый бережетъ лишь собственную честь...

Рюи Блазъ (успокоиваясь немного.)

Однако же, замѣчу я сеньеру,
Маркизъ Пріэго щедрымъ былъ не впору,

Напрасно увеличивалъ расходъ,
А между тѣмъ, война насъ скоро ждетъ,
У насъ нѣтъ денегъ, кризисъ угрожаетъ..
Баваріи наслѣдникъ умираетъ...
Объ этомъ говорилъ мнѣ графъ Аррахъ,
И если вдругъ эрцгерцокъ пожелаетъ
Поддерживать себя въ своихъ правахъ,
Тогда война навѣрно разразится...

Донъ Саллюстій. Здѣсь такъ свѣжо, что можно простудиться,
Заприте-ка, пожалуйста, окно.

(Рюи Блазъ, блѣдный отъ стыда и отчаянія, колеблется на мгновеніе; потомъ дѣлаетъ надъ собою усиліе, и направляется медленно къ окну, закрываетъ его и возвращается къ Донъ Саллюстію, который, сидя въ креслѣ, слѣдитъ за нимъ съ равнодушнымъ видомъ.)

Рюи Блазъ (продолжая свою рѣчь.)

Войну теперь вести намъ мудрено.
Безъ денегъ нынче всюду затрудненья...
У насъ въ рукахъ — Испаніи спасенье,
А я—мнѣ да поможетъ Богъ—
Я императора ужь извѣстилъ, что стану
Бороться съ нимъ, покуда не устану...

Донъ Саллюстій (перебивая Рюи Блаза и указывая ему на платокъ, который онъ уронилъ при входѣ.)

Пожалуйста, подайте мой платокъ...

(Рюи Блазъ, какъ въ пыткѣ, снова колеблется, потомъ нагибается, поднимаетъ платокъ и подаетъ его Донъ Саллюстію.)

Донъ Саллюстій (пряча платокъ въ карманъ.)

Что говорите вы?

Рюи Блазъ (съ усиліемъ.)

У нашихъ ногъ
Испанія спасенья ожидаетъ...
Вся нація того благословляетъ,
Кто съ націи снимаетъ тяжкій гнетъ.

Да, мы должны теперь спасти народъ,
Интриги безконечныя распутавъ,
И сбросивъ маски съ разныхъ наглыхъ плутовъ...

Донъ Саллюстій (небрежно.)

Во-первыхъ это вовсе не умно
И отзывается дурнымъ, ей Богу, тономъ...
Крикъ поднимать неловко и смѣшно
Тамъ надъ какимъ нибудь пропавшимъ милліономъ.
О, нѣтъ, любезный мой, всѣ мы не таковы...
Вельможи вѣдь не скаредны, какъ вы...
Они живутъ широко,—вамъ не пара...
Я говорю безъ напускного жара.
Ужасно какъ красивъ карателъ грозный зла
Отъ бѣшенства пунцовый и наглѣйшій...
Я планъ вашъ понимаю, мой милѣйшій:
Васъ популярность очень привлекла
Среди мѣщанъ и торгашей базарныхъ...
Вѣдь это такъ смѣшно, что вонъ изъ рукъ...
Путей ищите больше благодарныхъ...
Спасеніе страны—ничтожный звукъ,
Давно уже наскучившій всѣмъ, право.
А популярность что? На мѣдные гроши
Размѣненная слава.
Дѣйствительно, заботы хороши;
Правителя достойная забава—
Вкругъ соляного откупа бродить
И лаять по собачьи! Очень мило!..
Занятье лучшее придумать можно бъ было...
И въ этомъ я вамъ могъ бы пособить...
А ваша добродѣтель, честность, вѣра!
То—мишура поблекшая, химера...
И васъ отъ нихъ не дурно бъ излечить...
Вы грудь еще кормилицы сосали,
Когда мы эти бредни осмѣяли,—
И по вѣтру ихъ самый слѣдъ пропалъ...

Рюи Блазъ. Маркизъ, однакожъ....

Донъ Саллюстій (улыбаясь.)

Вы меня дивите....
Но я еще о главномъ не сказалъ.

(Отрывисто и повелительно.)

Въ томъ домикѣ, который я вамъ далъ,
Меня вы завтра утромъ подождите,
Лишь двухъ нѣмыхъ оставьте для услугъ:
Теперь мой планъ свершиться долженъ вдругъ.
Потомъ, чтобы въ саду была готова
Дорожная карета. Слово въ слово
Исполните буквально мой приказъ....
А деньгами снабжу я тотчасъ васъ.

Рюи Блазъ. Я повинуюсь, если поклянетесь,
Что вовсе не касается вашъ планъ
До королевы....

Донъ Саллюстій (играя на столѣ костянымъ ножомъ, полуобращивается.)

Вы куда суетесь?

Рюи Блазъ (шатаясь и смотря на него со страхомъ.)

Я весь дрожу... въ глазахъ моихъ туманъ....
О, вы, маркизъ, ужасны! Вы хотите
Увлечь къ незримой пропасти меня,
Чудовищные замыслы храня...
О, сжальтесь надо мною, пощадите!..
Узнайте же.... что я теперь терплю!....
Я эту женщину, узнайте вы.... люблю.

Донъ Саллюстій (холодно.)

Я зналъ давно.

Рюи Блазъ. Вы знали? какъ?

Донъ Саллюстій. Проклятье!..
До этого мнѣ дѣла вовсе нѣтъ.

Рюи Блазъ (прислонясь къ стѣнѣ, чтобъ не упасть и какъ бы говоря самъ съ собою.)

Какую пытку долженъ испытать я!..
О, извергъ, истязатель!.. Этихъ бѣдъ
Перенести не въ силахъ я...
(поднимая глаза къ небу.)
За что же
Такое испытанье далъ мнѣ, Боже?
Тебя, Господь, на помощь я зову!...

Донъ Саллюстій. Вы грезите, я вижу, на яву
И въ роль чужую входите поспѣшно,
Забывъ, кто вы... Вѣдь это препотѣшно!..
Мнѣ одному извѣстна только цѣль,
Къ которой я упорно подвигаюсь;
Я васъ счастливымъ сдѣлать обѣщаюсь,
А вы—вы повинуйтесь мнѣ... Ужель
Смотрѣть мнѣ на любовныя мученья?..
Намъ всѣмъ знакомы эти огорченья...
Тутъ о судьбѣ страны идетъ вопросъ,
Что поважнѣй любовныхъ вашихъ грёзъ,
Забудьте же, прошу васъ—пустословье
И помните всегда свое сословье:
Я очень добрымъ, кроткимъ быть могу,
Но все жъ въ слугѣ я вижу лишь слугу,
Который долженъ мнѣ повиноваться...
Позволилъ вамъ вельможей я считаться;
Сегодня, въ интересѣ дня,
За королевой вамъ далъ право волочиться,
А завтра на запяткахъ у меня
Вамъ, можетъ быть, и постоять случится..
Такъ будьте жъ разсудительны...

Рюи Блазъ. (слушавшій его какъ въ безпамятствѣ.)

Мой Богъ!..
За что, за что такое наказанье?
Что сдѣлалъ я? Въ чемъ виноватъ быть могъ?

Затѣмъ, чтобъ видѣть жертвы истязанье,
Меня столкнули въ бездну вы, сеньоръ,
И мстите чрезъ меня... Какой позоръ!

(Говоря самъ съ собою.)

Да, это месть, для королевы—мщенье!..
Что дѣлать мнѣ? Пойти ей все сказать!..
Но это въ ней возбудитъ отвращенье...
Себя предъ королевою признать
Подкупленнымъ лакеемъ, негодяемъ...
Нѣтъ, никогда.. Я весь огнемъ сжигаемъ....
Слабѣетъ умъ... въ вискахъ какой то-стукъ...

(Пауза. Онъ задумывается.)

Такъ вотъ что совершается вокругъ...
Хотятъ построить адскую машину
Съ чудовищной механикой... туда,
Чтобъ испытать ужасную пружину,
Слугу подъ жерновъ бросить безъ труда,
Пустить колеса страшныя въ движенье
И не дрожать въ то самое мгновенье,
Когда мелькать начнутъ изъ-подъ колесъ
Съ разбитой головы клочки волосъ
И клочья человѣческаго тѣла,
Для мщенія задуманнаго смѣло...
Лакея жизнь теперь не дорога...
Онъ развѣ человѣкъ? Онъ только лишь—слуга.

(Обращаясь къ донъ Саллюстію.)

Но, нѣтъ, маркизъ, не все еще пропало!
Не пущены еще колеса въ ходъ...
Пусть на меня ударъ вашъ не падетъ

(Бросается къ его ногамъ.)

И чтобъ она его не испытала...
Пощады ей!.. Молю васъ объ одномъ!..
Я, вѣрный рабъ, во всемъ вамъ покоряюсь ..
Пощады ей! Пощады дожидаюсь.

Донъ Саллюстій. Мы никогда другъ друга не поймемъ.
Несносно это очень...

Рюи Блазъ (ползая у его ногъ.)

Пощадите!

Донъ Саллюстій. Пожалуйста, все это прекратите.

(Оборачиваясь къ окну.)

Вы не совсѣмъ закрыли здѣсь окно,
Такъ что несетъ...

(Идетъ къ окну и запираетъ его.)

Рюи Блазъ (поднимаясь.)

Довольно! Рѣшено!.
Вы съ герцогомъ Ольмедо говорите:
Теперь министръ стоитъ напротивъ васъ.

Донъ Саллюстій. Какъ, что такое? Ну-ка, повторите!
Вы въ самомъ дѣлѣ герцогъ, Рюи Блазъ?..
Снимите же повязку съ вашихъ глазъ:
Не вы,—донъ Цезарь—герцогъ...

Рюи Блазъ. Арестую
Я васъ сейчасъ....

Донъ Саллюстій. А я скажу, кто вы.

Рюи Блазъ (злобно.)

Но...

Донъ Саллюстій. Все предвидѣлъ я. Пусть я рискую,
Но въ рискъ пускаю обѣ головы—
Мою и вашу... Слишкомъ рано
Вы приняли побѣдоносный видъ.

Рюи Блазъ. Во всемъ запрусь тогда я...

Донъ Саллюстій. Вамъ же стыдъ,
Когда не побоитесь вы обмана...

Рюи Блазъ. У васъ нѣтъ доказательствъ...

Донъ Саллюстій. А у васъ
Нѣтъ памяти... Повѣрьте, Рюи Блазъ,
Что положенье ваше очень шатко

И вамъ скажу я не тая:
Вы только лишь моя перчатка,
Рука же—это я.

(Тихо, приближаясь къ Рюи Блазу.)

Послушай: если завтра по условью
Не сдѣлаешь того, что я сказалъ,
Обмолвившись, моргнешь неловко бровью,
Тогда, клянусь, не только ты пропалъ,
Но даже та, которую ты любишь.
Измѣнишь мнѣ и ты ее погубишь:
Публично, въ сотнѣ мѣстъ она
Позору тотчасъ будетъ предана;
За тѣмъ я къ ней бумагу отправляю,
Которую въ секретѣ сохраняю,
И въ ней она прочтетъ: „я, Рюи Блазъ,
Слуга и рабъ маркиза донъ Финлясъ
Даю обѣтъ—и частно и публично
Служить маркизу вѣрно и отлично.“

Рюи Блазъ (убитый, прерывающимся голосомъ.)

Я повинуюсь вамъ... я побѣжденъ...

(Дверь въ глубинѣ открывается. Начинаютъ входить члены тайнаго совѣта. Донъ Саллюстій быстро завертывается въ свой плащъ.)

Донъ Саллюстій (тихо.)

Идутъ.

(Онъ низко кланяется Рюи Блазу.)

Примите, герцогъ, мой поклонъ!..

(Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ IV.

Донъ Цезарь.

Маленькая комната, великолѣпная и мрачная. Карнизы и мебель старинаго фасона съ позолотою. Стѣны покрыты древними малиновыми, бархатными обоями, потертыми и лоснящимися мѣстами за спинками креселъ. По обоямъ широкія золотыя полосы, наложенныя вертикально. Въ глубинѣ двустворчатая дверь. Влѣво, срѣзаннымъ угломъ большой рѣзной каминъ, временъ Филиппа II, съ кованымъ желѣзнымъ гербовымъ щитомъ внутри. На противоположной сторонѣ, тоже въ срѣзанномъ углѣ маленькая низенькая дверь, выходящая въ темную комнатку. На лѣво одно окно, прорѣзанное очень высоко, покрытое рѣшеткой и съ скошеннымъ вверхъ подоконникомъ, подобнымъ тѣмъ, какіе бываютъ у тюремныхъ оконъ. На стѣнахъ нѣсколько старыхъ, закопченныхъ, полувыцвѣтшихъ портретовъ. Коммодъ съ венеціанскимъ зеркаломъ. Большія кресла временъ Филиппа III. Изукрашенный шкапъ у стѣны. Квадратный столъ съ письменными принадлежностями. Въ углу маленькій круглый столикъ съ позолоченными ножками. Утро.

При поднятіи занавѣса Рюи Блазъ въ черномъ платьѣ, безъ плаща и безъ ордена Руна, очень взволнованный, прохаживается большими шагами по комнатѣ. Въ глубинѣ стоитъ его пажъ, неподвижно, какъ бы ожидая приказаній.

СЦЕНА I.

Рюи Блазъ, Пажъ.

Рюи Блазъ (тихо, говоритъ самъ съ собою.)

Что дѣлать мнѣ?.. Спасти ее, спасти!
Хотя бы головы пришлось мнѣ не снести,
Хотя бы петля, казнь мнѣ угрожали,
Хотя бы муки ада ожидали,
Ее спасти я долженъ,—только какъ?..
Я за нее отдамъ всю кровь мою, всю душу,
Но предо мной интриги адской мракъ...
Какъ я интригу демона разрушу?
Да, замыслы его мнѣ нужно угадать...

Но этотъ человѣкъ, скрывается какъ тать;
Что дѣлаетъ во тьмѣ онъ? Вотъ задача...
Подумать стыдно мнѣ, что я, едва не плача,
Пощады для себя просилъ... О, трусъ!..
Какъ могъ подумать я,—я за себя стыжусь—
Чтобъ это злое, гнусное созданье,
Чтобъ бѣсъ добычу выпустилъ изъ рукъ,
Послушавшись слуги изъ состраданья...
Да развѣ дикій звѣрь смягчиться можетъ вдругъ?
— Спасти ее—вотъ что теперь лишь надо...
Я погубилъ, я долженъ и спасать...
О, я упалъ въ ничтожество опять
И снова обратился въ гада.
Ее спасти я долженъ,—но кругомъ
Владѣетъ всѣмъ здѣсь извергъ непреклонный:
Я, жизнь моя, ключи, весь этотъ домъ
Здѣсь все его. Онъ дверью потаенной
Сюда войдетъ негаданно во тьмѣ,
Ко всѣмъ дверямъ ключи въ его карманѣ...
Да, то былъ сонъ одинъ. Въ моемъ умѣ
Событія несутся, какъ въ туманѣ...
Помѣшанъ я... разсудокъ мой угасъ,
Охваченъ вихремъ злобы и сомнѣнья,
И, какъ тростникъ въ полночный бурный часъ,
Трепещетъ робко каждое мгновенье...
Но чтожъ теперь я долженъ предпринять?
Чтожъ дѣлать мнѣ?.. Во-первыхъ, несомнѣнно —
Дворца ей невозможно покидать...
Ей западню готовятъ непремѣнно,
Чему необходимо помѣшать...
Сквозь мракъ вездѣ опасность я предвижу,—
Я чувствую ловушку, но не вижу...
Предостеречь немедля, наконецъ,
Я долженъ королеву: чтобъ дворецъ

Она не покидала... Чрезъ кого же,
Однако, королеву извѣщу?

(Онъ печально задумывается. Вдругъ, какъ пораженный внезапной мыслію, онъ поднимаетъ голову.)

Донъ Гуританъ! Едва ли я сыщу
Другихъ людей честнѣй его и строже.
Онъ королеву любитъ такъ... Эй, пажъ!..

(Дѣлая знакъ пажу подойти. Тихо.)

Ступай къ донъ Гуритану. Передашь
Во-первыхъ мой поклонъ и извиненье;
Затѣмъ проси его, немедля ни мгновенья,
Ея величество тотчасъ же посѣтить
И отъ меня и отъ себя просить
Ни для кого, ни подъ какимъ предлогомъ
Дворца не покидать три дня...
Что бъ не случилось! Понялъ ты меня?
Три дня не оставлять дворца... Ну, съ Богомъ,
Бѣги!.. (призываетъ пажа снова.)

Постой.

(Вынимаетъ изъ своей записной книжки листокъ и карандашъ.)

Пусть эту пару словъ
Отдастъ онъ королевѣ и при этомъ
Самъ будетъ ко всему готовъ...

(Пишетъ быстро у себя на колѣняхъ.)

„Довѣриться прошу васъ всѣмъ совѣтамъ,
„Которые донъ Гуританъ вамъ дастъ.“

(Складываетъ записку и отдаетъ ее пажу.)

А про дуэль скажи Донъ Гуритану,
Пусть онъ ее забвенію предастъ,
Что передъ нимъ публично даже стану
Я извиняться, если хочетъ онъ;
Что занятъ я теперь и скорбью пораженъ,
Но, главное, скажи, что угрожаетъ
Опасность королевѣ: пусть она
Три дня дверей дворца не покидаетъ...

Иди жъ и все ты передай сполна,
Да не болтай объ этомъ никому ты...

Пажъ. Я преданъ вамъ. Не бойтесь...

Рюи Блазъ. Ну, смотри...
Теперь бѣги. Намъ дороги минуты...
Да все, что я сказалъ, не переври...

Пажъ. Не безпокойтесь, герцогъ... (уходитъ.)

Рюи Блазъ (оставшись одинъ, опускается въ кресло.)
По немногу,
Осиливъ страхъ, я началъ оживать,
Хоть многаго еще не въ силахъ я понять...
Да, выбралъ, кажется, я вѣрную дорогу:
Донъ Гуританъ!... Но самъ я? Ждать мнѣ иль не ждать
Прихода донъ Саллюстія? Не стоитъ!
Пусть мой уходъ его обезпокоитъ
На цѣлый день. Пойду я въ Божій храмъ,
Есть у меня потребность помолиться...

(Беретъ съ этажерки свою шляпу и звонитъ на столѣ въ колокольчикъ. Два негра въ одеждѣ изъ свѣтлозеленаго бархата и золотой парчи, въ сборчатыхъ курткахъ съ длинными басками появляются въ задней двери.)

Я ухожу.—Сейчасъ сюда явиться
Своимъ особымъ ходомъ долженъ къ вамъ
Одинъ сеньоръ и, очень можетъ статься,
Какъ дома, будетъ здѣсь распоряжаться:
Ему вы не мѣшайте... А другихъ,
Когда придутъ...

(Поколебавшись съ минуту.)

Вы впустите и ихъ!...

(Онъ жестомъ отпускаетъ негровъ, которые кланяются въ знакъ повиновенія и уходятъ.)

Идемъ!...

(Въ ту минуту, когда дверь запирается за Рюи Блазомъ, въ каминѣ слышится большой шумъ и въ него провалливается вдругъ какой-то человѣкъ, завернутый въ изорванный плащъ. Онъ кидается въ комнату. Это Донъ Цезарь.)

СЦЕНА II.

Донъ Цезарь.

(Растерянный, запыхавшійся, растрепанный, ошеломленный, съ радостнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ встревоженнымъ видомъ.)

Ну, что же! вотъ и я!...

(Встаетъ потирая себѣ ногу, на которую упалъ и выступаетъ въ комнату со множествомъ поклоновъ и снявъ шляпу.)

Не сѣтуйте, прошу васъ, на меня,
Вниманья своего ,не обращайте...
Сюда попалъ я мимоходомъ... Продолжайте
Свой разговоръ... Простите, что сюда
Попалъ я такъ нежданно, господа!...

(Останавливается среди комнаты и замѣчаетъ, что никого въ ней нѣтъ.)

Фу, пропасть! Никого нѣтъ! А слезая
Въ трубу, здѣсь будто слышалъ голоса я...

(Садясь въ кресло.)

Одинъ! прекрасно. Можно отдохнуть.
— Ухъ, сколько происшествій-то однако...
Я, какъ въ водѣ побывшая собака,
Съ себя испугъ едва могу стряхнуть...
Во-первыхъ, къ алгвазиламъ я попался,
Потомъ—корабль, корсары, городокъ,
Гдѣ я побоямъ страшнымъ подвергался,
Гдѣ съ желтою дикаркой повстрѣчался,
И убѣжать отъ ласкъ ея чуть могъ...
Потомъ ночной побѣгъ изъ заключенья
И—на испанскій берегъ возвращенье.
Потомъ, едва я на берегъ ступилъ,
На тѣхъ же алгвазиловъ наскочилъ.
Бѣгу отъ нихъ! ногъ подъ собой не слышу,

Въ саду вотъ этотъ домикъ вижу я, скачу,
Я на сарай, черезъ сарай на крышу
И чрезъ трубу въ каминъ сюда лечу
Гдѣ плащъ свой обрываю просто въ клочья...
О, донъ Саллюстія не прочь я
Великимъ негодяемъ называть!

(Смотрясь въ венеціанское зеркало, стоящее на комодѣ съ рѣзными ящиками.)

Камзолъ мой раздѣлилъ со мною всѣ крушенья...

(Онъ снимаетъ съ себя плащъ и осматриваетъ въ зеркало свой камзолъ изъ розоваго атласа, поношенный, разорванный и въ заплаткахъ; потомъ живо хватается за свою ногу, бросая взглядъ на каминъ.)

Однако жъ, чортъ возьми, я началъ сознавать,
Что и нога страдаетъ отъ паденья...

(Онъ выдвигаетъ ящики комода. Въ одномъ изъ нихъ находитъ бархатный свѣтлозеленый шитый золотомъ плащъ, данный донъ Саллюстіемъ Рюи Блазу. Онъ разсматриваетъ его и сравниваетъ съ своимъ.)

Вѣдь этотъ плащъ приличнѣе, чѣмъ мой.

(Онъ набрасываетъ зеленый плащъ на свои плечи, а свой кладетъ, тщательно сложивъ его, въ комодъ, присоединивъ къ нему и свою шляпу, которую прячетъ поздъ-плащъ ударомъ кулака. Потомъ онъ запираетъ ящикъ и прогуливается горделиво въ своемъ нарядномъ, шитомъ золотомъ, плащѣ).

И такъ, въ порядкѣ все. Вернулся я домой....
А, вы, мой милый родственникъ, хотѣли,
Чтобъ въ Африкѣ меня спокойно тигры съѣли!..
Я вамъ, любезный братецъ, отомщу,
Постойте,—только завтракъ отыщу....
Я къ вамъ явлюсь Донъ Цезаремъ, открыто,
Мошенниковъ такихъ съ собой влача,
Что испугаю даже палача,
И брошу васъ на жертву аппетита
Кредиторовъ безчисленныхъ моихъ,
Съ ихъ женами и дѣтищами ихъ...

(Онъ подмѣчаетъ въ углу великолѣпную пару полусапо-

жекъ съ кружевною обшивкою; быстро сбрасываетъ свои старые башмаки и безцеремонно надѣваетъ новые полусапожки.)

Теперь же осмотрѣться не мѣшаетъ....

(Осматриваетъ комнату со всѣхъ сторонъ.)

Темницу этотъ домъ напоминаетъ.

Удобный для трагедій... Тишина,

Тюремная рѣшетка у окна

И запертыя двери... Вѣроятно,

Сюда лишь сверху сходятъ, какъ вино

Вливается въ бутылку....

(Со вздохомъ.)

Ахъ, давно

Вина хорошаго не пилъ я.... А пріятно!..

(Онъ замѣчаетъ маленькую дверь на право, отворяетъ ее и входитъ быстро въ комнату, въ которую она ведетъ; потомъ возвращается съ видомъ изумленія.)

Есть отъ чего въ смущеніе придти:

Нѣтъ выхода и все здѣсь въ заперти.

(Идетъ къ двери въ глубинѣ театра, пріотворяетъ ее смотритъ наружу, потомъ снова опускаетъ ее и возвращается на авансцену.)

Нѣтъ никого... Такъ гдѣ же я, однако?..

А, впрочемъ, чтожъ? о чемъ мнѣ горевать?

Мнѣ удалось отъ стражи убѣжать,

Чего жъ пугаться въ домѣ этомъ мрака?

Таинственность? — Бѣда не велика.

(Снова садится въ кресло, лѣваетъ, и почти тотчасъ же встаетъ съ мѣста.)

Но, впрочемъ, здѣсь, ужасная тоска!..

(Замѣчая на лѣво, возлѣ срѣзаннаго угла комнаты, маленькій шкапъ въ стѣнѣ.)

Здѣсь, вѣрно, библіотека... Займусь-ка...

(Идетъ къ шкапу и отворяетъ его. Шкапъ оказывается хорошо снабженнымъ буфетомъ.)

Вотъ какъ! Пирогъ, арбузъ... здѣсь цѣлая закуска!

Полдюжины бутылокъ!.. О клянусь,

Я съ этою квартиркою мирюсь.

(Разсматривая по очереди всѣ бутылки.)

Да, этотъ шкапъ достоинъ уваженья...

(Онъ беретъ изъ угла маленькій столикъ, приноситъ его на авансцену и весело разставляетъ на немъ все, находившееся въ шкапу: бутылки, кушанья и пр. Прибавляетъ къ этому обѣденный приборъ. Потомъ берется за одну бутылку.)

Сперва вотъ эту книжку мы прочтемъ.

(Наливаетъ рюмку и выпиваетъ ее разомъ.)

Вотъ дивное твореньс
Того пѣвца, что солнцемъ мы зовемъ.
Такимъ напиткомъ можно насладиться...
Какая жъ книга можетъ съ нимъ сравниться?

(Ѣстъ.)

Я просто оживаю... За обѣдъ
Теперь примусь (ѣстъ.) Псы эти алгвазилы
Навѣрно потеряли ужъ мой слѣдъ
И совершенно выбились изъ силы (ѣстъ.)
О, ты, царь пироговъ!... Но если бы сюда
Вошелъ хозяинъ дома, я тогда....

(Идетъ къ буфету и беретъ изъ него рюмку и приборъ которые ставитъ на столъ.)

Съ нимъ раздѣлить готовъ всѣ эти блюда...
Лишь только бы меня не выгналъ онъ отсюда.
Потороплюсь окончить и потомъ...

(Глотаетъ двойные куски.)

Осматривать начну весь этотъ домъ.
Я думаю, живетъ въ немъ добрый малый
Иль только здѣсь скрывается, пожалуй,
Любовная интрижка. Ну, такъ чтожъ?
На скромнаго я странника похожъ,
Гостепріимства только я желаю
И по античному, какъ встарь,

(Полупреклоняется, охватывая столъ руками.)

Хочу обнять классическій алтарь. (Пьетъ вино.)
Кто пьетъ вино такое, полагаю,
Тотъ человѣкомъ злымъ не можетъ быть,

И я ему рѣшаюсь объявить,
Кто я таковъ... Пора же мнѣ открыться...
О, Донъ Саллюстій будетъ же бѣситься...
Какъ? побродяга, нищій и бандитъ,
Разбойникомъ прослывшій и буяномъ,
Окажется Донъ Цезаремъ Бассаномъ.
Каковъ сюрпризъ? Скандалъ на весь Мадридъ.
По городу начнется суматоха,
Вездѣ я сказкой дѣлаться начну
И, словно бомба, общество вспугну.
О, Донъ Саллюстію придется очень плохо.
Да, господа, Донъ Цезарь вновь воскресъ!...
Предвидѣть можно, сколько будетъ споровъ:
Вкругъ шепотъ дамъ, проклятія повѣсъ
И лай моихъ голодныхъ кредиторовъ...
Роль хороша! (печально), Лишь въ деньгахъ недочетъ...

(Шумъ за дверью.)

Сюда идутъ... Сказать могу впередъ:
Какъ гаеръ, я отсюда изгнанъ буду.
Но все равно,—не въ первый разъ быть худу.
Лишь не робѣй, Донъ Цезарь...

(Закутывается въ свой плащъ до самыхъ глазъ. Дверь въ глубинѣ отворяется. Входитъ ливрейный лакей, съ большимъ кожанымъ мѣшкомъ на спинѣ.)

СЦЕНА III.

Донъ Цезарь, Лакей.

Донъ Цезарь. (Оглядывая лакея съ ногъ до головы.)
Милый другъ,
Кого тебѣ? (Тихо.)
Я долженъ скрыть испугъ:
Въ опасности—лишь смѣлость помогаетъ...

Лакей. Донъ Цезарь...

Донъ Цезарь (открывая свое лицо.)

(Тихо.) Чудеса! меня онъ называетъ.

(Громко.) Донъ Цезарь я, Донъ Цезарь самъ я есть.

Лакей. Вы?

Донъ Цезарь. Чортъ возьми! Имѣю эту честь.

Я Цезарь настоящій и единый...

Лакей (Клади мѣшокъ на кресло.)

Такъ потрудитесь деньги эти счесть.

Донъ Цезарь (Ошеломленной, тихо.)

Какъ, деньги? Это пахнетъ чертовщиной.

(Громко.) Любезный мой!

Лакей. Нельзя ли счетъ свести:

Къ вамъ эти деньги велѣно снести..

Донъ Цезарь (важно.)

А, знаю я. (Тихо.) Тутъ чортъ сломаетъ ногу!..

Но, впрочемъ, пусть!.. Все къ лучшему идетъ.

Я поправляться началъ по немногу...

(Громко.) Нужна тебѣ росписка или счетъ?

Лакей. О, нѣтъ, сеньоръ!..

Донъ Цезарь (указывая ему на столъ.)

Такъ сдѣлай одолженье

Клади сюда... (Лакей повинуется.) Кто деньги мнѣ прислалъ?

Лакей. Вы сами знаете...

Донъ Цезарь. Безъ всякаго сомнѣнья,

Еще бы я не зналъ...

Но, все-таки...

Лакей. Прибавлю въ заключенье:

Послалъ ихъ тотъ, кого должны вы знать...

Для дѣла, вамъ извѣстнаго...

Донъ Цезарь (довольный объясненіемъ.)

Понятно!

Лакей. Должны мы осторожность соблюдать...

Тсь!..

Донъ Цезарь. Тсъ!.. Повтори: послалъ ихъ... вѣроятно...
Эфектныя слова!.. Ну, повтори опять.
Лакей. Послалъ вамъ деньги...
Донъ Цезарь. Все я понимаю:
Прислалъ мнѣ деньги тотъ, кого я знаю...
Лакей. А для чего—должны вы сами знать.
Должны мы...
Донъ Цесарь. Оба!!!...
Лакей. Очень осторожно
Себя вести...
Донъ Цезарь. Понять все ясно можно...
Лакей. Повиноваться долженъ я, но самъ
Тутъ ровно ничего не понимаю.
Донъ Цезарь. Тебѣ-ль понять!..
Лакей. А все понятно вамъ?
Донъ Цезарь. Еще бы, я давно объ этомъ знаю.
Лакей. Я очень радъ.
Донъ Цезарь. Все ясно мнѣ, мой другъ.
Когда мнѣ присылаютъ деньги вдругъ,
То, кажется, что это очень ясно...
Лакей. Тсъ!..
Донъ Цезарь. Тсъ!!!.. Болтать намъ такъ опасно...
Лакей. Но вамъ бы нужно деньги сосчитать...
Донъ Цезарь. Ты за кого меня считаешь?

(Любуясь на туго набитый мѣшокъ, лежащій на столѣ.

Вотъ брюшко-то!...
Лакей (настаивая.)
Но, какъ...
Донъ Цезарь. Тебѣ я вѣрю и безъ счета.
Лакей. Въ мѣшкѣ, сеньоръ, должны вы разобрать
Дублоны и квадруплы золотые;
Есть въ соверенахъ золото опять,
Есть серебро: все деньги не пустыя...

(Донъ Цезарь открываетъ мѣшокъ и вытаскиваетъ изъ него разные мѣшечки, набитые серебромъ и золотомъ; онъ

открываетъ ихъ и высыпаетъ съ удовольствіемъ на столъ. Потомъ цѣлыми пригоршнями беретъ золото, и наполняетъ имъ свои карманы).

Донъ Цезарь. (прерывая свое занятіе съ величіемъ тихо.)

Романъ мой подъ конецъ своихъ чудесъ
Даритъ мнѣ милліонъ въ замѣнъ всѣхъ испытаній.

(Начинаетъ снова наполнять карманы.)

Какой восторгъ! я сталъ богатъ какъ Крезъ.

Лакей (смотрящій на него невозмутимо.)

Я ожидаю вашихъ приказаній.

Донъ Цезарь (оборачиваясь).

Зачѣмъ?

Лакей. Затѣмъ, чтобъ поскорѣе совершить.
То самое, что вамъ однимъ извѣстно...
Великій интересъ есть, можетъ быть...

Донъ Цезарь (перебивая его съ видомъ полнаго пониманія.)

Да, онъ, великъ, повсюду, повсемѣстно...

Лакей. Чтобъ это было сдѣлано тотчасъ...
Я говорю, какъ получилъ на то приказъ.

Донъ Цезарь (хлопая его по плечу.)

И говори всегда такъ смѣло:
Люблю я вѣрныхъ слугъ...

Лакей. Чтобъ не замѣдлить дѣла
Меня мой господинъ на помощь къ вамъ прислалъ.

Донъ Цезарь. Мы сдѣлаемъ все то, что онъ желалъ. (Тихо.)
Пускай меня повѣсятъ, но отвѣта
Ему мнѣ не придумать... что сказать? (Громко.)
Поди сюда... Чтобъ дѣло намъ начать,

(наливаетъ вино въ другую рюмку.)

Во-первыхъ, выпейка ты это!

Лакей (смущаясь).

Сеньоръ...

Донъ Цезарь. Ну, пей...

(Лакей пьетъ, Донъ Цезарь наливаетъ ему еще.)

Отличное вино!...

(Заставляетъ лакея сѣсть и пить и наливаетъ ему другого вина.)

Поговоримъ; (тихо) глаза его посоловѣли...

(Громко, растягиваясь на своемъ стулѣ.)

Жизнь наша, другъ любезный, все равно,
Что дымъ...

(Наливаетъ ему вина.)

На самомъ дѣлѣ,
Я глупое сравненіе привелъ.
Дымъ вырвался и къ небесамъ ушелъ,
А мы внизу лишь можемъ кувыркаться...

(Потираетъ себѣ ногу.)

Скорѣй свинцомъ мы можемъ называться.
Да, человѣкъ подлѣйшій есть свинецъ!

(Наливаетъ объ рюмки.)

Ну, выпьемъ. Всѣ твои дублоны подъ конецъ
Не стоятъ пѣсни пьяницы, мой милый.

(Приближаясь съ таинственнымъ видомъ.)

Но мы благоразумны быть должны!
Необходимъ фундаментъ для стѣны,
А безъ него какой же будетъ силой
Она держаться?... Ну-ка, милый другъ,
Поправь мой плащъ; крючекъ сорвался вдругъ...

Лакей (высокомѣрно.)

Сеньоръ, я не слуга вашъ..

(Прежде чѣмъ донъ Цезарь успѣлъ помѣшать ему, онъ звонитъ въ стоящій на столѣ колокольчикъ).

Донъ Цезарь (испуганный, тихо.)

Я попался...
Сюда войдетъ хозяинъ, можетъ быть,
И выгонитъ меня... Вотъ я чего дождался!..

(Входитъ одинъ изъ негровъ. Донъ Цезарь въ сильнѣйшемъ страхѣ отворачивается къ противоположной сторонѣ, какъ бы не зная, что дѣлать).

Лакей (негру.)

Поправь сеньору плащъ!..

(Негръ важно приближается къ донъ Цезарю, который смотритъ съ остолбенѣніемъ на его дѣйствія, застегиваетъ его плащъ, кланяется и уходитъ, оставя донъ Цезаря окаменѣлымъ).

Донъ Цезарь (вставая изъ-за стола, тихо.)

Клянусь, тутъ долженъ жить
Самъ Вельзевулъ!...

(Прохаживается по авансценѣ большими шагами.)

Такъ чтожъ? Пускай идетъ такъ дѣло!
Что мнѣ даютъ, я буду брать все смѣло.

(Обращаясь къ сидящему за столомъ лакею, который продолжаетъ пить и начинаетъ покачиваться на стулѣ.)

Минуточку терпѣнья ты возьми.

(Тихо раздумывая.)

Положимъ, я раздѣлаюсь съ долгами...
— Вотъ вздоръ какой!... Я съ этими людьми
Покончу кой какими платежами
Въ счетъ долга... Нѣтъ, и это сущій вздоръ!..
О, золото! Уже съ давнишнихъ поръ
Ты человѣка только развращало
И будь онъ хоть потомкомъ Аннибала,
Его навѣрно деньги обратятъ
Въ простого мѣщанина.... Вѣдь наврядъ
Повѣритъ кто нибудь, что я желаю
Платить долги!..

Лакей (опоражнивая свою рюмку.)

Что нужно вамъ, сеньоръ?

Донъ Цезарь. Оставь меня, я размышляю...
Ты пей пока, забывши разговоръ.

(Лакей принимается снова пить. Донъ Цезарь продолжаетъ размышлять и вдругъ ударяетъ себя по лбу, какъ бы напавъ на счастливую мысль.)

Ба!.. (Лакею) Ну, вставай, и что скажу, исполни...
Сперва карманы золотомъ наполни.

(Лакей спотыкаясь встаетъ и наполняетъ золотомъ карманы своего камзола. Донъ Цезарь помогаетъ ему, продолжая.)

Минуй большую площадь: тамъ войдешь
Ты въ домикъ небольшой подъ номеромъ девятымъ.
Прелестный домъ,—лишь только иногда тамъ
Окно бумагою заклееннымъ найдешь...

Лакей. *Прямой* вертепъ!..

Донъ Цезарь. Скорѣй *косой*, ей Богу!.
На лѣстницѣ легко сломать тамъ ногу.
Остерегись...

Лакей. Тамъ лѣстница крута?

Донъ Цезарь. Да. И по ней идти ты долженъ кротко...
Тамъ на верху живетъ одна красотка;
Увидишь самъ—какая красота:
На ней прическа нѣсколько измята,
Приземиста она и рыжевата...
Премиленькая женщина! Будь съ ней,
Съ Люциндою, возлюбленной моей,
Почтителенъ, любезный мой... Она
Предъ папою въ иныя времена
По вечерамъ фанданго танцовала.
Ей сто дукатовъ долженъ ты отдать.
Затѣмъ, ты тамъ же долженъ отыскать
Съ багровымъ носомъ толстаго нахала,
Въ потертой ветхой шляпѣ безъ пера,
Въ лохмотьяхъ и со шпагой у бедра.
Ему отдашь ты шесть піастровъ... Далѣ:
Вблизи найдешь ты кабачекъ въ подвалѣ,
Онъ теменъ и незрачевъ, какъ нора.
И тамъ до ночи съ ранняго утра
Сидитъ и пьетъ одинъ сеньоръ приличный;
Онъ—Гулатромба, другъ мой закадычный.
Ему ты тридцать скуди можешь дать;
Пусть ихъ пропьетъ онъ тотчасъ,—я опять
Его снабжу монетами. При этомъ
Различнымъ молодцамъ полуодѣтымъ
Ты можешь деньги щедро разсыпать,

Хотя бъ они глаза таращить стали
И рты отъ удивленья раскрывали...

Лакей. Потомъ, сеньоръ?

Донъ Цезарь. А все, что не роздашь—
Бери себѣ, мой милый... Въ заключенье....

Лакей. Что скажете, сеньоръ? Приказъ исполню вашъ.

Донъ Цезарь. Потомъ, болванъ, напейся до забвенья,
Посуду бей, шуми, кричи, дерись
И только завтра ночью возвратись.

Лакей (пьянъ.)
Исполню, принцъ.

(Онъ направляется къ двери, шатаясь изъ стороны въ сторону.)

Донъ Цезарь (смотря на него, тихо.)
Онъ очень пьянъ, однако.

(Вновь подзываетъ его. Тотъ приближается.)

Эй, слушай-ка!.. Чтобъ уличный зѣвака
Тебя не осмѣялъ, смотри—приличнымъ будь,
Держись скромнѣй, а если какъ нибудь
Пять-шесть монетъ дорогой растеряешь,
Не подбирай съ земли ихъ. Понимаешь?
А бросится другой ихъ поднимать,
Какой нибудь бѣднякъ оборванный, убогой—
Пускай беретъ—и ты его не трогай.
Когда бъ залезли даже въ твой карманъ,—
Вѣдь не великъ отъ этого изъянъ! —
Не относись ты къ этому сурово
И снисходительность умѣй имъ показать...
Къ тому жъ, для нихъ, что шагъ—бѣда готова,
Такъ нужно же и ихъ побаловать...
(Съ грустью) Повѣсятъ ихъ, быть можетъ, въ заключенье...
А потому имѣй къ нимъ уваженье...
Теперь иди!..

(Лакей уходитъ. Донъ Цезарь, оставшись одинъ, снова садится, облокачивается на столъ и кажется погруженнымъ въ глубокое раздумье.)

Долгъ совѣсти храня,
Должны мы деньги тратить осторожно.
А остальныя деньги будетъ можно
Употребить на пользу добрыхъ дѣлъ...
Хоть, впрочемъ, очень шатокъ мой удѣлъ:
Все золото мое—я жду того мгновенья—
Отнимутъ у меня безъ всякаго стѣсненья...
Ошибка несомнѣнна. Тотъ болванъ
Все перевралъ...

(Дверь къ глубинѣ открывается снова. Входитъ Дуэнья, старая, сѣдая, въ черной баскинѣ и мантильѣ, съ вѣеромъ въ рукахъ.)

СЦЕНА IV.

Донъ Цезарь, Дуэнья.

Дуэнья (въ дверяхъ.)

Донъ Цезарь де-Бассанъ!..

Донъ Цезарь (погруженный въ свои размышленія, быстро поднимаетъ голову.)

Ну, кто еще! (Тихо) О, баба!..

(Пока дуэнья дѣлаетъ у входа низкій реверансъ, онъ выходитъ съ удивленіемъ на авансцену.)

Замѣшался

Тутъ или чортъ или донъ Саллюстій! Да,
Того гляди онъ явится сюда...
Дуэнья!.. (Громко) Цезарь—я. *(Тихо)* А, догадался!
Старухи предвѣщаютъ молодыхъ...

Дуэнья (дѣлая реверансъ и крестное знаменіе).

Я именемъ Христа и всѣхъ святыхъ
Въ день постный васъ привѣтствую...

Донъ Цезарь (тихо.)

Начало—

Благочестивое, а будетъ подъ конецъ—
Любовная развязка...

Дуэнья. Пусть Творецъ
Пошлетъ вамъ въ жизни радостей не мало...
(Таинственно) Кого нибудь, скажите, въ эту ночь
Не звали вы на тайное свиданье?

Донъ Цезарь. Я былъ всегда отъ этого не прочь.

Дуэнья (Вынимаетъ изъ своего корсажа сложенную записку, которую подноситъ ему, но не отдаетъ въ руки.)
Да, вотъ, мой милый скромникъ, то посланье,
Въ которомъ вы зовете къ поздній часъ
Къ себѣ того, кто очень любитъ васъ,
Кто вамъ извѣстенъ близко, вѣроятно.

Донъ Цезарь. Должно быть знаю.

Дуэнья. Очень мнѣ пріятно.
Должно быть, что замужняя жена
Являться осмотрительной должна, —
Ревнивые мужья теперь не рѣдки, —
И вотъ меня послали для развѣдки.
Она мнѣ неизвѣстна такъ какъ вамъ,
Но я про все узнала отъ субретки,
Повѣрила однимъ ея словамъ,
И говорю, именъ не называя...

Донъ Цезарь. Лишь кромѣ моего.

Дуэнья. Исторія простая.
Сеньора на свиданьѣ быть должна,
Однако, въ западню попасть боится, —
Предосторожность всюду пригодится, —
И вотъ меня прислала къ вамъ она,
И если это вами подтвердится...

Донъ Цезарь. О, старая ханжа!... Какъ посмотрю:
Вотъ острые шипы вкругъ нѣжнаго посланья!...
О, Господи! какое наказанье!..
Да, это я, тебѣ я говорю!

Дуэнья. (Кладя на столъ сложенную записку, которую Донъ Цезарь разсматриваетъ съ любопытствомъ.)

Ну, если точно вы, то напишите
На этомъ же письмѣ отвѣтъ такой,
Одно лишь только слово: „приходите!“
Но только не своей рукой,
Чтобъ никого не ставить въ затрудненье...

Донъ Цезарь. Кой чортъ!... (Тихо.)
Вотъ исполняетъ вѣрно порученье!...

(Протягиваетъ руку, чтобъ взять письмо, но оно оказывается вновь запечатаннымъ и Дуэнья не дозволяетъ дотронуться до него.)

Дуэнья. Читать нельзя. Конвертъ вѣдь вамъ знакомъ?

Донъ Цезарь. Еще бы! (Тихо.)
Знать хотѣлъ бы я, о чемъ
Тамъ писано... Ну, будемъ вѣрны роли...

(Звонитъ въ колокольчикъ. Входитъ одинъ изъ негровъ.)

Умѣешь ты писать?

(Негръ дѣлаетъ утвердительный знакъ. Удивленный Донъ Цезарь тихо.)

Онъ дѣлаетъ мнѣ знакъ!
(Громко) Ты что молчишь? Ты нѣмъ, мошенникъ, что ли?

(Негръ дѣлаетъ снова утвердительный знакъ, Донъ Цезарь снова удивляется,—тихо.)

Прекрасно! Гмъ!... Нѣмые... Вотъ здѣсь какъ...

(Указывая нѣмому на письмо, которое старуха придерживаетъ на столѣ.)

Ты напиши лишь только: „приходите.“

(Нѣмой пишетъ. Донъ Цезарь дѣлаетъ Дуэньѣ знакъ взять письмо, а нѣмому знакъ уйдти. Тотъ уходитъ. Тихо.)

Послушенъ онъ.

Дуэнья. (Прячa письмо за корсажъ и подходя ближе къ Донъ Цезарю.)
Сегодня къ ночи ждите
Ее къ себѣ... Красива ли она?

Донъ Цезарь. Прелестна!..

Дуэнья. Очень тоже недурна
Ея служанка. Въ церкви очень ловко
Она меня въ сторону отвела...
Красавица, и—видно, что плутовка,
И знаетъ всѣ любовныя дѣла.

Донъ Цезарь (тихо.)
Мнѣ и служанки было бы довольно!

Дуэнья. Всѣмъ безобразнымъ людямъ очень больно
Вблизи себя красивыхъ выносить,
А потому привыкли мы цѣнить
Султаншу—по рабѣ и по слугѣ—вельможу...
Вѣдь ваша-то навѣрное пригожа?

Донъ Цезарь. Могу похвастать, да...

Дуэнья (дѣлая прощальный реверансъ.)
Цѣлую руки вамъ...

Донъ Цезарь (давая ей горсть дублоновъ.)
Чтобъ помнила не по однимъ словамъ—
Бери, карга!...

Дуэнья (прячa деньги въ карманъ.)
Теперь вездѣ шутливо
Болтаютъ молодые люди...

Донъ Цезарь (отпуская ее.)
Ну, иди!...

Дуэнья (съ поклонами.)
Когда придетъ нужда... Меня зовутъ Олива.
Въ аббатствѣ Санъ-Исидро...
(Уходитъ. Потомъ снова пріотворяетъ дверь и выставляетъ голову.)
Впереди,
Подъ третьею колонною отъ входа
Меня найдете вы всегда среди народа.
(Донъ Цезарь съ нетерпѣніемъ оборачивается. Дверь захлопывается, потомъ отворяется снова и старуха показывается опять.)
Она придетъ къ вамъ нынче... О, сеньоръ,
Когда вы помолиться захотите,
Меня въ своихъ молитвахъ помяните!...

Донъ Цезарь (Съ гнѣвомъ ее прогоняя.)

Ну!

(Дуэнья изчезаетъ. Дверь затворяется.)

Донъ Цезарь (Одинъ.)

Кончено! Рѣшаюсь съ этихъ поръ
Здѣсь ничему ужь больше не дивиться:
Мнѣ словно на луну пришлось переселиться.
Теперь вотъ, напримѣръ, мнѣ посылаетъ Богъ
Любовное свиданье, приключенье...
Что жъ, голодъ утоливши, я бы могъ
И сердце утолить... (задумываясь.)
Отличнѣйшій прологъ!...
Но каково-то будетъ заключенье?...

(Дверь въ глубинѣ снова отворяется. Является донъ Гуританъ съ двумя длинными шпагами подъ мышкой.)

СЦЕНА V.

Донъ Цезарь, Донъ Гуританъ.

Донъ Гуританъ (въ глубинѣ сцены.)

Донъ Цезарь де-Бассанъ!

Донъ Цезарь (оборачиваясь.)

А, наконецъ!...
Романъ мой стоитъ полнаго вниманья!
Обѣдъ съ виномъ, съ дублонами гонецъ,
Дождь золотой, любовное свиданье
И поединокъ грозный! О, клянусь,
Донъ Цезаремъ я снова становлюсь.

(Весело, со множествомъ самыхъ привѣтливыхъ поклоновъ встрѣчаетъ донъ Гуритана, который устремляетъ на него безпокойный взглядъ и направляется съ натянутымъ видомъ на авансцену.)

Сюда, сеньоръ. Прошу васъ, быть, какъ дома...
(Онъ придвигаетъ ему кресло. Донъ Гуританъ остается стоя.)
Садитесь. Очень радъ. Мнѣ чванство незнакомо.
Пріятно съ вами мнѣ потолковать.
Чѣмъ занятъ вашъ Мадридъ, пожалуйста скажите?
Что до меня, я какъ чужой въ Мадридѣ;
И все еще готовъ предполагать,
Что въ городѣ есть только два кумира:
Маталабосъ и ваша Линдаміра.
Маталобосъ, ей богу, мнѣ страшнѣй:
Одинъ—воруетъ деньги очень ловко,
Другая же—сердецъ однихъ воровка...
О женщины, сеньоръ! Проклятыхъ ихъ когтей
Я испыталъ губительную силу
И, вѣрно ужь сойду такимъ въ могилу:
Наставьте же меня на истинный вы путь;—
Вѣдь совѣстно мнѣ на себя взглянуть:
Я трупъ одинъ, мертвецъ непогребенный,
Гидальго, волъ какой-то отупленный...
Изъ самыхъ съумазбродныхъ странъ сюда
Недавно возвратился я...

Донъ Гуританъ. Когда?

Моя судьба на вашу въ томъ похожа:
Не хуже васъ я прогулялся то же.

Донъ Цезарь (весело.)

Какой же былъ надъ вами небосклонъ?
Откуда жъ вы, гдѣ вамъ пришлось такъ туго?

Донъ Гуританъ. Оттуда, съ сѣвера.

Донъ Цезарь. А я такъ дальше—съ юга.

Донъ Гуританъ. Сеньоръ, могу сказать вамъ—я взбѣшонъ.

Донъ Цезарь. Не правда ли? Скажу свое вамъ мнѣнье:
Я просто нахожусь въ остервенѣньи.

Донъ Гуританъ. Я тысячу проѣхалъ миль!

Донъ Цезарь. Я двѣ!...
Все вдругъ въ моей смѣшалось головѣ.

Я видѣлъ женщинъ разныхъ: женщинъ черныхъ,
Коричневыхъ, и желтыхъ, и зеленыхъ;
Я посѣтилъ благословенный міръ
И городокъ счастливѣйшій Алжиръ;
Отъ ужаса въ Тунисѣ чуть не плакалъ,
Гдѣ иногда людей сажаютъ на̀-колъ
И у дверей бросаютъ бѣдняковъ:
У добрыхъ мусульманъ обычай есть таковъ.

Донъ Гуританъ. Меня, сеньоръ, жестоко осмѣяли.

Донъ Цезарь. Меня же продали.

Донъ Гуританъ. Меня, сеньоръ, изгнали.

Донъ Цезарь. Меня чуть не повѣсили, сеньоръ.

Донъ Гуританъ. Я былъ отосланъ въ Нейбургъ на позоръ.
Съ шкатулкою,—вы сами посудите!—
Съ прибавкою такого письмеца:
„Вы у себя подольше задержите
Къ вамъ присланнаго стараго глупца!“

Донъ Цезарь (расхохотавшись.)
Дивиться вашей злобѣ я не стану!
Но кто же одурачить вздумалъ васъ?

Донъ Гуританъ. О, шею я сверну Донъ Цезарю Бассану!

Донъ Цезарь (серьезно.)
А!...

Донъ Гуританъ. Мало это, однако. Онъ сейчасъ
Прислалъ ко мнѣ лакея съ извиненьемъ.
Лакея, поняли?—Какъ я снести могу?
Въ тюрьму я посадить велѣлъ слугу,
А самъ сюда пришелъ за объясненьемъ.
Донъ Цезарь—замѣчательный наглецъ!
И я его убью. Да гдѣ жъ онъ наконецъ?

Донъ Цезарь (все также серьезно.)
Донъ Цезарь—я.

Донъ Гуританъ. Вы пошутить хотите?

Донъ Цезарь. Я—Цезарь.

Донъ Гуританъ. Вы? Еще?

Донъ Цезарь. Еще, конечно такъ!..
Донъ Гуританъ. Любезный мой, прошу васъ, не шутите...
Мнѣ скученъ сталъ подобный весельчакъ.
Донъ Цезарь. А вотъ меня такъ сами вы смѣшите...
Я вижу, что ревнивецъ вы большой,
За что жалѣю васъ, повѣрьте, всей душой;
Жаль потому васъ, милый мой, что людямъ
Вездѣ, всегда вредить не столько могъ
Другихъ людей порокъ,
Какъ собственный порокъ ихъ.... Въ этомъ будемъ —
Мы справедливы... Лучше во сто разъ
Быть бѣднякомъ, чѣмъ скрягой-нечестивцемъ,
Обманутымъ супругомъ, чѣмъ ревнивцемъ.
То и другое, впрочемъ, вижу въ васъ....
Сегодня вечеромъ, клянусь вамъ сатаною,
Я жду свиданья съ вашею женою.
Донъ Гуританъ. Съ моей женой?
Донъ Цезарь. Да, да, вамъ говорятъ.
Донъ Гуританъ. Послушайте, да я и не женатъ.
Донъ Цезарь. Къ чему жъ вы суматоху поднимали?..
Онъ не женатъ! А битыхъ полчаса,
Какъ тигръ, какъ мужъ обманутый, рычали
И на себѣ едва не рвали волосa!!..
Къ чему же я въ совѣтахъ изощрялся?.
Въ несчастіи утѣшить васъ старался?
Но если точно нѣтъ у васъ жены,
То по какому праву, объясните,
Вы такъ непозволительно смѣшны?
Донъ Гуританъ. Вы вывесть изъ себя меня хотите?
Донъ Цезарь. А если бъ такъ?
Донъ Гуританъ. Но это слишкомъ!...
Донъ Цезарь. Да?
Донъ Гуританъ. Обидъ я не прощаю никогда.
Донъ Цезарь (осматривая съ насмѣшливымъ видомъ новомодные баш-

маки Донъ Гуритана, которые совершенно исчезаютъ подъ множествомъ лентъ.)

Носили ленты всѣ когда-то
На головѣ, теперь же, о, мой Богъ! —
Онѣ есть украшенье для сапогъ,
Какъ голова, украшенныхъ богато.
Да это, вѣдь, прелестно!..

Донъ Гуританъ. Рѣшено!..
Мы съ вами будемъ драться!

Донъ Цезарь (невозмутимо.)
Неужели?

Донъ Гуританъ. Не Цезарь вы, но это все равно.
Я съ васъ начну...

Донъ Цезарь. Смотрите: на дуэли
Чтобъ вамъ не кончить мной сегодня...

Донъ Гуританъ (подавая ему одну изъ шпагъ.)
Фатъ!

Сейчасъ же!..

Донъ Цезарь (принимая шпагу.)
О, извольте! Очень радъ!
Охотникъ до подобныхъ я прогулокъ.

Донъ Гуританъ. Гдѣ жъ драться?

Донъ Цезарь. За стѣной. Пустынный переулокъ.

Донъ Гуританъ (пробуя остріе шпаги на полу.)
А Цезаря ужъ я убью потомъ.

Донъ Цезарь. Дѣйствительно?

Донъ Гуританъ. Могу ручаться въ томъ.

Донъ Цезарь (тоже пробуя свою шпагу.)
Ну, если кто нибудь изъ насъ протянетъ ноги,
То Цезаря едва ли вамъ убить.

Донъ Гуританъ. Теперь идемъ.

(Они уходятъ. Слышенъ звукъ удаляющихся шаговъ. Въ стѣнѣ направо открывается маленькая потайная дверь. Въ нее входитъ Донъ Саллюстій.)

СЦЕНА VI.

Донъ Саллюстій (одѣтый въ темнозеленое, почти черное платье. Онъ кажется мрачнымъ и озабоченнымъ. Смотритъ и прислушивается съ безпокойствомъ.)

Чѣмъ это объяснить?
Гдѣ жъ всѣ приготовленія къ дорогѣ?
(Увидя столъ, заставленный кушаньями.)
Что жъ это значитъ?
(Слыша шаги Цезаря и Гуритана.)
Что тамъ за возня?
(Задумчиво прохаживается по авансценѣ.)
Сегодня,—Гюдіэль такъ извѣстилъ меня —
Отсюда нажъ пошелъ къ Донъ Гуритану...
А Рюи Блазъ... гдѣ жъ онъ? И что я дѣлать стану?
О, дьяволы! Чрезъ Гуритана, можетъ быть,
Онъ королеву могъ предупредить...
Спросить нѣмыхъ? Но это не поможетъ...
О, Гуританъ мнѣ все испортить можетъ!..
Его-то я и не имѣлъ въ виду...
(Донъ Цезарь возвращается. Онъ держитъ въ рукахъ шпагу, которую, входя, бросаетъ на кресло.)

СЦЕНА VII.

Донъ Саллюстій, донъ Цезарь.

Донъ Цезарь (на порогѣ.)
Я такъ и зналъ, что здѣсь его найду.
А, старый дьяволъ!
Донъ Саллюстій (оборачиваясь, въ остолбенѣніи.)
Цезарь!..

Донъ Цезарь (скрещивая руки, съ хохотомъ.)

Вижу: затѣвали

Вы страшную интригу, милый человѣкъ,

И, кажется, совсѣмъ меня не ждали,

А я, какъ на голову снѣгъ,

Сюда упалъ и ваше предпріятье

Разстроилъ неожиданно.

Донъ Саллюстій (тихо.)

Проклятье!

Погибло все!..

Донъ Цезарь (смѣясь.)

Я съ самаго утра

Здѣсь понадѣлалъ множество добра:

Я разрываю вашу паутину,

Разбрасываю вырытую мину

И весь вашъ планъ сталъ мыльнымъ пузыремъ...

Клянусь вамъ, это весело!

Донъ Саллюстій. О, демонъ!

Что сдѣлалъ онъ? Сюда попалъ зачѣмъ онъ?

Донъ Цезарь (хохоча громче и громче.)

Но дальше это дѣло разберемъ.

Вашъ человѣкъ мнѣ золото приноситъ

И все, что знаю я, исполнить проситъ...

— Что знаю я? (хохочетъ) я со-смѣху умру...

Донъ Саллюстій. Гдѣ жъ человѣкъ, здѣсь бывшій по утру?

Донъ Цезарь. Я пьянымъ напоилъ его.

Донъ Саллюстій. А деньги?

Донъ Цезарь (величественно.)

Разнымъ людямъ

Я раздарилъ ихъ... Въ счастьи не забудемъ

Мы никогда друзей своихъ...

Донъ Саллюстій. Меня

Подозрѣваешь, Цезарь, ты напрасно...

Донъ Цезарь (потрихивая своими карманами.)

Но и себя я наградилъ прекрасно,

Въ карманахъ чистымъ золотомъ звеня...
Понятно вамъ? (Принимается снова хохотать.)
Теперь займусь сеньорой,
Одной прелестной женщиной...

Донъ Саллюстій (съ безпокойствомъ.)
А!..

Донъ Цезарь (замѣчая его безпокойство).
Которая извѣстна вамъ, которой
Ко мнѣ дуэнья прислана была, —
Преотвратительная баба съ бородою
И съ краснымъ носомъ...

Донъ Саллюстій. Для чего жъ?

Донъ Цезарь. А для того, — ты все сейчасъ поймешь —
Дѣйствительно ли съ дамой молодою
Я, Цезарь, нынче видѣться желалъ?

Донъ Саллюстій (тихо.)
Все кончено!.. (громко.) Такъ что жъ ты ей сказалъ?

Донъ Цезарь. Сказалъ, что буду дамы дожидаться
Сегодня, мой любезный...

Донъ Саллюстій (тихо).
Можетъ статься,
Не все еще потеряно...

Донъ Цезарь. Потомъ
Вашъ дуэлистъ съ нахмуреннымъ челомъ,
Который лишь предъ боемъ мнѣ признался,
Что онъ Донъ Гуританомъ назывался;
(Донъ Саллюстій дѣлаетъ движенье.)
Который нынче утромъ получилъ
Черезъ слугу отъ Цезаря посланье,
Чѣмъ возмущенъ мудрецъ сей очень былъ,
Пришелъ сюда и выразилъ желанье
Подобную обиду кровью смыть.

Донъ Саллюстій. И какъ же вздумалъ съ нимъ ты поступить?

Донъ Цезарь. Убилъ я гуся этого.

Донъ Саллюстій. Навѣрно?

Донъ Цезарь. Я думаю. Жизнь кончить такъ—прескверно:
Тамъ, у стѣны онъ испускаетъ духъ.
Донъ Саллюстій. И онъ убитъ?
Донъ Цезарь. Боюсь, что такъ случилось...
Донъ Саллюстій (тихо.)
Ухъ!
Я ожилъ вновь... Онъ не испортилъ дѣла,
Напротивъ даже—нѣсколько помогъ...
Все-жъ отъ друзей такихъ пусть насъ избавитъ Богъ!
Его куда нибудь спровадить нужно смѣло.
А деньги—вздоръ... (Громко.) Я не могу постичь
Всего, что здѣсь случилось... Не видали
Вы никого еще?
Донъ Цезарь. Нѣтъ, но увижу. Кликну кличъ,
Чтобъ черезъ часъ во всемъ Мадридѣ знали,
Кто я таковъ! отличнѣйшій скандалъ
Устрою я!...
Донъ Саллюстій (тихо.)
Чтобъ чортъ его побралъ!
(Живо подходя къ Донъ Цезарю.)
Все золото бери и уходи отсюда...
Донъ Цезарь. А вы меня прикажете ловить!...
Я знаю, какова у васъ причуда...
И мнѣ опять придется, можетъ быть,
Лазурью безконечной любоваться
На Средиземномъ морѣ!... Нѣтъ, шалишь!...
Донъ Саллюстій. Напрасно съ недовѣріемъ глядишь
Ты на меня...
Донъ Цезарь. И я готовъ ручаться,
Что здѣсь въ дворцѣ, похожемъ на тюрьму,
Вы яму роете... не знаю я кому.
Донъ Саллюстій. Но, Цезарь...
Донъ Цезарь. Я же съ горяча
Являюсь, разрушаю все и—баста!...
Донъ Саллюстій. Клянусь тебѣ...

Донъ Цезарь. А, вы клянетесь часто!...
Разрушить все — теперь я хлопочу.
Но только самъ при этомъ быть хочу.
Я знаю, милый братецъ, что вы ло́вки:
Трехъ куколъ на одной веревкѣ
Не станете вы дергать никогда,
А я — одна изъ нихъ, и потому-то
Я остаюсь, чтобъ не пришлось мнѣ круто.
Донъ Саллюстій. Но, знай...
Донъ Цезарь. Реторика!.. Вы, право, безъ стыда!
А! вы меня отправили къ пиратамъ!
Вы вздумали здѣсь съ умысломъ проклятымъ
Донъ Цезарей поддѣльныхъ создавать!
Мое вы имя смѣли оскорблять!
Донъ Саллюстій. Но это только случай!
Донъ Цезарь. Случай — блюдо,
Которое мошенники варятъ
Для дураковъ... Мы знаемъ всѣ не худо,
Что случай — вздоръ... Я очень радъ,
Что мнѣ пришлось разстроить эту драму.
Но я и тѣхъ спасу, кому вы рыли яму,
На каждомъ перекресткѣ прокричу,
Что Цезарь — я... Теперь я не шучу...
Попробую взглянуть сквозь эту раму!...

(Влѣзаетъ на одинъ подоконникъ и смотритъ на улицу.)

Эй, подождите! Эй! А, вотъ, какъ-разъ
Проходятъ алгвазилы мимо насъ.

(Онъ продѣваетъ сквозь рѣшетку руку и машетъ ею.)

Эй, вы!..
Донъ Саллюстій (испуганный, на авансценѣ, тихо.)
Едва онъ скажетъ имя, и всѣ нити
Задуманнаго плана — лопнутъ... Вотъ вопросъ.

(Входятъ алгвазилы, предшествуемые алькадомъ. Донъ Саллюстій кажется совершенно потеряннымъ. Донъ Цезарь идетъ къ алькаду съ торжествующимъ видомъ.)

СЦЕНА VIII.

Тѣже, алькадъ, алгвазилы.

Донъ Цезарь (алькаду.)

Въ свой протоколъ сейчасъ вы занесите....

Донъ Саллюстій (прерывая его и указывая алькаду на донъ Цезаря.)

Что вотъ извѣстный воръ Маталобосъ!..

Донъ Цезарь (изумленный.)

Какъ, я?

Донъ Саллюстій (тихо.)

Чтобъ дѣло довести до окончанья,
Мнѣ сутки нужно выиграть. (Алькаду.) Вотъ онъ
Ворвался въ домъ безъ моего желанья.
Я дерзостью подобною взбѣшенъ.
Такой дневной грабежъ!... Чего жъ вы ждете?
Хватайте вора этого!

(Алгвазилы хватаютъ донъ Цезаря.)

Донъ Цезарь (въ ярости донъ Саллюстію.)

Вы лжете!..

Алькадъ. Но кто жъ насъ звалъ?

Донъ Саллюстій. Конечно, я васъ звалъ.

Донъ Цезарь. Чортъ побери! Но это слишкомъ даже!

Алькадъ. Молчать! Ни слова! Вотъ нахалъ!
Онъ лѣзетъ разговаривать туда же!..

Донъ Цезарь. Я—Цезарь де Бассанъ!

Донъ Саллюстій. Онъ въ наглости—великъ.
Вотъ этотъ плащъ сейчасъ съ него снимите
И на плащѣ, взглянувъ подъ воротникъ,
Вы имя *„Донъ Саллюстій“* тамъ прочтите...
Онъ чуть въ моемъ плащѣ отсюда не ушелъ.

(Алгвазилы срываютъ съ донъ Цезаря плащъ; алькадъ разсматриваетъ его.)

Алькадъ. Да, это такъ.

Донъ Саллюстій. Теперь взгляните на камзолъ.

Донъ Цезарь (тихо.)

Будь проклятъ ты!

Донъ Саллюстій (продолжая.)

Камзолъ украденъ тоже
У графа Альбы былъ... а вотъ и гербъ..

(Указывая на гербъ, вышитый на отворотѣ лѣваго рукава.)

Донъ Цезарь (тихо).

О, Боже!
Онъ точно заколдованъ...

Алькадъ (разсматривая гербъ.)

Да, гербъ тотъ:
Двѣ башни золотыхъ на немъ...

Донъ Саллюстій. А вотъ
И два котла...

(Донъ Цезарь, вырываясь, роняетъ нѣсколько дублоновъ изъ своего кармана. Донъ Саллюстій указываетъ на его полные карманы.)

Такъ честные граждане
Едва ли носятъ золото въ карманѣ.

Алькадъ (покачивая головой.)

Гмъ!..

Донъ Цезарь (тихо.)

Я погибъ!

Одинъ изъ алгвазиловъ (обыскивая донъ Цезаря.)

Вотъ письма!

Донъ Цезарь (тихо.)

Я пропалъ!
О, бѣдныя любовныя посланья!
Я васъ во всѣ невзгоды сохранялъ.

Алькадъ (разсматривая бумаги).

Здѣсь письма.... разныхъ почерковъ...

Донъ Саллюстій (обращая его вниманіе на адресы.)

Вниманье
На адресы не худо обратить:
Всѣ письма къ графу д'Альба...

Алькадъ. Да.

Донъ Цезарь (тихо.)

Какъ быть?

Алгвазилы (связывая ему руки.)

А, пойманъ, наконецъ!

Одинъ алгвазилъ (входя, алькаду.)

Сеньоръ, тамъ за стѣною
Убитый человѣкъ сейчасъ отысканъ мною.

Алькадъ. Но кто жъ убійца?

Донъ Саллюстій (указывая на донъ Цезаря.)

Онъ.

Донъ Цезарь. Вотъ новая бѣда.
Проклятая дуэль!..

Донъ Саллюстій. Со шпагою сюда
Ворвался онъ. А, вотъ и шпага эта.

Алькадъ (осматривая шпагу.)

Кровь! Хорошо! Здѣсь явная примѣта...
(Донъ Цезарю) Ну, отправляйся съ ними, молодецъ!

Донъ Саллюстій (Донъ Цезарю, котораго уводятъ алгвазилы.)

Прощай, Маталобосъ!

Донъ Цезарь (дѣлаетъ къ нему шагъ и смотритъ на него пристально.)

Великій вы подлецъ!

ДѢЙСТВІЕ V.

Тигръ и левъ.

(Таже комната. Ночь. На столѣ лампа. При поднятіи занавѣса, Рюи Блазъ одинъ. Платье его скрыто подъ длинной черной одеждой.)

СЦЕНА I.

Рюи Блазъ (одинъ.)

Все кончено. Изчезли всѣ видѣнья.
Весь день безцѣльно я по улицамъ блуждалъ
И вотъ теперь покойнѣе я сталъ:
Ночная тишина даетъ успокоенье.
Да и чего пугаться станетъ взглядъ?
Ничто кругомъ не предвѣщаетъ горя:
Въ порядкѣ мебель, двери на запорѣ,
Тамъ, на верху нѣмые негры спятъ.
Чего жъ теперь я буду опасаться?
Идетъ все хорошо. Мнѣ очень вѣренъ—пажъ,
Донъ Гуританъ — отличный, зоркій стражъ
И для нея готовъ онъ распинаться...
О, Господи, ты, справедливый Богъ!
Я вѣрую, что ты теперь помогъ
Мнѣ охранить прекрасное созданье
Отъ страшнаго позора и страданья,
Что ты помогъ разрушить адскій планъ
И ангела спасти отъ истязанья!..
Злодѣйство разлетѣлось, какъ туманъ, —
Ей нечего страдать опять, бояться,
И съ жизнью я могу теперь разстаться...

(Онъ достаетъ съ своей груди маленькую стклянку, которую ставитъ на столъ.)

Да, трусъ, умри и въ пропасть провались,
Умри, чтобъ искупилось преступленье;
Умри несчастное и жалкое твореньe.
(Онъ распахиваетъ свою черную верхнюю одежду, подъ которой видна ливрея, бывшая на немъ въ первомъ дѣйствіи.)
Умри, какъ рабъ, въ ливрею облекись!..
Но если мой палачъ, ужасный какъ всѣ звѣри,
На трупъ мой пожелаетъ вдругъ взглянуть...
(Загораживаетъ мебелью потайную дверь.)
Пусть черезъ эту дверь, по крайней мѣрѣ,
Онъ не отыщетъ къ жертвѣ падшей путь.
(Возвращается къ столу.)
О, пажъ засталъ навѣрно Гуритана:
Онъ изъ дворца не могъ уйдти такъ рано...
(Смотритъ на стклянку.)
А я, — себѣ самъ казнь я отыщу,
И крышку гроба смѣло опущу
На собственную голову въ могилѣ.
Мнѣ въ этомъ помѣшать никто не въ силѣ.
(Садится въ кресло.)
Она меня любила! — Пусть поможетъ Богъ
Исполнить мнѣ печальное рѣшенье!.. (Плачетъ)
А наша жизнь могла быть хороша...
Могла пройти покойно, безъ волненья!..
О, бѣдная, погибшая душа! (Закрываетъ свою голову руками и рыдаетъ.)
О, Боже! (Поднимая голову и смотря на стклянку, какъ помѣшанный.)
Человѣкъ, продавшій мнѣ вотъ это,
Спросилъ вдругъ у меня, которое число
У насъ теперь, — я не нашелъ отвѣта...
Не помню ничего теперь... Мнѣ тяжело...
Какъ люди злы! Несчастный умираетъ
И вкругъ себя участья не встрѣчаетъ...
А все жъ она меня любила! Да!..
Но прошлаго не воротить мнѣ никогда.
Ее я не увижу... О, воспоминанья!..

Та нѣжная, прекрасная рука,
Къ которой прикасался я слегка...
Тѣ розовыя губки... ихъ дыханье
Я будто снова чувствую на лбу...
Мой бѣдный ангелъ!.. Все мое желанье
Скорѣй уснуть могильнымъ сномъ въ гробу.
О, смерть, иди!.. А милый шорохъ платья,
Гдѣ складка каждая изящна!.. Ножка та,
Передъ которою не могъ не трепетать я!..
Ея улыбка, голосъ, взглядъ, уста...
О нихъ вздыхать теперь ужь я не смѣю...
Всему конецъ! Я не увижусь съ нею...

(Протягиваетъ тревожно руку къ стклянкѣ. Въ ту минуту, когда онъ судорожно ее хватаетъ, дверь въ глубинѣ отворяется и появляется королева; она въ бѣломъ платьѣ и въ темной мантіи, изъ подъ откинутаго капюшона которой видно ея блѣдное лицо. Въ ея рукѣ потайной фонарь; она ставитъ его на полъ и быстро идетъ къ Рюи Блазу.)

СЦЕНА II.

Рюи Блазъ, Королева.

Королева (у входа.)
Донъ Цезарь!

Рюи Блазъ (съ испугомъ оборачиваясь и поспѣшно запахивая свою верхнюю одежду, которая закрываетъ ливрею.)
Здѣсь она! А, западня!..
Она попалась бѣдная... (громко.) Сеньора!

Королева. Вы крикомъ ужаса встрѣчаете меня!
Что съ вами, Цезарь?..

Рюи Блазъ. О, все объяснится скоро!..
Кто приглашалъ васъ?

Королева. Ты.

Рюи Блазъ. Я?.. Какъ?..

Королева. Отъ васъ
Я получила...

Рюи Блазъ (задыхаясь.)
Что? Скажите мнѣ сейчасъ!

Королева. Письмо.

Рюи Блазъ. Мое?

Королева. Вашъ почеркъ...

Рюи Блазъ. Замолчите!..
О камни черепъ можно тутъ разбить!.
Клянусь, я не писалъ... не можетъ быть...
Я не писалъ письма къ вамъ...

Королева (вынимая съ своей груди записку, которую подаетъ ему.)
Такъ прочтите!..

Рюи Блазъ (выхватываетъ письмо, нагибается къ лампѣ и читаетъ.)
„Я надъ собой грозы ужасной жду
„И отвратитъ ту самую бѣду...“
(Онъ въ оцѣпененіи смотритъ на письмо, какъ бы не имѣя силъ читать дальше.)
„Лишь королева, если не боится
„Въ мой домъ сегодня вечеромъ явиться.
„Иначе я погибъ...“

Рюи Блазъ (слабымъ голосомъ.)
О, я съ ума сойду!..
Записка эта... голова моя кружится...
Теперь всему конецъ!..

Королева (продолжая читать.)
„Въ дверь, ночью, черезъ садъ,
„Гдѣ вѣрнаго проводника найдете,
„Ко мнѣ благополучно вы пройдете.“

Рюи Блазъ (тихо.)
Написано шесть мѣсяцовъ назадъ...
Я позабылъ записку эту... (Королевѣ страшнымъ голосомъ.)
Бога ради,
Скорѣе уходите!..

Королева. Цезарь, я уйду.
Къ чемужъ со мной такъ говорите строго?
Что сдѣлать я могла?
Рюи Блазъ. О, словъ я не найду!..
Вы губите себя...
Королева. Но чѣмъ?
Рюи Блазъ. Я не скажу про это!
Бѣгите и не требуйте отвѣта.
Королева. А я, чтобы ошибки избѣжать
Сегодня къ вамъ дуэнью присылала...
Рюй Блазъ. О, Господи! Когдабъ она все знала!..
Секунды невозможно здѣсь терять.
Бѣгите же!.. Къ ногамъ готовъ упасть я...
Королева (какъ бы пораженная внезапною мыслью.)
А если такъ, то все я поняла:
Вы, вѣрно, ждете страшнаго несчастья,
Вамъ хочется чтобъ здѣсь я не была...
Я остаюсь.
Рюи Блазъ. Какое заблужденье!..
Здѣсь оставаться въ домѣ, въ этотъ часъ...
Королева. Письмо писали вы и нѣтъ сомнѣнья...
Рюи Блазъ (поднимая руки къ небу съ отчаяніемъ.)
О, Боже мой! . Чѣмъ мнѣ увѣрить васъ?..
Королева. Вы гоните меня...
Рюи Блазъ (беретъ ее за руку.)
Поймите!..
Королева. Понимаю:
Сперва вы написали, а потомъ...
Рюи Блазъ. Я не писалъ къ тебѣ. Бѣги же умоляю!..
О, бѣдное дитя! Не знаешь ты о томъ,
Какими ты опутана сѣтями...
Со всѣхъ сторонъ, повсюду адъ надъ нами.
О, чѣмъ еще я убѣдить могу!
Пойми: вѣдь я люблю тебя и берегу,

Но чтобъ тебя спасти отъ заблужденья,
Готовъ я изъ твоей груди
Сейчасъ же вырвать сердце... Уходи!

Королева. Донъ Цезарь...

Рюи Блазъ. Уходи!—Но не могу понять я
Какъ ты вошла... Вѣдь кто нибудь сюда
Входъ показалъ тебѣ?..

Королева. Конечно, да!
Мнѣ двери отворили...

Рюи Блазъ. О, проклятье!..
Но кто?

Королева. Не знаю. Онъ—подъ черной маской былъ...

Рюи Блазъ. Подъ маской? Чтожь съ тобой онъ говорилъ?
Высокъ онъ? нѣтъ? И кто онъ?.. Говорите!..

(Человѣкъ въ черномъ и въ маскѣ показывается въ дверяхъ въ глубинѣ сцены.)

Замаскированный. Я!..

(Онъ снимаетъ свою маску. Это—донъ Саллюстій. Королева и Рюи Блазъ съ ужасомъ узнаютъ его.)

СЦЕНА III

Тѣже, донъ Саллюстій.

Рюи Блазъ. Королева!.. Боже мой!.. Бѣгите!..

Донъ Саллюстій. Ужь поздно слишкомъ данъ такой совѣтъ:
Испанской королевы больше нѣтъ.

Королева (съ омерзѣніемъ.)
Саллюстій!..

Донъ Саллюстій (указывая на Рюи Блаза.)
Вы теперь на вѣки стали
Его подругой съ нынѣшняго дня.

Королева. Что жь это, въ самомъ дѣлѣ, западня?
И Цезарь...

Рюи Блазъ (съ отчаяніемъ.)

О, куда, сеньора, вы попали!..

Донъ Саллюстій (медленно приближаясь къ королевѣ.)

Теперь въ моей вы власти. Говорить
Я съ вами буду скромно, королева:
Вы выслушать должны меня безъ гнѣва.
Я встрѣтилъ васъ,—что не могу забыть—
У Цезаря въ глухую ночь, съ нимъ вмѣстѣ,
А этотъ фактъ такъ важенъ,—сами взвѣсьте,—
Что въ Римѣ тотчасъ же расторгнется вашъ бракъ,
Святой Отецъ о томъ узнаетъ скоро....
Но можно все устроить и не такъ,
Когда вы пожелаете, сеньора...
Все можетъ неразгадной тайной стать,

(Вынимаетъ изъ своего кармана пергаментъ, который развертываетъ и подаетъ королевѣ.)

Когда вы захотите подписать
Къ его величеству письмо вотъ это... Я же
Нотарію пергаментъ передамъ...
Затѣмъ—ждетъ экипажъ васъ тамъ...

(Указывая на улицу.)

Онъ золотомъ снабженъ. Въ томъ экипажѣ
Сейчасъ отправьтесь оба. Безъ труда
До Португаліи вы можете добраться;
Куда хотите отправляйтесь навсегда.
Вы мнѣ должны вполнѣ повиноваться!
Клянусь, что только мнѣ на этотъ разъ
Теперь извѣстно ваше приключенье...
Но если же услышу я отказъ,
То завтра же при кликахъ удивленія,
На каждомъ перекресткѣ весь Мадридъ
Во всѣхъ концахъ о васъ заговоритъ.
Не будемъ же напрасно длить мы спора:
Изъ рукъ моихъ освободиться мудрено...

(Указывая на столъ, на которомъ чернилица.)

Здѣсь для письма готово все, сеньора...

Королева (безъ силъ упадая въ кресло.)

Погибла я!..

Донъ Саллюстій. Мнѣ нужно лишь одно,
Чтобъ короля письмомъ вы извѣстили...

(Тихо Рюи Блазу, который слушаетъ неподвижный, какъ пораженный громомъ.)

Другъ, предоставь мнѣ дѣйствовать. Давно
Я о тебѣ забочусь. (Королевѣ) Чѣмъ же вы рѣшили?
Пишите же...

Королева (дрожитъ, тихо.)

Что дѣлать?

Донъ Саллюстій (наклоняясь къ уху королевы и подавая ей перо.)

Подписать!..
Послушайте! Ну что для васъ корона?
Находите вы счастье вмѣсто трона.
Своихъ людей успѣлъ я разогнать,
Все будетъ скрыто, бѣгство безопасно...

(Стараясь вручить ей перо, которое она не беретъ и не отталкиваетъ).

Иначе ваша будущность ужасна
И впереди вамъ только предстоитъ
Огласка, монастырь и вѣчный стыдъ...
Теперь же тайну знаемъ лишь одни мы..

Королева (въ отчаяніи.)

О, Боже мой!..

Донъ Саллюстій (указывая на Рюи Блаза.)

Вы Цезаремъ любимы,
И онъ, клянусь, достоинъ васъ вполнѣ:
Донъ Цезарь де-Бассанъ извѣстенъ всей странѣ.
Онъ принцъ почти, онъ герцогъ, грандъ богатый...
Повѣрьте мнѣ, что онъ достоинъ васъ.

(Онъ придвигаетъ къ пергаменту руку потерянной и дрожащей королевы; она повидимому готова подписать).

Рюи Блазъ (какъ бы внезапно просыпаясь отъ сна.)

Довольно! Я — лакей. Мнѣ имя Рюи Блазъ!

(Вырывая изъ рукъ королевы перо и пергаментъ, который разрываетъ на части.)

О, бросьте вы пергаментъ вашъ проклятый...

А, наконецъ!... Долой повязка съ глазъ!..

Я задохнуться могъ... Все кончить нужно разомъ...

Королева. Что говоритъ онъ? Цезарь!

Рюи Блазъ (сбрасывая свою черную одежду и показываясь въ ливреѣ безъ шпаги.)

Говорю

О томъ, что называюсь Рюи Блазомъ,

Что я — слуга его...

(Оборачиваясь къ Донъ Саллюстію.)

Благодарю!

Предательство, достойное презрѣнья,

Не можетъ мнѣ услуги оказать!..

— А! вы напрасно вздумали шептать

Мнѣ на ухо благія утѣшенья...

Довольно спать! Я слѣпо помогалъ

Вамъ достигать злодѣйской вашей цѣли;

Я, вмѣстѣ съ вами, въ страшномъ этомъ дѣлѣ

Одну, большую низость составлялъ.

Участвовалъ въ ужаснѣйшей игрѣ я,

Какъ рабъ, во власти изверга грѣша:

На мнѣ, сеньоръ, лакейская ливрея,

У васъ, сеньоръ, лакейская душа.

Донъ Саллюстій (королевѣ, холодно.)

Да, онъ, дѣйствительно слуга мой...

(Рюи Блазу, повелительно.)

Ну, ни слова!

Королева (испуская крикъ отчаянія и ломая руки.)

Создатель мой! я умереть готова.

Донъ Саллюстій (продолжая.)

Но только рано сталъ онъ говорить...

(Скрещиваетъ руки, выпрямляется и говоритъ громовымъ голосомъ.)

Однако, все равно. Конца достигло мщенье.
Могу теперь я вывесть заключенье. (Королевѣ).
Что скажете вы мнѣ? Могу предположить,
Какъ будутъ хохотать во всемъ Мадридѣ...
Кто жъ побѣдилъ изъ насъ двоихъ, скажите?
Желали вы — я ссылку испыталъ,
Я пожелалъ — и васъ лишу короны;
Служанку мнѣ вы дать хотѣли въ жены (хохочетъ.)
А я слугу въ любовники вамъ далъ...
Чтожъ, мужемъ будетъ славнымъ онъ, повѣрьте, —
Король, какъ вамъ извѣстно, близокъ къ смерти, —
Его любовь для васъ замѣнитъ тронъ...
(Смѣется.) Онъ герцогомъ былъ вами нареченъ,
Вамъ герцогиней можно называться...
А! вами я былъ стоптанъ, брошенъ въ грязь,
А! надо мной могли вы наругаться
И спать могли спокойно, не боясь?
Безумная же вы!..

(Пока онъ говоритъ, Рюи Блазъ подходитъ къ двери въ глубинѣ сцены, запираетъ ее на ключъ и потомъ приближается къ Донъ Саллюстію сзади медленными шагами, такъ что тотъ его не замѣчаетъ. Въ то время, когда Донъ Саллюстій окончитъ свою рѣчь, Рюи Блазъ разомъ выхватываетъ его шпагу изъ ноженъ).

Рюи Блазъ (грозно съ шпагой Донъ Саллюстія въ рукѣ.)

Сейчасъ вы оскорбляли
Здѣсь вашу королеву!..

(Донъ Саллюстій бросается къ двери. Рюи Блазъ загораживаетъ ее).

Опоздали.
Дверь заперта и ключъ къ ней — у меня.
Маркизъ! Самъ бѣсъ до нынѣшняго дня
Тебѣ служилъ; пусть онъ наставитъ,
Какъ вырваться изъ рукъ моихъ тебѣ...
Насталъ и мой чередъ на зло твоей судьбѣ!..
Ты мой теперь. Змѣю, при встрѣчѣ, давятъ;

Тебя ужь не спасетъ ни адъ, ни цѣлый свѣтъ.
Мы здѣсь одни. Насталъ часъ приговора.
Онъ дерзости вамъ говорилъ, сеньора.
Я все вамъ объясню. Въ немъ сердца вовсе нѣтъ.
Чудовище! Вчера онъ любовался
Съ улыбкою, какъ я предъ нимъ страдалъ,
Какъ рабски передъ нимъ я унижался...
Платокъ поднять меня онъ заставлялъ.
Я умолялъ, я плакалъ... (Маркизу) Ваше мщенье
Сейчасъ вы объяснили... Здѣсь, при мнѣ,
Осмѣлились вы сдѣлать оскорбленье,—
Кому же? Королевѣ!.. восхищенья
Достойной, цѣломудренной женѣ!..
Но гдѣжь вашъ умъ? Вы думали, что буду
Я зрителемъ безмолвнымъ? Нѣтъ, злодѣй!
Ктобъ ни былъ человѣкъ, будь онъ простой плебей,
Но встрѣтивши предателя, Іуду,
Ему въ лицо онъ плюнетъ приговоръ
И схватитъ шпагу, ножикъ иль топоръ...
Я былъ слугой; теперь могу быть тоже
И палачемъ!..

Королева. Я объ одномъ прошу—
Не трогайте его...

Рюи Блазъ. Мнѣ вашъ покой дороже.
Я долженъ совершить, что совершу.
Все кончить нужно здѣсь...
(Толкаетъ Донъ Саллюстія къ двери маленькой комнаты.)
Идите помолиться!..
Конецъ!

Донъ Саллюстій. Чтожь здѣсь убійство совершится?

Рюи Блазъ. Ты думаешь?

Донъ Саллюстій (безоружный, кидая вокругъ себя бѣшеный взглядъ.)
Нигдѣ оружья нѣтъ! (Рюи Блазу).
Хоть шпага бы была еще другая!
Дай шпагу мнѣ!

Рюи Блазъ. Маркизъ, вѣдь это бредъ!..
Дуэль! Со мной! Фи! Полноте: слуга я!
Я вашъ лакей, одѣтый въ красный цвѣтъ,
Котораго повсюду оскорбляютъ,
Котораго сѣкутъ и презираютъ...
И я убью, чудовище, тебя,
Какъ подлеца, какъ вора, какъ собаку.

Королева. Пощады для него?

Рюи Блазъ (хватая маркиза.)
Сеньора, за себя
Здѣсь каждый мститъ. Бѣсъ, обреченный мраку,
Не можетъ быть ужъ ангеломъ спасенъ.

Королева (на колѣняхъ.)
Пощады! Пусть не умираетъ онъ!...

Донъ Саллюстій (съ крикомъ.)
Убійство! Помогите!...

Рюи Блазъ (поднимая шпагу.)
Очень скоро
Ты замолчишь...

Донъ Саллюстій (кидаясь на него и крича.)
Меня убить хотятъ!

Рюи Блазъ (толкая его въ маленькую комнату.)
Наказанный, идти ты долженъ въ адъ.

(Они исчезаютъ въ маленькой комнатѣ, дверь которой запирается за ними).

Королева (оставшись одна, упадая полумертвая въ обморокъ.)
О, небо...

(Минута безмолвія. Рюи Блазъ возвращается блѣдный, безъ шпаги.)

СЦЕНА IV.

Королева, Рюи Блазъ.

(Рюи Блазъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ королевѣ, неподвижной и окаменѣлой; потомъ падаетъ на колѣна, опустивъ глаза въ землю, какъ бы не смѣя взглянуть на королеву.)

Рюи Блазъ. Вамъ теперь, сеньора,
Я все скажу... Я къ вамъ не подойду...
Себѣ я оправданья не найду,
Хотя моя вина не такъ еще ужасна,
Какъ кажется... Все трудно передать,
Но жизнь моя чиста, хоть и несчастна:
Я низкимъ не могу себя назвать...
Любовью былъ я приведенъ къ обману,
И свой обманъ я защищать не стану...
Я виноватъ... Но все равно. За то
Васъ ни любилъ такъ пламенно никто.

Королева. Сеньоръ...

Рюи Блазъ (на колѣнях.)
Не бойтесь, къ вамъ не подойду я,
Но на обманъ мой сильно негодуя,
Повѣрьте мнѣ, что честенъ я. Весь день
Сегодня я по городу слонялся
Безъ памяти, какъ призракъ или тѣнь.
Я какъ безумный былъ, я словно помѣшался...
Я помню у какого-то крыльца,—
Мнѣ кажется, больница тамъ стояла,—
Прохожая старушка вытирала
Потъ съ моего пылавшаго лица...
О, сжалься надо мною, сжалься, Боже!...
Спаси меня!

Королева. Хотите вы чего же?
Рюи Блазъ (складывая руки.)
Чтобы вы меня простили!
Королева. Никогда!...
Рюи Блазъ. Нѣтъ, никогда!...
(Встаетъ и медленно идетъ къ столу.)
Такъ, вѣрно вы рѣшили?
Корелева. Нѣтъ; никогда!...
Рюи Блазъ (Беретъ стклянку, стоящую на столѣ и опоражниваетъ ее разомъ.)
Потухни же несчастная звѣзда!
Померкни жизнь!
Королева (вставая и бросаясь къ нему.)
Что сдѣлалъ онъ? Что вы отсюда пили?
Рюи Блазъ (ставя стклянку.)
Мои страданья кончатся сейчасъ.
Вы прокляли меня безъ сожалѣнья,
А я теперь благословляю васъ.
Королева (внѣ себя.)
Донъ Цезарь!
Рюи Блазъ. Бѣдный ангелъ!... Помню тѣ мгновенья,
Когда меня любили вы!...
Королева. Молю,
Скажи, что за питье здѣсь! Я не знаю.
О, говори же! я тебя прощаю...
Люблю тебя я, Цезарь!
Рюи Блазъ. Рюи Блазъ—
Зовутъ меня...
Королева (обвивая его руками.)
Но я прощаю васъ...
Скажи, что сдѣлалъ ты! Я требую отвѣта.
Скажи мнѣ, Рюи Блазъ, вѣдь не отрава это?
Рюи Блазъ. Да, это ядъ, но духомъ я не слабъ...
(Держа королеву въ объятіяхъ и поднимая глаза къ небу.)
Дозволь, о Господи! чтобъ произнесъ твой рабъ

Надъ королевою свое благословенье!...
Она при жизни счастье мнѣ дала,
Предъ смертью подарила — сожалѣнье!

Королева. Ядъ!.. Я одна убить его могла...
О, я люблю тебя!.. А еслибъ я простила?

Рюи Блазъ (ослабѣвая.)
Мнѣ все равно осталась бы могила...

(Голосъ его обрывается. Королева поддерживаетъ его въ своихъ объятіяхъ.)

Жизнь кончена... Прощай!... Я весь горю!...
(Указываетъ на дверь.) Бѣги! Все то, что здѣсь происходило
Умретъ со мной... (Падаетъ.)

Королева (бросаясь на его тѣло.)
О, Рюи Блазъ!...

Рюи Блазъ (Приходитъ передъ смертью въ сознаніе при своемъ имени, произнесенномъ королевою.)
Благодарю!...

Дмитрій Минаевъ.

БОЛЬНЫЯ МѢСТА ШВЕЙЦАРІИ.

Les monarchies sont fondées sur l'honneur, les républiques sur la vertu.
Montesquieu.

«Ah! mon père m'avait bien dit qu'il ne fallait jamais faire les choses á demi.
J. Noriac. — *La bêtise humaine.*

I.

Ah, pour les coeurs bien nés que la patrie est chére.

Есть много методовъ описывать страну, и всѣ они, конечно, имѣютъ свою хорошую, и свою дурную сторону; Карамзинъ и Ободовскій, Бадекеръ и Юнгъ, описывали очень вѣрно, и описанія ихъ нельзя упрекнуть въ неточности, но между тѣмъ читатель почерпаетъ изъ нихъ далеко не одинаково полное и точное представленіе о странѣ. Разныя спеціальныя цѣли и точки зрѣнія, описанія, назначаемыя для простыхъ смертныхъ, не ученыхъ, художниковъ, военныхъ и т. д., должны представлять читателю по возможности точную картину страны и ея народа; но описывать Швейцарію, какъ картину, восхищаться ея ледниками и водопадами,—это совершенно безплодное занятіе, такъ какъ самое живое описаніе не даетъ, въ сущности, никакого представленія о дѣйствительности, да вдобавокъ всѣ эти описанія красотъ природы страшно всѣмъ надоѣли. Но описывать народъ! Какого метода держаться въ подобномъ описаніи?

Здѣсь намъ предстоитъ выборъ между двумя методами, статистическимъ, и чисто описательнымъ Не говоря уже о томъ, что

крайности въ обоихъ случаяхъ въ высшей степени непріятны, и что статистическія таблицы, если не въ такой степени безполезны, то во всякомъ случаѣ для большинства читателей также скучны, какъ и гуртовыя характеристики, въ родѣ того, что Альбіонъ коваренъ, французы легкомысленны и т. д.; выборъ метода, помимо разныхъ личныхъ вкусовъ и соображеній автора, обусловливается до извѣстной степени самымъ предметомъ. Описанія en bloc большихъ странъ всегда ошибочны,—по крайней мѣрѣ, въ сужденія этого рода всегда входитъ слишкомъ сильнымъ элементомъ не только личность самого пишущаго, но и случайность, наводящая его преимущественно на факты того или другого характера; въ этомъ случаѣ каждый болѣе или менѣе напоминаетъ извѣстный анекдотъ о путешественникѣ, пріѣхавшемъ въ Сенъ-Мало на зарѣ, когда весь городъ спалъ, который, встрѣтивъ на пустыхъ улицахъ только одного хромого негра, занесъ въ свою записную книжку, что этотъ городъ населенъ хромыми неграми. Обобщенія такъ свойственны человѣческому уму, что онъ, незамѣтно для самого себя, обращаетъ въ сужденія о цѣломъ то впечатлѣніе, которое произвела на него какая нибудь частность; и этого характера описанія всегда болѣе или менѣе напоминаютъ замѣтку, что Сенъ-Мало населенъ хромыми неграми. Вышеславцевъ пробылъ одинъ день въ Пернамбуко, и день этотъ оказался какимъ-то праздникомъ, такъ что всѣ жители на улицахъ были замаскированы; въ своей книгѣ г. Вышеславцевъ сознается, что вслѣдствіе этого онъ никакъ не можетъ представить себѣ Пернамбуко иначе, какъ населеннымъ замаскированными людьми, и что ему невольно думается, будто въ этомъ городѣ люди только и дѣлаютъ, что празднуютъ и маскируются. Представьте себѣ первое впечатлѣніе не такимъ рѣзкимъ, смягчите его до возможнаго,—и это будетъ типомъ подобныхъ характеристикъ.

Съ другой стороны и статистическій методъ, помимо даже присущихъ ему ошибокъ и неправильностей, просто невозможенъ, и даетъ самыя невѣрныя данныя, если самая статистика составлена неправильно или неполно,—сознательно или несознательно, случайно или умышленно,—или если масштабъ ея примѣняется къ очень узкому полю. Возьмите статистическія данныя какого нибудь Шенкурска напр.—я не думаю, чтобъ вы могли составить себѣ хотя бы приблизительное понятіе объ условіяхъ жизни города, о физическомъ и нравственномъ состояніи его жителей. На такомъ узенькомъ полѣ отсутствіе статистическихъ выводовъ съ одной сто-

роны, а съ другой, элементъ случайности, всегда тѣмъ болѣе сильный, чѣмъ поле уже, совершенно затемняютъ истину, даже въ томъ случаѣ, если статистическія данныя собраны дѣйствительно добросовѣстно.

Близкое знакомство съ Швейцаріей заставило меня совершенно отбросить статистическія офиціальныя данныя. Какъ они ни неутѣшительны, но все еще слишкомъ розовы, чтобъ на нихъ можно было основать какое нибудь сужденіе. Въ этомъ отношеніи швейцарская мѣстная администрація отличается необыкновеннымъ оптимизмомъ и стыдливостью, и стремится во что бы то ни стало прикрыть фиговымъ листочкомъ некрасивые факты, неизящныя подробности народной жизни и состоянія страны. Швейцарцы серьезно обвиняютъ въ недостаткѣ патріотизма каждаго писателя, который рѣшится усомниться, что все идетъ къ лучшему въ лучшей изъ странъ, и этому упреку въ непатріотизмѣ здѣсь придаютъ какое-то до странности важное значеніе. «Это все наши раны,—зачѣмъ же выставлять ихъ на показъ?» сказали бъ они съ Гоголемъ, если бы читали и говорили по русски; и журналисты и писатели дѣйствительно не рѣшаются «выставлять на показъ раны отечества»; опасаясь, что эти упреки могутъ сильно компрометировать ихъ въ общественномъ мнѣніи, что для нихъ въ высшей степени важно, такъ какъ всѣ они болѣе или менѣе мѣтятъ въ члены Большого или Малаго Совѣта, въ штатгальтеры правительства, президенты округовъ и т. п.

Странное дѣло,—въ странѣ трехъ языковъ и двухъ религій, не считая безчисленнаго множества сектъ, въ странѣ, составленной изъ клочковъ, сшитыхъ трактатами и конвенціями не во имя національнаго единства и племеннаго родства, а только политическаго и финансоваго удобства, и между временемъ присоединенія которыхъ больше пятисотъ лѣтъ разницы,—въ странѣ, состоящей изъ трехъ большихъ частей вѣчно враждующихъ между собою, вѣчно завидующихъ другъ другу, и отношенія между которыми никакъ нельзя назвать братскими, — въ этой-то странѣ патріотизмъ, повидимому, доходитъ чуть не до фанатизма. Правительственныя и не правительственныя прокламаціи, воззванія электоральныхъ комитетовъ, чуть не объявленія о пивныхъ погребкахъ, начинаются неизмѣнными «Chers confédérés», «geliebte Eidgenossen;» ни одинъ циркуляръ кандидата въ большой или малой совѣтъ, ни одна рѣчь къ народу не обходятся безъ какихъ-то фанатическихъ заявленій любви оратора къ странѣ вообще, любви канто-

новъ между собою, любви гражданъ кантона другъ къ другу и т. д., и девизъ «всѣ за одного, одинъ за всѣхъ», блистаетъ не только на зданіяхъ, знаменахъ разныхъ обществъ пѣвцовъ, стрѣлковъ, гимнастовъ и т. д., но и во всѣхъ рѣчахъ и офиціальныхъ и неофиціальныхъ обращеніяхъ къ народу.

Но одна уже эта афектація взаимной любви, эта погоня за патетическими и патріотическими заявленіями, должны навести самого недальновиднаго человѣка на мысль, что чувства эти выражаются слишкомъ шумно, тщеславно и часто, чтобы быть искренними; и дѣйствительно, они составляютъ не больше, какъ необходимый припѣвъ, родъ вѣжливой формулы, какъ «Вашъ покорнѣйшій слуга» въ концѣ письма. Но заявленія эти не только обязательны сами по себѣ, но они должны еще имѣть наивозможно искренній видъ, и чѣмъ они жарче, тѣмъ лучше; имъ никто не вѣритъ, но каждый швейцарецъ считаетъ обязательнымъ для себя увѣрять другихъ, что онъ, дѣйствительно, страстно любитъ кантоны вообще, и каждый въ особенности, такъ что попробуй кто нибудь признаться громко, что это не больше какъ условная ложь,— его побьютъ каменьями, или, лучше сказать, закидаютъ грязью, объявятъ наполеоновскимъ агентомъ (замѣтимъ между прочимъ, что здѣсь это обвиненіе — ходячая монета, обыкновенный способъ сказать что нибудь дурное о человѣкѣ, о которомъ ничего дурного сказать нельзя, и къ этой уловкѣ прибѣгаютъ всѣ партіи), сепаратистомъ, и счастіе еще, если онъ отдѣлается такъ дешево, и если не начнутъ тотчасъ раскапывать его частную жизнь. Въ этомъ отношеніи швейцарцы очень похожи на нашихъ купцовъ, считающихъ, что ихъ дурно приняли, если хозяинъ не сталъ увѣрять, что ихъ посѣщеніе осчастливило навѣки и его самого, и дѣтей, и внучатъ до четвертого или седьмого колѣна, а хозяйка не приневоливала ихъ ѣсть, и не принимала огорченнаго вида, если они отказывались. Извѣстно, что люди крѣпко [illegible]ятся за условную ложь, гораздо крѣпче, чѣмъ за истину; можетъ быть, и эта ложь Швейцаріи сдѣлалась до того обязательною, что даже самые умные люди впадаютъ въ пошлость этихъ патетическихъ заявленій, какъ наприм. Карлъ Фогтъ на своихъ лекціяхъ называетъ Швейцарію не иначе, какъ «нашимъ возлюбленнымъ отечествомъ», и даже профессора университетовъ, — всѣ нѣмцы, купившіе гражданство на свои денежки, тоже считаютъ своей обязанностью довести до свѣденія почтеннѣйшей публики о своемъ швейцарскомъ патріотизмѣ,—хотя тутъ же, сойдя съ кафедры, въ разговорахъ съ тѣми же студен-

тами, и въ особенности съ иностранцами, говорятъ о «возлюбленномъ отечествѣ» со злобой и ненавистью, и о «дорогихъ союзникахъ» съ величайшимъ презрѣніемъ, какъ о какой-то расѣ полукретиновъ, пьяныхъ, злыхъ и безчестныхъ.

Но откиньте эти возгласы, эти заявленія горячей любви кантоновъ между собою, и прочтите любой номеръ любой швейцарской газеты: по поводу каждаго вопроса, какъ бы ничтоженъ онъ ни былъ, вы найдете такую мелкую зависть, такую ядовитую злобу, такія гнусныя обвиненія въ эксплоатаціи, подкупахъ, мошенничествахъ, и т. д. разныхъ кантоновъ относительно одинъ другого, что вы съ изумленіемъ спрашиваете, кого же наконецъ они обманываютъ патетическими возгласами? Но швейцарскій патріотизмъ позволяетъ ругать кантоны въ одиночку, — желать имъ всякихъ бѣдствій, и довольствуется только горячими заявленіями любви къ отвлеченной фикціи отечества вообще, реальныя части котораго отдѣльно вы имѣете полное право ненавидѣть со всею злобою, на какую только способно швейцарское сердце, — а этимъ много сказано.

И дѣйствительно вражда кантоновъ между собою, обусловливаемая всѣмъ, что только имѣетъ вліяніе на народную жизнь,—исторіей еще очень недавняго прошедшаго, рознью религій и фанатической ненавистью католицизма къ протестантизму, взаимными экономическими отношеніями, различіемъ расъ и ихъ особенностей, общею антипатіею германскаго и романскаго племени,—эта вражда слишкомъ реальна, слишкомъ очевидна, чтобъ ее можно было скрывать.

До конца прошлаго столѣтія въ Швейцаріи одни кантоны *владѣли* другими, такъ что ее никакъ нельзя было назвать Союзомъ; вассальные кантоны управлялись фогтами, присылаемыми отъ кантоновъ-владѣльцевъ, какъ нѣкогда отъ австрійскихъ эрцгерцоговъ, платили дань, должны были доставлять извѣстное количество рабочихъ и солдатъ и т. д. Все это было уничтожено французской республикой, что впрочемъ ей стоило много крови, такъ какъ со стороны швейцарцевъ, какъ владѣльцевъ, такъ и рабовъ, французскія войска встрѣчали самое упорное сопротивленіе, по крайней мѣрѣ, въ такъ называемой первоначальной Швейцаріи. Правда, швейцарцы стараются сдѣлать изъ этой войны эпопею, и придать всему дѣлу героическій видъ, чего въ дѣйствительности далеко не было, но тѣмъ не менѣе надо сказать, что, въ особенности сначала, сопротивленіе дѣйствительно было очень сильно. До Гельветической республики Швейцарія представляла полную картину феодализма, сохранившагося въ ней дольше, чѣмъ гдѣ нибудь въ другихъ стра-

нахъ. Кантоны вели войны, завоевывали другъ друга, грабили и эксплоатировали какъ въ средніе вѣка, и швейцарскіе патріоты мечтали снова возстановить такое блаженное состояніе послѣ паденія Наполеона. Конечно, это была наивность, достойная такого остроумнаго и прогрессивнаго народа, какъ швейцарцы, но они никакъ не могли усилить братскихъ чувствъ, питаемыхъ бывшими вассальными кантонами къ своимъ недавнимъ владѣльцамъ.

Въ теченіи первыхъ пятнадцати лѣтъ, слѣдовавшихъ за паденіемъ имперіи во Франціи, борьба партій въ самыхъ кантонахъ поглощала всю народную жизнь;—революція 30 года уже созрѣвала. Ограбленное, эксплоатированное и раззоренное сельское населеніе, лишенное всякихъ правъ, стремилось сбросить иго городовъ; въ самыхъ городахъ шла борьба между торговымъ и ремесленнымъ населеніемъ съ одной стороны, а съ другой привиллегированными семействами, — *патриціями*, — захватившими въ свои руки все управленіе. Междукантонная ненависть, повидимому, затихла, но только повидимому, потому что вспыхнула съ новой силой вслѣдъ за революціей 30 г.; и съ 32 до 47 нападенія Freischaren совершаются все чаще и чаще. Конечно, тутъ религіозный фанатизмъ игралъ главную роль,—фанатизмъ, приготовлявшій уже войну Зондербунда,—но старая междукантонная вражда составляетъ все-таки главное основаніе дѣла. Вѣрные своему характеру грубаго насилія, неприкрытаго даже обыкновеннымъ, условнымъ видомъ болѣе или менѣе равной борьбы, звѣрскіе и трусливые молодые люди одного кантона собирались шайками, вооружались ружьями, ночью подкрадывались къ ничего неожидавшему городу какого нибудь сосѣдняго кантона другой религіи, устраивали засаду, и оттуда открывали пальбу по выходившимъ на рынокъ женщинамъ! И это дѣлалось еще въ 46 и 47 годахъ, между «*возлюбленными союзниками*», поклявшимися умереть «*всѣ за одного и одинъ за всѣхъ*»! Теперь на креслахъ разныхъ совѣтовъ, между президентами, штатгальтерами, и т. д. можно найти еще многихъ, занимавшихся въ былыя, памятныя всѣмъ времена, охотою на любезныхъ согражданъ.

Война Зондербунда слишкомъ памятна всѣмъ, чтобъ о ней нужно было говорить; но было бы большой ошибкой думать, что если Швейцарія спокойна, то это дѣйствительно потому, что побѣжденные въ самомъ дѣлѣ смирились и откровенно отказались и отъ своихъ намѣреній, и отъ мести. Побѣжденные вообще рѣдко прощаютъ побѣдителямъ свое пораженіе, а прощенья и забвенья обидъ отъ швейцарцевъ, да еще притомъ католиковъ, ожидать ко-

нечно, было бы трудно; имъ слишкомъ памятны еще кровавыя сцены усмиренія и умиротворенія, а безпрестанныя самовосхваленія побѣдителей, даже еще теперь,—не позволяли бы имъ забыть ихъ, если бы даже тѣ и хотѣли забыть. Нѣтъ, слѣды народной войны, да еще религіозной, не стираются такъ скоро, и католическое духовенство, а въ особенности выгнанные по конституціи 1847 года изъ страны іезуиты, еще болѣе разжигаютъ эту ненависть.

Въ настоящее время въ Швейцаріи, какъ и вездѣ, интересы народной жизни измѣнились, и вмѣсто прежняго религіознаго и исключительнаго національно-политическаго характера они приняли характеръ главнымъ образомъ экономическій; прежняя вражда осталась въ той же силѣ, но только перешла на другую почву. Впрочемъ Швейцарія имѣетъ то преимущество, что къ темнымъ сторонамъ новой жизни здѣсь присоединяются еще и темныя стороны прошедшаго, за которое она упорно держится; такъ что междукантонная вражда, принявши экономическій характеръ, не потеряла однако прежняго религіознаго, и даже отчасти и политическаго. При первомъ взглядѣ, въ Швейцаріи, кажется, царствуетъ тишь да гладь, да Божья благодать, но стоитъ только прочесть любую газету, чтобъ увидать, что любовь и братство, заявляемыя при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, не больше какъ пуфъ, которому не вѣрятъ ни говорящіе, ни слушающіе, ни пишущіе, ни читающіе. Вопросъ о федеральной политехнической школѣ, вопросъ объ альпійской желѣзной дорогѣ, о тарифѣ, о государственной желѣзной дорогѣ, — все это вызываетъ самую злобную, яростную полемику, гдѣ экономическіе вопросы перемѣшиваются съ религіозными, чтобъ сильнѣе возбуждать массы; гдѣ зависть, страсть къ деньгамъ, старая ненависть кантоновъ между собою, вражда католиковъ и протестантовъ, вражда германской и романской расъ выступаютъ на свѣтъ самымъ циническимъ, самымъ наглымъ и безстыднымъ образомъ. Здѣсь уже стираются всѣ офиціальныя чувства преданности и любви согражданъ другъ къ другу и къ ихъ «*большому и малому отечеству*», патріотизмъ безслѣдно пропадаетъ, и аргументы принимаютъ часто очень некрасивый характеръ. Такъ напр. по поводу федеральной политехнической школы журналы французской Швейцаріи заявляли громко, что нѣмецкіе кантоны грабятъ и эксплоатируютъ романскіе, обираютъ ихъ деньги, что дѣло идти такимъ образомъ не можетъ, и что романская Швейцарія рѣшится на самыя крайнія мѣры, чтобъ выйти наконецъ изъ этого положенія,—намекая на вмѣшательство другихъ

державъ; юрскіе жители были еще откровенѣе, и въ тоже время, какъ у Лаупена воздвигали памятникъ въ воспоминаніе битвы съ французами, они прямо заявляли, что если не исполнятъ ихъ требованій по дѣлу исправленія юрскихъ водяныхъ сообщеній и постройки юрской желѣзной дороги, они присоединятся къ Франціи. Тутъ куда и патріотизмъ пропалъ, какъ дѣло дошло до франковъ! Frenkeli, какъ называютъ швейцарцы ласкательно франкъ, есть единственное божество, единственный стимулъ, а всѣ эти офиціальныя заявленія патріотизма, патріотическія фразы—все ложь, и ложь сознательная. «Epitaphe, tout est èpitaphe!», приходится повторить за Теферомъ, читая краснорѣчивые возгласы и приглашенія умирать за отечество, дѣлаемыя казенными ораторами на каждой попойкѣ, — èpitaphe, tout est èpitaphe!

Прошлою осенью въ Ніонѣ былъ праздникъ общества пѣвцовъ; пѣлись разныя патріотическія пѣсни, говорились разные болѣе или менѣе задорные и воинственные спичи противъ сильныхъ и честолюбивыхъ сосѣдей, — однимъ словомъ все было какъ должно, по крайней мѣрѣ, по разсказу Journal de Genève; жаль только что журналъ этотъ забылъ разсказать игривый фактецъ, что послѣ всѣхъ этихъ пѣсенъ и спичей, когда языки нѣсколько развязались отъ вина, подняли вопросъ о томъ, хорошо ли было бы, если бы женевскій, лозанскій и невшательскій кантоны были присоединены къ Франціи,—и рѣшено было, что этого, дѣйствительно, должно желать, такъ какъ тогда была бъ уничтожена пошлина на ввозъ винъ во Францію. Таково, впрочемъ, общее мнѣніе, — по крайней мѣрѣ въ водскомъ кантонѣ, и фактъ этого разсужденія не представляетъ ничего особеннаго; женевскій журналъ просто замѣтилъ, что за обѣдомъ и послѣ пѣвцы толковали о своихъ дѣлахъ. Не думайте, чтобъ онъ не разсказалъ содержанія толковъ потому, что находилъ бы ихъ несовсѣмъ хорошими, нисколько! О такихъ вещахъ просто *не принято* говорить печатно и публично, да и самъ Journal de Genève едва ли не раздѣляетъ мнѣнія пѣвцовъ и владѣльцевъ виноградниковъ; по крайней мѣрѣ, по случаю женевскаго конгресса онъ дѣлалъ самыя странныя заявленія; и, несмотря на его возгласы объ единствѣ и нераздѣльности отечества, въ этой партіи Франція найдетъ обильный запасъ префектовъ, супрефектовъ, меровъ, кандидатовъ на почетнаго легіона и на разныя теплыя мѣстечки.

Швейцарцы, какъ нынѣшнее французское дворянство, живутъ на счетъ репутаціи и славы своего прошедшаго, наивно твердя, что

ихъ предки Римъ спасли. Но увы! времена Телей прошли для Швейцаріи безвозвратно, и между нынѣшними чиновниками, фабрикантами, торговцами, трактирщиками и т. д, такъ же мало Штауферовъ и Винкельридовъ, какъ мало Гораціевъ и Куріацієвъ между лакеями римскихъ кардиналовъ. Швейцарія дѣйствительно можетъ съ большимъ правомъ чѣмъ Италія сказать, что она сдѣлалась сама собою, и клятва на Грютли имѣла великія послѣдствія, основала великое дѣло, — швейцарскую федерацію. Но не надо независимость нынѣшней Швейцаріи считать результатомъ славной борьбы, которую выдержала страна съ сосѣдями; если Швейцарія существуетъ, то только благодаря конгрессу 1815 года, позволившему ей, въ припадкѣ великодушія, остаться независимою, подъ условіемъ вѣчной нейтральности.

Noblesse oblige, думаютъ, вѣроятно, швейцарцы, и потому при каждой попойкѣ, — а попойки здѣсь часты,—при каждомъ праздникѣ, говорятъ самыя смѣлыя, воинственныя рѣчи,—можетъ быть потому, что обязаны вѣчно оставаться нейтральными, и слѣдовательно рѣчи эти ни къ чему не обязываютъ; а между тѣмъ почему не покуражиться шовенизмомъ. Всѣ эти возгласы тѣмъ страннѣе, что нѣтъ расы менѣе способной на что нибудь рѣшительное и энергическое, болѣе гибкой и трусливой, чѣмъ швейцарцы. Когда союзники приблизились къ ихъ сѣверной границѣ, швейцарское правительство выставило на границу войско со строжайшимъ приказаніемъ сохранять нейтральность швейцарской земли, и, въ случаѣ надобности, дружнѣе отражать всякую попытку вождей обѣихъ сторонъ вступить въ Швейцарію. Союзники не обратили на это никакого вниманія и перешли черезъ базельскій кантонъ во Францію, что сократило имъ дорогу, а швейцарская армія благоразумно отступила во внутрь страны, и пропустила союзныя войска.

Это было началомъ новой эры, новой политической жизни страны. Съ того времени передъ кѣмъ только не подличала Швейцарія, передъ кѣмъ не унижалась, лишь бы сохранить нейтральность! Но эти уступки для страны опаснѣе открытой борьбы, — они деморализуютъ, лишаютъ ее увѣренности въ самой себѣ, и заставляютъ ее возлагать всю свою надежду на милость и великодушіе сосѣдей, которые, можетъ быть, и не раздѣлятъ ее.

Даже прежняя слава швейцарцевъ какъ наемныхъ войскъ померкла съ революціею 1830 года; съ легкой руки парижанъ плохо вооруженныя толпы народа были и въ Неаполѣ, и въ Римѣ, — и

не одинъ разъ,—и даже въ послѣднюю римскую экспедицію только вмѣшательство французскихъ войскъ спасло швейцарцевъ папской арміи отъ совершеннаго пораженія. Все это было слишкомъ недавно, чтобъ быть забытымъ, но швейцарцы и теперь еще продолжаютъ хвастаться какъ Яковъ Хамъ, будущими побѣдами. Для чего прикидываются они воинственнымъ народомъ, и что нравится имъ въ воинственности—одинъ Богъ вѣдаетъ.

II.

Religio происходитъ отъ *religo* связываю, соединяю.

Конституція 1847 года гарантируетъ свободу вѣроисповѣданія *всѣмъ, признаннымъ государствомъ, христіанскимъ сектамъ*, и притомъ во всей Швейцаріи. Но мало ли что написано въ конституціи, и былъ бы очень наивенъ тотъ, кто принялъ бы параграфы конституціи за дѣйствительное право; дѣло въ томъ, что отношеніе общей, федеральной конституціи къ кантоннымъ законамъ чрезвычайно неопредѣленно и темно,—а что еще важнѣе,—исполненіе конституціи кантонами ничѣмъ не обезпечено. Такимъ образомъ лѣтъ пять тому назадъ были выгнаны изъ страны мормоны: положимъ здѣсь швейцарцы приводятъ обыкновенно въ свое оправданіе то обстоятельство, что мормонскій обычай многоженства противенъ основнымъ законамъ государства, нравственности, и пр., и пр., и пр. (замѣтимъ между прочимъ, что русскіе, французскіе, англійскіе законы допускаютъ многоженство магометанъ, и нѣтъ причины думать, чтобъ это обстоятельство дѣйствовало особенно гибельно на нравственность остальнаго населенія этихъ странъ); но два года тому назадъ въ Люцернѣ разыгралась исторія, ничѣмъ не уступающая знаменитой исторіи маленькаго Мортары, — извѣстная, вѣроятно и читателю, исторія анабаптиста, у котораго общинное управленіе отняло *силой ребенка, окрестило его по католическому обряду*, и *отдало на воспитаніе въ чужой домъ*, на томъ основаніи, что анабаптистъ, уже потому что онъ анабаптистъ, не мо-

жетъ хорошо воспитывать его, — а отца посадили въ тюрьму за сопротивленіе властямъ, т. е. полицейскому комиссару, пришедшему брать у него ребенка! Несчастный отецъ обратился въ кантональное правительство съ жалобой; то, конечно, какъ и всегда, оправдало своихъ чиновниковъ, тѣмъ дѣло и кончилось. Не думайте чтобъ этотъ случай былъ исключеніемъ,—нисколько; такія вещи, только въ менѣе рѣзкой формѣ, можетъ быть, совершаются ежедневно. Такъ, напр., если въ католической общинѣ останется сирота послѣ смерти протестантскихъ родныхъ,—его всегда заставляютъ принимать католическую вѣру.

Рѣдкая недѣля проходитъ безъ того, чтобъ въ газетахъ не появлялось описанія вѣчнаго, постоянно возобновляющагося скандала по поводу погребенія протестантовъ на католическихъ кладбищахъ,— а сколько этихъ скандаловъ проходитъ еще безвѣстно! Швейцарцы вообще не любятъ гласности, не любятъ выносить изъ избы соръ, и потому въ газетахъ появляются разсказы только о скандалахъ, происшедшихъ въ городахъ или ближайшихъ подгородныхъ общинахъ, а чуть деревня подальше, то въ ней могутъ совершаться самыя темныя дѣла, какъ въ самомъ темномъ захолустьѣ.

Дѣло, обыкновенно, состоитъ въ томъ, что если умираетъ въ католической общинѣ протестантъ, — дѣло само уже по себѣ нечастое, такъ какъ большею частію исключительно католическія, не смѣшанныя, общины начисто отказываютъ протестантамъ въ правѣ поселенія, и если по законамъ кантона, или по междукантонной конвенціи не могутъ сдѣлать этого легально, то достигаютъ цѣли столь же прямыми, но экстра-легальными путями, напр. молодежь общины придетъ въ домъ къ протестанту, перебьетъ все, затѣмъ изобьетъ его, жену и дѣтей, и вдобавокъ заявитъ, что будетъ дѣлать ему подобныя посѣщенія, пока онъ не уберется прочь. Идти въ судъ.....но о судахъ мы поговоримъ послѣ. И такъ если умираетъ въ католической общинѣ протестантъ, то въ послѣднюю минуту обыкновенно къ нему является католическій священникъ, и уговариваетъ перейти in extremis въ католицизмъ, угрожая въ противномъ случаѣ не только адомъ, но еще и тѣмъ, что тѣло его не будетъ похоронено на кладбищѣ, а брошено въ яму, или схоронено гдѣ нибудь въ *неосвященной землѣ*. Извѣстно, что на простыхъ людей эта угроза дѣйствуетъ очень сильно, и что для нихъ далеко не индиферентно, какъ они будутъ похоронены. Такимъ образомъ послѣднія минуты умирающаго отравлены, иногда онъ остается твердъ и не уступаетъ, иногда же, измученный и

запуганный, соглашается на требованія католическаго священника. Вслѣдъ за смертью начинается скандалъ по поводу его трупа. Если онъ перешелъ въ католицизмъ, священникъ требуетъ отъ родныхъ его трупъ, считая его уже своею собственностью, и увѣряя, что трупъ католика не долженъ оставаться въ рукахъ протестантовъ; въ случаѣ если родные захотятъ сами похоронить его, имъ общинное управленіе отказываетъ и въ правѣ хоронить внѣ кладбища, и въ правѣ вывезти трупъ. Если же умирающій отказался перемѣнить религію, роднымъ не позволятъ хоронить его на католическомъ кладбищѣ, и вся община собирается у дома, кричитъ, ругается, и требуетъ немедленнаго очищенія общины отъ этой «*падали*» (charogne). Замѣтьте, что все это происходитъ даже въ кантонахъ, гдѣ есть гражданское погребеніе, и гдѣ, слѣдовательно, по закону нельзя дѣлать различія между католиками и протестантами! Такова въ Швейцаріи свобода совѣсти и вѣроисповѣданія! Всѣ эти милыя выходки дѣлаются, правда, только католиками — протестантскіе пасторы слишкомъ образованы и развиты люди, чтобы возбуждать подобный фанатизмъ. Но за то католическое духовенство до того съумѣло фанатизировать народъ, что ненависть между католиками и протестантами подаетъ безпрерывно поводъ въ дракамъ, нерѣдко кончающимся смертью кого нибудь изъ бойцовъ. По поводу борлезскихъ убійствъ не только въ какихъ нибудь отдаленныхъ городахъ, но даже въ Фрейбургѣ *служились открыто благодарственные молебны!* а католическіе журналы пріятно шутили надъ жертвами, и старались еще пустить въ нихъ грязью. Въ нѣкоторыхъ католическихъ, такъ называемыхъ новыхъ общинахъ женевскаго кантона даже обсуждался вопросъ, не выгнать ли вонъ протестантовъ, разломать и разрушить домъ, въ которомъ они отправляли богослуженіе, и выбросить изъ земли схороненные трупы, такъ какъ они оскверняютъ собою католическую почву.

Теоретическій вопросъ о раздѣленіи государства и церкви, церкви и школы, въ католическихъ кантонахъ рѣшенъ, ко всеобщему удовольствію, очень просто. По федеральной конституціи, напр., школы совершенно независимы отъ духовенства, а на дѣлѣ всѣ фрейбургскія школы управляются духовенствомъ, всѣ школы въ Юрѣ завѣдуются сестрами христіанской доктрины, а въ послѣднее время это фактическое положеніе стремятся сдѣлать легальнымъ, и утвердить закономъ. Въ Фрейбургѣ напр., гдѣ весь кантонъ находится въ рукахъ іезуитовъ,—хотя федеральная конституція и запрещаетъ

имъ входъ въ Швейцарію,—выборы дѣлаются до крайности просто; католическіе священники являются къ урнѣ въ сопровожденіи всѣхъ прихожанъ, тутъ же раздаютъ имъ бюллетени, которые они и опускаютъ въ урну, — и все это дѣлается въ присутствіи властей, обязанныхъ по закону наблюдать за свободой и независимостью вотированія.

Въ прошломъ году въ одной общинѣ фрейбургскаго кантона совершился неслыханный до того времени фактъ: богатый и вліятельный торговецъ сыромъ не только отказался отъ готоваго бюллетеня, но вотировалъ противъ католическаго кандидата, и даже—о ужасъ! убѣждалъ сосѣдей и знакомыхъ поступить такъ же. Очевидно такую паршивую овцу надо было удалить, иначе она заразила бы всю паству; удалить—прекрасно, но какъ? Сначала пробовали было прибѣгнуть къ обыкновенному средству,—направлять на него набожную молодежь,—но это оказалось неудобнымъ, такъ какъ и продавецъ сыровъ, и работники его были народъ сильный и смѣлый, и даже разъ пребольно намяли бока одному изъ усердныхъ католиковъ. Священникъ придумалъ слѣдующее: онъ подкупилъ служившую у сырника дѣвушку чтобы она, во-первыхъ, распустила слухъ, что у того въ домѣ водятся нечистые духи; затѣмъ онъ научилъ ее провести изъ ея комнаты на чердакъ, подъ крышу, веревочку, къ концу которой она привязала полѣно, и каждую ночь, когда все уже спало, она дергала эту веревочку, и подъ крышей поднимался странный стукъ; когда и это не подѣйствовало, дѣвушка, все по наущенію священника, стала швырять камнями въ скотъ, и даже въ людей, такъ что жизнь въ домѣ стала дѣйствительно невыносимою. Наконецъ сырникъ открылъ въ чемъ штука, и представилъ дѣвушку въ судъ; ту, конечно, посадили въ тюрьму, но послѣ перваго же допроса, когда она призналась, что дѣйствовала по наущенію священника, ее отпустили, и дѣло прекратили, такъ что о немъ никто бы и не зналъ, если бы «Confédéré» не посѣщалъ разсказать его публикѣ.

Въ смѣшанныхъ кантонахъ и общинахъ прозелитизмъ составляетъ не только дѣло фанатизма, но и вопросъ самолюбія для духовенства обоихъ вѣроисповѣданій, и потому достигаетъ невозможныхъ, невообразимыхъ размѣровъ; не довольствуясь болѣе или менѣе нормальнымъ населеніемъ, и католическій священникъ и протестантскій пасторъ, держась принципа брать свое добро вездѣ, гдѣ бы оно ни встрѣтилось, не пренебрегаютъ патологическими душами, и ищутъ себѣ прозелитовъ даже въ съумасшедшихъ домахъ, такъ

что чуть только директоръ послабѣе, или недосмотритъ, въ заведеніяхъ умалишенныхъ поднимается религіозная вражда!

Мы уже упомянули, что правительства нѣкоторыхъ католическихъ кантоновъ клерикальны до невѣроятія; въ этомъ отношеніи первоначальные кантоны, — колыбель швейцарской свободы — стоятъ на первомъ мѣстѣ, и только развѣ іезуитскій Фрейбургъ поспоритъ съ ними. Тѣлесное наказаніе Ринекера слишкомъ свѣжо въ памяти всѣхъ, чтобы нужно было говорить о немъ, и я только напомню его чтобы дать читателю идею, какова свобода мысли въ первоначальныхъ кантонахъ, и какъ тамъ неограниченно царствуетъ католическое духовенство. Вліяніе духовенства въ фрейбургскомъ кантонѣ вполнѣ обрисовывается, мнѣ кажется, напримѣръ, слѣдующимъ фактомъ: Фрейбургъ—одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ кантоновъ, и едва ли не самый отсталой, послѣ Ури и Швица, въ умственномъ отношеніи; бюджетъ его департамента народнаго просвѣщенія составляетъ всего *десять тысячъ* франковъ, и на всѣ убѣжденія и представленія прогрессивной партіи, что этого слишкомъ мало, что школы находятся въ ужасномъ положеніи, и т. д., правительство отвѣчало вѣчнымъ non possumus,—нѣтъ денегъ; между тѣмъ въ ноябрѣ 1867 г., т. е. пять недѣль послѣ долгаго и жаркаго спора по этому вопросу, совѣтъ сдѣлалъ фрейбургскому епископу и его духовенству подарокъ въ 419 тысячъ франковъ, т. е. сумму, которая на *сорокъ два года удвоила бы* бюджетъ школъ. Къ этому остается прибавить, что въ Швейцаріи совершено было послѣднее ауто-да-фе когда о немъ забыли даже и въ Испаніи, и въ то время, какъ во Франціи творенія энциклопедистовъ сдѣлались уже настольною книгою каждаго маломальски просвѣщеннаго человѣка, просвѣщенные швейцарцы истязали несчастную старуху, и наконецъ сожгли ее, какъ вѣдьму.

Протестантскій піэтизмъ и женевское мамьерство, рѣзко отличаясь отъ фанатическаго католицизма своимъ строго систематичнымъ характеромъ, своею законченностью и разсчетливостью, составляютъ не менѣе надежное и вѣрное орудіе реакціи, какъ и іезуиты католическихъ кантоновъ. Здѣсь религіозные догматы до того слились съ извѣстными политическими и соціальными принципами и взглядами, что раздѣлить ихъ нѣтъ никакой возможности; первые служатъ очень удобнымъ орудіемъ для вторыхъ, вторые составляютъ реализацію первыхъ, и veto всякому измѣненію произносится не только во имя выгоды, но и во имя религіи. Здѣсь самый циническій лавочный эгоизмъ возводится на степень религіознаго дог-

мата, эксплоатація дѣлается не только соціальнымъ правомъ, но почти религіозною обязанностью, а отношенія патрона къ своимъ рабочимъ приняло тотъ наивно патріархальный характеръ, гдѣ хозяинъ мастерской ставитъ въ conditio sine qua non хожденіе въ церковь по воскресеньямъ и вотированіе въ пользу извѣстнаго кандидата, наравнѣ съ работою извѣстнаго числа часовъ въ день. Всякая попытка, всякая даже мысль измѣнить отношеніе труда къ капиталу есть дѣло не только невыгодное для послѣдняго, не только опасное обществу, но и противное религіи и нравственности, и настоящее положеніе рабочаго класса — фактъ постановленный и освященный божественнымъ правомъ, и слѣдовательно должно быть также неприкосновенно, какъ и всѣ постановленія, проистекающія изъ этого права.

Такимъ образомъ піэтизмъ сдѣлался синонимомъ ультра-консерватизма, политическаго и соціальнаго, и открытымъ врагомъ всякаго движенія, всякаго измѣненія, а между тѣмъ піэтисты составляютъ въ большей части протестантскихъ кантоновъ господствующую политическую партію. Ихъ идеалъ будущности страны—вѣчное statu quo, ихъ принципы нравственности — уголовный кодексъ, ихъ соціальныя стремленія—эксплоатація и быстрое обогащеніе, ихъ политическія убѣжденія — большое жалованье, столовыя, разъѣздныя и т. п. деньги.

Посмотрите на женевскую такъ называемую аристократію, на этихъ богачей, милліонеровъ, нажившихся всевозможными способами, за которые уголовный кодексъ забылъ назначить наказанія; какое наглое, презрительное обращеніе съ своими рабочими, и какая гнусная угодливость, заискиваніе, заглядываніе въ глаза богатымъ иностранцамъ! Какъ онъ заставляетъ стоять предъ собою безъ шапки бѣднаго блузника, дрожащаго отъ холода, и какъ стоитъ безъ шапки самъ передъ англичаниномъ, покупающимъ у него разный вздоръ! И какъ они проникнись святостью своихъ патронскихъ интересовъ, какъ они проповѣдуютъ эту святость своимъ комми, носильщикамъ, даже бѣдному разсыльному мальчику при магазинѣ, бѣгающему изъ одного конца города въ другой, относя сдѣланныя въ магазинѣ покупки, въ блузѣ или легкомъ сюртукѣ, по холоду рождественскихъ праздниковъ. Навиль, ихъ глубочайшій мыслитель, *піэтическій философъ*, имѣющій, между прочимъ больше ста тысячъ франковъ дохода — въ своихъ лекціяхъ о добрѣ и злѣ, — лекціяхъ, на которыя сходились тысячи человѣкъ, и которыя, по мнѣнію женевскихъ мамьеровъ, представляютъ выс-

шій нравственный идеалъ, составлявшійся когда нибудь въ умѣ людей;—долго убѣждалъ своихъ слушателей дѣлать по возможности добро, все добро, которое только можно будетъ имъ сдѣлать: «будьте какъ солнце, разливающее вокругъ свои теплые и свѣтлые лучи, животворящіе природу», говорилъ онъ,—но вдругъ, вѣроятно боясь чтобы кто нибудь не слишкомъ увлекся его словами, заключилъ, что добро это должно быть въ извѣстныхъ предѣлахъ,—и что коми въ лавкѣ, напр., обязанъ прежде всего думать объ интересахъ своего патрона. Вотъ оно на что свелась ихъ нравственность! Какже не вспомнить при этомъ знаменитый анекдотъ лавочника, зовущаго своего прикащика на молитву: «Ты положилъ песку въ перецъ»?—Положилъ.—«А сушеной земли къ кофе?»—Положилъ.—«Такъ ступай на молитву,—теперь пора».

Федеральная конституція гарантируетъ свободу вѣроисповѣданія всѣхъ христіанскихъ сектъ, признанныхъ государствомъ; какова эта гарантія на дѣлѣ — мы видѣли, но, по крайней мѣрѣ, de jure вы имѣете право быть, напримѣръ, анабаптистомъ, хотя de facto у васъ, можетъ быть, и отнимутъ вашихъ дѣтей и отдадутъ на воспитаніе кому нибудь, нераздѣляющему вашихъ зловредныхъ заблужденій. Но читатель видитъ, что свобода вѣроисповѣданія касается только христіанскихъ сектъ, и не распространяется, напр. на евреевъ,—и это не пустая формула, не мертвая буква. Только очень немногіе кантоны позволяли у себя селиться евреямъ, въ большей же части законъ положительно запрещалъ это. Нѣсколько разъ старались ввести въ конституцію параграфъ, позволяющій евреямъ селиться гдѣ хотятъ, всякій разъ это предложеніе отвергалось большинствомъ, которое еще не признаетъ, «что жидъ есть тоже человѣкъ», и нужно было вмѣшательство Франціи, поставившей непремѣннымъ условіемъ торговаго трактата право поселенія евреевъ, чтобъ имъ дали право жить гдѣ хотятъ. Не правда ли, какая передовая страна.

Посмотрите же на оборотъ медали. Въ Швейцаріи три университета, множество академій, политехническая школа, — но вы не найдете въ этомъ столѣтіи ни одного имени, громкаго въ наукѣ. Профессоры вездѣ нѣмцы или французскіе выходцы, такъ что швейцарцы только жалуются, что иностранцы отбиваютъ у нихъ въ ихъ собственной странѣ хлѣбъ. Между тѣмъ, несмотря на всѣ усилія «патріотовъ», т. е. людей, видящихъ величіе и выгоду страны не въ томъ, чтобъ въ ея университетахъ были хорошіе профессоры, какая бы ни была ихъ національность, а въ томъ,

чтобъ мѣста съ жалованьемъ были замѣщены швейцарцами,—несмотря на всѣ льготы и выгодныя условія, предлагаемыя швейцарцамъ, несмотря на отсутствіе конкурса, бернскій университетъ, напримѣръ, въ теченіи полугода не имѣлъ профессоровъ для медицинской и хирургической клиники, десять мѣсяцевъ не имѣлъ профессора акушерства, полтора года профессора офталмологіи, и *пять лѣтъ* профессора общей патологіи и патологической анатоміи, потому что всѣ хотѣли отыскать для этихъ кафедръ швейцарцевъ, и наконецъ кончили тѣмъ, чѣмъ слѣдовало начать, т. е. выписали нѣмцевъ. Впрочемъ въ Швейцаріи очень порицаютъ, что университетъ прибѣгнулъ къ Германіи; по мнѣнію швейцарцевъ слѣдовало бы не торопиться выборомъ профессоровъ, а поручить кафедры эти временно какимъ нибудь врачамъ, а между тѣмъ нашлись бы кандидаты швейцарцы, которыхъ можно было бы послать въ Германію приготовляться на профессуру. Что имъ за дѣло, что въ это время студенты не учились бы и вышли незнающими—за то жалованье не платилось бы иностранцамъ, и вообще все дѣлалось бы en famille. Какъ видно, патріотизмъ и глупость для нихъ равнозначущія понятія.

Относительно ученыхъ Женева, впрочемъ, составляетъ утѣшительное исключеніе изъ очень грустнаго общаго правила; въ ней теперь, напр, въ академіи собралась цѣлая плеяда громкихъ именъ: Клапаредъ, Пикте, Де-ла-Ривъ, Мариньякъ, Фохтъ, Плантамуръ. Надо также замѣтить, что Женева всего менѣе швейцарскій городъ, а всѣ эти ученые воспитывались и учились во Франціи и Германіи.

Увы, Швейцарія пережила свою ученую славу, какъ пережила и героическую, и вѣкъ Руссо и Песталоцци, Гельвеціуса и Галлера прошелъ точно также, какъ прошелъ вѣкъ Стауфера и Теля, Эрлаха и Винкельрида, и едва ли не прошелъ безвозвратно. Сначала нынѣшняго столѣтія жизнь страны приняла другое направленіе, результатомъ котораго является полная остановка умственной жизни. Остановка эта замѣтна не только въ наукѣ, но и въ другихъ отрасляхъ умственной дѣятельности; литература,—если только возможно говорить о швейцарской литературѣ—пробавляется разсказами, чѣмъ-то среднимъ между повѣстью и проповѣдью, и не имѣетъ *ни одного* литературнаго журнала, кромѣ идіотской Illustration Suisse. Что сказать объ умственной жизни страны, гдѣ Навиль считается глубокимъ мыслителемъ, Картере даровитымъ полемистомъ, Урбенъ Оливье талантливымъ беллетристомъ, Петисенъ юмористомъ и поэтомъ. Теперь—тоже женевецъ, былъ ка-

кимъ-то исключеніемъ, да впрочемъ ему теперь предпочитаютъ Урбена Оливье—и подѣломъ, не сыпь бисера передъ свиньями.

III.

Mens curva in corpore curvo.

Все въ мірѣ видоизмѣняется, и нѣтъ такой медали, которая не имѣла бы своей оборотной стороны. Не всегда людямъ хороша жизнь среди красивой природы, а иногда они очень дорого платятъ за красоты природы, которымъ такъ завидуютъ наивные туристы. Величественныя горы, стремительные потоки, бѣгущіе съ синихъ ледниковъ, и всѣ эти достопримѣчательности, занесенныя въ гиды съ разными громкими прилагательными въ превосходной степени, положили на физическую и нравственную природу швейцарскаго народа, на его матеріальную и соціальную жизнь, глубокую, и едва ли не неизгладимую печать,—и замѣчательно,—хотя и очень понятно,—печать эта, сравнительно мало замѣтная въ средніе вѣка, врѣзывается все глубже и глубже, по мѣрѣ того какъ открытіе и логичнѣе, рѣзче и яснѣе развиваются общественныя условія народной жизни.

Въ дѣлѣ расъ горы—элементъ, по преимуществу, консервативный съ одной стороны, регрессивный и вредный съ другой. Было бы большой ошибкой считать швейцарцевъ потомками гельветовъ римскаго и германскаго періода; повидимому, въ Швейцаріи германскій, и именно спеціально-племенной типъ долженъ былъ бы сохраниться всего чище, гораздо чище, чѣмъ въ другихъ европейскихъ странахъ. Въ то время, какъ, по выраженію Фохта, Марсъ и сопровождающая его Венера, смѣшали въ Европѣ всевозможныя племена, самые разнообразные типы, Швейцарія, благодаря своимъ горамъ, спаслась отъ историческаго момента измѣненія и смѣшенія расъ. Но съ другой стороны тѣже горы сохранили несчастной странѣ примитивныхъ ея жителей, смѣшали ихъ кровь съ кровью новыхъ поселенцевъ, и такимъ образомъ ухудшили, испортили новую расу, такъ что теперь самые непритязательные путешественники, въѣзжая въ Швейцарію, поражаются страшной разницей

физической и умственной, между швейцарцами и другими сосѣдними народами, и дѣйствительно разница эта бросается въ глаза, и чѣмъ ближе узнаешь швейцарцевъ, тѣмъ она кажется глубже и рѣзче, до такой степени, что въ анатомическихъ собраніяхъ черепы и скелеты индивидуумовъ другихъ расъ и народовъ поражаютъ красотой и благородствомъ формъ. Маленькій ростъ, длинныя руки, какъ у обезьянъ, кривыя ноги, широкій тазъ, узкій черепъ, безо лба, но за то съ огромными челюстями, придающій всей физіономіи что-то тупое и животное,—вотъ отличительные признаки швейцарской расы, т. е. дѣйствительно швейцарской, коренной, а не женевскихъ или базельскихъ жителей. Ко всему этому надо еще прибавить, что зобы, кретинизмъ и идіотство, рахитизмъ и весь страшный рядъ мозговыхъ комплекацій отравляютъ въ самыхъ ея зародышахъ физическую жизнь этой несчастной расы, такъ что во всей природѣ этого народа есть что-то низшее и болѣзненное, возбуждающее отвращеніе и жалость. Каждый, кому случалось заниматься и работать въ швейцарскихъ госпиталяхъ, знаетъ, что даже ходъ болѣзней, особенно хирургическихъ, здѣсь далеко не такой, какъ въ госпиталяхъ другихъ странъ, что еще болѣе показываетъ, какъ весь организмъ этой расы глубоко пропитался этимъ ухудшающимъ,—нормально-низшимъ или патологическимъ—элементомъ. Полукретинизмъ самый очевидный, въ діагнозѣ котораго не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, составляетъ въ сельскомъ населеніи внутреннихъ кантоновъ не только частое явленіе, но прямо и положительно норму, насколько можно судить объ этомъ по больнымъ, привозимымъ въ госпитали вслѣдствіе случайныхъ болѣзней, а также и по тому впечатлѣнію, которое выноситъ каждый путешественникъ, умѣющій наблюдать и видѣть. Пораженные общимъ характеромъ физической и нравственной тупости—я чуть не сказалъ анестезіи,—въ огромномъ большинствѣ больныхъ, молодые профессора-нѣмцы сдѣлали въ бернскомъ госпиталѣ опытъ извѣстнаго измѣренія чувствительности, и оказалось, что между цифрами изслѣдованій, сдѣланныхъ въ Германіи, и полученными здѣсь, разница такъ велика, что на нее неизбѣжно должно смотрѣть, какъ на племенную особенность. Это состояніе полукретинизма позволяетъ этимъ индивидуумамъ исполнять всѣ полевыя и домашнія работы, конечно по готовому шаблону; и отчасти потому, а отчасти и по той причинѣ, что они составляютъ чуть не половину сельскаго населенія внутреннихъ кантоновъ, они никакъ не считаются чѣмъ нибудь анормальнымъ; умственная несостоятельность и недо-

статочность составляютъ, дѣйствительно, племенную особенность, и, болѣе или менѣе, ею страдаетъ все населеніе Швейцаріи, т. е. конечно сельское, такъ какъ въ городахъ раса улучшается примѣсью французской и нѣмецкой крови. Оттого Швейцарія представляетъ огромный процентъ идіотовъ кретиновъ, — процентъ, дающій ей въ этомъ отношеніи первое мѣсто въ ряду европейскихъ странъ, такъ что даже самые несчастные округа пиринеевъ, альпійскихъ долинъ, Аосты, некарской долины все еще далеко не равняются съ Швейцаріею, въ общемъ итогѣ. Извѣстно, какъ тѣсна связь зоба и кретинизма,—и въ Швейцаріи человѣкъ—въ особенности женщины—не имѣющій зоба, составляетъ чрезвычайно рѣдкое исключеніе, и притомъ зобы здѣсь достигаютъ такихъ размѣровъ, какихъ я никогда не видалъ у кретиновъ некарской долины, и только несчастная аостская долина можетъ поровняться въ этомъ отношеніи съ Швейцаріей, такъ что можно положительно сказать, что нѣкоторая степень кретинизма вошла нормальнымъ элементомъ въ организацію швейцарской расы. И это явленіе стоитъ не одиночно; оно сопровождается цѣлымъ рядомъ другихъ явленій, съ которыми оно связано общею генерическою связью; тяжелыя мозговыя болѣзни, какъ извѣстно, всѣ связаны тѣсно между собою, порождаютъ другъ друга, переходятъ другъ въ друга въ различныхъ поколѣніяхъ, и Швейцарія представляетъ рѣзкій, очень печальный примѣръ этой патологической особенности. Ни одна страна не даетъ такихъ странныхъ статистическихъ цыфръ относительно умалишенныхъ и эпилептиковъ, какъ Швейцарія, и въ этомъ отношеніи она стоитъ прямо за Фарерскими островами.

Извѣстно, что аборигены Европы, люди озерныхъ жилищъ, не изчезли совершенно въ до-историческія времена, и можно даже думать, что раса ихъ, конечно, въ очень маломъ числѣ, сохранилась до времени Карла Великаго,—раса людей очень маленькаго роста, безобразныхъ, злыхъ и глупыхъ, скрывавшихся въ пещерахъ. Во всей Европѣ эти остатки прежняго населенія изчезли совершенно, истребленные уже въ первые вѣка христіанства, но въ швейцарскихъ долинахъ они сохранились въ довольно значительномъ числѣ и смѣшались съ германскою расою, ухудшивъ ее такимъ образомъ. Узкіе ихъ черепа, огромное развитіе челюстей, маленькій ростъ, длинныя руки, болѣзненная наклонность къ рахитизму со всѣми его послѣдствіями, преобладаніе животныхъ инстинктовъ, неудерживаемые разсудкомъ животные порывы злобы, бѣшенства, половыхъ стремленій,—все это, конечно въ смягченной формѣ, пе-

решло роковымъ наслѣдствомъ къ ихъ потомкамъ, современнымъ швейцарцамъ, а эти, въ свою очередь, не только ничего не сдѣлали, чтобъ противодѣйствовать этому роковому наслѣдственному элементу, но еще своими законами о бракѣ, своими обычаями и соціальнымъ устройствомъ точно нарочно создали всѣ условія, благопріятствующія его развитію, и еще усилили его вліяніе; за то теперь они могутъ похвастаться, что сохранили одни только въ природѣ чистую примитивную расу,—сохранили ее, до такой степени, что черепа швейцарцевъ настоящаго времени чрезвычайно близки къ черепамъ датчанъ каменнаго періода. Конечно, въ научномъ отношеніи, это фактъ очень интересный, и надо быть благодарнымъ этому самоотверженному народу, рѣшившемуся остановиться на томъ уровнѣ умственнаго и мозговаго,—по крайней мѣрѣ черепнаго—развитія, на которомъ стояли остальные европейскіе народы многія тысячи лѣтъ тому назадъ, но наши научно-антропологическія симпатіи не должны заставлять насъ закрывать глаза на современный фактъ,—фактъ этотъ очень печаленъ. На земномъ шарѣ мало расъ, въ которыхъ животные инстинкты и порывы сохранились бы въ такой чистотѣ, въ такой цѣльности и необузданности, какъ въ швейцарцахъ, и это подтверждается такъ часто, такъ безпрерывно и постоянно, что, несмотря на все свое желаніе закрывать глаза на всѣ темныя стороны своей страны, швейцарцы принуждены громко говорить объ этомъ. Убійства въ дракахъ, проломы головы, переломы реберъ и ключицы, удары ножемъ въ голову, грудь и животъ, насилованія женщинъ и дѣтей обоихъ половъ, до такой степени часты, что являются уже не исключеніемъ, а почти нормальнымъ элементомъ, и вы въ любомъ большомъ французскомъ или нѣмецкомъ госпиталѣ не увидите въ годъ столькихъ хирургическихъ случаевъ подобнаго рода и происхожденія, сколько въ каждомъ маленькомъ швейцарскомъ госпиталѣ въ мѣсяцъ. Все это такъ обыкновенно въ Швейцаріи, что подобные случаи обыкновенно и не доходятъ до судовъ, да и присяжные въ огромномъ большинствѣ случаевъ прямо оправдываютъ подсудимаго, признавая убійства этого рода просто печальными, противъ чего иногда наивные журналы вдругъ поднимутъ крикъ, воображая, что строгими судебными приговорами можно помочь дѣлу. Вопросъ объ укрощеніи этихъ порывовъ злобы, о положеніи наконецъ предѣла безпрестанными драками, увѣчьямъ и убійствамъ, поднимался уже не разъ въ Швейцаріи, — онъ имѣетъ общую со многими другими вопросами привиллегію періодически всплывать наверхъ, обсуждаться

долго и серьезно, и наконецъ сдаваться въ архивъ нерѣшеннымъ. Да и какъ рѣшить его, когда причина, порождающая всѣ эти милые факты, лежитъ въ самыхъ основныхъ племенныхъ свойствахъ народа и соціальныхъ условіяхъ его жизни? — Я сказалъ — соціальныхъ условіяхъ его жизни, — и дѣйствительно, несмотря на всю склонность мою, можетъ быть, давать огромное значеніе племеннымъ особенностямъ, не могу не согласиться также, что систематическое противодѣйствіе могло бы не только парализовать вліяніе этого роковаго наслѣдства, но даже постепенно и совершенно уничтожить его. Между тѣмъ соціальное устройство Швейцаріи и ея общественная жизнь сложились такъ, приняла такія формы, что не только не стремится отстранить или парализовать эти условія, но неминуемо создала бы ихъ, еслибъ даже они не существовали.

Патологія наложила свою тяжелую, роковую печать на всю швейцарскую расу, такъ что несчастный народъ принадлежитъ буквально душою и тѣломъ медицинѣ, но этого не должно сваливать исключительно на первородный грѣхъ происхожденія; и у насъ нѣтъ ни основанія, ни даже нужды прибѣгать къ этнологіи, когда мозговыя болѣзни, кретинизмъ и эта неудержимость и необузданность животныхъ инстинктовъ совершенно удовлетворительно объясняются развратомъ, бездѣятельностью высшаго, изнурительнымъ трудомъ и лишеніями низшаго класса; пьянствомъ, лихорадочною страстью и жадностью къ деньгамъ и ко всякаго рода азартной игрѣ, которая можетъ обогатить быстро, и главное безъ труда, свойственныхъ всѣмъ классамъ страны, отъ высшей до самой низшей степени соціальной лѣстницы; и эти язвы, разъѣдающія все швейцарское общество сверху до низу, въ свою очередь составляютъ неизбѣжное, роковое слѣдствіе первоначальныхъ, основныхъ условій общественной жизни страны. Съ одной стороны, вмѣсто того чтобъ стремиться улучшить, облагородить расу примѣсью лучшаго, чужеземнаго элемента, и для этого облегчить эту примѣсь, стараться привлечь этотъ элементъ, — законодательство, напротивъ, сдѣлало все, чтобъ систематически исключить его, затруднить это улучшеніе, точно оно хотѣло сдѣлать грандіозный антропологическій экспериментъ *in anima* — я чуть не сказалъ *vili*. Законы о бракѣ, законы о Niederlassung, которые должны были, по понятіямъ остроумныхъ и глубокомысленныхъ законодателей, какъ драконы охранять гесперидовы сады, чтобъ иностранцы не похитили золотыхъ яблокъ, — оказали народу самую печальную услугу. Исключивъ систематически чужеземный элементъ, они за-

тѣмъ консеквентно исключили и всякій посторонній элементъ, чуждый каждой отдѣльной общинѣ, и поставили такимъ образомъ общины въ совершенно разъединенное положеніе, въ положеніе островитянъ, наприм., отрѣзанныхъ отъ всего остального міра, а эта китайская стѣна, раздѣляющая кантоны между собою, въ самыхъ кантонахъ общины одна отъ другой, имѣла свои обычныя послѣдствія, — умственный и физическій упадокъ населенія, — послѣдствія, которыя не трудно было, конечно, предвидѣть заранѣе. Первоначальная мысль ихъ была почерпнута изъ той же сферы идей, изъ которой произошли таможни, государственное покровительство индустріи, и повело къ такому же ряду тяжелыхъ, задушающихъ страданій, только здѣсь самъ виновный,—безъ вины виноватый,—несетъ кару за свои ошибки, за свое нечистое и нечестное стремленіе къ наживанію, за крапленыя карты, которыми онъ хотѣлъ сорвать банкъ въ общей азартной игрѣ, «торговли и промышленности».

IV.

In cauda venenum.

Вопросъ свободы и независимости личности былъ поставленъ въ Швейцаріи раньше, чѣмъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, но въ настоящее время, онъ подвинутъ едва ли не менѣе чѣмъ гдѣ нибудь. Извѣстно, что послѣдовательность съ одной стороны, а сообразительность съ другой, встрѣчаются въ людяхъ, и въ особенности въ массахъ, довольно рѣдко, и народы рѣдко могутъ похвалиться этими качествами; но если люди не блистаютъ логичностью и послѣдовательностью, то за то исторія не отступаетъ отъ самой безпощадной логики, къ чему та ни привела бы ее, и эта логика событій, это постепенное и послѣдовательное развитіе тѣхъ принциповъ, зачатки которыхъ легли въ основаніе народной жизни неизбѣжно приведетъ людей къ такимъ результатамъ, передъ которыми они съ ужасомъ отступили бы, если бы имъ показали ихъ въ будущемъ. Для исторіи, какъ и для природы, патріотическихъ и другихъ сентиментальныхъ соображеній совершенно не существуетъ, и прин-

цинъ борьбы за существованіе, напр., развился въ Швейцаріи также полно, свободно и логично, пришелъ въ сущности къ тѣмъ же результатамъ, конечно видоизмѣненнымъ до нѣкоторой степени обстоятельствами, условіями страны и народной жизни, какъ и на Новой Зеландіи или Нукагивѣ, какъ между жуками и слизняками, муравьями и тлей, и никакія побочныя вліянія, ничто неизмѣнило ни на волосъ неизбѣжныхъ результатовъ, къ которымъ онъ долженъ былъ неминуемо привести.

Но надо также сказать, что эта китайская стѣна, которою окружила себя каждая община, думая такимъ образомъ обезпечить себя отъ эксплоатаціи извнѣ, и которая кончила тѣмъ, что задушила всякую жизнь въ общинѣ, закрѣпила людей къ землѣ, лишила рабочихъ даже ихъ правъ на Юрьевъ день,—эта стѣна была не чудовищнымъ исключеніемъ, какъ можно было бы думать,—она была только консеквентнымъ шагомъ дальше въ протекторіальной системѣ, господствовавшей во всей Европѣ. Странно, конечно, что въ эту ошибку впали не только управляющіе, на которыхъ эта ошибка и не отозвалась, но и сами управляемые, которымъ приходилось дорого за нее платиться, — но это можетъ показаться страннымъ только на первый взглядъ. Не надо забывать, что только девятнадцатый вѣкъ первый сдѣлалъ различіе между понятіями свободы и независимости, а въ Швейцарію это различіе не проникло еще до сего времени; Швейцарія уже давно совершенно независима, сложилась въ республику, и потому швейцарцы, пріятно смѣшивая два понятія государственной независимости съ личною свободою, до сихъ поръ пренаивно утверждаютъ, что они освободились первые, рѣшительно не замѣчая, что и въ настоящее время они стоятъ далеко позади многихъ и очень многихъ европейскихъ странъ. Вопросъ личной свободы въ политическомъ смыслѣ—о соціальномъ и говорить нечего—въ Швейцаріи находится еще въ очень печальномъ положеніи, наталкиваясь на общинныя и кантональныя права, помимо всякихъ внѣ-политическихъ ограниченій, — и въ этомъ отношеніи Швейцарія представляетъ очень любопытный образчикъ величайшаго винегрета новѣйшихъ понятій и учрежденій съ средневѣковыми уложеніями и правами. Цѣховая замкнутость и исключительность, уничтоженная федеральной конституціей de jure, de facto процвѣтаетъ себѣ во имя общинныхъ правъ. Такимъ образомъ напр. федеральная конституція гарантируетъ всѣмъ гражданамъ право свободнаго передвиженія, но каждая община, точно также какъ и каждый кантонъ,

могутъ запретить гражданамъ другого кантона или даже другой общины поселяться у нихъ,— и не думайте, чтобы это право было мертвой буквой—далеко нѣтъ; большая часть кантоновъ дѣйствительно пользуется имп, точно также какъ и отдѣльныя общины, и если, напр., кто нибудь изъ членовъ общиннаго совѣта кузнецъ, то ни одинъ кузнецъ другой какой нибудь общины никогда не получитъ разрѣшенія заниматься своимъ ремесломъ въ этой общинѣ, а такъ какъ каждый членъ совѣта имѣетъ интересъ не впускать какого нибудь извѣстнаго рода ремесло, или какую нибудь торговлю, то они и помогаютъ другъ другу. И это не ограничивается общинами и ремеслами: напр., медики одного кантона не имѣютъ права практиковать въ другомъ безъ экзамена, а такъ какъ экзаменуетъ коммисія, состоящая изъ практическихъ врачей кантона, вся выгода которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы имѣть какъ можно меньше конкурентовъ, и такъ какъ ихъ приговоръ безапелляціоненъ, то понятно, къ какимъ нелѣпостямъ и злоупотребленіямъ ведетъ этотъ законъ. Экзаменаторы самымъ наглымъ образомъ отказываютъ въ правѣ практики доцентамъ университета, и пропускаютъ людей, неимѣющихъ никакихъ свѣденій, если только имъ заранѣе обезпечено мѣсто какимъ нибудь изъ врачей, рѣшающихся наконецъ оставить практику. Вслѣдствіе этого на медицинскій факультетъ въ Швейцаріи идутъ только тѣ, кому папеньки, дяденьки или покровители заранѣе приготовили «мѣсто злачно, мѣсто прохладно,» — и такъ какъ тѣже папеньки и дяденьки и экзаменуютъ, то естественно что студентамъ не для чего работать, когда дипломъ и мѣсто гарантировано имъ во всякомъ случаѣ заранѣе, и этотъ непотизмъ въ самой цинической формѣ, самый откровенный, до того вошелъ здѣсь въ нравы, что всѣ смотрятъ на него какъ на совершенно нормальное явленіе, и ни одинъ молодой человѣкъ, неимѣющій прочнаго покровительства, и не пробуетъ счастія на медицинскомъ факультетѣ. Обстоятельство это имѣло самое печальное вліяніе на молодежь. Проникнувшись мыслью, что въ жизни нельзя разсчитывать на свои только силы, а надо искать покровительства и связей, университетская молодежь унизилась и оподлилась такъ, что это поражаетъ каждаго свѣжаго человѣка; она умильно улыбается, смотритъ въ глаза профессорамъ и всѣмъ власть имѣющимъ, подаетъ имъ пальто, ищетъ случая поклониться лишній разъ, однимъ словомъ держитъ себя такъ, что профессоры нѣмцы первое время находятся въ совершенномъ недоумѣніи; къ сожалѣнію ко всему

этому люди скоро привыкаютъ и затѣмъ уже начинаютъ требовать этихъ поклоновъ и улыбокъ, какъ должнаго приношенія.

Съ другой стороны и на занятія учащейся молодежи новый порядокъ вещей имѣлъ очень невыгодное вліяніе. Я говорилъ уже объ отсутствіи ученыхъ въ Швейцаріи, такъ что каждый разъ, какъ дѣлается свободной какая нибудь кафедра, по Швейцаріи начинаютъ розыскивать нужнаго кандидата, предлагая даже подождать года два—три, чтобы дать ему время приготовиться,—но всѣ эти поиски кончаются обыкновенно ничѣмъ, и приходится обращаться къ нѣмцамъ. И дѣйствительно медики, напр., здѣсь таковы, что я убѣдительнѣйше совѣтую всѣмъ туристамъ очень беречь свое здоровье и не попадаться къ нимъ въ лапы. Это такое незнаніе, такое тупое непониманіе самыхъ основныхъ вещей, что здѣшнихъ медиковъ можно смѣло поставить наравнѣ съ знаменитымъ медикомъ Магелланова пролива, о которомъ разсказываетъ въ своемъ путешествіи г.Вышеславцевъ; за примѣрами дѣло конечно не стало бы, но я не рѣшаюсь приводить ихъ, такъ какъ сомнѣваюсь, чтобы повѣрили имъ: до такой степени они невѣроятны! Притомъ же nomina odiosa sunt. Кто повѣритъ напр., что на мой вопросъ о томъ, въ какой формѣ находится желѣзо въ водѣ одного очень посѣщаемаго въ Швейцаріи желѣзнаго источника въ бернскомъ кантонѣ, мѣстный врачъ съ изумленіемъ отвѣчалъ, что, конечно, просто «in suspention»? Кто повѣритъ, напр., что въ Базелѣ одинъ Rezirksarzt, президентъ Conseil de santé, лечитъ больныхъ за глаза, непремѣнно рвотнымъ. Мнѣ случилось просматривать собраніе рапортовъ, дѣлаемыхъ медиками здѣшнимъ медицинскимъ управамъ (Sandtötsrath) и рецептурныя книги аптекарей; что за курьезы встрѣчаются на каждомъ шагу,—курьезы, за которые дорого платится несчастный народъ.

Это положеніе дѣлъ дошло до такихъ ужасныхъ результатовъ, что даже швейцарское общество, всегда довольное собою, и увѣряющее что лучше здѣшнихъ порядковъ ничего быть не можетъ, поняло, что такъ дѣло дальше идти не можетъ, и въ настоящее время подпятъ вопросъ о свободномъ переходѣ медиковъ изъ одного кантона въ другой. Но всѣ кричащіе противъ этой цѣховой замкнутости медицинскаго сословія и происходящихъ отъ нея горестныхъ послѣдствій не понимаютъ, что эта замкнутость есть только частный случай общей системы монополіи и привиллегій, господствующей во всей Швейцаріи, во всѣхъ отрасляхъ экономической жизни народа, системы, доставшейся милымъ наслѣдствомъ пред-

шествующихъ столѣтій, и отъ которой Швейцарія до сихъ поръ не можетъ отдѣлаться. Таже замкнутость, таже система привиллегій и монополи царитъ вездѣ, развращая эксплоатирующихъ, и раззоряя эксплоатируемыхъ, а между тѣмъ нѣтъ никакой надежды, чтобы дѣло когда бы то ни было измѣнилось, такъ какъ для этого надо начать съ перестройки общины и съ уничтоженія ея правъ, за которыя народъ крѣпко держится не понимая, что они раззоряютъ его, обогащая нѣсколькихъ человѣкъ. Вообще трудно найти страну и народъ консервативнѣе Швейцаріи,—именно ультра-консервативнѣе въ буквальномъ смыслѣ слова; здѣсь упорно держатся за такія вещи, отъ которыхъ въ остальной Европѣ народъ только и мечтаетъ отдѣлаться, и никакія убѣжденія, никакія старанія передовыхъ людей не въ состояніи преодолѣть этой инертной силы народнаго veto, которымъ страна отвѣчаетъ на всѣ, самыя умѣренныя попытки какихъ нибудь измѣненій. Такъ, напр. когда поднятъ былъ такой шумъ по поводу дѣла Ринекера, наказаннаго *розгами* за противокатолическую брошюру, и общество *Гельвеція* пропагандировало необходимость новаго просмотра федеральной конституціи;— когда народъ былъ призванъ вотировать относительно вопросовъ, не нужно ли дать свободу вѣроисповѣданія и нехристіанскимъ религіямъ, не нужно ли отмѣнить тѣлесныя наказанія и еще нѣкоторыхъ другихъ, стольже умѣренныхъ—народъ отвергъ эти перемѣны огромнымъ большинствомъ голосовъ.

Впрочемъ было бы несправедливо такъ обвинять швейцарскій народъ въ ультра-консерватизмѣ; есть вопросы, въ которыхъ его никакъ нельзя назвать консервативнымъ,—такъ, напр., въ вопросѣ о смертной казни. Правда, кантоны, имѣющіе въ своемъ законодательствѣ смертную казнь, упорно держатся за нее, но за то кантоны, неимѣющіе ея, вовсе не прочь узаконить у себя такое занимательное зрѣлище. Такъ, напр., въ Фрейбургскомъ кантонѣ теперь идетъ дѣло о томъ, чтобы ввести смертную казнь въ кантональное законодательство, гдѣ его до сихъ поръ не было, а когда недавно въ лозанскомъ большомъ совѣтѣ подняты были вопросы не опредѣлить ли тюремное заключеніе, преступнику, приговоренному судомъ къ смертной казни, то въ народѣ и во всей прессѣ былъ поднятъ страшный крикъ противъ этого помилованія, и гуманитарный Journal de Genève сталъ во главѣ этой оппозиціи. Оппозиція восторжествовала, и литература, несомнѣнно заслужившая себѣ почетное званіе лизальщицы-гильотины, теперь ликуетъ,—несчастнаго казнятъ.

Впрочемъ въ сущности было бы, конечно, несправедливо возлагать серьезно на народъ отвѣтственность за результаты вотированія, за дѣйствія выбраннаго непосредственно имъ правительства, и вообще за всѣ офиціальныя дѣйствія страны. Результаты вотированія, избирательнаго, какъ и совѣщательнаго, здѣсь т чно также мало представляютъ народное мнѣніе, народныя желанія и стремленія, какъ и въ другихъ странахъ, — можетъ быть даже меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ; извѣстно, что сюда входятъ обыкновенно такіе элементы, которые не имѣютъ ничего общаго съ народнымъ взглядомъ на предметъ, и которые могутъ однако быть, — да и бываютъ обыкновенно, — сильнѣе всѣхъ остальныхъ элементовъ, какъ-то народнаго желанія, здраваго смысла и т. д.

Начать съ того, что подкупы во всевозможныхъ формахъ процвѣтаютъ въ Швейцаріи, можетъ быть, не менѣе, чѣмъ въ Англіи, и, точно также какъ и въ Англіи, кассированіе выборовъ здѣсь составляетъ большую рѣдкость; надо чтобъ дѣло было сдѣлано слишкомъ откровенно и безцеремонно, чтобъ пресса слишкомъ много говорила о немъ; такъ, напр., въ лѣтнюю сессію 1867 года было кассировано избраніе одного граубюнденскаго депутата потому, что его повѣренный прямо поставилъ у входа въ избирательный дворецъ столъ съ деньгами, водкой, и бюллетенями вота; всякій вотирующій получалъ стаканъ водки, три франка деньгами и бюллетень съ именемъ; но въ томъ же кантонѣ повѣренный кандидата точно также раздавалъ бюллетени вота, по стакану бѣлаго вина и по пяти франковъ двадцати пяти сантимовъ деньгами, принявъ только предосторожность производить это въ ближайшемъ кабакѣ, и избраніе было объявлено дѣйствительнымъ. Грѣхъ не бѣда, молва не хороша!

Еще наглѣе и откровеннѣе въ дѣлѣ выборовъ интимидація, именно потому, что ее труднѣе доказать, а слѣдовательно и преслѣдовать передъ судомъ; Швейцарія въ этомъ отношеніи далеко перещеголяла Францію, и во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ самыя наглыя продѣлки англійскихъ и ирландскихъ землевладѣльцевъ; конечно несправедливо было-бы обвинять одну Швейцарію за дѣло, совершающееся во всей Европѣ, но только интересно то, что въ Швейцаріи, отъ которой можно было бы требовать и ожидать нѣсколько болѣе, хотя бы вслѣдствіе ея политическихъ формъ, все это совершается гораздо открытѣе и безцеремоннѣе чѣмъ гдѣ либо. Естественно, что выборы и вотированіе не могутъ быть свободны при настоящихъ общественныхъ условіяхъ, и что безгра-

ничная власть капитала неминуемо должна была распространиться и на эту сторону политической жизни народа; но Швейцарія представляетъ въ этомъ отношеніи особенно драгоцѣнный примѣръ, — съ одной стороны потому, что самое дѣло здѣсь проще, откровеннѣе, и не прикрыто, не маскируется нѣкоторою совѣстливостью, вслѣдствіе которой въ остальной Европѣ, кромѣ развѣ Италіи и Испаніи, кассируются выборы, когда интимидація была уже слишкомъ очевидна; такъ, напр., въ прошломъ году былъ кассированъ выборъ одного мекленбургскаго округа, тогда какъ въ Швейцаріи подобный фактъ былъ бы дѣломъ неслыханнымъ, такъ что бисмарковская палата оказывается честнѣе и совѣстливѣе здѣшнихъ республиканцевъ. Такимъ образомъ швейцарцамъ надо отдать справедливость, что они послѣдовательнѣе, и, возведя разъ въ принципъ извѣстныя отношенія капитала къ труду, принимаютъ и всѣ его послѣдствія, какъ бы некрасивы они не были; они отбросили ложный стыдъ, и пренебрегаютъ фиговымъ листочкомъ чести и приличій, за который еще держатся въ остальной Европѣ. Конечно, можетъ быть, нѣкоторые скажутъ, что это цинизмъ, — но будемъ лучше думать, что это сознательная послѣдовательность и патріотическая откровенность, которою такъ хвалятся обыкновенно швейцарцы.

Съ другой стороны, Швейцарія интересна именно потому, что въ ней элементъ чисто политическій совершенно исключенъ, такъ что важность и значеніе элемента чисто общественнаго, такъ сказать внутренняго, безъ примѣси внѣшняго, форменнаго, является яснѣе и понятнѣе. Очень жаль, что Европа такъ мало интересуется Швейцаріей, такъ мало знаетъ ее, между тѣмъ какъ примѣръ этой страны имѣлъ бы огромное значеніе для теоретическаго пониманія нѣкоторыхъ политическихъ и общественныхъ вопросовъ, и для анализа, насколько въ извѣстныхъ результатахъ участвуютъ чисто политическія, и чисто общественныя вліянія; въ этомъ отношеніи Швейцарія представляетъ точно нарочно, обдуманно сдѣланный опытъ, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ экспериментальнаго метода: упрощенія вопроса черезъ исключеніе побочныхъ вліяній, продолженія опыта за обычные предѣлы, и т. д.; а если бы прибавить къ этому изученію еще исторію Франціи за послѣдніе полтора столѣтія, которая относится въ этомъ отношеніи къ Швейцаріи какъ перекрестный опытъ къ прямому, то можно было бы вывести нѣсколько любопытныхъ и пикантныхъ положеній,

тѣмъ болѣе пикантныхъ, что они опирались бы на рѣзкіе и неопровержимые факты.

Въ городахъ свободы выборовъ не можетъ быть именно потому, что города малы, такъ что рабочіе не представляютъ достаточно большой массы, которая могла бы въ этомъ отношеніи сопротивляться отлично организовавшейся и крѣпко сплотившейся партіи патроновъ, и что за каждымъ вотомъ зорко слѣдятъ; такимъ образомъ надъ каждымъ рабочимъ, коми, однимъ словомъ надъ каждымъ избирателемъ, зависящимъ отъ другого относительно средствъ въ жизни, виситъ дамокловъ мечъ отказа отъ работы. Патроны откровенно, нисколько не стѣсняясь и не считая это неприличнымъ, громко заявляютъ своимъ коми и рабочимъ, что, конечно, они не могутъ принуждать ихъ вотировать такъ, или иначе, потому что всякая интимидація запрещена закономъ, и что каждый швейцарскій гражданинъ свободенъ, но чтобъ они помнили, что вотировавшій противъ консерватиннаго за радикальнаго кандидата можетъ не возвращаться въ его лавку или мастерскую, такъ какъ для него работы здѣсь уже не будетъ.

Чтобъ еще усилить и увеличить эту зависимость, патроны — извѣстно, что въ Швейцаріи рабочіе никогда не могутъ никуда быть избраны, и въ этомъ отношеніи Швейцарія оставила далеко за собою даже нынѣшнюю Германію, Францію и Италію, въ камеры которыхъ всегда попадаютъ и работники — прибѣгаютъ къ чрезвычайно простому, но тѣмъ неменѣе остроумному и дѣйствительному средству,—именно они оттягиваютъ вотированіе особенно важныхъ вопросовъ или выборовъ до поздней осени или даже до зимы, которая въ Швейцаріи очень сурова. Рабочіе, неимѣющіе обыкновенно возможности запасаться дровами и вообще топливомъ на всю зиму, а покупающіе по мелочамъ, въ это время года особенно дорожатъ работой и правильной уплатой, такъ какъ у нихъ тогда является лишній и очень чувствительный расходъ, и притомъ расходъ, который нельзя отложить, — и потому они провотируютъ все, что только угодно патронамъ, лишь бы не остаться съ семействомъ безъ топлива въ здѣшніе холода. Такимъ образомъ въ *началѣ января* вотировался въ 1866 году вопросъ о просмотрѣ и измѣненіи федеральной конституціи. Вотъ гдѣ надо учиться избирательной тактикѣ!

Никто изъ бывавшихъ зимою въ Швейцаріи, и имѣющихъ понятіе объ ея климатѣ, не удивится, что остроумные патроны напали на эту мысль вотированія въ холодное время; но чтобъ по-

нять, какое значеніе имѣетъ это для рабочаго класса, надо хотя нѣсколько быть знакомымъ съ его положеніемъ, — а оно очень некрасиво, и въ этомъ отношеніи Швейцарія ничѣмъ не уступитъ Франціи, Англіи и Бельгіи. Я не буду, конечно, описывать его,— оно было и безъ того часто описано, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ у насъ было даже въ модѣ умиляться надъ нимъ, и

Въ богато убранной палатѣ,
Потолковать о бѣдномъ братѣ,
Погорячиться о добрѣ.

Съ другой стороны статистическія цыфры въ Швейцаріи не имѣютъ никакого значенія; вся здѣшняя статистика—систематическая и завѣдомая ложь, о чемъ, впрочемъ, сами офиціальныя лица говорятъ очень откровенно, и потому о больныхъ мѣстахъ швейцарской жизни нельзя даже приблизительно судить по офиціальнымъ статистикамъ; въ этомъ отношеніи близость Франціи имѣла большое вліяніе на страну; она заразилась отъ сосѣдей ихъ любовью къ общественному спокойствію, нарушать которое не должно ни подъ какимъ видомъ, и ихъ небрезгливостью относительно подтасовки статистическихъ данныхъ. Наконецъ въ Швейцаріи входитъ въ обычай еще третій элементъ,—страхъ передъ высоко поставленными и вообще вліятельными лицами, для которыхъ правительство закрываетъ глаза и умалчиваетъ о вещахъ, извѣстныхъ всему кантону, если только того требуетъ интересъ сильныхъ міра сего.

Итакъ статистическія данныя рѣшительно негодятся для оцѣнки состоянія страны, и чтобъ судить о положеніи рабочаго класса, надо искать другихъ данныхъ: такъ, наприм., мы могли бъ воспользоваться отчетомъ медицинской коммисіи, осматривавшей въ Цюрихѣ и Бернѣ бѣдные кварталы; къ сожалѣнію, отчеты эти не опубликованы, но и то, что дошло до публики, крайне неутѣшительно. Въ Бернѣ, напр., въ кварталѣ *Лорена*, уже *два года* жили *два семейства*, всего вмѣстѣ *семь человѣкъ*, въ одной маленькой подвальной комнатѣ; въ теченіи этихъ двухъ лѣтъ умеръ въ этой комнатѣ, ребенокъ, и трупъ, по закону, пролежалъ три дня, и одна изъ женщинъ родила. Этотъ случай составляетъ исключеніе, но исключеніе только потому, что комната была уже очень мала, въ самомъ же фактѣ, что въ одной подвальной комнатѣ живетъ два рабочихъ семейства, нѣтъ рѣшительно ничего необыкновеннаго, — напротивъ, это очень частый случай, и мнѣ самому случалось въ Бернѣ видѣть, что два семейства живутъ въ одной ком-

натѣ. Но замѣчательно, что въ Цюрихѣ рабочіе классы находятся въ этомъ отношеніи въ несравненно худшемъ положеніи, нежели въ Бернѣ, что впрочемъ блистательно доказала холера 1867 года.

Говорятъ, что въ Женевѣ положеніе рабочихъ лучше, потому что здѣшніе богачи, боясь доводить ихъ до крайности, стараются доставлять имъ работу; можетъ быть, хотя множество нищихъ и не подтверждаетъ этого, хотя сами женевцы въ тоже время сознаются, что теперь едва половина рабочихъ имѣетъ работу, а чѣмъ живетъ остальная половина,—неизвѣстно. Но нѣкоторые факты заставляютъ меня сильно сомнѣваться, чтобъ здѣсь было такъ хорошо, какъ увѣряютъ оптимисты; такъ, напр., въ госпиталѣ въ настоящую минуту умираетъ одинъ рабочій, у котораго переломлены обѣ ноги и треснулъ тазъ; онъ давно уже былъ безъ работы, и продалъ и заложилъ все, что имѣлъ, чтобъ прокормиться; съ наступленіемъ сильныхъ холодовъ его положеніе стало до такой степени невыносимымъ, что онъ сталъ проситься, чтобъ его приняли въ госпиталь, ему отказали, и онъ, чтобъ быть принятымъ, бросился изъ третьяго этажа на мостовую. Нѣсколько времени тому назадъ умеръ отъ воспаленія въ легкихъ ребенокъ, дочь одного рабочаго, которую отецъ ночью раздѣлъ и вынесъ на холодъ: ему нечѣмъ было ни топить комнаты, ни кормить своего ребенка, и онъ разсудилъ, что ему лучше заболѣть и быть принятымъ въ госпиталь, чѣмъ жить при такихъ условіяхъ. Такіе факты сами по себѣ довольно краснорѣчивы, и не нуждаются въ коментаріяхъ. Если скажутъ, что это единочные случаи, то я могу привести еще одинъ фактъ: въ поликлиникѣ почти на каждомъ рецептѣ, вслѣдъ за лекарствомъ, я нахожу приписку, чтобъ выдали больному либиховскій мясной экстрактъ, и экстрактъ этотъ составлялъ такой огромный расходъ для государственной аптеки, что рѣшено было запретить его прописываніе,—но я сомнѣваюсь, чтобъ это запрещеніе прибавило мяса въ супъ больныхъ.

Понятно, что при такомъ положеніи городскаго рабочаго класса, люди, въ рукахъ которыхъ находятся всѣ капиталы, фабрики, лавки, и т. д. могутъ заставить рабочихъ вотировать въ ту или другую сторону, и даже женевскія, избирательныя драки, говорящія, повидимому, противъ этого, въ сущности только подтверждаютъ, что рабочій классъ вотируетъ по принужденію. Всѣ эти громкія названія партій, радикалы индепенденты, не представляютъ ровно никакой идеи, партіи борятся вовсе не во имя противоположныхъ принциповъ,—все это дѣло исключительно дѣло самолюбія, — ну,

конечно, и вопросъ хорошаго жалованія членамъ разныхъ совѣтовъ тоже имѣетъ въ этомъ случаѣ свой интересъ. Это странный, но тѣмъ неменѣе совершенно вѣрный фактъ, что въ Женевѣ, напр., гдѣ политическая жизнь такъ жива,—даже слишкомъ, не заснула, какъ въ Urkanton' ахъ,—гдѣ свобода мысли и слова неограничена, политическія партіи не представляютъ никакого политическаго принципа, и въ этомъ отношеніи факты иногда самымъ страннымъ образомъ противорѣчатъ именамъ и названіямъ; такъ напр. извѣстный конгрессъ мира былъ разогнанъ *радикальною* партіею, и это потому, что онъ оскорбилъ *католиковъ*. Казалось бы какое дѣло радикаламъ, что католики недовольны,—но штука-то въ томъ, что радикальная партія слилась съ ультра-католическою, потому что только благодаря послѣднимъ могъ быть избранъ Фази, глава радикаловъ. Здѣсь, напр., рабочимъ, очевидно было совершенно все равно, что говорится въ конгрессѣ мира, и они были скорѣе за, чѣмъ противъ него,—но скандалъ былъ нуженъ съ одной стороны епископу Мермильо, съ другой Фази и другимъ кандидатамъ въ члены разныхъ совѣтовъ, и радикалы, во имя оскорбленнаго папы, разогнали Наке, Аккола, Гега, Грюна, Эрлаха, Борна и т. д.

Во всей Европѣ сельское населеніе обыкновенно считается консервативнѣе городского,—въ Швейцаріи же напротивъ,—если только здѣсь можно говорить вообще о менѣе консервативной партіи, по крайней мѣрѣ во многихъ вопросахъ оно требуетъ измѣненія, отмѣны старыхъ положеній, упорно защищаемыхъ городскимъ населеніемъ. Чтобъ понять причину этой аномаліи, надо вспомнить что до 1830 года города были безграничными властителями всего кантона; они выбирали изъ горожанъ правительство и всѣхъ чиновниковъ, они пользовались огромными муниципальными преимуществами, владѣли большими землями и капиталами, и были настоящими помѣщиками. Революція 1830 года уничтожила это, но не совершенно, и многія изъ старыхъ правъ остались еще до сихъ поръ, а такъ какъ права эти представляютъ часто денежныя выгоды, то горожане и держатся ихъ. Такъ, напр., горожане имѣютъ право на безплатное леченіе въ госпиталѣ, на участіе во всѣхъ доходахъ съ принадлежащихъ городу заведеній, лѣсовъ, виноградниковъ и т. д. Сельское населеніе давно уже стремится уничтожить эту нелѣпость, и требуетъ чтобъ кантональные госпитали, напр., дѣйствительно принадлежали кантону, и чтобы оно могло пользоваться ими наравнѣ съ горожанами, а не обязано было-бъ платить за каждаго больного, когда госпитали и безъ того такъ

богаты, что не издерживаютъ всѣхъ своихъ доходовъ, и передаютъ ежегодный остатокъ въ муниципальную кассу, съ которой и пользуются горожане. Это положеніе дѣлъ повело за собою естественныя и неизбѣжныя свои послѣдствія: городъ сталъ смотрѣть на такъ называемыя богоугодныя заведенія, какъ на оброчную статью, эксплоатировать ихъ, что, конечно, тотчасъ же горестно отразилось на этихъ заведеніяхъ. Оттого огромное большинство госпиталей въ Швейцаріи въ такомъ ужасномъ состояніи, смертность такъ велика, госпитальныя заразы такъ часты. Нѣкоторые города дошли въ этомъ отношеніи до виртуозности; извѣстно, что домъ умалишенныхъ составляетъ очень чувствительную статью бюджета; но Женева ухитрилась устроить такъ, что Верне, кантональный домъ умалишенныхъ, не только ничего не стоитъ кантону, но еще приноситъ городу нѣкоторый доходъ; правда, здѣсь смертность круглымъ счетомъ въ шесть разъ больше, чѣмъ въ другихъ заведеніяхъ этого рода, а число выздоровленій вчетверо меньше, но за то городъ имѣетъ доходъ съ своего съумасшедшаго дома, а не тратится на него. Вотъ оно, Мольеровское sans dot!

Стѣсненные въ своихъ долинахъ, швейцарцы обработали превосходно всю землю, которую можно только было обработать; но населеніе быстро размножалось, и хотя ни одна страна Европы не дала такой эмиграціи въ другія страны, а въ особенности въ Америку, тѣмъ не менѣ Шевейцарія давно уже стала слишкомъ тѣсна для своего народонаселенія, а такъ какъ всѣ отношенія труда къ капиталу сложились такимъ невыгоднымъ для перваго, а слѣдовательно и для большинства жителей, образомъ, то ей и пришлось испытать то, что на языкѣ политико-экономовъ называется чрезмѣрностью народонаселенія. Производство оставило предметы первой необходимости, и обратилось на предметы роскоши, такъ что теперь Швейцарія ввозитъ хлѣбъ, и вывозитъ кружева, золотыя и серебряныя вещи, часы, и т. д.; торговля развилась въ огромныхъ размѣрахъ, и съ нею акціонерныя общества; капиталы стали группироваться, и началась торговля деньгами, т. е. биржевая игра. Огромныя предпріятія поставили цѣлые округа, цѣлые кантоны въ зависимость отъ нѣсколькихъ директоровъ какой нибудь желѣзной дороги, акціонерныя общества развили биржевую игру, а съ нею денежную лихорадку, лихорадочное стремленіе нажиться какъ бы то ни было, какими бы то ни было средствами, только скорѣе и безъ труда. Сельское населеніе, имѣя слишкомъ мало земли, бросилось также въ спекуляціи, и черезъ то стало въ вассальныя отноше-

нія къ большимъ торговымъ предпріятіямъ, т. е. къ ихъ дирекціямъ; чиновники спѣшатъ эксплоатировать свои мѣста, общины стремятся эксплоатировать другъ друга и своихъ собственныхъ членовъ, если тѣ не имѣютъ возможности защититься. Frenkeli сталъ божествомъ ultima ratio, передъ которымъ ничто не устоитъ; эксплоатація—нормою человѣческихъ отношеній; нравственностью — ловкость не попадаться, или вывертываться если попался. Опекуны, обиражющіе малолѣтнихъ, общины, берущія подъ опеку спроть, и захватывающія ихъ имѣніе, — и все это открыто и откровенно, такъ что всѣ знаютъ это—все это явленія самыя обыкновенныя, самыя обыденныя. Вся страна, по крайней мѣрѣ большинство кантоновъ, покрылась сѣтью людей, крѣпко держащихся другъ за друга, братски поддерживающихъ другъ друга, и распустившихъ свою паутину на страну,—паутину, въ которой вязнетъ и гибнетъ маленькая муха, и которую не рветъ большая, потому что большихъ мухъ здѣсь нѣтъ; каждая муха, сдѣлавшись большою, сама становится паукомъ, и тоже начинаетъ сосать кровь. Пауки эти занимаютъ всѣ главныя мѣста: директоровъ желѣзныхъ дорогъ, банковъ, кресла членовъ совѣтовъ, президентовъ судовъ, учрежденій и округовъ и т. д., и самыя наглыя несправедливости, самыя невозможныя, повидимому, рѣшенія суда совершаются каждый день, и, напротивъ, всѣмъ извѣстныя преступленія остаются не только безъ наказанія, но даже безъ разслѣдованія, если только преступникъ—сватъ, братъ, другъ важнымъ лицамъ, или почему нибудь самъ важное лицо въ административномъ или финансовомъ отношеніи. Удивляться этому было бъ наивностью; экономическія взаимныя отношенія людей, отношеніе капитала къ труду, неизбѣжно должны были создать аристократію, которая, имѣя въ рукахъ правительственную власть и экономическую силу, становилась такимъ образомъ de facto выше закона, а если человѣкъ имѣетъ какое нибудь преимущество передъ другими, то онъ непремѣнно воспользуется имъ, и въ этомъ отношеніи сословія и корпораціи всегда послѣдовательнѣе и рѣшительнѣе идутъ впередъ, чѣмъ отдѣльныя личности. Все это въ Швейцаріи выходитъ на свѣтъ божій еще прямѣе и открытѣе чѣмъ въ другихъ странахъ, безъ излишнихъ приличій, ложнаго стыда и фиговыхъ листочковъ, голо и наго, какъ сама истина,—съ благородною откровенностью, вѣроятно на основаніи изрѣченія Монтескье. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, Швейцарія никакъ не составляетъ исключенія; всѣ страны, имѣющія или имѣвшія общую съ ней политическую форму, неизбѣжно приходили къ тѣмъ же результа-

тамъ, если основной ихъ экономическій принципъ былъ одинаковъ.

То, что я сказалъ о швейцарскихъ судахъ, объ административныхъ личностяхъ и т. д. до того противорѣчитъ тому, что почему-то привыкли всѣ воображать себѣ о Швейцаріи, что мнѣ нужно подтвердить мои слова фактами, чтобы имъ повѣрили. Но здѣсь, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь, надо опять сказать: «nomina odiosa sunt», и потому я приведу только факты, повѣрить которые можетъ каждый, и притомъ только новѣйшіе.

Въ послѣднее время, когда уже зрѣла гарибальдійская экспедиція противъ Рима, католическое духовенство, какъ извѣстно, вербовало вездѣ солдатъ папѣ; по федеральнымъ законамъ служеніе въ чужихъ войскахъ строго запрещено, а за вербовку назначены очень серьезныя наказанія, между тѣмъ въ Фрейбургѣ католическіе журналы прямо убѣждали молодежь, въ особенности богатую идти къ папѣ на службу, а духовенство открыто вербовало для папы, и никто не сказалъ ни слова. Кому какое дѣло? Пусть себѣ федеральная конституція сама защищается, когда ее нарушаютъ!

Весной 1867 года въ бернскій госпиталь поступила четырнадцатилѣтняя дѣвочка, крестьянка, у которой отнялась нога вслѣдствіе удара линейкой по спинѣ, нанесеннаго ей школьнымъ учителемъ. Теперь дѣвочка лежитъ еще больная, а учитель продолжаетъ свою полезную дѣятельность.

Мелькомъ я помяну только, что въ одномъ изъ большихъ городовъ Швейцаріи есть бани, содержательница которыхъ, кромѣ разныхъ побочныхъ, но болѣе или менѣе родственныхъ и близкихъ промысловъ, занимается еще тѣмъ, что принимаетъ къ себѣ беременныхъ женщинъ, желающихъ родить тайно, а также, какъ говорятъ, и помогаетъ преждевременно отдѣлываться отъ *плодовъ* ихъ неосторожности, опрометчивости и увлеченія молодости. Если послѣднее и не доказано, то въ первомъ во всякомъ случаѣ не можетъ быть никакого сомнѣнія; всѣ это знаютъ, но... но у нея много акцій разныхъ компаній, такъ что она до извѣстной степени важное лицо, и потому ее не только не судили, но даже не выслали изъ кантона. За то, надо сказать правду, правительство этого кантона высылаетъ всѣхъ беременныхъ бѣдныхъ иностранокъ, иногда передъ самыми родами, чтобъ онѣ только не родили въ кантонѣ, такъ какъ по закону ребенокъ, родившійся на кантональной землѣ, имѣетъ право на гражданство этого кантона, такъ что если мать захочетъ его оставить, то община будетъ принуждена взять и воспитывать ребенка на свой счетъ. Въ былые времена это не составляло

большой жертвы для общины, такъ какъ она сбывала дѣвочекъ около 14 лѣтъ вербовщицамъ публичныхъ домовъ, а молодыхъ людей 17 лѣтъ вербовщикамъ для иностранныхъ армій, и получала за этотъ товаръ хорошія деньги; но теперь,—увы!—этого дѣлать болѣе нельзя, и потому надо избавляться всѣми средствами отъ риска быть въ необходимости принять ребенка,—даже съ рискомъ убить и его, и мать.

Впрочемъ это послѣднее обстоятельство составляетъ только частное проявленіе общаго швейцарскаго характера: щедрость, великодушіе и гуманность вообще не входятъ въ число ихъ достоинствъ—или недостатковъ; не судите по тѣмъ пожертвованіямъ, которыя дѣлаются на разныя пострадавшія отъ пожара или эпидемій мѣстности; несчастные всегда сторицею платятся за эти благодѣянія, и окрестныя жители пользуются такимъ счастливымъ случаемъ, чтобъ вытянуть изъ нихъ послѣднія деньги. Когда несчастный Цюрихъ такъ жестоко пострадалъ отъ холеры, спекуляторы, какъ вороны, стаей налетѣли на него, окрестныя селенія возвысили вчетверо, впятеро цѣны на припасы, и вообще эта эпидемія одного города составила богатую доходную статью для всѣхъ, кому только было возможно нагрѣть руки.

Но къ чему приводить частные случаи, когда мы можемъ цѣликомъ почерпнуть превосходнѣйшіе образчики и швейцарскихъ юридическихъ прелестей, и того, какъ и кто избирается знаменитою общею подачею голосовъ, и насколько знаменитое souveraineté du peuple проводится въ дѣлѣ на практикѣ.

Въ Цюрихѣ недавно вышла брошюра, надѣлавшая много шуму въ кантонѣ, но о которой въ остальной Швейцаріи журналы старались по возможности умолчать, такъ какъ тутъ трактуется о вопросахъ, поднимать которые никому невыгодно.

Я, въ нѣсколькихъ словахъ, передамъ сущность брошюры, принадлежащей Лохеру.

Въ 1865 году дѣтямъ умершаго Шелленберга досталось наслѣдство въ 10 т. франковъ; дѣти эти, приписанные къ общинѣ Пфеффикомъ, въ цюрихскомъ кантонѣ, воспитывались въ вадскомъ кантонѣ, и община Пфеффикомъ, конечно, и не заботилась о нихъ. Но когда это наслѣдство попало въ руки общиннаго управленія, для передачи опекунамъ сиротъ, то управленіе нашло болѣе удобнымъ просто *захватить эти деньги въ свои руки*, и не отдавать ихъ законнымъ владѣльцамъ, а когда дѣти сдѣлались совершеннолѣтними, то, чтобъ не выдавать этихъ денегъ, общинное управле-

ніе *приняло надъ ними само опеку*, вслѣдствіе ихъ *расточительности*. Надо между тѣмъ замѣтить, что дѣти никогда не жили въ Пфеффиконской общинѣ, что надъ ними не было назначено какого нибудь слѣдствія, и что община административнымъ порядкомъ, безъ судебнаго приговора, *назначила сама себя опекать* сиротъ; это происходитъ такъ часто, что никто не обратилъ никакого вниманія, и «управленіе кантона Цюриха и федеральный совѣтъ нашли все это совершенно законнымъ!» Но на этомъ наслѣдствѣ лежалъ, какъ оказалось, долгъ, на уплату котораго были согласны и молодые Шелленберги. Казалось все дѣло ясно, но общинное управленіе отказалось платить, и президентъ высшаго цюрихскаго кантональнаго суда *Ульмеръ* рѣшилъ дѣло въ пользу... общины Пфеффиконъ! Дѣло было перенесено въ федеральное собраніе, и послѣ *семи лѣтъ* производства наконецъ рѣшено противъ Пфеффикона. Процессъ покончень, но только община Пфеффиконъ по прежнему не платитъ, и пользуется чужими денежками съ спокойной совѣстью.

Этотъ оборотъ дѣла былъ, конечно, крайне непріятенъ Ульмеру и всей этой такъ называемой партіи денежныхъ людей, которые благодаря Эшеру и директорамъ сѣверо-восточной желѣзной дороги, въ которой они главные акціонеры, держатъ въ рукахъ весь кантонъ. Въ правительственныхъ кружкахъ поднялась цѣлая буря противъ адвоката противной стороны, и рѣшено было преслѣдовать его всѣми средствами, а съ другой стороны крѣпко сплотиться, чтобъ поддерживать другъ друга, такъ какъ такія вещи ослабляютъ авторитетъ правительства въ народѣ, а слѣдовательно уменьшаютъ и шансы быть снова выбранными при слѣдующихъ выборахъ. Но злоба эта дошла до какого-то бѣшенства, когда Лохеръ разсказалъ все дѣло и описалъ Ульмера въ своей брошюрѣ «Die Freiherrn von Regensberg;» по жалобѣ Ульмера, Лохеръ былъ приговоренъ въ тюрьму за «*оскорбленіе чиновничей чести*»;—Ульмеръ не рѣшился жаловаться на клевету, потому что тогда Лохеръ доказалъ бы ему, что все написанное—правда, и подтвердилъ бы фактами свои обвиненія. Итакъ, въ образованномъ, республиканскомъ и демократическомъ Цюрихѣ наказываютъ тюремнымъ заключеніемъ за оскорбленіе *чиновничьей* чести!

Мы не будемъ приводить здѣсь ни самого процесса, ни личностей, вошедшихъ въ него, которыхъ Лохеръ разбираетъ очень подробно, — довольно будетъ сказать, что передъ изумленнымъ читателемъ открывается такой міръ подлостей, подкуповъ, обмана,

непотизма, самыхъ наглыхъ судебныхъ несправедливостей, что читателю приходится только спрашивать себя, не ошибся ли онъ, и не брошюру ли XVI вѣка онъ читаетъ. Но мало ли что и почище совершается въ богоспасаемой республикѣ Швейцаріи; напр., что скажетъ читатель о томъ, что Ульмеръ уже 25 лѣтъ занимаетъ разныя важныя должности въ кантонѣ, несмотря на то, что всѣмъ очень хорошо извѣстно, что онъ за человѣкъ. Вотъ отрывки изъ біографіи президента высшаго кантональнаго суда.

Изъ дѣтей старика Ульмера, бывшаго уголовнымъ судьей, и извѣстнаго своей снисходительностью къ мошенникамъ, такъ какъ по его словамъ «*обманывать позволено*», два старшихъ, Готфридъ и Эдуардъ выбрали себѣ карьерой государственную службу. Подавленная либеральная партія стала тогда снова успливаться, и по видимому, имѣла шансы успѣха. На семейномъ совѣтѣ рѣшено было, что старшій, Готфридъ, уже связавшійся съ консервативной партіею, останется при ней, а младшій, Эдуардъ, перейдетъ въ либеральную, такъ чтобъ во всякомъ случаѣ семейство не очень рисковало свой будущностью. Братья стали открыто поносить другъ друга, и каждый вечеръ сходились дома, переговорить о своихъ дѣлахъ, которыя пошли превосходно. Правда, иногда были и неудачи; такъ, напр., Готфридъ, президентъ общины и *мировой судья*, далъ крестьянину В. росписку, оказавшуюся недѣйствительною. В. подалъ жалобу въ высшій кантональный судъ, президентомъ котораго былъ Эдуардъ. Готфрида, правда, обвинили въ дѣлѣ, по поводу котораго была дана росписка, но въ дѣлѣ *обмана оправдали*! Этому впрочемъ никто не удивился, такъ какъ тогда уже было извѣстно, что оба брата ведутъ свои дѣла сообща.

Третій брать Ульмера, Карлъ, всѣми уважаемый молодой человѣкъ, хотѣлъ идти въ университетъ, но родители не соглашались на это, такъ какъ Эдуардъ не хотѣлъ этого, готовя ему тоже судебное мѣсто, на которомъ онъ помогалъ бы ему мошенничать; Карлъ начисто отказался. Тогда Эдуардъ сталъ всѣми силами преслѣдовать его, напр. онъ напоилъ его разъ пьянымъ, и повелъ къ своей уже нѣсколько мѣсяцевъ беременной любовницѣ; та, послѣ рожденія ребенка, подала на Карла жалобу за обольщеніе, и судъ, президентомъ котораго былъ Эдуардъ, приговорилъ Карла признать и содержать ребенка! Наконецъ, когда Эдуардъ убѣдился окончательно, что Карлъ ему только помѣха, онъ отправилъ его въ Америку, гдѣ тотъ и умеръ отъ нищеты и лишеній.

Четвертого своего брата Адольфа, Эдуардъ Ульмеръ обма-

номъ продалъ въ солдаты вербовщику, и тотъ только случаемъ избѣгъ печальной участи попасть въ Малую Азію въ качествѣ деньщика при какомъ-нибудь офицерѣ, какъ объ этомъ писалъ Эдуардъ къ вербовщику. Замѣтимъ, что вербовка и продажа въ солдаты составляетъ по швейцарскимъ законамъ уголовное преступленіе; однако всѣ знаютъ, что президентъ высшаго суда сдѣлалъ это, дѣло было напечатано въ журналахъ, и при слѣдующихъ выборахъ Ульмеръ избирается снова.

Когда умеръ старикъ Ульмеръ, имѣніе было раздѣлено между всѣми братьями и сестрами. Эдуардъ получилъ 95 т. ф., сестры по 5,500 фр, т. е. получили на бумагѣ, а на дѣлѣ имъ не дали и этого, такъ что имъ нужно было заводить процессъ, чтобъ получить хоть эти-то пять тысячъ.

Но кромѣ всѣхъ этихъ продѣлокъ за Ульмеромъ водятся и другіе, еще получше, и за которые онъ давно попалъ бы въ тюрьму лѣтъ на двадцать, еслибы не былъ самъ президентомъ высшаго кантональнаго суда. Дѣло въ томъ, что онъ имѣетъ непреодолимую склонность къ женскому полу, и въ Цюрихѣ и Регенсбергѣ по улицамъ бѣгаетъ множество незаконныхъ дѣтей, прижитыхъ разными бѣдными дѣвушками отъ неизвѣстныхъ отцевъ, и поразительно похожихъ на г. президента высшаго кантональнаго суда. Обыкновенный ходъ дѣла таковъ: одна содержительница публичнаго дома пріискиваетъ ему бѣдныхъ и красивыхъ дѣвушекъ, и дѣлаетъ имъ отъ его имени предложенія; если дѣвушка не идетъ на подарки, Ульмеръ выдаетъ ей росписку, что женится на ней, если она сдѣлается беременна — но въ одинъ прекрасный день бумага неизвѣстнымъ образомъ изчезаетъ, и если дѣвушка осмѣливается жаловаться, то ее приговариваютъ къ тюремному заключенію за *клевету и оскорбленіе чиновничей чести*. Но случается иногда и такъ: дѣвушка прячетъ полученную ею бумагу такъ хорошо, что отыскать и украсть ее невозможно, — ну тогда... тогда дѣвушка выкидываетъ, или новорожденный ребенокъ скоропостижно умираетъ.

Впрочемъ бываетъ дѣло иногда и такъ, что бумага подается таки въ судъ, но тогда оказывается, что она или сдѣлана не по формѣ, или подпись неясна, или число выставлено неправильно, и судъ объявляетъ ее недѣйствительною.

Разъ вышла было даже серьезная непріятность: когда Ульмеръ переѣхалъ изъ Регенсберга въ Цюрихъ, рабочіе, ломая хлѣвъ, нашли ящикъ, въ которомъ лежалъ сгнившій трупъ ребенка. Въ

Регенсбергѣ, гдѣ, конечно, все извѣстно, называли даже имя матери этого ребенка и обозначали время его смерти; дѣло приняло было очень неудобные размѣры, дошло до Цюриха, но въ это же время Ульмеръ былъ назначенъ вицепрезидентомъ суда, и дѣло затушили.

Безполезно было бы приводить еще больше примѣровъ; въ Цюрихѣ, напр., всѣмъ очень хорошо извѣстно, что въ судъ нельзи являться безъ денегъ, и что должно всегда сдѣлать предварительно визитъ г-ну президенту, г-мъ членамъ суда, — а не то просто сходить въ содержательницѣ одного публичнаго дома, хорошей знакомой и поставщицѣ живого товара разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ, — и дѣло въ шляпѣ. Надо замѣтить, что это не только некрасивые факты, касающіеся личностей, — они имѣютъ гораздо большее значеніе. Весь кантонъ очень хорошо знаетъ, что за люди засѣдаютъ въ его судахъ, въ его совѣтахъ, управляютъ его судьбою, — знаетъ, что это подкупные, развратные, иногда прямо преступные люди, — и тѣмъ неменѣе выбираетъ ихъ; такъ тяжело легла желѣзная рука капитала на все населеніе, такъ подкупность, интимидація—административная и экономическая,—управляютъ выборами, такъ крѣпка сѣть частныхъ интересовъ, связанныхъ между собою, покрывающая всю страну, такъ крѣпко держатся главные эксплоататоры другъ за друга, держа въ рукахъ мелкихъ эксплоататоровъ, а тѣ все населеніе. 1830-й годъ ровно ничего не сдѣлалъ въ этомъ отношеніи;—не только зависимость и неравноправность, но и вассальныя отношенія цвѣтутъ себѣ въ свободной Швейцаріи, слегка только измѣнивъ наружныя формы,— и будутъ еще долго цвѣсти, потому что съ нынѣшней системой связано слишкомъ много интересовъ, чтобъ ее можно было скоро и легко измѣнить. Напрасно наивный Фишеръ ужасался въ 1830-мъ году тому, какъ развратился и испортился народъ, осмѣливающійся обсуждать дѣйствія сильныхъ, и мѣшающійся *не въ свое дѣло*,— буржуазія можетъ утѣшиться и повторить съ президентомъ цюрихскаго большого совѣта

Tout est sauvé, hors l'honneur.

Л.г..инъ.

АМЕРИКАНСКІЕ ПАТРІОТЫ

ПРОШЛАГО СТОЛѢТІЯ.

IV.

Декларацією 4-го іюня 1776 года американскія колоніи отдѣлились окончательно отъ Англіи. Этимъ отдѣленіемъ колонисты достигли полной независимости и вмѣсто прежнихъ Соединенныхъ колоній явились Соединенные штаты. Но всѣхъ штатовъ было тринадцать; каждый штатъ составлялъ самостоятельное цѣлое; у каждаго штата были свои интересы, свои экономическія условія. Свобода и независимость—вещи очень хорошія; но представлялся вопросъ, какимъ образомъ тринадцать штатовъ составятъ союзъ; какъ они организуютъ свою центральную власть? при разныхъ мѣстныхъ условіяхъ и требованіяхъ, на сколько каждый штатъ согласится принести въ жертву свои интересы въ пользу конфедераціи? Въ этомъ заключалась задача, которую предстояло рѣшить союзу. Вопросъ былъ очень сложный и трудный. Теоретическое разрѣшеніе его хотя и было возможно, но прочность и благосостояніе союза требовали не теоритическаго разрѣшенія, а выгодной для всѣхъ практики. Союзъ двѣнадцать лѣтъ практически разрѣшалъ эту задачу и разрѣшилъ ее наконецъ конституціей 1787 г., о которой мы уже говорили. Если обратить вниманіе на то, что такой важный государственный вопросъ былъ разрѣшенъ въ такое короткое время, то конечно нужно согласиться, что американцы еще въ концѣ прошлаго столѣтія владѣли уже такими способностями, какими Европа не владѣетъ и нынче.

Со времени объявленія независимости и до 1791 года, центральною властью союза былъ конгрессъ. Особенныхъ трудностей въ управленіи страной явиться тогда не могло, потому что весь народъ былъ занятъ тогда войной, а стремленіе къ сверженію англійскаго ига давало колоніямъ довольно прочную связь. Но когда война кончилась, тогда всѣ увидѣли что отсутствіе единства и прочной, внутренней политической связи, можетъ повести къ полному распаденію союза. Каждый штатъ хотѣлъ быть господиномъ, и дѣйствовать независимо отъ своего сосѣда. Конгрессъ оказывался властью совершенно безсильной. Онъ могъ придумывать какія ему угодно распоряженія, но не имѣлъ никакой власти заставить штаты себѣ повиноваться. Такъ, предположимъ, что конгрессъ находитъ необходимымъ выставить извѣстное число солдатъ или собрать извѣстную сумму денегъ. То и другое совершенно необходимо для успѣха борьбы за независимость. Но нѣкоторые штаты не соглашаются съ мнѣніемъ конгресса, не даютъ ни денегъ, ни солдатъ. Что съ ними дѣлать, какъ принудить ихъ повиноваться? Нѣсколько разъ американцы терпѣли пораженіе только вслѣдствіе безсилія центральной власти. Къ счастію, въ главѣ войска стоялъ Вашингтонъ. Нужда заставила прибѣгнуть къ чрезвычайному средству, и въ рукахъ Вашингтона соединилась вся власть. Когда ему вручалась диктатура, президентъ комитета, Робертъ Морисъ, сказалъ ему, что конгрессъ считаетъ себя счастливымъ, имѣя возможность вручить подобную власть человѣку, безъ всякой боязни за независимость, безопасность и собственность гражданъ. Вашингтонъ отвѣтилъ ему на это: «вмѣсто того, чтобы мнѣ считать себя освобожденнымъ этимъ знакомъ довѣрія отъ всѣхъ гражданскихъ обязательствъ, я буду постоянно имѣть въ виду, что мечь былъ нашимъ послѣднимъ средствомъ для защиты нашихъ вольностей, и что онъ долженъ быть первою вещью, которую слѣдуетъ отложить въ сторону, когда свобода будетъ у насъ возстановлена».

Финансовое положеніе страны было нисколько не лучше ея положенія военнаго. Всѣ расходы покрывались ассигнаціями, которыя выпускались по распоряженію конгресса, и долгъ за которыя падалъ на штаты. Конгрессъ и не могъ поступать иначе, потому что неимѣлъ никакой власти надъ штатами и не располагалъ ровно никакими источниками доходовъ. Всѣмъ было очевидно, что американскому союзу необходимо имѣть представителей внѣ своей страны, нужно имѣть армію, флотъ, финансы, и что центральная власть должна имѣть эти четыре атрибута.

Что касается внутренней политической жизни, то было тоже замѣчено скоро, что центральная власть должна имѣть въ своихъ рукахъ власть исполнительную и законодательную, и что внѣ этого условія существованіе союза невозможно. Кромѣ того являлось еще много и другихъ мелочныхъ, повидимому, вопросовъ, имѣвшихъ однако серьезную важность, напримѣръ, единство монеты, общая таможня, наконецъ огромное пространство свободныхъ земель за Аллеганскими горами. Различная монетная система, принятая каждымъ отдѣльнымъ штатомъ, необходимо усложнила бы всѣ частныя денежныя сдѣлки. Система внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ для каждаго отдѣльнаго штата, повела бы еще къ большимъ затрудненіямъ. Наконецъ, за Аллеганами лежала огромная площадь земли ненаселенной и необработанной. Кому слѣдовало явиться распорядителемъ этой пустыни. Такимъ образомъ силою самихъ вещей конфедерація переходила шагъ за шагомъ въ федерацію. Опытъ показывалъ, что національное единство возможно лишь въ томъ случаѣ, если центральная власть получила право надъ арміей, если она сосредоточила въ своихъ рукахъ дипломатію, финансы, часть законодательства и извѣстнаго размѣра власть исполнительную, при которой могла бы направлять и защищать общіе внутренніе интересы.

Оставался еще одинъ вопросъ: какимъ образомъ будетъ дѣйствовать правительство внутри страны? управлять силой? въ такомъ случаѣ, о чемъ же хлопотали американцы, свергавшіе съ себя англійское иго. Нужно было придумать такое средство, которое, давая силу власти, сохраняло бы свободу штатовъ, которое для всей страны служило бы руководящимъ принципомъ. Такого правительственнаго начала Европа тогда еще непридумала. Американцамъ приходилось создать его вновь. И американцы разрѣшили эту труднѣйшую задачу, создавъ власть судебную.

Вотъ въ общихъ чертахъ исторія американской конституціи.

Чтобы оцѣнить правильно основаніе, руководившее американскими патріотами того времени, нужно припомнить слова Гамильтона: «если вы хотите сохранить независимость частную, сказалъ Гамильтонъ, то вотъ что случится: штаты раздѣлятся, и вамъ потребуются границы. Мы превратимся въ страну раздѣленную, какъ Германія. Для содержанія арміи, намъ потребуются большіе налоги, намъ нужны будутъ крѣпости и военный флотъ. Если же мы на нашемъ обширномъ континентѣ учредимъ центральную власть, то можемъ жить съ ничтожной арміей и основать величайшую ре-

спублику, какую когда либо видѣлъ міръ.» Мысль эта была и наиболѣе практической и наиболѣе прогрессивной, и очевидно, что ей слѣдовало восторжествовать надъ сепаратизмомъ, къ которому первоначально стремились штаты.

Этотъ короткій очеркъ исторіи американской конституціи я сдѣлалъ для того, чтобы представить читателю яснѣе основную сущность того политическаго труда, который свершили американцы. Теперь же я перехожу къ изложенію подробностей, представляющихъ особенную поучительность для тѣхъ, кто интересуется вопросами государственной жизни.

Еще въ началѣ революціи у американцевъ явилась мысль о соединеніи тринадцати колоній въ одну конфедерацію. Проэктъ конфедераціи былъ составленъ Франклиномъ, и уже въ 1776 г. начались дебюты по этому вопросу.

Съ самаго начала явился уже вопросъ о томъ — образовать ли конфедерацію или союзъ; иначе сказать, составятъ ли колоніи одинъ народъ или будутъ существовать тринадцать отдѣльныхъ штатовъ, отдѣляющихся одинъ отъ другого своими интересами. Вмѣстѣ съ тѣмъ явился и другой не менѣе важный вопросъ — о представительствѣ. Будетъ ли представительство по штатамъ или пропорціонально населенію. Франклинъ настаивалъ, чтобы оно было пропорціональное: «Вамъ нечего болѣться», говорилъ онъ маленькимъ штатамъ,—«ибо, ошибочно полагать, чтобы большой штатъ могъ имѣть иные интересы, чѣмъ вся остальная нація. Подобные союзы приносили всегда счастіе народу. Когда въ царствованіе королевы Анны хотѣли соединить Шотландію съ Англіей, шотландцы жаловались, что будетъ разрушена ихъ независимость. Китъ, говорили они, проглотитъ Іону—случилось напротивъ—Іона проглотилъ кита, потому что шотландцы въ Англіи повсюду, они занимаютъ почти всѣ мѣста». Вопросъ этотъ тогда порѣшенъ не былъ, и его отложили до болѣе благопріятнаго времени. Другіе вопросы, подлежавшіе обсужденію порѣшились легче, потому что большинство хотѣло конфедерацію въ такомъ видѣ, въ какомъ она существовала въ старой Европѣ; иначе сказать, хотѣли устроить союзъ на случай войны и дипломатическую власть для внѣшняго представительства Америки. Что же касается до вопросовъ внутренняго управленія, то ихъ очередь тогда еще не приходила или, по крайней мѣрѣ, они были поставлены такъ, что требовали коренной переработки. Во второмъ параграфѣ проэкта управленія говорилось, что каждый штатъ удерживаетъ за собою суверенную власть, свободу, незави-

симость, власть, юрисдикцію и права, непредоставленныя спеціально центральному управленію. Поэтому Вашингтонъ замѣтилъ совершенно справедливо, что подобная конфедерація не больше, какъ тѣнь безъ тѣла, а конгрессъ—парадное собраніе. Но Вашингтона тогда не поняли.

Конгрессъ, облеченный подобной властью, былъ дѣйствительно не больше, какъ тѣнь. Ему предоставлялось право объявлять войну, когда же требовались войска,—потому что безъ нихъ воевать невозможно,—то конгрессъ обязанъ былъ обращаться къ каждому штату отдѣльно и просить ихъ о присылкѣ солдатъ. А такъ какъ каждый штатъ сохранялъ за собою суверенную власть, то и могли быть случаи подобнаго рода: — когда въ Виргиніи произошло возмущеніе, южная Каролина, не послала свою милицію, ибо полагала, что ей удобнѣе держать эту милицію для собственной безопасности у себя. Очевидно, что въ подобныхъ случаяхъ частный интересъ бралъ перевѣсъ надъ общественнымъ, въ ущербъ общему благу. Подобное же безсиліе было и въ финансахъ. Напримѣръ, конгрессъ имѣлъ право чеканить монету, но въ его распоряженіи не было ни одного доллара, онъ могъ выпускать ассигнаціи, но не могъ вынимать ихъ изъ обращенія или обезпечить ихъ фондомъ; конгрессъ во имя союза могъ дѣлать внѣшніе долги, но не могъ потребовать ни доллара, чтобы платить проценты и капиталъ. Во внѣшнихъ сношеніяхъ, конгрессъ являлся подобной же тѣнью. Онъ заключаетъ трактаты съ Франціей, Голландіей, но если отдѣльнымъ штатамъ не-захочется ихъ выполнять, то онъ не можетъ принудить ихъ ничѣмъ къ повиновенію.

Въ началѣ еще никто невидѣлъ опасности подобнаго порядка, потому что общій энтузіазмъ, воодушевлявшій страну въ моментъ революціи, мѣшалъ смотрѣть на дѣло правильно, и большинству казалось, что законы — пустая вещь, безъ которой народъ можетъ обходиться. Но скоро такіе люди, какъ Вашингтонъ и Гамильтонъ, замѣтили, что подобный порядокъ вещей немыслимъ, и что нужно употребить всѣ старанія и все вліяніе на народъ или на страну, чтобы побудить ее замѣнить конфедерацію чѣмъ нибудь болѣе прочнымъ.

Вашингтонъ, болѣе чѣмъ кто нибудь, понималъ необходимость перемѣны, ибо безсильный конгрессъ былъ рѣшительно не въ состояніи помогать ему въ его военныхъ дѣйствіяхъ. Армія Вашингтона страдала на каждомъ шагу; солдаты его голодали и ходили оборванцами; брать провизію отъ народа въ долгъ, было риско-

вано, потому, что кто же будетъ его платить; набрать — солдаты умрутъ съ голода. Оставалось дѣйствовать частнымъ образомъ, и Вашингтонъ такъ именно и дѣйствовалъ. Онъ обращался къ патріотизму богатыхъ купцовъ, просилъ ихъ дѣлать подписки въ пользу арміи и выкручивался разными подобными средствами. Положеніе было дѣйствительно ужасно; въ арміи не существовало ни патріотическаго жара, ни дисциплины; народъ презиралъ конгрессъ; солдаты нехотѣли служить. И все это было слѣдствіемъ отсутствія центральной власти. Что былъ тогда американскій конгрессъ, или правильнѣе конфедерація, читатель увидитъ лучше всего изъ слѣдующаго факта. Видя безъисходное положеніе и невозможность добиться какого либо толку, Вашингтонъ обратился съ письмомъ къ Людовику XVI. Въ холодной формѣ, маскировавшей душевное безпокойство, Вашингтонъ пишетъ французскому королю, что народъ требуетъ войны, а между тѣмъ повсюду страшная бѣдность; повсюду безначаліе; солдатамъ страна не платитъ; финансовое состояніе дошло до крайности и для платежей нѣтъ ничего, кромѣ ассигнацій, упавшихъ окончательно въ цѣнѣ. Въ этомъ положеніи Америкѣ необходима помощь союзниковъ, и Вашингтонъ проситъ у Людовика денегъ и войска. Людовикъ XVI послалъ Вашингтону шесть милліоновъ франковъ, гарантировалъ ему заемъ въ десять милліоновъ въ Голландіи, и распорядился выслать войско. Замѣчательно,—и на этотъ фактъ я прошу читателя обратить особенное вниманіе,—что французскій король распорядился отдать деньги не конгрессу, а лично Вашингтону; онъ довѣряетъ частному лицу больше правительства потому, что это частное лицо съумѣло заслужить общую симпатію и довѣренность, а центральная власть, была дѣйствительно не болѣе какъ параднымъ, но безсильнымъ учрежденіемъ. И замѣтьте, Вашингтонъ не диктаторъ на европейскій ладъ; сила его въ личныхъ качествахъ и въ нравственномъ вліяніи.

Справедливо замѣчаютъ, что видимый безпорядокъ, существовавшій въ странѣ, и нежеланіе солдатъ повиноваться, происходили вовсе не по недостатку патріотизма или преданности людей къ свободѣ. Того и другого было не мало, но парализовала все анархія власти. Америка явилась могущественной страной только съ того момента, когда въ ней явилась правительственная централизація. Но пусть читатель не впадаетъ въ ошибку относительно истиннаго характера той центральной власти, о которой здѣсь говорится. Ее слѣдуетъ измѣрять не на турецкій масштабъ,—потому что при турецкой централизаціи нѣтъ личной свободы,—а на мас-

штабъ американскій. Турецкое единство не знаетъ границъ, оно совершенно поглощаетъ личность; американское,—напротивъ, какъ активная государственная сила, является только тамъ, гдѣ дѣятельность частнаго лица оказывается недостаточной для личнаго и общаго блага. Въ этомъ-то и заключается трудность той задачи, которую разрѣшила Америка и значеніе того труда, который выпалъ на долю Вашингтона, бывшаго главнымъ организаторомъ американскаго единства.

Военное разстройство и безсиліе конгресса, какъ центральной военной силы, послужило первымъ урокомъ американцамъ, и показало Вашингтону и его сподвижникамъ настоятельную необходимость дать центральной власти большую силу. Политическіе дѣятели уже убѣдились, что военная власть должна находиться безусловно въ зависимости отъ правительства.

Другой урокъ былъ данъ безденежьемъ. Страна страдала дефицитомъ. Чтобы помочь бѣдѣ, конгрессъ просилъ у штатовъ восемь милліоновъ долларовъ. Нужда была безотложно необходимая, а между тѣмъ получить деньги было невозможно. Конгрессъ только вотировалъ расходы, а дать на нихъ средства зависѣло отъ каждаго изъ тринадцати штатовъ. Штаты не особенно торопились исполнить требованіе конгресса, и изъ восьми милліоновъ долларовъ къ половинѣ 1783 г. было уплочено всего пятсотъ тысячъ. Этотъ дефицитъ былъ причиной, что военныя дѣйствія 1781 г. были совершенно парализированы. Конгрессъ очень хорошо понималъ свое собственное безсиліе и потому обратился съ просьбою о помощи къ своему вѣчному спасителю—Вашингтону. Вашингтонъ написалъ циркулярное письмо губернаторамъ для представленія собраніямъ штатовъ. Онъ пишетъ, что экономія и интересъ страны требуютъ, чтобы были собраны деньги, необходимыя для скораго окончанія войны, потому что затягиваніе ея поведетъ только къ раззоренію Америки; не платить солдатамъ деньги—значитъ заставить армію прибѣгать къ реквизиціямъ, что неизбѣжно ведетъ къ насилію и деморализируетъ войско. Циркуляръ Вашингтона непроизвелъ однако дѣйствія, и едва только въ концѣ 1782 г. ему удалось добиться десяти тысячъ добавочныхъ солдатъ, о которыхъ онъ тоже просилъ въ циркулярѣ. Въ теченіе семи лѣтъ войны, арміи, можно сказать, не выдавали жалованья. Правда, ей давали только время отъ времени деньги, но и то бумажками, нестоющими ничего. Войско нуждалось во всемъ, и если бы не реквизиціи, война была бы невозможна. Ко всему этому прибавилось еще полнѣйшее не-

вниманіе къ будущей судьбѣ офицеровъ. Когда ихъ приглашали на службу, имъ обѣщали землю, но и это было невѣрно. Офицеры же просили, чтобы ихъ обезпечили пенсіономъ, полагая его въ половину противъ получаемаго ими жалованья. Исполнить такое скромное желаніе людей, жертвовавшихъ своею жизнью для спасенія отечества, казалось конгрессу невозможнымъ. Американцы считали постоянную армію учрежденіемъ слишкомъ опаснымъ, и не желали поддерживать или развивать въ странѣ военный духъ. Имъ казалось, что дать офицерамъ землю, значитъ создать аристократію, сословіе, пользующееся привиллегіями. Поэтому многіе штаты упорно воспротивились просьбѣ офицеровъ. Вашингтонъ взялся уладить вопросъ. Ему удалось убѣдить въ 1780 г. конгрессъ назначить офицерамъ въ пенсію половинное жалованье. Но когда въ 1782 г. прежній революціонный конгрессъ замѣнился конгрессомъ конфедеративнымъ, послѣдній не считалъ себя связаннымъ этимъ согласіемъ. Офицерамъ хотѣли предложить обратиться съ просьбою къ штатамъ. Во время войны офицеры не особенно настаивали на окончательномъ рѣшеніи вопроса; но когда повелись переговоры о мирѣ, армія пришла въ волненіе. Испытанные за свое будущее офицеры послали въ Филадельфію депутатовъ; но депутаты эти встрѣтили слишкомъ сильную оппозицію. Тогда между офицерами была распространена анонимная прокламація весьма революціоннаго характера, заканчивавшаяся предложеніемъ употребить противъ внутренняго врага силу. Человѣкъ, въ родѣ Наполеона, конечно воспользовался бы этимъ неудовольствіемъ арміи и увѣнчалъ бы себя короной. Но въ Вашингтонѣ было честолюбіе иного свойства. Онъ отдалъ приказъ по арміи, которымъ просилъ офицеровъ собраться черезъ четыре дня для обсужденія вопросовъ, возбужденныхъ прокламаціей. Въ теченіе этихъ четырехъ дней Вашингтонъ старался говорить съ офицерами почти съ каждымъ въ отдѣльности, и употреблялъ все свое вліяніе, чтобы успокоить ихъ раздраженіе. Наконецъ, въ назначенный срокъ офицеры собрались, и Вашингтонъ сказалъ имъ длинную рѣчь, въ которой показалъ всю ошибочность тѣхъ революціонныхъ тенденцій, которыя были выражены прокламаціей. Рѣчь свою онъ кончилъ тѣмъ, что войско, отказавшееся отъ своего замысла, представитъ новое доказательство патріотизма, и потомство, изумленное его благородствомъ, скажетъ, читая эту часть исторіи Америки: «недоставало только этой черты, чтобы показать, до какой степени совершенства можетъ достигнуть человѣческая природа.»

Увлеченные рѣчью Вашингтона, офицеры объявили, что они отвергаютъ съ ужасомъ и презрѣніемъ позорное предложеніе, заключающееся въ прокламаціи.

Но Вашингтонъ былъ не такой человѣкъ, который бы полагалъ, что можно покончить дѣло на успокоительныхъ словахъ. Онъ зналъ, что офицерамъ нужно пить и ѣсть, и слѣдовательно ихъ нельзя уволить безъ обезпеченія, на жертву ихъ кредиторамъ и, какъ говорилъ Гамильтонъ, для того чтобы многіе изъ нихъ, непосредственно за отставкой, попали въ долговую тюрьму.

Успокоивъ войско, Вашингтонъ на другой же день написалъ письмо конгрессу. «Обезпечьте, говоритъ онъ, обезпечьте нынѣ же фондъ для удовлетворенія справедливыхъ требованій арміи. Это будетъ лучшимъ средствомъ сохраненія народнаго кредита и обезпеченія внутренняго мира. Если вознагражденіе, законно заслуженное офицерами, вы находите себя необязанными имъ выдать, въ такомъ случаѣ значитъ я ошибался. Если армія не заслужила признательности народа, и это также мое заблужденіе. Если, какъ было сказано офицерамъ, чтобы возбудить ихъ негодованіе, они единственная жертва революціи, если нужно, чтобы люди эти, покрытые славою, провели остатокъ дней своихъ въ позорѣ, презрѣніи и бѣдности, въ такомъ случаѣ на меня обрушится неблагодарность, и эта печальная мысль отравитъ мнѣ всю жизнь. Нѣтъ, сердце мое незнаетъ этой боязни. Великодушный народъ никогда незабудетъ тѣхъ, кто столько разъ спасъ его отъ опасности.»

Письмо Вашингтона произвело самое глубокое впечатлѣніе на конгрессъ, и было рѣшено удовлетворить справедливымъ требованіямъ войска. Конгрессъ рѣшилъ выдать офицерамъ пятимѣсячное жалованье, которое должно было замѣнить имъ пенсіонъ. Но какъ въ казначействѣ денегъ не было, то предположено было выдать офицерамъ на время сертификаты.

Покончивъ дѣло, Вашингтонъ распустилъ армію. Я напомню читателю, вѣроятно, знакомую ему сцену прощанья Вашингтона, нисколько, не боясь повторенія. Подобныя вещи можно повторять десятки разъ, всегда съ одинаковой пользой.

4-го декабря 1783 г. офицеры были собраны въ одной тавернѣ; Вашингтонъ, со стаканомъ въ рукѣ, явился среди нихъ. «Друзья, сказалъ онъ,—съ сердцемъ полнымъ любви и признательности, я явился къ вамъ сегодня, чтобы съ вами проститься. Пусть дни, которые вамъ предстоитъ прожить, будутъ для васъ также счастливы, какъ прошлые дни были для васъ почетны и славны». За-

тѣмъ онъ выпилъ вино и прибавилъ: «Я не могу идти къ каждому изъ васъ, чтобы проститься съ нимъ въ отдѣльности; но я буду признателенъ, если каждый подойдетъ ко мнѣ и дастъ мнѣ свою руку.» Первымъ подошелъ генералъ Кноксъ. Вашингтонъ, которому ощущеніе непозволяло говорить, обнялъ его. Потомъ пошли офицеры одинъ за другимъ, и каждый жалъ руку Вашингтона, не произнося ни слова. Глаза всѣхъ были полны слезъ.

Съ признаніемъ своего обязательства относительно офицеровъ, военные кредиторы Союза были включены въ списокъ обыкновенныхъ его кредиторовъ.

Къ первому января 1783 г. долгъ Соединенныхъ штатовъ простирался до 42 милльоновъ долларовъ. Его было необходимо покрыть, но какъ?! Еще въ 1781 году было предложено установить таможенную пошлину; но мысль эта встрѣтила сильную оппозицію. Послѣ двухъ лѣтъ споровъ, за и противъ, находились еще штаты, упорно нежелавшіе введенія подобной мѣры. Несогласнымъ казалось, что предоставить конгрессу право опредѣлять налогъ, значитъ наложить на Америку ярмо и создать центральный деспотизмъ. Въ это время Гамильтонъ, Мадисонъ и Эльсвортъ, представили конгрессу новый финансовый проэктъ. Чтобы успокоить щекотливость отдѣльныхъ штатовъ, они предложили, чтобы сборщиковъ налога назначали сами штаты, но чтобы сборщики были ответственны передъ конгрессомъ. По расчету оказывалось, что долгъ Союза будетъ погашенъ въ теченіи двадцати пяти лѣтъ. Предложеніе сопровождалось циркуляромъ, написаннымъ Мадисономъ,—циркуляромъ, замѣчательнымъ по благородству мысли и по силѣ изложенія. Онъ указывалъ американцамъ на святость ихъ обязательства передъ ихъ кредиторами. И дѣйствительно, этимъ кредиторамъ Америка можетъ быть обязана болѣе всего своею свободою.

Первое мѣсто между кредиторами занималъ Людовикъ XVI, ссудившій американцамъ 16 милліоновъ фр. и гарантировавшій голландскій заемъ въ 10 милліоновъ фр; второе мѣсто занимали американскіе офицеры; третье всѣ тѣ, отъ кого забирали скотъ, лошадей, экипажи. Наконецъ шли кредиторы обыкновенные, т. е. всѣ тѣ, кто изъ патріотическаго чувства далъ деньги, безъ увѣренности получить ихъ обратно.

Небыло ни одного американца, который бы не признавалъ этихъ долговъ священными, но когда дѣло шло объ уплатѣ, некому было ихъ платить. Штаты отсылали кредиторовъ къ конгрессу, имѣвшему, по

ихъ мнѣнію, право дѣлать займы для уплаты долговъ. Но дѣлая долги, берешь на себя обязательство ихъ платежа; а чѣмъ платить, когда конгресъ неимѣетъ денегъ, а штаты ихъ недаютъ? Кредиторы, наконецъ, поняли, что это долги безнадежные. И потому для возстановленія кредита оставалось только одно средство—предоставить конгрессу возможность уплаты долговъ посредствомъ таможенной пошлины. Предложеніе, сдѣланное Гамильтономъ и Мадисономъ, не привело къ рѣшительному результату, и потребовалось участіе Вашингтона, чтобы окончить это дѣло. Вашингтонъ послѣ войны намѣревался удалиться къ частнымъ занятіямъ, и написалъ губернаторамъ штатовъ прощальное циркулярное посланіе или, какъ выражался онъ, свое завѣщаніе.

Въ этомъ завѣщаніи, Вашингтонъ благодаритъ губернаторовъ, и говоритъ, что собираясь оставить командованіе войскомъ, онъ желаетъ получить увольненіе. Онъ считаетъ своимъ священнымъ долгомъ, какъ гражданина, сообщить нѣкоторыя изъ своихъ мнѣній, ибо молчаніе онъ счелъ бы преступленіемъ. Онъ несомнѣвается, что найдутся люди, которые обвинятъ его въ самолюбіи и тщеславіи; но когда повелѣваетъ долгъ,—говоритъ слѣдуетъ. Время покажетъ, что онъ думалъ только о пользѣ своей страны. «Вы, говоритъ онъ, находитесь въ странѣ, которую Провидѣніе избрало нарочно, чтобы быть театромъ наиболѣе благородной человѣческой дѣятельности. Если американскіе граждане несовершенно свободны, вина въ этомъ ихъ самихъ. Отъ насъ зависитъ быть счастливыми и уважаемыми, какъ народъ, или несчастными и презираемыми. Мы переживаемъ моментъ испытанія, и взоры всего міра устремлены на насъ. Уменьшить власть Союза и уничтожить могущество конфедераціи—значитъ сдѣлать насъ игрушкой европейской политики. Погибель или процвѣтаніе нашей политической системы рѣшитъ, какъ слѣдуетъ смотрѣть на нашу революцію: какъ на счастіе или какъ на бѣдствіе, и нетолько для нашего времени, но и для далекаго будущаго, ибо милльоны людей, еще нерождившихся, будутъ увлечены нашей судьбой.»

По мнѣнію Вашингтона, для благосостоянія Америки существенно необходимы: нерасторжимый Союзъ подъ федеральной властью, безусловное довѣріе къ общественной власти, почетный миръ и единство національнаго чувства. Какъ бы ни были хороши учрежденія, они изчезаютъ, если несогласіе царствуетъ въ народѣ. «Свобода,—говоритъ Вашингтонъ, есть основаніе нашего общественнаго зданія. Кто бы ни вздумалъ поднять на него руку и подъ какимъ

бы то ни было предлогомъ, онъ долженъ быть проклятъ, какъ измѣнникъ, и наказанъ оскорбленнымъ народомъ наиболѣе строгимъ образомъ.

Вашингтонъ пользовался рѣдкимъ счастіемъ вліять на американскій народъ. Голосъ его всегда достигалъ до тѣхъ, къ кому Вашингтонъ обращался. Убѣжденіе, можетъ быть, дѣйствовало медленно, но оно дѣйствовало. И настоящее обращеніе къ народу послужило какъ бы сѣменемъ, изъ котораго постепенно развилось общее убѣжденіе о федеральной реформѣ, создавшей конституцію 1787 года. Съ отставкой Вашингтона сдѣлалось еще замѣтнѣе безсиліе центральной власти. Прежде конгрессъ, сознававшій свою слабость, имѣлъ, по крайней мѣрѣ, свое прибѣжище въ Вашингтонѣ, теперь же онъ остался совершенно безпомощнымъ и доказалъ, что никакой народъ, никакая страна не могутъ быть управляемы собраніями.

Конгрессъ состоялъ изъ извѣстнаго числа членовъ, избираемыхъ и посылаемыхъ каждымъ штатомъ. Хотя число депутатовъ, избираемыхъ каждымъ штатомъ должно было составлять отъ двухъ до семи, но штаты, въ видахъ экономіи, предпочитали посылать не болѣе двухъ. Эти депутаты разыгрывали совершенно такую же роль, какую играютъ посланники, т. е. ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ рѣшиться ни на что безъ согласія своихъ избирателей. При такомъ условіи управленіе страной становится совершенно невозможнымъ. Для хорошаго управленія нужна власть устойчивая, въ которую вѣруетъ народъ, и народъ долженъ быть увѣренъ, что сегодняшнее рѣшеніе власти не будетъ измѣнено завтра. Этимъ качествомъ постоянства, собраніе или комитетъ владѣть не можетъ. Его мнѣнія всегда подвижны и въ довершеніе всего онъ не можетъ подлежать отвѣтственности. Слѣдовательно, если американское управленіе шло такъ плохо, то единственной причиной того было отсутствіе прочной, пользующейся общимъ довѣріемъ, твердой въ прогрессивномъ принципѣ, и отвѣтственной власти. Американскій опытъ показалъ, что конгрессъ исполнительной властію быть не можетъ. Выводъ читатель предугадываетъ: американцы пришли къ мысли о необходимости президента.

Завѣщаніе Вашингтона, какъ я уже сказалъ, достигло своей цѣли. Но оно достигло ея не съ разу. Свободный народъ, создающій самъ свои учрежденія, не принимаетъ на вѣру мнѣній даже такихъ людей, какъ Вашингтонъ. Вашингтонъ и другіе патріоты только указали путь общественной мысли и помогли ея развитію. По-

этому потребовался еще цѣлый рядъ уроковъ для полной выработки общественнаго усвоенія народомъ идеи федераціи. Безсиліе конгресса становится очевиднымъ только по мѣрѣ новыхъ обстоятельствъ, разрѣшить которыя у него недоставало власти.

Въ 1784 г. американскій союзъ заключилъ мирный трактатъ съ Англіею. Англія готова была исполнить немедленно всѣ условія договора, но она хотѣла, чтобы и Америка поступила точно также. А между тѣмъ исполненіе трактата возбудило въ Америкѣ множество весьма сложныхъ вопросовъ. Во-первыхъ является вопросъ объ уплатѣ долга англійскимъ подданнымъ. Повидимому вопросъ этотъ былъ очень простъ, въ дѣйствительности же разрѣшеніе его было вовсе не такъ легко, потому что хотя конгрессъ и не издалъ никакого закона противъ этого платежа, но нѣкоторые изъ штатовъ постановили, чтобы долга не платить. Трактатъ, заключенный съ Англіей, какъ составляющій часть гражданскаго права, долженъ былъ быть понимаемъ одинаково во всѣхъ частяхъ Союза. А между тѣмъ при существовавшей тогда разрозненности, каждый штатъ составлялъ свои законы, не думая о своемъ сосѣдѣ. Такъ одинъ штатъ объявилъ, что онъ уплатитъ долгъ, когда англичане оставятъ страну; другой, что онъ нестанетъ платить процентовъ; третій, что вмѣсто денегъ, онъ выдѣлитъ англичанамъ землю, потому что земли у него много, а денегъ нѣтъ.

Или въ трактатѣ былъ параграфъ, въ которомъ говорилось, чтобы неиздавать новыхъ законовъ относительно проскрипцовъ. А между тѣмъ Нью-Іоркъ объявилъ, что всѣ граждане, державшіе сторону англичанъ, неимѣютъ права быть избирателями и занимать общественныя должности. Что оставалось дѣлать конгрессу? обратиться къ штатамъ съ просьбою объ исполненіи трактатовъ? а если они просьбы непримутъ?

Положеніе конгресса было очень печальное. Съ одной стороны Англія настаиваетъ на исполненіи трактата, съ другой, онъ неможетъ ничего сдѣлать съ своими непокорными штатами. Когда Джонъ Адамсъ, посланный въ Англію для улаженія отношеній, просилъ, чтобы англичане прислали въ конгрессъ своего повѣреннаго въ дѣлахъ, то Адамсу отвѣтили весьма основательно: «зачѣмъ? намъ нужно послать повѣренныхъ къ штатамъ, и въ такомъ случаѣ ихъ потребуется тринадцать.» И Джонъ Адамсъ возвратился въ Америку, съ полнымъ убѣжденіемъ, что всѣ политическія дѣла разстроятся, если конгрессъ не будетъ имѣть большей власти.

Политическая слабость конгресса показала вмѣстѣ съ тѣмъ, что американскому правительству не достаетъ и еще одного, весьма существеннаго элемента. Такъ какъ каждый штатъ объяснялъ трактаты съ иностранными державами по своему, и, вслѣдствіе того, явились непримиримыя противорѣчія между интересами штатовъ и общесоюзнымъ интересомъ, то очевидно, что требовалась какая нибудь примиряющая сила, дающая единство всѣмъ дѣйствіямъ Союза и удерживающая въ равновѣсіи интересы частные и общіе. Такъ какъ исполнительная власть не могла взять на себя этой задачи, не превратившись во власть абсолютную, то очевидно, что рядомъ съ нею требовалось создать власть судебную.

Необходимость судебной власти, такого широкаго значенія, чувствовалась на каждомъ шагу, въ вопросахъ какъ внѣшней, такъ и внутренней политики.

А безсиліе конгресса выступало все яснѣе и яснѣе. Конгрессъ въ сущности не былъ ничѣмъ. Онъ не былъ ни властью судебной, ни исполнительной, ни законодательной. Онъ изображалъ собою не болѣе какъ совѣщательный комитетъ, и былъ лишь однимъ изъ атрибутовъ власти исполнительной.

Во время войны конгрессъ заключалъ торговые трактаты съ государствами нейтральными или дружественными. По окончаніи же войны приходилось вступать въ договоры и съ другими государствами. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что до объявленія войны за независимость, Америка была рынкомъ исключительно одной Англіи. Въ настоящее время Америка достигла уже довольно значительной экономической силы. Она производила въ большомъ количествѣ рисъ, индиго, разные хлѣба, она могла отпускать разныхъ родовъ лѣсъ, мѣха, мясо домашнихъ животныхъ, и вся эта торговля парализовалась внутренней разрозненностью и безвластью конгресса, неимѣвшаго силы заключать прочные договоры.

Теоретически конгрессъ вовсе не былъ лишенъ этого права, и могъ заключать договоры, какіе находилъ полезными для союзовъ. Но дѣло заключалось вовсе не въ этихъ договорахъ, а въ томъ, чтобы они исполнялись штатами, и въ томъ, чтобы помимо союзныхъ договоровъ, штаты не заключали договоровъ частныхъ, несогласныхъ съ общесоюзнымъ интересомъ.

Слабость Союза прежде всего подмѣтили англичане. Вильямъ Питтъ, смотрѣвшій правильно и дальнозорко на политическое значеніе Америки, и на выгодное значеніе для Англіи торговаго съ

нею договора, старался связать интересы Англіи и Америки. Онъ представилъ билль, которымъ предполагалось ввести полное торговое равенство въ международныя торговыя отношенія, и американскіе предметы, ввозимые въ Англію, должны были очищаться совершенно такою же пошлиною, какою очищались англійскіе ввозимые въ Америку.

Какъ ни была такая мысль выгодна для обоихъ народовъ, но со вступленіемъ въ министерство лорда Шефильда, ее нашли несогласной съ торговой политикой Англіи и вреднымъ нововведеніемъ.

Дѣйствительно, торговая политика Англіи, да и всей Европы того времени, была основана на тѣхъ принципахъ феодальной эпохи, по которымъ полагалось, что богатство какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ народовъ, можетъ быть создано только на счетъ бѣдности своего ближняго. Каждое государство хлопотало тогда только о томъ, какъ бы ему завладѣть чужими выгодами. Борьба происходила между всѣми и шла противъ всѣхъ.

Въ этомъ смыслѣ лордъ Шефильдъ былъ конечно правъ, когда говорилъ, что не зачѣмъ вступать въ договоръ съ Америкой и открывать ей англійскіе порты. «Мы просто нагрузимъ наши корабли и отправимъ ихъ сами въ Америку. Съ кѣмъ заключать намъ трактатъ? съ конгрессомъ? Но это тѣнь власти. Со штатами? они раздѣлены. Ихъ обоюдное соревнованіе и соперничество даютъ намъ увѣренность, что если одинъ изъ нихъ приметъ мѣры противъ насъ, то сосѣдній штатъ въ тоже время непремѣнно намъ поможетъ, ужь изъ одного желанія монополизировать нашу торговлю. Пошлемте къ штатамъ нашихъ консуловъ. Они помогутъ намъ, и американскіе рынки будутъ въ нашихъ рукахъ. Нашъ успѣхъ совершенно несомнѣненъ. Посмотрите, что дѣлается въ Америкѣ. Въ ней повсюду царствуетъ анархія, и изъ этого хаоса не возникнетъ никогда Союза. Чтобы колоніи соединились противъ насъ, нужны сильныя внѣшнія причины. Предоставьте ихъ самимъ себѣ—и они раздѣлятся».

Если подобное предсказаніе проницательнаго лорда Шефильда неоправдалось въ дѣйствительности, то тѣмъ не менѣе его презрительный взглядъ на Америку служилъ лучшимъ доказательствомъ печальнаго внутренняго состоянія Союза. Было ясно, что Англія постарается воспользоваться американской неурядицей въ свою пользу. И въ самомъ дѣлѣ, въ 1783 г., Англія заперла свои порты для американскихъ кораблей. Она запретила даже англійскимъ кораблямъ ввозъ мяса и рыбы изъ сѣверныхъ штатовъ.

Въ этой крайности, конгрессъ просилъ у штатовъ права управлять въ теченіе пятнадцати лѣтъ внѣшнею торговлею Америки. Получивъ это право, конгрессъ поспѣшилъ отплатить англичанамъ тою же монетою. Но мѣры конгресса были приняты штатами холодно, потому что многимъ изъ нихъ было выгодно входить въ прямыя сношенія съ Англіей. Но какъ эти отдѣльные трактаты, основанные на запретительной системѣ, приносили пользу штатамъ, однимъ на счетъ другихъ, то американцы скоро пришли къ мысли, что подобная система внѣшнихъ коммерческихъ отношеній, приноситъ вредъ интересамъ всего Союза, что конфедерацію необходимо замѣнить другой формой правленія, а конгрессъ иною властью, ибо, предоставлять каждому штату право организовывать свои внѣшнія сношенія—значитъ отдать Америку во власть анархіи.

Внутренняя слабость страны была неменьше. И это обстоятельство дало рѣшительный поворотъ общественному мнѣнію въ пользу федераціи и сильной центральной власти. Америка стала лицомъ къ лицу съ возмущеніемъ, почти революціей, неимѣя средствъ спасти себя отъ нихъ. Причина этого заключалась въ томъ, что отношеніе между силой отдѣльныхъ штатовъ и всего Союза, нарушалось все болѣе и болѣе: штаты крѣпли и развивались, слѣдовательно становились сильнѣе, союзъ же слабѣлъ.

Вмѣстѣ съ увеличивающейся силой отдѣльныхъ штатовъ, росла въ нихъ и разрушительная сила, ибо человѣческое общество немыслимо безъ пороковъ и вредныхъ страстей. Общественное благосостояніе зависитъ не отъ того, что каждый человѣкъ превращается въ олицетвореніе добродѣтели, а исключительно отъ равновѣсія между пользой и вредомъ;—равновѣсіе, при которомъ дурныя вліянія парализуются хорошими. Когда народъ любитъ свободу и каждый человѣкъ стремится къ ней, то его невозможно вызвать на дѣйствіе вредное для общества, ибо, разрушая общественную свободу, онъ разрушаетъ тѣмъ и свою собственную свободу. А это возможно только въ томъ случаѣ, когда нѣтъ мѣста для дурныхъ страстей, и народъ одушевленъ патріотическимъ стремленіемъ. Если же народъ находится не на такой высотѣ умственнаго развитія и невладѣетъ республиканскими правами, то безпокойное меньшинство можетъ забрать его въ свои руки и уничтожить его свободу.

Всякое революціонное движеніе, и въ особенности такое, какое создало въ Америкѣ борьбу за независимость, возбуждаетъ въ на-

родѣ сильную умственную дѣятельность и возбуждаетъ въ народѣ цѣлую массу новыхъ идей. Люди горячіе отдаются имъ обыкновенно со всею свойственною имъ запальчивостью, и если идея, ихъ одушевляющая, оказывается вредною для общественныхъ интересовъ, то горячіе люди могутъ приносить странѣ большой вредъ. Это именно и случилось въ Америкѣ.

Пока велась война, все народонаселеніе было воодушевлено самымъ сильнымъ патріотизмомъ и не было такой жертвы, на которую бы народъ не рѣшился. Но вотъ миръ заключенъ, страсти успокоились, порывы утихли, и первое прозаическое впечатлѣніе произвелъ громадный долгъ, сдѣланный народомъ во время войны. Такъ какъ въ то время еще каждый штатъ являлся хозяиномъ своихъ собственныхъ дѣлъ, то и долги, сдѣланные отдѣльными штатами во время войны, не считались долгами всего союза. Такъ, напримѣръ, были нѣкоторые маленькіе штаты, на долю которыхъ, вслѣдствіе разныхъ случайностей войны, выпалъ несоразмѣрно громадный долгъ. Къ числу этихъ штатовъ принадлежалъ Массачуссетсъ, обширная торговля котораго и рыбныя ловли были почти совершенно разрушены, и народъ терпѣлъ страшную бѣдность. Въ то же время огромные частные долги, сдѣланные по случаю войны, ухудшали еще болѣе положеніе вещей. Многіе изъ служившихъ въ арміи вошли въ долги, чтобы доставить своимъ семействамъ средства къ существованію. По возвращеніи домой, они были встрѣчены своими кредиторами, требовавшими уплаты и грозившими судомъ. Положеніе должниковъ было дѣйствительно печально; но не слѣдуетъ однако думать, что и положеніе кредиторовъ было блистательно. Кредиторы были не милліонеры или банкиры, а такіе же бѣдняки, какъ и тѣ, кто у нихъ занималъ. Въ обществѣ явилась такая экономическая путаница, вслѣдствіе общей нужды, что кредиторы дѣлались должниками, а должники кредиторами, и почти каждый былъ долженъ другъ другу. Понятно, что при этой путаницѣ, число должниковъ являлось такимъ громаднымъ, что сила большинства была на ихъ сторонѣ. Явился ропотъ противъ строгости закона, составленнаго, какъ говорили должники, въ пользу богатыхъ. Неудовольствіе на законъ перешло вскорѣ въ неудовольствіе на суды и ихъ адвокатовъ. Ропотъ усиливался, и явились всѣ признаки предстоящаго возмущенія.

Въ этомъ критическомъ положеніи массачуссетскій губернаторъ обратился къ Вашингтону, прося употребить свое вліяніе и успокоить народъ. Вашингтонъ ему отвѣтилъ: «Вліяніе? зачѣмъ оно?

вліяніе — не правительство. Создайте управленіе, обезпечивающее свободу и собственность гражданъ; а безъ этого васъ ожидаетъ худшее, что можетъ быть въ мірѣ. Что же касается до должниковъ, то затрудненій быть никакихъ не можетъ: изслѣдуйте положеніе дѣла, удовлетворите ихъ, если они правы, и нѣтъ, если они не правы; если же, наконецъ, они вздумаютъ посягнуть на свободу гражданъ, вы—правительство, и ваша обязанность дѣйствовать».

Губернаторъ послушался совѣта Вашингтона, принялъ энергическія мѣры, и вспыхнувшее возмущеніе было потушено.

Хотя возмущеніе это было ничтожное, тѣмъ не менѣе оно оказало наиболѣе полезное вліяніе на умы американцевъ. Только тутъ увидѣли всѣ, какъ народъ, самый передовой, въ теченіи многихъ вѣковъ воспитавшійся въ идеѣ свободы, близокъ къ ея потерѣ, и какъ онъ легко можетъ впасть въ безначаліе.

Генералъ Кнокъ, посланный для изслѣдованія дѣла, донесъ, что почти вся новая Англія находилась въ подобномъ же безпокойномъ настроеніи; что бѣдность повсюду огромная, и что нельзя ручаться, чтобы недовольные не выставили наконецъ армію тысячъ въ пятнадцать человѣкъ.

Неоспоримо, что бѣдность въ этомъ случаѣ была весьма важнымъ двигателемъ. Но главная причина заключалась все-таки не въ ней. Главной причиной было отсутствіе власти и являвшееся вслѣдствіе того неустройство всѣхъ общественныхъ отношеній. Американцы только теперь поняли, что завоевать свободу—лишь полдѣла. Необходимо нужны еще безопасность, порядокъ и законъ, правильно организующій весь внутренній механизмъ страны. Безъ этихъ условій никакое процвѣтаніе немыслимо, и свобода безпорядка приведетъ къ бѣдности и анархіи.

Во время этихъ событій, Джей написалъ Вашингтону письмо, поздравляя его съ тѣмъ, что онъ стоитъ внѣ общественной дѣятельности, и потому удаленъ отъ зрѣлища страны, погибающей отъ собственной слабости. Вашингтонъ ему отвѣтилъ: «Ваше мнѣніе, что мы быстро приближаемся къ кризису, совершенно согласно съ моимъ. Но что именно произойдетъ—я предвидѣть не въ состояніи. Я знаю только, что намъ нужно исправить множество своихъ ошибокъ. Устраивая конфедерацію, мы имѣли слишкомъ высокое мнѣніе о человѣческой природѣ. Я недумаю, чтобы мы могли существовать долго, какъ нація, не учредивъ общесоюзной власти съ такою же силой, какою владѣютъ правительства каждаго отдѣльнаго штата... Многіе думаютъ, что въ своихъ обращеніяхъ къ штатамъ, ков-

грессъ принималъ тонъ униженный и умоляющій, тогда какъ онъ имѣлъ верховное право требовать повиновенія. Какъ бы то ни было требованія конгресса оказываются совершенно пустою вещью, пока существуютъ тринадцать суверенныхъ штатовъ, независимыхъ и раздѣленныхъ, имѣющихъ привычку спорить и отказывать по своему произволу. Право конгресса предписывать — небольше какъ пустое слово и насмѣшка. Если вы вздумаете сказать законодательнымъ собраніямъ штатовъ, что они нарушаютъ мирный трактатъ и покушаются на прерогативы конфедераціи, они вамъ засмѣются въ глаза. Чтоже нужно дѣлать? такой порядокъ вещей долѣе продолжаться неможетъ. Нужно бояться, что лучшіе люди получатъ отвращеніе къ дѣламъ и пожелаютъ революціи, какой бы ни былъ ея исходъ. Мы способны перейдти изъ одной крайности къ другой. Предвидѣть и предупредить разрушительныя событія — вотъ въ чемъ обязанность мудрости и патріотизма. Какія изумительныя перемѣны могутъ иногда явиться втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ! Мнѣ говорили, что даже нѣкоторые почтенные люди поговариваютъ о монархическомъ правленіи. Слова порождаются мыслями, и отъ слова до дѣла остается иногда только одинъ шагъ. Какъ обрадуются наши враги, когда увидятъ, что ихъ предсказанія сбылись. Какое торжество для нихъ имѣть возможность доказать, что мы неспособны управляться сами собой и что наша система, основанная на равенствѣ и свободѣ — химера и ложь. Пусть Богъ поможетъ намъ принять во время мудрыя мѣры, чтобы отвратить печальныя послѣдствія, которыхъ бояться мы имѣемъ столько основанія».

Изъ каждой строки этого письма видно, какъ глубоко задѣвала Вашингтона американская анархія. Но патріотизмъ увеличивалъ въ глазахъ Вашингтона опасность. Анархія была дѣйствительно, но то была анархія политическая, а не соціальная. Опасность грозила не американскому обществу, а американской націи, единству американскаго Союза. Впрочемъ и этого было достаточно, чтобы испугать людей, стремившихся создать изъ американскихъ штатовъ великую, небывалую республику.

Въ это время выступилъ съ своимъ воззваніемъ къ народу Гамильтонъ, поддерживаемый своими друзьями Джейемъ, Мадисономъ и Вашингтономъ. Нужно было спасти страну, а въ такомъ случаѣ приходилось обращаться не къ штатамъ, а ко всему американскому народу.

Американцы всегда чувствовали связь, создающую изъ нихъ особый народъ; но сознаніе этой связи оказывалось сильнымъ только въ минуты

общей опасности. Когда бѣда проходила, снова выступали частные интересы, и въ отдѣльныхъ штатахъ проявлялась наклонность къ сепаратизму. Задача, которую приняли на себя Джей, Мадисонъ, Гамильтонъ и Вашингтонъ, заключалась въ томъ, чтобы союзной идеѣ дать прочный перевѣсъ надъ сепаратизмомъ и создать изъ американскихъ штатовъ одно прочное политическое цѣлое—одинъ народъ. Общественное мнѣніе было уже достаточно подготовлено, чтобы усвоить эту идею въ такой полнотѣ, какъ понимали ее представители американскаго единства. Тѣмъ неменѣе Гамильтонъ и его друзья являются все-таки творцами американской республики, и безошибочность ихъ политической проницательности доказалась семидесятилѣтнимъ процвѣтаніемъ союза и первенствомъ, которое заняли американскіе штаты въ ряду цивилизованныхъ народовъ.

Чтобы лучше, увѣреннѣе подѣйствовать на умы, воспользовались тогдашнимъ комерческимъ положеніемъ штатовъ, и пригласили народъ прислать депутатовъ въ маленькій городокъ Анаполисъ, для обсужденія экономическаго состоянія страны. Но какъ не существуетъ ни одного отдѣльнаго народнаго интереса, то очевидно, что, начавъ рѣчь о комерціи, пришлось бы коснуться всѣхъ остальныхъ вопросовъ политическаго и общественнаго быта, связанныхъ между собою неразрывной связью.

Собраніе было назначено на 1-е сентября 1786 г. Маленькій Анаполисъ былъ избранъ для того, чтобы избѣгнуть вліянія мѣстныхъ интересовъ и чтобы не возбудить политическихъ страстей.

Анаполисское собраніе въ началѣ было немногочисленно. Только пять штатовъ прислали своихъ представителей. Многіе совсѣмъ отказались прислать депутатовъ, другіе хоть и обѣщали, но не прислали. Несмотря на то, патріоты, стоявшіе во главѣ движенія, нетолько неупали духомъ, напротивъ, рѣшились дѣйствовать съ особенной смѣлостью и настойчивостью. Такъ какъ комерческій вопросъ, какъ уже было сказано выше, находился въ связи со всѣми остальными вопросами, то патріоты рѣшили, что будетъ лучше всего начать прямо съ обсужденія вопросовъ правительственныхъ. Они предложили собрать конвентъ, которому и поручили разсмотрѣть недостатки конфедераціи. Конвентъ, предположенный ими въ Филадельфіи, долженъ былъ придуманныя имъ мѣры улучшенія политическаго управленія, представить на разсмотрѣніе конгресса, а конгрессъ передастъ ихъ на обсужденіе каждаго изъ тринадцати

штатовъ. Такимъ образомъ предложенныя реформы сдѣлались бы дѣломъ всего народа.

Система ревизіи, предложенная американцами, представляетъ нѣчто совершенно невиданное въ исторіи европейскихъ народовъ. Какимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, задумать полное преобразованіе конституціи, создать новое громадное государство, безъ всякаго переворота, кровопролитій и ужасовъ, сопровождающихъ всякіе политическіе перевороты цивилизованной Европы? А между тѣмъ американцы создали у себя полнѣйшій переворотъ, и все дѣло ограничилось лишь простыми разсужденіями и спорами, даже не всегда горячими.

Причину этого нужно искать только въ условіяхъ американской демократіи. Это совсѣмъ не та демократія, какую представляютъ себѣ разные политическіе теоретики западной Европы. Европа никогда незнала истиннаго демократическаго принципа. Если во главѣ ея становились иногда такъ называемые демократы, желавшіе руководить народомъ, то они немедленно превращались въ народныхъ повелителей и хотѣли заставлять народъ дѣлать то, чего хотѣлось не ему, а имъ.

Въ Америкѣ не такъ. Народъ невыпускаетъ никогда изъ своихъ рукъ своего полновластія, и, избирая своихъ представителей для рѣшенія того или другого вопроса, не ввѣряетъ имъ своей судьбы и не превращается въ безгласнаго исполнителя воли нѣкоторыхъ. Въ Европѣ народные представители желаютъ изображать собою народную волю и передѣлывать народъ на свой ладъ, въ Америкѣ же народъ сохраняетъ свою независимость и свободу и не уступаетъ никому своей воли.

Въ этомъ смыслѣ мысль Гамильтона является вполнѣ американскою. Ни конгрессъ, ни штаты небыли еще американскимъ народомъ, и задумывая переворотъ, слѣдовало поэтому обращаться не къ нимъ, а непосредственно къ народу. Въ этомъ же причина, почему такое серьезное дѣло, какъ новая конституція, совершилось въ Америкѣ такъ просто и такъ скоро. Американцы въ сущности не ломали у себя ничего. Въ ихъ воспитаніи и въ ихъ демократическихъ привычкахъ заключались начала всего того, что нѣсколько въ иномъ видѣ выразилось союзной конституціей. Депутаты не передѣлывали народа, не ломали его принциповъ, не насиловали его свободы. Они только приводили въ извѣстную систему существующее и давали ему стройное единство. У американцевъ въ каждомъ штатѣ существовала власть исполнительная, законо-

дательная и судебная. Первые зачатки ихъ внесли въ Америку первые колонисты. Съ послѣдующимъ политическимъ развитіемъ колоній развились и эти начала, и въ настоящее время дѣло заключалось не въ томъ, чтобы создать какіе либо новые государственные принципы, а чтобы организовать существующее тѣмъ или другимъ образомъ. Работа, поэтому, должна была совершаться болѣе или менѣе спокойно, невозбуждая ни народнаго пылу, ни кровопролитія. Филъдельфійскій конвентъ, составляющій конституцію—не больше какъ коммисія редакторовъ. Они пишутъ проэктъ, проэктъ этотъ обсуживается и оспаривается въ газетахъ и собраніяхъ, и одобряется наконецъ народнымъ голосованіемъ. Власть по прежнему остается въ рукахъ народа, и конвентъ на нее непосягаетъ, ибо онъ не больше какъ исполнитель народной волп. Въ этомъ и заключается вся трудность для европейцевъ и все достоинство американской системы. Въ Америкѣ послѣднее слово принадлежитъ всегда народу, а сознаніе своей силы ведетъ къ тому, что этому народу незачѣмъ прибѣгать къ насильственнымъ средствамъ, и вотъ почему Америка незнаетъ революціи. Европа же, напротивъ, неумѣла исправлять своихъ недостатковъ иначе, какъ путями революціи. Совершенно справедливо, что Франція уничтожила первой революціей бездну ужаснѣйшихъ золъ, обнаружила при этомъ много самопожертвованія, но въ тоже время была причиной того страха революцій, который въ нынѣшнемъ столѣтіи привелъ къ злоупотребленіямъ властью, къ бонапартизму и къ такъ называемой французской правительственной системѣ.

Невозможность для Европы идти въ настоящее время тѣмъ путемъ политическаго прогресса, которымъ шла Америка еще въ прошломъ столѣтіи, должна убѣдить читателя, что похвалы, расточаемыя генію американскаго народа, вовсе непреувеличены.

V.

Въ настоящей главѣ я буду говорить объ основахъ американской конституціи, составленной конвентомъ.

Главная основа ея заключается въ раздѣленіи властей. Теоретически необходимость раздѣленія власти признается всѣми государствами цивилизованнаго міра, но нигдѣ это дѣленіе не разра-

ботано такъ практически, какъ въ Америкѣ, потому что ни одинъ народъ непмѣетъ такого прочнаго воспитанія въ началахъ свободы.

По опредѣленіямъ американцевъ деспотизмъ есть соединеніе властей; массачуссетскіе законодатели, во главѣ составленной ими конституціи штата, поставили слѣдующій политическій афоризмъ: «мы хотимъ, чтобы власть была раздѣлена, ибо желаемъ чтобы массачуссетцами управляли законы, а не люди.» Ту же мысль выразилъ Джонъ Адамсъ: «Всѣ народы, говоритъ онъ, при всякомъ правленіи имѣютъ и должны имѣть политическія партіи. Величайшій секретъ заключается въ томъ, чтобы контролировать ихъ одна другою. Для этого существуетъ два средства: или монархія, поддерживаемая постоянною арміею, или раздѣленіе властей и равновѣсіе въ учрежденіяхъ. Тамъ, гдѣ не существуетъ равновѣсія, являются вѣчно волненія, мятежи и всякіе народные ужасы, пока наконецъ постоянная армія, съ генераломъ во главѣ, не возстановитъ спокойствія, или пока эта необходимость равновѣсія не будетъ понята и принята всѣми.»

Такимъ образомъ американцы, старавшіеся сохранить свою политическую свободу, старались прежде всего установить своею конституціею принципъ раздѣленія власти. Теоретически американцы не разрѣшили этого вопроса вполнѣ удовлетворительно, т. е. такъ, какъ понимали его политическіе мыслители Европы. Напримѣръ, французы требовали, чтобы власти были раздѣлены безусловно, и чтобы одна не заходила въ другую. Имъ казалось, что только при этомъ условіи возможна въ странѣ полная политическая свобода. Къ сожалѣнію, факты ихъ собственной исторіи показывали, что такое теоритическое заключеніе вовсе невѣрно. Такъ, напримѣръ, во время первой французской имперіи исполнительная власть была вовсе независима отъ законодательной; а законодательная занималась исключительно вотпрованіемъ законовъ. Ни то, ни другое непомѣшало однако Наполеону явиться полновластнымъ повелителемъ Франціи, и у французовъ свободы не было.

Европа, преимущественно Франція, много размышляла о точномъ разграниченіи власти, но ей ни разу еще неудалось обезпечить себѣ этимъ способомъ свободу. Американцы не углублялись въ этотъ вопросъ, какъ французы; но исходя изъ своихъ политическихъ преданій, они разрѣшили его практически вполнѣ удовлетворительно.

Конечно, кабинетныхъ послѣдовательныхъ теоретиковъ, амери-

канское разрѣшеніе можетъ быть и не удовлетворитъ. Но пусть они обратятъ вниманіе на то, что для практическаго благосостоянія народовъ важно не то, красивы ли или некрасивы на бумагѣ ихъ учрежденія, и выдержаны ли они до конца въ самой строгой послѣдовательности, а важно то, чтобы народъ благоденствовалъ въ дѣйствительности. Такъ какъ американцы разрѣшили вопросъ о благосостояніи лучше всѣхъ остальныхъ народовъ, то изъ этого слѣдуетъ заключить, что и ихъ система тоже лучше всѣхъ остальныхъ.

Французы полагали, да полагаютъ и до сихъ поръ, что свобода народа обезпечивается лучше всего одной палатой, что при двухъ палатахъ происходитъ вѣчный споръ и несогласіе, и общественное мнѣніе находится вѣчно въ возбужденіи. Ссылаясь на примѣръ Англіи, французы утверждаютъ, что палата изъ наслѣдственныхъ членовъ защищаетъ очень часто частные интересы. Но въ Америкѣ подобные случаи небывали никогда и невозможны.

Говорятъ еще, что при двухъ палатахъ и ихъ взаимномъ противудѣйствіи можетъ явиться политическая инерція. Но это сравненіе больше остроумно, чѣмъ вѣрно. Инерція уже потому невозможна, что представители народа никогда не откажутся отъ желанія дѣйствовать, и слѣдовательно не могутъ впасть въ безактивность,—вѣдь это живые люди.

Правда, при двухъ палатахъ законодательный механизмъ вращается нѣсколько медленнѣе; но это не недостатокъ, а достоинство. При двухъ палатахъ одинъ и тотъ же вопросъ обсуживается нѣсколько разъ; но и это тоже достоинство, ибо болѣе вѣроятности правильнаго его обсужденія. Наконецъ, самое главное достоинство двухъ палатъ въ томъ, что депутаты народа научаются уважать народъ. Дайте собранію народныхъ представителей власть, и вы увидите, что они захотятъ превратиться въ народнаго повелителя. Такъ бывало всегда во Франціи. Другая палата сдержитъ это стремленіе къ произволу, и покажетъ представителямъ, что они не повелители народа, а только представители его интересовъ.

Дальше, говоря о палатѣ представителей и объ американскомъ сенатѣ, я коснусь этихъ вопросовъ подробнѣе.

При составленіи конституціи вопросъ о раздѣленіи властей былъ принятъ американцами безъ всякихъ споровъ, и также безъ всякихъ споровъ прошелъ вопросъ о раздѣленіи конгресса на двѣ палаты.

Когда вопросъ этотъ былъ порѣшенъ, явился новый вопросъ

который хотя былъ порѣшенъ американцами тоже безъ особенныхъ споровъ, но который тѣмъ не менѣе для европейцевъ до сихъ поръ представляетъ неразрѣшимыя трудности и имѣетъ до сихъ поръ общественный интересъ. Первый вопросъ —объ обязанностяхъ палатъ, второй—о выборномъ началѣ.

Въ Европѣ каждое государство разрѣшаетъ эти вопросы по своему, и потому въ нихъ существуетъ разная политическая свобода. Напримѣръ, политическая свобода Англіи вовсе непохожа на свободу Франціи, а свобода Франціи на свободу Пруссіи. Причина этого заключается единственно въ томъ, что каждое изъ этихъ государствъ устроило по своему право представительства.

Американцамъ разрѣшать этотъ вопросъ было гораздо легче; во-первыхъ потому, что они внесли съ собою англійскія традиціи; а во-вторыхъ, что имѣли свой двухсотлѣтній демократическій опытъ. Поэтому американцы приняли систему прямого представительства, т. е. туже систему, на основаніи которой были организованы у нихъ колоніальныя правленія.

Несмотря на то, дѣло не обошлось безъ нѣкоторыхъ затрудненій. Колоніями вопросъ этотъ разрѣшался безъ труда. Точно также непредставлялось трудностей и для отдѣльныхъ штатовъ, устроивавшихъ свое управленіе по колоніальному образцу. Но когда пришлось организовать представительство федеральное, то интересы штатовъ столкнулись съ интересами союза. Вопросъ заключался въ томъ, будетъ ли федеральное представительство представительствомъ народнымъ или представительствомъ штатовъ. Защитники мѣстной независимости требовали, чтобы депутаты были назначаемы собраніемъ каждаго штата. Напротивъ того, сторонники союза настаивали на національномъ представительствѣ и на назначеніи депутатовъ непосредственно самимъ народомъ. Они не хотѣли, чтобы въ палатѣ представителей являлось различіе по штатамъ и требовали, чтобы выборъ депутатовъ былъ пропорціоналенъ федеральному населенію. Они говорили, что съ точки зрѣнія союза, каждый штатъ небольше, какъ географическое дѣленіе, и потому въ народную палату должны быть назначаемы члены всѣмъ народомъ союза. Мнѣніе послѣднихъ восторжествовало, и въ настоящее время представители американскаго союза суть представители всего американскаго народа.

Но что такое народъ? что значатъ его представители, и кто можетъ быть ими? Въ политическихъ теоріяхъ, разработанныхъ французскими писателями, на этотъ вопросъ существуютъ двѣ точки

зрѣнія. Одни утверждали, что избирательное право есть естественное право человѣка, такъ какъ каждый гражданинъ какъ бы имѣетъ прирожденное право участвовать въ организаціи общества. Другіе же, напротивъ, полагаютъ, что избирательное право небольше, какъ общественная обязанность, которую каждый народъ можетъ устроивать по своему.

Вопросъ этотъ имѣетъ гораздо большую важность, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Если избирательное право есть естественное право всякаго человѣка, и если всякій имѣетъ право участвовать въ законодательствѣ страны, то, конечно, никакой народъ недолженъ и несмѣетъ придумывать какія либо ограниченія. Если же избирательное право есть общественная обязанность, то, разумѣется, каждый народъ можетъ ее организовать у себя, какъ ему кажется удобнѣе.

На основаніи перваго ученія, т. е. безусловнаго всеобщаго представительства, всѣ граждане должны участвовать въ дѣлахъ политическихъ, и никто не можетъ быть исключенъ. Дѣти имѣютъ, слѣдовательно, такое же право, какъ и люди взрослые, глупые, какъ и умные, незнающіе, какъ и знающіе, полезные, какъ и вредные. Если никто изъ дѣтей небудетъ имѣть въ законодательномъ собраніи своихъ представителей, то естественное право, очевидно, будетъ нарушено, и потому отецъ, имѣющій восемь человѣкъ дѣтей, долженъ изображать собою не одинъ голосъ, а девять. У семейнаго человѣка, особенно обремененнаго большимъ семействомъ, интересовъ гораздо больше, и интересы эти гораздо разнообразнѣе, чѣмъ у человѣка одинокаго.

Далѣе, женщины должны имѣть совершенно одинаковое представительное право съ мужчинами. Отговорка, что женщина имѣетъ представителя въ своемъ мужѣ, хороша еще до тѣхъ поръ, пока идетъ рѣчь о женщинѣ замужней. Женщина несетъ на себѣ очень много серьезныхъ обязанностей и исполняетъ ихъ нисколько не хуже мужчины. Она владѣетъ и управляетъ собственностью, она занимается воспитаніемъ дѣтей; она исполняетъ даже многія общественныя должности. Почему же, спрашивается, должно смотрѣть на нее, какъ на несовершеннолѣтнюю въ политическомъ отношеніи?

Но даже и Американскіе штаты непорѣшили вопроса о представительствѣ въ такомъ широкомъ объемѣ.

Американцы, какъ уже знаетъ читатель, придерживались англійскихъ традицій и тѣхъ порядковъ, которые были ими выработаны во время колонизаціи. Каждая колонія имѣла свои обычаи, такъ,

напримѣръ, въ Виргиніи, чтобы быть избраннымъ, слѣдовало быть собственникомъ. Въ Родъ-Эйландѣ, колоніи, чисто пуританской, чуждой аристократическихъ традицій Виргиніи, право представительства обусловливалось исключительно осѣдлостью. Въ другихъ колоніяхъ требовалось участіе въ налогахъ, въ милиціи и т. д.

Привести въ систему и въ единообразный порядокъ мѣстные избирательные обычаи было для американцевъ весьма важно, потому что отъ этого зависѣла политическая свобода Союза. Кто могъ установить право избирательства и кто будетъ имъ управлять—конгрессъ или всякій штатъ отдѣльно? Если управлять этимъ дѣломъ будетъ конгрессъ, то кто можетъ помѣшать ему превратить правленіе въ аристократическое или въ демократическое, смотря по условіямъ выбора и по условіямъ ценза, какія ему вздумаются? Сдѣлать конгрессъ господиномъ—значитъ отдать ему въ руки всю политическую организацію штатовъ.

Но если, съ другой стороны, выборомъ будутъ управлять штаты, то явится на сцену соперничество, и единству Союза будетъ грозить опасность. И штаты могутъ придумать такія же строгія условія, что покровительствуя аристократизму, они заберутъ въ свои руки власть и могутъ сдѣлаться господами союза.

Вопросъ былъ, дѣйствительно, деликатнаго свойства, и требовалъ осторожнаго разрѣшенія. При строгихъ условіяхъ вотировки легко было задѣть штаты демократическіе, а при широкихъ—можно было вооружить штаты, установившіе у себя цензъ.

Вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ тѣмъ, что избирательное право рѣшили не предоставлять конгрессу, и въ тоже время принять мѣры, чтобы избирательный законъ не былъ враждебенъ конгрессу. Было рѣшено, что палата представителей Союза избирается каждымъ штатомъ. Такимъ образомъ, каждому штату была предоставлена полная свобода дѣйствія. Представительство это было прямое, и вмѣстѣ съ тѣмъ оно признавалось общественной обязанностью, а не прирожденнымъ правомъ.

Послѣ избирательнаго права являлись не менѣе важнымъ вопросомъ качества, которымъ должны были удовлетворять избираемые. Каждый ли можетъ быть избираемъ, или же должны существовать условія, которыми бы обезпечилась со стороны избираемыхъ ихъ наибольшая пригодность для общественнаго дѣла? Всѣ были согласны съ тѣмъ, что депутатами должны быть люди честные и способные. А если такъ, то зачѣмъ стѣснять народъ въ его правѣ выбора, и почему нужно опредѣлять условія способности законодательнымъ

порядкомъ? Подобная система можетъ годиться для такихъ государствъ, гдѣ хотятъ, чтобы такъ называемые народные представители являлись представителями лишь извѣстныхъ тенденцій, наиболѣе выгодныхъ для правящихъ сословій. Въ Америкѣ подобной боязни быть немогло Въ ней можно было предоставить народу полную свободу избирать тѣхъ, кого ему вздумается и признать, что каждый годный для собранія штата, можетъ быть годенъ и для федеральнаго собранія. А между тѣмъ американцы поступили иначе. Полагаясь на свой смыслъ во всѣхъ дѣлахъ, они, въ настоящемъ случаѣ, точно какъ бы боялись на него положиться. Конечно, условія приняты довольно широкія, но условія все-таки есть. Было постановлено, что федеральнымъ депутатомъ можетъ быть тотъ, кому исполнилось двадцать пять лѣтъ, кто немепѣе семи лѣтъ гражданинъ союза, и кто имѣетъ осѣдлость въ штатѣ, который онъ представляетъ.

Противъ всѣхъ этихъ условій можно сдѣлать возраженіе. Почему, спрашивается, непремѣнно съ 25 лѣтъ начинается пригодность человѣка для народнаго представительства и для политической дѣятельности? Пригодность для такой дѣятельности обусловливается способностями, а не лѣтами. Питтъ былъ первымъ государственнымъ министромъ 24 лѣтъ и избранъ въ члены палаты представителей 21 года. Тамъ, гдѣ народъ является полновластнымъ распорядителемъ своихъ собственныхъ дѣлъ, несовсѣмъ логично говорить ему, что онъ долженъ избирать довѣренныхъ лицъ непремѣнно тогда, когда имъ минетъ 25 лѣтъ. Недопущеніе иностранцевъ совершенно также ошибочно. Конечно, если иностранецъ явился въ страну, неимѣетъ въ ней корней и непонимаетъ ничего въ ея дѣлахъ, то едвали народъ изберетъ его въ свои представители. Точно также, если иностранецъ проживетъ 20 лѣтъ, и будетъ чуждъ интересовъ страны, то народъ, конечно, тоже его неизберетъ. Что же касается до осѣдлости, то американцы думали поставить этихъ депутатовъ въ зависимость отъ штата, ихъ избирающаго.

Ценза американцы не установили, не потому, чтобы они были совершенно противъ этой идеи, а единственно вслѣдствіе трудности принять одинаковую норму для всего союза. Въ этомъ случаѣ американцы, если не въ теоріи, то по крайней мѣрѣ на практикѣ, послѣдовательнѣе европейцевъ, ибо, если съ одной стороны цензъ служитъ какъ бы ручательствомъ консервативнаго депутата, то съ другой—онъ мѣшаетъ избранію способныхъ, но бѣдныхъ людей.

Изъ всего сказаннаго видно, что американцы установили весьма либеральное условіе въ выборномъ началѣ и сдѣлали это, какъ выразился Гамильтонъ, для того, чтобы открыть въ народное представительство свободный доступъ людямъ съ достоинствами, старымъ и молодымъ, бѣднымъ и богатымъ, и къ какой бы религіи они ни принадлежали.

Какой срокъ должны служить представители?—теоретически разрѣшить этотъ вопросъ очень трудно. Представитель, избираемый на слишкомъ короткое время, напримѣръ, на одинъ или два дня, или на недѣлю, конечно, будетъ плохимъ представителемъ; съ другой стороны, назначенный на 15 или 20 лѣтъ, онъ будетъ еще хуже, ибо сдѣлается совершенно чуждъ интересовъ своихъ избирателей. Нужно, слѣдовательно, найти такой срокъ, при которомъ бы достигалась и независимость депутата, т. е. давалась бы ему возможность свободы дѣйствія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы онъ находился въ достаточной зависимости отъ народа и не отдѣлялся бы отъ его интересовъ.

Американскія колоніи разрѣшали этотъ вопросъ весьма разнообразно. Въ однихъ депутаты избирались на полгода, въ другихъ на два года, въ третьихъ, какъ въ Виргиніи, на семь. На конвентѣ мнѣнія раздѣлились. Наиболѣе крайніе хотѣли установить годичный срокъ. Въ подкрѣпленіе своего мнѣнія они высказывали афоризмъ, что тамъ, гдѣ кончаются годичные выборы, начинается тиранія. Но для такой обширной страны, и при томъ безъ дорогъ, какъ Америка, годичный срокъ былъ слишкомъ коротокъ, потому что для депутатовъ отдаленныхъ штатовъ приходилось бы тратить мѣсяца три въ годъ на переѣздъ. Годичный срокъ коротокъ еще и потому, что собраніе будетъ не въ состояніи вотировать всѣ законы, какіе будутъ ему представлены втеченіи года. Наконецъ, слишкомъ частые выборы имѣютъ еще и то неудобство, что они, наконецъ, надоѣдаютъ всѣмъ, и дѣлаютъ многихъ равнодушными къ этому дѣлу, а избираемые или, правильнѣе, кто желалъ бы быть депутатомъ, постоянно волнуютъ общественное мнѣніе и держатъ его въ тревожномъ состояніи. Въ извѣстной степени это, конечно, хорошо, потому что народъ не погрузится въ политическое равнодушіе; но у этого хорошаго долженъ быть свой предѣлъ, за которымъ является уже не польза, а вредъ.

Американцы приняли двухлѣтній срокъ, такъ чтобы два законодательныхъ собранія соотвѣтствовали одному сроку президентства.

Представлялся еще одинъ важный вопросъ, какимъ образомъ будетъ распредѣлено число всѣхъ представителей между штатами. Нужно ли, чтобы каждый штатъ присылалъ одинаковое число представителей, или установить извѣстную пропорцію? Очевидно, что маленькіе штаты нельзя было приравнивать къ штатамъ, сильно населеннымъ. Было рѣшено, что депутаты въ палату представителей должны быть избираемы пропорціонально населенію каждаго штата. Но въ какой пропорціи?

Въ Англіи, да и въ другихъ государствахъ Европы, палата составляетъ очень многолюдное собраніе. Въ Англіи, напримѣръ, въ парламентѣ считается болѣе тысячи членовъ. Американцы были противъ подобнаго многолюдства. По ихъ мнѣнію, чѣмъ больше собраніе, тѣмъ больше вѣроятія, что страсти будутъ брать верхъ надъ разсудкомъ, и тѣмъ больше вѣроятія, что въ палатѣ явится много людей съ недостаточными познаніями. Такихъ людей ловкій говорунъ можетъ всегда увлечь и заставить сдѣлать, что ему хочется. Большая ошибка полагать, что чѣмъ большее число представителей, тѣмъ, будто бы, лучше сохраняются интересы народа и поддерживаются крѣпче границы, за которыя правительство не должно переступать. Исходя изъ этихъ началъ, американцы постановили назначать одного депутата на тридцать тысячъ жителей. Это отношеніе дало первому союзному конгрессу шестьдесятъ пять депутатовъ. Но и эта пропорція измѣнялась у американцевъ постоянно, по мѣрѣ увеличенія населенія, такъ что въ 1860 году было постановлено назначать одного депутата на 127,000 жителей.

Принятая американцами система пропорціональности представляетъ выгоды, какихъ не имѣютъ системы другихъ государствъ, и много смягчаетъ тѣ теоретическіе недостатки, которые въ ней подмѣчаются. Принимая представительство, какъ политическую должность, американцы сдѣлали какъ бы уступку теоріи прирожденнаго права. Въ Европѣ, кромѣ избираемыхъ, существуютъ и избиратели. Европейской системой устанавливается очень рѣшительно принципъ непригодности; между тѣмъ американцы неустановили особеннаго цеха избирателей, и допускаютъ, что этимъ правомъ можетъ пользоваться всякій житель. При американской системѣ женщины и дѣти, хотя и не принимаютъ прямого участія въ выборахъ, но тѣмъ не менѣе имѣютъ тоже своихъ представителей, именно потому, что считаются въ цыфрѣ населенія страны, и что этой цыфрой устанавливается число депутатовъ. Въ Америкѣ неможетъ случить-

ся того, что бывало въ Англіи, гдѣ депутаты назначались не по числу населенія, а по мѣсту, и гдѣ, слѣдовательно, могло явиться, что незначительное, обезлюдившееся мѣстечко обязано было посылать больше депутатовъ, чѣмъ многолюдный городъ.

Другая палата или сенатъ формируется нѣсколько иначе и на другихъ основаніяхъ, чѣмъ палата представителей.

Въ Европѣ слово сенатъ порождаетъ представленіе о собраніи аристократическомъ, въ родѣ англійской палаты лордовъ и французской палаты перовъ: американскій сенатъ есть нѣчто иное. Это не аристократическое учрежденіе, а учрежденіе чисто демократическое, пользующееся большою популярностью и глубокимъ уваженіемъ народа. Американцы придумали сенатъ для того, чтобы дать большую устойчивость своему конгрессу; устойчивость и солидность невозможны при одной палатѣ. Въ законодательныхъ вопросахъ основательность рѣшенія зависитъ отъ зрѣлости мысли, а для зрѣлости мысли нужно время. При одной палатѣ, и въ особенности, если она обновляется очень часто, законодательное собраніе рѣшительно не можетъ имѣть необходимой для него устойчивости, и страдаетъ излишней подвижностью мысли, влекущей вѣчную перестройку и передѣлку законовъ. Гамильтонъ говорилъ, что подвижность палаты будетъ имѣть самое роковое вліяніе на промышленность, на духъ предпріятій; это будетъ царствомъ ажіотажа, отсутствіемъ безопасности для труда, собственности, капитала, даже лица. Она ослабитъ уваженіе къ учрежденіямъ страны, ея законамъ и правительству.

Чтобы придать своей законодательной власти большую солидность и регулировать подвижность, неизбѣжную при одной палатѣ, американцы придумали сенатъ. Американскій сенатъ есть представитель американскаго традиціоннаго духа. Это учрежденіе, дающее американцамъ не только внутреннюю, но и внѣшнюю силу. Опытъ съ конфедераціей показалъ американцамъ всю слабость ихъ центральной власти во внѣшнихъ сношеніяхъ. Тогда прочные международные договоры были почти невозможны, и политика должна была быть шаткой и непрочной. Ни одна нація не могла быть убѣждена, что договоръ, заключенный сегодня собраніемъ, не будетъ измѣненъ другимъ собраніемъ, которое его смѣнитъ. Въ политическихъ дѣлахъ традиція и опытъ играютъ чрезвычайно важную роль, и потому чисто демократическія правительства бываютъ рѣдко могущественны извнѣ. У нихъ не достаетъ политической послѣдовательности, и связи, ими заключаемыя съ другими народами, обыкно-

венно не бываютъ прочны и постоянны. Подъ вліяніемъ этихъ мыслей американцы придумали свой сенатъ, которому и поручили контроль надъ внѣшними сношеніями. Договоръ получаетъ силу только тогда, когда онъ одобренъ президентомъ сената. Посланники и консулы утверждаются только сенатомъ. Только учрежденіемъ сената Соединеннымъ штатамъ удалось достигнуть значенія великой державы, тогда какъ во время революціи, съ своимъ вѣчно возобновлявшимся конгрессомъ, Америка разыгрывала очень печальную роль и не пользовалась ровно никакимъ уваженіемъ. Понятно, что при такихъ выгодахъ, представляемыхъ сенатомъ, онъ пользуется у американцевъ большимъ уваженіемъ, какъ регуляторъ внутренняго управленія, и какъ учрежденіе, дающее странѣ внѣшнюю силу.

Каждый штатъ, независимо отъ его народонаселенія, площади и богатства, назначаетъ отъ себя двухъ сенаторовъ. Сенаторы избираются на шесть лѣтъ, и каждые два года треть сенаторовъ замѣняется новыми. Сенаторовъ выбираютъ законодательныя собранія каждаго отдѣльнаго штата. Чтобы быть избраннымъ, требуется имѣть тридцать лѣтъ и быть не менѣе девяти лѣтъ гражданиномъ Союза и жителемъ того штата, который избираетъ.

Устанавливая эти условія, американцы руководствовались слѣдующими основаніями: въ Союзѣ были штаты, совершенно ничтожные по народонаселенію, и штаты съ огромнымъ числомъ жителей, но и большіе, и малые штаты должны были высылать въ сенатъ только по два представителя. Эта комбинація была придумана съ тѣмъ, чтобы большіе штаты не могли поглотить малые, и чтобы создать изъ сената представителя Союза, а не отдѣльныхъ штатовъ. Чтобы еще лучше достигнуть представительства федеральной независимости, было постановлено, что сенаторы вотируютъ не какъ представители избравшихъ ихъ штатовъ, а какъ независимыя лица, т. е. сенаторъ, избранный, напримѣръ, Виргиніей, вотируетъ не какъ виргинецъ, но какъ сенаторъ, какъ гражданинъ всего Союза. Этой комбинаціей американцы думали создать изъ сената общесоюзную власть и преградить доступъ въ нее интересамъ провинціальнымъ и муниципальнымъ, что дѣйствительно и достиглось.

Другой вопросъ заключался въ томъ, какимъ образомъ производить ихъ выборъ. Рендольфъ предложилъ сначала, чтобы сенаторовъ избирала палата представителей; но эта мысль была отвергнута, потому что сенаторы, избираемые палатой, будутъ лишены всякихъ корней въ народѣ и будутъ зависѣть не отъ него, а отъ

назначающей ихъ палаты представителей. Чтобы сенатъ былъ популяренъ, онъ долженъ быть назначаемъ такимъ способомъ, при которомъ, не нарушая его связи съ народомъ, достигалась бы вмѣстѣ съ тѣмъ и та солидность, какая отъ него требуется. Допустить назначеніе сенаторовъ народомъ, казалось американцамъ тоже неудобнымъ. Американцы хотѣли, чтобы сенатъ служилъ полной гарантіей какъ для правительства, такъ и для внѣшнихъ сношеній, чего нельзя достигнуть, если народъ будетъ избирать въ сенатъ людей, волнуемыхъ тѣми же страстями, какъ и избираемые ими представители. Поэтому рѣшили, что народъ отъ выбора сенаторовъ нужно устранить. Какимъ же образомъ устроить выборы и популярные, и въ тоже время не возлагая этого дѣла на народъ? Американцы придумали, чтобы выборы сенаторовъ дѣлались законодательными собраніями штатовъ. Такимъ образомъ, удалось сдѣлать изъ сената учрежденіе популярное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, устранить его отъ прямой зависимости отъ народа. Порядокъ выборовъ штатамъ указанъ не былъ, и каждый изъ нихъ могъ держаться тѣхъ обычаевъ, которые уже установились.

Опредѣленіе небольшого числа сенаторовъ имѣло тоже свое основаніе, и еще большее, чѣмъ при ограниченіи числа депутатовъ. Сенатъ есть правительственная власть. Онъ главный дѣятель въ дипломатическихъ сношеніяхъ, и потому понятно, что возложить это дѣло на слишкомъ многолюдное собраніе было бы неудобно. Кромѣ того, именно вслѣдствіе ограниченнаго числа членовъ сенатъ выигрываетъ въ своей важности и значеніи, и страна знаетъ своихъ сенаторовъ, такъ сказать, лично. Человѣкъ съ большими способностями имѣетъ возможность вліять гораздо сильнѣе на общественное мнѣніе.

Американскій сенатъ хотѣли сдѣлать сначала наслѣдственнымъ. Это была мысль Гамильтона. Онъ увлекался примѣромъ Англіи и ея палатой лордовъ. Но Гамильтонъ, вѣроятно, не думалъ, что этимъ путемъ устроится аристократія въ такой странѣ, гдѣ аристократическія начала возбуждали только враждебныя чувства. Несмотря на ошибочность идеи Гамильтона, въ ней была та истина, что сенатъ долженъ быть учрежденіемъ вѣчнымъ. Гамильтонъ ошибался только въ способѣ достиженія этой цѣли. Американцы и тутъ придумали весьма искусную комбинацію, примиривъ начало вѣчности съ началомъ избирательнымъ. У нихъ сенатъ есть учрежденіе постоянное, но каждый сенаторъ въ отдѣльности назначается только на шесть лѣтъ, и сенатъ возобновляется по третямъ каждые

два года. Вмѣстѣ съ тѣмъ установлено, чтобы въ одно время не увольнялись оба сенатора одного штата. Этой искусной комбинаціей достигли того, что сенатъ возобновляется постоянно, постоянно входятъ въ него свѣжіе люди, и между тѣмъ такое освѣженіе не производитъ въ сенатѣ никакихъ волненій и движенія страстей. Какимъ бы талантомъ ни владѣлъ человѣкъ, являющійся вновь въ американскій сенатъ, ему необходимо извѣстное время, чтобы ознакомиться съ обычаями и порядками, уже установившимися. Ему невозможно обнаружить такого вліянія, какое такъ легко дается талантливому человѣку въ многочисленномъ собраніи возобновляемомъ сразу. Этой мѣрой создался въ американскомъ сенатѣ духъ корпораціи и традиціи, которому по необходимости долженъ подчиняться всякій, вновь вступающій членъ. Смѣняются только лица, а основанія и принципы остаются тѣже, и сенатъ является учрежденіемъ, дѣйствительно, вѣчнымъ, но чуждымъ тѣхъ аристократическихъ недостатковъ, какіе непзбѣжны при безсмѣнности сенаторовъ. Американскій сенатъ не можетъ превратиться въ власть, надменно и съ авторитетомъ глядящую на народъ. Члены его, избираемые на шесть лѣтъ, по необходимости должны питать уваженіе и къ народу, и къ своимъ избирателямъ. Но если бы сенатъ вздумалъ прибѣгнуть къ политикѣ несогласной съ народомъ, въ рукахъ страны есть всегда средство заставить сенатъ измѣнить эту политику: при первыхъ же выборахъ она пошлетъ въ сенатъ такихъ людей, какіе ей нужны; а если и они окажутся безсильными дать политикѣ сената другое направленіе, то въ шесть лѣтъ она перемѣнитъ весь личный составъ сената, пославъ въ него новыхъ людей.

На практикѣ подобная мѣра никогда не случалась и случиться не можетъ. Американскій сенатъ никогда не лишался своей популярности и своего вліянія на народъ, потому что онъ заключалъ въ себѣ лучшія умственныя силы страны, составлялся изъ болѣе замѣчательныхъ государственныхъ людей. Въ этомъ отношеніи американскій сенатъ есть, конечно, учрежденіе аристократическое, но во-первыхъ, не наслѣдственное, а выборное; а во-вторыхъ, не въ смыслѣ породы, а исключительно въ смыслѣ заслугъ. Быть сенаторомъ — привилегія, но привилегія только умныхъ и полезныхъ для страны людей.

Намъ остается сказать теперь объ обязанностяхъ конгресса.

Американскій Союзъ представляетъ небывалый еще въ исторіи примѣръ удачнаго соединенія народнаго представительства съ

властью народа. Народъ, являясь верховнымъ руководителемъ внутренней и внѣшней политики и общихъ мѣръ правительства, въ тоже время не можетъ дѣлать самъ всего того, что ему вздумается. Въ Америкѣ народъ никогда не отказывался и не лишался своихъ правъ, а его уполномоченные никогда не переходили предѣловъ власти, границы которой опредѣлилъ имъ народъ. Конгрессъ и народъ составляютъ двѣ живыя взаимнодѣйствующія силы, но силы, непоглощающія одна другую. Конгрессъ есть довѣренный исполнитель; народъ—довѣритель; первый исполняетъ то, чего не можетъ исполнять непосредственно второй; а второй наблюдаетъ, чтобы характеръ исполнительности перваго невыходилъ изъ предѣловъ довѣренности второго.

Чего же не можетъ исполнять непосредственно народъ? Прежде всего народу невозможно завѣдывать непосредственно финансовыми операціями, и потому американская конституція говоритъ, что конгрессу ввѣряется власть назначать и собирать подати и налоги, чтобы платить долги и имѣть возможность дѣйствовать въ видахъ охраненія страны и общихъ интересовъ союза и его благосостоянія. Но всѣ косвенные налоги должны быть однообразны. Конгрессъ имѣетъ право дѣлать займы именемъ Союза. Такимъ образомъ, хотя конгрессу и дается большая финансовая власть, но власть эта не безусловная. Онъ имѣетъ право дѣлать долги и назначать налоги, но то и другое или для защиты страны, или въ видахъ ея процвѣтанія. Поэтому, если бы конгрессъ вздумалъ сдѣлать расходъ въ пользу какого нибудь города, или не для общественныхъ интересовъ, онъ не смѣетъ наложить налогъ на всю страну. Конгрессъ, напримѣръ, имѣетъ право устраивать почтовыя дороги; но онъ не можетъ устроить дорогъ для облегченія комерческихъ сношеній одного штата съ другимъ. Попытка сдѣлать подобные расходы являлась нѣсколько разъ, но встрѣчала обыкновенно сильную оппозицію. Такъ, напримѣръ, президентъ Джаксонъ объявлялъ постоянно, что расходы этого рода вовсе не расходы, требуемые общимъ интересомъ страны. И люди, думавшіе такимъ образомъ были совершенно правы, потому что если бы дозволить конгрессу входить въ подобныя частныя поощрительныя мѣры, это значитъ дать ему право вторгаться въ верховную власть отдѣльныхъ штатовъ. Отстаивая свободу дѣйствія штатовъ, сторонники ограниченной власти конгресса отстаивали свободу всего союза.

Другой атрибутъ конгресса есть его комерческая власть. Эту власть нужно понимать въ самомъ широкомъ смыслѣ,— въ смыслѣ

международныхъ торговыхъ сношеній. Американцы были всегда чужды европейской политики, никогда незатѣвали войнъ съ своими сосѣдями, а тѣмъ болѣе съ Европой, и не любили вмѣшиваться въ чужія дѣла. Политика американцевъ была политика мира и экономическаго процвѣтанія. Стремленіе къ экономическому процвѣтанію было одною изъ причинъ къ созванію конвента для исправленія конституціи. Американцы понимали, что имъ прежде всего нужно централизировать свои комерческіе интересы, и эти то сконцентрированные интересы они ввѣрили конгрессу. Конгрессу принадлежитъ право заключать комерческіе трактаты, назначать тарифъ, учреждать комерческіе порты и завѣдывать водяною полиціей. Конгрессъ же устанавливаетъ правила для комерческихъ сношеній штатовъ и наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы отдѣльные штаты не монополизировали промышленность и торговлю въ свою пользу, и не создавали бы себѣ привилегій во вредъ другимъ.

Рядомъ съ комерческой властью конгресса стоитъ право чеканить монету и устанавливать ей цѣну и образцы вѣса и мѣры. Чеканка монетъ была всегда привилегіей верховной власти, и для такой большой страны, какъ Америка, совершенно необходимо единство монеты. Въ противуположность власти конгресса отдѣльныя штаты чеканить монеты немогутъ и неимѣютъ права выпускать кредитные билеты.

Конгрессъ завѣдываетъ почтовыми учрежденіями. Все, что касается почты, опредѣляетъ и устанавливаетъ федеральное правительство.

Конгрессу принадлежитъ право покровительствовать промышленности, литературной собственности, открытіямъ и изобрѣтеніямъ. Въ Вашингтонѣ находится бюро, въ которое представляютъ новыя изобрѣтенія, и которое выдаетъ на нихъ привилегіи. Патентъ на привилегію стоитъ десять долларовъ и имѣетъ силу на 14 лѣтъ, по окончаніи которыхъ его можно возобновить на 7 лѣтъ. Ни въ одной странѣ въ мірѣ, изобрѣтатели не являются въ такомъ числѣ, какъ въ Америкѣ. Бюро выдаетъ въ годъ отъ 5000 до 6000 привилегій.

Наконецъ, конгрессу же принадлежитъ право объявлять войну. Въ европейскихъ государствахъ, за исключеніемъ Англіи, этимъ правомъ располагаетъ верховная власть, неотдающая въ такихъ случаяхъ никому отчета. Въ Англіи объявленіе войны зависитъ тоже отъ короля, но какъ онъ дѣйствуетъ чрезъ отвѣтственныхъ министровъ, а назначеніе денегъ и солдатъ зависитъ отъ парламента,

то объявленіе непопулярной войны въ Англіи невозможно. Въ Америкѣ объявленіе войны принадлежитъ сенату, право же заключать миръ—президенту сената.

Право объявленія войны предполагаетъ неизбѣжно и право формировать войско. Это право предоставлено тоже конгрессу, но онъ можетъ собирать армію не конскрипціей, а изъ охотниковъ. Размѣръ арміи неопредѣленъ потому, что непредполагали, чтобы конгрессъ могъ дѣйствовать несогласно съ народомъ. Да наконецъ если бы онъ и вздумалъ поступать иначе, то такъ какъ расходы на содержаніе войска вотируются только на два года—а конгрессъ избирается на этотъ срокъ,—то опасности для страны быть неможетъ.

Неменѣе важнымъ вопросомъ при обсужденіи конституціи было рѣшеніе того, гдѣ долженъ собираться конгрессъ. Вопросъ о мѣстѣ вовсе не такъ ничтоженъ, какъ это можетъ показаться, ибо правительство болѣе или менѣе зависитъ всегда отъ того мѣста, гдѣ оно помѣщается, и, слѣдовательно, ему необходимо находиться внѣ вліянія на него народныхъ страстей. Когда въ 1783 г. конгрессъ находился въ Филадельфіи, и когда ему грозило народное неудовольствіе, онъ не встрѣтилъ защиты въ мѣстныхъ властяхъ, и долженъ былъ бѣжать въ Нью-Джерзи. Въ Соединенныхъ штатахъ политическая столица каждаго отдѣльнаго штата находится всегда въ маленькомъ, незначительномъ городкѣ. Тоже самое хотѣли сдѣлать и для союзнаго конгресса. Для него выбрали округъ, лежащій внѣ штатовъ. Мериландъ и Виргинія отдѣлили часть своей территоріи и былъ учрежденъ особый округъ съ городомъ Вашингтономъ, служащимъ резиденціей конгресса. Этотъ округъ нейтральный. Въ немъ считается 75,000 жителей, неимѣющихъ никакихъ правъ, непринадлежащихъ ни къ какому штату и непосылающихъ въ конгрессъ своихъ представителей. Они даже не вотируютъ себѣ налога, и законы для нихъ предписываетъ конгрессъ. Въ Америкѣ подобная мѣра никому не кажется странной, потому что никого нельзя заставить силой жить въ Вашингтонѣ. Но за то этой мѣрой достигается полная независимость конгресса.

VI.

Теперь мы перейдемъ къ разсмотрѣнію вопроса наибольшей важности,—вопроса о власти исполнительной.

По существу своему эта власть отличается характеромъ сильной всепоглощаемости. Поэтому организовать ее наиболѣе выгоднымъ для страны образомъ есть одна изъ труднѣйшихъ задачъ, которую разрѣшить удалось только однимъ американцамъ.

Въ нѣкоторыхъ государствахъ думали оградить народную свободу раздѣленіемъ власти исполнительной. Такъ, во Франціи, управляла страной нѣкогда директорія, но опытъ показалъ, что такая власть неимѣетъ силы и используется ни чьимъ уваженіемъ. Исполнительная власть только тогда можетъ считаться хорошо организованной, если она единоличная, ибо обязанность ея — только дѣйствовать. Составлять законы и обсуживать вопросы, требующіе исполненія, удобнѣе комитетомъ или совѣтами. Исполнительная же власть должна дѣйствовать и заставлять повиноваться. Одинъ человѣкъ для этого гораздо пригоднѣе, чѣмъ собраніе.

Возлагать исполнительную власть на цѣлое собраніе неудобно еще и потому, что собраніе неможетъ подлежать отвѣтственности, тогда какъ при единоличномъ составѣ, въ отвѣтственности лица заключается гарантія противъ тиранніи. Американцы рѣшили основать у себя исполнительную власть единоличную и ввѣрить ее президенту, а въ случаѣ отсутствія его —вице-президенту.

Относительно срока службы президента мнѣнія были различны. Если назначить срокъ короткій, то президентъ можетъ недостаточно вникнуть въ дѣла и проникнуться интересами своей обязанности, если же назначить срокъ слишкомъ большой, то привычка къ власти грозитъ опаспостью верховному праву народа. Аристократическая партія, во главѣ которой стояли Гамильтонъ и Мадисонъ, требовала, чтобы президентъ оставался до тѣхъ поръ, пока имъ довольны. Съ такимъ аристократическимъ предложеніемъ, конечно, согласиться было нельзя. Другіе предложили семилѣтній срокъ, но съ тѣмъ чтобы не допускать второго выбора. Взяло, однако, перевѣсъ мнѣніе, чтобы президента избирать только на четыре года, и затѣмъ предоставить народу право избирать его столько разъ, сколько вздумается. Въ практикѣ этотъ параграфъ конституціи былъ измѣненъ Вашингтономъ, несочувствовавшимъ никогда идеѣ повторительнаго избранія. Вашингтонъ говорилъ, что

президентъ, разсчитывающій на новое избраніе, думаетъ не столько объ интересѣ страны, сколько о своемъ личномъ интересѣ, и этимъ способомъ вводится въ правительство новый элементъ—интересъ эгоизма. Поэтому отслуживъ свои четыре года, Вашингтонъ хотѣлъ рѣшительно удалиться, и если согласился на новое избраніе, то только потому, что люди смотрѣвшіе на это дѣло также, какъ и онъ, доказывали ему, что онъ долженъ вновь занять должность въ интересахъ обезпеченія свободы республики. Послѣ второго избранія Вашингтонъ ни за что въ мірѣ несогласился остаться еще на новое четырехъ-лѣтіе, и его примѣръ установилъ обычай, сдѣлавшійся болѣе священнымъ, чѣмъ законъ. Не было примѣра, чтобъ кто либо былъ избранъ болѣе, чѣмъ на два четырехлѣтія, и никогда ни одинъ президентъ не отваживался рискнуть на третій выборъ, зная что народъ помнитъ примѣръ Вашингтона.

Вашингтонъ, согласившійся на второе избраніе только по особеннымъ, исключительнымъ причинамъ, былъ все-таки того мнѣнія, что болѣе одного четырехъ-лѣтія президентъ служить не долженъ. Тогоже мнѣнія были Джефферсонъ и его партія. Мнѣніе это было заявлено съ особенною силою въ 1841 году Гаррисономъ, избраннымъ въ президенты союза, который въ своей рѣчи высказалъ мысль, что право вторичнаго избранія есть одна изъ ошибокъ конституціи, поводъ къ личному самолюбію, причина нравственной порчи,—и не должно существовать. Послѣ этого вторичные выборы въ Америкѣ не существовали, и исключеніе было сдѣлано только для Линкольна по исключительнымъ причинамъ.

Срокъ президентской службы считается съ 4-го марта и кончается 3-го марта вечеромъ черезъ четыре года. 4 Марта есть число вступленія въ управленіе Вашингтона, и оно сохранилось срокомъ президентской службы.

Чтобы быть избраннымъ въ президенты или въ вице-президенты, нужно быть гражданиномъ американскимъ, по рожденію имѣть 35 лѣтъ и послѣдніе 14 лѣтъ находиться въ Америкѣ. Впрочемъ, въ конституціи было допущено временное исключеніе для тѣхъ, кто участвовалъ въ революціи. Такъ Гамильтонъ, не родившійся въ Америкѣ, имѣлъ, однако, право на президентство.

Труднѣйшимъ вопросомъ при обсужденіи условій власти исполнительной былъ вопросъ объ избраніи президента. Предоставить это право всей массѣ народа казалось неудобнымъ, потому что при всякихъ президентскихъ выборахъ страна приходила бы въ лихорадочное волненіе. Была и еще причина, по которой казалось не-

удобнымъ поручить выборъ народу. Масса легко увлекается именемъ, и выборъ какого нибудь Бонапарта въ президенты республики, конечно, грозилъ бы опасностью ея свободѣ; съ другой стороны, оказывалось неудобнымъ поручить выборъ законодательному собранію, ибо ослабилась бы сила исполнительной власти. Большинство собранія—все-таки меньшинство народа; слѣдовательно, явились бы интриги, и исполнительная власть очутилась бы въ рукахъ законодателей.

Чтобы избѣгнуть того и другого неудобства, была придумана слѣдующая комбинація. Выборъ президента производится особыми избирателями, назначаемыми народомъ спеціально для этого дѣла, и каждый штатъ назначаетъ столькихъ президентскихъ избирателей, сколько онъ посылаетъ представителей и сенаторовъ въ федеральный конгрессъ. Этимъ хотѣли дать каждому штату такое же вліяніе при выборѣ президента, какое онъ имѣетъ въ остальныхъ общихъ дѣлахъ Союза.

Американцы, проявивъ большой либерализмъ въ организаціи своего внутренняго управленія, оказались, однако, далеко менѣе либеральны въ назначеніи президенту жалованья. Вашингтонъ и во время войны за независимость, и во время президентства не бралъ отъ правительства содержанія. Онъ расходовалъ свои деньги, и затѣмъ представлялъ счетъ издержкамъ. Въ должности президента Вашингтонъ проживалъ 25,000 долларовъ въ годъ, и эта цыфра принята нормой президентскаго жалованья. Нельзя не замѣтить, что норма эта слишкомъ мала, и что большинство президентовъ должны были дѣлать долги.

Правильная организація атрибутовъ исполнительной власти составляетъ тоже одну изъ задачъ, удовлетворительно разрѣшенную составителями американской конституціи.

Труднѣе всего было установить истинныя отношенія исполнительной власти къ власти законодательной. Многіе думаютъ въ Европѣ—преимущественно во Франціи—что законодательная власть есть и единственный представитель интересовъ страны, и приносятъ ей въ жертву власть исполнительную, точно она совершенно чужда народныхъ интересовъ. Американцы смотрѣли на это дѣло иначе; они понимали, что ихъ президентъ служитъ тоже народному дѣлу, какъ и остальные представители интересовъ страны, и потому полагали весьма справедливо, что исполнительная власть должна быть ограждена отъ поглощенія ея властію законодательною.

Допустимъ, что законодательное собраніе можетъ ошибаться ме-

нѣе и рѣже, чѣмъ одинъ человѣкъ; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что президентъ Союза не въ состояніи судить правильно объ интересахъ страны и понимать, что для нея хорошо и что дурно. Предположите, что законодательное собраніе придумало неудачный законъ. Можетъ ли президентъ ему воспротивиться? Конечно, можетъ, и потому американцы придумали слѣдующій порядокъ для обсужденія и утвержденія законодательныхъ мѣръ. Каждый новый законъ подвергается у нихъ тремъ испытаніямъ. Въ первый разъ палата представителей обсуживаетъ принципъ закона; во второе засѣданіе обсуживаются подробности, въ третье предлагаются дополненія, и законъ подвергается голосованію. Законъ, вотированный въ первой палатѣ, поступаетъ во вторую, и здѣсь обсуживается еще разъ; но сенатъ дѣлаетъ это не въ полномъ засѣданіи, а назначаетъ для разсмотрѣнія закона особую коммисію. Законъ, принятый сенатомъ, поступаетъ снова въ палату представителей. Въ случаѣ несогласія сената и палаты назначается коммисія смѣшанная, и, по устраненіи недоразумѣній, проэктъ закона посылается къ президенту. Въ случаѣ его согласія президентъ подписываетъ биль, и онъ становится закономъ страны.

Но если президентъ съ проэктомъ закона несогласенъ, то онъ отсылаетъ его въ палату вмѣстѣ съ своими замѣчаніями. Въ замѣчаніяхъ своихъ президентъ объясняетъ, почему онъ несогласенъ съ проэктомъ, въ чемъ именно страдаютъ интересы республики, чѣмъ именно нарушается конституція и т. д. Затѣмъ проэктъ, вмѣстѣ съ замѣчаніями, подвергается новому разсмотрѣнію палаты и сената. Теперь для успѣха биля требуется большинство двухъ третей голосовъ въ каждомъ собраніи, и производится публичная вотировка.

Впрочемъ до такой крайности дѣло никогда не доходитъ. Сенатъ, стоящій на стражѣ политическихъ интересовъ, не допуститъ обнаружиться разномыслію и раздору властей исполнительной и законодательной. Обыкновенно обсужденіе спорнаго закона откладывается до слѣдующей сессіи, или же онъ непринимается вовсе. Такъ какъ палата возобновляется каждые два года, то чрезъ новыхъ представителей легко узнать мнѣніе народа, и проэктъ можетъ быть возобновленъ именно въ томъ видѣ, какъ того желаетъ общественное мнѣніе.

Спеціальныя прямыя обязанности президента заключаются въ слѣдующемъ: президентъ есть главнокомандующій всѣми военными силами, сухопутными и морскими, а въ случаѣ необходимости и ми-

лиціей. Президентъ можетъ созвать милицію, когда странѣ грозитъ опасность. Но будучи главнокомандующимъ, это все-таки не значитъ, что президентъ самъ, лично, долженъ стоять во главѣ войска. Американцамъ нравится больше, чтобы ихъ президентъ имѣлъ характеръ гражданскій, и потому личное командованіе арміей американцы находятъ несовмѣстнымъ съ его правительственнымъ достоинствомъ. По отношенію къ арміи президентъ въ Америкѣ играетъ такую же роль, какъ короли монархическихъ государствъ: онъ назначаетъ начальниковъ и даетъ имъ инструкціи.

Рядомъ съ этой властью ввѣрено ему право заключать мирные трактаты. Впрочемъ американцы придали этому праву двойной характеръ: президентъ имѣетъ право заключить трактатъ, но трактатъ подвергается предварительно разсмотрѣнію сената, который можетъ дѣлать въ немъ измѣненія и дополненія. Палата представителей отъ участія въ заключеніи трактатовъ исключена вслѣдствіе ея многолюдства и неизбѣжной съ нимъ страстности. Трактатъ считается принятымъ, если президентъ и двѣ трети сенаторовъ согласны между собою.

Устраненіе палаты представителей отъ участія въ трактатахъ вызвало оппозицію противъ подобной независимости исполнительной власти. Въ 1796 г., при заключеніи Вашингтономъ трактата съ Англіей, палата представителей объявила, что такъ какъ она призвана вотировать законы для исполненія трактата, она то имѣетъ право обсуживать и самый трактатъ. Но Вашингтонъ былъ не такой человѣкъ, чтобы рѣшиться на уступку и нарушить конституцію. Онъ объявилъ, что такъ какъ согласно конституціи трактаты заключаются президентомъ и двумя третями сенаторовъ, то трактатъ съ Англіей будетъ исполненъ; палата представителей неимѣетъ никакого права его касаться, а если съ нимъ связаны какія нибудь финансовыя мѣры, то палата имѣетъ моральныя обязательства вотировать необходимый для того фондъ. Это мнѣніе Вашингтона было принято, но впослѣдствіи, однако, необходилось безъ оппозиціи со стороны палаты.

Президенту принадлежитъ право назначать чиновниковъ, но и здѣсь онъ связанъ вліяніемъ сената. Американцы, пользуясь своимъ прежнимъ колоніальнымъ опытомъ, рѣшили, что сенатъ долженъ принимать непремѣнно участіе въ назначеніи чиновниковъ: министровъ, посланниковъ, консуловъ, членовъ федеральнаго суда и т. д. Назначаетъ ихъ президентъ, но сенатъ одобряетъ назначеніе. Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что сенату дано право мѣ-

шаться въ дѣла администраціи. Онъ имѣетъ не больше, какъ простое veto, и въ случаѣ неодобренія сенатомъ выбора президента онъ дѣлаетъ новый выборъ. Мѣрой этой хотѣли достигнуть только того, чтобы президентъ назначалъ на службу способныхъ людей, не принять которыхъ нѣтъ никакого основанія. Что же касается до увольненія чиновниковъ, то право это предоставлено одному президенту. Онъ увольняетъ неисполнительнаго чиновника, и въ случаѣ несправедливости конституція не лишаетъ уволеннаго права принести на президента жалобу суду.

Въ помощь президенту дается кабинетъ, составляющій его министерство. Министровъ у американцевъ немного: иностранныхъ дѣлъ, военный, финансовъ, внутреннихъ дѣлъ, почтъ, и генеральный аторней. Генеральный аторней обязанъ давать свое мнѣніе во всѣхъ дѣлахъ внутренней и внѣшней политики, если напримѣръ, встрѣчается какое нибудь затрудненіе въ сношеніяхъ съ иностранной державой. Военный министръ, конечно, пожелаетъ начать войну. Но чтобы начать войну нужно имѣть на это право, и вотъ опредѣленіе этого юридическаго права и составляетъ обязанность генеральнаго аторнея. У континентальныхъ европейскихъ государствъ иногда пустыя причины ведутъ къ разрыву и къ войнѣ; у американцевъ этого не можетъ быть, и порывъ страсти сдерживается критическимъ отношеніемъ къ спорному вопросу и спокойнымъ юридическимъ его обсужденіемъ.

Если обратить вниманіе на то, что у американцевъ нѣтъ министерства духовныхъ дѣлъ, народнаго воспитанія, торговли, земледѣлія, общественныхъ сооруженій, то легко понять, что исполнительная власть не имѣетъ никакого повода и основанія превращаться въ народное опекунство, и имѣетъ мало точекъ соприкосновенія съ народомъ и поводовъ возбуждать, своимъ ненужнымъ вмѣшательствомъ въ его дѣла, его неудовольствіе.

Президентъ не имѣетъ законодательной инціативы; только конгрессу принадлежитъ право предлагать и вотировать законъ.

Президентъ есть лицо отвѣтственное. Въ случаѣ нарушенія имъ конституціи сенатъ объявляетъ, что онъ перестаетъ быть президентомъ и признается неспособнымъ занимать общественную должность. Что же касается до уголовнаго сужденія за вину, то обязанность эта принадлежитъ суду.

Президентъ Американскаго союза, несмотря на свою отвѣтственность, имѣетъ неменьшую власть, чѣмъ европейскіе конституціонные государи. Онъ единственный представитель и глава адми-

нистраціи страны. Вашингтонъ устроилъ себѣ кабинетъ, но эти члены кабинета были не больше, какъ его частные совѣтники и секретари, но не министры въ европейскомъ смыслѣ. Вашингтонъ правилъ одинъ. Впрочемъ эту систему въ настоящее время находятъ не совсѣмъ удобной и поговариваютъ объ отвѣтственныхъ министрахъ.

Американская организація исполнительной власти заслуживаетъ вниманія по своей простотѣ и по малому кругу дѣятельности центральнаго правительства. Провинціальная и муниципальная администрація, юстиція, воспитаніе, религія, стоятъ внѣ дѣятельности центральнаго правительства. Общество само заботится о своихъ нуждахъ этого рода и недопускаетъ вмѣшательства федеральной власти. Вотъ начало, изъ котораго возникаетъ американская привычка къ самоуправленію, и вотъ та школа, въ которой воспитываются американцы для своей общественной дѣятельности. Читателю будетъ теперь понятно, почему двадцатилѣтній американецъ гораздо способнѣе для веденія общественныхъ дѣлъ, чѣмъ сорокалѣтній европеецъ.

VII.

Рядомъ съ законодательной и исполнительной властью стоитъ у американцевъ власть судебная.

Европейскіе политическіе писатели, теоретики и организаторы согласны всѣ въ томъ, что эти три власти должны быть раздѣлены. Но только одни американцы съумѣли рѣшить этотъ вопросъ вполнѣ удовлетворительно, и создали изъ судебной власти—власть политическую.

Въ Америкѣ судебная власть есть власть политическая, являющаяся, какъ примиряющее начало, когда нужно согласить и примирить федеральные интересы съ интересами штатовъ и отдѣльныхъ лицъ. Судебная власть есть охранитель конституціи, охранитель правъ конгресса и миротворецъ отдѣльныхъ штатовъ. Изъ этого, однако, вовсе неслѣдуетъ, чтобы судебная власть американцевъ имѣла разъѣдающее вліяніе на крѣпость союзной связи и могла бы ослаблять силу и значеніе другихъ властей. Она небольше, какъ представитель высшаго правосудія и общихъ интересовъ страны.

Напримѣръ, если бы, по конституціи какого-либо европейскаго государства, народу предоставлялась, положимъ, полная религіозная свобода и, слѣдовательно, право составлять собранія, и въ то же время, законодательная власть установила, что собранія болѣе 20 человѣкъ запрещаются, какъ это, напримѣръ, во Франціи, то очевидно, что этотъ новый законъ уничтожилъ бы право, предоставляемое конституціей, и высшаго правосудія искать негдѣ. Въ Америкѣ не такъ. Предположимъ, что конгрессъ издалъ бы законъ, что въ видахъ общественной безопасности васъ слѣдуетъ арестовать и предать суду особой коммисіи. Во Франціи вамъ бы пришлось подчиниться безусловно этому постановленію; но въ Америкѣ вашимъ защитникомъ является судебная власть, которой вы протестуете, и она объявляетъ, что законъ, изданный конгрессомъ, какъ несогласный съ конституціей, не имѣетъ къ вамъ никакого отношенія. Или предположимъ, что конгрессъ въ частномъ процессѣ вотируетъ законъ, несогласный съ конституціей, и народъ, знающій что конгрессъ изображаетъ собою высшую власть, которой повиноваться слѣдуетъ, находится въ смущеніи; не зная, какъ примирить противурѣчія конституціи съ закономъ конгресса, обращается за рѣшеніемъ къ судебной власти, и судебная власть рѣшаетъ, что конституція, какъ основной законъ, должна взять перевѣсъ. Въ подобномъ правѣ судебной власти нѣтъ ничего такого, чтобы могло нарушать спокойствіе страны, а, напротивъ того, заключается величайшая гарантія народной свободы и общественной безопасности. Представители народа вовсе еще не народъ. Ихъ мѣры могутъ быть иногда слѣдствіемъ страстнаго возбужденія и вслѣдствіе того могутъ противорѣчить интересамъ большинства. Въ комъ искать народу защиты противъ своихъ представителей, предлагающихъ ему законъ, нарушающій его права? Это-то народное право и обязана судебная власть поддерживать во всей чистотѣ и охранять отъ посторонихъ вторженій.

Другая обязанность судебной власти отстаивать законы конгресса при столкновеніи ихъ съ законами штатовъ. Какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда судебная власть отстаиваетъ конституцію противъ покушенія на нее законодательной власти, такъ при столкновеніи конгресса съ штатомъ, она возстановляетъ авторитетъ конгресса. Если бы конгрессъ издалъ какой либо законъ, положимъ о внутренней комерціи, то ни одинъ штатъ неможетъ издать закона, который противурѣчилъ бы постановленію конгресса. Подобная власть верховнаго суда страны тѣмъ болѣе необходима, что, на-

примѣръ, при заключеніи торговыхъ трактатовъ съ другими государствами, могли бы встрѣтиться случаи, когда нѣкоторые штаты въ своекорыстныхъ цѣляхъ издали бы законы, несогласные со смысломъ трактата, и, слѣдовательно, исполненіе трактата оказалось бы невозможнымъ.

Американскій судъ имѣетъ три инстанціи. Суды первой инстанціи или провинціальные имѣютъ юрисдикцію въ предѣлахъ штата. Если штатъ слишкомъ великъ, то въ немъ бываетъ иногда два суда. Вторую инстанцію составляетъ судъ окружный. Въ настоящее время ихъ въ Америкѣ всего десять. Наконецъ, высшую инстанцію составляетъ судъ федеральный. Обыкновенно федеральный судъ есть судъ апелляціонный. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится рѣшать недоразумѣніе штатовъ, федеральный судъ судитъ непосредственно, какъ судъ первой инстанціи.

Въ Америкѣ судьи поставлены внѣ вліянія на нихъ народа. Ихъ избираетъ не страна, а назначаетъ президентъ, съ одобренія сената. Эта мѣра была установлена потому, что по мнѣнію американцевъ юстиція незаключаетъ въ себѣ ничего популярнаго, и судьямъ совершенно ненужно искать популярности.

Безошибочность американской системы организаціи судебной власти доказывается лучше всего тѣмъ значеніемъ и уваженіемъ, которымъ пользуются въ Америкѣ судьи. Рѣшенія американскихъ судовъ представляютъ истинные образцы юридической мудрости, и въ Англіи цитируются въ тамошнихъ судахъ, какъ руководящій авторитетъ. Никто никогда еще неусумнился въ Америкѣ въ способности членовъ федеральнаго суда. И этого я полагаю совершенно достаточно для убѣжденія читателя въ совершенствѣ организаціи американскаго правосудія. Но главная заслуга американцевъ все-таки не въ этомъ, а въ томъ, что они создали изъ суда власть политическую, и совершенно освободили ее отъ вліянія власти исполнительной.

VIII.

Въ третьей главѣ настоящей статьи уже говорилось, что новая конституція встрѣтила сильную оппозицію штатовъ и стоило большого труда убѣдить народъ принять ее.

Совершенно подобное же несогласіе существовало и въ конвентѣ, составлявшемъ конституцію.

Это несогласіе и разнорѣчіе мнѣній членовъ конвента совершенно понятно. Союза, подобнаго американскому, исторія народовъ не представляетъ; онъ есть новое созданіе. А создать новую организацію, новый народъ даже изъ такихъ готовыхъ элементовъ, какіе представляли штаты, и при той боязни лишиться свободы, какую американцы обнаруживали постоянно,—задача не совсѣмъ легкая. Мы видимъ, что во Франціи внутренняя политическая работа продолжается болѣе 80 лѣтъ, а результаты хорошихъ стремленій и до сихъ поръ почти незамѣтны. Что же значатъ тѣ 12 лѣтъ, втеченіи которыхъ созрѣла въ американцахъ мысль Союза и разработалась конституція со всѣми ея подробностями? Повторяю еще разъ, что исторія человѣчества не представляетъ еще подобнаго народа, какъ сѣверо-американцы, и такого удивительнаго факта, какъ тотъ процессъ, которымъ создалась сѣверо-американская союзная конституція. Если я скажу читателю, что составленіе ея продолжалось всего *три съ половиною мѣсяца*, то, конечно, читатель оцѣнитъ и безъ меня всю силу американскаго народнаго интеллекта и умственныя способности членовъ конвента.

Когда было приступлено къ составленію конституціи, то казалось, что примиреніе крайнихъ мнѣній будетъ совершенно невозможно. Одни хотѣли сохранить независимость штатовъ, другіе — создать федеративную централизацію. Тогда Франклинъ, какъ извѣстно, вовсе не отличавшійся набожностію и благочестіемъ, обратился къ собранію съ рѣчью: «въ началѣ нашей борьбы съ Великобританіею, въ этой самой залѣ молились мы каждый день, чтобы призвать на себя божественное покровительство. Наши молитвы были услышаны... Нѣсколько разъ мы испытали, что Провидѣніе заботится о насъ. И этому же самому Провидѣнію мы должны предоставить рѣшить, какими мѣрами лучше обезпечить наше будущее благоденствіе... Я жилъ долго, и чѣмъ живу я дольше, тѣмъ яснѣе я вижу несомнѣнныя доказательства той истины, что Богъ управляетъ человѣческими дѣлами. Если ни одинъ волосъ не можетъ упасть безъ его позволенія, вѣроятно ли, чтобы могло возникнуть безъ его помощи цѣлое государство?... Я думаю, что безъ божескаго содѣйствія мы успѣемъ къ нашей политической постройкѣ не болѣе, какъ строители вавилонской башни. Мы будемъ раздѣлены нашими жалкими частными интересами, мы сдѣлаемся позоромъ будущаго. Печальнѣе же всего будетъ то, что послѣ нашего несчастнаго примѣра человѣчество потеряетъ навсегда надежду осно-

вать правленіе силой человѣческой мудрости; оно предоставитъ это дѣло случаю, войнѣ, завоеваніямъ.»

Хотя предложеніе Франклина соотвѣтствовало общему настроенію, но его боялись принять, чтобы не обнаружить предъ народомъ несогласія членовъ учредительнаго собранія и не возбудить еще большаго волненія умовъ.

Мало по малу несогласіе утихло; но утихло оно не потому, чтобы явилось полное примиреніе мнѣній, а потому, что каждый рѣшился сдѣлать уступку, пожертвовать личнымъ самолюбіемъ, лишь бы достигнуть общаго блага.

Наконецъ, конституція составлена; нужно ее подписать. Новое несогласіе, никто ею не доволенъ, но все-таки ее подписываютъ всѣ, потому что лучше имѣть не вполнѣ совершенную конституцію, чѣмъ вовсе никакой.

Подписанная конституція посылается въ штаты для разсмотрѣнія: новое и, можетъ быть, самое большое препятствіе. Федерація и конституція являются такимъ громаднымъ нововведеніемъ, предъ которымъ робѣютъ самые смѣлые вожди народа

А между тѣмъ съ непормальнымъ положеніемъ страны нужно покончить: торговля ея уничтожена, промышленности нѣтъ, капиталы страны поглощены, до государственнаго банкротства остается только одинъ шагъ. Разсудительные люди требуютъ мира и порядка, ибо безъ нихъ экономическое процвѣтаніе невозможно; они требуютъ немедленнаго принятія конституціи. Противъ партіи мира выступаетъ другая партія—частію истинные патріоты, полагающіе, что благосостояніе Союза можетъ быть достигнуто совершеннѣе конституціею, составленною иначе,—частію политическіе аферисты, которымъ неправится, что съ уменьшившимся значеніемъ штатовъ уменьшится и ихъ значеніе... И всѣ эти несогласія примирить тѣмъ труднѣе, что каждый кричитъ о свободѣ, каждый выдаетъ себя за ея защитника, каждый дѣйствуетъ ея именемъ. Восторжествовать надъ этимъ хаосомъ взяли на себя представители федерализма въ лицѣ Гамильтона, Джея и Мадисона. Они издали цѣлый рядъ писемъ или статей, въ которыхъ обсуживаютъ всѣ политическіе вопросы, имѣющіе отношеніе къ Америкѣ, и доказываютъ, что интересъ страны требуетъ принятія конституціи.

Первый штатъ, принявшій конституцію, былъ маленькій Делаваръ. За нимъ послѣдовала Пенсильванія, гдѣ общественное мнѣніе было привлечено на сторону конституціи Вильсономъ и Франклиномъ. Франклинъ между прочимъ сказалъ, что если бы самъ

небесный ангелъ принесъ людямъ конституцію, то они и ею были бы недовольны; евреи были постоянно недовольны, несмотря на то, что ими управлялъ самъ Богъ. За Пенсильваніей послѣдовали Нью-Джерси, Георгія и Коннектикутъ; труднѣе согласился массачуссетсъ. Но его согласіе привлекло на сторону конституціи Мерилендъ, южную Каролину и Нью-Гемпширъ. Теперь оставалась Виргинія, штатъ, наиболѣе важный по своимъ политическимъ дѣятелямъ и по ихъ вліянію во время революціи. Отъ рѣшенія Виргиніи зависѣла судьба федераціи, потому что безъ Виргиніи и Нью-Іорка союзъ былъ немыслимъ. Во главѣ виргинской оппозиціи стоялъ страшный Патрикъ Генри, съ несокрушимымъ краснорѣчіемъ котораго бороться было трудно. Патрикъ Генри дѣйствовалъ на страсти и умѣлъ приводить въ смущеніе и волновать своихъ слушателей даже и тогда, когда былъ неправъ. Въ настоящемъ случаѣ Патрику было дѣйствовать тѣмъ легче, что онъ явился ярымъ защитникомъ свободы и независимости народа, и обвинялъ составителей конституціи въ узурпаціи, на которую народъ ихъ никогда не уполномочивалъ. Патрикъ говорилъ не дѣло, но тѣмъ не менѣе онъ разгромилъ своихъ противниковъ и склонилъ общественное мнѣніе къ себѣ. Нужно было уничтожить это вліяніе во что бы то ни стало, иначе Союзъ погибъ. Успокоителемъ возбужденныхъ Патрикомъ страстей явился Мадисонъ, а Витъ склонилъ окончательно собраніе на его сторону. Большинствомъ, но только пяти голосовъ, конституція была принята Виргиніею.

Наступило время выбора президента, назначили избирателей, у всѣхъ на устахъ было имя Вашингтона, и онъ избранъ единогласно. 4 марта 1789 г. сенатъ провозгласилъ Вашингтона президентомъ Союза, и 30 апрѣля Вашингтонъ явился въ конгрессъ для произнесенія присяги. Приэтомъ онъ произнесъ рѣчь, выдержками изъ которой я кончу настоящую статью. Рѣчь эта не блеститъ цвѣтами краснорѣчія, но въ ней есть больше, чѣмъ это; изъ нея видно, при какихъ условіяхъ возможна та форма правленія, творцами которой явились американцы. «Параграфъ, сказалъ Вашингтонъ, которымъ установлена исполнительная власть, возлагаетъ на президента обязанность рекомендовать вашему вниманію всѣ мѣры, находимыя имъ полезными или необходимыми. Въ настоящихъ обстоятельствахъ и при тѣхъ чувствахъ, которыя меня волнуютъ, я считаю лучше, вмѣсто рекомендаціи частныхъ мѣръ, заявить справедливое уваженіе къ талантамъ, правотѣ и патріотизму тѣхъ, кому предстоитъ ихъ скоро разсматривать и вотировать. Въ этомъ высокомъ

вашемъ призваніи я почерпаю увѣренность, что никакія предубѣжденія, никакія мѣстныя привязанности, никакой духъ партій не будутъ волновать того спокойствія и достоинства, которыя должны царить въ этомъ союзѣ общества и разнообразныхъ интересовъ; я почерпаю также увѣренность, что основы нашей національной политики будутъ покоиться на чистомъ и вѣчномъ принципѣ частной нравственности. Превосходство свободнаго правительства будетъ доказано всѣми тѣми нравственными качествами, которыя привлекаютъ къ себѣ сердца гражданъ и уваженіе міра. Я настаиваю на этой надеждѣ со всѣмъ тѣмъ восторгомъ, которымъ можетъ вдохновить меня моя горячая любовь къ моей родинѣ; ибо если есть на землѣ истина, прочно установившаяся, то истина эта въ томъ, что между добродѣтелью и счастіемъ, между обязанностію и интересомъ, между честной и благородной политикой и вознаграждающимъ ея процвѣтаніемъ и общественнымъ благополучіемъ существуетъ тѣсная, нерасторжимая связь. Подумайте о томъ, что небо не благословитъ никогда народа, который презираетъ вѣчный законъ порядка и справедливости, подумайте о томъ, что вашему охраненію порученъ священный огонь свободы, и что судьба республиканскаго правленія связана, можетъ быть, въ послѣдній разъ съ опытомъ, который производитъ Америка».

Н. Шелгуновъ.

ПѢСНЯ.

(Подражаніе Лермонтову)

Не давайте мнѣ дѣвицу,
Не давайте мнѣ коня...
Отворите лишь темницу—
Дайте мнѣ сіянье дня!

Что же мнѣ дворецъ высокій
И зеленый садъ кругомъ,
Если тьмою я глубокой
Окруженъ со всѣхъ сторонъ....

Мнѣ не нуженъ, слава Богу,
Вашъ янтарный виноградъ...
Дайте хлѣба—хоть немного—
И тому я былъ бы радъ.

Пусть фонтанъ, не умолкая,
Въ залѣ мраморномъ звучитъ:
Пусть онъ васъ, въ мечтаньяхъ рая,
Хладной пылью орошая,
Усыпитъ и пробудитъ.

Дорогъ мраморъ—нѣтъ въ немъ счастья,
Это знаете и вы...
Только, только отъ ненастья
Мнѣ защиту, дайте вы.

Дайте избу поновѣе,
Попросторнѣй, посвѣтлѣй,
Да почище, потеплѣе
Бѣдной хижины моей...

Чтобъ зимой не завывала
Въ ней бездомная мятель;
И, какъ няня, не качала
Бѣдныхъ дѣтокъ колыбель.

Чтобы дождикъ протекая
Мать, больную не мочилъ
Чтобы вѣтеръ, пролетая,
Крышу наземь не валилъ!

А челнокъ—челнокъ досчатый,
Полусгнившая скамья,
Парусъ сѣрый и лохматый...
Есть все это у меня!

Въ челнокѣ пускаюсь въ море,
Спорю съ прихотью пучинъ,
Мычу вѣчное я горе...
И гуляю на просторѣ
Беззащитенъ и одинъ!

А. **Мясоѣдовъ**.

дни своихъ побѣдъ и величія, одинъ, совершенно одинъ долженъ былъ выстрадать эпоху своего тяжелаго горя! По странной аналогіи человѣческихъ судебъ этотъ аргентинскій народъ, возникшій въ дикихъ лѣсахъ, чтобы даровать свободу множеству людей и призвать ихъ къ свѣжей, обновленной жизни, — этотъ народъ, казалось, былъ предназначенъ къ великимъ подвигамъ и великимъ потрясеніямъ, и долженъ былъ всегда оставаться великимъ—въ доблестяхъ и преступленіяхъ. Да, даже преступленія этого народа, проливпія море слезъ и крови, носятъ оригинальный, чудовищно-грозный характеръ, возвышающій ихъ надъ вульгарными злодѣйствами, потрясающими и обезображивающими гражданскую и политическую жизнь другихъ народовъ.

Одинокій, всѣми оставленный, народъ этотъ сознавалъ, однакоже, свое настоящее положеніе, и инстинктивно, при помощи того внутренняго чутья, которымъ мы всегда угадываемъ наши грядущія бѣдствія, предсказывалъ себѣ, что неумолимая рука тиранніи обрушитъ на его голову новый ударъ, который будетъ ужаснѣе всѣхъ, прежде уже пережитыхъ, но для отраженія котораго несчастный народъ Буэносъ-Айреса не имѣлъ никакихъ средствъ, не имѣлъ даже энергической воли запастись какъ нибудь ими...

Паническій ужасъ — эта ядовитая болѣзнь, оподляющая душу и притупляющая смыслъ,—эта эпидемія, ужаснѣйшая изъ всѣхъ, начинала проникать во всѣ семейства. Отцы боялись своихъ дѣтей, друзья недовѣряли друзьямъ, подлая подозрительность, закравшаяся во всѣ души, взвѣшивала каждое слово, каждый поступокъ сосѣда, и мучила всѣхъ самымъ тяжелымъ и безотраднымъ недовѣріемъ.

Всякій молился въ сокровеннѣйшей глубинѣ своихъ помысловъ за побѣду освободителей; но мысль, что послѣдніе нароксизмы диктатуры будутъ смертельны для тѣхъ, которые имѣютъ несчастіе находиться къ ней близко, — эта ужасная мысль до того пугала все общество, что самые заклятые враги правительства желали, чтобы торжество правды произошло внезапно, мгновенно, чтобы оно поразило тирана прямо въ голову съ быстротой и силою молніи, и этимъ предотвратило бы всякую

ночи, которыхъ еще не успѣло поднять солнце изъ уличной грязи. Еще съ первыхъ чиселъ апрѣля зима 1840 года началась неумолимыми проливными дождями, какъ будто сама природа съ злою радостью издѣвалась надъ ужаснымъ положеніемъ, начинавшимся въ этомъ году для аргентинскихъ гражданъ. Однако, свѣжій вѣтерокъ, напоенный ароматомъ фіалокъ и жасминовъ, устилавшихъ въ это время года окрестныя равнины, наполнялъ городъ тонкой благоуханной атмосферой, которою дышать было необыкновенно легко и отрадно.

Всюда царило лѣнивое затишье, всюду — безмолвіе и пассивная нѣга.

Съ восточной стороны, на горизонтѣ величественной рѣки, благодатный небесный сводъ принималъ перламутровый и золотой отливы по мѣрѣ того, какъ солнце поднималось выше въ своемъ лучезарномъ шествіи къ зениту, и послѣднія тѣни ночи угрюмо собирались слабыми, блѣдными кучками на западѣ, преслѣдуемыя побѣдителемъ — свѣтомъ..

О, зачѣмъ этотъ грозный, таинственный саванъ мрака не висѣлъ вѣчно надъ городомъ, отъ котораго отвернулось предвѣчное милосердіе! Если надъ головами этихъ несчастныхъ смертныхъ было изрѣчено разгнѣваннымъ божествомъ роковое проклятіе, — зачѣмъ же, зачѣмъ земля не вращалась для нихъ безъ солнца и безъ звѣздъ, чтобы преступленія и подлость людей не могли профанировать этотъ блескъ мая, видѣвшій тридцать лѣтъ тому назадъ столько достославныхъ событій?... Но природа какъ будто нарочно старается выставить передъ людьми все свое неумолимое могущество именно въ то время, когда человѣчеству хотѣлось бы видѣть въ ней какія нибудь признаки участія къ своимъ страданіямъ. Подъ мрачнымъ покровомъ ночи царственная рука отворила окно дворца и подала сигналъ къ варѳоломеевскому избіенію, и на слѣдующій день дивное солнце, взошедшее во всемъ своемъ блескѣ, озолотило своими лучами кровавыя лужи и групы жертвъ, которыхъ послѣдній предсмертный вздохъ замолкъ давнымъ давно до разсвѣта...

Подобно природѣ, все человѣчество также оставалось равнодушнымъ къ бѣдствіямъ, мрачными тучами собиравшимся надъ головою невиннаго аргентинскаго народа. Одинъ онъ ратовалъ въ

ДРУЗЬЯ — ХУЖЕ ВРАГОВЪ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Разсвѣтъ.

Утренняя заря 5-го мая смѣнила, наконецъ, эту роковую ночь, свидѣтельницу ужаснаго преступленія и еще болѣе преступныхъ замысловъ.

Нѣжный, румяный проблескъ неба, возвѣщавшій появленіе лучезарнаго источника жизни, не могъ осушить самымъ ласковымъ своимъ лучомъ невинную кровь, обагрившую цвѣтущій берегъ рѣки, поднимавшійся надъ волнами въ своемъ покровѣ изъ розъ и жасминовъ. Однако, этотъ проблескъ осеребрилъ башни и капитоли величественной столицы, которую поэты называютъ «императрицею Ла-Платы, Аѳинами и Римомъ Новаго Свѣта».

Заснувъ на своей обширной, мягкой равнинѣ, этотъ городъ, сибаритъ и аристократъ по самой своей природѣ, казалось, лѣнился пошевелиться и хотѣлъ даже послѣ разсвѣта продлить свою ночную дремоту. Въ широкихъ и прямыхъ улицахъ, внизу квадратныхъ домовъ, еще бродили смутныя, сумеречныя тѣни, отъ которыхъ щурятся глаза, а на душѣ дѣлается какъ-то невыразимо жутко.

Южный вѣтерокъ, всегда чистый и свѣжій въ южныхъ широтахъ Америки, провожалъ изъ города густые, влажные пары

возможность звѣрскаго мщенія со стороны деспота. Когда же при достиженіи этой цѣли представлялись препятствія времени, разстоянія и обстоятельствъ, то люди, отъ всей души ненавидѣвшіе диктатора, втайнѣ боялись приближенія рѣшительной минуты. Таковъ первый симптомъ ледянаго ужаса, который долженъ былъ овладѣть всѣми умами!

И таково было моральное настроеніе жителей Буэносъ-Айреса въ то время, къ которому относится начало нашего разсказа.

И въ тотъ часъ, когда румяная заря загоралась на небѣ и когда безмолвное затишье въ городѣ едва нарушалось однообразнымъ стукомъ повозокъ, ѣхавшихъ на рынокъ, по улицѣ Побѣды шелъ, величественно опираясь на трость, какой-то господинъ, высокаго роста, поджарый, не то что съ блѣдной, а скорѣе съ восковой физіономіей, на которой рѣзко отпечатлѣвались пятьдесятъ или даже пятьдесятъ пять лѣтъ прожитой жизни. Этотъ старичекъ шагалъ съ такою мѣрною важностью, какъ будто вышелъ изъ дому только для того, чтобы подышать свѣжимъ утреннимъ воздухомъ и, ранѣе всѣхъ другихъ гражданъ, показать восходящему солнцу свой огромный цвѣтной жилетъ, спускавшійся даже на животъ, и федеральные знаки, украшавшіе грудь и шляпу этого господина. При всемъ томъ, случайно ли или умышленно, старичекъ имѣлъ несчастіе ронять свою прекрасную камышевую трость съ ручкою изъ слоновой кости два или три раза, на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ саженъ, и палка постоянно падала позади шедшаго, что заставляло его отступать на нѣсколько шаговъ назадъ, чтобы поднять свою палку и — что было очень естественно — бросить взглядъ на пройденное разстояніе, т. е. по направленію къ полю, такъ какъ господинъ этотъ шелъ съ западной стороны, и по улицѣ Побѣды пробирался къ площади.

Когда трость совершила уже отъ двадцати до двадцати пяти паденій, владѣлецъ ея остановился у двери, уже извѣстной нашимъ читателямъ: то была та самая дверь, въ которую нѣсколько часовъ тому назадъ вошелъ Даніэль, сопровождаемый своимъ слугою.

Прогуливавшійся господинъ прислонился къ уличному столбу, снялъ съ головы шляпу и принялся приподнимать и еро-

шить свои волосы, какъ это нѣкоторые дѣлаютъ въ самый нестерпимый лѣтній зной. Однако, быть можетъ случайно или по разсѣянности, но только старичокъ началъ обозрѣвать улицу направо и налѣво, и лишь убѣдившись, что возлѣ него не было ни одной живой души, по крайней мѣрѣ, на разстояніи версты, онъ постучалъ ручкой двери, не желая — мы не беремся рѣшать почему — взяться за назначенный для этой цѣли массивный молотокъ, сдѣланный въ видѣ бронзоваго льва и привѣшенный къ двери.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Ангелъ и демонъ.

Не удовлетворяя любопытства читателя, быть можетъ, возбужденнаго въ немъ появленіемъ новой личности въ нашемъ разсказѣ, и прося у добраго старичка Сатурна позволенія не слѣдовать за его мѣрнымъ ходомъ, сдѣлаемъ скачекъ отъ зари къ двѣнадцати часамъ одного изъ тѣхъ дней, когда благодатное небо южной Америки въ буквальномъ смыслѣ кажется блестящимъ пологомъ изъ голубого атласа. Поспѣшимте поскорѣе въ догонку за желтой каретой, запряженной парою прекрасныхъ вороныхъ коней, которые, оставивъ домъ генерала Мансильи, бѣгутъ рѣзвой рысью и стучатъ своими огромными подковами по мостовой улицы Потози. Впрочемъ, не мы одни, по всей вѣроятности, будемъ слѣдовать за экипажемъ: буйное любопытство и пылкое воображеніе двадцати-лѣтней молодежи сильно разгораются при видѣ ручки, высунутой сквозь открытое окошко проѣзжающей мимо кареты и спрятанной въ блестящую палевую перчатку, такую нѣжную, что она кажется скорѣе нарисованною, чѣмъ надѣтою. Прибавьте къ этому бѣлоснѣжные, кружевные нарукавнички, ласкающіе эту ручку своими крошечными, лилѣйными волнами, и вы легко догадаетесь, что то — божественная ручка... Но женщина, которой

она принадлежитъ, гораздо менѣе ея любезна, и, откинувшись въ уголъ кареты, скрываетъ свое лицо отъ взглядовъ прохожихъ.

Экипажъ повернулъ въ Каменную улицу и, проѣхавъ нѣсколько далѣе, остановился передъ домомъ, котораго ворота совершенно справедливо могли быть названы «вратами дантова ада»: такъ поражали они глазъ своею ярко-красною, огненною краскою.

Изъ экипажа вышла или скорѣе выпорхнула по двумъ ступенькамъ молоденькая женщина, слегка положивъ свою ручку на плечо лакея. Этотъ граціозный прыжокъ обнаружилъ на одно мгновеніе изъ-подъ волнистаго платья крошечную ножку, обутую въ фіолетовую ботинку. Женщинѣ этой можно было насчитать не болѣе семнадцати или восемнадцати лѣтъ; она была хороша, какъ... очаровательна, какъ... какъ первый лучъ утренней зари, — и да проститъ намъ читатель это нѣсколько эфирное сравненіе... Русые, золотистые локоны, выбѣгавшіе изъ-подъ граціозной соломенной шляпки, рѣзво разсыпались вокругъ лица, которое, казалось, похитило свѣжесть и цвѣтъ у самой роскошной розы. Широкій, умненькій лобъ, влажные, голубые глазки,—такіе же лазоревые, какъ и свѣтившееся въ нихъ небо, и увѣнчанные тоненькими, дугообразными бровями, болѣе темными, чѣмъ волосы, — хорошенькій, почти прозрачный носикъ съ тѣмъ легкимъ изгибомъ, который служитъ признакомъ богатаго воображенія и свѣтлаго ума, наконецъ, крошечный, розовый ротикъ съ нижнею губою, выступавшею впередъ на нѣсколько линій далѣе верхней, — что было, пожалуй, очаровательнымъ недостаткомъ и дѣлало ее похожею на принцессъ австрійскаго дома, — вотъ все, что можно прибавить къ портрету этого прелестнаго, добраго личика, котораго каждая черта обнаруживала благородство души, и чистоту помысловъ, и для изображенія котораго перо всегда оказывается никуда негоднымъ...

Прибавьте къ этому тоненькую талію въ нѣсколько дюймовъ въ обхватѣ, поддерживавшую алебастровый вазонъ, сверху котораго, какъ цвѣтокъ, помѣщалась прелестная головка, — и вы будете имѣть хотя отдаленное понятіе о молоденькой женщинѣ,

выпрыгнувшей изъ экипажа. Она была одѣта въ шелковое платье гіацинтоваго цвѣта, а на плечи ея была наброшена бѣлая кашемировая шаль съ оранжевою бахромой. Во всемъ ея существѣ было что-то воздушное, неуловимое; эти тонкія очертанія личика, эти формы, слегка обрисованныя нѣжной, влюбленной кистью природы, казались скорѣе золотымъ идеаломъ поэта, чѣмъ живымъ существомъ, обреченнымъ прозябать вмѣстѣ съ нами въ нашемъ прозаическомъ мірѣ. Молоденькая дамочка взошла на крыльцо, и должна была призвать къ себѣ на помощь всю крѣпость нервовъ, чтобы пройти сквозь пеструю толпу негритянокъ, мулатокъ, китаекъ, гусей, куръ и разныхъ другихъ животныхъ; тутъ же толпились какіе-то люди, пестро одѣтые съ ногъ до головы, и по своей наружности обѣщавшіе рано или поздно попасть на висѣлицу. И вся эта ярмарка загромождала наружную галлерею и часть двора дома, въ которомъ жила донья Марія-Хозефа Эскурра, belle-soeur донъ Хуана-Мануэля Розаса. Къ ней-то теперь и пожаловала наша молоденькая красавица.

Не безъ малаго труда она дошла до двери пріемной, потомъ постучалась легонько въ стекло и вошла въ дверь, надѣясь застать здѣсь кого нибудь, у кого бы можно было спросить о хозяйкѣ дома. Но въ пріемной она увидѣла только двухъ мулатокъ и трехъ негритянокъ, которыя, усѣвшись комфортабельно и пачкая своими грязными ногами покрывавшую полъ бѣлую цыновку, плетеную изъ испанскаго дрока, фамильярно бесѣдовали съ солдатомъ, по физіономіи котораго трудно было рѣшить, гдѣ оканчивалось животное и гдѣ начинался человѣкъ.

Эта публика посмотрѣла дерзкими, любопытными глазами на вошедшую, на которой единственными знаками федераціи были только кончики крошечнаго розоваго бантика, приколотаго съ лѣвой стороны шляпки, тогда какъ находившіеся въ пріемной были щедро изукрашены этими знаками.

Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ въ пріемной царило молчаніе.

— Дома ли донья Марія-Хозефа? спросила молодая дамочка, не обращаясь прямо ни къ кому изъ присутствовавшихъ лицъ.

— Дома, но занята, отвѣчала одна изъ мулатокъ, не поднимаясь со стула.

Одно мгновеніе молоденькая дамочка колебалась: но потомъ, рѣшившись выйти изъ этого затруднительнаго положенія, подошла къ одному изъ оконъ, выходившихъ на улицу, отворила его и кликнула своего лакея.

Тотъ не замедлилъ явиться, и чуть только перешагнулъ чрезъ порогъ пріемной, молоденькая госпожа сказала ему:

— Постучись въ дверь, выходящую во второй дворъ этого дома и спроси, не можетъ ли сеньора донья Марія-Хозефа принять у себя сеньориту Флоренсію Дюпаскье.

Повелительный тонъ этихъ словъ внезапно озадачилъ шестерыхъ особъ, почувствовавшихъ на себѣ то моральное, импонирующее дѣйствіе, какое всегда оказываютъ на грубыя, темныя головы порядочные люди, когда умѣютъ держать себя на нравственной высотѣ, каково бы ни было положеніе, въ которое они поставлены.

Эта разноцвѣтная публика, вмѣстѣ со всѣмъ классомъ, къ которому она принадлежала, осмѣливалась думать, будто общество сломило всѣ препоны, сдерживающія напоръ мутныхъ человѣческихъ волнъ, и будто все общество это сосредоточилось въ одномъ семействѣ.

Флоренсія — въ которой читатели наши, вѣроятно, узнали капризнаго ангела, игравшаго сердцемъ Даніэля — подождала одну минуту.

Дѣйствительно, скоро явилась опрятно одѣтая горничная, вѣжливо попросившая хорошенькую гостью обождать немного.

Затѣмъ горничная сообщила пяти дамамъ федераціи, что сеньора не можетъ принять ихъ до вечера, но чтобы вечеромъ онѣ потрудились зайти опять.

Дамы не замедлили ретироваться, но при выходѣ одна изъ негритянокъ сердито посмотрѣла на ту, которая была причиной ихъ изгнанія. Этотъ злобный взглядъ, однако, потерялся въ воздухѣ, потому что Флоренсія съ первой минуты своего появленія въ пріемной уже ни разу не посмотрѣла на этихъ странныхъ посѣтительницъ невѣстки буэносъ-айресскаго губернато-

ра, или скорѣе на эти тучи, пропитанныя зачумленнымъ воздухомъ и принадлежавшія къ темно-красному небу федераціи.

Горничная ушла, но солдатъ, не получившій формальнаго приказанія ретироваться и призванный сюда еще прежде, счелъ себя вправѣ сѣсть, по крайнѣй мѣрѣ, за дверью комнаты, на порогѣ. Флоренсія осталась, наконецъ, совершенно одна.

Усѣвшись на единственный диванъ, находившійся въ пріемной, и закрывъ свои прелестные глазки маленькими ручонками, дѣвушка просидѣла нѣсколько секундъ въ такомъ положеніи, какъ будто желала успокоить свое зрѣніе и душу послѣ отвратительныхъ и неожиданныхъ сценъ, поразившихъ юную гостью при входѣ въ этотъ домъ.

Между тѣмъ донья Марія-Хозефа, находившаяся въ смежной комнатѣ, торопилась выслать отъ себя двухъ женщинъ, съ нею разговаривавшихъ, и при этомъ складывала на столѣ цѣлую кучу прошеній, поступившихъ къ ней сегодня съ приложеніемъ приличныхъ подарковъ въ видѣ, напримѣръ, гусей и куръ, шнырявшихъ по галлереѣ. Прошенія эти чрезъ руки доньи Маріи-Хозефы должны были перейти на благоусмотрѣніе его высокопревосходительства Возстановителя, хотя его высокопревосходительство Возстановитель отлично зналъ, что ни одно изъ нихъ его не побезпокоитъ. Итакъ, хозяйка дома торопилась, потому что сеньорита Флоренсія Дюпаскье, доложившая о себѣ теперь, по своей матери принадлежала къ одной изъ древнѣйшихъ и знатнѣйшихъ фамилій въ Буэносъ-Айресѣ, и фамилія эта издавна находилась въ короткихъ, почти родственныхъ отношеніяхъ къ Розасамъ, хотя, въ настоящее время, подъ предлогомъ отсутствія г-на Дюпаскье, его жена и дочь очень рѣдко появлялись въ обществѣ.

Быть можетъ, читатель пожелаетъ узнать, какія такія у Маріи-Хозефы были дѣла съ негритянками и мулатками, наводнявшими ея домъ. Впослѣдствіи мы это узнаемъ, а теперь достаточно сказать, что въ невѣсткѣ Хуана-Мануэля Розаса прозябали очень многія изъ дурныхъ сѣмянъ, которыя злобный врагъ человѣческаго рода сѣетъ между нами средп ночного мрака, какъ увѣряетъ фантазія Гоффмана. Періодъ времени отъ 1833—1835 года не можетъ быть объясненъ въ нашей исто-

рія безъ знакомства съ личностью и дѣятельностью супруги Хуана-Мануэля Розаса, которая хотя и не была женщина съ положительно грубымъ, развращеннымъ сердцемъ, тѣмъ не менѣе обладала большою энергіей и мужествомъ для политическихъ интригъ; 1839-й, 1840-й и 1842-й года остались бы не вполнѣ объяснимыми для насъ, если бы мы не знали, что на «историческомъ позорищѣ» дѣйствовала донья Марія-Хозефа Эскурра. Этихъ двухъ сестрицъ, по всей справедливости, мы должны назвать политическими личностями, которыхъ рѣшительно нельзя игнорировать; во-первыхъ, онѣ сами этого не хотѣли, во-вторыхъ, человѣческія дѣйствія въ области общественныхъ событій неимѣютъ ничего общаго съ поломъ.

Природа не создала невѣстку Розаса способною къ характеристическимъ ощущеніямъ женскаго сердца. Неусыпная, тревожная дѣятельность и дикій огонь политическихъ страстей должны были служить ежедневной пищей для души этой барыни.

Особенныя обстоятельства ея жизни развили эти зародыши, вложенные въ нее самой природою. Положеніе ея зятя и кровавыя смуты въ аргентинскомъ обществѣ открывали для этой женщины обширную, бурную, ужасную сцену, какой только могла пожелать подобная дикая натура.

Еще никогда умственно темное, лишенное всякихъ талантовъ и свѣденій существо не оказало деспоту такихъ важныхъ услугъ, какія оказала Розасу эта госпожа, если только о важности услугъ судить по суммѣ зла, какое тиранъ можетъ сдѣлать гражданамъ; невѣстка Розаса съ неслыханною энергіей, постоянствомъ, даже упорствомъ облегчала ему случаи къ нанесенію зла и еще болѣе распаляла эту демонскую страсть, вѣчно клокотавшую огненною лавою въ его груди....

При всемъ томъ эта женщина ратовала не ради какихъ нибудь побочныхъ разсчетовъ; нѣтъ, она дѣйствовала подъ вліяніемъ искренней страсти, непритворной фанатической преданности своему брату и его насилію. Въ своей слѣпой, яростной, упорной ненависти къ унитаріямъ, она была лучшимъ олицетвореніемъ этой эпохи индивидуальнаго и соціальнаго безумія, порожденнаго диктатурой Розаса. Эта мрачная эпоха, еще до

сихъ поръ строго не изслѣдованная, можетъ привести въ ужасъ современное поколѣніе, когда оно увидитъ, до какой степени могутъ быть извращены нравственные принципы юнаго общества, когда извращеніе это навязывается сильною рукою, сталкивающеюся съ частною доброю нравственностью — безпомощною и легко увлекаемою вихремъ общественныхъ оргій, потому что индивидуальнымъ добрымъ качествамъ недостаетъ непреоборимой силы ассоціаціи. Солидарность идей, добрыхъ побужденій, людей, наконецъ, не существовала въ средѣ этого народа, съ дѣтской наивностью думавшаго, что достаточно храбро драться для того, чтобы быть свободною, сильною и великою націей.

При этомъ всеобщемъ разладѣ, при этой плачевной общественной дисгармоніи, люди, чувства добра и правды, принципы совѣсти и чести—все пришло въ страшный хаосъ, столкнувшись съ организованной, плотно сплоченной силой преступленія, эксплоатировавшей для успѣха этой борьбы всѣ дурные инстинкты невѣжественной и страстной черни, которая ждала только удобной минуты, чтобы возмутиться противъ лучшаго общественнаго порядка, начинавшаго стѣснять необщественныя привычки дикаго аргентинскаго плебса....

Наконецъ, дверь пріемной отворилась, и изящная ручка хорошенькой Флоренсіи очутилась въ шершавой лапѣ доньи Маріи-Хозефы. Это была приземистая, сухопарая, клячеподобная баба съ костлявой физіономіей, мышиными глазками и растрепанными сѣдыми волосами, въ которыхъ красовался огромный бантъ краснаго цвѣта. Ей было лѣтъ подъ шестьдесятъ, но лицо ея, скомканное разгуломъ адскихъ страстей, казалось гораздо старѣе.

— Вотъ такъ сюрпризъ! Настоящее чудо!.. А почему же съ вами не пожаловала также донья Матильда? проговорила она, садясь на диванъ съ правой стороны Флоренсіи.

— Мамаша не такъ здорова, но поручила мнѣ передать вамъ поклонъ, искренно сожалѣя, что не можетъ видѣться съ вами лично.

— Если бы я не знала такъ хорошо донью Матильду и ея семейство, то, право, подумала бы, что она заразилась бредня-

ми унитаріевъ; теперь вѣдь дамъ унитаріевъ можно легко узнать по тому уединенію, въ какомъ онѣ живутъ. Настоящія схимницы! А знаете ли, почему запираются эти дуры?

— Я? Нѣтъ, не знаю, сеньора. Почему же я это могу знать?

— Онѣ прячутся, чтобы не употреблять девиза, какъ это приказано, или боятся, чтобъ его не приклеили къ нимъ клейстеромъ, и въ этомъ, онѣ, безтолковыя, совершенно ошибаются, потому что я скорѣе приколотила бы имъ девизъ къ головѣ гвоздемъ, чтобъ онѣ не снимали его даже дома и... однако, вы также, Флоренсита, носите его не такъ, какъ слѣдуетъ.

— Все-таки ношу, сеньора.

— Ношу! ношу! это тоже, что ничего не носить. Такъ носятъ и дамы унитаріевъ. Хотя вы и дочь француза, я не считаю васъ, однако, такою нечистою и смрадною (inmunda y asquerosa), какъ всѣ они. Вы носите девизъ, но...

— И этого съ меня достаточно, сеньора, сказала Флоренсія, прерывая ее и желая сама дать направленіе разговору, чтобы немного укротить эту человѣческую фурію, въ которой скупость была одною изъ преобладающихъ добродѣтелей.

— Я ношу девизъ, продолжала гостья, — и имѣю при себѣ также вотъ это ничтожное приношеніе, которое мамаша желаетъ передать вашими почтенными руками въ домъ призрѣнія бѣдныхъ женщинъ, такъ какъ мы наслышались, что касса этого заведенія находится въ плачевномъ состояніи.

И Флоренсія вынула изъ кармана своего платья маленькій бумажникъ, оправленный въ слоновую кость; здѣсь были четыре сложенные банковые билета, перешедшіе теперь въ руки доньи Маріи-Хозефы. Флоренсія сочинила маленькую басню; сумма эта образовалась изъ тѣхъ денегъ, которые отецъ Флоренсіи выдавалъ ей ежемѣсячно на дѣла милосердія и на разныя мелкія женскія надобности съ того дня, когда дѣвушкѣ миновало четырнадцать лѣтъ.

Хозяйка развернула билеты и выпучила свои глаза, чтобы вдоволь полюбоваться цифрой 100, выставленной на каждомъ билетѣ. Затѣмъ, сложивъ опять билеты и засунувъ ихъ между своимъ чернымъ платьемъ и грудью, она сказала съ тѣмъ ра-

достнымъ выраженіемъ удовлетворенной скаредности, которое такъ хорошо скопировалъ Мольеръ:

— Вотъ такъ дѣлаютъ добрые федералы! Скажите вашей мамашѣ, что я сообщу Хуану-Мануэлю объ этомъ благородномъ поступкѣ, дѣлающемъ большую честь ея сердцу, а деньги завтра же отправлю къ сеньору Хуану-Карлосу Розадо, эконому въ домѣ призрѣнія.

И при этомъ старуха сжимала рукою билеты, какъ будто боялась, чтобы высказанная ею ложь не обратилась какъ нибудь въ дѣйствительность.

— Мамаша желала бы, чтобы дѣло это не получало никакой огласки, такъ какъ оно составляетъ для нея долгъ совѣсти. И притомъ вамъ извѣстно, что сеньоръ губернаторъ не имѣетъ времени обращать свое вниманіе на всевозможныя мелочи. Онъ весь занятъ войною, и если бы у него не было васъ и Мануэлиты, то едва ли бы онъ могъ успѣшно справиться со всѣми своими дѣлами.

Лесть гораздо легче находитъ доступъ къ испорченнымъ сердцамъ, чѣмъ къ добрымъ, и Флоренсія окончательно обворожила хозяйку своей второй любезностью.

— Чтожъ, надо какъ нибудь помогать бѣдняжкѣ! отозвалась она, разваливаясь на диванѣ.

— Не знаю, здорова ли Мануэлита. Говорятъ, что она не спитъ по цѣлымъ ночамъ, и это можетъ заставить ее, напослѣдокъ, слечь въ постель, сказала Флоренсія тономъ живѣйшаго соболѣзнованія.

— Захвораетъ, непремѣнно захвораетъ. Сегодня ночью, напримѣръ, она не ложилась спать до четырехъ часовъ утра.

— До четырехъ часовъ?

— Да, она легла еще позже, когда уже пробило четыре.

— Но мнѣ кажется, что въ городѣ мы избавлены теперь къ счастью отъ всякихъ тревогъ.

— Что вы говорите? Такъ и видно, душечка, что вы не слѣдите за политикой. Теперь-то и нужно удвоить, утроить блительность.

— Охотно вѣрю. Я не посвящена въ тѣ тайны, которыя такъ достойно сохраняете вы вмѣстѣ съ Мануэлитой, но я по-

лагала только, что такъ какъ театръ войны находится въ Энтреріосѣ, а мы значительно отдалены отъ этой провинціи, то здѣшніе унитаріи не могутъ слишкомъ безпокоить правительство.

— Бѣдняжечка! Вы возитесь только съ вашими шляпками да нарядами. А что вы скажете на счетъ эмиграціи отсюда?

— О, этого имъ невозможно запретить! Берегъ великъ.

— Что, что такое, нельзя запретить?..

— Мнѣ такъ кажется.

— Почему же вамъ такъ кажется, ха, ха, ха?.. разразилась старуха адскимъ смѣхомъ, обнаруживъ три послѣдніе искрошенные желтые зуба, торчавшіе въ ея нижней челюсти, — знаете ли вы, сюлькихъ изловили сегодня ночью?

— Незнаю, сеньора, отвѣчала Флоренсія тономъ полнѣйшаго равнодушія.

— Четырехъ, душка моя.

— Неужели?

— Да, четырехъ молодцовъ.

— Но эти уже не убѣгутъ, потому что теперь, вѣроятно, уже арестованы.

— О, что они не убѣгутъ—за это я вамъ ручаюсь, потому что противъ нихъ приняты лучшія мѣры, чѣмъ тюрьма.

— Въ самомъ дѣлѣ? отозвалась Флоренсія съ притворнымъ удивленіемъ, какъ будто ничего не зная о судьбѣ этихъ несчастныхъ. Но отъ сеньоры Мансильи, съ которой она видѣлась съ часъ тому назадъ, Флоренсія уже узнала о страшныхъ событіяхъ прошлой ночи, хотя не слышала еще ни одного слова о томъ унитаріѣ, которому удалось избѣжать смерти.

— Ужь я говорю вамъ, что лучшія! подтвердила старуха,— добрые федералы раздѣлались съ ними, какъ слѣдуетъ. Они ихъ... ихъ разстрѣляли.

— Ахъ, разстрѣляли!

— И отлично распорядились; это было для насъ счастье, хотя оно и сопровождалось маленькой неудачею.

— Ну, если только маленькою, то такія мелочи не должны сильно тревожить людей, подобныхъ вамъ, сеньора.

— Ну, однако. Одному изъ негодяевъ удалось скрыться.

— Но эта неудача можетъ быть легко поправлена, такъ какъ полиція очень дѣятельна въ подобныхъ случаяхъ, какъ я думаю.

— Не совсѣмъ.

— Говорятъ, что по этой части сеньоръ Викторика—настоящій геній, настаивала хитрая ученица Даніэля, желая кольнуть самолюбіе доньи Маріи-Хозефы.

— Кто, кто такой—Викторика?! Пожалуйста, не говорите вы мнѣ вздору! Я, я одна обдѣлываю все, и больше никто.

— Я сама всегда такъ думала и даже положительно убѣждена, что въ настоящемъ случаѣ вы будете дѣйствовать успѣшнѣе, чѣмъ господинъ начальникъ полиціи.

— Да, ужь въ этомъ-то не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія.

— Хотя съ другой стороны, различныя занятія, которыми вы завалены, быть можетъ, помѣшаютъ вамъ...

— Нисколько, нисколько не помѣшаютъ. Я и сама не понимаю, какъ это у меня на все хватаетъ времени. Прошло не болѣе двухъ часовъ, какъ я возвратилась отъ Хуана-Мануэля, и уже мнѣ болѣе извѣстно о бѣглецѣ, чѣмъ этому Викторикѣ, котораго всѣ такъ расхваливаютъ.

— Неужели?!

— Я не лгу.

— Однако, это рѣшительно непостижимо... въ два часа... вы, женщина!

— Повторяю вамъ, что я говорю сущую правду, подтвердила донья Марія-Хозефа, любившая прихвастнуть своими подвигами, подтрунить надъ Викторикой и возбудить къ себѣ удивленіе тѣхъ, кто съ ней разговаривалъ.

— Вѣрю, сеньора, не смѣю не вѣрить, продолжала Флоренсія, подъѣзжая съ той стороны, съ которой эта фанатическая баба не умѣла хранить своихъ секретовъ.

— Тутъ и толковать нечего.

— Но вы, вѣроятно, употребили цѣлую сотню людей для преслѣдованія бѣглеца.

— И не думала. Зачѣмъ такая суматоха!... Я познала къ

себѣ сначала Мерло, который на нихъ донесъ, но этотъ оселъ не знаетъ ни имени, ни признаковъ того, кто убѣжалъ. Тогда я велѣла позвать нѣкоторыхъ солдатъ, участвовавшихъ въ этой ночной исторіи. И вонъ тамъ за дверью ждетъ человѣкъ, доставившій мнѣ наилучшія свѣденія. Вы увидите, что на ловца и звѣрь бѣжитъ! Камило! крикнула старуха,—и солдатъ вошелъ въ пріемную, подойдя къ хозяйкѣ съ шляпою въ рукѣ.

— Скажите-ка намъ, Камило, продолжала старуха,—какіе признаки вы можете указать относительно нечистаго, смраднаго, дикаго унитарія, скрывшагося сегодня ночью?

— Да его тѣло хорошо помѣчено, а одна зарубка находится тамъ, гдѣ я знаю, отвѣчалъ солдатъ съ выраженіемъ плотоядной радости въ лицѣ.

— Гдѣ же это? спросила старая вѣдьма.

— На лѣвой ногѣ.

— Значитъ, онъ былъ раненъ?

— Саблею. Хорошая прорѣха.

— Навѣрное ли вы это знаете.

— Еще бы! Я же его и ублаготворилъ этой зарубкою.

Флоренсія откинулась назадъ, въ уголъ дивана.

— А узнали бы вы его въ лицо, если бъ увидѣли? продолжала распрашивать донья Марія-Хозефа.

— Нѣтъ, сеньора, но я узналъ бы его по голосу.

— Хорошо, можете идти, Камило.

— Вы слышали? заговорила невѣстка Розаса, обращаясь къ Флоренсіи, которая не упустила ни одного слова разбойника, — изволили понять? Раненъ въ ногу! Это — драгоцѣнное открытіе, стоющее сотни другихъ. Какъ вамъ кажется?

— Мнѣ?! Право не могу догадаться, сеньора, въ чемъ скрывается для васъ важность открытія, что бѣглецъ имѣетъ рану на лѣвой ногѣ...

— Никакъ не можете догадаться?

— Не могу, признаюсь вамъ откровенно. Теперь раненый, и полагаю, лечится въ своемъ домѣ или въ какомъ нибудь другомъ, а вѣдь сквозь стѣны домовъ ранъ видѣть нельзя.

— Какая же вы простенькая! замѣтила со смѣхомъ донья

Марія-Хозефа, поднимая свою сухую, костлявую руку и опуская ее на колѣно Флоренсіи,—какъ это вы ничего не смекаете!... Да эта рана даетъ мнѣ три пути розысканія.

— Неужели?

— Конечно. Вотъ послушайте-ка меня, старуху: врачи лечатъ больного, аптекари выдаютъ лекарства для ранъ, и въ третьихъ можно обратить вниманіе на прислугу въ домахъ, гдѣ появились внезапно заболѣвшіе.

— Хорошо, если средства эти окажутся вѣрными, но я думаю, что съ ними нельзя зайти далеко.

— О, у меня въ запасѣ есть еще одно средство на тотъ случай, когда эти ни къ чему не поведутъ.

— Еще одно средство?

— Да, да, ужь повѣрьте мнѣ. Тѣ, которыя я назвала, могутъ служить только на первыхъ порахъ,—для наведенія первыхъ, спѣшныхъ справокъ сегодня и завтра; но во вторникъ я получу, по крайней мѣрѣ, перышко улетѣвшей птицы.

— Нѣтъ, я думаю, что вы не увидите и цвѣта ея перьевъ, сеньора, сказала Флоренсія съ лукавой и вызывающей улыбкой, желая раздражить и расшевелить эту адскую машину, находившуюся возлѣ нея.

— Вы такъ думаете?... Ну, хорошо, подождемъ до вторника.

— Отчего же это будетъ непремѣнно во вторникъ, а не въ какой нибудь другой день?

— Отчего?! Какъ вы полагаете, сеньорита, течетъ ли кровь изъ ранъ унитаріевъ или нѣтъ?

— Да, сеньора, какъ и изъ ранъ всякаго другого человѣка, то есть должна течь, потому что я еще никогда не видѣла крови ни одного человѣка.

— Не забудьте, однако, душечка, что унитаріи—не люди.

— Какъ же это—не люди?

— Да, не люди, а поганые псы, смрадныя гадины, и мнѣ нисколько небыло бы противно пройти по лужамъ ихъ крови.

Нервная дрожь пробѣжала по всему тѣлу молодой дѣвушки; однако, Флоренсія одержала верхъ надъ своимъ чувствомъ негодованія.

— Итакъ, вы допускаете, что изъ ихъ ранъ течетъ кровь? опять спросила донья Марія-Хозефа.

— Да, сеньора, я допускаю это.

— Согласитесь ли вы также со мною, что кровь пачкаетъ бѣлье раненаго?

— Соглашаюсь, сеньора.

— Пачкаетъ бинты, перевязывающіе раны?

— Согласна и съ этимъ.

— Простыни?

— И въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго.

— Полотенца, которыми ухаживающіе за больнымъ вытираютъ свои руки?

— Допускаю и это.

— Вы допускаете все это?

— Да, сеньора, я совершенно и во всемъ съ вами согласна, но всѣ эти вопросы нисколько не разъясняютъ мнѣ дѣла, и я увѣряю васъ честнымъ словомъ, что никакъ не могу взять въ толкъ, что вы хотите сказать?—Дѣйствительно, Флоренсія, несмотря на всю живость своего воображенія, рѣшительно не могла отгадать демонской мысли, которой предшествовали эти наведенія.

— Гмъ, не можете... Скажите-ка мнѣ, когда приходятъ прачки за грязнымъ бѣльемъ?

— Обыкновенно по понедѣльникамъ.

— Да, эдакъ часовъ въ восемь или девять утра, а съ десяти отправляются съ бѣльемъ на рѣку,—поняли теперь?

— Да, немножко, отвѣчала Флоренсія, приведенная въ ужасъ этой шпіонской сообразительностью, которая внушила старой чертовкѣ такую тонкую тактику, какая во всю жизнь не могла придти въ голову ея молоденькой гостьѣ.

— Прачка-то не будетъ тянуть руку за унитаріевъ, да хоть бы было и такъ, все-таки она будетъ стирать бѣлье въ присутствіи другихъ прачекъ, а я отдамъ на этотъ счетъ мои приказанія.

— Ахъ, это превосходный планъ! сказала дѣвушка, употребляя надъ собою невѣроятное усиліе, чтобы сносить терпѣ-

ливо видъ этой женщины, которой дыханіе казалось ей такимъ же ядовитымъ, какъ была злобна ея душа.

— То-то превосходный! Вашъ хваленый Викторика не придумалъ бы этого и въ цѣлый годъ.

— Очень можетъ быть.

— Ужь не говоря объ этихъ безмозглыхъ хвастунишкахъ—унитаріяхъ, которые воображаютъ, будто они ко всему способны.

— О, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, сказала сеньорита Дюпаскье съ такою живостью и жаромъ, что на мѣстѣ доньи Маріи-Хозефы всякій другой догадался бы, что дѣвушка внутренно совершенно соглашалась съ хвастливыми унитаріями, къ которымъ она принадлежала по своему рожденію и по воспитанію.

— О, Флоренсита! Не выходите замужъ за унитарія! Мало того, что они нечистые, смрадные мерзавцы, это, скажу я вамъ, такое набитое дурачье, что послѣдній федералъ можетъ всѣхъ ихъ сбить съ толку. Ахъ, кстати о брачныхъ узахъ: какъ поживаетъ сеньоръ Даніэль, котораго давно уже нигдѣ не видно?

— Онъ совершенно здоровъ, сеньора.

— Очень пріятно это слышать. Однако, слѣдите за нимъ повнимательнѣе, послушайтесь моего добраго совѣта.

— Слѣдить внимательнѣе! зачѣмъ же это, сеньора? спросила Флоренсія, какъ любящая женщина, нѣсколько заинтересованная этимъ внушеніемъ.

— Зачѣмъ?... О, вы сами хорошо это знаете. Влюбленные имѣютъ способность отгадывать.

— Что же я должна отгадать?

— Гмъ... Вѣдь вы любите молодого Бельо?

— Сеньора!

— Пожалуйста, нескрывайтесь, я все хорошо знаю.

— Если вы знаете...

— Если я это знаю, то должна предупредить васъ, чтобы вы не позволяли себя обманывать, потому что я люблю васъ, какъ родную дочь.

— Мнѣ опасаться обмановъ! Со стороны кого же? Увѣряю

васъ, сеньора, что я рѣшительсно ничего не понимаю, сказала Флоренсія, нѣсколько смутившись, но употребляя надъ собою усиліе, чтобы вырвать у доньи Маріи-Хозефы тайну, на которую та намекала.

— Вотъ это мило! Къ кому же другому могутъ относиться мои слова, какъ не къ самому Даніэлю?..,

— О, это невозможно, сеньора. Даніэль никогда меня не обманывалъ.

— Я сама до сихъ поръ такъ думала, но у меня есть факты.

— Факты?!...

— Доказательства. Думали ли вы когда нибудь о Предмѣстьи? Послушайте, будемъ говорить откровенно; меня вѣдь провести трудно.

— Иногда мнѣ случается говорить о Предмѣстьи, но я, право, не вижу, какое отношеніе можетъ имѣть ко мнѣ эта часть города.

— Къ вамъ косвенное, къ Даніэлю—прямое.

— Вы думаете?

— Не я одна, но это знаетъ и такъ думаетъ нѣкая Амалія, кузина нѣкоего Даніэля, короткаго знакомаго и почти нарѣченнаго одной дѣвицы, которую зовутъ Флоренсіей. Ну, что, поняли теперь, моя невинная голубка? сказала со смѣхомъ старуха, гладя своей грязной рукою атласное, розовое плечико Флоренсіи.

— Я нѣсколько догадываюсь о томъ, что вы хотите сказать мнѣ, но думаю, что во всемъ этомъ скрывается недоразумѣніе, проговорила дѣвушка съ притворной увѣренностью, тогда какъ сердце ея почувствовало ударъ, къ которому оно не было приготовлено, хотя ей хорошо былъ извѣстенъ ядовитый языкъ старой сплетницы, разговаривавшей съ нею; но какая женщина не склонна легко повѣрить тому, что она забыта и обманута избранникомъ своего сердца!

— Нѣтъ, ужь извините, сеньорита, я нисколько не ошибаюсь. Кого видитъ Амалія—эта интересная вдовушка, живущая независимо и уединенно въ своемъ домѣ? Только одного Даніэля. Зачѣмъ навѣщаетъ Даніэль, молодой, красивый собою

мужчина, свою молоденькую, хорошенькую кузину, совершенно свободную въ своихъ поступкахъ? Ужъ вѣрно не затѣмъ, чтобъ перебирать съ нею четки. Чѣмъ объяснить затворническую жизнь Амаліи? Даніэль это знаетъ, потому что онъ одинъ бываетъ въ ея домѣ. Отчего Даніэля никогда уже не видно въ обществѣ? Да оттого, что Даніэль всѣ вечера проводитъ у своей кузины, а потомъ уже, позднѣе, является и къ вамъ. Вотъ каковы нынѣшніе молодые люди: перепархиваютъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, словно мотыльки какіе! Однако, однако... что съ вами? Вы поблѣднѣли.

— Это ничего, сеньора, сказала Флоренсія, дѣйствительно поблѣднѣвшая, какъ полотно, потому что вся ея кровь прилила къ сердцу.

— Ахъ, бѣдненькая, ха, ха, ха!.. разразилась пронзительнымъ смѣхомъ донья Марія-Хозефа,—а вѣдь я еще не все сказала... Какъ эти бѣдненькія дѣвушки не въ мѣру впечатлительны!

— Еще не все! проговорила Флоренсія.

— Нѣтъ, нѣтъ, я никому не желаю доставлять горе, сказала старуха, продолжая хохотать во все горло и наслаждаясь муками, которымъ она подвергала сердце своей жертвы.

— Итакъ, прощайте сеньора, пробормотала Флоренсія, вставая съ мѣста и дрожа отъ волненія.

— Бѣдняжечка! Надерите ему хорошенько уши! Не позволяйте водить себя за носъ!!..

И старуха, сидя по прежнему на диванѣ, опять разразилась своимъ злобнымъ хохотомъ; то былъ демонскій смѣхъ, морщившій и расширявшій грубую, отвислую кожу этой физіономіи, тамъ и сямъ усѣянную пятнами; и въ эту минуту смѣющаяся старуха сильно напоминала собою сказочныхъ вѣдьмъ, дѣйствующихъ въ испанскихъ легендахъ.

— Мое почтеніе, сеньора, откланивалась Флоренсія, подавая руку той, которая нарушила свѣтлый миръ ея души и набросила первую тѣнь ужаснаго подозрѣнія на вѣрность любимаго ею человѣка.

— Прощайте, душечка, прощайте. Поклонитесь отъ меня вашей мамашѣ, скажите, пусть поправляется, чтобы мы могли

скоро увидѣться. До свиданія, — и глядите въ оба, ха, ха, ха!

И не переставая хохотать, старуха проводила сеньорпту Дюпаскье до самаго подъѣзда.

Несчастная молодая дѣвушка сѣла въ свой экипажъ и должна была растегнуть корсетъ, чтобы вздохнуть свободнѣе, такъ какъ въ эту минуту она была близка къ обмороку. Природа надѣлила Флоренсію упорнымъ темпераментомъ, лишеннымъ удобнаго, средства противъ грусти—слезъ которыя, безъ всякаго сомнѣнія, уносятъ съ собою значительную часть физическаго давленія, испытываемаго сердцемъ при внезапныхъ и горестныхъ ощущеніяхъ.

Скоро въ дѣятельной головкѣ дѣвушки возникло критическое размышленіе — верховная способность человѣка, возвышающая его надъ всѣмъ созданнымъ и часто дѣлающая ему еще болѣе тяжелыми тѣ страданія, отъ которыхъ онъ старается избавиться путемъ этого размышленія.

— Дѣйствительно, разсуждала сама съ собой Флоренсія, — Даніэль часто отправляется куда-то верхомъ на лошади, и я до сихъ поръ никакъ не могла узнать, гдѣ онъ бываетъ по вечерамъ. Нѣсколько разъ,—напримѣръ, вчера вечеромъ,—онъ уходилъ отъ меня въ девять часовъ. Никогда не вызывался онъ познакомить меня съ своей кузиной. Съ другой стороны, этой женщинѣ, кажется, извѣстно дно морское. Она знаетъ все, что дѣлается и говорится въ Буэносъ-Айресѣ, и для собранія этихъ свѣденій она располагаетъ всѣми средствами, внушаемыми ей извѣданнымъ коварствомъ ея ума и злобными стремленіями сердца. Эта женщина говорила съ такою твердою увѣренностью, она сказала мнѣ, что у нея есть доказательства. За что ей меня ненавидѣть или обманывать?!.. О, Боже мой, Боже мой, такъ это, значитъ, правда! громко стонала Флоренсія, закрывая руками лицо, съ котораго блуждающій румянецъ то изчезалъ, то опять появлялся. И головка ея терялась въ цѣломъ океанѣ воспоминаній, соображеній и сомнѣній, неимѣя достаточной силы стряхнуть съ себя этотъ дикій сумбуръ, потому что въ Флоренсіи, чувствительность сердца пересиливала, какъ это обыкновенно говорится, блестящій и живой умъ, и заставляла ее всецѣло

сосредоточиваться въ тѣхъ положеніяхъ, которыя наполняли все ея существо блаженствомъ или страданіемъ.

Блѣдная, до глубины души взволнованная, Флоренсія раздумывала теперь только о томъ, что говорилъ ей Даніэль объ Амаліи, какъ онъ восхвалялъ красоту своей кузины ея дарованія, ея утонченный вкусъ. Въ такомъ безотрадномъ настроеніи Флоренсія пріѣхала домой въ половинѣ второго, рѣшившись сообщить матери все, что слышала, потому что Флоренсія, любя Даніэля больше всего на свѣтѣ, считала мать первымъ и лучшимъ своимъ другомъ. Къ счастію Флоренсія не застала матери дома, и, усѣвшись одиноко въ залѣ, вся отдалась тяжкому раздумью и не замѣтила приближенія той минуты, когда долженъ былъ явиться Даніэль, о чемъ онъ извѣщалъ сегодня въ своемъ утреннемъ письмѣ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Какіе были у Даніэля агенты.

Въ девять часовъ утра Даніэль спокойно одѣвался при помощи своего вѣрнаго Фермина, который уже исполнилъ всѣ порученія, возложенныя на него господиномъ.

— Сама Флоренсія взяла цвѣты? спросилъ Даніэль своего слугу, проводя щеткою по своимъ темнокаштановымъ волосамъ и жиденькимъ бакамъ, соединявшимся въ бороду согласно съ предписаніями тогдашней федеральной моды.

— Она сама, сеньоръ.

— И письмо?

— Такъ точно, и письмо вмѣстѣ съ цвѣтами.

— А не замѣтилъ, была ли она довольна?

— Кажется, что такъ, но сеньорита изволила удивиться, когда я ей подалъ письмо. Изволила спросить, не случилось ли чего новаго.

— Бѣдненькая! Ну-ка, разскажи, какъ она была одѣта, да

разсказывай толкомъ, все, какъ слѣдуетъ. Сначала скажи, что она дѣлала, когда ты пришелъ?

— Изволила находиться въ цвѣтникѣ, между жасминами, и развертывала локоны изъ папильотокъ.

— Свои чудные, золотые локоны! — Ну, ну, продолжай, сказалъ Даніэль, повязавъ черный шелковый галстукъ вокругъ шеи.

— Больше ничего не изволила дѣлать.

— Я спрашивалъ тебя, какъ она была одѣта.

— Въ бѣлое платье съ зелеными лентами; все было открыто спереди и привязано къ поясу.

— Классическое описаніе, нечего сказать! Это, дружокъ Ферминъ, называется утреннее неглиже. Воображаю, какъ она была очаровательна. Ну, ну, чтожь далѣе?

— Больше ничего.

— Глупъ ты, сердечный.

— Чѣмъ же я виноватъ, что на ней ничего больше не было?!

— Да вѣрно же были какія нибудь ботинки на ногахъ, шаль или платокъ на плечахъ, какая нибудь лента у пояса. Нужно было, братецъ, все это хорошенько разглядѣть!

— Да, было когда мнѣ съ этимъ возиться! отвѣчалъ слуга Даніэля флегматически и съ тѣмъ плутовскимъ выраженіемъ физіономіи, которое составляетъ отличительную черту истаго гаучо, потому что Ферминъ, дѣйствительно, былъ сынъ степей, хотя привычка городской жизни нѣсколько измѣнила типическія особенности его дѣтства.

— Однимъ словомъ — ты глупъ. Теперь скажи-ка мнѣ, кто тамъ теперь?

— Женщина, которую вы приказывали позвать къ вамъ, и донъ Кандидо.

— А, мой учитель чистописанія, — геній прилагательныхъ и риторическихъ отступленій! Зачѣмъ это онъ могъ пожаловать ко мнѣ? Не знаешь ли ты, Ферминъ?

— Нѣтъ, не знаю, сеньоръ. Онъ сказалъ мнѣ, что ему нужно переговорить съ вами, что онъ приходилъ еще въ шесть часовъ, но дверь была заперта, и потому онъ опять возвратился

сюда въ семь часовъ, и съ тѣхъ поръ ждетъ здѣсь, пока вы его примете.

— Вѣдь эдакій оригиналъ—мой прежній учитель каллиграфіи! Онъ никакъ не намѣренъ отказаться отъ привычки безпокоить меня изъ-за пустяковъ; ему видно хочется пріучить меня вставать въ шесть часовъ утра. — Ты впустишь его въ мой кабинетъ, когда уже уйдетъ донья Марселина, а эта барыня пусть пожалуетъ сію же минуту, сказалъ Даніэль, надѣвая долгополый голубой кафтанъ въ родѣ халата, оттѣнявшій бѣлизну прекрасныхъ рукъ молодого человѣка, потому что эти руки, дѣйствительно, могли возбудить зависть въ любой кокеткѣ.

— Прикажете впустить? спросилъ Ферминъ какъ бы въ нерѣшительности.

— Сдѣлайте мнѣ такое одолженіе, мой цѣломудренный сеньоръ донъ Ферминъ,—кажется сказано ясно. Просить сюда же, въ эту минуту, и когда войдетъ эта женщина, плотно притворить вотъ эту дверь и другую, которая ведетъ изъ кабинета въ пріемную.

Минуту спустя оглушительный шелестъ тяжелаго женскаго платья возвѣстилъ Даніэлю шествіе доньи Марселины по смежному кабинету.

Явилась, наконецъ, донья Марселина — въ темнокоричневомъ шелковомъ платьѣ и огромномъ платкѣ, лежавшемъ на плечахъ неизмѣримымъ треугольникомъ, котораго острый конецъ почти волочился по землѣ. Рука держала усердно накрахмаленный носовой платочикъ, по самой его срединѣ, чтобы были видны по концамъ его четыре купидончика, вышитые розовой шерстью. Объемистый красный бантъ съ лѣвой стороны головы дополнялъ видимый гардеробъ этой барыни; самой лучшей принадлежностью ея смуглаго, мясистаго лица были большіе черные глаза, которые въ эпоху своего первобытнаго блеска, вѣроятно, могли быть названы прекрасными, но увы! — сорокъ восемь зимъ были рѣзко написаны на этомъ лицѣ, носившемъ также слѣды многихъ житейскихъ бурь, и напрасно этотъ почтенный возрастъ старались скрыть два большіе свертка щетинистыхъ волосъ, ниспадавшихъ до подбородка и имѣвшихъ какой-то невыразимый оттѣнокъ, средній между цвѣтомъ шоколада и недо-

жаренаго кофе. Прибавивъ къ этому болѣе высокую, чѣмъ низкую фигуру, болѣе дородное, чѣмъ тонкее тѣло, котораго наиболѣе видной выпуклостью была грудь, похожая ни дать, ни взять, на плотно набитый животъ,—можно составить себѣ приблизительное понятіе о донѣ Марселинѣ, которой Даніэль кивнулъ головой, не вставая со стула, съ ласковой, но нисколько не фамильярной улыбой, составляющей преимущество высокопоставленныхъ лицъ, привыкшихъ имѣть дѣло съ подчиненными.

— Вотъ именно вы мнѣ и нужны, донья Марселина, сказалъ молодой человѣкъ, указывая на стулъ противъ себя.

— Я всегда къ вашимъ услугамъ, сеньоръ донъ Даніэль, отозвалась гостья, отгибая по бокамъ платье кончиками пальцевъ, какъ будто собиралась танцовать благопристойный, граціозный минуэтъ нашихъ прадѣдовъ, причемъ стулъ совершенно исчезъ подъ этой объемистой тучей.

— Прежде всего, какъ поживаете вы и ваши домашніе? спросилъ Даніэль, имѣвшій обыкновеніе пробираться ощупью, хотя бы и по совершенно извѣстной ему дорогѣ, по которой онъ шелъ еще вчера.

— Скверно, мерзко, сеньоръ, — нынѣшняя жизнь въ Буэносъ-Айресѣ способна очистить самые тяжкіе грѣхи смертнаго.

— Это сильно подвинетъ васъ впередъ въ вашемъ путешествіи по мытарствамъ.

— Другіе больше засѣли въ грѣхахъ, чѣмъ я, да и то сподобятся вѣчнаго блаженства.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ тѣ, которыхъ вы знаете.

— Признаюсь вамъ, что я многое легко забываю.

— Ну, а я нѣтъ; хотя бы я прожила двѣсти лѣтъ, все-таки бы каждый день вспоминала, какъ они со мною...

— Непохвально. Мы должны прощать нашимъ врагамъ по слову евангельскому.

— Прощать?! Послѣ того, какъ они смертельно оскорбили меня, лишили добраго имени и смѣшали съ публичными женщинами? О, никогда! У меня сердце Капулетти.

— Э, другъ мой, сказалъ Даніэль, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха при этомъ сравненіи доньи Марселины, — вы всегда

любите преувеличивать, чуть только заговорите объ этой матеріи.

— Какое тутъ преувеличенье! Поставить меня на одну линію со всякой сволочью, смѣшать меня съ нею, гнать меня изъ Буэносъ-Айреса, — меня, которая принимала въ своемъ домѣ цвѣтъ столичнаго общества — развѣ этого мало? Не думайте, чтобы виною было мое поведеніе; нѣтъ, это было политическое мщеніе, потому что мои мнѣнія были всѣмъ извѣстны. Прежде я была окружена избраннымъ обществомъ унитаріевъ. У меня бывали министры, юристы, поэты, доктора, литераторы — наша соль земли. И вдругъ я была помѣщена въ разрядъ падшихъ, когда Томасъ Анчорена декретировалъ изгнаніе публичныхъ женщинъ,—этотъ старый ханжа и взяточникъ, который вполнѣ заслужилъ написанный на него тогда, извѣстный памфлетикъ, начинающійся такъ:

Зачѣмъ ты бѣлый свѣтъ морочишь.....

— Хорошіе стишки, донья Марселина очень хорошіе.

— Премиленькіе. Это было сочинено про него въ 1833 году. Ахъ, это тяжкое оскорбленіе я испытала въ эпоху первой администраціи этого изувѣра-гаучо, который мстилъ мнѣ за мои мнѣнія и также, можетъ быть, за мое пристрастіе къ литературѣ, потому что всѣ мы, занимавшіеся ею, были ему ненавистны. Всѣ мои друзья были изгнаны. О, блаженная эпоха Варелы и Гальярдо! Прошла безвозвратно, канула въ вѣчность, какъ говоритъ... помните ли вы, сеньоръ донъ Даніэль?..

И донья Марселина, уже порядкомъ взопрѣвшая впродолженіи своей тирады, провела носовымъ платкомъ по лицу и откинула съ груди на плечи свой необъятный треугольникъ.

— Да, это была вопіющая несправедливость, сказалъ Даніэль съ самымъ серьознымъ и глубокомысленнымъ выраженіемъ въ лицѣ, которое несмотря на это носило всѣ признаки самаго задушевнаго внутренняго смѣха.

— Именно вопіющая!

— И отъ которой васъ могли спасти только ваши сильныя связи.

— Да, да, я нѣсколько разъ уже говорила вамъ объ этомъ: меня спасъ одинъ изъ моихъ многоуважаемыхъ благопріятелей,

тронутый моей угнетенной и преслѣдуемой невинностью—самымъ плачевнымъ зрѣлищемъ, какъ говоритъ Руссо, патетически произнесла донья Марселина, любившая выставлять на показъ свои литературныя познанія и скрывать свои художества другого рода.

— Руссо былъ совершенно правъ, высказавъ это необыкновенное моральное открытіе, сказалъ Даніэль, употребляя неимовѣрныя усилія, чтобы не прыснуть со смѣху, когда такая личность, какъ донья Марселина, сослалась на такой авторитетъ, какъ Руссо.

— Да, да, именно онъ это написалъ. О, у меня изумительная память! Я знала наизусть отъ доски до доски всю Аргію и Дидону на слѣдующій день послѣ перваго представленія.

— Непостижимо!

— А между тѣмъ, это правда. Не хотите ли и вамъ продекламирую сонъ Дидоны и безуміе Креона. Тутъ будетъ около десяти страницъ, и начинается этотъ пассажъ такимъ образомъ:

«О, боги горніе! О рокъ злосчастный мой!...»

— Нѣтъ, нѣтъ, ужь увольте, сдѣлайте милость, сказалъ, прерывая ее, Даніэль, боясь чтобы она не принялась въ самомъ дѣлѣ декламировать это нескончаемое безуміе, сводящее съ ума отъ скуки всякаго, кто видѣлъ на сценѣ или читалъ трагедію классическаго поэта унитаріевъ.

— Ну, какъ вамъ угодно.

— Что же вы теперь читаете, сеньора донья Марселина?

— Теперь читаю «Сына карнавала», а послѣ примусь за «Люцинду», которую оканчиваетъ моя племянница Томазита.

— Хорошія книжки! Кто же васъ ссужаетъ этими безсмертными твореніями? спросилъ Даніэль, склонясь на ручку кресла и устремляя спокойные, проницательные глаза на физіономію этой просвѣщенной читательницы.

— Мнѣ-то ихъ никто не даетъ; ихъ приноситъ къ намъ аббатъ Гаэте для моей племянницы Андреи.

— Аббатъ Гаэте! сказалъ Даніэль, теперь уже безцеремонно разражаясь хохотомъ.

— И я ему за это очень благодарна: образованные люди

хорошо знаютъ, что молоденькія дѣвушки должны читать и хорошее, и дурное, чтобы уберечься обольщеній свѣта.

— Совершенно вѣрно, донья Марселина. Я непонимаю только, какимъ образомъ женщина съ вашими политическими убѣжденіями можетъ вести дружбу съ этимъ достопочтеннымъ аббатомъ, сдѣлавшимся въ настоящее время свѣтиломъ первой величины на небѣ Федераціи.

— Да, я сама каждый день угощаю его за это порядочными головомойками

— И онъ выслушиваетъ ихъ терпѣливо?

— Ничего себѣ. Смѣется, поворачиваетъ спину и отправляется въ комнату Гертрудиты, которой читаетъ принесенныя съ собой книги.

— Гертрудиты? Такъ у васъ въ домѣ обитаетъ еще какая-то юная Гертрудита?

— Это моя племянница, поселившаяся у меня съ мѣсяцъ тому назадъ.

— Святая великомученица Варвара!.. Да у васъ больше племянницъ, чѣмъ сколько было внуковъ у Адама по линіи Сиѳа, сына Каина и Ады! Читали ли вы библію, донья Марселина?

— Нѣтъ, не читала.

— Ну, такъ ужь вѣрно читали Донъ Кихота?

— И этого не знаю.

— Изволите ли видѣть, этотъ добрый человѣкъ, очень много похожій наружностью и подвигами на генерала Орибе, утверждалъ, что въ обществѣ не можетъ быть прочнаго порядка безъ нѣкоторой спеціальности, и эту-то спеціальность вы исправляете достойнѣйшимъ образомъ.

— Вы хотите сказать о томъ покровительствѣ, какое я оказываю моимъ бѣднымъ племянницамъ?

— Вотъ именно о покровительствѣ.

— Чтожь, я дѣлаю для нихъ все, что могу.

— А что если бы достопочтенный аббатъ увидѣлъ въ вашемъ домѣ то, что нашелъ я, когда явился къ вамъ въ первый разъ по рекомендаціи мистера Дугласа?

— О, Боже, гибель моя была бы неизбѣжна! Но аббатъ

Гаэте навѣрное не такъ любопытенъ, какъ сеньоръ донъ-Даніэль Бельо, сказала донья Марселина тономъ любезнаго упрека.

— Согласенъ, что вы правы, но правъ также и я. Въ то время я зашелъ къ вамъ съ письмомъ, которое вы должны были снести по адресу. Я попросилъ у васъ чернилъ, чтобы надписать конвертъ. Вдругъ кто-то постучалъ въ дверь. Вы сказали мнѣ, чтобъ я спрятался въ спальню, и что тамъ на столѣ я найду чернилицу. Я принялся искать, нигдѣ ея не находилъ, отворилъ ящикъ и...

— Вы не должны были того читать, что тамъ было, проказникъ, прервала его донья Марселина еще болѣе медоточивымъ голоскомъ, которымъ заговаривала всегда, чуть только Даніэль напоминалъ ей объ этой исторіи, что случалось при каждомъ ихъ свиданіи.

— Но какъ было бороться съ любопытствомъ? Газеты и журналы изъ Монтевидео...

— Ихъ прислалъ мнѣ мой сынъ, какъ уже я вамъ докладывала.

— Да, но письмо!

— Ахъ, да, письмо! За него эти варвары разстрѣляли бы меня безъ малѣйшаго состраданія. Ахъ, какъ я была неосторожна! Что же вы съ нимъ сдѣлали, мой миленькій,—оно до сихъ поръ у васъ?

— Вы осмѣлились написать, что когда Лавалье вступитъ въ городъ, вы обрѣжете косы всѣмъ женщинамъ изъ отродья Розасовъ,—о, это тяжкое оскорбленіе, донья Марселина!

— Что прикажете дѣлать... Стою горой за свободу! И притомъ послѣ всего, что я испытала! О, съ какимъ восторгомъ я исполнила бы мою угрозу!.. Однако, письмо-то, письмо еще у васъ, шалунъ вы эдакій? спросила опять донья Марселина, употребляя надъ собой замѣтное усиліе, чтобы улыбнуться.

— Я уже сказалъ вамъ, что завладѣлъ этимъ письмомъ только для того, чтобы избавить васъ отъ опасности.

— Но вы должны были уничтожить, изорвать его.

— Тогда я сдѣлалъ бы непростительную глупость.

— Но зачѣмъ же вы держите его у себя?

— Чтобы при болѣе утѣшительныхъ обстоятельствахъ имѣть

въ рукахъ документъ, свидѣтельствующій о вашемъ патріотизмѣ. Я желаю, чтобы впослѣдствіи вы получили достойное вознагражденіе за тѣ услуги, которыя вы мнѣ оказываете.

— Только для этой цѣли вы сохраняете письмо!

— До сихъ поръ вы не давали мнѣ повода руководствоваться какою нибудь заднею мыслію, проговорилъ Даніель съ особеннымъ, значительнымъ удареніемъ на каждомъ словѣ.

— И никогда не дамъ! отозвалась бѣдная барыня, выпуская изъ легкихъ огромный столбъ воздуха, скопившагося въ ея груди впродолженіи разговора о письмѣ, которое постоянно ее мучило, какъ неотступный кошмаръ.

— Охотно вѣрю. Теперь поговоримте о дѣлѣ. Когда вы видѣли Дугласа?.

— Дня три тому назадъ. Вчера онъ отправился съ пятью человѣками, изъ которыхъ двое были рекомендованы ему мною.

— Очень хорошо. Вамъ нужно будетъ съ нимъ повидаться сегодня.

— Сегодня?

— Даже сейчасъ.

— За мною не будетъ остановки.

Даніэль пошелъ въ свой рабочій кабинетъ, приподнялъ бронзовую чернильницу и вынулъ оттуда спрятанное тамъ письмо, которое было написано ночью. Затѣмъ онъ вложилъ его въ новый конвертъ и, взявъ перо, возвратился въ спальню.

— Надпишите конвертъ этого письма.

— Я?

— Да, вы, напишите: «г-ну Дугласу».

— Больше ничего?

— Больше ничего.

— Готово, сказала всесвѣтная тетушка, написавъ это имя, причемъ письменнымъ столомъ служило для нея мясистое ея колѣно.

— Вы отправитесь къ мистеру Дугласу, и глазъ на глазъ передайте ему отъ меня это письмо.

— Слушаю-съ.

— Спрячьте письмо у себя возлѣ груди.

— Ужь спрятано. Будьте совершенно спокойны.

— Теперь мнѣ нужно потолковать съ вами о другомъ.

— Я всегда готова къ вашимъ услугамъ.

— Мнѣ необходимо быть въ вашемъ домѣ завтра или послѣ завтра вечеромъ, но такъ, чтобы тамъ больше никого не было,— всего на полчаса.

— Когда вамъ будетъ угодно. Я отправлюсь съ дѣвушками прогуляться. Но какъ намъ быть съ ключемъ?

— Сегодня же вы прикажете сдѣлать другой ключъ, совершенно одинаковый съ вашимъ, и пришлите мнѣ его завтра утромъ, увѣдомивъ меня въ тоже время о днѣ и часѣ, когда вы выйдете изъ дома. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы это было во время всенощной, потому что тогда мнѣ легче быть незамѣченнымъ.

— О, наша улица безлюдна, какъ пустыня. Только лѣтомъ иногда видишь прохожихъ, отправляющихся купаться, такъ какъ домъ расположенъ по близости къ рѣкѣ.

— Я желаю также, чтобы вы оставили настежь всѣ внутреннія двери.

— Тамъ-то украсть нечего.

— Когда нибудь, можетъ быть, и найдется кое-что. Отъ васъ я требую только осторожности и молчанія. Малѣйшая нескромность будетъ стоить вамъ головы, а я не рискую ни однимъ волоскомъ.

— Моя жизнь уже давно находится въ рукахъ вашихъ, сеньоръ донъ Даніэль, да если бы этого и не было, я все-таки была бы согласна пролить мою кровь за послѣдняго унитарія.

— Тутъ нѣтъ никакой рѣчи объ унитаріяхъ, и я никогда не говорилъ вамъ, кто я таковъ, — поняли ли вы все, какъ слѣдуетъ?

— Природа дала мнѣ необыкновенную память, проговорила донья Марселина, которую нѣсколько смутилъ серьезный тонъ послѣднихъ словъ Даніэля.

— Прекрасно. Вообразите себѣ, что я далъ вамъ урокъ въ драматической декламаціи, и затѣмъ намъ надобно разстаться.

Даніэль вошелъ въ свой кабинетъ, отперъ письменный столъ и вынулъ оттуда банковый билетъ въ пятьсотъ піастровъ.

— Вотъ здѣсь вамъ на другой ключъ и на лакомства для вашихъ племянницъ во время прогулки.

— О, вы драгоцѣнный молодой человѣкъ! съ жаромъ сказала любительница декламаціи,—въ одинъ разъ и безъ всякаго интереса вы гораздо щедрѣе, чѣмъ какимъ показалъ себя падре Гаэте относительно моей племянницы Гертруды впродолженіи цѣлаго мѣсяца.

— Однако, вы все-таки старайтесь съ нимъ ладить. Теперь до свиданія.

— Я всегда и во всемъ готова къ вашимъ услугамъ, сеньоръ донъ Даніэль, произнесла донья Марселина съ поклономъ, нелишеннымъ нѣкоторой граціи. Затѣмъ эта барыня важной павою поплыла изъ комнаты.

ГЛАВА ОДИННАЦАТАЯ.

Въ которой читатель опять сталкивается съ обладателемъ камышевой трости.

Когда донья Марселина скрылась за дверью, Ферминъ ввелъ въ кабинетъ своего господина того старика, который такъ важно прогуливался сегодня утромъ по городу.

Держа въ лѣвой рукѣ шляпу, а въ правой — камышевую трость, этотъ старичекъ вошелъ съ величественною осанкою, потомъ сейчасъ же положилъ шляпу и трость на стулъ и поспѣшно протянулъ Даніэлю руку.

— Здравствуй, мой добрѣйшій и почтеннѣйшій Даніэль. Сегодня мнѣ крайне необходимо переговорить съ тобою, а тутъ какъ нарочно я встрѣчаюсь на своемъ пути съ величайшими затрудненіями,—я, твой первый наставникъ! Однако, я, наконецъ, тебя вижу и, съ твоего позволенія, сажусь.

— Вѣдь вы знаете, сеньоръ, что я обыкновенно встаю не очень рано.

— Ты всегда имѣлъ эту непреоборимую привычку, этотъ врожденный инстинктъ. Часто я долженъ былъ принимать про-

тивъ тебя суровыя мѣры, чтобы заставить тебя не пропускать священныхъ часовъ класснаго преподаванія.

— И, однако, со всѣми вашими суровыми мѣрами, вы все-таки не выучили меня порядочно писать, къ величайшему моему прискорбію, мой достойнѣйшій сеньоръ донъ-Кандидо.

— И къ моему неописанному восторгу.

— Неужели?! Въ такомъ случаѣ очень вамъ благодаренъ, сеньоръ.

— Впродолженіи тридцати двухъ лѣтъ, которые я посвятилъ святому, благородному и трудному дѣлу преподаванія, мнѣ пришлось замѣтить, что только тупоголовые ученики пріобрѣтали въ короткое время красивый, разборчивый, легкій и чистый почеркъ, и что дѣти съ рѣдкими и блестящими дарованьями, подобныя тебѣ, никогда не пріучаются писать даже маломальски сносно.

— Благодарю за комплиментъ, но признаюсь вамъ, что лучшій почеркъ нисколько не повредилъ бы мнѣ.

— Все это, однако, не мѣшаетъ тебѣ питать ко мнѣ искреннее и глубокое расположеніе.

— Конечно, нѣтъ, сеньоръ; я уважаю васъ, также какъ и всѣхъ людей, заботившихся о моемъ дѣтствѣ.

— И ты согласился бы оказать мнѣ услугу, если бы я къ тебѣ обратился съ просьбою?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, если бы могъ чѣмъ нибудь служить вамъ. Говорите со мной откровенно.

— Ты хочешь этого?

— Теперь матеріальные интересы вообще сильно потрясены. Мы переживаемъ такое время, когда финансовыя затрудненія сдѣлались очень обыкновенными. Выскажитесь откровенно, сдѣлайте одолженіе, повторилъ Даніэль, желая избавить свого наставника отъ непріятной необходимости первому заговорить о своихъ карманныхъ невзгодахъ, если только они привели сегодня къ нему донъ Кандидо.

— Нѣтъ, я не нуждаюсь ни въ металлическихъ, ни въ бумажныхъ деньгахъ. Благодаря моей бережливости, я успѣлъ сконить маленькій капиталецъ, и теперь доходы съ него обезпечиваютъ мнѣ сносное, безбѣдное существованіе. Я хочу про-

спть тебя о другой, болѣе важной услугѣ. Въ жизни нашей бываютъ ужасныя эпохи. Это—эпохи всеобщаго мрака, плачевныхъ переворотовъ, которые подвергаютъ опасности всѣхъ насъ—невинныхъ и виновныхъ! Эти революціи можно уподобить ужаснымъ, свирѣпымъ бурямъ, которыя, застигнувъ въ открытомъ, тревожномъ морѣ судно, угрожаютъ уничтожить его со всѣми пассажирами, не различая добродѣтельныхъ людей отъ злодѣевъ, людей, ходящихъ по путямъ божіимъ, отъ закоренѣлыхъ грѣшниковъ. Я помню одно свое морское путешествіе. Силы небесныя, какое ужасное плаваніе! Съ нами былъ одинъ францисканскій монахъ. Отличнѣйшій человѣкъ! Нѣтъ, Даніэль, что ни говори, а, право, и между духовными лицами есть предостойнѣйшіе люди... я зналъ такихъ, которые могли бы быть названы образцами христіанскихъ добродѣтелей; есть, правда, между ними и дурные люди, но вѣдь въ жизни все такъ бываетъ и...

— Извините, сеньоръ, вы кажется, удалились отъ своего главнаго предмета, замѣтилъ Даніэль, знавшій по опыту, что этотъ собесѣдникъ принадлежалъ къ числу тѣхъ оригиналовъ, которые никогда не окончатъ своихъ разглагольствованій, если дать полную свободу ихъ непстощимой словоохотливости.

— Сейчасъ, душа моя, сейчасъ, надо же высказать все обстоятельно.

— Я держусь того правила, сеньоръ, что о предметѣ какой нибудь важности лучше всего говорить безъ всякихъ обиняковъ, и прямо, не уклоняясь въ сторону, идти къ заключенію. Итакъ, къ дѣлу, настаивалъ Даніэль, не чувствуя сегодня въ себѣ охоты забавляться или терять безполезно время, хотя иногда его очень смѣшило обиліе разношерстныхъ прилагательныхъ, которыми его прежній учитель чистописанія любилъ уснащать свои нескончаемыя тирады.

— Изволь, буду говорить тебѣ, какъ нѣжному, любящему, благовоспитанному и разсудительному сыну.

— Довольно съ меня и послѣдняго качества,—чтожь далѣе?

— Я знаю, что ты плывешь при попутномъ вѣтрѣ, продолжалъ донъ Кандидо, любившій не менѣе прилагательныхъ всякія риторическія иносказательности.

— Вотъ этого я не понимаю.

— Я хочу сказать, что твои сильныя связи, твои вліятельные друзья, твое собственное высокое значеніе, постоянно укрѣпляемое неизмѣннымъ, блестящимъ, поразительнымъ успѣхомъ твоей завидной общественной карьеры, сильный авторитетъ твоего достойнѣйшаго папеньки...

— О, ради самаго неба, сеньоръ, повѣрьте мнѣ, что есть положенія, которыхъ не можетъ долго выносить мой организмъ,— скажите же мнѣ, наконецъ, что вамъ отъ меня угодно?

— Ахъ, другъ мой, объ этомъ я и рѣчь веду. Ты настоящая фосфорная спичка. Такимъ, совершенно такимъ, я припоминаю тебя, когда ты садился возлѣ меня съ правой стороны въ зеленой курточкѣ и съ волосами до самыхъ плечъ. Если дверь во время уроковъ чистописанія была отворена, ты оставлялъ свою шапку и со всѣхъ ногъ улепетывалъ къ себѣ домой. Итакъ, я сказалъ, что твое видное положеніе, къ которому открыли тебѣ широкую, ровную, просторную и блестящую дорогу связи твоего почтеннаго, умнаго, со всѣми обходительнаго отца, истиннаго патріота, точно также какъ и твои рѣдкія дарованія и твоя глубокая, врожденная склонность къ искреннему задушевному, братскому общежитію съ людьми...

— Очень хорошо, очень хорошо,—что же я могу для васъ сдѣлать?..

— Выслушай меня.

— Слушаю.

— Я знаю, что по мѣрѣ того, какъ горизонтъ событій становится мрачнѣе и гнетъ обстоятельствъ тяжелѣе...

— Ну, надо вооружиться терпѣніемъ! сказалъ самъ себѣ Даніэль, превозмогая себя, къ чему онъ уже привыкъ впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ своей тревожной практической жизни.

— У тебя есть связи.

— Многія, — дальше.

— И въ числѣ ихъ ты пользуешься лестнымъ расположеніемъ господина начальника полиціи донъ Бернандо Викторики. Не правда ли?

— Правда, что же вамъ угодно?

— Выслушай же меня, Даніэль. Я выучилъ тебя писать, я

любилъ тебя, какъ сына, за твой живой, веселый, игривый, быстрый, дѣятельный...

— Благодарю, благодарю васъ, сеньоръ.

— Изъ всѣхъ моихъ прежнихъ питомцевъ я къ тебѣ одному не боюсь питать чувство дружбы и близкой пріязни въ настоящее время, — въ это роковое время, которое, покрывшись зловѣщею бурною, молніеносною тучею общественныхъ потрясеній и разнузданныхъ страстей, угрожаетъ моему бѣдному, одинокому, безпомощному существованію полнѣйшей, неотразимой, жестокой гибелью.

— Что же вамъ, наконецъ, угодно? спросилъ Даніэль, закусывая губы, но не обнаруживая на своемъ лицѣ ни малѣйшихъ признаковъ нетерпѣнія, которое внутренно онъ давно уже чувствовалъ.

— Я хочу, чтобы ты оказалъ мнѣ большую и очень важную услугу, мой дорогой и уважаемый Даніэль.

— Но вѣдь это же самое вы изволили уже сказать въ началѣ нашей бесѣды!

— Не горячись, голубчикъ, объяснимся по порядку, послѣдовательно.

— Объяснимся, какъ вамъ угодно, только Бога ради объяснимся, наконецъ.

— Ты имѣешь связи?

— Да, сеньоръ.

— Вліятельныя?

— Да, сеньоръ.

— Ты друженъ также съ Викторикою?

— Да, сеньоръ.

— Такъ видишь ли, мой достойнѣйшій Даніэль, похлопочи...

— О чемъ?

— Ахъ, Даніэль, заклинаю тебя твоими первыми прописями, которыя я поправлялъ съ такимъ наслажденіемъ, похлопочи, пожалуйста... мы одни?

— Совершенно одни, отвѣчалъ Даніэль, нѣсколько удивляясь, что донъ Кандидо все болѣе и болѣе блѣднѣлъ по мѣрѣ приближенія къ роковому объясненію.

— Такъ ужь ради всего для тебя дорогого похлопочи, чтобы меня...

— Да что же, что, ради всѣхъ святыхъ угодниковъ?

— Чтобъ меня посадили въ тюрьму, дружочикъ Даніэль, боязливо шепнулъ донъ Кандидо на ухо своему бывшему питомцу, который вдругъ отскочилъ назадъ, неподвижно устремивъ взглядъ на своего собесѣдника, какъ бы желая убѣдиться, не обнаруживаетъ ли физіономія донъ Кандидо какихъ либо признаковъ умопомѣшательства.

— Ты удивляешься? продолжалъ донъ Кандидо, — а между тѣмъ я прошу отъ тебя этой важной услуги, какъ величайшаго, драгоцѣннѣйшаго, спасительнѣйшаго благодѣянія, какое только можетъ оказать смертный.

— Съ какою цѣлію вы желаете подвергнуться тюремному заключенію? спросилъ Даніэль, не находя ни одной мысли, которая могла бы его успокоить на счетъ правильности умственныхъ отправленій его экъ-наставника.

— Съ какою цѣлію? Гмъ. . хочу жить спокойно, безмятежно, безбоязненно, пока пройдетъ ужасная, всесокрушающая тревога, угрожающая всѣмъ намъ.

— Тревога?

— Да, другъ мой, тревога, буря, гроза, ураганъ, погромъ... О, ты еще не знаешь, какія ужасныя, кровавыя революціи могутъ возникнуть между людьми и, въ особенности, какія роковыя ошибки случаются въ такихъ передрягахъ. Въ 1820 г., — въ томъ ужасномъ году, когда всѣ, какъ будто, рехнулись въ Буэносъ-Айресѣ, я былъ два раза арестованъ по ошибкѣ, а теперь въ 1840 году, когда всѣ подѣлались демонами, я сильно боюсь чтобы мнѣ не отрубили голову тоже какъ нибудь по ошибкѣ. Я знаю настоящее положеніе дѣлъ, знаю, что предстоитъ въ будущемъ, и хочу, чтобы меня посадили въ тюрьму за какой нибудь гражданскій проступокъ, за что нибудь такое, что не принадлежитъ къ области политики.

— Но въ чемъ же дѣло? Что предстоитъ въ будущемъ? спросилъ Даніэль, начиная подозрѣвать, что въ словахъ донъ Кандидо была скрыта какая-то важная мысль.

— Какъ въ чемъ дѣло? Развѣ ты не читаешь «Газету», кото-

рая каждый день наполняется звѣрскими угрозами народной ярости, предсказаніемъ кровавыхъ смятеній, рѣзни, смерти?

— Но все это направлено противъ унитаріевъ, а вы, сколько мнѣ извѣстно, не замѣшаны ни въ какихъ противуправительственныхъ интригахъ.

— А, нѣтъ, Боже упаси, только видишь ли эти ужасныя, громовыя, потрясающія, изступленныя угрозы направлены не противъ однихъ унитаріевъ, а противъ всѣхъ, и притомъ я трепещу при мысли о роковыхъ ошибкахъ.

— Пустяки!

— О, нѣтъ, другъ мой, не пустяки! Развѣ ты не видишь этихъ страшныхъ, звѣронодобныхъ людей, которые недавно явились, вѣроятно, изъ самой глубины тартара, и которые встрѣчаются теперь вездѣ — въ ресторанахъ, на улицахъ, на площадяхъ, въ священныхъ, благолѣпныхъ вратахъ храмовъ — съ чудовищными у пояса кинжалами, заостренными, какъ верхушка прописнаго А?..

— Ну, что же? Вѣдь вы знаете, что кинжалъ былъ и всегда будетъ оружіемъ федераціи.

— Но я назвалъ только первые страшные, зловѣщіе симптомы той грозы, которую я предсказывалъ. Нуженъ былъ только благопріятный для нея моментъ, чтобы она могла разразиться со всею силою, — теперь моментъ этотъ насталъ.

— Почему же онъ насталъ? Говорите же, сеньоръ!

— О, это тайна, которую я ношу сегодня съ четырехъ часовъ въ моей груди, и которая мучитъ меня, какъ отравленное остріе кинжала.

— Предупреждаю васъ, сеньоръ, что если вы не будете говорить со всевозможной ясностью и безъ всякихъ ядовитыхъ тайнъ въ груди, то я не пойму ни полслова и найдусь вынужденнымъ сказать вамъ, что у меня есть теперь безотлагательное дѣло.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты не уйдешь. Выслушай меня.

— Извольте, я слушаю.

Донъ Кандидо всталъ съ мѣста, подошелъ къ двери, которая вела изъ кабинета въ смежную комнату, заглянулъ въ замочную скважину и убѣдившись, что съ противоположной стороны

двери никого небыло, возвратился къ Даніэлю и сказалъ ему на ухо таинственнымъ шопотомъ:

— Ла-Мадридъ съ своимъ отрядомъ объявилъ себя противъ Розаса!—Даніэль подпрыгнулъ въ своемъ креслѣ; лучъ радости, почти неуловимый лучъ блеснулъ на его лицѣ, и въ тоже мгновеніе изчезъ подъ вліяніемъ желѣзной воли этого молодого человѣка, особенно не умѣвшаго обнаруживать на своемъ лицѣ тѣхъ внѣшнихъ признаковъ, которые у другихъ людей часто выдаютъ внутреннія движенія.

— Вы бредите, сеньоръ, проговорилъ онъ, опять усаживаясь спокойно въ креслѣ.

— Вѣрно, Даніэль, совершенно вѣрно и также справедливо, какъ мы говоримъ теперь вмѣстѣ и наединѣ Не правда ли мы одни въ настоящую минуту?

— Да, сеньоръ и если вы не разскажете мнѣ толкомъ всего, что вамъ извѣстно, то я подумаю, что вы изволите шутить со мною, какъ съ глупымъ мальчишкой.

— Нѣтъ, мой достойнѣйшій и возлюбленный Даніэль, я и не думаю шутить. Выслушай меня, и ты убѣдишься, что я говорю сущую правду. Тебѣ извѣстно, что оставивъ преподаваніе каллиграфіи, т. е. четыре года тому назадъ, я обзавелся домкомъ и зажилъ безмятежно, довольствуясь скромнымъ доходомъ съ моего маленькаго капитальца. Для присмотра за домикомъ, хозяйствомъ и за моимъ гардеробомъ я оставилъ у себя въ услуженіи пожилую женщину, бѣлокурую, высокаго роста. Отличнѣйшая женщина—рачительная, усердная, благопристойная, бережливая...

— Однако, сеньоръ, что можетъ быть общаго между этой женщиной и генераломъ ла-Мадридомъ?

— А вотъ сейчасъ увидишь. У этой женщины есть сынъ, съ десяти лѣтъ проживавшій въ Тукуманѣ и поступившій тамъ въ военную службу; примѣрный сынъ, никогда не забывавшій присылать матери часть своихъ заработковъ. Да ты слушаешь ли меня?

— Слушаю, слушаю, сеньоръ.

— Ну, теперь скажу тебѣ, какое отношеніе эта исторія имѣетъ ко мнѣ. Дверь моего дома выходитъ на улицу. Ахъ, да,

я и позабылъ тебѣ сказать, что сынъ этой женщины пріѣзжалъ сюда нарочнымъ въ половинѣ прошедшаго года, — понимаешь?

— Извольте, извольте, я все понимаю.

— Такъ вотъ, видишь ли, мой домъ выходитъ дверью на улицу, а также на улицу обращено окно въ комнатѣ моей служанки, — оно, надо тебѣ сказать, безъ рѣшетки. Въ эти послѣдніе мѣсяцы, впродолженіи которыхъ насъ всѣхъ обуялъ смертный страхъ въ Буэносъ-Айресѣ, сонъ рѣшительно меня оставилъ, и я не сплю, а только переворачиваюсь съ бока на бокъ. Прежде я отправлялся поиграть въ картишки къ старымъ, честнымъ, благороднымъ друзьямъ, которые никогда не говорятъ о мрачной политикѣ нашего злополучнаго, бурнаго, опаснаго времени, но теперь я уже не хожу, и послѣ вечерень запираюсь у себя дома.

— О, пощадите меня, сеньоръ! Съ какой стати тутъ прилелись картишки къ...

— А вотъ погоди, я сейчасъ объ этомъ буду говорить.

— О чемъ, — о картишкахъ?

— Нѣтъ, о томъ, какъ бишь...

— О генералѣ Ла-Мадридѣ?

— Да.

— Слава тебѣ, Господи!

— Сегодня эдакъ часа въ четыре утра... Я по обыковенію не спалъ... вдругъ слышу, что у воротъ остановилась чья-то верховая лошадь, а по стуку сабли, всунутой въ металлическія ножны, догадываюсь, что прискакавшій и спѣшившійся человѣкъ былъ офицеръ или солдатъ. Я не военный герой; видъ крови приводитъ меня въ ужасъ, и я признаюсь тебѣ откровенно, что въ эту минуту я началъ дрожать всѣмъ тѣломъ, какъ осиновый листъ, и съ ногъ до головы меня такъ и обдало холоднымъ потомъ,—уфъ, бррръ... ужасное положеніе, неправда ли?

— Продолжайте, сеньоръ, сдѣлайте божескую милость.

— Изволь, душа моя, продолжаю. Я всталъ съ постели, тихонько отворилъ ставню, потомъ форточку окна; на дворѣ было еще очень темно, однако я замѣтилъ, что пріѣхавшій человѣкъ, безъ большаго шума, стучался по другую сторону двери — въ окно моей служанки Николасы, и она, обмѣнявшись съ нимъ

нѣсколькими словами, которыхъ я не разслышалъ, отворила окно, послѣ чего поздній гость вошелъ въ комнату. Всѣ мои мысли безпорядочно смѣшались, голову мою можно было уподобить бурному, клокочущему, стремительному вулкану. Боясь коварнаго предательства и не теряя ни одной минуты, я вышелъ босыми ногами во дворъ и заглянулъ чрезъ замочную скважину въ комнату Николасы. И... и... какъ бы ты думалъ, кого я узналъ?..

— Скажите, тогда я буду знать.

— Сына, преданнаго, любящаго, добронравнаго сына Николасы, который сжималъ ее въ своихъ объятіяхъ. Однако, я не ушелъ въ свою комнату и сталъ прислушиваться внимательно, желая положительно убѣдиться, что мнѣ не угрожала никакая опасность. Николаса предлагала приготовить ему постель, но онъ отъ этого отказался, говоря, что ему какъ можно скорѣе нужно возвратиться къ губернатору, которому онъ съ минуту тому назадъ вручилъ бумаги, посланныя съ нимъ изъ провинціи Тукумана.

— Продолжайте, продолжайте, сеньоръ, и не пропускайте ничего существеннаго, сказалъ Даніэль, котораго уже не пугали прилагательныя, эпизоды и реторическія прибавленія.

— Всѣ слова, произнесенныя имп, неизгладимо напечатлѣлись въ моей памяти, какъ будто были начертаны тамъ раскаленнымъ желѣзомъ. Сынъ сказалъ, что бумаги были отправлены очень богатыми тукуманскими сеньорами, вѣроятно, извѣщавшими въ нихъ губернатора о томъ, что сдѣлалъ генералъ Ла-Мадридъ. Николаса, любопытная, нескромная, острая на языкъ, какъ всякая дщерь Евы, засыпала сына разспросами по этому поводу, и сынъ, подъ условіемъ строжайшей тайны, сообщилъ ей, что Ла-Мадридъ, вступивъ въ предѣлы Тукумана, сейчасъ же открыто и торжественно объявилъ себя противъ Розаса, что весь народъ принялъ его съ необыкновеннымъ ликованіемъ и что тамошнее правительство сдѣлало его главнокомандующимъ всѣхъ линейныхъ и милиціонерныхъ войскъ въ провинціи, точно также, какъ начальникомъ штаба назначило полковника донъ Лоренцо Лугонеса, а командиромъ орденскихъ кирасировъ — полковника донъ Маріано Ачу. Вообрази, другъ мой, какое впечатлѣніе все это должно было произвести на

меня, стоявшаго въ одной рубашкѣ у двери комнаты Николасы...

— Да, да, но продолжайте, пожалуйста, сказалъ Даніэль, жадно вслушивался въ каждое слово, произносимое донъ Кандидо.— За эти утѣшительныя слова Даніэль готовъ былъ бы заплатить всѣмъ своимъ состояніемъ, а между тѣмъ онѣ не производили никакого видимаго измѣненія въ наружности молодого человѣка, умѣвшаго, какъ мы сказали, побѣждать игру физіономіи могуществомъ своей непреклонной воли.

— Что тутъ еще продолжать, что намъ нужно еще знать? Все, что онъ далѣе говорилъ своей матушкѣ, касалось народныхъ овацій, восторговъ, военныхъ движеній въ провинціяхъ, которыя почти всѣ объявили себя противъ Розаса.

— Но, можетъ быть, онъ произнесъ еще чье нибудь имя, упомянулъ о какомъ нибудь особенномъ обстоятельствѣ?

— Нѣтъ, ничего такого не говорилъ. Онъ пробылъ у матери всего не болѣе десяти минутъ; потомъ далъ ей немного денегъ, поцѣловалъ у ней руку и вышелъ, обѣщая еще зайти къ ней сегодня, если его не отправятъ рано утромъ, потому что этотъ сынъ... о, да я лучше разскажу тебѣ всю исторію...

— А сколько ему лѣтъ?

— Онъ молодъ, очень молодъ,— не болѣе двадцати двухъ или двадцати трехъ лѣтъ отъ роду, высокій, статный, румяный, съ орлинымъ носомъ, хорошо сложенъ, бойкій, мускулистый, расторопный, молодцоватый, мужественный...

— Въ этомъ возрастѣ человѣкъ обыкновенно еще сохраняетъ нравственную свѣжесть. Сынъ, издалека заѣзжающій украдкою къ матери не можетъ не имѣть сердца, честнаго сердца.—Донъ Кандидо не солгалъ ни на волосъ, во всемъ, что говорилъ, слѣдовательно, достовѣрность этого событія не подлежитъ сомнѣнію. — О, небо, благодарю тебя! внутренно сказалъ Даніэль, не обращая никакого вниманія на послѣднія прилагательныя донъ Кандидо.

— Прекрасно, продолжалъ онъ вслухъ, — допустимъ, что все, сказанное вами о генералѣ Ла-Мадридѣ, совершенно справедливо; и все-таки никакъ не могу взять въ толкъ, какое вы извлекаете отсюда слѣдствіе лично для васъ самихъ.

— Для меня? ты долженъ былъ бы сказать — для всѣхъ. Послушай, будемъ говорить откровенно. Какъ ты ни прикидывайся по внѣшнему виду, не можетъ быть, чтобы ты симпатизировалъ правительству, чтобы ты любилъ смятенія и кровь. Такъ ли я говорю?

— Сеньоръ, мнѣ будетъ очень лестно, если вы захотите посвящать меня въ ваши секреты, и я могу поручиться вамъ честнымъ словомъ, что вы не будете имѣть причинъ обвинять меня въ нескромности, но въ настоящемъ случаѣ я не вижу никакой необходимости откровенно высказываться передъ вами относительно моихъ политическихъ убѣжденій.

— Ну, ну, ладно, это — похвальная осторожность, но я, братецъ ты мой, вижу все насквозь. И я говорилъ тебѣ или хотѣлъ сказать, что поступокъ генерала Ла-Мадрида приведетъ господина губернатора въ неописанную, чудовищную ярость, что эта кровавая ярость, словно быстролетный, тончайшій эфиръ, мгновенно сообщится всѣмъ этимъ героямъ, которыхъ ни ты, ни я не имѣемъ чести знать, и которые, повѣрь мнѣ, приходятся съ родни самому сатанѣ. Я скажу тебѣ также, что всѣ угрозы «Газеты» будутъ приведены въ исполненіе, что вышеречённые герои начнутъ колоть и рубить съ плеча на право и на лѣво, наконецъ, что я, при всемъ глубокомъ убѣжденіи въ моей незапятнанной, умиленія достойной, голубиной невинности, не могу твердо положиться, чтобы меня не убили, хоть бы, напримѣръ, по ошибкѣ. А этого-то и надобно избѣжать,—ты долженъ оградить меня отъ этой лютой опасности, мой достойнѣйшій, возлюбленнѣйшій сынъ и другъ Даніэль.

— Мнѣ кажется, что, при подобныхъ опасеніяхъ, для васъ было бы всего лучше не выходить изъ дома до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ всесокрушающая тревога, какъ вы изволите выражаться.

— Да что же въ томъ толку? Представь себѣ, что эти герои, по ошибкѣ, принимаютъ мой домъ за домъ провинившагося сосѣда, и вмѣсто того, чтобы убить какого нибудь Хуана— Чортъ-его-поберн, жестокосердо умерщвляютъ бѣдняжку донъ Кандидо Родригеца, бывшаго учителя чистописанія, человѣка

честнаго, мирнаго, незлобиваго и глубоко нравственнаго, — а, что скажешь тогда?

— О, это было бы ужасное приключеніе!

— Да, сеньоръ, для моей кожи—ужасное, кровопійственное, злодѣйское, демонское!

— Но что же намъ, наконецъ, дѣлать?

— Избѣжать его, предупредить его, не допустить его, предотвратить его, увернуться отъ него, скрыться отъ него.

— По какимъ образомъ.

— А вотъ выслушай меня. Когда я буду посаженъ въ тюрьму не по приказанію господина губернатора, а по распоряженію какой нибудь ему подчиненной власти, то губернаторъ, который не знаетъ меня и даже не узнаетъ о моемъ арестѣ, такъ какъ меня лишатъ свободы не за политическія преступленія,—губернаторъ, говорю я, не приметъ противъ меня никакихъ суровыхъ мѣръ. Поголовнаго истребленія тюремныхъ обитателей, Богъ дастъ, не случится, да если бы и случилось, то начальникъ тюрьмы всегда успѣетъ предупредить о причинахъ моего заключенія. Я буду жить въ тюрьмѣ также счастливо, какъ живу дома, когда бываю совершенно спокоенъ. Солдаты для меня не будутъ страшны, напротивъ, они будутъ служить для меня гарантіей противъ всякихъ нападеній народнаго общества и въ особенности противъ всякихъ роковыхъ ошибокъ.

— Все это, можетъ быть, и не лишено нѣкоторой основательности, но даже предполагая, что это—разумно задуманный планъ, какимъ образомъ я могу похлопотать о вашемъ тюремномъ заключеніи, сеньоръ Кандидо? Какой выдумать для этого предлогъ?

— О, ничего не можетъ быть легче! Послушай: отправляйся сейчасъ же къ Викторикѣ и скажи ему, что я нанесъ тебѣ грубое оскорбленіе, и что ты до начала криминальнаго противъ меня процесса, просишь, чтобы меня подвергли предварительному аресту. Меня хватаютъ за шиворотъ, я ни мало не сопротивляюсь,—и вотъ я въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока не попрошу тебя отворить мнѣ ея двери.

— Однако, сеньоръ, въ нашемъ обществѣ не принято, что-

бы люди монхъ лѣтъ и моего положенія въ свѣтѣ безпокоили полицейскія власти по поводу личныхъ оскорбленій. При всемъ томъ, надо будетъ о васъ подумать, продолжалъ Даніэль, котораго голова, занятая внезапно полученнымъ имъ извѣстіемъ, въ тоже время соображала ту пользу, какую можно было бы извлечь изъ этого человѣка, совершенно потерявшагося подъ вліяніемъ ужаса.—Этотъ господинъ, раздумывалъ Даніэль, согласится на все съ полнѣйшей готовностью взамѣнъ какой нибудь гарантіи противъ опасностей, созданныхъ его воображеніемъ.

— О, я зналъ, что ты примешь мое горестное положеніе близко къ сердцу,—ты, благороднѣйшій, великодушнѣйшій, человѣколюбивѣйшій изъ всѣхъ монхъ прежнихъ питомцевъ! ты спасешь меня, о, неправда ли,—ты меня спасешь?

— Попробую. Согласны ли вы были бы занять должность чиновника при особѣ, которой политическое положеніе даетъ всѣмъ, при ней служащимъ, лучшую рекомендацію въ Федерализмѣ?

— О, это былъ бы зенитъ самыхъ смѣлыхъ монхъ желаній! Я никогда не былъ чиновникомъ, но напрактиковался бы не хуже другихъ. И притомъ я готовъ служить даже безъ жалованья. Я согласенъ жертвовать мой служебный гонорарій на тотъ предметъ, на какой будетъ благоугодно моему высокому, достойному начальнику, къ которому съ этой минуты я питаю глубочайшее, благоговѣйное, непреложное уваженіе. Ты спасешь меня, Даніэль!

И донъ Кандидо заключилъ Даніэля въ свои объятія съ такою теплотою чувства, которую самъ достойный наставникъ назвалъ бы восторженною, пламенною, непреоборимою, всеувлекающею.

— Теперь отправляйтесь спокойно домой, сеньоръ донъ Кандидо, и будьте такъ добры, навѣдайтесь ко мнѣ завтра.

— Непремѣнно, непремѣнно!

— Только ужь разумѣется не въ шесть часовъ утра.

— Нѣтъ, я приду въ семь.

— И это рано. Приходите лучше въ десять часовъ утра.

— Отлично, явлюсь въ десять часовъ, буду точенъ, акуратенъ, непогрѣшителенъ.

— Еще одно слово: храните въ строжайшей тайнѣ извѣстіе о генералѣ Ла-Мадридѣ.

— Я рѣшился не спать сегодня ночью, чтобы даже не бредить объ этой исторіи во снѣ. Клянусь тебѣ, какъ честный, мирный гражданинъ.

— Клятвы здѣсь не нужны, сеньоръ, — итакъ, до завтра, сказалъ съ улыбкою Даніэль, подавая руку своему наставнику и провожая его до двери кабинета.

— До завтра, достойнѣйшій и возлюбленнѣйшій Даніэль — благороднѣйшій и честнѣйшій изъ моихъ прежнихъ питомцевъ. До завтра, другъ, сынъ и покровитель.

Донъ Кандидо Родригецъ вышелъ изъ дома, держа подъ мышкою свою камышевую трость, но уже не прибѣгая къ тѣмъ предосторожностямъ, какія онъ счелъ необходимыми при входѣ сюда, такъ какъ скоро, очень скоро сеньоръ Кандидо долженъ былъ вступить на службу въ канцелярію великаго сановника федераціи 1840 года.

— Теперь уже двѣнадцать часовъ, Ферминъ,—давай-ка мнѣ фракъ или визитку, что хочешь, — да живо! сказалъ Даніэль своему слугѣ, вошедшему въ кабинетъ въ ту самую минуту, когда донъ Кандидо скрылся за другой дверью.

— Приходили отъ полковника Соломона, сказалъ Ферминъ.

— Съ письмомъ?

— Нѣтъ, сеньоръ, полковникъ Соломонъ поручилъ передать вамъ на словахъ, что онъ не отвѣчаетъ вамъ письменно, такъ какъ не могъ скоро найти чернилицу, но что сегодня въ четыре часа вечеромъ будетъ открыто засѣданіе общества, а васъ просятъ пожаловать въ половинѣ четвертого.

— Хорошо, ну, поскорѣе одѣваться.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Флоренсія и Даніэль.

Большіе башенные часы ратуши еще не пробили двухъ часовъ, когда Даніэль Бельо вышелъ отъ господина министра ино-

странныхъ дѣлъ, донъ-Фелипе Араны, проживавшаго въ улицѣ Депутатовъ, которою молодой человѣкъ продолжалъ идти по направленію къ югу, до улицы Венесуэлы, пересѣкающей городъ отъ востока къ западу. Затѣмъ, повернувъ изъ этой улицы и направляясь къ Низовью, Даніэль дошелъ до улицы de la Reconquista.

У министра онъ не провѣдалъ ничего относительно своего друга Эдуардо, или, говоря точнѣе, имѣлъ причины радоваться, замѣтивъ, что сеньоръ Арана не зналъ ничего положительнаго объ исторіи прошедшей ночи, несмотря на то, что онъ, передъ визитомъ Даніэля, только что возвратился отъ его высокопревосходительства губернатора и употребилъ всѣ зависящія отъ него усилія, чтобы ранѣе Викторики разузнать о томъ, что случилось въ Низовьѣ. Въ этихъ поискахъ сеньоръ министръ лично сознавался Даніэлю.

Именно этого и домогался Даніэль, — т. е. положительнаго незнанія обстоятельствъ ночной исторіи сановитыми лицами, или путаницы въ донесеніяхъ, поступившихъ къ нимъ; для этого онъ препроводилъ къ нимъ свои ночныя письма, а остатокъ дня посвятилъ рекогносцировкѣ непріятельской мѣстности. И такъ, теперь ему было ясно, что министръ не успѣлъ ничего пронюхать о случившемся ночью. Затѣмъ Даніэль долженъ былъ узнать изъ хорошенькихъ устъ своей Флоренсіи, что говорили донья Августина Розасъ-де-Мансилья и донья Марія-Хозефа Эскура объ этомъ происшествіи, такъ какъ ихъ свѣденія и догадки должны были исходить изъ дома Розаса, куда стекались всѣ донесенія Викторики и его драбантовъ, и гдѣ названныя барыни бывали каждое утро. Наконецъ, сегодня вечеромъ Даніэль долженъ былъ узнать, насколько загадочная ночная исторія была извѣстна народному обществу и его президенту, и не распространился ли уже разными официальными и полуофиціальными путями какой нибудь важный слухъ въ городѣ по поводу кроваваго происшествія.

Между тѣмъ, сдѣлавъ визитъ министру, Даніэль не потратилъ времени безъ всякой пользы. Сеньоръ Арана попался въ тончайшую сѣть, сотканную искусными руками этого молодого человѣка, употреблявшаго вмѣсто всякаго оружія свое невозму-

тимое мужество, и имѣвшаго единственнымъ союзникомъ свой свѣтлый умъ. То была мрачная эпоха, когда всѣ общественныя узы, всѣ побужденія чести и дружбы были ослаблены ужасомъ, который обуялъ всю массу несчастнаго аргентинскаго народа, задавленнаго тиранніей и, говоря откровенно, никогда не умѣвшаго развить въ себѣ тотъ духъ ассоціаціи, который былъ для него всегда дѣломъ первой, вопіющей моральной необходимости. И въ ту грустную эпоху этотъ юноша,—этотъ живой, дѣятельный протестъ противъ Розаса, этотъ благородный, но слишкомъ самонадѣянный герой задумалъ одною силою своего ума разрушить порядокъ вещей, скорѣе созданный соціальными неправдами аргентинскаго народа, чѣмъ усиліями и стремленіями диктатора.

Донъ Фелипе Арана очень высоко цѣнилъ дарованія Даніэля и нерѣдко обращался къ нему за помощью, когда нужно было составить какую нибудь офиціальную бумагу или сдѣлать переводъ съ французскаго, такъ какъ въ обоихъ этихъ необыкновенно важныхъ случаяхъ господинъ министръ иностранныхъ дѣлъ напрасно ломалъ свою превосходительную голову. И теперь сеньоръ Арана согласился принять совѣтъ Даніэля, — согласился съ тою наивною, дѣтски-простодушною готовностью своего голубинаго сердца, которую онъ началъ обнаруживать съ 1804 года, когда вступилъ въ братство св. таинствъ. Въ ту эпоху онъ шествовалъ впереди отцовъ францискацевъ, въ своей малиновой бархатной шубкѣ и съ колокольчикомъ въ рукѣ, что случалось въ первое воскресеніе каждаго мѣсяца, такъ какъ въ этотъ день, по случаю освященія новой остіи, изъ соборнаго храма выходила торжественно духовная процессія.

Этотъ совѣтъ, принятый сеньоромъ Араною, долженъ былъ произрастить плодоносное дерево для нашего молодого знакомца, которому не доставало только офиціальной поддержки, чтобы быть однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ революціонной драмѣ, возникшей среди буэносъ-айресскаго населенія. Однако, несмотря на совершенное отсутствіе союзниковъ, этотъ юноша успѣлъ развить въ своей головѣ цѣлый планъ энергическаго возстанія противъ Розаса,—планъ, съ которымъ читатель познакомится впослѣдствіи, по мѣрѣ дальнѣй-

шаго хода событій; скоро намъ представится также случай узнать, въ чемъ заключался важный совѣтъ Даніэля, благосклонно принятый донъ Фелипе Араною.

Теперь возвратимся къ Даніэлю, который, повернувъ изъ улицы Реконкиста, шелъ тою небрежною, но въ тоже время изящною походкою, которая составляетъ врожденное, развитое воспитаніемъ преимущество образованной молодежи, и которую никогда не съумѣютъ удачно скопировать грубые фаты, фальшивые львы. Въ своей черной, застегнутой визиткѣ, въ бѣлыхъ на рукахъ перчаткахъ, находясь въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и обладая тою выразительною южноамериканскою физіономіей, которая обличаетъ страстную душу и воспріимчивый умъ, — Даніэль былъ очень интересенъ въ глазахъ женщинъ и возбуждалъ глубокую симпатію къ себѣ въ образованныхъ людяхъ, видѣвшихъ въ немъ лучшее украшеніе своего общества. Въ прекрасныхъ глазахъ юноши искрилось огненное воображеніе, а полу-небрежная, полу-надменная осанка — качество, принадлежащее только избраннымъ натурамъ—выражала полнѣйшее довѣріе къ своимъ собственнымъ силамъ и стойкое, безстрашное мужество.

Войдя въ улицу Реконкиста, молодой человѣкъ скоро отыскалъ священное убѣжище, въ которомъ жила боготворимая имъ женщина.

Флоренсія сидѣла за круглымъ столомъ и сумрачно глядѣла на букетъ цвѣтовъ, помѣщавшійся въ стоявшемъ предъ нею, прекрасномъ фарфоровомъ вазонѣ. Но дѣвушка не видѣла цвѣтовъ, не восхищалась ихъ тонкимъ ароматомъ и вся отдалась безвыходному унынію подъ вліяніемъ неотступной мысли, не переставшей повторять ей отъ слова до слова все, что она, бѣдненькая, недавно слышала отъ доньи Маріи-Хозефы, и въ тоже время Флоренсія старалась нарисовать въ воображеніи, по своему произволу, портретъ этой ненавистной Амаліи, и думала, что изображеніе, ею созданное, совершенно вѣрно съ дѣйствительностью.

Глубокое раздумье до такой степени овладѣло всѣми чувствами Флоренсіи, что она, точно сквозь тяжелый сонъ, слышала только, какъ кто-то позади ея отворилъ дверь и вошелъ

въ комнату,—и вдругъ дѣвушка была внезапно пробуждена изъ своего усыпленія теплотою губъ, страстно прильнувшихъ къ ея лѣвой рукѣ, опиравшейся о столъ.

— Даніэль! вскричала дѣвушка, внезапно встрепенувшись и сейчасъ же отступая назадъ.

Это движеніе не имѣло въ себѣ ничего любезнаго, на лицѣ появилось выраженіе не досады, а отвращенія, и лицо это, вмѣсто того, чтобы покрыться очаровательнымъ стыдливымъ румянцемъ, обыкновеннымъ въ подобныхъ случаяхъ, страшно поблѣднѣло. Все это до того озадачило Даніэля, что онъ стоялъ нѣкоторое время, какъ вкопанный.

— Кабальеро, [1]) моей матери нѣтъ дома, произнесла Флоренсія спокойнымъ голосомъ, полнымъ достоинства.

— Кабальеро! Матери нѣтъ дома! повторилъ Даніэль, какъ бы чувствуя необходимость сказать слова эти самому себѣ, чтобы убѣдиться, что они были произнесены возлюбленною его сердца,—Флоренсія, продолжалъ онъ,—хоть убей меня, никакъ не понимаю ни этого страннаго тона, ни измѣненій, какія замѣчаю въ твоемъ личикѣ!

— Я сказала, что нахожусь здѣсь одна, и попрошу васъ обращаться ко мнѣ съ тѣмъ уваженіемъ, какое мужчина долженъ оказывать дѣвушкѣ.

Даніэль покраснѣлъ до ушей.

— Флоренсія, ради всего святого, скажи, что ты шутишь, или, наконецъ, скажи, что я потерялъ разсудокъ...

— Нѣтъ, не разсудокъ, а вы потеряли нѣчто другое.

— Другое?

— Да.

— Что же это такое, Флоренсія?

— Мое уваженіе, сеньоръ.

— Твое уваженіе,—я?

— Да и что вамъ до моей привязанности или уваженія? сказала Флоренсія съ мимолетной улыбкою и съ тою презри-

---

[1]) Формула холодной вѣжливости въ обращеніи къ незнакомымъ или очень мало знакомымъ мужчинамъ.

тельною гримаскою, которая дѣлала еще очаровательнѣе ея маленькій ротикъ.

— Флоренсія! съ жаромъ сказалъ Даніэль, дѣлая шагъ впередъ.

— Прошу васъ не забываться, кабальеро! произнесла дѣвушка, не трогаясь съ своего мѣста. Голова ея была гордо поднята вверхъ, а рука протянута къ Даніэлю, который почти касался своими губами ладони своей хорошенькой невѣсты. Но эта фраза и этотъ жестъ сеньориты Дюпаскье были исполнены такого серьезнаго достоинства и твердой рѣшимости, что Даніэль остановился, какъ прикованный къ мѣсту. Затѣмъ, отступивъ нѣсколько шаговъ назадъ, онъ положилъ свою лѣвую руку на спинку кресла, тогда какъ Флоренсія придерживалась за круглый столъ.

Прошло нѣсколько секундъ, впродолженіи которыхъ поссорившіеся влюбленные молча глядѣли другъ на друга, причемъ каждый изъ нихъ приписывалъ себѣ право выжидать объясненій другого. Сцена начинала принимать серьезный характеръ.

— Позволяю себѣ думать, сеньорита, сказалъ Даніэль, прерывая молчаніе, — что если я лишился уваженія, то все-таки сохранилъ право спросить о причинѣ такого несчастія.

— А я, сеньоръ, если не могу руководствоваться правомъ, то все-таки буду слушаться моей капризной фантазіи не отвѣчать вамъ на этотъ вопросъ, отозвалась Флоренсія съ такимъ подавляющимъ высокомѣріемъ, которое способны обнаруживать только женщины съ глубокимъ и очень развитымъ нравственнымъ чувствомъ, когда онѣ обижены или считаютъ себя обиженными любимымъ человѣкомъ, тогда какъ онъ, по ихъ убѣжденію, не имѣетъ права сдѣлать имъ ни малѣйшаго упрека.

— Въ такомъ случаѣ, сеньорита, беру на себя смѣлость сказать, что если это не шутка, выходящая уже изъ границъ, то я вижу въ этомъ несправедливость, отъ которой вы нисколько не выигрываете въ моемъ мнѣніи, холодно сказалъ Даніэль.

— Знаю, но чтожъ дѣлать...

Даніэль былъ въ отчаяньи.

— Флоренсія, если вчера вечеромъ я ушелъ въ девять ча-

совъ, то это потому, что одно, очень важное дѣло требовало моего присутствія въ другомъ мѣстѣ.

— Сеньоръ, вы имѣете полнѣйшую свободу входить сюда и выходить отсюда, когда вамъ заблагоразсудится.

— Благодарю васъ, сеньорита, сказалъ Даніэль, закусывая губы.

— Позвольте и мнѣ поблагодарить васъ, кабальеро.

— За что же, сеньорита?

— За ваше необыкновенно честное поведеніе.

— За поведеніе?!

— Вы сегодня что-то плохо слышите, кабальеро, — повторяете мои слова, какъ будто стараетесь заучить ихъ на память, сказала Флоренсія со смѣхомъ, подаривъ Даніэля невыразимо презрительнымъ взглядомъ.

— Есть слова, которыя я долженъ повторять себѣ, чтобы проникнуть въ ихъ смыслъ.

— Тутъ повтореніе совершенно неумѣстно и безполезно.

— Могу ли знать — почему, сеньорита?

— Потому что тотъ, у кого есть глаза, уши и мозгъ, долженъ слышать, что ему говорятъ, и понимать вещи, а глухому...

— Флоренсія! прервалъ Даніэль сердитымъ голосомъ,—тутъ скрывается вопіющая несправедливость, и я сейчасъ же требую объясненія.

— Требую, изволили вы сказать?

— Да, сеньорита, я требую.

— Будьте такъ добры, — повторите это еще разъ.

— Флоренсія!

— Сеньоръ?

— О, это, однако, ужь черезъ чуръ!

— Вы думаете?

— Я думаю, сеньорита, что это — или неблагородная шутка или желаніе найти предлогъ къ разрыву,—желаніе, во всѣхъ отношеніяхъ васъ недостойное. Три года постоянства и любви даютъ мнѣ право спросить о побудительныхъ причинахъ подобной тактики и просить васъ сказать мнѣ, за что я могъ навлечь на себя подобное оскорбительное обращеніе.

— А, вы уже не требуете, а *просите*, такъ ли я слышала? Это другое дѣло, мой достойнѣйшій сеньоръ, сказала Флоренсія, измѣряя Даніэля съ ногъ до головы самымъ надменнымъ и презрительнымъ взглядомъ.

Лицо Даніэля сильно побагровѣло. Его самолюбіе, его честь, сознаніе полной правоты — всѣ благороднѣйшіе его инстинкты возмутились при этомъ дерзкомъ взглядѣ Флоренціи.

— Требую или прошу, какъ вамъ будетъ угодно,—но я желаю—слышите ли вы, сеньорита?—я желаю имѣть отъ васъ объясненіе этой сцены, проговорилъ онъ, опять опираясь рукою о спинку кресла.

— Не горячитесь, сеньоръ, сдѣлайте одолженіе, вамъ нуженъ звучный голосъ, а вѣдь вы можете охрипнуть, поднимая такой крикъ. Не забывайте, прошу васъ, что вы говорите съ женщиной.

Даніэль вздрогнулъ. Это напоминаніе было для него тяжелѣе всѣхъ прежнихъ обидныхъ словъ Флоренсіи.

— Я съума сошелъ, о, Боже мой, Боже мой!... застоналъ онъ, понуривъ голову и закрывая глаза рукою

Съ минуту въ залѣ опять не прерывалось молчаніе. Наконецъ, Даніэль заговорилъ первый.

— Послушайте, Флоренсія, за что вы мучите меня такимъ жестокимъ, несправедливымъ обращеніемъ? Неужели вы отказываете мнѣ въ правѣ просить отъ васъ объясненія?

— Объясненія? Какого объясненія? Моей жестокой несправедливости?...

— Да, да, этого я желаю, сеньорита.

— О, да вѣдь подобное объясненіе было бы величайшей глупостью, кабальеро! Въ наше время несправедливости встрѣчаются сплошь и рядомъ, и, однако, люди, подверженные имъ, не просятъ по этому поводу никакихъ объясненій...

— Да, это такъ по отношенію къ политическимъ вопросамъ, но я полагаю, что теперь...

— Что же вы полагаете?

— Что мы толкуемъ, не о политикѣ.

— Ошибаетесь.

— Какимъ образомъ, сеньорита?

— Конечно, ошибаетесь. Я думаю, что мы съ вами можемъ трактовать единственно о политическихъ дѣлахъ, по крайней мѣрѣ, я имѣю основаніе думать, что только ради этихъ дѣлъ вы и удостоиваете меня вашего вниманія.

Даніэль понялъ, что Флоренсія ставила ему въ укоръ ту услугу, которой онъ просилъ отъ нея въ своемъ вечернемъ письмѣ, и этотъ чувствительный ударъ, нанесенный его любящему сердцу, произвелъ замѣтное измѣненіе въ чертахъ его лица, тогда какъ Флоренсія глядѣла на бѣднаго юношу скорѣе съ выраженіемъ состраданія, чѣмъ досады.

— До сихъ поръ я думалъ, сухо произнесъ, Даніэль,—что сеньорита Флоренсія Дюпаскье сколько нибудь интересовалась судьбою Даніэля Бельо, и что ей, сеньоритѣ Дюпаскье, не было бы въ тягость взять на себя маленькое безпокойство для него, если бы жизни его друзей, а можетъ быть и его собственной, угрожала серьезная опасность.

— О, на счетъ послѣдняго обстоятельства сеньорита Дюпаскье можетъ оставаться совершенно спокойною.

— Вотъ какъ!

— Съ тѣхъ поръ, какъ сеньоритѣ Дюпаскье достовѣрно извѣстно, что въ случаѣ какой нибудь опасности, угрожающей спокойствію сеньора Бельо, онъ всегда найдетъ потайное убѣжище, въ которомъ можетъ укрыться, — убѣжище, полное сладкихъ утѣхъ и неисчерпаемаго блаженства.

— Я?...

— Кажется вамъ говорятъ.

— Убѣжище, полное блаженства, гдѣ я могу укрыться, повторилъ Даніэль, болѣе и болѣе запутываясь въ этомъ безвыходномъ для него лабиринтѣ.

— Не хотите ли вы, сеньоръ, чтобъ я сказала это по-французски, такъ какъ сегодня, вы, кажется, не понимаете ни одного испанскаго слова? Да, я говорю вамъ на чистѣйшемъ кастильскомъ нарѣчіи, что вы открыли убѣжище, полное неисчерпаемаго блаженства, гротъ Армиды, очарованный островъ Эднида, дворецъ фей: не знаете ли вы, сеньоръ Бельо, гдѣ находится этотъ эдемъ?

— Ужасно...

— Напротивъ, сеньоръ, это должно быть очень пріятно. Я говорю вамъ о томъ, что ближе всего къ вашему нѣжному сердцу.

— Флоренсія, ради Бога!

— А, вамъ не нравится, что я сравнила ваше убѣжище съ гротомъ Армиды?... Ну, такъ я сравню это восхитительное мѣсто съ островомъ Калипсо; вы будете Телемакъ. Ну, довольны ли вы теперь?

— Ради неба или, наконецъ, ради ада, гдѣ же находится это мѣсто, что общаго между нимъ и мною, чѣмъ я заслужилъ отъ васъ эти безжалостные намеки?....

— Вы серьозно это спрашиваете?

— Флоренсія, это нестерпимо, это ужасно.

— Напротивъ, это очаровательно.

— Что?

— Я говорю о гротѣ. Воображаю, сеньоръ, какіе тамъ роскошные сады,—вы должны знать, счастливчикъ!...

— Да гдѣ же, гдѣ это?

— Въ Предмѣстьи, напримѣръ, — и съ этими словами дѣвушка повернулась къ Даніэлю спиною и принялась расхаживать по комнатѣ съ самымъ небрежнымъ видомъ, тогда какъ въ ея неопытномъ сердцѣ бушевала свирѣпая ревность,—этотъ ужасный недугъ любви, съ особенною силою терзающій недозрѣлыхъ и перезрѣлыхъ женщинъ, т. е. на девятнадцатомъ и сороковомъ году жизни.

— Въ Предмѣстьи! вскричалъ Даніэль, внезапно подступая къ Флоренсіи.

— Не правда ли вы тамъ нашли для себя упоительный эдемъ? сказала дѣвушка, поворачиваясь къ Даніэлю лицомъ. Впрочемъ, продолжала она, вздернувъ головку и повторяя свою милую гримаску,—совѣтую вамъ беречь ваше тѣло отъ всякихъ ранъ, чтобы убѣжище ваше не было открыто хирургами, аптекарями и прачками.

— Въ Предмѣстьи! Раны! О, Флоренсія, я, наконецъ, умру, если ты не объяснишься понятно.

— О, нѣтъ, не умрете; по крайней мѣрѣ, употребите всѣ ваши старанія, чтобы не умереть въ счастливѣйшую эпоху

вашей жизни. Я даже ни мало не опасаюсь, чтобы вы допустили ранить себя въ лѣвую ногу; это—ужасныя раны, когда наносятся саблей.

— О, Боже мой, Боже мой, они погибли, погибли!...

Теперь наступило молчаніе между этими юными собесѣдниками, которые, любя другъ друга до обожанія, тѣмъ не менѣе безжалостно терзали одинъ другому душу, и все это было дѣломъ злобнаго демона, который, принявъ видъ невѣстки диктатора, раздулъ пламя ревности въ сердцѣ молодой и неопытной женщины.

Однако, молчаніе это было непродолжительно. Не давъ Флоренсіи времени очнуться, Даніэль бросился къ ея ногамъ и, оставаясь на колѣняхъ, охватилъ ея талію, своими обѣими руками.

— Ради самаго неба, Флоренсія, вскричалъ поблѣднѣвшій, какъ мертвецъ, юноша, глядя въ лицо обожаемой дѣвушки, — ради тебя самой, въ которой я вижу мое небо, моего бога, мою вселенную, — объясни мнѣ твои загадочныя слова... Я люблю тебя, боготворю тебя моей первой и послѣдней любовью въ этой жизни. Ненаглядная моя, свѣтлая моя, чистая моя, отрада моего сердца, повѣрь мнѣ, что эта любовь также принадлежитъ тебѣ, какъ твоя собственная душа. Въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ женщины, болѣе тебя любимой. Но... но... о любви ли намъ говорить въ эту торжественную, грозную минуту, когда смерть витаетъ надъ головами многихъ невинныхъ и также, можетъ быть, надъ моею собственной! Но не думай, голубка моя, чтобы я крѣпко хлопоталъ о своей жизни. Давно уже я рискую ею въ каждый часъ, въ каждую минуту дня, давно уже я веду смертельную борьбу съ грознымъ противникомъ, неизмѣримо превосходящимъ меня силою,—нѣтъ, тутъ поставлена на карту болѣе драгоцѣнная жизнь... Выслушай же меня, Флоренсія, выслушай все, потому что твоя душа всецѣло принадлежитъ также мнѣ, и я, какъ Богу въ молитвѣ, ввѣряю тебѣ мою страшную тайну: въ настоящую минуту опасность угрожаетъ жизни Эдуардо и Амаліи. Но ихъ кровь можетъ быть пролита только вмѣстѣ съ моею, и кинжалъ, который проникнетъ въ сердце Эдуардо, долженъ также вонзиться и въ мою грудь.

— Даніэль! произнесла Флоренсія, наклоняясь къ любимому человѣку и сжимая его голову въ своихъ рукахъ, какъ будто она боялась, чтобы смерть не вырвала его въ эту минуту изъ ея нѣжныхъ объятій. Безграничная любовь, истина, сильное внутреннее волненіе отражались въ лицѣ и словахъ Даніэля, и Флоренсія начала освобождаться отъ мучительнаго гнета ревности.

— Да, продолжалъ Даніэль, не выпуская изъ своихъ рукъ талію Флоренсіи, — сегодня ночью Эдуардо долженъ былъ сдѣлаться жертвою убійства, мнѣ удалось его спасти чуть живого, и нужно было скрыть его гдѣ нибудь въ безопасномъ мѣстѣ, потому что убійцы были агенты Розаса. Но ни у меня, ни въ своемъ домѣ Эдуардо не могъ найти надежнаго убѣжища.

— Эдуардо раненъ!... О, Боже мой, Боже мой, что же это за ужасный день для моего сердца! Но вѣдь онъ, бѣдненькій, не умеръ,—не правда ли?

— Нѣтъ, онъ пока находится внѣ опасности. Но слушай... слушай дальше: нужно было гдѣ нибудь его укрыть, и я отвезъ его туда, къ Амаліи. Эта Амалія осталась одна изъ всего рода моей матери, эта Амалія — единственная женщина, которую я послѣ тебя люблю на этомъ свѣтѣ,—люблю, какъ сестру, какъ добрый отецъ можетъ любить свою дочь. Боже великій, и я приготовилъ ей гибель, — ей, которая жила такъ спокойно и счастливо!

— Гибель?! Почему же Даніэль? почему?... И она взяла своими руками Даніэля за плечи; его смертельная блѣдность и слова наполнили невыразимымъ страхомъ ея сердце.

— Потому что состраданіе незнакомо Розасу, который считаетъ его даже преступленіемъ. Эдуардо находится въ Предмѣстьи, и ты назвала его убѣжище, Флоренсія. Онъ раненъ въ лѣвую ногу...

— Нѣтъ, нѣтъ, они ничего не знаютъ! вскричала Флоренсія, просіявъ радостью и хлопнувъ своими маленькими ручками, — но могутъ узнать все. Слушай же!... И Флоренсія, забывъ всю свою ревность при мысли о томъ, что жизнь многихъ невинныхъ находилась на кончикѣ ея языка, сама подняла своего возлюбленнаго и, усадивъ его возлѣ себя въ первое по-

павшееся подъ руки кресло, передала ему въ пять минутъ весь разговоръ съ сеньорой Мансильей и съ доньей Маріей-Хозефой Эскурой. Но по мѣрѣ приближенія къ той части прежней бесѣды, гдѣ упоминалось имя Амаліи, разскащица мѣнялась въ лицѣ и слова ея звучали рѣзче.

Даніэль слушалъ молча до самаго конца и сохранялъ самую невозмутимую наружность, когда говорилось о его отлучкахъ въ Предмѣстье, и это полное спокойствіе не укрылось отъ вниманія молоденькой дѣвушки.

— Подлая тварь! сказалъ онъ, когда она окончила свой разсказъ,—все это отродье, кажется, выброшено изъ глубины ада. Всѣ они и всѣ люди партіи Розаса имѣютъ ядъ въ своихъ жилахъ вмѣсто крови, и когда не убиваютъ кинжаломъ, то клевещутъ своимъ нечистымъ языкомъ, и бросаютъ грязью въ чужую честь. Гнусная фурія! Находитъ отраду въ мученіяхъ бѣднаго молодого сердца...

— Флоренсія, продолжалъ Даніэль, обращаясь къ дѣвушкѣ,— я бы обидѣлъ тебя, если бы позволилъ себѣ думать, что ты заставишь меня оправдываться противъ обвиненій, взводимыхъ на меня этой гнусной женщиной. Все, что она тебѣ наговорила обо мнѣ—подлая клевета, которою она хотѣла тебя помучить, потому что члены этой злодѣйской семьи находятъ наслажденіе въ страданіяхъ другихъ людей. Повторяю, что все это, — клевета, и я не думаю, чтобы ты еще захотѣла провѣрять, на чьей сторонѣ правда.

— Да, вообще это такъ, но въ настоящемъ случаѣ, Даніэль, я могу только отсрочить мое заключеніе.

Флоренсія уже не сомнѣвалась, но никакая женщина сразу не сознается въ томъ, что легкомысленно обвиняла любимого человѣка.

— Ты сомнѣваешься въ мнѣ, Флоренсія?

— Даніэль, я желаю познакомиться съ Амаліей и убѣдиться моими собственными глазами.

— Изволь.

— Хочу видѣться съ нею.

— Хорошо.

— Хочу, чтобъ это было на этой же недѣли, въ первый разъ, когда мы встрѣтимся съ тобою.

— Согласенъ, чего еще хочешь? сказалъ Даніэль серьезно.

— Больше ничего, отвѣчала Флоренсія, протянувъ ему свою руку, которую онъ удержалъ въ своихъ рукахъ Во всякое другое время онъ покрылъ бы несчетными поцѣлуями эту милую ручку, но теперь его неотступно преслѣдовала мысль объ опасностяхъ, окружавшихъ его друзей въ Предмѣстьи.

— Увѣрена ли ты, что разбойникъ не назвалъ никакого отличительнаго признака наружности Эдуардо? спросилъ Даніэль.

— Никакого, я это хорошо помню.

— Теперь я долженъ уйти, моя голубочка, и—что для меня еще прискорбнѣе,—я сегодня ужь не забѣгу съ тобою повидаться.

— А вечеромъ?

— И вечеромъ никакъ нельзя.

— Можетъ быть, васъ ждутъ въ Предмѣстьи?...

— Да, душечка Флоренсія, и я возвращусь оттуда очень поздно. Развѣ я не долженъ находиться возлѣ Эдуардо, охранять его жизнь и спокойствіе моей кузины, которую я же впуталъ въ эту кровавую исторію? Неужели же мнѣ оставить Эдуардо, моего единственнаго друга, твоего брата, какъ ты его называешь?...

— Иди, иди, Даніэль, произнесла Флоренсія, вставая съ кресла и опуская внизъ хорошенькіе глазки, въ которыхъ блеснула слеза, что случалось съ этой дѣвушкой очень рѣдко.

— Ты все еще сомнѣваешься во мнѣ, Флоренсія?

— Иди и заботься объ Эдуардо,—вотъ все, что я могу теперь сказать тебѣ.

— Послушай, мы съ тобой не увидимся до завтра, и я хочу, чтобы ты удержала при себѣ то, что никогда не оставляло моей груди. На вотъ, возьми!

И Даніэль снялъ съ своей шеи маленькую цѣпочку, сплетенную изъ волосъ его матери и хорошо извѣстную Флоренсіи. Этотъ порывъ глубокой, благороднѣйшей любви затронулъ самую чувствительную струну въ сердцѣ дѣвушки.

Когда Даніэль надѣвалъ ей на грудь цѣночку, Флоренсія закрыла лицо руками, — и обильныя слезы явились, наконецъ, облегчить страданія этого любящаго сердца. Она уже не сомнѣвалась, она могла только лелѣять Даніэля своей неизмѣримой любовью и нѣжностью, потому что послѣ слезъ сладкаго примиренія женщина вдвое горячѣе любитъ избранника своего сердца...

Двѣ минуты спустя Флоренсія, усѣвшись на диванѣ, страстно цѣловала оставшуюся у ней цѣночку изъ волосъ, а Даніэль опять шелъ по улицѣ Венесуэлы.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Президентъ Соломонъ.

Противъ приземистой церкви св. Николая, съ правой ея стороны, гдѣ встрѣчаются улицы Корріентеса и дель-Серрито, стоялъ ветхій домикъ съ маленькими, выступавшими впередъ окнами, одностворчатой дверью на улицу и низкой наружной галереей, гдѣ каждый вечеръ, во время богослуженія, навѣрное можно было застать обитателя и владѣльца этого домика,— въ халатѣ, вступутыхъ въ сапоги штанахъ, съ папироской въ правой рукѣ и чашкой парагвайскаго чая (mate или yerba-mate) въ лѣвой; впродолженіи часа чашка эта опять наполнялась горячимъ напиткомъ, по крайней мѣрѣ, чрезъ каждыя двѣ минуты. Это былъ здоровый, рослый мужчина лѣтъ подъ шестьдесятъ, обладавшій такою почтенною дородностью, какой позавидовалъ бы самый жирный быкъ изъ числа тѣхъ, которые красуются на ежегодныхъ выставкахъ Соединенныхъ Штатовъ: каждая рука этого господина казалась ногою, каждая нога — туловищемъ, а туловище могло вмѣстить въ себѣ на худой конецъ съ десятокъ обыкновенныхъ человѣческихъ тѣлъ.

Отъ своего папеньки — въ бозѣ почившаго испанскаго под-

даннаго и буэносъ-айресскаго торгаша—онъ наслѣдовалъ сообща съ братцомъ Хенаро сосѣднюю съ уже описаннымъ домикомъ лавчонку и скромное прозвище Гонзалеца.

Хенаро—старшій изъ двухъ братьевъ—сталъ во главѣ торговаго заведенія, и преданіе умалчиваетъ, за что буйная молодежь той части города дала ему кличку Соломона. Достовѣрно, однако, что слыша эту кличку, донъ Хенаро приходилъ въ неописанную ярость и совершалъ изумительные подвиги мужества, расправляясь кулаками и дубьемъ съ молодыми озорниками, которые, находясь болѣе или менѣе подъ хмѣлькомъ, величали его этимъ достославнымъ библейскимъ именемъ.

Этотъ торгашъ донъ Хенаро, бывшій въ тоже время капитаномъ милиціи, окончилъ дни свои самымъ плачевнымъ образомъ — въ двадцатыхъ годахъ онъ былъ разстрѣлянъ за участіе въ военномъ возмущеніи, оставивъ супругу свою, донью Марію Ризо, преждевременной вдовицей, а дочь, Кинтину, — сиротою.

Послѣ его смерти лавчонка его перешла во владѣніе младшаго брата—Хуліана Гонзалеца. По внушенію ли народной философіи или, быть можетъ, потому, что имя Соломонъ звучало въ его ушахъ пріятнѣе, чѣмъ родимое прозвище Гонзалеца, этотъ младшій братецъ сталъ прозываться и подписываться: «Хуліанъ-Гонзалецъ Соломонъ,» подъ каковымъ экклезіастическимъ именемъ онъ и былъ извѣстенъ всѣмъ своимъ благопріятелямъ. Вотъ какимъ образомъ къ его христіанскому имени присоединилось имя мудрѣйшаго изъ мудрѣйшихъ, дѣлавшее лютымъ тигромъ старшаго брата, отца Кинтины.

Вмѣстѣ съ принятіемъ имени, этотъ донъ Хуліанъ сталъ также пріобрѣтать принятіе въ своемъ тѣлесномъ и общественномъ вѣсѣ; благодатная судьба жаловала мелкому торгашу одинъ чинъ за другимъ въ гражданской милиціи (milicia cívica) причемъ, однако, занятія той и другой профессіи нисколько не мѣшали ему предаваться вечернему кейфу и чаепійству въ галереѣ своего дома, такъ какъ донъ Хуліанъ-Гонзалецъ Соломонъ и господинъ въ халатѣ, уже извѣстный читателю, составляли одно и тоже, физически недѣлимое, живое существо.

Буря, вскружившая мрачную аргентинскую пыль въ эпоху вступленія Розаса въ администрацію, была настолько сильна, что могла поднять эту увѣнистую глыбу мяса и грязи, потомъ, изъ темнаго угла галереи ветхаго домика, швырнула глыбу эту на высоту полковничьяго чина въ милиціи, а еще нѣсколько позже донъ Хуліанъ попалъ въ президенты народнаго общества Возстановленія. Солидарность членовъ этой ужасной компаніи символически изображалась въ видѣ стержня кукурузы (mazorca), изъ подражанія какому-то древнему обществу въ Испаніи, цѣлію котораго была пропаганда злодѣйства, отчего оно въ умышленно-неправильномъ произношеніи называлось обществомъ Mas-horca ([1]) и также нелестная кличка получила приложеніе также и къ буэносъ-айресскому народному обществу.

Въ четыре часа вечера того дня, къ которому относятся предъидущія событія, все пространство улицы передъ домомъ полковника Соломона было занято верховыми лошадьми, украшенными федеральной сбруей, т. е. съ пунсовыми чепраками, уздечками и ремнями, вышитыми розовой шерстью, съ кистями того же цвѣта и съ серебряными бляхами по всей сбруѣ. Несмотря на то, что подобное собраніе было очень обыкновеннымъ явленіемъ въ этомъ мѣстѣ, тѣмъ не менѣе сосѣдніе прихожане церкви св. Николая собрались гурьбою на балконахъ и у оконъ домовъ.

Большая комната или зала въ домѣ Соломона была наполнена самими владѣльцами федеральныхъ лошадей, и всѣ эти рыцари по внѣшнему виду были похожи другъ на друга; они были одѣты одинаково; ихъ костюмъ составляли—черная шляпа съ пунсовой лентой въ четыре пальца шириною, темноголубой камзолъ съ полуаршиннымъ федеральнымъ девизомъ, цвѣтной жилетъ и чудовищный кинжалъ у пояса съ костяною ручкой, нѣсколько высовывавшеюся за ребра съ правой стороны туловища. То было оружіе федераціи, какъ выражался Даніэль. Лица этихъ гостей, казалось, были также однообразно скроены, какъ

---

[1]) Mas=magis, болѣе, болѣе, horca=furca, висѣлица, слѣд. общій смыслъ будетъ—Висѣльники, друзья висѣльцы

и ихъ внѣшнее убранство: густыя усища, баки, сходившіеся въ клинообразную бороду, украшали эти физіономіи, которыя можно видѣть только въ мрачныя эпохи общественныхъ потрясеній, такъ какъ воображеніе наше никакъ не можетъ припомнить, чтобы мы встрѣчались съ подобными фигурами гдѣ нибудь прежде на всемъ пространствѣ нашей планеты.

Одни изъ этихъ рыцарей усѣлись на деревянныхъ и соломенныхъ стульяхъ, безпорядочно разставленныхъ въ залѣ, другіе—на подоконникахъ, третьи, наконецъ, на сосновомъ столѣ, покрытомъ пунсовой скатертью, гдѣ сеньоръ президентъ Соломонъ имѣлъ обыкновеніе подписывать свое имя, обмакивая перо въ помадную банку, служившую чернилицей въ наслѣдованной отъ брата лавчонкѣ. Всѣ эти господа курили самымъ свирѣпымъ образомъ, наполняя комнату густыми клубами табачнаго дыма, сквозь которые виднѣлись смуглыя, отвратительныя образины курившихъ. Но знаменитаго президента не было между ними. Онъ находился въ смежной комнатѣ и, сидя на доскахъ своей убогой кровати, зубрилъ наизустъ нѣчто въ родѣ рѣчи, заключавшей всего не больше двадцати словъ, которыя уже въ двадцатый разъ старался вбить ему въ голову другой, находившійся въ этой комнатѣ человѣкъ—настоящій антиподъ полковника Соломона тѣломъ и душою. Этотъ человѣкъ былъ Даніэль. Наконецъ между ними завязался разговоръ такого содержанія:

— Ну, что, какъ вы полагаете, будетъ ладно!

— Отлично, полковникъ. У васъ изумительная память.

— Однако, знаете ли, вы ужь, пожалуйста, садитесь возлѣ меня, и если я чего нибудь не припомню—шепните мнѣ на ухо.

— Я хотѣлъ самъ просить васъ объ этомъ. Но не забудьте, полковникъ, представить меня вашимъ друзьямъ и сообщить имъ то, что я уже имѣлъ честь сказать вамъ.

— Это мое дѣло. Ну, теперь можно войти.

— Подождите одну минуточку. Какъ только вы сядете въ кресло, прикажите секретарю прочитать списокъ всѣхъ присутствующихъ членовъ, потому что, видите ли полковникъ, въ нашемъ федеральномъ обществѣ необходимо водворить тотъ порядокъ, какой принятъ въ палатѣ депутатовъ.

— Да, я уже говорилъ объ этомъ Бонео, но этотъ ротозѣй умѣетъ только болтать безъ умолку.

— Повторите ему еще разъ, и онъ будетъ повиноваться.

— Прекрасно, войдемте же.

И вотъ въ залу засѣданій вошелъ президентъ Соломонъ, сопровождаемый Даніэлемъ Бельо, одѣтымъ въ ту же черную застегнутую визитку съ болѣе широкимъ федеральнымъ девизомъ и безъ своихъ бѣлыхъ перчатокъ.

— Мое вамъ почтеніе, сеньоры, сказалъ Соломонъ самымъ величественнымъ, начальническимъ тономъ, направляясь къ креслу, стоявшему возлѣ сосноваго стола.

— Нижайшее-съ, полковникъ, президентъ, кумъ et caetera, отвѣтилъ каждый изъ присутствующихъ, смотря по тому, какъ кто имѣлъ обыкновеніе привѣтствовать донъ Хуліана Соломона, и всѣ они въ одно и то же время взглянули съ удивленіемъ на молодого человѣка, сопровождавшаго президента. Имъ сейчасъ же бросилось въ глаза, что костюмъ этого юноши не былъ слишкомъ усердно испещренъ федеральными знаками, и что лицо и руки новаго гостя были что-то слишкомъ чисты и нѣжны.

— Господа товарищи, провозгласилъ Соломонъ,—имѣю честь представить вамъ сеньора донъ Даніэля Бельо, сына плантатора донъ Антоніо Бельо, который всѣмъ извѣстенъ, какъ добрый патріотъ-федералъ, и которому я обязанъ многими важными услугами. Этотъ достоуважаемый молодой человѣкъ—такой же стойкій федералъ, какъ и его отецъ; сеньоръ Даніэль Бельо желаетъ вступить въ наше доблестное общество и ожидаетъ прибытія своего отца, чтобы объясниться съ нимъ по этому поводу, а до того проситъ разрѣшенія присутствовать иногда въ нашихъ собраніяхъ и принимать участіе въ нашемъ федеральномъ энтузіазмѣ. Да здравствуетъ федерація! Да здравствуетъ достославный Возстановитель законовъ! Смерть нечистымъ, смраднымъ французамъ! Смерть ихъ королю Луи-Филиппу! Смерть смраднымъ, прокаженнымъ унитаріямъ, подкупленнымъ нечистымъ французскимъ золотомъ! Смерть мятежнику Риверѣ!

Этотъ бѣшеный ревъ, выходившій изъ мощной груди президента Соломона, повторялся хоромъ всѣми присутствующими, которые, не ограничиваясь этими возгласами, при первомъ крикѣ

президента выхватили на-голо кинжалы и стали ими махать надъ головами; и этотъ вой, отдававшійся далеко въ окрестности, повторялся уличной толпой, усердно горланившею: «да здравствуетъ!» когда президентъ провозглашалъ «смерть!» — и на оборотъ.

Когда утихъ этотъ взрывъ федеральнаго восторга, Соломонъ усѣлся въ кресло, имѣя по правую руку своего секретаря Бонео, а по лѣвую нашего юнаго друга — Даніэля.

— Господинъ секретарь, сказалъ Соломонъ, важно откидываясь въ своемъ креслѣ, — прочтите списокъ присутствующихъ членовъ.

Бонео взялъ въ руки первую изъ лежавшихъ на столѣ бумагъ и прочелъ зычнымъ голосомъ имена, еще прежде отмѣченныя имъ карандашомъ:

— Присутствующіе въ настоящемъ засѣданіи: сеньоры—президентъ, Куитиньо, Парра, Парра (сынъ), Маэстре, Аленъ, Альварадо, Морено, Гаэтано, Ларасабаль, Мерло, Морейра, Діасъ, Аморозо, Віера, Аморесъ, Масіель, Ромеро, Бонео.

— Всѣ?

— Да, это—присутствующіе, сеньоръ президентъ.

— Прочтите списокъ отсутствующихъ.

— Всего общества?

— Да, сеньоръ Чтожь, развѣ мы хуже какихъ нибудь депутатовъ? Мы такіе же добрые федералы, какъ и они, и должны знать, кто явился и кто не явился, какъ это дѣлается въ засѣданіяхъ палаты депутатовъ. Читайте же, читайте этотъ списокъ.

— Отсутствующіе, ревнулъ Бонео, и затѣмъ прочелъ списокъ членовъ клуба, набранныхъ въ числѣ 175 человѣкъ изъ всѣхъ классовъ аргентинской общественной іерархіи.

— Браво! Теперь мы познакомились со всѣми, хотя въ этомъ спискѣ есть имена многихъ, завербованныхъ насильно, сказалъ самъ себѣ Даніэль, когда секретарь окончилъ чтеніе бумаги. Затѣмъ молодой человѣкъ тихонько дернулъ президента Соломона за его пространнѣйшіе штаны.

— «Сеньоры, заговорилъ президентъ народнаго общества,— доблестный Возстановитель законовъ представляетъ своею свѣт-

лѣйшею особою—федерацію; слѣдовательно, мы должны до послѣдняго издыханія вѣрно служить нашему свѣтлѣйшему Возстановителю, потому что мы защитники святого дѣла федераціи».

— Да здравствуетъ доблестный Возстановитель законовъ! гаркнулъ одинъ изъ федеральныхъ членовъ, котораго поддержалъ хоръ всѣхъ прочихъ.

— Да здравствуетъ его достойнѣйшая дщерь, сеньорита Мануэлита де-Розасъ-и-Эскура!

— Да здравствуетъ герой нашихъ степей (heroe del desierto), Возстановитель законовъ, отецъ нашъ и отецъ федераціи!

— Смерть нечистымъ французамъ и ихъ королю!

— «Сеньоры, продолжалъ президентъ, — для того, чтобы нашъ доблестный Возстановитель могъ спасти федерацію отъ.. гмъ, могъ спасти федерацію отъ... а-гмъ... гмъ-гмъ... чтобы нашъ доблестный Возстановитель законовъ могъ спасти федерацію отъ... гмъ...

— Отъ угрожающей ей опасности, шепотомъ подсказалъ Даніэль.

— Отъ угрожающей ей въ настоящее время опасности, мы должны на смерть преслѣдовать унитаріевъ, слѣдовательно каждый унитарій долженъ быть на смерть преслѣдуемъ нами».

— Смерть дикимъ, нечистымъ смраднымъ унитаріямъ, крикнулъ другой изъ членовъ народнаго общества — Ларасабаль, и при этомъ крикѣ всѣ прочіе члены заревѣли хоромъ, поднимая вверхъ обнаженные кинжалы.

— «Сеньоры, мы должны преслѣдовать всѣхъ безъ малѣйшаго состраданія».

— Мужчинъ и женщинъ, гаркнулъ тотъ же Хуанъ-Мануэль Ларасабаль, который казался самымъ ярымъ энтузіастомъ между всѣми своими собратами.

— «Нашъ доблестный Возстановитель не можетъ быть нами доволенъ, потому что мы не служимъ ему со всѣмъ должнымъ усердіемъ,» продолжалъ Соломонъ.

— Теперь о вчерашнемъ, шепнулъ Даніэль, показывая видъ, будто вытираетъ платкомъ лицо.

— «Теперь о вчерашнемъ», повторилъ Соломонъ, полагая, что и это напоминаніе должно войти въ составъ его рѣчи.

Даніэль довольно деликатно дернулъ его за штаны.

— «Сеньоры, продолжалъ Соломонъ, — всѣмъ намъ уже извѣстно, что въ прошлую ночь нѣкоторые дикіе унитаріи намѣревались бѣжать изъ столицы, но не имѣли успѣха, потому что сеньоръ капитанъ Куитиньо обнаружилъ мужество истиннаго федерала; однако, одинъ изъ дикихъ скрылся неизвѣстно куда, и это будетъ случаться каждый день, если мы не станемъ дѣйствовать со всеусердіемъ, какъ надлежитъ честнымъ защитникамъ святого дѣла федераціи. Я призвалъ васъ, сеньоры, для того, чтобы мы всѣ еще разъ поклялись неусыпно преслѣдовать унитаріевъ, которые намѣреваются бѣжать въ Монтевидео, чтобы присоединиться къ бунтовщику Риверѣ и продать себя французамъ за ихъ грязное золото. Этой клятвы требуетъ отъ насъ доблестный Возстановитель законовъ. И затѣмъ, сеньоры, — да здравствуетъ свѣтлѣйшій Возстановитель законовъ! Смерть всѣмъ врагамъ нашего святого дѣла федераціи!»

— Смерть подъ кинжаломъ дикимъ, нечистымъ унитаріямъ! заревѣлъ третій изъ фанатиковъ-федераловъ; за этимъ крикомъ послѣдовали всѣ обычные возгласы, и адскій ревъ не унимался впродолженіи добрыхъ десяти минутъ, какъ въ самой залѣ, такъ и на улицѣ, гдѣ у оконъ толпилась такая же фанатическая и честная публика, какъ и общество, торжественно засѣдавшее въ домѣ полковника Соломона.

— Прошу слова, сказалъ, поднимаясь съ мѣста, капитанъ Куитиньо.

— Слушаемъ, отозвался Соломонъ, высыпая табакъ изъ напироснаго окурка на ладонь своей чудовищной лапы.

— «Вчера я ужиналъ съ Возстановителемъ законовъ и съ его дочерью донъей Мануэлитой де-Розасъ-и-Эскурра. Я обожаю Возстановителя, потому что онъ — отецъ федераціи, и всѣмъ унитаріямъ, которые попадутся въ мои руки, будетъ тоже, что и вчерашнимъ дикимъ. Правда, одному удалось скрыться, но у него на тѣлѣ остались хорошія помѣтки, и еще сегодня утромъ я послалъ къ донъѣ Маріѣ-Хозефѣ молодца, который съумѣетъ указать ей очень замѣтные признаки; всѣ мы,

«федералы—мужчины и бабы—должны изъ всѣхъ силъ помогать нашему общему отцу — его высокопревосходительству. Чтобъ быть добрымъ федераломъ надо показать вотъ это». И Куитиньо обнажилъ кинжалъ и указательнымъ пальцемъ лѣвой руки ткнулъ въ стальное лезвее, на которомъ еще замѣчались кровавыя пятна, оставшіеся на кинжалѣ послѣ вчерашней рѣзни.

При этомъ краснорѣчивомъ жестѣ всѣ масоркеры (члены общества Mashorca) выхватили кинжалы и разразились яростными пожеланіями смерти унитаріямъ, французамъ, Риверѣ, и особенно Луи-Филиппу, какъ они его называли по вдохновенію Розаса.

Впродолженіи всей этой сцены одинъ Даніэль сохранилъ невозмутимую, какъ бы окаменѣлую физіономію, на которой нельзя было прочесть ни энтузіазма, ни страха, ни подобострастія, ни негодованія. Холодно, спокойно, серьезно проникалъ онъ въ сокровеннѣйшую глубину мыслей и совѣсти каждаго изъ присутствовавшихъ, и при этомъ не переставалъ вычислять всѣхъ выгодъ, какія могъ извлечь изъ этого федеральнаго изувѣрства.

Когда смолкъ неистовый крикъ, Даніэль попросилъ у президента слова самымъ твердымъ голосомъ и затѣмъ сказалъ:

— «Сеньоры, я еще не имѣю чести принадлежать къ этому доблестному и патріотическому обществу, хотя и льщу себя надеждою вступить въ него въ непродолжительномъ времени, но убѣжденія мои и симпатіи извѣстны всѣмъ, и я надѣюсь что со временемъ буду имѣть возможность показать себя полезнымъ федераціи и доблестному Возстановителю законовъ не менѣе членовъ народнаго общества, которыхъ заслуги въ этомъ отношеніи извѣстны, какъ въ предѣлахъ республики, такъ и во всей Америкѣ.

Новые возгласы и рукоплесканія послѣдовали за этимъ лестнымъ прпступомъ.

— Но, почтеннѣйшіе сеньоры, продолжалъ Даніэль, — присутствующимъ здѣсь лицамъ я долженъ выразить особенное, глубокое уваженіе, какого онѣ вполнѣ заслужили отъ всякаго добраго федерала, потому что, не отказывая прочимъ членамъ въ преданности нашему святому дѣлу, я вижу, однако, что только вы, доблестные сеньоры, готовы отстаивать грудью свѣтлѣй-

шаго Возстановителя законовъ, тогда какъ прочіе не участвуютъ въ федеральныхъ засѣданіяхъ. Федерація не признаетъ никакихъ исключительныхъ привилегій. Купцы ли, чиновники ли, адвокаты ли—всѣ мы здѣсь равны, и когда назначается засѣданіе или когда нужно что нибудь предпринять для службы его высокопревосходительства, — всѣ должны являться по призыву президента, а не взваливать на немногихъ всѣ труды и опасности. Охотно вѣрю, что всѣ члены общества — безукоризненно добрые федералы, но вѣдь собравшіеся теперь здѣсь, какъ я полагаю, не унитаріи какіе нибудь, чтобы стыдиться быть въ ихъ обществѣ. Я говорю это потому, что таково должно быть мнѣніе и его высокопревосходительства доблестнаго Возстановителя, а его мнѣніе — законъ, и къ этому мнѣнію слѣдовало бы впредь относиться съ большимъ уваженіемъ».

Даніэль разсчиталъ довольно вѣрно. Энтузіазмъ, возбужденный его рѣчью превзошелъ даже его ожиданія. Всѣ находившіеся на лицо члены общества разразились громомъ проклятій и руганп противъ неучаствовавшихъ въ засѣданіи, которыхъ имена были прочтены секретаремъ Бонсо. Неявившихся стали называть уже не членами общества, а тайными унитаріями, и Даніель одобрялъ этотъ приговоръ, лукаво улыбаясь или кивая головою.

— Такъ, такъ, мои голубчики, впередъ я васъ буду еще лучше натравливать одного на другого, чтобы вы растерзали другъ друга, говорилъ самъ себѣ Даніэль.

Президентъ Соломонъ еще разъ подтвердилъ присутствовавшимъ членамъ, чтобы они зорко слѣдили за унитаріями и особенно внимательно караулили тѣ мѣста на берегу рѣки, которыя, какъ предполагалось, служили имъ условными пунктами для эмиграціи: послѣ новаго взрыва энтузіазма и новыхъ криковъ засѣданіе окончилось въ половинѣ шестого.

Даніэль, удостоенный федеральныхъ рукопожатій и прижиманій къ сердцу, простился, наконецъ, со всѣми и вышелъ, сопровождаемый до двери на улицу президентомъ Соломономъ, который положительно пришелъ въ телячій восторгъ послѣ его геніальной рѣчи и разсыпался мелкимъ бѣсомъ передъ сыномъ донъ-Антоніо Бельо.

Объ Эдуардо они ровно ничего не знали. Даніэль вышелъ совершенно довольнымъ, миновалъ академическую улицу, и на углу улицы де-Куйо нашелъ Фермина, поджидавшаго его съ верховою лошадью. На улицѣ было много народа, и потому Даніэль, садясь на лошадь, сказалъ лаконически:

— Въ девять.

— Тамъ?

— Да.

И великолѣпный бѣлый конь понесъ Даніэля полной рысью по академической улицѣ, по направленію къ предмѣстью. Вскорѣ Даніэль доѣхалъ до улицы Добраго Порядка и былъ въ улицѣ Балькарсе въ то время, когда начиналъ потухать послѣдній сумеречный полусвѣтъ умиравшаго дня.

Уже Даніэль началъ спускаться внизъ по отлогости оврага, какъ вдругъ услышалъ, что кто-то громко звалъ его по имени. Повернувъ голову, Даніэль завидѣлъ шагахъ въ двадцати отъ себя своего почтеннаго учителя чистописанія, который, держа въ одной рукѣ свою камышевую трость, а въ другой шляпу, спѣшилъ за нимъ бѣгомъ и уже начиналъ терять силы.

Весь запыхавшись, добѣжалъ онъ, однако, до стремени и схватилъ своего ученика за ногу, будучи не въ состояніи произнести ни одного слова впродолженіи двухъ или трехъ минутъ.

— Что съ вами, сеньоръ донъ Кандидо, что случилось? спросилъ Даніэль, встревоженный блѣдностію его лица.

— Это ужасная, варварская, злодѣйская, неслыханная процедура, безпримѣрная въ лѣтописяхъ преступленія.

— Послушайте, сеньоръ, вѣдь мы на улицѣ,—объяснитесь толкомъ и, пожалуйста поскорѣе.

— Помнишь ли ты, что я разсказывалъ тебѣ о добромъ, благородномъ, честномъ сынѣ моей почтенной, старой, рачительной экономки?

— Ну-съ?

— Помнишь ли, какъ онъ пріѣхалъ ночью и...

— Да, да. Что же ему приключилось?

— Его разстрѣляли, мой достойнѣйшій и благороднѣйшій Даніэль, его разстрѣляли.

— Когда?

— Сегодня утромъ въ семь часовъ, какъ только онъ вышелъ изъ дома губернатора. Опасались вѣроятно....

— Чтобъ онъ не разгласилъ или что онъ уже разгласилъ то, что ему было извѣстно: я отгадываю вашу мысль.

— Но я-то, я погибъ, уничтоженъ. Что мнѣ дѣлать, о мой возлюбленнѣйшій Даніэль, что дѣлать, о мой...

— Приготовьте ваши перья, чтобы завтра же занять должность старшаго писца при министрѣ иностранныхъ дѣлъ.

— Я?! О, Даніэль!! И въ избыткѣ радости донъ Кандидо покрывалъ поцѣлуями руки своего ученика.

— Теперь идите, пожалуйста, по какой нибудь другой улицѣ и отправляйтесь къ себѣ домой.

— Да, да, я выпилъ на эту улицу, когда Фермивъ вывелъ твоего коня; я послѣдовалъ за Ферминомъ, потомъ побѣжалъ за тобою и...

— Хорошо, хорошо, но вотъ еще въ чемъ дѣло: нѣтъ ли у васъ какой нибудь довѣренной особы — будь она мужчина или женщина, все равно — у которой вы бы когда нибудь провели ночь?

— О, есть, есть и...

— Отправляйтесь же сейчасъ къ этой особѣ и на всякій случай условьтесь съ нею въ томъ, что вы у ней ночевали вчера. И затѣмъ прощайте, сеньоръ.

Даніэль погналъ лошадь, и рискуя сломать шею, пустился вскачь внизъ по отлогости; на большую улицу онъ выѣхалъ уже въ то время, когда она совершенно стемнѣла отъ ложившихся на нее тѣней зданій или деревьевъ, между вершинами которыхъ погасало послѣднее блѣдное мерцаніе вечера.

По этой самой дорогѣ онъ проѣзжалъ восемнадцать часовъ тому назадъ съ истекавшимъ кровью тѣломъ своего друга: и теперь, какъ тогда, мужественный, благородный Даніэль направлялся къ дому своей прелестной кузины, гдѣ другъ его нашелъ гостепріимство....

ЗАУРАЛЬСКІЙ РАБОЧІЙ.

Русскій городъ съ незапамятныхъ временъ служитъ центромъ и главнымъ выразителемъ интеллигенціи, а часто и промышленности той мѣстности, въ которой онъ находится. Наблюденіе и анализъ происходящихъ въ немъ явленій даетъ намъ болѣе или менѣе вѣрную картину интеллектуальной и промышленной жизни всего окружающаго его населенія. Съ этой точки зрѣнія я хочу заняться теперь жизнію города Кузнецка, послѣ того, какъ я уже нѣсколько познакомилъ читателя съ положеніемъ окружающихъ его крестьянъ *). Обозрѣніе занятій и положенія кузнецкаго работника нетрудно. Первая черта, рѣзко отличающая этотъ городъ отъ окрестныхъ селеній, заключается въ томъ, что онъ вовсе не состоитъ исключительно изъ людей недовольныхъ. Въ селеніяхъ и бѣдный, и богатый—всѣ чувствуютъ себя не по себѣ; когда они жалуются, ихъ жалобы до того прочувствованы и такъ искренни, что не сочувствовать имъ невозможно. Въ Кузнецкѣ уже совсѣмъ не то; отъ иного работника услышишь, что въ Сибири жить славно и умирать не надо—но тотъ ошибется жестоко, кто дозволитъ себѣ увлекаться оптимизмомъ на основаніи подобнаго отзыва. Рядомъ съ оптимистами существуетъ болѣе многочисленный классъ, который горько жалуется на свою бѣдность. На увѣренія одного оптимиста, что бѣдность происходитъ здѣсь отъ пьянства, умный и энергическій работникъ отвѣтилъ слѣдующими словами: „я живу здѣсь сорокъ лѣтъ и всѣ меня знаютъ,—видалъ ли кто нибудь меня пья-

*) См. статью: Сибирскій земледѣлецъ, въ 12-й кн. «Дѣла» 1867 года.

нымъ? — видалъ ли кто нибудь меня не въ праздничный день на улицѣ безъ дѣла? — однакоже я бѣденъ и жестоко нуждаюсь — я не одинъ здѣсь много такихъ." Бѣдность въ городѣ не то, что въ деревнѣ, ее не такъ легко взять въ руки и міроѣдство тутъ не такъ ощутительно. Распредѣленіе сборовъ въ городѣ справедливѣе, чѣмъ въ окрестныхъ селеніяхъ, гдѣ не рѣдко одни платятъ до пятнадцати рублей, а другіе не болѣе пятнадцати копѣекъ. Но счастливая Аркадія, воображаемая оптимистами, такъ же далека отъ городской жизни, какъ небо отъ земли... Чѣмъ занимаются жители города? — Какъ отзывается ихъ существованіе на окрестныхъ селеніяхъ?—вотъ вопросы, которые ставятъ насъ прямо на положительную почву, при оцѣнкѣ общественной и экономической жизни города Кузнецка. О занятіяхъ жителей вѣрнѣе всего можно сказать, что они занимаются кое-чѣмъ—лишь бы прожить кое-какъ—держатъ скотъ, имѣютъ пчелъ, сами для себя косятъ сѣно—а затѣмъ, кто во что горазъ, кто землю пашетъ, кто ямщину правитъ или съ обозами ходитъ, а кому нечѣмъ жить, тотъ табакъ садитъ. Кромѣ людей занятыхъ сбытомъ крестьянскаго хлѣба, мяса, меда и воска. въ городѣ существуетъ лишь самая незначительная торговля съ крестьянами предметами промышленности, привозимыми съ ирбитской ярмарки; весь оборотъ этой торговли едва ли достигаетъ пяти тысячъ рублей; почти единственная обработка сырыхъ произведеній состоитъ въ обращеніи сала въ свѣчи и мыло; доходъ всѣхъ производителей этого продукта нельзя считать на тысячи, а только на сотни рублей. Прибавьте къ этому пряниковъ на сто или полтораста рублей въ годъ, и вы будете имѣть приблизительно понятіе о томъ, чѣмъ снабжаетъ Кузнецкъ окрестныя села. Самая значительная торговля—торговля виномъ, котораго продается въ округѣ слишкомъ на пятьдесятъ тысячъ рублей изъ кузнецкихъ складовъ. Ясно что подвиги жителей города Кузнецка для распространенія между крестьянами предметовъ цивилизаціи и комфорта — невелики. Тѣ, которые не имѣютъ другого достаточнаго для себя дохода, занимаются табакомъ. Такимъ образомъ, жители Кузнецка, живутъ кое-какъ, заработная плата работника, на своемъ содержаніи, простирается отъ

трехъ до пяти рублей въ мѣсяцъ, и только въ счастливомъ случаѣ онъ можетъ выработать отъ шестидесяти до ста двадцати рублей въ годъ и болѣе. Поэтому общій уровень экономическаго довольства стоитъ немногимъ выше нуля; цѣлыя части города состоятъ изъ жалкихъ, убогихъ избенокъ. Жители города, если отдѣлить купцовъ и чиновниковъ, по благосостоянію своему, не отличаются отъ общаго положенія деревни. Я не безъ намѣренія выбралъ для разсмотрѣнія городъ, лежащій въ сторонѣ отъ большихъ путей сообщенія, гдѣ наблюдатель не сбивается съ толку вліяніемъ транзитнаго торга, и гдѣ отношеніе города къ окрестности, въ качествѣ центра ея промышленности, обрисовывается совершенно ясно тѣмъ, что промышленность даетъ крестьянину, на шестьдесятъ тысячъ жителей *), товаровъ на какихъ нибудь семь или восемь тысячъ рублей, т. е. отъ одинадцати до четырнадцати копѣекъ на человѣка. Эти четырнадцать копѣекъ, при поверхностномъ наблюденіи фактовъ, могутъ озадачить такимъ благосостояніемъ, какого и не снилось крестьянамъ кузнецкаго округа. Вы увидите на крестьянкахъ не только шерстяныя, но и шелковыя платья;—судя по впечатлѣнію праздника, вамъ представится жизнь въ совершенно иномъ свѣтѣ. Предположимъ на волость восемь шелковыхъ платьевъ; они надѣваются только по великимъ праздникамъ и носятся тогда, когда они весьма стары, такъ что подобное платье служитъ среднимъ числомъ двадцать лѣтъ; если оно стоитъ пятнадцать рублей и въ волости 4500 жителей, то придется по двѣ пятнадцатыхъ копѣйки на жителя (**). Далѣе, предположимъ на волость десять шерстяныхъ платьевъ и долговѣчность каждаго по десяти лѣтъ, а цѣну по шести рублей—придется по одной восьмой копѣйки на жителя; предположимъ затѣмъ стоимость ситцеваго платья въ три рубли и долговѣчность его, при рѣдкой носкѣ, въ десять лѣтъ—все женское населеніе, способное по возрасту рядиться, будетъ имѣть для праздника ситцевое платье и

*) Въ кузнецкомъ округѣ считается 98,276 жителей, но я беру часть снабжаемую исключительно Кузнецкомъ.

**) Такъ какъ крестьянки обыкновенно покупаютъ поношенныя шелковыя платья и часто ихъ передѣлываютъ, то издержка окажется еще незначительнѣе.

издержки на жителя будутъ составлять по пяти копѣекъ въ годъ. Такимъ образомъ, выше выведенная мною цифра (отъ одиннадцати до четырнадцати копѣекъ на жителя) оказывается вовсе непреувеличенною. Что касается до пьянства, то приходится на каждаго взрослаго мужчину менѣе рюмки вина въ двѣ недѣли, а на каждую взрослую женщину менѣе рюмки вина въ мѣсяцъ. Изъ этого видно, что распространяемые слухи, будто бы крестьяне разоряются отъ пьянства, крайне преувеличены; этотъ вздорный слухъ распускается нерѣдко съ злонамѣренною цѣлью скрыть настоящую причину бѣдности. По всей Россіи приходится на взрослаго работника не болѣе рюмки вина на четыре дня, а на женщину по рюмкѣ вина въ недѣлю. Образованный человѣкъ, который пьетъ въ восемь разъ болѣе, не считаетъ себя пьяницею—русскій работникъ можетъ напиться пьянымъ только разъ въ три недѣли: какимъ же образомъ можно говорить, что онъ разоряется отъ пьянства и не требуетъ ли справедливость обратить вниманіе на другія причины его экономическихъ недостатковъ? Но если бы каждый взрослый мужчина кузнецкаго округа могъ пить по рюмкѣ вина въ день, а женщина по рюмкѣ въ недѣлю, то акцизъ съ этого вина составилъ бы сумму, которая будетъ въ два съ половиною раза значительнѣе всѣхъ казенныхъ, кабинетскихъ, земскихъ и проч. прямыхъ и косвенныхъ сборовъ съ крестьянъ кузнецкаго округа. Если кузнецкій работникъ будетъ выпивать вина столько же, сколько петербургскій, то акцизъ съ этого вина будетъ на тридцать пять процентовъ превышать всѣ вышеупомянутые сборы. Въ моей душѣ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что если бы отмѣнены были всѣ сборы, платимые теперь кузнецкими крестьянами, то фактъ увеличенія доходовъ казны, кабинета и земства посредствомъ распредѣленія между ними акцизовъ съ вина, табаку и проч. вошелъ бы въ полную свою силу, и крестьянинъ при этомъ не только не сдѣлался бы пьяницею и грубымъ эгоистомъ, но благосостояніе его увеличилось бы, и онъ лучше сталъ бы обращаться съ своимъ семействомъ. Объясню это.

Въ кузнецкомъ округѣ работникъ производитъ на продажу хлѣбъ, мясо, медъ и проч. Эти продукты онъ не можетъ продать людямъ, которые бы производили что нибудь для него взаимно-полезное, не

потому, чтобы такихъ людей не было, а потому что ему все это нужно продать на уплату податей и сборовъ. Поэтому въ кузнецкомъ округѣ происходитъ приблизительно слѣдующее: очертимъ вокругъ Кузнецка раіонъ, въ которомъ живетъ до сорока тысячъ жителей, занимающихся земледѣліемъ (въ кузнецкомъ округѣ 96,442 человѣка сельскаго населенія). Эти сорокъ тысячъ должны продать своихъ произведеній, и продаютъ дѣйствительно, въ годъ болѣе, чѣмъ на двѣсти двадцать пять тысячъ рублей серебромъ. Сто семдесятъ тысячъ имъ нужно на уплату слѣдующихъ съ нихъ сборовъ, а на пятдесятъ пять тысячъ они покупаютъ вина и другихъ нужныхъ имъ товаровъ и произведеній. Деньги эти они могутъ добыть приблизительно слѣдующимъ образомъ:

Они снабжаютъ городъ своими произведеніями; для этого приблизительно нужно: ржаной муки 20,000 пудовъ по 17 коп., всего на 3400 руб. сер.—пшеничной муки 12,770 пудовъ по 35 коп., всего на 4,500 руб. — мяса 2,000 пудовъ по рублю, всего на 2,000 руб.—дровъ 1,000 саженъ по 75 коп., всего на 750 р. другихъ произведеній,—всего приблизительно на 1,850 руб. Итого въ городъ можно продать на 12,500 руб. сер.,—земледѣльцу изъ этого достанется приблизительно 11,600 руб., а мельникамъ и міроѣдамъ 900 руб. Слѣдовательно, вотъ вся сумма, на которую сорокъ тысячъ крестьянъ могутъ разсчитывать отъ своей торговли съ городомъ. Такимъ образомъ, для пріобрѣтенія этихъ двухсотъ двадцати пяти тысячъ имъ опять таки остается одинъ способъ—снова продавать свои сельскія произведенія (*). И теперь придется имъ уже продавать свои произведенія для доставки въ другія мѣста, а потому они не могутъ сбывать ихъ по мелочамъ, какъ это дѣлается при продажѣ въ городъ, они должны ихъ сбывать кулакамъ или міроѣдамъ болѣе значительными партіями, а эти про-

(*) Крестьяне кузнецкаго округа, кромѣ того, занимаются въ Кузнецкѣ на золотые промыслы, но рабочихъ на золотыхъ промыслахъ алтайскаго округа всего 3,500 человѣкъ, а раіонъ, изъ котораго они берутся, имѣетъ, по крайней мѣрѣ, 500,000 жителей, слѣдовательно, на наши сорокъ тысячъ придется менѣе трехъ сотъ человѣкъ,—итогъ до того ничтожный, что о немъ не стоитъ и говорить.

дають капиталистамъ, при этомъ выгоды крестьянъ будутъ уже гораздо микроскопичнѣе.

Сумма въ двѣсти двадцать пять тысячъ рублей должна между крестьянскими произведеніями распредѣлиться приблизительно слѣдующимъ образомъ: они продадутъ ржаной муки 450,000 пудовъ по 17 и получатъ за нее 76,500 рублей, муки пшеничной двѣсти тысячъ пудовъ по 30 коп. на 60,000 рублей, овса 300,000 пудовъ по 8 коп. на 24,000 рублей, животныхъ продуктовъ на 25,000 рублей серебромъ, лѣсу, дровъ и другихъ произведеній на 34,500 руб. сер.—На долю крестьянъ придется приблизительно 190,000 рублей серебромъ, а на долю мельниковъ и міроѣдовъ 30,000 рублей серебромъ—т. е. около 14%. Такимъ образомъ, за уплатою всѣхъ необходимыхъ сборовъ, на долю большинства крестьянскаго населенія остается приблизительно около 20,000 р., т. е. менѣе, чѣмъ по семидесяти копѣекъ на человѣка. Все разнообразіе, которое крестьянинъ можетъ доставить себѣ въ жизни, заключается въ томъ, что онъ два раза въ году можетъ напиться пьянымъ, если онъ захочетъ выпить третій разъ, то долженъ уже поклониться міроѣду.

Возьмемъ теперь въ маріинскомъ округѣ раіонъ, въ которомъ живутъ 40,000 крестьянъ. [1]) Въ этомъ раіонѣ есть большая дорога изъ Тюмени въ Иркутскъ и два винокуренныхъ завода, которые производятъ около 300,000 ведеръ вина.—Подати и сборы у насъ распредѣлены такъ неправильно, что крестьянамъ маріинскаго округа приходится платить даже менѣе крестьянъ кузнецкаго округа. Слѣдующіе съ нихъ сборы, т. е. около 160,000 руб. сер. они могутъ уплатить съ несравненно большею легкостію. На одни заводы крестьяне продаютъ муки до 300,000 пудовъ по 35 коп. за пудъ, на сто пять тысячъ рублей серебромъ; городъ отъ нихъ потребуетъ произведеній на двадцать пять тысячъ рублей серебромъ—слѣдовательно, крестьянинъ около семи девятыхъ слѣдующихъ съ него сборовъ можетъ уплатить отъ продажи въ первыя руки; если

---

[1]) Въ Маріинскомъ округѣ считается 49,217 человѣкъ сельскаго населенія и также есть золотые промыслы.

приэтомъ кулаки и міроѣды получатъ только въ половину менѣе, чѣмъ кузнецкіе, то маріинскій крестьянинъ будетъ имѣть уже по 25 к. сер. лишнихъ на человѣка. Кромѣ того, значительная конкурренція покупателей даетъ ему возможность возвышать или, по крайней мѣрѣ, не сбивать цѣну своихъ произведеній. Если предположить, что отъ такого положенія цѣна повышается пятью копѣйками на пудъ, — то на каждаго жителя придется еще лишнихъ около сорока копѣекъ, такъ что маріинскіе крестьяне будутъ имѣть вдвое болѣе, чѣмъ кузнецкіе; конечно, *это вдвое болѣе* не составитъ и пятидесяти копѣекъ въ мѣсяцъ на семейство. Кромѣ того, въ раіонѣ маріинскаго округа проѣздъ по большой дорогѣ даетъ подсобный промыселъ, которымъ могутъ жить до четырехъ тысячъ жителей, получая среднимъ числомъ излишекъ дохода до тридцати рублей на семейство. Эти четыре тысячи не только могутъ ѣсть достаточно мяса и рыбы, но будутъ имѣть еще пятнадцать рублей въ годъ на улучшеніе своего быта. Дѣйствительно, мы видимъ, что въ раіонѣ маріинскаго округа выпивается несравненно болѣе вина, чѣмъ въ раіонѣ кузнецкаго; за вычетомъ вина, употребляемаго проѣзжими, останется для мѣстныхъ жителей приблизительно вдвое болѣе; если бы казна, вмѣсто того, чтобы получать этотъ доходъ посредствомъ акциза, выдумала бы взимать его прямою податью, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что жители маріинскаго округа немедленно бы раззорились, конкурренція сдѣлалась бы такою же тяжелою, какъ въ кузнецкомъ, хлѣбъ упалъ бы въ цѣнѣ, и маріинскій округъ пошелъ бы съ тою же сумою, съ какой ходитъ кузнецкій. Но если экономическое положеніе маріинскаго крестьянина лучше кузнецкаго, то изъ этого сравнительнаго положенія еще нельзя выводить рѣшительнаго заключенія. И здѣсь, и тамъ развитіе благосостоянія задерживается тѣмъ явленіемъ, что крестьянинъ долженъ для уплаты слѣдующихъ съ него сборовъ во что бы то ни стало продавать болѣе хлѣба, чѣмъ требуется на мѣстѣ, а въ этомъ заключается коренная причина его бѣдности. Если мы перенесемся далѣе въ енисейскій округъ, то увидимъ, что тамъ на золотые промыслы требуется продуктовъ земледѣлія и скотовод-

ства на сумму, уже большую, чѣмъ сборы съ крестьянъ енисейскаго округа, и кромѣ того земледѣльцу нѣтъ надобности непремѣнно производить хлѣбъ, онъ можетъ наняться на промыслы; вслѣдствіе всего этого, я въ енисейскомъ округѣ встрѣчалъ сельскихъ работниковъ, которые получали сто двадцать рублей серебромъ на готовомъ содержаніи, между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ работникъ получаетъ только четвертую часть этой суммы; но и это благосостояніе енисейскаго земледѣльца не избавляетъ его отъ эксплоатаціи кулака и міроѣда; потребность сбывать свои продукты у многихъ весьма настоятельна; кромѣ того, на енисейскаго земледѣльца производится гнетущее давленіе со стороны отдаленныхъ округовъ, гдѣ хлѣбъ продается во что бы то ни стало, лишь бы съ грѣхомъ пополамъ отдѣлаться отъ податей.

Перейдемъ теперь къ другому положенію. Я описалъ положеніе крестьянъ маріинскаго округа. Въ подобномъ же положеніи находились всѣ крестьяне по большому тракту отъ Томска до Тюмени; но вотъ устроилось пароходство по Оби и Иртышу. Отъ Томска до Тюмени ходятъ баржевые пароходы, скоро, вѣроятно, пойдутъ и легкіе, которые будутъ перевозить почту и пассажировъ. Мѣстность, въ которой лежитъ большая дорога отъ Тюмени до Томска не питалась привознымъ хлѣбомъ, крестьяне этой мѣстности производили достаточно хлѣба, чтобы пропитать себя и всѣхъ тѣхъ, которые питались на этой дорогѣ, не занимаясь сами земледѣліемъ, отъ проѣзда и провоза тяжестей. Предположимъ, по приблизительнымъ разсчетамъ, что мѣстность, снабжавшая хлѣбомъ селенія при упомянутой большой дорогѣ, состояла изъ ста пятидесяти тысячъ жителей; эти сто пятдесятъ тысячъ производили хлѣба для содержанія 35,000 человѣкъ и въ томъ числѣ 20,000 работниковъ и работницъ, занятыхъ исключительно работой, связанной съ движеніемъ по большой дорогѣ; предположимъ, что эти 20,000 работниковъ, съ введеніемъ пароходства, лишились бы двухъ третей своего заработка и вмѣсто 800,000 руб. сер. будутъ заработывать только 260,000 руб. сер.—Изъ числа 540,000 руб. сер., которыхъ они теперь лишились,, слѣдуетъ полагать, что они тратили 480,000 руб. на покупку произведеній вышеупомянутыхъ ста пя-

тидесяти тысячъ жителей, прилегающихъ къ дорогѣ. Ясно, слѣдовательно, что если вышеупомянутые двадцать тысячъ работниковъ, въ свободное время, оставшееся у нихъ за упраздненіемъ ихъ занятій, произведутъ на 480,000 руб. предметовъ, для потребленія жителей, находящихся при дорогѣ, предметовъ, столь полезныхъ, что они согласятся за нихъ по прежнему давать своихъ произведеній на эту сумму, то изъ этого выйдетъ то, что чрезъ введеніе пароходства всѣ выиграютъ, и потеря немногихъ будетъ лишь самая незначительная. Покупающіе товары выиграютъ чрезъ пониженіе цѣнъ на провозъ, несчастное и бѣдствующее населеніе сѣверныхъ частей Оби и Иртыша выиграетъ чрезъ оживленіе этого водяного пути; крестьяне, поселенные при большой дорогѣ, выиграютъ то, что двадцать тысячъ работниковъ, которые прежде работали на другихъ, потребляя ихъ произведенія, будутъ теперь работать на нихъ. Встрѣчается, однакоже, одно небольшое препятствіе тому, чтобы введеніе пароходства имѣли такія благодѣтельныя послѣдствія для сибирскаго края. Крестьяне, живущіе на большой дорогѣ и снабжавшіе вышеупомянутыхъ 35,000 человѣкъ своими произведеніями на 480,000 руб. сер., употребили эти деньги на уплату податей, слѣдовательно, имъ уже не на что покупать произведенія этихъ 20,000 работниковъ. Поэтому послѣдствія введенія пароходства будутъ совсѣмъ иного характера; 20,000 работниковъ кинутся на земледѣліе, а сто тысячъ окрестныхъ жителей будутъ навязывать кулакамъ и міроѣдамъ своихъ произведеній на лишнихъ 480,000 руб., потому что имъ нужно выручить эти деньги для уплаты оброковъ, а двадцати тысячъ прежнихъ покупателей уже не существуетъ. Къ нимъ 20,000 работниковъ присоединятъ еще своихъ произведеній тысячъ на сто и выдетъ, что, вмѣсто того, чтобы выиграть отъ освободившихся рукъ, жители при большой дорогѣ проиграютъ и будутъ другъ друга топить и душить конкурренціею. Такимъ образомъ, введеніе пароходства по Оби и Иртышу имѣло своимъ послѣдствіемъ, что богатые черезъ него выиграли, а бѣдные пока проиграли. По здравому смыслу работникъ долженъ терять только тогда, когда прымышленность падаетъ; во всѣхъ же случаяхъ, когда она совер-

шенствуется, онъ долженъ непремѣнно выигрывать. У насъ выходитъ совсѣмъ иначе; жители при большой дорогѣ горько жалуются на раззореніе; вынужденная уплатою прямыхъ податей, отчаянная конкурренція жителей при этой дорогѣ заставляетъ ихъ продавать слишкомъ много хлѣба, у нихъ не остается на сѣмена, и они пускаются въ запуски по пути, ведущемъ къ нищенской сумѣ. Мы безпрерывно видимъ, что нашъ крестьянинъ сидитъ зимою безъ дѣла и голодаетъ; сидитъ онъ безъ дѣла потому, что всѣ голодаютъ вмѣстѣ съ нимъ, и покупать работы некому,—всѣ продали свой трудъ за безцѣнокъ.

Представьте себѣ, что крестьянинъ кузнецкаго округа какимъ нибудь чудомъ обезпечилъ себѣ лучшее экономическое положеніе, Къ нему приходитъ кулакъ и предлагаетъ ему двѣнадцать копѣекъ за пудъ — въ крестьянинѣ нѣтъ уже и слѣда бывшаго паническаго страха; онъ весьма равнодушно смотритъ на пьявку, которая такъ больно его сосала. „Не нужно“, отвѣчаетъ онъ, „мнѣ хлѣбъ необходимъ для своего семейства, и я хочу разширить свой посѣвы.“ — Крестьянинъ тотчасъ смекнетъ, что теперь настало другое время, не онъ долженъ гоняться за покупателемъ, а покупатель долженъ гоняться за нимъ, и онъ продастъ свой хлѣбъ только тогда, когда покупатель его чѣмъ нибудь соблазнитъ На сколько онъ теперь продаетъ, на столько онъ и купитъ, были бы рабочіе руки, а за возможностію покупать теперь дѣло не станетъ. — Надо полагать, что въ кузнецкомъ округѣ обращается около 200,000 рублей денегъ. Эти деньги, по большей части, дѣлаютъ въ настоящее время не болѣе четырехъ оборотовъ въ годъ. Крестьяне продаютъ свои произведенія и постоянно накапливаютъ деньги, затѣмъ въ извѣстный срокъ вносятъ массою въ окружное казначейство, потомъ начинается повый оборотъ колеса, который кончается вторымъ взносомъ, — въ промежутокъ этого времени они ничего не могутъ покупать прежде, чѣмъ они накопятъ всю сумму податей; въ результатѣ оказывается, что къ концу срока они даже всего не накопили. а о покупкахъ нечего и помышлять. Такимъ образомъ, обращеніе цѣнностей между крестьянами равняется четыремъ стамъ или четыремъ стамъ пятидесяти тыся-

чамъ рублей, т. е. цѣнности податей съ небольшимъ прибавкомъ. Въ результатѣ окажется, что поднять уровень своего благосостоянія нѣтъ никакихъ средствъ. Если же, за уплатою податей, у крестьянина окажется возможность (а это прямо зависитъ отъ раціональной податной системы) скопить себѣ нѣкоторый запасъ, то онъ немедленно употребитъ его на свою домашнюю, болѣе удобную обстановку; онъ купитъ у сосѣда своего, охотника, заячьихъ шкуръ, и сдѣлаетъ изъ нихъ для жены шубу, — охотникъ опять не имѣетъ причины конить и, надумавшись, попроситъ своего покупателя, сдѣлать ему нѣсколько стульевъ. Нашъ крестьянинъ, который продавъ свой хлѣбъ, сидѣлъ бы, въ прежнія времена, безъ дѣла, теперь состроитъ стулья и, получивъ за нихъ деньги, найдетъ, что ему уже давно нужны были валеные сапоги, безъ которыхъ онъ обходился въ прежніе годы за неимѣніемъ денегъ. Онъ купитъ сапоги. Мастеръ, получивъ отъ него деньги и возвратившись домой, разскажетъ женѣ, какой онъ видѣлъ у своего заказчика чудесный неводъ.—„Вотъ бы рыбки“, скажетъ жена, „теперь у насъ есть деньги.“—Сказано сдѣлано, и нашъ знакомый ловитъ рыбу и получитъ свои денежки обратно въ руки.—Положимъ, что онъ въ первый разъ продалъ хлѣба на десять рублей, въ настоящее время этимъ и кончится; съ отмѣною же прямыхъ сборовъ, онъ пріобрѣтетъ на нихъ въ скоромъ времени тридцать рублей. Если 200,000 денегъ, которые находятся въ настоящее время въ кузнецкомъ округѣ, обернулся такимъ образомъ двадцать пять разъ, то крестьяне, которые покупали до сихъ поръ на какихъ нибудь семьдесятъ тысячъ, голодали и сидѣли безъ дѣла, купятъ и продадутъ на пять милльоновъ, будутъ богаты, сыты и счастливы: если они изъ этихъ пяти милльоновъ купятъ вина на одну десятую часть, то казна, кабинетъ и земскія учрежденія получатъ отъ него столько же, а крестьянинъ будетъ въ семьдесятъ разъ богаче. Теперь остается разрѣшить вопросъ: воспользуется ли онъ дѣйствительно представляющеюся ему возможностію разбогатѣть? Я полагаю, что въ умѣ добросовѣстнаго наблюдателя, знакомаго съ нашимъ рабочимъ классомъ, не можетъ быть даже ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что онъ воспользуется. Нашъ работникъ не похожъ на негра или на лаццарони. онъ не броситъ работать и не

заляжетъ на печкѣ, какъ скоро онъ удовлетворилъ своему голоду; въ марінскомъ округѣ онъ имѣетъ возможность пріобрѣсти болѣе, чѣмъ въ кузнецкомъ, и онъ не упускаетъ этого случая, онъ не останавливается на кузнецкихъ заработкахъ и не ложится на печку. Въ енисейскомъ округѣ онъ можетъ получить, въ качествѣ сельскаго работника, на готовомъ содержаніи сто или сто двадцать цѣлковыхъ, онъ пріобрѣтаетъ эти деньги и не останавливается на тридцати цѣлковыхъ; которыми обыкновенно долженъ довольствоваться сельскій работникъ. Если бы онъ въ кузнецкомъ округѣ остановился на заработкѣ въ сто двадцать рублей на готовомъ содержаніи, то это былъ бы заработокъ болѣе значительный, чѣмъ заработокъ петербургскаго работника; казна, кабинетъ и земство безъ всякаго сомнѣнія получили бы болѣе, чѣмъ въ настоящее время, посредствомъ одного акциза съ вина. Кажется, теперь читателю довольно легко будетъ додуматься до того, что одной отмѣны всѣхъ, безъ исключенія, прямыхъ сборовъ будетъ достаточно для того, чтобы и крестьянина сдѣлать богатымъ и увеличить государственные и земскіе доходы.

Скоро сказка сказывается, но не скоро дѣло дѣлается,—возразитъ мнѣ на это читатель: — крестьянинъ, дѣйствительно, разбогатѣетъ, но увеличеніе этимъ путемъ дохода съ акцизовъ все-таки не до такой степени вѣрно, чтобы его безъ дальнѣйшихъ справокъ можно было бы внести въ бюджетъ, при отмѣнѣ всѣхъ прямыхъ сборовъ;—для этого нужно основаться на чемъ нибудь, болѣе благонадежномъ. Съ этимъ я вполнѣ согласенъ, но полагаю, что это нетрудно исполнить. Оброки, подати и вообще всѣ окладные, земскіе и прямые сборы съ крестьянъ составляютъ около девяноста милліоновъ рублей серебромъ. Не нужно быть особенно проницательнымъ финансистомъ, чтобы понять, что подать должна быть, по крайней мѣрѣ, пропорціональною. Въ Сибири, въ значительной части мѣстностей, подати и сборы, платимые земледѣльцами, составляютъ чистый налогъ на трудъ, земля тамъ не приноситъ никакой ренты, и для увеличенія ея плодородія никакого капитала не затрачивается. Въ болѣе населенныхъ мѣстностяхъ десятина земли, сдѣланная удобною для хлѣбопашества, можетъ быть отдаваема въ наймы, и будетъ

приноситъ около шестидесяти копѣекъ серебромъ дохода. — это не рента съ земли, потому что кругомъ земля лежитъ необработанною въ неопредѣленномъ количествѣ, и ею земледѣлецъ можетъ пользоваться безъ всякаго вознагражденія; это — вознагражденіе за прежній трудъ, что-то въ родѣ дохода съ капитала; какъ скоро земля вспахивается, и вознагражденіе это прекращается. Далѣе слѣдуютъ въ Сибири и въ Россіи земли, приносящія ренту; рента эта во многоземельныхъ краяхъ бываетъ весьма незначительна, иногда не болѣе 25 коп. сер. съ десятины; въ средней Россіи она приблизительно даетъ два рубля съ десятины, въ промышленной — иногда болѣе трехъ. Душевой надѣлъ можетъ принести четыре рубля дохода, но доходъ этотъ въ весьма многихъ, можетъ быть, въ большинствѣ случаевъ, есть въ значительной мѣрѣ доходъ съ капитала, потому что земля должна быть сначала сдѣлана плодородною посредствомъ удобренія, т. е. приложенія къ ней капитала. Какъ рента, такъ и доходъ съ капитала вполнѣ поглощаются прямыми сборами съ крестьянъ, и кромѣ того они поглощаютъ еще часть ихъ дохода съ труда. Въ Сибири и въ большей части Россіи годовой сельскій работникъ получаетъ отъ тридцати до сорока рублей; сборовъ и податей съ него придется около 14 рублей, слѣдов. онъ заплатитъ приблизительно 45% изъ своего дохода. Если принять во вниманіе то обстоятельство, что экономическое благосостояніе страны опирается преимущественно на силы производящаго класса, то желаніе болѣе равномѣрнаго распредѣленія налоговъ дѣлается вполнѣ понятнымъ. Это желаніе было на первомъ же шагу высказано лучшими земскими собраніями при обсужденіи нашего экономическаго благосостоянія. И мы убѣждены, что осуществленіе его будетъ одною изъ величайшихъ реформъ, способныхъ поднять уровень матеріальнаго благосостоянія Россіи... При болѣе пропорціональномъ распредѣленіи податей и при переводѣ налога на имущество рабочій будетъ освобожденъ отъ прямыхъ податей, а косвенныя подати съ предметовъ потребленія рабочаго класса, какъ-то вина и проч., уменьшатся на 57 милліоновъ съ половиною, т. е. болѣе, чѣмъ на сорокъ процентовъ. Но и это еще не удовлетворитъ всѣмъ требованіямъ финансовой науки; на основаніи началъ этой науки до-

ходъ, необходимый для обезпеченія существованія рабочаго семейства, не можетъ быть обложенъ никакими податями и сборами. Такимъ доходомъ нужно признать фондъ, безъ котораго рабочій не можетъ обезпечить здоровье и долголѣтіе своего семейства, — всякое нарушеніе этого правила поведетъ къ тѣмъ грустнымъ послѣдствіямъ, которыми обыкновенно сопровождается голодъ. Для исполненія же этого правила необходимо создать такое экономическое положеніе, при которомъ ни одно крестьянское семейство не могло бы оставаться безъ здоровой рабочей силы, потому что отнятіе у такого семейства работника неизбѣжно должно погубить дѣтей. Необходимымъ содержаніемъ слѣдуетъ признать на каждаго человѣка въ семействѣ въ годъ двадцать пудовъ хлѣба, десять пудовъ мяса, полпуда соли, пятнадцать рублей въ годъ на гигіеническіе напитки, разнообразіе пищи, лекарство и проч., восемнадцать рублей въ годъ на одежду, кубическую сажень дровъ и три тысячи кубическихъ футовъ теплаго воздуха, — въ средней Россіи на семейство изъ четырехъ человѣкъ это составитъ триста рублей въ годъ. Только на такомъ уровнѣ скромнаго благосостоянія русскій работникъ можетъ выйдти изъ той мертвенной апатіи, которую приписываютъ его лѣности и неспособности наши благонамѣренные публицисты, и открыть себѣ доступъ къ какому нибудь умственному образованію.

Но для достиженія этой цѣли необходимо распредѣлить налогъ между всѣми сословіями; часть его придется взять на себя русскимъ имущественнымъ классамъ для освобожденія рабочихъ отъ тягости прямыхъ сборовъ, высокихъ акцизовъ и рекрутской повинности, что составитъ не болѣе 14% со всего ихъ дохода; изъ этого они уплачиваютъ въ настоящее время около четверти; если къ этому прибавить подоходный налогъ въ шесть процентовъ, имъ останется доплатить въ видѣ различныхъ сборовъ и косвенныхъ налоговъ 48 м., за исключеніемъ земскихъ сборовъ, съ нихъ придется собрать государству всего 23 м., т. е. менѣе, чѣмъ полтора процента съ ихъ дохода. Я впрочемъ весьма далекъ отъ того, чтобы желать для нашихъ привилегировахъ классовъ высокихъ налоговъ. Прусское правительство порицалось за то, что оно беретъ до десяти процентовъ изъ народнаго дохода; если бы мы

нашли возможность уменьшить наши расходы на половину, то это было бы безпримѣрнымъ явленіемъ въ исторіи. Рабочему классу пришлось бы платить только одну седьмую часть того, что онъ платитъ теперь, а это разомъ возвысило бы его матеріальное и умственное благосостояніе... Во всякомъ случаѣ правильное распредѣленіе податей между народомъ—дѣло, и легко исполнимое, и вовсе не обременительное. Вспомнимъ, что противники крестьянской реформы были увѣрены въ невозможности совершить такой переворотъ безъ воображаемыхъ ими опасеній и золъ, которыя они предсказывали дѣлу освобожденія. Эти мнимыя опасности, создаваемыя въ интересахъ эксплоататорской тактики, можетъ быть, лѣтъ на пятьдесять отсрочили день освобожденія, а между тѣмъ реформа совершилась и земля не дрогнула, солнце не померкло. Тоже самое должно случиться и съ преобразованіемъ податной системы. Ненадобно упускать изъ вида, что для того, чтобы спасти себя отъ упрека въ пристрастіи, я цѣнилъ доходы имущихъ классовъ слишкомъ низко, а доходы рабочихъ слишкомъ высоко. Отъ этого произошло, что доходъ рабочаго класса у меня только втрое менѣе дохода классовъ имущихъ, между тѣмъ какъ, напримѣръ, въ Пруссіи, гдѣ отношеніе должно быть несравненно благопріятнѣе для рабочаго класса, чѣмъ въ Россіи, доходъ имущихъ классовъ оцѣненъ почти въ девять разъ выше дохода рабочаго. Доходъ русскаго рабочаго класса я оцѣнилъ въ шесть разъ выше прусскаго, между тѣмъ, какъ доходъ имущихъ классовъ я оцѣнилъ только вдвое выше. По моему расчету доходъ русскаго рабочаго выходитъ относительно выше прусскаго, между тѣмъ какъ въ Пруссіи заработная плата на 50% выше, чѣмъ въ Россіи, доходъ же имущихъ классовъ у меня выходитъ вдвое ниже, чѣмъ въ Пруссіи, чего невозможно предположить.

Люди, наблюдавшіе надъ положеніемъ нашего крестьянина и способные обобщать наблюдаемые факты, согласятся съ тѣмъ, что пока уровень экономическаго благосостоянія не будетъ поднятъ въ массѣ населенія, промышленность, несмотря ни на какія поощренія, не подвинется ни на одинъ шагъ впередъ; лучшее и единственно дѣйствительное поощреніе для нея—это богатство рабочаго класса;

если работникъ будетъ выпивать по рюмкѣ вина въ день, то цѣнность потребленія этого продукта будетъ равняться всей нашей заграничной торговлѣ. Землевладѣлецъ и капиталистъ, которые желаютъ низкой заработной платы, поступаютъ также благоразумно, какъ чахоточный, который ищетъ сильныхъ ощущеній, — они совершаютъ самоубійство; государственная собственность—не то, что частная собственность; частный собственникъ думаетъ только о своихъ выгодахъ, распоряжаясь же государственною собственностію, нужно прежде всего думать о выгодахъ всего народа; а эти выгоды заключаются въ томъ, чтобы создать изъ государственныхъ крестьянъ рабочій классъ, который пользовался бы такимъ же благосостояніемъ, какъ мелкіе поземельные собственники за-границею; такой классъ развивалъ бы между рабочими потребности, пріучалъ бы ихъ къ менѣе грубой жизни и этимъ способствовалъ бы возвышенію заработной платы, развитію богатства и цивилизаціи всѣхъ классовъ общества; онъ вызвалъ бы насъ изъ этого состоянія обнищанія и невѣжества, которое такъ унизительно для нашего національнаго самолюбія.

Послѣ податей самое большое вліяніе на благосостояніе земледѣльца имѣетъ отношеніе его къ землѣ. Плоды труда должны доставаться вполнѣ трудящимся рукамъ и все, что накоплено трудомъ, должно оставаться въ неприкосновенномъ и полномъ его обладаніи. Въ отношеніи къ землѣ общинное владѣніе—одно изъ лучшихъ средствъ для достиженія этой цѣли; оно стремится дать самостоятельность труду и трудовой собственности. Если имущественные классы желаютъ, чтобы рабочій классъ сочувствовалъ охраненію ихъ собственности, они должны защищатьобщинное владѣніе, иначе они произведутъ въ рабочемъ классѣ неизбѣжно коммунистическія тенденціи, въ видѣ реакціи. Такія заключенія

мнѣ постоянно навязывались наблюденіями надъ бытомъ сибирскаго земледѣльца. Есть два рода отношеній къ землѣ, которыя чрезвычайно нравится сибирскимъ міроѣдамъ и настолько же ненавистны массѣ рабочаго населенія, насколько восхваляются міроѣдами, и одно, которое весьма не нравится міроѣдамъ, но за то оно самое выгодное для рабочаго человѣка, потому что способствуетъ развитію его трудолюбія и благосостоянія, и служитъ лучшимъ залогомъ для будущаго его просвѣщенія. Первыя два—это общинное владѣніе безъ передѣловъ и собственность, второе —это неотчуждаемое общинное владѣніе съ передѣлами. Общинное владѣніе безъ передѣловъ господствуетъ въ Сибири, начиная съ томской губерніи. Заговорите съ богатымъ крестьяниномъ о передѣлѣ земли, онъ, по всей вѣроятности, выскажется противъ него, онъ къ нему также нерасположенъ, какъ всякій богатый крестьянинъ и вообще всякій богатый человѣкъ въ Россіи. Если богачи въ Россіи стараются распространить господство поземельной собственности, то богачи въ Сибири стараются удержать недѣленыя земли. Причина одна и таже. При исключительномъ господствѣ поземельной собственности стѣсненное положеніе рабочаго даетъ богатому человѣку возможность пріобрѣтать отъ него землю, обращать его въ бездомнаго пролетарія, затѣмъ сбивать цѣну на его трудъ до крайности и богатѣть на его счетъ. Общинное владѣніе безъ передѣловъ такъ же вредно, но не въ такой степени; богатый имѣетъ при этомъ, дѣйствительно, возможность завладѣть лучшею землею, но онъ не можетъ лишить земледѣльца его участія въ поземельномъ владѣніи. Если ѣхать по большому тракту изъ Томска въ Иркутскъ, по томской и енисейской губерніи, то невольно поражаетъ слѣдующій фактъ. Каждое, сколько нибудь значительное село начинается и кончается самыми жалкими лачугами, въ серединѣ села перемѣшаны дома, обличающіе богатство, благосостояніе и бѣдность, но даже и домъ бѣдняка не обличаетъ такой нищеты, которая видна въ жалкихъ лачужкахъ въ началѣ и въ концѣ деревни. Если войдти въ подобную избенку, то ея внутренняя обстановка совершенно соотвѣтствуетъ наружной. Такой фактъ, повторяющійся и въ сторонѣ отъ большого тракта, но коммерческимъ и проселочнымъ дорогамъ, невольно обращаетъ на себя вниманіе. Послѣ рас-

просовъ узнаешь, что обитатели этихъ лачугъ — переселенцы: это русская бѣдность, переѣхавшая бѣдовать въ Сибирь. — Распросите переселенца о причинахъ его бѣдности, распросите бѣднаго сибиряка, и передъ вами раскроется система общиннаго владѣнія безъ передѣловъ со всѣми ея послѣдствіями. Отношенія сибирскихъ земледѣльцевъ къ землѣ невольно напоминаютъ отношенія римскихъ патриціевъ и плебеевъ, которыя породили такую славную борьбу партій и аграрные законы, извѣстные и до сего дня каждому образованному человѣку. Огромное вліяніе, которое имѣютъ на общество богатые крестьяне, даетъ имъ возможность завладѣвать лучшими землями. Завладѣвши лучшими землями, они такъ утверждаются на нихъ, что считаютъ ихъ неприкосновенною своею собственностію. Бывали случаи, что они, на свой счетъ, начинали о подобныхъ земляхъ процессы, если на нихъ изъявляли притязанія сосѣднія общины. Имѣя обыкновенно обширное скотоводство, они завладѣваютъ лучшими лугами. Чѣмъ менѣе значенія имѣетъ крестьянинъ въ общинѣ, чѣмъ онъ бѣднѣе и скромнѣе по своей природѣ, тѣмъ худшая часть выпадаетъ на его долю. Такимъ образомъ, затираются иногда люди весьма трудолюбивые, которые могли бы быть весьма полезны для себя и для другихъ. Большая часть обыкновенно недовольны своими участками, но не могутъ сломить вліяніе богатыхъ. Какъ скоро являются въ ихъ среду переселенцы, они встрѣчаютъ ихъ не съ радушіемъ и желаніемъ имъ помочь, а какъ новыхъ и непріятныхъ конкурентовъ. Наслушавшись разсказовъ объ обширности сибирскихъ земель и о томъ, что тамъ всякій можетъ пахать и косить, гдѣ хочетъ и сколько хочетъ, переселенецъ горько разочаровывается; — иногда онъ вовсе не находитъ мѣста, которое было бы ему удобно и по силамъ, онъ вынужденъ обращаться къ занятымъ уже участкамъ, онъ долженъ ихъ нанимать или покупать, какъ выражаются крестьяне. Притомъ онъ встрѣчаетъ всего чаще стачку, чѣмъ конкурренцію, и вынужденъ бываетъ платить за землю высокія цѣны, по крайней мѣрѣ, относительно. Богатые производятъ давленіе на бѣдныхъ, все общество на переселенцевъ. — Изъ этого рождается стремленіе къ передѣламъ; мѣстная администрація сочувствуетъ этому стремленію, но въ тоже время, подъ

вліяніемъ сибирскихъ капиталистовъ, въ ней обнаруживается сочувствіе къ введенію закрѣпленной собственности; такимъ образомъ, администрація сочувствуетъ двумъ, совершенно противуположнымъ направленіямъ; оно одновременно поощряетъ трудъ и самостоятельность, ограждаетъ бѣднаго отъ притязаній богатаго, отдаетъ бѣднаго и трудолюбиваго въ руки эксплоатаціи, чрезмѣрно поощряетъ экономію на счетъ труда, стремится на мѣсто общаго благосостоянія поставить бѣдность и богатство, т. е. невыгодное экономическое положеніе. Сибирскимъ капиталистамъ, конечно, естественно стремиться къ поземельной собственности. Для того, чтобы получать доходъ, имъ нужно быть людьми полезными, нужно придумать такое употребленіе изъ своего капитала, которое оживило бы промышленность, возвысило бы заработную плату и цѣны на хлѣбъ, дало бы обществу новую серію полезныхъ произведеній; все это, конечно, сопряжено съ рискомъ и требуетъ умственныхъ усилій, а ему хочется, чтобы къ нему доходы падали въ ротъ безъ всякаго риска и труда. Для этаго, конечно, самое лучшее средство — пріобрѣтеніе частной поземельной собственности. Тутъ доходы полѣзутъ къ нему въ ротъ не только въ томъ случаѣ, когда онъ ничего не будетъ дѣлать и ничѣмъ не будетъ рисковать, но будетъ даже во всѣхъ отношеніяхъ вреднымъ для страны человѣкомъ. Вмѣсто того, чтобы увеличивать крестьянскіе заработки, какъ они это дѣлаютъ теперь, сибирскіе капиталисты, обратившись въ поземельныхъ собственниковъ, будутъ уменьшать и безъ того уже скудные заработки и окончательно доведутъ Сибирь до нищенской сумы. Постоянное поползновеніе залѣзть въ карманъ къ земледѣльцу посредствомъ поземельной собственности — въ сибирскихъ капиталистахъ очень сильно; я знаю множество капиталистовъ и между ними милліонеровъ, которые весьма тяготятся тѣмъ положеніемъ, въ которое они поставлены теперь, и при которомъ они съ капиталовъ своихъ не могутъ получать доходовъ, не возвышая своею конкурренціею заработной платы, и тѣмъ лишая доходовъ земледѣльцевъ и вредя благосостоянію страны. Чтобы выйдти изъ этого положенія, надо употребить не мало дѣятельности и умственныхъ усилій, а сибирскіе капиталисты постоянно стремятся отдѣлаться отъ такого непріятнаго положе-

нія. Какъ бы хорошо было, господа капиталисты, если бы казна, безъ всякихъ хлопотъ, давала проценты на всякій капиталъ, какъ бы это легко было головѣ, какъ пріятно для лѣнивыхъ костей — жаль, что казна не можетъ дѣлать долги въ неопредѣленномъ количествѣ, не боясь банкротства.—Не правда ли, поземельная собственность въ этомъ отношеніи гораздо лучше? — Землю, безъ которой земледѣльцы могутъ обойдтись, никто не купитъ, а за землю, нужную для земледѣлія, земледѣльцы, съ каждымъ поколѣніемъ будутъ платить собственнику болѣе дани, съ каждымъ годомъ землевладѣлецъ все болѣе загребаетъ денегъ, а головѣ легко и на сердцѣ спокойно,—лежи себѣ да плюй въ потолокъ, ни риску, ни труда. — Общинное владѣніе безъ передѣловъ земли, при которомъ казалось бы крестьянину всего легче завести свое хозяйство, въ окончательномъ результатѣ развиваетъ батрачество, конечно, въ меньшей степени, чѣмъ поземельная собственность, потому что всѣ вредныя его послѣдствія меньше. Обширныя земли и луга даютъ богатому крестьянину возможность разводить обширное скотоводство, имѣть много лошадей, большіе пчельники и проч. Онъ беретъ на себя подряды для перевозки тяжестей и т. д.,—ему всего выгоднѣе исполнять ихъ одному, но для этого ему нужно имѣть работниковъ, этихъ работниковъ онъ легко находитъ между крестьянами, озабоченными уплатою податей; бѣдному крестьянину иногда болѣе ничего не остается дѣлать, съ помощью его же трудовъ на помочахъ богатый крестьянинъ запахалъ для себя лучшую землю, скосилъ лучшіе луга, у бѣдняка же хлѣбъ родился плохо, а скотъ погибъ зимою отъ дурного сѣна. Совсѣмъ другое мы видимъ въ тобольской губерніи, гдѣ земля передѣливается, и обыкновенный размѣръ надѣла въ три десятины на душу (впрочемъ подъ словомъ десятины разумѣютъ столь различныя мѣры, что я не могу опредѣлить съ точностію); и тамъ существуетъ батрачество, но обыкновенно идутъ въ работники или мужъ и жена, не имѣющіе дѣтей: или люди холостые; мужчина получаетъ отъ тридцати до сорока, женщина до двадцати четырехъ рублей. Семейный же, имѣющій дѣтей, идетъ только въ случаѣ крайней нужды и въ этомъ случаѣ оставляетъ дома жену и дѣтей, чтобы хозяйничать на отведенномъ

ему надѣлъ. Про крестьянина, который отдалъ въ наемъ свой надѣлъ, а самъ, имѣя дѣтей, пошелъ въ работники, говорятъ, что онъ продалъ жизнь своихъ дѣтей. Семейный работникъ дѣлаетъ всѣ возможныя усилія, чтобы выбиться изъ этого состоянія и опять начать самостоятельное хозяйство. Смѣло можно сказать, что экономическое наше положеніе было бы окончательно разстроено и крестьянство до тла раззорено, если бы въ Россіи не существовало общиннаго владѣнія съ передѣлами. Въ этомъ отношеніи это — великое политическое учрежденіе, которое предохранило ее отъ множества самыхъ тяжкихъ золъ. Утверждаютъ, что трудно найдти сельскаго начальника, который не сдѣлался бы притѣснителемъ тотчасъ послѣ выборовъ. Въ этомъ отношеніи общины дѣлали самые печальные опыты; извѣдавъ все зло, которое можетъ сдѣлать обществу недобросовѣстный начальникъ, они старались сосредоточить выборъ свой на самомъ честномъ человѣкѣ, но къ крайнему ихъ удивленію человѣкъ этотъ немедленно мѣнялся, онъ дѣлался притѣснителемъ и взяточникомъ; старый человѣкъ, который всю жизнь свою велъ себя скромно, вдругъ дѣлался развратникомъ и заводилъ себѣ любовницъ. Сельскаго начальника, который своими эксплоататорскими наклонностями возбуждалъ всеобщее негодованіе, не могли сжить съ рукъ, онъ выбирался во второй и въ третій разъ, несмотря на то, что передъ выборами общество единодушно соглашалось ни въ какомъ случаѣ его не выбирать. Ясно, что зло выходило не изъ личности, а изъ положенія, которое имѣетъ сельское начальство. Размѣры, въ которыхъ сельскіе начальники являются притѣснителями крестьянъ, вполнѣ пропорціональны тому, въ какомъ количествѣ между чиновниками земской полиціи и вообще чиновниками, начальствующими надъ крестьянами, встрѣчаются взяточники и строгіе начальники — это количество я опредѣлить не берусь: пусть его опредѣляетъ самъ читатель. Было бы несправедливо сказать, что сельскіе начальники постоянно дѣйствуютъ во вредъ крестьянамъ; напротивъ, во многихъ случаяхъ, они дѣйствуютъ въ ихъ пользу и именно въ тѣхъ, въ которыхъ этой пользѣ сочувствуетъ земское и мировое начальство; но совершенно справедливо, что они вовсе не соотвѣтствуютъ характеру выборной

власти, которая должна отличаться не безусловнымъ повиновеніемъ чиновнику, а преданностію интересамъ своихъ избирателей. Въ послѣднее время, когда взяточничество не разъ обличалось путемъ гласности, чиновники, за которыми водится этотъ порокъ, стали опасаться пользоваться взятками отъ лицъ, съ ними ничѣмъ несвязанныхъ и совершенно отъ нихъ независящихъ, и сосредоточили свои притязанія на тѣхъ, которые имѣютъ служебный характеръ и которые поэтому находятся въ большей и постоянной отъ нихъ зависимости. Къ числу лицъ, на которыхъ сосредоточиваются подобныя требованія, принадлежатъ и сельскіе начальники. Этимъ же начальникамъ достается и отъ чиновниковъ, совершенно безкорыстныхъ, которые поэтому именно гораздо исполнительнѣе; они требуютъ отъ сельскихъ начальниковъ строгаго и непремѣннаго сбора податей и повинностей и исполненія всѣхъ административныхъ мѣръ, наприм. по наполненію запасныхъ магазиновъ и проч. Въ случаѣ неисполненія они не имѣютъ никакой возможности убѣдиться, что препятствіемъ было не пристрастное послабленіе, а дѣйствительная необходимость поэтому они вынуждаютъ сельскихъ начальниковъ къ исполненію штрафами и другими, болѣе или менѣе крутыми мѣрами. Сельскому начальнику нерѣдко приходится платить собственныя деньги, чтобы избавиться отъ взысканій. Даже честный сельскій начальникъ не настолько развитъ, чтобы мужественно переносить подобныя потери, онъ старается вознаградить себя взяточничествомъ, но разъ ступивъ на эту дорогу, онъ уже не можетъ остановиться, онъ поощряетъ всякую притязательность, всякое давленіе, производимое богатымъ надъ бѣдными, и кончается тѣмъ, что онъ наживается и даетъ, какъ бывали примѣры, нѣсколько тысячъ въ приданое за дочерью, или даже дѣлается значительнымъ капиталистомъ, заводитъ фабрики и заводы. Если, при такомъ положеніи, въ Россіи господствовалъ бы исключительно принципъ поземельной собственности, то безъ всякаго сомнѣнія огромное число сельскихъ работниковъ обращено было бы въ пролетаріевъ. При отсутствіи политическаго развитія, такое соціальное положеніе привело бы къ крайнему загрубѣнію. Напротивъ, общинное владѣніе съ передѣлами служитъ и будетъ служить Россіи неодолимою преградою къ унич-

тоженію самостоятельности рабочаго класса и поможетъ ей скорѣе созрѣть политически. До какой степени нелѣпы были у насъ толки объ общинномъ владѣніи, можно видѣть напр. изъ того, что у насъ общинному владѣнію приписывали лѣсоистребленіе; между тѣмъ какъ на дѣлѣ, главнымъ источникомъ лѣсоистребленія была именно частная собственность. Общинному владѣнію приписывали непрочность, между тѣмъ на дѣлѣ общинное владѣніе до того прочно, что крестьянскому семейству, постоянно занимающемуся земледѣліемъ, стоитъ только желать сохранить въ своемъ владѣніи извѣстный участокъ, и оно будетъ владѣть имъ безпрерывно втеченіи столѣтій; если бы общинное владѣніе было непрочно, то отдѣльныя крестьянскія семейства не стали бы тягаться съ сосѣдними общинами на свой счетъ и отъ имени общества изъ-за отведенныхъ имъ участковъ; если крестьянинъ расчиститъ лѣсъ и распашетъ новь, то никто не коснется этого участка до тѣхъ поръ, пока онъ не выпашется, и труды предпринимателя не вознаградятся; если крестьянинъ посадитъ на общинной землѣ долговѣчное растеніе, напр. фруктовое дерево, то никто не прикоснется къ нему. Я даже ни одного раза не слыхалъ, чтобы община, во имя общиннаго владѣнія, запустила руку въ чужой карманъ и покусилась бы на чужой трудъ; но не могу перечислить той массы случаевъ подобныхъ покушеній, которыя дѣлались во имя государственной и частной собственности: богатыя села раззорялись, тысячи людей пускались съ сумою, трудовое состояніе, накопленное втеченіи жизни, отбиралось; пусть читатели припомнятъ, что было причиною раззоренія двухъ самыхъ знаменитыхъ нашихъ промышленныхъ селеній... У насъ встрѣчаются администраторы, которые вовсе не понимаютъ, что государственная собственность создана для блага общества, а вовсе не для того, чтобы они надъ нею мудрили и исполняли свои фантазіи; случалось, что мировые посредники, на перекоръ общественнымъ приговорамъ, отбирали земли у однихъ крестьянъ и отдавали другимъ. По ихъ примѣру тоже дѣлали и старшины, или заставляли дѣлать сходъ, какъ было говорено выше. Я полагаю, что всѣ дѣла объ отношеніяхъ къ общиннымъ землямъ лучше всего изъять отъ всякаго вліянія администраціи и частныхъ собственниковъ.

Потребность общинъ заключается не въ обращеніи земель этихъ въ собственность, а въ представительномъ собраніи отъ общинъ для передѣла земель между общинами, для назначенія участковъ для переселенцевъ, и вообще для справедливаго и соразмѣрнаго снабженія земледѣльцевъ ихъ главнымъ орудіемъ труда—землею. Масса крестьянъ не желаетъ собственности—это фантазія образованнаго сословія; малоземельные же крестьяне были бы весьма довольны, если бы на представительномъ собраніи отъ общинъ они получили возможность исхлопотать для себя снабженіе орудіемъ труда, т. е. землею. Многіе видятъ въ поземельной собственности средство къ развитію земледѣлія, въ случаяхъ, когда земля достается образованнымъ землевладѣльцамъ; но если бы образованные землевладѣльцы были лучшими агрономами, чѣмъ земледѣльцы, то они бы не передавали своихъ земель въ аренду крестьянамъ и не было бы общепризнаннымъ правиломъ, что дворянинъ—помѣщикъ никогда не можетъ извлечь изъ земли столько выгодъ, сколько крестьянинъ. Я сейчасъ буду говорить о производительныхъ способностяхъ образованныхъ и рабочихъ классовъ. За-границею сдѣлано было тоже наблюденіе: мелкая собственность производила болѣе крупной.

Я много наговорилъ о причинахъ, препятствующихъ благосостоянію и развитію сибирскаго крестьянина, скажу теперь нѣсколько словъ о томъ, что служитъ ручательствомъ его способности къ этому развитію. Ручательство это я вижу: въ природномъ умѣ, въ энергической предпріимчивости и въ инстинктивномъ стремленіи къ цивилизаціи русскаго человѣка. Возьмите рядъ портретовъ крестьянъ и сравните его съ рядомъ портретовъ ученыхъ и государственныхъ людей—въ томъ и другомъ рядѣ будетъ выражаться одинаковая душевная сила; а при извѣстномъ подборѣ лицъ, преимущество будетъ на сторонѣ крестьянъ. Я дѣлалъ опыты и сообщалъ великія идеи, выработанныя европейскою наукою, лицамъ крестьянскаго и дворянскаго сословія, и къ немалому моему удивленію, крестьяне неоднократно глубже и скорѣе понимали то, что было выражено понятнымъ для нихъ языкомъ. Такое наблюденіе можетъ показаться пристрастнымъ и парадоксальнымъ, но оно подтверждается весьма знаменательными данными; большинство того, что сдѣлано было въ Сибири для разви-

тія ея благосостоянія, было сдѣлано людьми изъ крестьянскаго сословія не только необразованными, но даже безграмотными; люди, которые въ Россіи считались самыми передовыми, не могли состязаться съ безграмотною интеллигенціею края. Большинство самыхъ смѣлыхъ и знаменитыхъ сибирскихъ золотопромышленниковъ и заводчиковъ принадлежитъ къ крестьянскому сословію и вышло изъ самыхъ низкихъ слоевъ общества; люди, составляющіе душу вновь заведеннаго въ Сибири пароходства, считаютъ въ своемъ числѣ людей самаго низкаго происхожденія, не получившихъ никакого образованія; самый знаменитый механикъ, строитель винокуренныхъ заводовъ въ Сибири — человѣкъ неумѣющій ни читать, ни писать по русски. Богатые русскіе дворяне, которые пытались состязаться съ сибирской мужицкой предпріимчивостію, оказывались совершенно несостоятельными, и кончали тѣмъ, что вынуждены были обратиться къ людямъ крестьянскаго происхожденія и просить ихъ за большое жалованье поправить свои дѣла; ихъ ученые химики и механики должны были уступить мѣсто крестьянской безграмотной интеллигенціи. Я оставилъ Сибирь, исполненный уваженія къ интеллектуальнымъ способностямъ крестьянскаго сословія; я убѣжденъ, что въ немъ — надежда Россіи, въ немъ залогъ будущей ея славы и величія. Кому дорога слава русскаго отечества, кто желаетъ, чтобы Россія стояла въ ряду великихъ цивилизаторовъ человѣчества, тотъ долженъ всѣми зависящими отъ него средствами стараться, чтобы грамотность и интеллектуальное развитіе распространилось между крестьянскимъ сословіемъ. Сколько разъ я любовался солидностію сужденія крестьянской интеллигенціи, ея знаніемъ своихъ силъ и до того глубокимъ пониманіемъ дѣла, что ея разсчеты оказывались безукоризненными! Съ распространеніемъ въ ея средѣ просвѣщенія результаты сдѣлаются яснѣе. Для того, чтобы получить понятіе о смѣлости и предпріимчивости крестьянина, нужно познакомиться съ жизнію коренного таежнаго селянина. Представьте себѣ деревню, состоящую изъ нѣсколькихъ домовъ, а посрединѣ часовню. Кругомъ — непроходимая тайга. Иногда жители ея принадлежатъ къ какой нибудь сектѣ, иногда они православнаго исповѣданія. Въ каждой избѣ вы находите нарѣзное ружье

самаго страннаго вида, съ прикладомъ до того неудобнымъ, что невозможно себѣ представить, какъ можно изъ такого ружья стрѣлять. Разговоритесь съ этими жителями дѣвственныхъ лѣсовъ,—они вамъ разскажутъ, какъ они ходятъ на медвѣдя и на сохатаго; сохатый—животное до такой степени сильное, что оно ударомъ ноги можетъ разщепить дерево, въ тоже время оно необыкновенно быстро, и кого ударитъ ногой или рогами, тотъ рѣдко останется живъ. Инородцы ходятъ на подобную охоту толпами отъ пяти до двадцати человѣкъ и болѣе; русскій же таежный охотникъ предпочитаетъ ходить на звѣря одинъ, оно и выгоднѣе и пріятнѣе,—разсказы о томъ, какъ медвѣдь задиралъ инородцевъ, нападавшихъ на него цѣлой толпою, нисколько его не пугаетъ. Вы уже видѣли ружье, вы желаете видѣть пулю и собаку; пуля—это небольшой, иногда неправильнаго вида кусокъ свинца, а собака—это обыкновенная маленькаго роста дворняшка. Нѣтъ возможности не почувствовать уваженія къ мужеству и нервной силѣ человѣка, который съ такими средствами бьетъ одинъ, безъ страха, самаго сильнаго медвѣдя или сохатаго. Это какая-то героическая фигура, столь же грандіозная, какъ и окружающая его безконечная тайга. Этотъ типъ смѣлости и силы менѣе всего смотритъ звѣремъ—это добродушнѣйшее существо. Этотъ добродушнѣйшій изъ смертныхъ передъ началомъ весны подвергалъ себя опасности, охотясь на медвѣдя и сохатаго, чтобы пріобрѣсти отъ пяти до пятнадцати рублей; въ половодье онъ пускается по горнымъ рѣкамъ и болотамъ въ безлюдную тайгу, добываетъ оттуда лѣсъ, а иногда и золото, въ никѣмъ невѣдомыхъ и никѣмъ незаявленныхъ мѣстахъ; тутъ онъ подвергается самымъ разнороднымъ опасностямъ; если бы кто нибудь вздумалъ его убить съ пріобрѣтенными имъ сокровищами, то никто бы не узналъ, гдѣ и какъ онъ пропалъ; между тѣмъ погружаясь въ тайники тайги, онъ отбиваетъ хлѣбъ у инородцевъ, которые весьма нелюбятъ подобныхъ конкурентовъ, и въ дѣйствіяхъ своихъ отличаются удивительнымъ единодушіемъ и скрытностію. Первое стремленіе къ цивилизаціи обнаруживается въ стремленіи къ болѣе облагороженнымъ удовольствіямъ. Однажды я заинтересовался праздникомъ въ таежной деревнѣ; мнѣ хотѣлось посмотрѣть

что называютъ удовольствіемъ жители этой дикой пустыни. Изъ деревни, далѣе которой уже не было колесныхъ дорогъ, я отправился верхомъ по таежнымъ тропинкамъ; надобно было сдѣлать тридцать верстъ, переѣхать бродомъ черезъ одинъ горный протокъ, а черезъ другой пустить лошадь вплавь, а самому идти по огромнымъ камнямъ, составлявшимъ что-то въ родѣ плотины, и между которыми свистѣла и кипѣла вода. Это была одна изъ самыхъ глухихъ мѣстностей края до того бѣднаго, что среди населенія не могло существовать никакихъ ремеслъ, даже деревянныя ложки привозили съ ирбитской ярмарки; горшки, употребляемые не только въ селеніяхъ, но даже въ городѣ были произведенія такой жалкой работы, что они и между дикими показывали бы низкій уровень цивилизаціи; форма ихъ столь неправильна, что если въ нихъ налить воды, то въ одномъ мѣстѣ вода будетъ съ краями равна, а въ другомъ на полвершка ниже; толстые и безобразные, они разваливаются отъ перваго толчка и не могутъ выносить даже самого умѣреннаго огня. Вотъ образчикъ, характеризующій стѣсненное положеніе этой мѣстности. Мужикъ надѣваетъ хомутъ на лошадь, у которой на плечахъ виднѣются раны.—Я увѣряю его, что онъ губитъ свою лошадь; по страдальческому выраженію его лица я вижу, что онъ понимаетъ это лучше меня: „я голодомъ умру, если ее не буду запрягать“, отвѣчаетъ онъ сдержаннымъ голосомъ. Страшно подумать,—эта мѣстность лежитъ на одной широтѣ съ Манчестеромъ. По такимъ глухимъ мѣстамъ я пустился въ тайгу. Дорогою я обгонялъ разряженныхъ мужчинъ и женщинъ, которые всѣ ѣхали верхомъ, и женщины съ удивительною ловкостію и смѣлостію переходили по полумассивному и полувоздушному мостику. Когда я пріѣхалъ, я не нашелъ тамъ ни одного пьянаго; мужчины и женщины собрались на лугу и танцовали подъ музыку, мужчины ангажировали дамъ и дамы считали себя связанными первымъ приглашеніемъ; обращеніе ихъ между собою было такое же вѣжливое и деликатное, какъ принято въ обществѣ. Увидавъ меня, они нѣсколько сконфузились, они сочли меня, представителемъ того общества, котораго нравамъ они старались подражать въ своей глуши. Деревня эта отличалась большою самостоятельностію и не безъ

геройства боролась съ міроѣдствомъ и другими покушеніями на свой карманъ; „они себя когда нибудь погубятъ этимъ“, говорили робкіе окрестные жители. Дѣйствительно ихъ воинственныя наклонности обнаружились тотчасъ же. Лишь только они узнали, кто я таковъ, они пристали ко мнѣ съ требованіемъ юридическихъ совѣтовъ на счетъ ихъ общественныхъ дѣлъ.

Потребность въ цивилизаціи существуетъ; посмотримъ, какъ она удовлетворяется. Есть двѣ великія причины бѣдности сибирскаго крестьянина—это тяжелыя прямыя подати и невѣжество. О податяхъ мы говорили, теперь поговоримъ о просвѣщеніи и опять обратимся къ городу Кузнецку. Городъ долженъ быть источникомъ просвѣщенія для окрестности. Если мы бросимъ взглядъ на жизнь города и окрестныхъ селъ, мы увидимъ и тутъ, и тамъ царство безотрадной рутины. Научились въ городѣ садить табакъ, и пошли всѣ садить, только и спасеніе отъ голодной смерти для нихъ въ разведеніи табака. Большая часть домовъ и бѣдныхъ и богатыхъ имѣетъ, и въ деревняхъ и въ городѣ, одинаковую архитектуру, даже городничій живетъ въ домѣ общей крестьянской архитектуры; мебель во всѣхъ зажиточныхъ мѣщанскихъ домахъ одного грубаго фасона; и этимъ только отличается внутренность этихъ домовъ отъ крестьянскихъ, гдѣ не успѣла войдти въ употребленіе даже самая грубая мебель; затѣмъ все остальное въ селеніи и въ городѣ одинаково; таже чистота въ комнатѣ поддерживается тѣми же пріемами, половикъ такого же фасона и изъ того же матеріала—таже чистота въ комнатахъ и грязь на улицахъ; встрѣчаются также дома безъ крыши. Даже костюмъ мѣщанина и мѣщанки, въ большей части случаевъ, не отличается отъ крестьянскаго. Окрестныя селенія представляютъ однообразіе поразительное, всѣ имѣютъ одинаковыя достоинства и одинаковые недостатки.—Женщины и мужчины отличаются другъ отъ друга только тѣмъ, что они болѣе или менѣе искусны въ исполненіи своихъ рутинныхъ пріемовъ. Женщина, какъ кухарка, умѣетъ болѣе или менѣе искусно печь хлѣбъ изъ плохой ржаной и пшеничной муки, но совершенно не умѣетъ приготовлять кушанье. Правда, что она знаетъ такіе фокусы, которые неизвѣстны даже самому искусному придворному повару, и которые оправ-

дываютъ пословицу — голь на выдумки хитра — напр. искуство жарить въ квасу вмѣсто масла. Мужчины земледѣльцы и косцы отличаются другъ отъ друга только проворствомъ. Все здѣсь занесено рутиною, Богъ знаетъ кѣмъ и Богъ знаетъ когда. Въ трудѣ индивидуальность развита до крайнихъ предѣловъ возможнаго; плодотворное раздѣленіе труда здѣсь дѣло неизвѣстное. Одно усовершенствованіе агрономическихъ пріемовъ въ трудѣ индивидуальномъ легко могло бы здѣсь привести къ тому, что крестьянинъ, съ помощью того же труда и капитала, имѣлъ бы болѣе дохода; посредствомъ одного усовершенствованнаго улья, онъ будетъ имѣть вдвое болѣе и роевъ, и меду отъ тѣхъ же пчелъ. Всѣхъ нужныхъ для этого свѣденій крестьянинъ самъ по себѣ не можетъ пріобрѣсти; онъ живетъ въ мѣстѣ глухомъ, онъ человѣкъ безграмотный, какъ ему узнать, что выработано вѣковымъ опытомъ въ странахъ цивилизованныхъ; для того, чтобы ему объ этомъ сообщить, существуетъ интеллигенція, образованное сословіе мѣстности, котораго средоточіе въ городѣ. Достаточно ли это образованное сословіе, эта интеллигенція кузнецкаго округа, по своему числу, для удовлетворенія этой цѣли? Въ Америкѣ образованное сословіе составляетъ, по однимъ разсчетамъ, шесть человѣкъ на тысячу жителей, а по другимъ тринадцать человѣкъ. Эти шесть или тринадцать человѣкъ интеллигенціи дѣлаютъ свою тысячу человѣкъ не только людьми грамотными, но и развитыми; они производятъ на каждую общину по тысячи номеровъ періодическихъ изданій и газетъ. Въ кузнецкомъ округѣ однихъ чиновниковъ и духовенства приходится болѣе шестнадцати человѣкъ на тысячу, слѣдовательно они должны были бы не только сдѣлать окрестныхъ жителей грамотными, но и распространить между ними болѣе тысячи номеровъ газетъ; каждое крестьянское семейство должно было бы выписывать еженедѣльную газету или каждыя три семейства ежедневную. Между тѣмъ въ кузнецкомъ округѣ не издается ни одной газеты, и нѣтъ даже ни одного лица, которое бы занималось распространеніемъ научныхъ знаній въ сельскомъ сословіи, хотя число такихъ, которые должны были бы этимъ заниматься, т. е. лицъ духовныхъ и учителей опять таки превышаетъ американское; — на десять тысячъ жителей въ Аме-

рикѣ приходится учителей и духовныхъ сорокъ, а въ кузнецкомъ округѣ сто человѣкъ. И такъ людей слишкомъ довольно, мало дѣятельности или лучше сказать ихъ дѣятельность безплодная. Въ Америкѣ на сто образованныхъ людей одинъ издатель періодическаго изданія. Въ кузнецкомъ округѣ распространеніе власти сельскихъ старостъ поставило этихъ бѣдныхъ людей въ большое затрудненіе, потому что имъ приходилось прикладывать свою печать къ разнымъ актамъ, а между тѣмъ въ большинствѣ деревень не оказывалось ни одного человѣка, способнаго прочесть эти акты. „Научите меня читать, сказала мнѣ одна дѣвушка, я буду этимъ заработывать много денегъ, я буду читать надъ умершими и мнѣ за это будутъ платить; у насъ во всемъ околодкѣ нѣтъ ни одного человѣка, способнаго это дѣлать". Въ Кузнецкѣ существуютъ уѣздное и приходское и женское училище, въ которыхъ воспитываются дѣти чиновниковъ и писцовъ; они впослѣдствіи могли бы принести ту пользу, о которой только-что говорилось; что же касается до дѣтей мѣщанъ, то неджентельменскія сердца ихъ родителей находятъ, что для нихъ время дорого, и что имъ нѣкогда учиться наукамъ, которыя не принесутъ имъ никакой практической пользы, и потому просили начальство закрыть училища, какъ безполезныя, и вмѣсто того учить ихъ дѣтей грамотѣ и ариѳметикѣ,—только эти науки имъ казались полезными. По крайнему моему разумѣнію, они были правы; человѣку, у котораго мало времени и которому крайне необходимо знать, какъ дѣлать стеаринъ, весьма дорогой въ Кузнецкѣ, должно быть очень досадно, если его вмѣсто этого заставляютъ учить наизусть, какъ звали родню Мстислава Удалого. Если бы послушались мѣщанъ, оставили бы въ Кузнецкѣ только двухъ учителей, а остальныхъ распредѣлили по волостямъ и заставили бы ихъ сообщать крестьянамъ не о роднѣ Мстислава Удалого, а о томъ, какъ посредствомъ теплаго помѣщенія можно экономизировать кормъ для скота; въ такомъ случаѣ, въ окрестностяхъ Кузнецка 120 крестьянскихъ мальчиковъ могли бы каждый годъ обучаться грамотѣ. Я полагаю, что для крестьянъ кузнецкаго округа смотритель училищъ былъ несравненно полезнѣе. чѣмъ всѣ училища, потому что онъ былъ спеціалистъ въ дѣлѣ пчеловодства, читалъ объ

этомъ все, что могъ достать, устроивалъ улья по новымъ правиламъ, и какъ человѣкъ весьма оборотливый и практическій не примѣнялъ ничего, чтобы не принесло дѣйствительной выгоды.

Въ заключеніе я скажу еще нѣсколько словъ, чтобы освѣтить еще съ одной точки зрѣнія предметы, о которыхъ я говорилъ. Сибирскіе мировые посредники замѣчаютъ, что самые акуратные плательщики податей.—это старообрядцы. Причина этому та, что подати между ними не порождаютъ міроѣдства. Религіозный фанатизмъ заставляетъ богатыхъ старообрядцевъ помогать бѣднымъ, не пользуясь этимъ для притѣсненій; они боятся, чтобы подобныя притѣсненія не побуждали къ перемѣнѣ вѣры; или лучше сказать, религіозный фанатизмъ,—это такое сильное чувство, которое заставляетъ забывать о матеріальныхъ выгодахъ. Богатый старообрядецъ думаетъ только о томъ, какъ бы удержать въ своей церкви своихъ единовѣрцевъ, а на дѣлѣ изъ этого выходитъ, что онъ чрезъ то богатѣетъ быстрѣе міроѣда, а рядовые въ его согласіи пользуются благосостояніемъ. Этотъ фактъ не опровергаетъ, а подтверждаетъ вышеприведенныя заключенія; онъ показываетъ, что стоитъ только дать человѣку оправиться, и онъ самъ собою расширитъ свою производительность и будетъ пользоваться благосостояніемъ. Отъ православнаго богатаго селянина нельзя ожидать, чтобы онъ также помогалъ бѣднымъ, какъ старообрядецъ, потому что онъ не имѣетъ къ тому тѣхъ же побудительныхъ причинъ; а потому бѣдный этотъ долженъ быть поставленъ въ такое положеніе, при которомъ онъ можетъ достигнуть благосостоянія и безъ помощи богатаго. Впрочемъ благосостояніе старообрядцевъ вовсе не такъ велико, чтобы оно могло быть названо удовлетворительнымъ состояніемъ рабочаго человѣка; они также питаются почти исключительно ржанымъ хлѣбомъ и только въ исключительныхъ случаяхъ употребляютъ мясо.

Н. Флеровскій.

РУССКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА ПРИ АЛЕКСАНДРѢ I-омъ.

(Продолженіе.)

Иванъ Петровичъ Пнинъ (1773—1805 г.), упомянутый мною въ первой статьѣ, принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ журнальныхъ дѣятелей конца XVIII-го и начала XIX вѣка. Его имя не блеститъ въ ряду славныхъ именъ, знакомыхъ и намъ съ дѣтства изъ различныхъ хрестоматій и безцвѣтныхъ курсовъ русской литературы; его благородная дѣятельность на пользу просвѣщенія и общественнаго развитія не влечетъ къ себѣ присяжныхъ панегиристовъ всяческаго успѣха... Но все это показываетъ только, что мы до сихъ поръ, въ оцѣнкѣ литературной дѣятельности, пейдемъ дальше гуртовыхъ увлеченій массы, раздающей свои вѣнцы, всего чаще за рутинность мысли и за художественность формы, т. е. за гладкую прилизанность рифмованныхъ и не рифмованныхъ строчекъ. Біографическія свѣденія объ этой выдающейся личности весьма неполны, такъ что мы, при всемъ желаніи сообщить объ ней больше нашимъ читателямъ, должны ограничиться лишь простымъ перечнемъ фактовъ.

И. П. Пнинъ обучался первоначально въ Благородномъ пансіонѣ московскаго университета, а потомъ въ кадетскомъ корпусѣ. Во время шведской войны онъ былъ офицеромъ артиллеріи и служилъ во флотиліи. Въ 1801 г. вступилъ въ канцелярію вновь учрежденнаго государственнаго совѣта, а въ 1802 г., при основаніи министерствъ, опредѣленъ экспедиторомъ въ департаментъ министерства народнаго просвѣщенія, директоромъ котораго былъ въ то

время другой извѣстный журналистъ — И. И. Мартыновъ. [1]) Въ 1805 г., вслѣдствіе сильной простуды, онъ заболѣлъ чахоткой, которая быстро изнурила его силы и заставила выйти въ отставку съ пенсіей и чиномъ коллежскаго совѣтника. 17 сентября того же года онъ уже скончался на рукахъ многихъ друзей, членовъ «вольнаго общества любителей наукъ, словесности и художествъ,» которые собрали подписку на сооруженіе ему надгробнаго памятника. На этомъ памятникѣ, по предложенію Востокова, была вырѣзана краткая надпись: «Друзья—Пнину».

Вотъ все, что знаемъ мы о жизни Пнина.

Литературная дѣятельность его была непродолжительна, но зато отмѣчена характеромъ безупречной честности и послѣдовательности въ проведеніи своихъ мыслей. Онъ былъ сторонникомъ человѣколюбивой философіи XVIII-го вѣка, служилъ ей искренно, преданно, и притомъ не только въ литературѣ, но и въ жизни. «Будучи весьма небогатъ— говоритъ его біографъ—онъ любилъ помогать несчастнымъ. Съ жаромъ друга человѣчества, всякую скорбь угнетеннаго людьми или судьбою человѣка бралъ онъ близко къ сердцу своему и не щадилъ ни трудовъ, ни покоя, ни иждивенія для облегченія судьбы несчастныхъ». Въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ, въ оригинальныхъ статьяхъ, въ переводахъ, даже въ стихахъ—Пнинъ высказывалъ занимавшія его мысли о наилучшемъ политическомъ устройствѣ и, насколько позволяли внѣшнія препятствія, дѣлалъ болѣе или менѣе прозрачные намеки на современное ему положеніе Россіи. Въ періодическомъ изданіи Пнина, выходившемъ въ 1798 г., подъ названіемъ «Петербургскаго журнала,» печатались вмѣстѣ со стихами и баснями, статьи политическаго и экономическаго содержанія, какъ напр. отрывки изъ Монтескье съ замѣчаніями на L'esprit des lois, извлеченіе изъ книги графа Верри, сотрудника Беккаріи: объ умноженіи и уменьшеніи государственнаго богатства, главныя побужденія торговли и первоначальныя основанія цѣны, о купеческихъ и художническихъ об.

[1]) Свѣденія эти мы заимствуемъ изъ похвальнаго слова въ честь Пнина, произнесеннаго въ обществѣ любителей наукъ и словесности другомъ его Брусиловымъ, издателемъ *Журнала Россійск. Словесности* (1805 г. № 10.) Въ похвальной рѣчи сказано, что Пнинъ «умеръ, едва достигнувъ тридцатилѣтняго возраста»; но въ *матеріалахъ для исторіи просвѣщенія* г. Сухомлинова находится болѣе точное указаніе его лѣтъ.

ществахъ, подробное изложеніе «политической экономіи» Жака Стюарта и т. п. На смерть Радищева Пнинъ написалъ очень трогательное и задушевное стихотвореніе, которое не будетъ лишнимъ привести цѣликомъ:

И такъ Радищева не стало!
Мой другъ, уже во гробѣ онъ...
То сердце, что добромъ дышало,
Постигъ ничтожества законъ.
Уста, что истину вѣщали,
Уста на вѣки замолчали,
И пламенникъ ума погасъ...
Кто къ счастью велъ путемъ свободы
На вѣкъ, на вѣкъ оставилъ насъ.
Оставилъ—и прешелъ къ покою...
Благословимъ его мы прахъ.
Кто столько жертвовалъ собою
Не для своихъ, но общихъ благъ,
Кто былъ отечеству сынъ вѣрный,
Былъ гражданинъ, отецъ примѣрный
И смѣло правду говорилъ,
Кто ни предъ кѣмъ не изгибался,
До гроба лестію гнушался—
Я чаю, тотъ довольно жилъ.

Немногіе изъ русскихъ литераторовъ того времени относились такъ сочувственно къ несчастному страдальцу; извѣстно, что корифей тогдашней поэзіи, столь прославленный «потомокъ Багрима,» не нашелъ для Радищева иныхъ словъ поощренія, кромѣ слѣдующаго четверостишія:

Ѣзда твоя въ Москву со истиною сходна,
Некстати лишь смѣла, дерзка и сумазбродна;
Я слышу на коней ямщикъ кричитъ: «вирь, вирь»?
Знать, русскій Мирабо поѣхалъ ты въ Сибирь [1]).

Весьма понятно, что съ восшествіемъ на престолъ Александра I, всѣ личности, подобныя Пнину, неутратившія въ тяжелую годину ни силы мысли, ни достоинства характера, должны были почувствовать себя какъ бы окрыленными и отдаться со всѣмъ пыломъ

[1]) См. Русск. Вѣстникъ 1858 г. 23. «Александръ Никол. Радищевъ», по воспоминаніямъ сына. *Авт.*

неостывшей энергіи на служеніе либеральнымъ идеямъ, моментально получившимъ у насъ довольно широкое право гражданства. Дѣйствительно, Пипинъ оживился духомъ въ это счастливое время, и мы видимъ его въ самомъ разгарѣ литературной производительности. Онъ предполагаетъ издавать по очень обширной программѣ новый журналъ: «Народный Вѣстникъ,» пишетъ «Опытъ о просвѣщеніи», «Вопль невинности, отвергаемой закономъ», «О возбужденіи патріотизма», оканчиваетъ первое дѣйствіе исторической драмы «Велизарій» и задумываетъ собрать свои стихотворенія подъ названіемъ: «Моя лира». Ранняя смерть его не дала осуществиться всѣмъ этимъ предпріятіямъ: планъ журнала остался невыполненнымъ, драма не кончена, стихотворенія не собраны. Но «склонясь на просьбы журналистовъ» (по выраженію Брусилова), печаталъ онъ свои стихи въ ихъ журналахъ; такъ напр. нѣсколько его стихотвореній помѣщено въ «Журналѣ Россійской Словесности. Избранный президентомъ общества любителей наукъ и словесности, 15 іюля 1805 г., онъ намѣревался произвести въ немъ какія-то реформы «для чести общества и для пользы словесности»; но и это не удалось ему.

Изъ сочиненій Пипина, перечисленныхъ выше, одно, а именно: «Опытъ о просвѣщеніи» надѣлало много шуму и послужило поводомъ къ преслѣдованію со стороны вновь образовавшагося петербургскаго цензурнаго комитета. Книга эта вышла въ свѣтъ въ 1804 г., по дозволенію петербургскаго гражданскаго губернатора (цензурные комитеты не начинали еще тогда своего дѣйствія), съ двумя эпиграфами; одинъ на первой страницѣ — «l'instruction doit être modifiée selon la nature du gouvernement qui règit le peuple» [1]), а другой на оборотѣ: «блаженны тѣ государи и тѣ страны, гдѣ гражданинъ, имѣя свободу мыслить, можетъ безбоязненно сообщать истины, заключающія въ себѣ благо общественное.» Изъ этихъ эпиграфовъ, которыми авторъ прикрывалъ, какъ щитомъ, свое разсужденіе, видно уже, что онъ не только не думалъ переступать границъ дозволенной закономъ свободы слова, «возвышающей успѣхи просвѣщенія», но еще надѣялся принести пользу обществу, высказывая печатно свои мысли, не противорѣчившія ни основному характеру правленія, ни гласно заявленнымъ желаніямъ верховной власти. Руководствуясь очевидно «предвари-

[1]) Т. е. «просвѣщеніе должно сообразоваться съ характеромъ власти, господствующей въ народѣ».

тельными правилами народнаго просвѣщенія», опубликованными во всеобщее свѣденіе самимъ правительствомъ. Пнинъ изложилъ свои взгляды на то, въ чемъ должно состоять просвѣщеніе, что можетъ наиболѣе ему способствовать и въ одинаковой ли степени оно должно быть распространяемо между всѣми слоями русскаго общества [1]). Признавая тѣснѣйшую связь просвѣщенія народа съ его политическимъ состояніемъ (какъ это можно усмотрѣть изъ перваго эпиграфа къ книгѣ) авторъ полагаетъ, что успѣхи образованности нельзя измѣрять числомъ ученыхъ и литераторовъ: —по его понятію, истинное просвѣщеніе состоитъ въ равновѣсіи общественныхъ силъ, въ непреложномъ исполненіи долга, лежащаго на каждомъ членѣ государственнаго организма. Но какъ ни различны законы, управляющіе государствомъ, они должны стремиться къ одной цѣли—охраненію правъ собственности и личной безопасности гражданъ. Гдѣ нѣтъ собственности, тамъ всѣ законы существуютъ только на бумагѣ. «Собственность — говоритъ авторъ—священное право, душа общежитія, источникъ законовъ! Гдѣ ты уважена, гдѣ ты неприкосновенна, тамъ только спокоенъ и благополученъ гражданинъ. Но ты бѣжишь отъ звука цѣпей, ты чуждаешься невольниковъ. Права твои не могутъ существовать ни въ рабствѣ, ни въ безначаліи: ты обитаешь только въ царствѣ законовъ.» Право собственности даетъ твердую опору законамъ; законы произошли отъ гражданскихъ обществъ, а общества явились вслѣдствіе неравенства силъ человѣческихъ. Этимъ неравенствомъ обусловливается различіе сословій и различіе потребностей каждаго изъ сословій. Допуская законность и неизбѣжность такого раздѣленія общества, авторъ предлагаетъ свой планъ образованія для четырехъ сословій: земледѣльческаго, мѣщанскаго, дворянскаго и духовнаго. Въ этомъ планѣ исчислены подробно всѣ науки, которыя могутъ быть достояніемъ извѣстнаго класса общества: земледѣльцевъ довлѣетъ обучать только чтенію, письму, первымъ дѣйствіямъ ариѳметики, сельской механикѣ (?), скотоводству, обработкѣ полей и пр. Мѣщане могутъ уже взять въ толкъ граматику, географію, введеніе во всеобщую исторію и главныя эпохи русской исторіи, геометрію и даже тригонометрію, естественную исторію, технологію, физику и практическія знанія, полезныя для промышленности. Въ купеческомъ сословіи, къ этимъ предметамъ присоединяются нѣкоторые

[1]) См. *«Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ царств. Алекс. I».* Журн. Мин. Нар. Прос. 1866 г.

другіе, какъ напр. англійскій языкъ, алгебра, простая и двойная бухгалтерія, исторія коммерціи, товаровѣденіе и пр., но вся роскошь познанія приберегается для дворянскаго класса, которому, сверхъ многихъ названныхъ предметовъ, дозволительно изощрять свои умственныя способности изученіемъ юридическихъ наукъ. Читатель видитъ, что въ этомъ случаѣ Пнинъ отдалъ полную дань сословнымъ предразсудкамъ своего времени и остался позади правительства, которое и не думало дѣлать такого спеціальнаго различія, въ пріобрѣтеніи познаній, между мѣщаниномъ, купцомъ и дворяниномъ, отворяя для всѣхъ двери общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній. Но въ одномъ пунктѣ авторъ высказался энергичнѣе и послѣдовательнѣе правительства прежде, чѣмъ оно, смущенное разнорѣчивыми взглядами либераловъ и зловѣщими запугиваньями консерваторовъ, рѣшилось наконецъ дѣйствовать въ какомъ нибудь опредѣленномъ смыслѣ. Этотъ пунктъ—фатальный крестьянскій вопросъ, разрѣшеніе котораго представлялось столь сложнымъ и затрогивающимъ основные вопросы государственнаго устройства, что Александръ I-й, несмотря на свою хорошо извѣстную антипатію къ рабству, недоумѣвалъ и колебался вырвать это зло съ корнемъ.

Назвавъ русскія сословія, Пнинъ замѣчаетъ, что одно изъ нихъ, именно земледѣльческое, находится въ страдательномъ состояніи, будучи отдано во власть рабовладѣльцевъ, поступающихъ съ подвластными людьми хуже, чѣмъ со скотомъ. Важнѣйшая забота законодателя въ настоящую минуту должна состоять, по его мнѣнію, въ огражденіи правъ собственности земледѣльческаго класса: только этимъ путемъ можно распространить истинное просвѣщеніе въ народѣ. Рисуя печальную картину крестьянскаго быта, авторъ порицаетъ многія явленія въ бытѣ другихъ сословій, не щадитъ и системы управленія во всѣхъ ея отрасляхъ. О купцахъ говорится, что они не поддерживаютъ другъ друга въ несчастныхъ случаяхъ: богатый купецъ, видя неудачу и гибель своего собрата, не только не подаетъ ему руку помощи, но еще спѣшитъ притѣснить его, чтобы воспользоваться его несчастіемъ. Въ службу гражданскую, по словамъ автора, опредѣляютъ безъ всякаго разбора; чины и мѣста раздаютъ людямъ, едва умѣющимъ читать и подписывать свое имя; люди же достойные избѣгаютъ службы, опасаясь попасть подъ начальство господъ, заслуживающихъ не почета, а презрѣнія и т. д.

Книга Пнина, изданная въ 1804 г., имѣла такой успѣхъ въ

публикѣ, что въ томъ же году понадобилось новое изданіе, и она была представлена въ цензурный комитетъ съ рукописными дополненіями, сдѣланными, — какъ объясняетъ авторъ, — *по волѣ монарха*. Но не всѣ читатели прочли «Опытъ о просвѣщеніи» съ одинаковымъ удовольствіемъ: нашелся между ними одинъ благонамѣренный гражданинъ, который, предвидя отъ этой книги ущербъ для славы отечества, донесъ на нее, какъ на крайне вредную и исполненную разрушительныхъ правилъ [1]). Аматеръ-доносчикъ былъ нѣкто Гавріилъ Гераковъ, извѣстный уже въ то время своими патріотическими произведеніями въ родѣ: «Герои русскіе за 400 лѣтъ,» «Твердость духа нѣкоторыхъ россіянъ» и т. п. и еще болѣе прославившійся впослѣдствіи изданіемъ «Россійскихъ историческихъ отрывковъ,» не принятыхъ ни Жуковскимъ, ни Каченовскимъ въ Вѣстникѣ Европѣ [2]). На этого же Геракова написана была Маринымъ слѣдующая эпиграмма:

Будешь, будешь сочинитель
И читателей тиранъ,
Будешь корпусный учитель,
Будешь вѣчный капитанъ.
Будешь — такъ судьбы гласили —
Ростомъ двухъ аршинъ съ вершкомъ,
Будешь, греки подтвердили,
Будешь ввѣкъ ходить пѣшкомъ.

Въ объясненіе предпослѣдняго стиха нужно замѣтить, что Гераковъ былъ родомъ грекъ и проникнулся русскимъ патріотизмомъ, подобно Булгарину, въ чаяніи поправить нѣсколько свои запутанныя дѣлишки. Доносъ жалкаго писаки былъ услышанъ цензурными властями: новое изданіе книги не было разрѣшено, а экземпляры, перваго изданія, еще оставшіеся въ продажѣ, предписано отобрать изъ книжныхъ лавокъ. Вмѣстѣ съ книгою были отвергнуты цензурнымъ комитетомъ и рукописныя къ ней дополненія, при чемъ комитетъ постарался мотивировать свой отказъ. Приведя слова автора: «насильство и невѣжество, составляя характеръ правленія Турціи, не имѣя ничего для себя священнаго, губятъ взаимно гражданъ, не разбирая жертвъ», цензоръ прибавляетъ отъ себя: «хочу вѣрить, что эту мрачную картину списалъ авторъ съ Турціи,

[1]) См. Русск. Вѣстн. 1858 г. № 23.
[2]) См по каталогу Смирдина №№ 2709, 2943 и 2924

а не съ Россіи, какъ то иному легко показаться можетъ; но и для турецкаго правленія это язвительная клевета, будто народъ сей не имѣетъ для себя ничего священнаго и губитъ себя взаимно, не разбирая жертвъ». Главный доводъ, приводимый комитетомъ противъ книги Пнина, заключается въ томъ, что авторъ съ жаромъ и энтузіазмомъ жалуется на злосчастное состояніе русскихъ крестьянъ, коихъ собственность, свобода и даже самая жизнь, по мнѣнію его, находится въ рукахъ какого нибудь капризнаго паши. *Хотя бы то и справедливо было*, что русскіе крестьяне не имѣютъ собственности, ни гражданской свободы, *однако зло сіе есть зло; вѣками укоренившееся* и требуетъ осторожнаго и повременнаго исправленія. Мудрые наши монархи усмотрѣли его давно; но зная, что сильный переломъ всегда разрушаетъ машину правленія, не хотѣли вдругъ искоренить сіе зло, дабы не навлечь чрезъ то еще большаго бѣдствія. Правительство дѣйствуетъ въ семъ случаѣ подобно искусному врачу; *мѣры его кротки и медленны*, но тѣмъ не менѣе безопасны и спасительны. Если бы сочинитель нашелъ или думалъ найти какое нибудь новое средство, дабы достигнуть скорѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ безопаснѣе предполагаемой имъ цѣли, т. е. истребленія рабства въ Россіи, то приличнѣе было бы предложить оное проектомъ правительству. А разгорячать умы, воспалять страсти въ сердцахъ такого класса людей, каковы наши крестьяне, это значитъ въ самомъ дѣлѣ собирать надъ Россіей черную губительную тучу». Приговоръ цензуры вызвалъ протестъ со стороны автора. Въ объясненіи своемъ, представленномъ въ главное правленіе училищъ, Пнинъ говоритъ: «Всякій писатель, пишущій о предметахъ государственныхъ, никогда не долженъ терять изъ виду будущее. Ибо цѣлый народъ никогда не умираетъ, ибо государство, какимъ бы оно ни было подвержено сильнымъ потрясеніямъ, перемѣняетъ только видъ свой, но вовсе никогда не истребляется. И потому сочинитель обязанъ истины, имъ предусматриваемыя, представлять такъ, какъ онъ находитъ ихъ. Онъ долженъ въ семъ случаѣ послѣдовать искусному живописцу, коего картина тѣмъ совершеннѣе бываетъ, чѣмъ краски, имъ употребляемыя, соотвѣтственнѣе предметамъ, имъ изображаемымъ. Впрочемъ все сказанное мною о необходимости крестьянской собственности, всѣ истины, къ сему предмету относящіяся, почерпнулъ я изъ премудраго наказа Великія Екатерины. Она внушила мнѣ оныя. Она возбудила во мнѣ тотъ жаръ и энтузіазмъ, который цензоръ ставитъ мнѣ въ преступленіе. Рукописное дополненіе, сдѣланное мною по волѣ мо-

нарха, заключаетъ въ себѣ опредѣленіе крестьянской собственности, примѣненное мною къ настоящему положенію вещей».

Изъ этого столкновенія видно уже, какъ тѣсны оказались цензурныя рамки для начинавшагося развитія свободной мысли. Пнинъ выставляетъ на видъ идеалъ европейскаго писателя; онъ отстаиваетъ право свободнаго мыслителя касаться всѣхъ «государственныхъ предметовъ», отъ которыхъ зависитъ будущее страны; онъ пробуетъ также примкнуть къ либеральному направленію поскольку проявлялось оно въ дѣйствіяхъ самаго правительства, и на все это получаетъ одинъ холодный отвѣтъ, что «*хотя* крестьянской собственности нѣтъ, *однако* зло сіе вѣками укоренено» (какъ будто въ этой фразѣ есть какая нибудь логика, и зло долговременное перестаетъ уже быть зломъ), что свободная мысль можетъ быть полезна государству, но не въ печати, не гласно высказанная, а въ формѣ проэкта, поданнаго куда слѣдуетъ. Либеральная цензура сочувствуетъ даже «истребленію рабства въ Россіи»; но выразить это сочувствіе пропускомъ статьи не рѣшается, потому что правительство, сознавая зло въ принципѣ, начало дѣйствовать противъ него «мѣрами кроткими и медленными». Мы не хотимъ сказать, чтобы судъ надъ печатью, организованный въ прежнее время, отнесся снисходительнѣе къ свободной мысли; ничего нѣтъ мудренаго, что этотъ судъ, составленный изъ лицъ, столько же зависимыхъ по своему положенію, какъ были зависимы и чиновники-цензоры, присудилъ бы книгу къ запрещенію, а сочинителя, кромѣ того, къ уголовному заточенію, и вторая бѣда была бы горше первой:—трудно утверждать что нибудь въ пользу тогдашняго суда, т. е. иной системы наблюденія за печатью, но намъ необходимо указать ту границу, которая, даже въ самый либеральный моментъ, была поставлена неумѣреннымъ порывамъ критической мысли.

Случай, разсказанный нами, объяснитъ, въ какую сторону могло измѣниться направленіе предварительной цензуры. Осуждая книгу Пнина, цензоръ говоритъ, что онъ не желалъ бы узнавать Россію подъ именемъ Турціи; конечно, цензоръ руководствовался при этомъ снисходительнымъ пунктомъ устава, по которому «мѣсто, подверженное сомнѣнію и имѣющее двоякій смыслъ, *лучше истолковать выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ*, нежели его преслѣдовать». Но съ теченіемъ времени произволъ цензора въ толкованіи этихъ сомнительныхъ мѣстъ расширялся все болѣе и болѣе, такъ что въ 1825 году, при министрѣ народнаго просвѣщенія, Шишковѣ, запрещено было выставлять въ печатныхъ книгахъ та-

ницственныя точки, подъ которыми многіе проницательные читатели усматривали прерванную мысль заманчиваго свойства. Съ тѣмъ вмѣстѣ съуживалось пониманіе второго, пятнадцатаго и восьмнадцатаго параграфовъ устава, изъ которыхъ—въ первомъ требовалось удалять книги и сочиненія, не ведущія къ *истинному* просвѣщенію ума и образованію нравовъ, а двумя другими запрещались произведенія «противныя *правительству* (т. е. политическому устройству страны), *нравственности*, *благопристойности*, *закону божію* и *личной чести* гражданъ». При боязливомъ примѣненіи этихъ послѣднихъ пунктовъ оказалось возможнымъ запретить даже такую невинную вещь, какъ «Смальгольмскій баронъ» Вальтеръ-Скотта въ переводѣ Жуковскаго.

Тѣмъ не менѣе, общее настроеніе правительства, отъ котораго такъ много зависитъ характеръ предварительной цензуры, — было сначала благопріятнѣе, чѣмъ когда либо, для успѣшнаго развитія литературы.

Если въ высшемъ правительствѣ встрѣчались лица (большею частію завѣщанныя новому времени прежнимъ поколѣніемъ государственныхъ дѣятелей), которыя косо смотрѣли на свободу прессы, то въ немъ же находимъ мы и другихъ людей, нежелавшихъ стѣснять успѣхи русскаго просвѣщенія. Самъ государь чаще держалъ сторону своихъ молодыхъ и либеральныхъ совѣтниковъ, и его личныя симпатіи отражались выгоднымъ образомъ на дѣйствіяхъ предварительной цензуры. Такъ напр., еще до учрежденія цензурныхъ комитетовъ, московскій военный генералъ-губернаторъ, графъ Салтыковъ, опечаталъ сочиненіе «Кумъ Матвѣй», переведенное съ французскаго и дозволенное для продажи московскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а книгопродавцевъ, у которыхъ оно продавалось, арестовалъ. Это распоряженіе слишкомъ ревностнаго начальника не было одобрено въ Петербургѣ; арестованныхъ книгопродавцевъ государь приказалъ освободить, а министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Кочубей, увѣдомилъ о томъ одного изъ нихъ вѣжливымъ письмомъ; впослѣдствіи и убытки, понесенные частными лицами отъ распоряженія графа Салтыкова, были вознаграждены изъ суммъ кабинета. Въ то же время, по ходатайству Н. Н. Новосильцева печаталось сочиненіе объ англійской конституціи. Вообще цензурныхъ дѣлъ за періодъ времени отъ 1804—1811 г. сохранилось немного, и тѣ, которыя сохранились, почти исключительно касаются конфискаціи политическихъ книгъ, переведенныхъ съ иностраннаго языка. Въ сентябрѣ 1807 г. было отобрано болѣе 5000 экзем-

пляровъ сочиненія: «Тайная исторія новаго французскаго двора», переведенная съ нѣмецкаго, съ дозволенія петербургскаго цензурнаго комитета. Все изданіе было «истреблено огнемъ» по предписанію петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, князя Лобанова-Ростовскаго, но издатель былъ удовлетворенъ за убытки и притомъ крупною суммою въ 6500 р., изъ кабинета его величества [1]). Общій духъ перваго цензурнаго устава не стѣснялъ литературной дѣятельности, какъ можно судить по количеству и по содержанію книгъ, вышедшихъ въ это время; исполнителями же устава выбирались люди просвѣщенные и насколько возможно либеральные. Дѣла по книгопечатанію, до своего окончательнаго рѣшенія, переходили три инстанціи, и рѣдко случалось, чтобы сочиненіе или переводъ отвергаемы были всѣми тремя степенями цензурнаго вѣдомства, т. е. цензоромъ, читавшимъ рукопись, цензурнымъ комитетомъ, и, наконецъ, главнымъ правленіемъ училищъ. «Обыкновенно бывало, говоритъ Сухомлиновъ, имѣвшій возможность пересмотрѣть много старыхъ цензурныхъ дѣлъ—что или сами цензоры давали ходъ книгѣ на основаніи благопріятныхъ для литературы постановленій устава, или же цензурные комитеты, и еще чаще главное правленіе училищъ, разрѣшали сомнѣнія цензуры въ смыслѣ наиболѣе выгодномъ для авторовъ и переводчиковъ». Что цензоры далеко не всегда относились придирчиво къ свободной мысли, но напротивъ больше склонялись дѣйствовать въ либеральномъ духѣ—можно доказать двумя, очень выразительными примѣрами. Въ 1807 г. была переведена на русскій языкъ книга: «De la souveraineté ou connaissances des vrais principes du gouvernement des peuples» которую многіе осуждали за новыя правила, противныя основаніямъ доброй нравственности, вѣры и политики. Но вотъ резолюція цензурнаго комитета: «Въ книгѣ хотя и содержатся многія смѣлыя и оригинальныя мысли, которыя будучи взяты въ отдѣльности, могутъ показаться предосудительными; но соображая ихъ съ общимъ духомъ книги, нельзя не признать, что *авторъ, разрушая, повидимому, общепринятыя мнѣнія о добродѣтели, нравственности, религіи и правахъ человѣчества, тѣмъ не менѣе утверждаетъ ихъ на новомъ основаніи*. Въ такомъ вѣкѣ, когда потрясены всѣ древнія опоры алтарей и троновъ, небезполезно противопоставить опытъ Макіавелева ученія, смягченнаго и приноровленнаго къ духу на-

[1]) Историч. свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи, стр. 13—19.

стоящаго времени. Будучи наполнена отвлеченными и глубокомысленными изысканіями, книга «De la souveraineté» обратитъ на себя вниманіе только людей ученыхъ и просвѣщенныхъ, которые безъ сомнѣнія прочтутъ ее съ пользою и *если не согласятся съ мнѣніемъ автора, то по крайней мѣрѣ доведены будутъ до розысканія многихъ полезныхъ истинъ, хотя бы то было и къ опроверженію самого автора.* Что же касается до читателей недальновидныхъ, для которыхъ книга эта могла бы послужить соблазномъ, то, кажется, утвердительно можно сказать, что они не захотятъ принять на себя трудъ входить въ лабиринтъ глубокомысленныхъ изслѣдованій автора» [1]).

Мотивы, приведенные здѣсь, не мѣшаютъ свободной критикѣ обращаться на самые важные вопросы человѣческаго общежитія; польза, которая проистекаетъ изъ этого, превосходитъ по мнѣнію, цензурнаго комитета, случайный соблазнъ и недоразумѣнія «недальновидныхъ» читателей. Такую же просвѣщенную терпимость къ мнѣніямъ писателей обнаружилъ цензоръ Яценковъ (онъ же редакторъ «Духа журналовъ»), допуская къ печати въ «Журналѣ древней и новой словесности» извѣстное письмо Ломоносова о размноженіи и сохраненіи русскаго народа. Письмо это не понравилось однако двумъ министрамъ (народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ), которые нашли въ немъ «мысли предосудительныя, несправедливыя, противныя православной церкви и оскорбляющія честь нашего духовенства». Отъ цензора потребовали объясненія, и онъ не замедлилъ его представить. «Не входя въ изслѣдованіе о томъ — пишетъ Яценковъ — справедливы-ли разсужденія Ломоносова, въ письмѣ семъ изображенныя, осмѣливаюсь объяснить только слѣдующее. Статья сія имѣетъ совсѣмъ другую цѣну и должна быть разсматриваема совсѣмъ съ другой стороны. Она есть ни богословская: — ибо кто станетъ искать въ Ломоносовѣ разрѣшенія богословскихъ вопросовъ? — ни медицинская, ниже политико-экономическая, хотя въ семъ дѣлѣ всѣ лучшіе врачи и многіе государственные мужи отдадутъ Ломоносову справедливость. Она есть ничто иное, какъ новая черта къ портрету Ломоносова, дополненіе къ исторіи жизни и многочисленнымъ ученымъ занятіямъ сего великаго мужа. До сихъ поръ мы знали и почитали Ломоносова, какъ неподражаемаго поэта, какъ великаго математика, физика,

[1]) Матер. для истор. просв. стр. 57—58.

астронома, химика; отнынѣ будемъ знать и почитать его еще и какъ глубокомысленнаго государственнаго мужа, какъ ревностнѣйшаго споспѣшника народной силы, богатства и величія нашего отечества. *Онъ могъ ошибаться въ мнѣніяхъ своихъ о предметахъ богословскихъ и политико-экономическихъ; но одно усердіе его къ споспѣшествованію общей пользѣ даетъ уже ему право на всеобщую признательность.* Будущій историкъ жизни Ломоносова не пропуститъ и сей черты, вмѣстѣ со многими другими, изображающими величественный образъ сего необыкновеннаго человѣка. И сія есть одна истинная точка, съ которой цензоръ считалъ себя въ обязанности разсматривать статью сію. Запретивши оную, онъ бы выкинулъ одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ въ похвальномъ словѣ Ломоносову». Взглядъ многихъ цензоровъ на свободу мнѣній оказывается даже гораздо просвѣщеннѣе и дѣльнѣе, чѣмъ взглядъ на тотъ же предметъ Россійской Академіи. По поводу рецензіи на академическую грамматику, напечатанной въ «Сынѣ Отечества въ 1819 г.», эта почтенная академія пришла въ такой азартъ, что ходатайствовала особою запиской о преслѣдованіи цензора и автора. Въ засѣданіи академіи былъ поднятъ вопросъ: «имѣютъ ли журналисты право объ издаваемыхъ академіею книгахъ извѣщать публику съ своими о нихъ сужденіями и оцѣнкою», — и академики отвѣчали на него отрицательно. «Цѣлая академія — говорится въ академической жалобѣ — не можетъ быть безграмотною; журналистъ легко можетъ быть безграмотенъ, ибо всякій можетъ быть журналистомъ. Въ цѣлой академіи предполагается болѣе знаній, нежели въ одномъ журналистѣ. Академія можетъ погрѣшать, но журналистъ еще больше. И такъ, *по здравому разсудку (!!) нѣтъ никакой пользы ни для нравовъ, ни для просвѣщенія и словесности, чтобы изданныя отъ академіи и слѣдовательно оцѣненныя уже ею сочиненія, были вновь переоцѣниваемы журналистами.* Въ государственныхъ постановленіяхъ также нигдѣ не сказано, что журналисты могутъ публиковать и оцѣнивать академическія книги, какъ имъ угодно. Посему ясно (?), что издатель журнала, подъ названіемъ «Сынъ Отечества», присвоилъ самъ себѣ это право. Поступокъ его не подлежитъ суду академіи, но суду правительства». Жалобы академіи и претензія ея на авторитетъ папской непогрѣшимости не были уважены главнымъ правленіемъ училищъ, нашедшимъ, что «дѣланіе замѣчаній на всякую издаваемую книгу, а тѣмъ болѣе на грамматику, не можетъ быть никому возбранено, и, въ случаѣ неосновательности замѣчаній, кри-

тикъ подвергается стыду передъ публикою и опроверженію своихъ мыслей тѣмъ же способомъ, какимъ доведены они до всеобщаго свѣдѣнія»; но самая возможность появленія такой жалобы составляетъ уже прискорбный и назидательный фактъ: отсюда ясно, какъ мало наклонны были даже ученыя собранія, прикрытыя хоть кончикомъ офиціальнаго плаща, подвергать свои дѣйствія суду публики, и какъ ревниво отстаивали они свои чрезмѣрныя притязанія....

Желаніе полной свободы печати, высказанное немногими передовыми личностями александровскаго времени, далеко обгоняло развитіе русскаго общества, непривыкшаго видѣть въ литературномъ мнѣніи самостоятельную, независимую силу; большинство же образованныхъ людей, не исключая литераторовъ и журналистовъ вполнѣ удовольствовалось тою долей свободы, какую предоставлялъ русской литературѣ новый цензурный уставъ. Это мнѣніе большинства было выражено Каченовскимъ въ «Вѣстникѣ Европы», вскорѣ по выходѣ устава. Мы приведемъ его цѣликомъ,—тѣмъ болѣе что оно, по своей краткости, не утомитъ нашихъ читателей. «Критика ученая и безпристрастная—пишетъ Каченовскій въ статьѣ подъ названіемъ: «О книжной цензурѣ въ Россіи»—выставляя погрѣшности сочиненій,—удерживаетъ неопытныхъ людей отъ смѣлыхъ предпріятій; цензура, налагая узду на дерзость и буйство, искореняетъ зло при самомъ его началѣ. Истинный талантъ не боится критики; писатель благонамѣренный уважаетъ постановленія мудраго правительства и благоговѣетъ въ душѣ своей предъ спасительными узаконеніями, которыми *ни мало не стѣсняется свобода мыслить и писать* (курсивъ въ подлинникѣ) и которыя суть ничто иное, какъ только необходимыя *мѣры, принятыя противъ злоупотребленій сей свободы*. Для чего нужны книги? Умъ и дарованія образуются подъ руководствомъ содержащихся въ нихъ полезныхъ правилъ и наставленій; сынъ церкви и отечества почерпаетъ изъ книгъ понятія о своихъ обязанностяхъ: гражданинъ узнаетъ изъ нихъ права свои; человѣка онѣ научаютъ чувствовать цѣну его достоинства и иногда, въ часы свободные, доставляютъ ему пріятное занятіе. Но всякая ли книга соотвѣтствуетъ симъ важнымъ назначеніямъ? Вольтеръ хотѣлъ, чтобы дозволено было писать все безъ изъятія, утверждая, что благо и спокойствіе общества не зависятъ отъ напечатанной книги. Постыдный для человѣчества примѣръ неистовыхъ революцій доказалъ неосновательность Вольтерова мнѣнія. Появленіе дерзкихъ сочиненій, сопровождаемое всеобщимъ одобреніемъ, означаетъ послѣднюю степень развращенія и необуз-

данности, до которой государство достигаетъ. Еслибъ всѣ верховныя власти заблаговременно пеклись *о доставленіи обществу книгъ, способствующихъ къ истинному просвѣщенію ума и къ образованію нравовъ*, еслибъ онѣ *удаляли сочиненія противныя сему намѣренію*, то французы не посрамили бы своего имени предъ лицомъ свѣта и потомства, не обагрили бы рукъ своихъ кровію законнаго своего государя, не пресмыкались бы у ногъ хитраго чужестранца. Нынѣшніе законодатели французскаго Парнасса (аббатъ Жоффруа, издатели французскаго Меркурія и пр.), устрашенные плачевными слѣдствіями легкомыслія своихъ соотечественниковъ, принимаютъ крайнія мѣры, совершенно противоположныя первымъ т. е. выбравшись изъ одной пропасти, низвергаются въ другую; они теперь выхваляютъ блаженное состояніе невѣжества и скорыми шагами обратно отступаютъ къ четырнадцатому вѣку. Южная Германія и всѣ итальянскія государства, по долгу зависимости отъ Франціи и соображаясь съ модою лицемѣрной набожности, господствующей при дворѣ Наполеоновомъ, шествуютъ по слѣдамъ своей путеводительницы. Въ Испаніи пламенники святой инквизиціи истребляютъ творенія великихъ геніевъ, писанныя для безсмертія, для пользы и славы человѣческаго рода. Въ Австріи запрещенъ ввозъ *всѣхъ* иностранныхъ сочиненій. Въ то время, когда въ южной Европѣ воздвигаютъ алтари невѣжеству, въ любезномъ отечествѣ нашемъ законы всячески ободряютъ успѣхи просвѣщенія, *охраняя вѣру, святость власти, нравственность и личную честь гражданина*. И кто не чувствуетъ, сколь драгоцѣнны сіи залоги благодѣйствія общественнаго и частнаго? Какой здравомыслящій гражданинъ предпочтетъ имъ произведеніе ума буйнаго и строптиваго, прикрашеннаго ложнымъ блескомъ мнимаго краснорѣчія, мгновенно исчезающимъ при свѣтильникѣ здравой логики»?

«Никогда не были взяты мѣры лучшія и надежнѣйшія для успѣховъ народнаго просвѣщенія; никогда правительство столько не пеклось о томъ, чтобы волю свою сдѣлать извѣстною всѣмъ гражданамъ. «Цензура въ запрещеніи печатанія или пропуска книгъ руководствуется благоразумнымъ снисхожденіемъ, *удаляясь всякаго пристрастнаго толкованія сочиненію* или мѣстъ въ оныхъ, которыя по какимъ либо *мнимымъ* причинамъ кажутся подлежащими запрещенію. Когда мѣсто, подверженное сомнѣнію, имѣетъ двоякій смыслъ, въ такомъ случаѣ лучше истолковать оное выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели его преслѣдовать». Какое поощреніе для зрѣющаго таланта! какая твердая подпора для писа-

теля опытнаго, который предпринимаетъ подвигъ отважный и многотрудный! Екатерина Великая начертала вѣрное средство осчастливить людей. Если хотите сдѣлать народъ благополучнымъ, говоритъ безсмертная законодательница къ органамъ народа, распространите просвѣщеніе въ государствѣ. Человѣколюбивый Александръ, довершающій великія предпріятія своей прародительницы, желаетъ и требуетъ, чтобы скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры человѣчества, гражданскаго состоянія, законоположенія, управленія государственнаго или какой бы то ни было отрасли правленія «не только не подлежало и самой умѣренной строгости цензуры, но пользовалось бы совершенною свободою тисненія, возвышающей успѣхи просвѣщенія». Если всѣ члены общества будутъ исполнять съ такою правотою и ревностью священный долгъ свой, съ какою мудростью августѣйшій обладатель сѣвера предписываетъ спасительныя средства для истиннаго счастія своего народа; то еще нѣсколько лѣтъ—и поле россійской словесности обогатится памятниками изящнаго вкуса и учености». (См. Вѣстн. Евр. 1805 г. № 3).

На этой благоразумной серединѣ примирялись всѣ; кто не желалъ дерзостей и буйства печати, «осуждалъ» умы буйные и строптивые», но вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ вредными крайнія репрессивныя мѣры, отодвигающія общество «къ четырнадцатому столѣтію».

Теперь посмотримъ, какъ развивалась журналистика въ указанныхъ ей цензурныхъ рамкахъ.

А. Пятковскій.

ВЪ ЛѢСУ.

ПОВѢСТЬ.

VIII.

Послѣ того страннаго вечера, который она провела съ Починковымъ, въ жизни Упадышевой надолго настало какое-то затишье. Шестаковъ изчезъ, о Починковѣ не было ни слуха, ни духа, даже Карповъ не показывался, потому, вѣроятно, что весна возъимѣла на него свое «вѣчное, опьяняющее вліяніе»: онъ говорилъ покойному Упадышеву, что какъ только повѣетъ весеннимъ теплomъ, какъ только зазеленѣютъ поля и сады и вскроются рѣки, такъ и заноетъ его сердце какою-то горечью и потянетъ его къ тому, «въ чемъ наше единственное утѣшеніе въ горестяхъ.» Въ это время я дѣлаюсь совсѣмъ немощенъ,—не могу повелѣвать надъ собой,—говорилъ онъ.

Всѣ оставили молодую женщину въ ея одиночествѣ, среди воспоминаній о прошломъ и раздумья о будущемъ. Она кое-что работала, то для сына, то такъ, чтобы только занять руки, но работа все-таки валилась изъ рукъ. Не легко работается въ то время, когда по какой бы то ни было причинѣ, въ нашей головѣ безотвязно гнѣздится тревожный вопросъ: что будетъ завтра? Завтра приходило и не приносило съ собой ровно ничего, кромѣ повторенія этого же самаго вопроса. И много прошло дней въ этомъ безплодномъ ожиданіи. Отъ Починкова все не было никакой вѣсти; Карповъ заходилъ съ недѣлю назадъ,

сообщилъ, что несмотря на всѣ старанія, ничего не нашелъ и затѣмъ опять пропалъ.

Въ это посѣщеніе Упадышева замѣтила, что онъ смотрѣлъ больнымъ и истомленнымъ, подъ глазами его лежали черныя кольца, глаза потускнѣли, самое лицо казалось тоже чернымъ, какъ будто грязнымъ; даже платье его повидимому прожило тяжелый періодъ, такъ оно поистерлось и позапачкалось. Тутъ ей пришло въ голову, что на такого человѣка нельзя много надѣяться, не слѣдуетъ ожидать отъ него какой нибудь помощи, потому что онъ самъ въ ней нуждается и что во всякомъ случаѣ для нея будетъ гораздо лучше, если она сама позаботится о своемъ положеніи. Къ тому же и ждать, терпѣливо и бездѣятельно ждать—тяжело было: весна зоветъ къ жизни, весна кладетъ на все окружающее, — на землю и небо, на воду и камни, на зелень, на крыши, на улицы,—на все кладетъ свой праздничный, ликующій видъ и вдвое тяжелѣе становится въ этой обстановкѣ настоящее горе или забота о будущемъ. Да наконецъ и еще вышелъ одинъ случай, который заставилъ Упадышеву торопиться. Разъ утромъ явилась къ ней хозяйка дома и съ неописаннымъ пафосомъ пересказала молодой женщинѣ, что прошлою ночью какой-то неизвѣстный человѣкъ собирался было вымазать дегтемъ ея калитку и непремѣнно вымазалъ бы, еслибъ сосѣдъ—отставной солдатъ, — возвращаясь изъ кабака, не увидѣлъ этого негодяя и не заставилъ его своимъ появленіемъ обратиться въ бѣгство. Она жалѣла, что сосѣдъ имѣетъ глупую привычку орать всегда при своемъ возвращеніи изъ кабака какую нибудь солдатскую пѣсню и тѣмъ предупреждать всякую собаку о своемъ вечернемъ походѣ. Она жалѣла, что издохла ея дворная собака, которая навѣрное съумѣла бы проучить дерзкаго. Она жалѣла наконецъ объ одиночествѣ своей смирной и кроткой жилички, за которую и заступиться-то некому, и послѣ всѣхъ этихъ сожалѣній хозяйка осталась очень недовольна тѣмъ, что молодая женщина отвѣтила на ея искреннее участіе чрезвычайною холодностью. Добродушная и крикливая русская баба, она умѣла понять горькое чувство человѣка, если этотъ человѣкъ заплачетъ,—его гнѣвъ, если онъ начнетъ ругаться,—его расположеніе, если онъ полѣзетъ обниматься,—

но внезапная блѣдность лица, трепетъ губъ, блескъ глазъ, все это были для нея слишкомъ тонкія, неуловимыя явленія и потому поблѣднѣвшую, задрожавшую, но воздержавшуюся отъ всякихъ восклицаній Упадышеву она внутренно назвала каменнымъ истуканомъ, которому все равно—хоть бы его самого съ ногъ до головы вымазали дегтемъ.

Упадышева вся дрожала, а глаза ея гнѣвно, раздражительно свѣтились ноздри раздувались. Ея недозрѣнія остановились прямо на Шестаковѣ. Это онъ, — некому больше. Она желала бы, чтобы ея мужъ поднялся изъ гроба. Онъ отмстилъ бы за эту клевету. Кто теперь отмститъ за нее? Неужели она должна молчать и терпѣть? Слеза досады и обиды упала съ ея глаза и повисла на щекѣ.

Вдругъ она заторопилась.

Скорѣе, скорѣе. Нужно ходить и хлопотать, пока еще гнусная клевета не успѣла выставить ее на видъ всего города, какъ продажную женщину. Она торопливо одѣлась вся въ черное, и вышла на улицу, взявъ съ собою Сережу.

Весеннее солнце свѣтило тепло и весело; кое-гдѣ, то на томъ, то на другомъ концѣ улицы взвивалось бѣлое облачко пыли, то изъ одного, то изъ другого переулка выходили мужчины, женщины и дѣти въ чистенькихъ, праздничныхъ нарядахъ. Было воскресенье, и всѣ эти люди группами и въ одиночку, но больше группами, возвращались отъ обѣдни. При взглядѣ на каждый изъ этихъ маленькихъ кружковъ думалось Упадышевой, что все это должно быть или родственники, или друзья, которые встрѣтились въ церкви и теперь, пользуясь днемъ отдыха, идутъ вмѣстѣ провести у кого нибудь время, потолковать о своихъ дѣлахъ, радостяхъ, огорченіяхъ и вообще отдохнуть среди своихъ близкихъ. Это думалось ей при взглядѣ на каждую группу и все грустнѣе, все тяжелѣе становилось ей, все ощутительнѣе дѣлалось ей ея собственное одиночество. Черныя, безотрадныя мысли роились въ ея головѣ, слезы выступали на ея глаза и невольно замедлялись ея шаги.

Потомъ она дошла до базара. Здѣсь стоялъ сплошной, глухой гулъ. Здѣсь толпились сотни людей. Каждый возвышалъ голосъ, каждый старался кричать во всю мочь своего горла, и

крикъ каждаго все-таки сливался съ общимъ торопливымъ крикомъ и пропадалъ въ немъ. Здѣсь стояли и тихо двигались десятки тощихъ, безсильныхъ крестьянскихъ лошадей, сотни сѣрыхъ, запыленныхъ мужиковъ и бабъ; здѣсь мелькала веревочная и мочальная упряжь на деревенскихъ клячахъ, мелькали лапти, прорѣхи на платьяхъ, рубища на толпѣ нищихъ, усѣвшихся на землѣ съ красными деревянными чашками въ рукахъ и на колѣняхъ. И здѣсь Упадышевой стало легче. Здѣсь она не чувствовала себя одинокой. Правда, что все-таки ей было грустно, но уже не лежало на ея сердцѣ той ядовитой горечи, какая закралась въ нее при видѣ праздничныхъ, веселыхъ группъ и румяныхъ, беззаботныхъ людей, которымъ очевидно судьба улыбалась съ самой ихъ колыбели и улыбается въ будущемъ.

Прошла она и базаръ,—вступила въ широкую, недавно отстроенную улицу, все съ солидными каменными и полукаменными купеческими домами, съ высокими заборами и многочисленными амбарами. Вотъ и домъ Власова. Упадышева остановилась у его новыхъ тесовыхъ воротъ съ двумя боковыми калитками, скамейками и большими желѣзными кольцами, — остановилась какъ бы затѣмъ, чтобы отдохнуть, собраться съ духомъ и тоскливо взглянула на Сережу, интересовавшагося больше собаками и блескомъ солнца на красныхъ желѣзныхъ кровляхъ, чѣмъ своимъ будущимъ. Наконецъ она постучалась, прошла сѣни, лѣстницу, переднюю, вошла въ залу.

Въ залѣ никого не было. Упадышевой было очень тяжело,— точно ей нечѣмъ было дышать въ этой просторной и пышной комнатѣ. Она становилась все блѣднѣе и блѣднѣе. Наконецъ появился откуда-то, какъ будто на цыпочкахъ подкрался, очень странный человѣкъ. Неожиданно появился онъ потому, что ходилъ въ валенкахъ; на немъ была красная рубаха, чѣмъ-то подпоясанная, и черные бархатные панталоны, засунутые въ валенки, — больше на немъ ничего не было замѣтно. Лицо у него было безцвѣтное; волосы онъ носилъ въ скобку, имѣлъ также усы и клинообразную бороду. Руки этотъ человѣкъ держалъ за спиной; ходилъ и посматривалъ очень спокойно и свободно.

Упадышева въ недоумѣніи поклонилась ему. Глядя на нее, поклонился и Сережа.

— Здравствуй, матушка, здравствуй... Что скажешь? отвѣтилъ странный человѣкъ, кивнувъ головой.

— Я жена Упадышева, который былъ у васъ механикомъ, сказала молодая женщина.

Сердце ея сильно билось.

— Упадышева... Помню, помню его... Ты сядь, матушка; вотъ тутъ. Посидимъ маленько.

Тутъ у дверей они и сѣли.

— Такъ... Онъ померъ вѣдь?

Упадышева отвѣчала, что дѣйствительно померъ.

— Такъ... Жаль парня... Дѣльный былъ парень: и трезвый, и все какъ слѣдуетъ... Жаль бѣднягу... Всѣ вѣдь мы человѣки... А это сынокъ твой?

Она отвѣчала, что сынъ.

— Эка парнишка, худой онъ какой... Постой-ко я тебѣ конфетку вынесу. Посиди маленько.

Съ этими словами хозяинъ дома тою же неслышною походкою вышелъ изъ комнаты. Упадышева печально опустила голову. Она не понимала,—надѣяться ли ей чего нибудь отъ этого человѣка или, не говоря ни слова, уйти скорѣе

— На, вотъ тебѣ, парнишка, заговорилъ опять хозяинъ, появляясь передъ ними.—Возьми конфетку, возьми... Чего бояться-то... Ну, вотъ, конфетку ты съѣшь, а картинку на сундукъ налѣпи. Есть ли у тебя сундукъ-то?.. А то на зеркало налѣпи... То-то... Поплюй на нее, да и налѣпи. Дай я тебя по головкѣ поглажу... Чего бояться-то? . Нечего бояться-то... Ѣшь конфетку-то, небойся...

Онъ сѣлъ.

— Такъ чтожь ты мнѣ скажешь, матушка? Скажи,—послушаемъ.

— Я теперь совершенно одна осталась, заговорила задыхаясь Упадышева.—У меня никого нѣтъ—ни родныхъ, ни знакомыхъ... Я совсѣмъ одна.

— Такъ. . Съ маленькимъ ребенкомъ осталась, сухо произнесъ хозяинъ.

— Я хотѣла обратиться къ вамъ... Попросить работы...

Онъ какъ будто ждалъ продолженія и поясненія, но такъ и не дождался.

— Какая такая у меня работа, матушка, заговорилъ онъ тогда.—Тамъ вонъ у меня старуха сидитъ... Супруга моя... Она всякую работу справляетъ .. Она и чулки свяжетъ, она и заштопаетъ ихъ, она и дырья всякія углядитъ, справитъ, и все такое... женскую-то работу...

— Но другое, шевельнулось на ея губахъ.

— А что другое-то, матушка? Будь вотъ ты мужикъ,—такъ мы и поглядѣли бы тамъ... А то вѣдь поди ты...

— Я учить могу, опять прошептала она.

— Нѣтъ, этого намъ не требуется...

Наступило молчаніе.

— Помочь въ твоемъ одиночествѣ я не прочь, матушка, заговорилъ опять хозяинъ.—Ты не думай... Какъ можно не помочь... Желтенькую я тебѣ сейчасъ готовъ .. Получай рублевикъ-то... По моему, кажись, довольно... что могу...

Она встала.

— Нѣтъ, благодарю васъ, сказала она довольно твердо.—Я хотѣла просить васъ только о работѣ... Я хочу работать..

— Это хорошо, матушка, хорошо. Всякій человѣкъ долженъ работать. Это хорошо... Только ты тово... напрасно...

Она поклонилась.

— Прощай, матушка, прощай. Будь здорова.

Она опять прошла лѣстницу, сѣни, дворъ и раза два споткнулась. Смущена ли она была, стыдно ли ей было, сердце ли ея замирало тамъ, на верху, въ залѣ, устланной коврами, и за то теперь забилось съ удвоенной быстротой,—только на улицѣ ея блѣдное лицо вдругъ вспыхнуло яркимъ румянцемъ и долго горѣло.

Ей не хотѣлось идти домой. Ей хотѣлось бы сегодня же, теперь же побывать у всѣхъ, на кого она надѣялась, узнать—чего она должна ждать въ своемъ будущемъ, хоть бы даже у всѣхъ видѣть точно такой же пріемъ, какой она вынесла сейчасъ, но только бы кончить, кончить со всѣми этими просьбами и обращеніями. Она пошла бы и къ Коноповымъ, но по-

чему-то ей вдругъ тяжело и противно стало таскать по всѣмъ этимъ милостивымъ людямъ своего ребенка. Потому она повернула домой.

Дорогой ей думалось, что, можетъ быть, она потому и не добилась ничего отъ Власова, что была у него слишкомъ молчалива и холодна, слишкомъ мало думала о томъ, чтобы выставить въ надлежащемъ свѣтѣ себя и свое положеніе, возбудить къ себѣ сочувствіе со стороны этого человѣка и она рѣшила, что у Кононовыхъ она будетъ говорить со всѣмъ жаромъ, какой только найдется у нея, не оставитъ невымолвленнымъ ни одного слова, которое можетъ подѣйствовать на человѣческое чувство. Она сегодня же пойдетъ къ нимъ. Пускай сегодня она выскажетъ свои просьбы передъ всѣми, передъ кѣмъ только можетъ ихъ высказать и пусть завтра ей уже не придется играть тяжелую роль бѣдной, несчастной, угнетенной судьбою просительницы. Слишкомъ тяжела эта роль.

Немного не доходя до своего дома, она встрѣтила Карпова.

— Это вы?... Откуда это?... спросилъ онъ въ изумленіи, и уже послѣ, сказавъ это, опомнился и протянулъ ей руку.

Она стояла передъ нимъ стройная, съ пылающимъ лицемъ, но печальная и съ какимъ-то страннымъ свѣтомъ въ своихъ томныхъ глазахъ. Весеннее солнце свѣтило прямо на Карпова. Онъ былъ въ старенькомъ драповомъ пальто, пообтершемся снизу, позасаленномъ, лишенномъ кое-гдѣ пуговицъ. Фуражка у него была измятая, сапоги заплатанные и мѣстами вторично поразлѣзшіеся. Лицо его было сонно, глаза тусклы,—и въ то самое мгновеніе, когда онъ опомнился и протянулъ Упадышевой руку,—онъ вспомнилъ обо всемъ этомъ, точно въ зеркалѣ увидалъ себя, и совѣстно ему стало на солнце, которое такъ ярко и весело, какъ будто смѣясь надъ нимъ, освѣщало его жалкую фигуру. Не такимъ хотѣлъ бы онъ являться передъ этой женщиной.

— Да, отвѣчала она. Знаете ли гдѣ я была?... Мы ходили къ Власову.

Карповъ отвернулся наконецъ отъ досаднаго солнца и пошелъ рядомъ съ нею.

— Ну и что же?...

— Ничего... Тяжелое я чувство вынесла изъ этого дома.

Подошли къ калиткѣ ея дома. Она пріостановилась и ударила по ней зонтикомъ.

— Сегодня ночью ее вымазать хотѣли, дегтемъ вымазать, проговорила Упадышева чуть слышно.

Нѣсколько шаговъ прошла она по двору, не оглядываясь на Карпова. Онъ молчалъ. Наконецъ она оглянулась и пристально посмотрѣла въ его лице. Онъ все-таки молчалъ.

— Догадываетесь кто? спросила она.

— Знаю, отвѣчалъ Карповъ, кивнувъ головой.—Шутитъ этотъ господинъ, прибавилъ онъ немного помолчавъ.—Отъ скуки шутитъ. Надъ кѣмъ же и шутить имъ какъ не надъ нами.

Она ничего не отвѣчала, но на губахъ ея мелькнула какая-то неопредѣленная, полу-презрительная усмѣшка. Ей почему-то пришло въ голову, что если бы Шестаковъ въ эту самую минуту, въ виду своего школьнаго товарища, вздумалъ ударить ее, то и въ этомъ случаѣ Карповъ ограничился бы единственно произнесеніемъ какой нибудь горькой и безнадежной рѣчи. До того онъ казался ей приниженнымъ, забитымъ и безсильнымъ.

Какъ-то медленно, лѣниво, точно неохотно сняла она шляпку, пальто и сѣла у окна, задумчиво посматривая на улицу и противуположные дома, ярко освѣщенные веселымъ и привѣтливымъ весеннимъ солнцемъ. Скучно и уныло было ея лицо. И этотъ человѣкъ, апатично свертывавшій папиросу, вдругъ показался ей теперь совсѣмъ чужимъ, даже нѣсколько враждебнымъ. Она чувствовала себя одинокой, покинутой.

— Лучше бы я совсѣмъ не выходила сегодня, наконецъ сказала она послѣ долгаго молчанія.—Лучше бы сдѣлала, если бы пошла по всѣмъ этимъ людямъ, въ пасмурную, скверную погоду.

— Это отчего? спросилъ Карповъ.

Онъ былъ тоже скученъ и унылъ. Впрочемъ его огорчило все таже насмѣшливая выходка весенняго солнца, такъ не кстати освѣтившаго всѣ пятна, заплаты и бахромки его костюма.

— Я не люблю этихъ свѣтлыхъ, какъ будто праздничныхъ дней, отвѣчала Упадышева.—Къ тому же сегодня праздникъ. Праздники я не люблю даже больше, чѣмъ такіе ясные, весенніе дни, какъ этотъ. Я помню, еще въ Петербургѣ, даже зимой, бывало, идешь куда нибудь съ работой или за работой, думаешь о кускѣ хлѣба, о копѣйкахъ, о холодѣ,—а тутъ, около тебя, на каналахъ и рѣчкахъ, гремитъ на льду музыка, нарядныя дамы и веселые кавалеры катаются на конькахъ и танцуютъ кадрили. Горько и обидно какъ-то сдѣлается. Музыка эта вызываетъ къ горлу какія-то обидныя слезы. Не люблю я этихъ ясныхъ дней... А весна еще хуже. Одинъ этотъ блескъ, одинъ этотъ воздухъ, эти лица праздничныя заставятъ возненавидѣть свою жизнь. Все какъ будто для другихъ: и солнечный свѣтъ, и цвѣты, и воздухъ, и радости—все для другихъ, а тебѣ ничего, ничего нѣтъ.

— Это правда, животрепещущая правда, подтвердилъ Карповъ.

— И вы испытывали это?

Онъ кивнулъ головой.

— И зачѣмъ, въ такомъ случаѣ, жить, къ чему? спросила она.

— Человѣкъ всегда вѣритъ въ будущее, въ будущемъ надѣется...

— Но это вамъ хорошо надѣяться, мужчинамъ. Вы можете разсчитывать, что я вотъ то сдѣлаю, или это сдѣлаю, и мое будущее будетъ гораздо лучше, чѣмъ настоящее. А намъ вѣдь и дѣлать-то ничего не даютъ, вы сами знаете... На что надѣяться?

— Все таки надежда на будущее, хоть и неопредѣленная...

Наступило молчаніе; обоимъ невесело было. Упадышева отвернулась отъ окна и задумчиво смотрѣла куда-то на полъ.

— И у васъ нѣтъ никакой надежды достать мнѣ занятіе? вдругъ спросила она.

— То есть, какъ вамъ сказать, нерѣшительно сказалъ онъ.— Обѣщалъ кое-кто. Но вѣдь сами вы знаете, насколько можно полагаться на эти обѣщанія. Авось, говорятъ, представится что нибудь; можетъ быть, откроется какое нибудь мѣсто. Но положительнаго ничего нѣтъ.

Опять помолчали.

— Я васъ вотъ еще о чемъ попрошу, сказала Упадышева.— Сама я вѣдь никого и ничего не знаю здѣсь. Не поищете ли вы какихъ нибудь людей, торговцевъ, которые купили бы у меня мебель, книги, кой-какое платье?

— Хорошо, я пришлю ихъ... Завтра же пожалуй.

— Пожалуйста... Кажется, это ужь послѣдняя моя просьба къ вамъ. Больше не буду васъ безпокоить. А сегодня я схожу кстати ужь и къ Кононовымъ.

— Сегодня же?

— Да за одно ужь...

Карповъ докурилъ папиросу и ушелъ, еще разъ повторивъ свое обѣщаніе прислать завтра торгашей.

IX.

Двухъ-этажный, полукаменный домъ Кононова стоялъ на углу площади и однимъ главнымъ рядомъ своихъ оконъ выходилъ прямо къ церкви, а другимъ въ не особенно бойкую улицу. Много ужь лѣтъ было этому дому, не одну фамилію перемѣнилъ онъ на своихъ воротахъ, но и теперь еще смотрѣлъ онъ крѣпкимъ, чистымъ и весьма почтеннымъ домомъ. Не покосились стѣны его, не заросла травой крыша, не сквозили высокіе заборы. Видно было, что хозяева его не были хозяевами только по имени, а занимались хозяйствомъ съ нѣкоторою даже любовью. Почтенъ былъ этотъ домъ не по одной только наружности,—тоже можно было сказать и о его характерѣ, нравственности, если угодно.

Никогда не слышно было за его заборами крика или брани, не раздавались за нимъ пьяныя или легкомысленныя, безнравственныя пѣсни. Немного разъ въ году были въ этомъ домѣ нѣсколько многолюдныя, нѣсколько шумныя, сравнительно, собранія; немного разъ въ году оба главные ряда оконъ сплошь освѣщались огнями, а остальное время, сейчасъ же съ насту-

пленіемъ сумерекъ, всѣ окна закрывались внутренними ставнями и только въ двухъ окнахъ блестѣлъ сквозь прорѣзанныя на ставняхъ сердечки огонь, и тогда точно двѣ пары скучающихъ глазъ смотрѣли изъ почтеннаго тихаго дома на темную площадь, на прохожихъ и на бѣлую церковь. Скоро впрочемъ скучающіе глаза соскучивались и этимъ зрѣлищемъ, огонь потухалъ, и тогда весь домъ погружался въ мракъ и мертвую тишину.

Комната, изъ которой смотрѣли по вечерамъ эти двѣ пары красныхъ огненныхъ глазъ, была, если хотите, столовою Кононовыхъ. Здѣсь Кононовъ и жена его обѣдали, пили чай, ужинали; здѣсь же они сидѣли почти постоянно, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ дней, когда у нихъ бывали многолюдныя собранія. Здѣсь же они сидѣли и сегодня за самоваромъ. Кононова мы уже знаемъ, а супруга его была женщина сильно склонявшаяся къ старости, но довольно круглая, плотная и съ румянымъ толстымъ лицомъ, къ которому очень мало шелъ бѣленькій, легкій чепчикъ. Она казалась бы гораздо почтеннѣе и даже красивѣе, еслибъ придумала для себя какой нибудь мѣховой или кожаный головной уборъ, въ родѣ шлема, напримѣръ, или каски. Вообще есть два рода румянца на старческихъ лицахъ: одинъ румянецъ легкій и чистый, какъ-то невольно говорящій о свѣжести и неугасшей еще добротѣ сердца, другой румянецъ—багровый и грязноватый, говорящій скорѣе о сидячей лѣнивой жизни и испорченной крови. Румянецъ супруги Кононова былъ и багровъ и грязенъ. Эта особа весьма быстро вязала чулокъ, а подлѣ нея на кожаномъ креслѣ сидѣла откормленная полусонная кошка и мурлыкала свою вѣчную, однообразную пѣсню.

— Я сегодня, какъ послѣ обѣда-то легла, сонъ какой увидѣла, говорила хозяйка, проворно шевеля своими спицами.—Привидится же такой сонъ... Все это я объ немъ и думаю. Что какъ сбудется на яву? Что, какъ предзнаменованіе это? А ужъ такъ ли, не такъ ли сбудется, а понапрасну никогда не бываетъ такой сонъ. Даромъ не пройдетъ.

Кононовъ опустилъ на столъ чашку и съ видимымъ ожиданіемъ смотрѣлъ на подругу своей безмятежной жизни.

— Вижу это я, что сижу у этого вотъ самого окна...

— У котораго это? съ любопытствомъ прервалъ Кононовъ.

— А вотъ у этого, нитки-то на которомъ висятъ...

Оба они искоса посмотрѣли на окно, какъ будто высматривая, не сдѣлалось ли или не сдѣлается ли тамъ чего нибудь особеннаго, фантастическаго.

— Сижу я у него ночью. И не то, чтобы вечеръ какой, а такъ-таки ночь, глухая, темная ночь. И ставни-то не закрыты, вижу я—и самой думается: какъ это ночь такая поздняя, а ставни не закрыты... И думается это, а все-таки сижу и гляжу въ окно. Даже такъ и подумала, что надо бы кликнуть Тришку, велѣть ему ставни закрыть,—а нѣтъ, все-таки сижу. Тихо тамъ на улицѣ, точно въ комнатѣ ночью. Опять я думаю: какъ это такъ тихо, никогда на улицѣ не бываетъ такой тишины. Однако все сижу и гляжу на одно мѣсто, точно что меня тянетъ къ нему; это въ промежуточекъ-то, позади церкви. Гляжу, гляжу, оторваться не могу, какъ будто я жду чего. И точно, немного погодя, идетъ тамъ въ тѣни кто-то .. Отъ церкви-то тѣнь такая черная—черная лежитъ... Въ тѣни этой и идетъ, крадется женщина... И всю-то я ее вижу, и руки вижу, и корзиночку въ рукахъ вижу, и платье ея вижу, только лица не могу разсмотрѣть. Вотъ...

— А платье-то, платье-то какое? Одѣта-то на кого похоже? какимъ-то торопливымъ полушепотомъ прервалъ Кононовъ.

— Ну-жь этого не помню я, Семенъ Федорычъ... Какой ты право... Путаешь только... Помню вотъ, что подошла она къ калиткѣ, да и поставила подлѣ нея корзинку свою. Тутъ я ужь и поняла въ чемъ дѣло, крикнуть хотѣла, закричать, а голоса и нѣтъ у меня. На томъ я и проснулась. Никогда мнѣ не дашь разсказать чего нибудь. Разспрашиваетъ все; будто я сама не разскажу, что знаю.

Кононовъ видимо огорчился, но ничего не возразилъ и опять принялся за свой чай.

— И что это означаетъ такое? Къ чему это? опять начала допытываться его супруга.

— Вотъ ужь не придумаю, отвѣчалъ онъ, разведя руками.

Сколько лѣтъ живу, а такого сна не приходилось слышать, нѣтъ... Надо будетъ пораспросить.

— Какъ не распросить, непремѣнно надо. Это не простое что нибудь.

Она задумалась.

— А что какъ сонъ этотъ—вѣщій сонъ, Аксинья Андреевна? подсмѣялся Кононовъ. Что тогда? Какъ возьмутъ, да подкрадутся, да и подкинутъ тебѣ въ самомъ дѣлѣ въ корзиночкѣ этакой?. Что тогда?..

— Что ты это?—испугалась она. Полно тебѣ пророчить-то по пустому.

— Да нѣтъ, что тогда?

— Сохрани Богъ, еще накличешь пожалуй... Не было такой печали, такъ надо...

— Да какая печаль-то въ этомъ? Ты себѣ представь только. Люди мы одинокіе, въ кон-то вѣки забредетъ къ намъ кто нибудь въ гости, дѣла намъ тоже не много. Этакъ вѣдь и соскучишься пожалуй. А тутъ дитя бы было, занимало бы. Закричитъ оно — ты и вспомнишь, что не одна сидишь, гость у тебя есть.

Его супруга только махнула рукой и полу-отвернулась.

— Потомъ мы тоже вѣдь люди не бѣдные, не нищіе, у которыхъ только и есть, что на плечахъ надѣто, да и то съ ними же въ землю уйдетъ, продолжалъ Кононовъ, подсмѣиваясь.— Придетъ время, помремъ мы, такъ на кого все наше добро останется? Пропадетъ все, разграбятъ, да протранжирятъ. Лучше же осчастливить кого нибудь.

Подруга жизни подняла наконецъ на него свои глаза, положила на столъ чулокъ и съ удивленіемъ хлопнула руками по своему платью.

— Ахъ, какой ты, какъ я погляжу, безхарактерный... Ахъ, какой безхарактерный! заговорила она, какъ будто до глубины души пораженная его словами.—Не самъ ли ты сколько разъ говорилъ, что поработалъ ты, потрудился, надъ каждой копѣйкой потрясся, такъ по крайности хоть подъ старость отдохнуть. Не самъ ли ты говорилъ это сколько разъ? А теперь что выдумалъ! Пріемыша воспитывать... Опять, Богъ знаетъ для кого

трудиться, опять каждый кусокъ урѣзывать... Да ты еще знаешь ли, что изъ твоего пріемыша выйдетъ?.. Да можетъ быть онъ разбойникомъ выйдетъ, грабителемъ? Такъ это ты для грабителя-то хочешь спокойствія лишаться? Для разбойника-то?.. Нѣтъ... Я ужъ этого не потерплю. Нѣтъ... Ахъ, какой безхарактерный...

При самомъ началѣ этого монолога Кононовъ, вѣроятно, желая скрыть свое смѣющееся лицо, всталъ и принялся съ озабоченнымъ, задумчивымъ видомъ, съ опущенной въ раздумьѣ головой ходить по комнатѣ.

— Нѣтъ, матушка, это нужно серьезно подумать. Такъ нельзя говорить, отвѣчалъ онъ.—Не мѣшало бы намъ съ тобой и о томъ подумать, матушка, что вѣдь мы старимся, о-о-охъ, какъ старимся.

И съ этими словами онъ остановился передъ нею, подогнулъ колѣнки, склонилъ голову на бокъ и по старчески выдвинулъ впередъ нижнюю челюсть.

— О-о-охъ какъ старимся, продолжалъ онъ.—Еще десяточка полтора годковъ пронесетъ Господь какъ нибудь; а потомъ-то что съ нами будетъ? Хуже вѣдь младенцевъ малыхъ сдѣлаемся; у тѣхъ хоть бы нянька есть, хоть бы кто другой, третій есть, кто и присмотритъ за ними и убережетъ ихъ, а у насъ кто будетъ, насъ-то кто убережетъ?

— Я, слава тебѣ Господи, завсегда сама себя уберегу. Никакихъ заступниковъ мнѣ не надо, рѣшительно и сухо отвѣчала Кононова.

— Ты мнѣ этого не говори, матушка, тѣмъ же зловѣщимъ тономъ продолжалъ Кононовъ.—Теперь покудова мы еще ничего,—не боимся. А какъ полтора десятка, два десятка годковъ пройдетъ, такъ мы вѣдь слабѣе будемъ чѣмъ младенцы, на колѣночкахъ ползающіе по полу... слабѣе будемъ. Кто тогда за торговлей присмотритъ, кто за домомъ присмотритъ? А что мы сдѣлаемъ, ежели разбойники, позарясь на наши достатки, залѣзутъ къ намъ съ ножницами вотъ такими? Улица-то вѣдь глухая. Времена-то вѣдь знаешь какія... Что ежели да залѣзутъ—продолжалъ онъ, понижая свой голосъ до едва слышнаго шепота и кивая по направленію къ кухнѣ,—ежели да вотъ этотъ самый

Тришка, котораго мы ужь пятый годъ поимъ, кормимъ и одѣваемъ, пятый годъ на мѣстѣ содержимъ, — захочетъ насъ убить?.. Ты какъ разсуждаешь?

— Да ты что думаешь? вскричала наконецъ его супруга въ видимомъ негодованіи.—Ты сына роднаго думаешь воспитать Покорнаго? Почтительнаго? Богобоязненнаго? Разбойника ты выкормишь! злодѣя! каторжника, который прежде всего ножъ то возьметъ въ руки.

Ея лице побагровѣло, а голова въ бѣломъ чепчикѣ тряслась надъ шерстянымъ чулкомъ, судорожно подергиваемымъ изъ стороны въ сторону.

Кононовъ схватился за бока и залился веселымъ, добродушнымъ смѣхомъ, причемъ его глаза почти совершенно закрылись, и только узенькія маслянистыя щелочки по временамъ поблескивали на подругу его жизни.

— А шутникъ вѣдь я? Шутникъ? А? Актеръ вѣдь? проговорилъ онъ наконецъ.—Мнѣ бы на театрѣ надо было показаться ...А?

— Нечего притворяться-то, нечего, заворчала жена.— Спохватился, что сморозилъ, Богъ знаетъ что, такъ и говоритъ теперь, что пошутилъ. Нечего вывертываться-то...

Кононовъ сѣлъ и опять принялся за свой чай, изрѣдка все еще прорываясь и прыская.

— Объясни ты мнѣ на милость, Аксинья Андреевна, заговорилъ онъ наконецъ серьезно.—Не знаю я, отчего это такъ вотъ и думается все, что кого ни возьми, все выйдетъ плутъ человѣкъ, да разбойникъ-человѣкъ? Отчего не подумается никакъ, что найдется и благодарный, и почтительный человѣкъ? По какой причинѣ не вѣришь этому?

— Э, Семенъ Федорычъ, отвѣчала она, смягченная этимъ почтительнымъ обращеніемъ къ ея мудрости.—Гдѣ мы съ тобой видали благодарныхъ людей? Да, гдѣ они? Не такія видно времена теперь. Днемъ съ огнемъ не отыщешь честнаго человѣка. Кто жь и вѣритъ-то станетъ въ добро?

— Будто ужь и никого нѣтъ?

— Ну, а кто по твоему? Ну-ко...

Кононовъ подумалъ.

— А вотъ хоть Брусковъ, Петръ Степанычъ, замѣтилъ онъ нерѣшительно.—Говорятъ и благодѣтельный человѣкъ, собаки не обидитъ, и умный, и честности неподкупной.

— Брусковъ, Петръ Степанычъ... А зачѣмъ онъ любовницу держитъ? Или это ужь хорошимъ дѣломъ считается? И то можетъ статься, что хорошимъ... Я вѣдь не знаю.

— Гм... А Подберезкинъ? Такой же вѣдь онъ по характеру-то. Ну а на счетъ того—не слышно...

— Былъ бы онъ достоинъ уваженія, былъ бы... кабы вотъ поменьше важничалъ и носъ задиралъ. Я его на дняхъ встрѣтила изъ церкви выходя; такъ вѣдь и не кланяется.

— Не замѣтилъ стало быть. Ну, а я? спросилъ наконецъ Кононовъ.

— Ты... Про тебя ужь что говорить... Ты какой-то изъ ряду вонъ вышелъ. Часто я вотъ думаю про тебя, — любовно заговорила Аксинья Андреевна, —и все не могу придумать откуда ты такой вышелъ, что и похулить тебя не за что.

Кононовъ сладко улыбался.

— Да, Аксинья Андреевна, никого подходящаго и я не найду никакъ, сказалъ онъ.—Одинъ вотъ только... Да и то женщина.

— Кто жь это такая? замирающимъ голосомъ спросила подруга жизни.

— Да ты... кому больше быть... Одна ты умная...

И два единственные во всемъ мірѣ честные и хорошіе человѣка замолчали и погрузились въ созерцаніе своихъ собственныхъ достоинствъ.

— Да, матушка, кто что ни говори,—а я все-таки честный человѣкъ, торжественно сказалъ наконецъ Кононовъ.—Передъ самимъ Господомъ Богомъ могу сказать, что въ жизнь свою никого не убилъ и не ограбилъ, легкомысленнымъ мотомъ не былъ и нравственности не нарушилъ. Совѣсть моя чиста, матушка.

И по его торжественному, сіяющему лицу видно было, что онъ внутренно благодарилъ Бога, что онъ не таковъ, какъ всѣ тѣ грязные, недостойные люди, которые грабятъ и убиваютъ, проматываютъ деньги и творятъ безнравственные поступки.

— А на счетъ этого пріемыша или воспитанника я пошутилъ, Аксинья Андреевна, продолжалъ онъ съ видомъ чистосердечнаго сознанія.—Это правда, что прежде, лѣтъ можетъ быть пятнадцать назадъ, — было у меня такое намѣреніе. Тогда думалъ я, что и намъ-то было бы веселѣе взять себѣ кого нибудь, да и ему-то сдѣлали бы доброе дѣло, навѣки обезпечили бы его. Потомъ увидѣлъ я, что пустяки все это, туманъ какой-то находилъ. Это ты правду говоришь, что воспитаешь себѣ разбойника, змѣю за пазухой. Это справедливо. Да къ тому же и безпокойство совсѣмъ лишнее. И одѣть-то его нужно, и накормить, и выучить, и позаботиться-то о его будущности; все вѣдь одно къ одному. Пѣтъ, ужь безпокоился,— теперь отдохнуть пора.

Наступило молчаніе.

— Ужь не Починковъ ли, сказалъ Кононовъ прислушиваясь.

— А вѣдь въ самомъ дѣлѣ давно его не видать.

— Давно... Что-то онъ самъ на себя не походитъ. Въ смятеніи какомъ-то бродитъ. Все это отъ ума его высокомѣрнаго. Всю вселенную желаетъ постичь и въ высокомѣріи своемъ бросается во всѣ таинственныя бездны и гибельныя пропасти. И не такіе умы погибаютъ въ нихъ. Не кичился бы и былъ бы спокоенъ и счастливъ, какъ и мы съ тобой грѣшные.

И опять онъ видимо восклицалъ внутренно: «Боже благодарю тебя, что я не таковъ, какъ сей дерзкій»!

Черезъ кухню, черезъ маленькую комнату, тѣсно завѣшанную какимъ-то старымъ гардеробнымъ хламомъ, проходила въ эту самую минуту нѣсколько дрожащая Унадышева и наконецъ вышла на свѣтъ.

При ея появленіи наступила въ комнатѣ мертвая тишина. Кононовъ машинально запахнулъ полы своего старенькаго длиннаго мѣшка; его супруга недовѣрчиво и подозрительно поглядывала то на него, то на неожиданную гостью.

Среди этой тишины вошедшая довольно отрывочно и сконфуженно объявила, что она вдова Унадышева, котораго они, вѣроятно, помнятъ, — что она съ ребенкомъ здѣсь, въ чужомъ городѣ, никого не знаетъ, никого у ней нѣтъ—ни друзей, ни знакомыхъ, что она рѣшилась обратиться къ нимъ, къ Коно-

новымъ, какъ единственнымъ почти людямъ, хоть сколько нибудь знавшимъ ея мужа. Она прибавила, что не одинъ разъ слышала отъ мужа о томъ участіи, которое принималъ въ немъ Кононовъ.

Во время этой рекомендаціи честный хозяинъ успокоился. Онъ даже сдѣлался вдругъ какимъ-то строгимъ и недовольнымъ, какъ человѣкъ власть имѣющій, обезпокоенный какимъ нибудь докучливымъ просителемъ. Я думаю, впрочемъ, что это брюзгливое, недовольное выраженіе не было постоянно присущимъ лицу Кононова, при его разговорахъ съ мало-знакомыми ему людьми. Судя по той сдержанности и умѣренности, съ которыми онъ принялъ отъ Починкова извѣстіе о пріѣздѣ Упадышева, — я думаю, что явись Упадышева въ то время, когда она была еще спокойна, обезпечена и не имѣла нужды просить кого бы то ни было о чемъ нибудь, — это брюзгливое и строгое выраженіе не явилось бы на лицѣ честнаго Кононова, онъ былъ бы радушенъ и любезенъ.

— Что-то онъ какъ будто и не заглядывалъ къ намъ, какъ пріѣхалъ сюда, сухо сказалъ онъ, взглянувъ на свою жену.

— Нѣтъ, что-то не бывалъ, также сухо замѣтила она.

Упадышевой сдѣлалось тяжело.

— Онъ давно былъ уже очень болѣнъ, тихо оправдывалась она.—Онъ ходилъ только на фабрику. Но и это было для него очень тяжело. Я думаю, что онъ былъ бы еще и теперь живъ, если бы могъ не выходить изъ дома такой больной и въ такіе морозы.

— Гм... отвѣчалъ Кононовъ.—Мальчишкой вотъ такимъ видалъ я его. Капризный онъ былъ мальчишка. Я ужь и тогда подумывалъ, что не кончилъ бы онъ худо. Ну да это ничего бы еще, прибавилъ онъ.—Потомъ вотъ дядю онъ обидѣлъ,—а дядя-то о немъ какъ о родномъ сынѣ заботился, надежды свои на него возлагалъ. Не ссорься онъ съ дядей, — такъ и ему было бы лучше, да и жена-то его, и ребенокъ его были обезпечены. Я Починкова знаю. Съ дѣтства его знаю. Мы другъ другу даже съ родни приходимся. Я его знаю и уважаю. Не обидь его вашъ супругъ-покойникъ,—не пришлось бы вамъ теперь о кускѣ хлѣба заботиться. А забота эта тяжелая. Я на

себѣ испыталъ. Я вѣдь мужчина, а и мнѣ мой теперешній кусокъ хлѣба достался слезами и кровью. Я вѣдь, сударыня, было время, нищимъ и голоднымъ былъ; а теперь сами видите.

Онъ медленно, съ достоинствомъ понюхалъ табаку и искоса посмотрѣлъ на блѣдную, печальную просительницу.

— Упрямъ былъ вашъ супругъ, продолжалъ онъ также медленно и съ разстановкой.—Все желалъ посвоему поступать. По своему все, другихъ, постарше-то его, не хотѣлъ слушать. Вотъ теперь и добился своего. Самъ умеръ во цвѣтѣ лѣтъ, семейство по міру пустилъ.

Съ каждымъ изъ этихъ жесткихъ и грубыхъ словъ все сильнѣе и сильнѣе сдавливалась грудь Упадышевой и наконецъ не выдержала она: давно накоплявшіяся слезы градомъ брызнули изъ ея глазъ и судорожно заколыхалась ея грудь, силясь сдержать рыданія.

Сначала Кононовъ какъ будто оторопѣлъ, но потомъ оправился и началъ тихонько, съ той же суровой важностью расхаживать по комнатѣ. Въ первое мгновеніе онъ какъ будто раскаялся въ своихъ словахъ, но затѣмъ сейчасъ же разсудилъ, что высказалъ онъ одну только сущую правду и что если эта женщина и плачетъ, то во-первыхъ, у женщинъ слезы дешевы, а во-вторыхъ, даже и странно вышло бы,если бы Упадышева, пришедшая съ просьбой, не заплакала. Самый даже обычай какъ-то требуетъ, чтобы женщина, пришедшая просить помощи, всплакнула о своей горькой долѣ.

— Ну, полноте, будетъ, проговорилъ онъ тоже по обычаю успокоительнымъ тономъ.—Слезами не помочь вѣдь дѣлу... Не воротить прошлаго.

— Вотъ, вотъ, выпейте водицы-то, предлагала съ своей стороны его супруга, тоже нисколько не потерявшая своего хладнокровнаго и наблюдательнаго вида. Это хорошо. Что убиваться то понапрасну.

Упадышева скоро опять совладала съ собой.

— Вы бы къ родственникамъ вашимъ написали о своемъ положеніи, посовѣтовалъ ей Кононовъ.

— У меня нѣтъ никого родныхъ, апатично отвѣчала молодая женщина.

— Ни одной души? Ай-ай-ай!

Хозяйка тоже качала головой, но впрочемъ съ какимъ-то страннымъ видомъ. Она кажется положительно не расположена была вѣрить, чтобы у какого бы то ни было человѣка на Руси могло не оказаться въ наличности ни одного родственника, и потому эта почтенная женщина не замедлила заподозрить Упадышеву въ какомъ нибудь коварномъ и хитромъ намѣреніи. Къ тому же она кое-что знала объ этой несчастной, повидимому, молодой женщинѣ, знала кое-что, какъ мы вскорѣ увидимъ.

— Ни одной души, апатично повторила Упадышева.

Въ немного минутъ, въ которыя она старалась унять свои слезы, отдыхала и успокоивалась, въ ея умѣ быстро промелькнула вся ея жизнь, промелькнули образы людей, встрѣчавшихся ей въ этой очень недолгой жизни и какъ-то удивилась она, что до настоящей минуты не обращала вниманія, не замѣчала, какъ всѣ эти люди, почти всѣ, грязны, жестки, безчеловѣчны. Стоитъ ли жить? Стоитъ ли страдать? Стоитъ ли лелѣять и беречь въ себѣ что нибудь чистое, честное, возвышенное и отстаивать его даже въ виду голодной смерти? родились въ ней грустные вопросы, тѣ самые горькіе вопросы, которые нѣкогда такъ болѣзненно поражали ее, когда она слышала ихъ изъ устъ больного, убитаго отчаяніемъ мужа.

Затѣмъ Кононовъ полюбопытствовалъ — гдѣ она родилась, гдѣ провела свое дѣвичество, не была ли она знакома съ тѣмъ-то и тѣмъ-то, жившими тоже на ея родинѣ. На все она отвѣчала подробно, охотно, только казалось, что она вовсе не о томъ думаетъ, о чемъ ее спрашиваютъ, и мысли ея рвутся отъ этого предмета куда-то дальше, прочь, къ какому-то печальному и трагическому созерцанію.

— Ну, и къ чему же вы намѣрены приступить? Что предпринять въ такомъ положеніи? спросилъ наконецъ честный хозяинъ.

— Предпринять... Что могу я предпринять? повторила Упадышева.—У меня никого нѣтъ вѣдь, я никого здѣсь не знаю и меня никто не знаетъ. Мнѣ оставалось только обратиться къ тѣмъ людямъ, которые хоть сколько нибудь знали моего мужа.

Когда она сказала: «и меня никто не знаетъ», хозяйка ис-

коса посмотрѣла на нее и почесала у себя за ухомъ вязальной спицей. Очевидно было, что она кое-что знала объ этой женщинѣ, которую «никто не знаетъ».

— Если бы кто нибудь помогъ мнѣ найти работу, рекомендовалъ бы меня, я была бы счастлива. Я буду стараться изо всѣхъ моихъ силъ. Я прокормила бы и себя и моего сына.

— А какую же работу вы ищете? У васъ въ Петербургѣ, говорятъ, женщины въ магазинахъ и въ конторахъ сидятъ... хе, хе, хе, засмѣялся Кононовъ.

— Нѣтъ, я не надѣюсь на это... Конечно это легче бы... Но я желала бы найти уроки.

— На фортепьянахъ умѣете?

— Да. Учить читать, писать, ариѳметикѣ... французскій языкъ...

— И по-французски даже знаете?! удивился Кононовъ.—А вотъ мы грѣшные ни музыкѣ не умѣемъ, ни языковъ ни понимаемъ, а живемъ себѣ припѣваючи. Неучи мы темные, прибавилъ онъ иронически.—А вѣдь ничего: одѣты, сыты, все есть и кланяться никому не нужно, не пойдемъ просить о какой нибудь милости.

— Совсѣмъ напротивъ замѣтила его жена, тоже любившая иногда похвастаться, что она даже читать-то не умѣетъ, а вотъ же живетъ себѣ безпечально, въ шелку и соболяхъ ходитъ.—Совсѣмъ напротивъ: къ намъ же придутъ эти ученые, да поклонятся.

— Хе-хе-хе, опять засмѣялся честный хозяинъ.—Мы посмотримъ, посмотримъ, сударыня. Можетъ быть и подвернется что нибудь. Теперь вѣдь это мода начинаетъ появляться, чтобы барышни и музыкѣ умѣли и по-французски могли выговорить. Можетъ быть и подвернутся намъ эти модники. Я-то такихъ не знаю; а все же можетъ и придется натолкнуться. Это ничего, можно будетъ посмотрѣть.

— Пожалуйста, тихо проговорила Упадышева.—Я могу надѣяться почти на однихъ только васъ, единственно на васъ. Вы имѣете и знакомства и вліяніе. Все отъ васъ зависитъ... Все... Вы можете и поддержать меня и погубить. Вѣдь у меня впереди никакой надежды.

— Ну вотъ, охота вамъ о гибели говорить, подхватила внимательная хозяйка.—Что за гибель въ такіе годы молодые. Авось не долго ждать, еще свадьбу вашу увидимъ или услышимъ. Что за гибель такая.

— Хе-хе-хе, подхватилъ Кононовъ.—И то дѣло, и то легко можетъ статься...

Упадышева, блѣдная и молчаливая, безъ улыбки на губахъ, безъ блеска въ глазахъ, слушала эти шуточки и перебирала на колѣняхъ мокрый отъ слезъ платокъ. Хотятъ ли эти люди помочь ей или не хотятъ — ей какъ-то все равно было. На нее нашелъ одинъ изъ тѣхъ роковыхъ періодовъ, въ которые человѣкъ съ смертною усталостью въ сердцѣ складываетъ руки и отдается на волю обстоятельствъ. Куда бы не понесли они его, къ паденію ли, къ счастью ли, къ смерти ли,—ему все равно и онъ не подниметъ руки, чтобы противиться.

— Я не такой человѣкъ, чтобы погубить кого нибудь, заговорилъ Кононовъ.—Это ужь нѣтъ. Я уже пятой десятокъ живу на свѣтѣ, а никого не погубилъ и не ограбилъ. Я честный человѣкъ. Вы меня не знаете, а спросите кого хотите и всякъ, у кого есть совѣсть, скажетъ вамъ, что я честный человѣкъ, во всю свою жизнь не сдѣлалъ дурного дѣла.

Упадышева встала.

— Такъ я буду надѣяться, сказала она устало, опираясь рукой на спинку стула.

— Посмотримъ, посмотримъ; можетъ быть и подвернется намъ какой нибудь модникъ. Такъ мы его сейчасъ... Нынче мода появляется...

— Я вѣдь и дѣтей могу учить,—въ гимназію, напримѣръ, приготовить, вскользь замѣтила молодая женщина.

— Хорошо, хорошо, посмотримъ.

Онъ взялъ свѣчку, посвѣтилъ Упадышевой пройти до кухни и затѣмъ возвратившись къ своей супругѣ, началъ въ одушевленіи ходить по комнатѣ, потирая руки и дѣлая маленькіе торопливые шажки.

— Непремѣнно, непремѣнно, говорилъ онъ какъ будто про тебя.—Это вѣрно. Я эту барыню посажу въ свою игрушечную лавку прикащицей, громко сказалъ онъ, обращаясь къ женѣ.

— Опять ты за свою болтовню принялся, сухо проговорила она.

— Нѣтъ, непремѣнно, непремѣнно, повторилъ Кононовъ.— Жалованье ей большое положу, рублей тысячу въ годъ, одѣвать ее буду какъ куколку; нашу парадную половину отдѣлю ей, отдѣлаю тѣ комнаты, фортепьяно поставлю, картинъ навѣшаю. Ха-ха-ха!... залился онъ, усаживаясь на стулъ и подпрыгивая на немъ отъ смѣха.

— А ты сегодня ничего о ней не слышалъ? сухо и зловѣщимъ тономъ спросила его жена.

— Что такое? Нѣтъ, нѣтъ,—ничего; ничего не слышалъ.

Онъ вдругъ примолкъ, успокоился и приготовился слушать.

— Мнѣ Марья Алексѣевна говорила. Барынѣ-то этой, нынѣшней ночью, ворота хотѣли вымазать дегтемъ.

Честный хозяинъ отодвинулся отъ стола съ такимъ видомъ, какъ будто бы надъ его головой внезапно раздались потрясающіе перекаты тропическаго грома.

X.

На другой день рано утромъ, когда Упадышева пила чай, въ ея квартиру явились два новые субъекта. Одинъ высокій и здоровый мѣщанинъ съ плоскимъ жирнымъ лицемъ и тупыми глазами, напоминавшими глуповато-дикій взглядъ быка,—торговалъ книгами, всякими картинами, а также и готовымъ платьемъ. Другой маленькій, тощій человѣкъ съ плѣшивой головой и блѣднымъ спокойнымъ лицемъ,—повидимому занимался умственнымъ трудомъ, но на самомъ дѣлѣ скупалъ, дѣлалъ и продавалъ мебель Оба эти господина рекомендовали себя просто присланными какимъ-то маленькимъ, худенькимъ чиновничкомъ, который должно быть пьетъ немного, да и болѣнъ къ тому же.

— Изволите ѣхать куда нибудь? спросилъ мебельщикъ.

— Куда ѣхать? переспросила Упадышева, не понимая, о чемъ онъ говоритъ,—о переѣздѣ-ли на другую квартиру, о выѣздѣ-ли изъ города, или просто о прогулкѣ какой нибудь.

— Я къ тому спрашиваю, отвѣчалъ мебельщикъ спокойнымъ, тихимъ голосомъ,—что вы изволите вещи свои распродавать. Желаете, я полагаю, выѣхать изъ нашего города въ другіе края.

— О нѣтъ, нѣтъ.

— Квартиру перемѣняютъ, должно быть, замѣтилъ провинціальный книгопродавецъ и, увидавъ вѣроятно съ какого сорта и положенія человѣкомъ ему приходится имѣть дѣло, безъ церемоніи бросилъ на стулъ свою шапку и окинулъ опытнымъ взглядомъ предметы, относящіеся къ его спеціальности.

— Да, я наняла уже въ этомъ же домѣ комнату, простодушно отвѣчала Упадышева.

— Это не супругъ вашъ прислалъ-то насъ? спрашивалъ мебельщикъ, постукивая и повертывая кресло.

— Нѣтъ, мой мужъ недавно умеръ.

Книгопродавецъ кивнулъ про себя головой, какъ будто говоря самому себѣ, что онъ такъ и думалъ, и, заложивъ руки за спину, разставивъ ноги и склонивъ голову немного на бокъ, остановился передъ картиной.

— Пріѣзжіе должно быть? продолжалъ мебельщикъ, изчезая за спинкой дивана.

— Да, мы недавно сюда пріѣхали. Мой мужъ былъ механикомъ на фабрикѣ.

— Заниматься чѣмъ нибудь изволите?

— Нѣтъ, я еще не нашла себѣ занятія. Но ищу теперь. Чѣмъ нибудь нужно жить, прокормить себя и ребенка.

— Это вѣрно, сказалъ мебельщикъ и съ прежнимъ спокойствіемъ остановился посреди комнаты, перебирая въ рукахъ картузъ. Должно быть онъ уже и мебель осмотрѣлъ, и опредѣлилъ сумму, которой должна была довольствоваться женщина очевидно нуждающаяся въ деньгахъ, и барыши высчиталъ.

— Что же вы скажете? спросила Упадышева.

— Четыре рубли-съ, сказалъ мебельщикъ, равнодушно смотря куда-то въ уголъ.

— Какъ? Сколько вы сказали?.. оторопѣвъ, переспросила Упадышева.

— Четыре съ полтиной, такъ и много будетъ.

Книгопродавецъ съ какимъ-то тупымъ удивленіемъ разсматривалъ съ ногъ до головы своего собрата. Должно быть ему и смѣшно было, что точно какая комедія передъ нимъ разыгрывается, и чудно было, что человѣкъ назначаетъ какую-то смѣховатую сумму, а самъ хоть бы пошевелился, хоть бы бровью повелъ.

— Послушайте, сказала Упадышева.—На чей счетъ вы хотите наживаться? На счетъ женщины, попавшей въ чужой городъ и на счетъ ребенка. На счетъ женщины, которая и не знаетъ, чѣмъ она будетъ жить черезъ недѣлю.

— Четыре съ полтиной. Больше нельзя, сказалъ мебельщикъ, равнодушно пощупавъ диванъ.

Упадышева пристально посмотрѣла въ его желтое лицо, какъ будто все еще думая, не шутитъ ли онъ съ нею, и ничего не прочитавъ въ его свинцовыхъ глазахъ, задумчиво прошлась по комнатѣ. Она какъ-то потерялась и совсѣмъ не знала, что ей дѣлать,—попросить ли ей этого господина уйти, продолжать ли говорить съ нимъ или безъ всякихъ разговоровъ уступить ему.

— Картина-то вѣдь русской работы, заговорилъ въ свою очередь книгопродавецъ, снявъ картину, изображавшую маленькій уголокъ какой-то сѣренькой и бѣдной русской мѣстности съ чахлымъ лѣскомъ, пересохшей рѣчкой и стадомъ тощихъ, больныхъ коровъ, на спинѣ одной изъ которыхъ пріютилась какая-то птица и завтракала.

— Да, русской.

— Ежели картина заграничной работы, объяснялъ мѣщанинъ, разсматривая на свѣтъ плоскость картины,—такъ этотъ верхъ-то ель, что твое зеркало блеститъ; хоть смотрись. А вотъ этакая, русской работы, такъ съ виду-то она какъ бы и ничего; а съ боку-то взглянуть, такъ она грязь грязью, точно ее въ грязи вымачкали. Неважная работа, рѣшилъ онъ, отступивъ отъ картины.

Упадышева молча смотрѣла на него и слушала съ грустноватой усмѣшкой. Ей какъ будто и смѣшно было; но смѣхъ этотъ былъ грустный, тяжелый, больной смѣхъ. Точно ее мучили, пытали и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ эти мучители были такъ комичны, что не было возможности не засмѣяться.

— Ежели бы тутъ да сраженіе изобразить или, знаете, боговъ этихъ старыхъ женскаго пола, такъ картина бы вышла важна, продолжалъ мѣщанинъ.—А то вѣдь и взглянуть не на что... Полюбоваться нечѣмъ.

— А книги вы смотрѣли?

— Видѣлъ. Другихъ нѣтъ у васъ?

— Нѣтъ... А что?

— Да то, что не подходящія намъ эти книги. Если бы да романсы, — такъ хорошо, взялъ бы съ удовольствіемъ. А то журналы, да книги заграничныя. Когда-то еще встрѣтишь такого человѣка, чтобы могъ понять по тамошнему. Ихъ на вѣсъ развѣ. На вѣсъ можно купить, это можно... А вы думали какъ? Сто тысячь стоятъ?

Упадышева апатично смотрѣла въ окно·

— Платье вы во сколько цѣните? спросила она какъ будто не о томъ думая.

— Платье-то? равнодушно отвѣчалъ книгопродавецъ. Старенькое вѣдь оно.

— Какъ старое? съ удивленіемъ спросила она.

— Ношеное. Сюртучная пара еще туда сюда.

— Еще бы, она всего одинъ разъ была надѣта, насмѣшливо сказала Упадышева.

— Мы этого не знаемъ, грубо возразилъ мѣщанинъ.—Можетъ быть и сто одинъ. За все-то платье можно дать десять рублей.

— Можетъ быть, вы хотите сказать пятьдесятъ? холодно спросила она.

— Фю-фю! свиснулъ мѣщанинъ, повернувшись къ ней спиною.—Во-какъ! крикнулъ онъ своему собрату. Деньги-то любитъ!

— Хе-хе-хе, отвѣчалъ мебельщикъ и затѣмъ сейчасъ же опять принялъ свой спокойно-задумчивый видъ.

— Вы знаете-ли что оно стоило? спросила Упадышева.

— Мало-ли что было, да стопло. Было да сплыло. Было время, что мы возьмемъ себѣ книжку въ руки, да и усядемся въ этакомъ диванчикѣ, да и знать себѣ ничего не хотимъ, злобно заговорилъ мѣщанинъ, точно она его смертельно обидѣла и развалился на диванъ, показывая, какъ она, бывало

книжку читала.—Было да сплыло. Теперь мы книжки-то продадимъ, диванчикъ-то продадимъ, платье-то продадимъ... Мало ли что было и чего стоило...

Упадышева, не сказавъ ни слова, вышла изъ комнаты. Она пошла къ хозяйкѣ и попросила ее продать вещи. Сама же она, сказала молодая женщина, чувствуетъ себя очень нехорошо и едва стоитъ на ногахъ. Она не преувеличивала, когда говорила это: голова ея кружилась, лицо было блѣдно какъ полотно, руки холодны.

Она ушла въ свою новую квартиру, небольшую, низенькую комнату въ два окна, выходившіе на широкій дворъ, поросшій травой. Мебель и вещи, которыя Упадышева оставляла у себя, были еще раннимъ утромъ перенесены сюда. Ребенокъ немного простудился вчера во время своего путешествія къ фабриканту Власову и спалъ теперь на кровати. Молодая мать постояла надъ нимъ, вздохнула и потомъ прилегла лицомъ къ подушкѣ, окруживъ руками свою больную голову. Она не думала ни о чемъ, не было у нея ни мысли, ни безмолвныхъ жалобъ, ни молчаливыхъ проклятій, ни внутреннихъ слезъ, — но какъ въ безпорядочномъ, прерывающемся снѣ мелькали передъ нею лица и фигуры Шестакова, Власова, Кононова съ его супругой, книгопродавца съ дикими бычачьими глазами и мебельщика съ неподвижнымъ деревяннымъ лицомъ; мелькали передъ нею отрывки сценъ съ этими людьми; слышался ихъ обидный смѣхъ, раздавались ихъ грубыя слова. И какое подавляющее, фантастическое дѣйствіе оказывали на нее эти видѣнія. Трепетъ пробѣгалъ по ея тѣлу, тоска, смертная тоска сжимала ея сердце. Ей казалось, что какъ будто она въ лѣсу, въ темномъ, мрачномъ лѣсу, что за ней идетъ охота, и всѣ, кто не увидитъ ее, всѣ смотрятъ на нее какъ на добычу, — одни хотятъ овладѣть ею, другіе стремятся отнять у нея все, что она имѣетъ, ограбить ее, третьи хотятъ позабавиться надъ ней.

Она приподнялась, выпила немного воды и опять прилегла лицомъ къ подушкѣ. Да, идетъ охота. Почему-то припомнился ей Шестаковъ, послѣднее свиданіе съ нимъ, рѣчи его, его предложеніе, но вспомнила она обо всемъ этомъ безъ всякого гнѣва, безъ волненія, а такъ спокойно, какъ будто она не о

себѣ думала. И дѣйствительно она думала о другихъ. Какъ много тѣхъ женщинъ, которыхъ называютъ безчестными и погибшими, но кто знаетъ, не пришлось ли имъ принять на свое сердце обидъ, ранъ и оскорбленій во сто разъ горшихъ, чѣмъ приняла она? Что же мудренаго, что онѣ предоставили называться честными тѣмъ людямъ, которые богаче и сильнѣе ихъ, а сами съ смертнымъ отчаяніемъ въ сердцѣ сложили свои безсильныя руки и предоставили жизни нести ихъ куда она хочетъ? Она удивлялась, какъ это все ясно. Какъ много молодыхъ и прекрасныхъ, и умныхъ созданій продаютъ цвѣтъ своей юности, свои лучшіе годы, всю свою многообѣщавшую жизнь, — продаютъ старымъ, отжившимъ, грязнымъ богачамъ, и тѣмъ возбуждаютъ вопли честныхъ людей; но знаетъ ли кто, — эти готовыя погибнуть молодыя созданія не вглядывались ли съ мольбой и съ надеждой въ окружающій ихъ житейскій базаръ и не испугали ли ихъ, и не разбили ли ихъ надежды, не заставили ли ихъ, слабыхъ, бѣдныхъ и неопытныхъ, сложить руки, не озлобили ли ихъ дѣятели, торгаши и честные Кононовы, толпящіеся на этомъ базарѣ? Какъ понятно для нея, что человѣкъ можетъ сложить свои безсильныя руки и отдаться волѣ могучей жизни, пускай она дѣлаетъ съ нимъ, что хочетъ. Утопающій напрягаетъ всю силу своихъ мускуловъ, чтобы добраться до берега, но настаетъ минута, роковая минута, когда онъ не хочетъ больше шевельнуть усталой рукой,— пускай вода покрываетъ его, пускай рѣка несетъ его куда хочетъ, — ему все равно, — ему нуженъ только покой и ничего, ничего больше... Она понимаетъ это.

Вдругъ она какъ будто испугалась: зачѣмъ это, почему все это пришло ей въ голову. Неужели эта роковая минута такъ близка для нея? Такъ скоро? Нѣтъ, не можетъ быть.

— Что это какой вздоръ мнѣ думается! подумала она, какъ будто очнувшись отъ дремоты.

Потомъ она вспомнила о Починковѣ. Онъ какъ будто живой явился передъ нею съ своимъ блѣднымъ, худымъ лицомъ, съ горящими, задумчивыми глазами и началъ разсказывать ей полуфантастическую исторію своей жизни. Потомъ онъ говорилъ ей о своей любви, и ясно видѣла она его смущенный, задум-

чивый, любящій взглядъ, и легче ей стало, даже улыбнулась она сквозь сонъ.

Она заснула.

И видѣлся ей сонъ. Она еще почти ребенокъ, худенькая, маленькая дѣвочка съ застѣнчивымъ взглядомъ и съ дѣтскими рученками, которыя вѣчно въ чернилахъ. Лѣтнее, тихое утро. Солнце играетъ на желѣзныхъ кровляхъ, на листьяхъ свѣсившихся черезъ заборы деревьевъ, на травѣ, смѣло вылѣзшей около тротуара на улицѣ. Она идетъ въ школу. Въ рукахъ у нея завязанныя въ платокъ книги, и она весело потряхиваетъ ими, потому что ей весело. И какъ не быть весело, когда воздухъ свѣжъ и ароматенъ, когда солнце играетъ на каждомъ камнѣ, когда все смотритъ бодрымъ, ласковымъ и даже лошади ржатъ какъ-то особенно весело. Но вдругъ — точно какая-то струна со стономъ обрывается въ ней. Отчаянно и жалобно проносится въ воздухѣ зловѣще-потрясающій визгъ собаки.

И вотъ передъ ней ползетъ по землѣ это бѣдное животное съ жалобными, точно слезами наполненными, молящими глазами. Задъ у ней отшибенъ, заднія ноги отшибены; она идетъ передними ногами, высоко поднявъ морду съ молящими, плачущими глазами, а задъ волочится за нею по землѣ. Она уже не визжитъ. Должно быть она уже давно изуродована. Но, странно, откуда же этотъ надрывающій душу визгъ пронесся въ воздухѣ? Странно, странно... Собрался народъ, — кучера, чиновники, кухарки, купцы, — стали кругомъ собаки, смотрятъ съ недоумѣніемъ, вытягиваютъ шею и наконецъ разражаются потрясающимъ, громовымъ хохотомъ.

— Это получше будетъ обезьяны!

— Комедь!

— Надо ей денегъ накидать!

— Водки поднести! ха-ха-ха!

Боже! Чему они смѣются? съ ужасомъ думаетъ дѣвочка. На всѣхъ смотритъ собака своими молящими, плачущими глазами. Наконецъ обращаются ея страдальческіе глаза на дѣвочку, и она заливается горькими, жгучими, тихими слезами.

Упадышева проснулась. Подушка была влажна. Поднесла она руку къ глазамъ, — глаза полны слезъ.

XI.

Простудилась ли Упадышева во время своихъ путешествій къ Власову и Кононову, слишкомъ ли потрясли ее происшествія и сцены двухъ послѣднихъ дней, — во всякомъ случаѣ къ вечеру того дня, въ который происходила продажа ея имущества, она почувствовала себя уже очень нездоровой. На другое утро ей стало немного получше, слѣдующій день принесъ съ собой еще небольшее облегченіе, но на этомъ дѣло и кончилось, и нездоровье установилось надолго. Недѣли двѣ чувствовала она себя слабой, безсильной, — какъ будто кто избилъ ее всю. Никуда она не выходила, да и куда было идти ей? Къ кому? Одинъ разъ она подумала правда, что ей можетъ быть слѣдовало бы сходить къ Кононовымъ, чтобы напомнить о себѣ и о своей просьбѣ, но уже одна эта мысль навела на нее такую тоску, что Упадышева рада бы была, если бы подобныя воспоминанія никогда больше не посѣщали ее. У нея изрѣдка, не надолго бывалъ Карповъ, да еще каждый день приходила хозяйка. Карповъ по прежнему былъ пасмуренъ и скученъ. Въ началѣ каждаго своего посѣщенія онъ смотрѣлъ какимъ-то обрадованнымъ, точно онъ цѣлый годъ не видалъ Упадышеву, — въ словахъ и во взглядѣ его проглядывала какая-то грустная нѣжность,—но потомъ понемногу все больше и больше овладѣвала имъ глубокая апатія. Казалось иногда, что весь міръ, вся жизнь были скучны и противны ему, — что онъ приходитъ сюда, въ эту маленькую комнату, чтобы хоть немного отдохнуть здѣсь сердцемъ, а въ концѣ концевъ выходитъ отсюда еще больше опечаленный и даже какъ будто еще больше озлобленный? За то хозяйка, та самая крикливая, массивная, но въ сущности добрая баба, которая такъ возмущалась по поводу извѣстнаго покушенія вымазать дегтемъ калитку Упадышевой,—она безпрестанно угощала свою горевавшую жиличку чаемъ и пирогами, безпрестанно заглядывала къ

ней съ утѣшеніями, съ ободреніями, съ приглашеніями не унывать, а надѣяться и по цѣлымъ часамъ развлекала ее неумолкаемой болтовней. Эта массивная баба принимала самое горячее участіе въ судьбѣ молодой женщины, хотя, послѣ упомянутаго покушенія, не совсѣмъ вѣрила въ чистоту ея нравственности. Я думаю даже, что если бы на другое утро послѣ достопамятной встрѣчи между пьянымъ отставнымъ солдатомъ и неизвѣстнымъ человѣкомъ съ кадочкой дегтя и мазилкой, калитка оказалась бы вымазанной,—то эта самая добрая женщина непремѣнно выгнала бы изъ своего дома мою героиню, выгнала бы ее съ позоромъ, крикомъ и бранью. Очень можетъ быть, что это обстоятельство довольно съ печальной стороны рекомендуетъ читателю умъ и характеръ этой доброй особы, но, чего вы хотите читатель? Говоря откровенно, мы, бывавшіе въ разныхъ воспитательныхъ учрежденіяхъ, читавшіе кое-какія книжки, высказывавшіе нѣкоторыя либеральныя сужденія, однимъ словомъ цивилизованные до нѣкоторой степени, — мы врядъ ли далеко ушли отъ этой добродушной бабы. Вы какъ думаете? Мнѣ все кажется, что между нашими знакомыми есть такіе люди, въ чистоту нравственности которыхъ мы также мало вѣримъ, какъ мало вѣрила хозяйка Упадышевой въ нравственность своей жилички,—и однако же мы привѣтливо улыбаемся этимъ людямъ, жмемъ ихъ руки и повѣряемъ этимъ людямъ нѣкоторыя изъ своихъ тайнъ, радостей или печалей. Мы можемъ даже быть увѣрены, что знакомые, о которыхъ идетъ рѣчь, украли гдѣ нибудь и что нибудь, обманули кого нибудь, вообще нарушили обязанности честнаго человѣка и однако же, мы до нѣкотораго времени остаемся прежними хорошими знакомыми этихъ людей. Я говорю до нѣкотораго времени. Представьте же себѣ, что всѣ злодѣянія, содѣланныя этими нашими знакомыми, въ одно прекрасное утро выйдутъ на свѣтъ божій и подвергнутся всеобщему глумленію. Хуже ли сдѣлаются послѣ этого наши знакомые? Нисколько; можетъ быть, что къ этому несчастному дню они даже поправились нѣсколько, покаялись и очистились,—и однако же, я увѣренъ, мы выгонимъ ихъ изъ своего дома, выгонимъ съ позоромъ и гнѣвомъ.

Упадышева была даже рада частымъ посѣщеніямъ хозяйки,

потому что ея трескучая и бойкая болтовня разгоняла невеселыя мысли и печальныя картины, не перестававшія посѣщать мою героиню. Она слушала и работала. Хозяйка достала ей и работу. Какой-то старый холостякъ, не успѣвшій обзавестись старухой, или бабой, или женой, кому какъ угодно, вздумалъ сшить себѣ бѣлье и эта-то работа черезъ посредство всезнающей хозяйки досталась Упадышевой. Работа была долгая, кропотливая и неблагодарная, но молодая женщина разсудила, что все-таки лучше заработать хоть что нибудь, чѣмъ сидѣть сложа руки и надѣяться на будущее.

Одинъ разъ утромъ, когда она сидѣла у окна, дошивала бѣлье стараго холостяка и въ полголоса напѣвала что-то, опять-таки затѣмъ, чтобы отогнать своего злого духа, тревожившаго ее напоминаніями о будущемъ,—дверь въ ея комнату немного пріотворилась. Показалась какая-то всклоченная голова и грязное, небритое, пьяное лицо. Затѣмъ еще пріотворилась дверь, голова подалась впередъ и передъ Упадышевой явилась во весь ростъ человѣческая грязная фигура въ халатѣ, въ калошахъ на босую ногу и съ чиновничьей фуражкой въ рукѣ. Упадышева невольно отскочила въ уголъ.

— Не безпокойтесь, сударыня, съ полнымъ достоинствомъ и тихо произнесъ посѣтитель.—Зная вашу доброту и видя вашу ангельскую красоту, осмѣлюсь обратиться къ вашему сердцу. Одолжите мнѣ пятачекъ на нѣкоторое время.

Изъ-за его спины показалось встревоженное лицо хозяйки и усердно моргало, мигало, кивало Упадышевой.—Она поняла наконецъ, что нужно было исполнить просьбу вѣжливаго посѣтителя.

— Очень, очень вамъ благодаренъ, сказалъ онъ, прижимая руку къ сердцу.—Очень бы желалъ выразить вамъ мои чувства и прикоснуться губами къ ручкѣ вашей..,

— Ну, ну, батюшка, съ Богомъ,—некогда, прервала хозяйка.—На, цѣлуй мою, коли хочешь, и проходи себѣ, не мѣшай.

Незнакомецъ съ достоинствомъ посмотрѣлъ на ея протянутую руку, раскланялся Упадышевой, шаркнувъ своими калошами, и удалился.

— И какъ только онъ попалъ сюда, сердито заворчала хо-

зяйка.—Вотъ и унесъ пятакъ. А не дай ему,—такъ онъ скинетъ передъ окнами свой халатишко, повѣситъ его на руку, да и учнетъ плясать. Подъ халатишкомъ-то у него какая одежа?.. своя кожа... Тьфу...

Посѣтитель между тѣмъ остановился передъ окномъ Упадышевой и началъ раскланиваться, съ чувствомъ прижимая руку къ тому мѣсту халата, которое прикрывало его сердце. Въ эту же минуту появился откуда-то невысокій, широкоплечій, довольно прилично одѣтый господинъ, въ сѣрой пуховой шляпѣ. Онъ хлопнулъ мимоходомъ пьяненькаго человѣка по согнутой спинѣ, нахлобучилъ ему на голову его измятую фуражку съ кокардой, толкнулъ его въ сторону и затѣмъ оба они удалились. Грѣшный пьяненькій человѣкъ, какъ видно, направился послѣ этого толчка прямо къ калиткѣ, а вновь пришедшій господинъ поднялся на крыльце.

— А что Упадышева, Елена Павловна здѣсь живетъ? раздался изъ кухни его громкій голосъ.

Упадышева вздрогнула и поспѣшно отворила дверь своей комнаты. Кто это? Что ему нужно? Неужели наконецъ нашлось что нибудь!

— Это вы и есть Елена Павловна? спросилъ гость, поклонившись и входя въ ея комнату.—А я къ вамъ отъ Карпова. Онъ меня прислалъ... Я здѣшній помѣщикъ Трофимовъ... Василій Яковлевичъ, если полюбопытствуете, прибавилъ онъ усмѣхнувшись.

Ему было лѣтъ подъ сорокъ. Лицо у него было довольно красивое, широкое русское лицо съ маленькой русой бородой, небольшими русыми усами, прямымъ носомъ и голубыми глазами, не злыми, не глупыми, но какими-то равнодушными, сонными и немного припухшими. Казалось, что онъ привыкъ вращаться въ неособенно изящномъ обществѣ. Накрахмаленная манишка очевидно стѣсняла его, потому что онъ то и дѣло вытягивалъ шею или поводилъ подбородкомъ снизу вверхъ, точно стараясь вылѣзти изъ своего воротничка. Очень вѣроятно, что онъ привыкъ носить ситцевыя рубашки съ разными затѣйливыми цвѣточками. Галстукъ его, завязанный какъ видно непривычной рукой, свернулся въ какой-то жгутъ и полуразвязался.

Церемонно и прилично сидѣть на стулѣ онъ тоже не привыкъ, потому что безпрестанно пересаживался на другой манеръ, вытягивалъ ноги во всю ихъ длину, облокачивался то на спинку стула, то на близъ стоящій предметъ и вообще старался отыскать какъ можно больше точекъ опоры для своего тучнаго тѣла.

— Очень пріятно познакомиться, заговорилъ онъ, усѣвшись на стулъ и разсматривая Упадышеву тѣмъ внимательно-любопытнымъ взглядомъ, какимъ наслаждающіеся жизнью люди обыкновенно оцѣниваютъ красивую женщину.

Впрочемъ я теперь же могу сказать, что моя героиня вовсе не понравилась ему. Идеаломъ женской красоты была для него круглолицая русская баба или дѣвушка съ пышными формами, румяными круглыми щеками, и притомъ неумѣющая ни читать' ни писать, ни разсуждать о серьезныхъ предметахъ.

— Вашъ пріятель Карповъ мнѣ сказывалъ, продолжалъ онъ,— что вы желаете въ учительницы поступить. Вотъ обучите-ка вы моихъ дѣвокъ.

— Кого вы говорите? переспросила Упадышева.

— Обучить-то? А у меня двѣ дочки есть. Не то чтобы маленькія, а ужь изрядныя дѣвки. Одной, должно быть, пятнадцатый уже идетъ; а другой и всѣ семнадцать, пожалуй. Вотъ ихъ-то и надо бы пообтесать. На фортепьяно бы... Плясать чтобы умѣли... Ну и еще что нибудь. По-французски что ли.

Во время этого объясненія онъ обратилъ свое вниманіе на Сережу. Ребенокъ спрятался за мать. Гость протянулъ къ нему свою руку. Сережа еще дальше отодвинулся. Гость потянулся за нимъ. Тогда Сережа заплакалъ, а гость засмѣялся и прекратилъ свою забаву.

— Э-э, э-э! заговорилъ онъ.—Этакой большой человѣкъ, а плачетъ. Э-э, э-э! Ну, будетъ плакать. Ну, будетъ. Такъ какъ же? равнодушно обратился онъ къ Упадышевой.—Приходите-ка завтра къ намъ. Тамъ вы и условитесь съ моей супружницей... А?

— Хорошо, я приду, отвѣчала она.

— Ну, и дѣло въ шляпѣ, замѣтилъ онъ отправляясь въ карманъ.

Долго шарилъ онъ тамъ, пригнувъ на бокъ голову и равнодушно уставившись на ребенка, и наконецъ вытащилъ пукъ засаленныхъ, смятыхъ въ комокъ ассигнацій.

— Экъ ихъ, экъ ихъ;—неравно выпадутъ, пробормоталъ онъ и сунулъ ихъ туда же.

Порылся онъ въ другомъ карманѣ, вытащилъ горсть спичекъ перемѣшанныхъ со всякимъ соромъ, выложилъ все это на столъ и затѣмъ отправился въ задній карманъ, вытянувъ на этотъ разъ свою голову кверху и разсматривая что-то въ голубомъ небѣ. Наконецъ его поиски увѣнчались успѣхомъ и онъ вынулъ пачку смятыхъ и переломанныхъ папиросъ. Съ тѣмъ же, вѣроятно никогда не покидавшимъ его лица, сонным равнодушіемъ мотнулъ онъ головой, закурилъ наиболѣе сохранившуюся папиросу, а остальныя сложилъ туда же, къ спичкамъ, — на столъ.

— А съ Карповымъ-то вы давно знакомы? спросилъ онъ затянувшись и начиная опять отыскивать опоры для своего локтя.

— Нѣтъ, я недавно. Онъ былъ товарищемъ моего мужа по гимназіи. Мы пріѣхали сюда только этой зимой...

— Да. мнѣ Карповъ говорилъ что-то, какъ-то безсмысленно прервалъ ее Василій Яковлевичъ. — А чудакъ онъ, этотъ Карповъ. За то я и полюбилъ его, что онъ чудакъ: и теперь я готовъ сдѣлать для него все, что онъ ни попроситъ. И ученый онъ должно быть. Ой-ой ученый. А главное дѣло—чудакъ. Маленькій этакой, щедушный, мизерный, а, подите-ко, какой храбрый. Этто я его на улицѣ встрѣтилъ. «Куда, говорю, отправился?»—Домой, говоритъ. «Пойдешь, говорю, выпьешь».—Нѣтъ, говоритъ не пойду. «Пойдешь, говорю.»—Не пойду. «Такъ не пойдешь, спрашиваю.»—Нѣтъ. «Ну, говорю, такъ прощай.» Прощай, говоритъ. Взялъ я его за руку, потрясъ ее, да и повелъ его за собой. Видѣли, я думаю, какъ мужики водятъ коровъ за рога? Такъ и я его повелъ. Онъ упирается, бранится, рвется, а я иду себѣ, точно муха у меня за плечами жужжитъ. Такъ я и провелъ его съ версту и привелъ куда слѣдуетъ. Этакой вѣдь мизерный,—м-муха, одно слово. А храбрый, и ежели выпивши немного, начнетъ говорить, такъ только слушай, да разводи руками .. Потѣха...

Тутъ онъ опять было обратился къ ребенку, все время не сводившему съ него испуганныхъ, широко раскрытыхъ глазъ.

— Очень, очень онъ мнѣ полюбился, комедьянтъ этакой, прибавилъ онъ вдругъ, оставивъ Сережу и какъ будто вспомнивъ что-то, что онъ хотѣлъ высказать и не договорилъ.—Какъ только я услышалъ отъ него о васъ-то, что вы мѣста ищите,—такъ и порѣшилъ, что васъ найму.

Онъ швырнулъ папиросу на полъ, плюнулъ и лѣниво поднялся.

— Ну-съ... до пріятнаго свиданья...

— А адресъ вашъ? спросила Упадышева.

— Да, адресъ-то, вспомнилъ онъ, повернувшись въ дверяхъ и лѣниво прислонившись плечомъ къ косяку.—Да какой адресъ? Трофимова домъ у церкви Предтечи,—вотъ и все. Ну и прощайте покудова.

XII.

Нельзя сказать, чтобы этотъ господинъ произвелъ на Упадышеву очень благопріятное впечатлѣніе; но я думаю, что если бы онъ былъ и еще хуже, то она все-таки не могла бы въ первое время смотрѣть на него безъ нѣкотораго пристрастія и не судила бы его очень строго. Она видѣла, что этотъ человѣкъ грубъ, неразвитъ и живетъ единственно трактирною жизнью,—но онъ являлся ея спасителемъ. Она почти убѣждена была, что онъ безсердеченъ, можетъ любить и уважать одного только себя самого, способенъ оскорбить и унизить человѣка, безъ всякаго угрызенія совѣсти съ своей стороны и изъ одного того только, чтобы доставить себѣ минутное удовольствіе или развлеченіе, — но все-таки этотъ безсердечный и грязноватый господинъ являлся ея спасителемъ, отгонялъ отъ нея ея злаго духа съ его зловѣщимъ шепотомъ о будущемъ, давалъ ей безмятежно наслаждаться свѣтомъ лѣтняго солнца, ароматомъ лѣтнихъ цвѣтовъ и тихимъ шумомъ деревьевъ. До появленія этого человѣка не было у нея ни наслажденій, ни

мечтаній, ни свѣтлыхъ надеждъ. Когда же онъ пришелъ къ ней, тогда она опять начала мечтать и надѣяться, опять нашла въ себѣ способность наслаждаться блескомъ и шумомъ рѣки или сіяніемъ звѣзднаго лѣтняго неба. И она была благодарна этому, неожиданно явившемуся для ея спасенія, человѣку, и не могла безпристрастно и внимательно всматриваться въ его далеко не блестящій образъ, въ его не всегда деликатные поступки и рѣчи. Такъ-то закупаетъ бѣдствующаго человѣка первый, хотя бы низкій и грязный субъектъ, которому почему бы то ни было приходится сдѣлаться подпорой и якоремъ спасенія для этого бѣдствующаго человѣка.

На другой день послѣ посѣщенія Трофимова, Упадышева видѣлась съ его женой. Это была высокая, какъ видно очень красивая прежде, но теперь блѣдная, желтая, страшно худая и больная женщина съ какими-то странными полуидіотскими глазами, въ которыхъ чрезвычайно ярко и поразительно смѣшивались и вѣчный испугъ, и нерѣшительность, и удивительная тревожная подозрительность.

Особенно преобладала въ этихъ полуидіотскихъ глазахъ послѣдняя,—боязливая, глупая, часто болѣзненная раздражительность, сказывавшаяся кромѣ того въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи и взглядѣ этой женщины. Казалось, что она постоянно воображаетъ себя среди хитрыхъ и далеко превосходящихъ ее въ умѣ и въ силѣ—враговъ, которые ежеминутно готовы напасть на нее, обмануть, предать поруганію ея лучшія чувства и затѣмъ насмѣяться надъ ея безсиліемъ. Какъ видно она и въ Упадышевой заподозрила одного изъ этихъ враговъ, потому что долго не рѣшалась взять ее въ учительницы, какъ-то пугливо и вмѣстѣ съ тѣмъ напряженно всматривалась въ ея лицо, вслушивалась въ каждое ея слово, распрашивала о прошлой ея жизни, качала головой, охала и видимо терзалась внутренно, чувствуя себя безсильной проникнуть злыя намѣренія, чудившіяся ей въ этой повидимому кроткой и несчастной просительницѣ. Наконецъ она уступила просьбамъ Упадышевой и съ безнадежною покорностью судьбѣ заключила условіе. Впрочемъ эта бѣдная больная женщина все-таки попыталась оградить себя и пообѣщала Упадышевой, что если она

будетъ вести себя добросовѣстно, какъ слѣдуетъ доброй матери, то сверхъ ежемѣсячнаго жалованья въ десять рублей будетъ получать каждый мѣсяцъ хорошіе и цѣнные подарки.

— Ну, что же вы не скажете,—какъ вы находите нашего патрона и его семейство? спросилъ однажды Карповъ.

Въ это время прошло уже около недѣли съ того дня, какъ моя героиня осуществила наконецъ свою мечту и сдѣлалась учительницей.

— Нѣтъ; подождите еще немного, отвѣчала Упадышева серьезно и задумчиво.—Въ этомъ семействѣ какая-то ужасная драма. Подождите еще немного... Дайте мнѣ поглубже заглянуть въ этотъ... адъ этотъ, закончила она.

Когда она говорила такимъ образомъ объ ужасной драмѣ,—то вовсе не имѣла въ виду своихъ ученицъ. Обѣ онѣ были здоровыя, толстыя дѣвушки, ѣли какъ лошади, любили наряды, сидѣли у окна, съ нетерпѣніемъ ожидали появленія жениховъ и вообще ни своей жизнью, ни своими жирными фигурами ничего драматическаго не представляли. Говоря такимъ образомъ объ ужасной драмѣ, Упадышева думала о матери этихъ дѣвицъ.

— Боже мой, Боже мой, говорила черезъ нѣсколько дней моя героиня, обращаясь къ Карпову, задумчиво ходившему взадъ и впередъ по ея маленькой комнатѣ.—Какъ же однако скверно и скучно жить на свѣтѣ...

Карповъ пріостановился немного и съ недоумѣніемъ ждалъ что будетъ дальше.

— Да, нехорошо, пробормоталъ онъ.

— Я никогда не ожидала встрѣтить много хорошаго, продолжала она. Но я надѣялась все-таки, что въ каждомъ человѣкѣ, въ каждомъ даже отпѣтомъ человѣкѣ можно добрымъ словомъ вызвать что нибудь доброе. Я никогда не думала, что бы гдѣ нибудь на каждомъ шагу можно было встрѣтить только такихъ людей, у которыхъ ничего, ничего не осталось человѣческаго.

— Ну, это вы ужъ черезчуръ, вполголоса замѣтилъ Карповъ.—Врядъ ли можно найти такого человѣка, у котораго не осталось ничего человѣческаго. Врядъ ли.

— Вы думаете? Ну, да я не буду спорить объ этомъ. Мо-

жетъ быть вы и правы. Только я все-таки думаю въ такомъ случаѣ, что до сердца этихъ людей добраться такъ трудно, такъ трудно, что нужно для этого какой нибудь сверхъестественный, выходящій изъ ряду вонъ случай... Нужно какую нибудь особенную силу...

Карповъ ничего не отвѣчалъ.

— Много ли я жила здѣсь, предоставленная самой себѣ, продолжала она, а я часто подумывала, что лучше умереть, чѣмъ такъ жить. И если ужь хочется жить и непремѣнно нужно жить, то... лучше въ лѣсу жить, чѣмъ здѣсь...

Въ ея голосѣ слышались слезы и сдерживаемыя рыданія.

Ея собесѣдникъ сдѣлалъ невольное движеніе, какъ будто желая избавиться отъ внезапной боли.

— Теперь я невольно вспоминаю одинъ случай, продолжала она.—Одинъ разъ вечеромъ, года два назадъ, мужъ мой читалъ про себя стихотворенія Гейне. Онъ читалъ все время спокойно, иногда перечитывая для меня вслухъ тѣ мѣста, которыя ему особенно нравились. Но особеннаго волненія я не замѣчала въ немъ. Потомъ вдругъ онъ какъ будто притаилъ дыханіе и впился въ книгу. Слѣдующую страницу онъ перевернулъ съ какою-то лихорадочною поспѣшностью. Затѣмъ онъ задумался, опустилъ голову; послѣ того началъ ходить по комнатѣ, вздохнулъ раза два и, самъ не замѣчая того, все ломалъ и стискивалъ свои пальцы. Я замѣтила страницу, на которой была раскрыта книга. Потомъ я прочла на ней вотъ что:

Смерть меня кличетъ, моя дорогая...
О, для чего, умирая,
О, для чего умирая любя,
Я не въ лѣсу покидаю тебя,
Въ темномъ лѣсу, гдѣ погибель таится
Неотразимо грозна...

Затѣмъ въ этомъ стихотвореніи развивалась картина, что лучше бы оставить любимую, безсильную женщину въ лѣсу, чѣмъ въ людскомъ обществѣ. Теперь я поняла это.

Она замолчала. Карповъ тоже молчалъ.

— Я увѣрена, что меня не оставятъ долго на моемъ теперешнемъ мѣстѣ, опять заговорила Упадышева послѣ долгаго

молчанья.—Хорошо будетъ, если я продержусь на немъ хоть до конца мѣсяца. Что же потомъ будетъ? Опять тоже? Нѣтъ, вѣроятно еще хуже. Я боюсь, что эти люди разыграютъ со мной какую нибудь нехорошую исторію, которая можетъ мнѣ повредить.

— Ахъ, какъ все это гадко... Убилъ бы кого нибудь, что ли, порывисто и раздражительно пробормоталъ Карповъ.

— Зачѣмъ?

Онъ ничего не отвѣчалъ. Опять наступила тишина въ комнатѣ.

— Что за человѣкъ этотъ Трофимовъ? спросила потомъ Упадышева.

— Онъ здѣшній помѣщикъ. Впрочемъ, я не знаю, есть ли у него теперь земля. Вотъ уже года два какъ онъ занимается спеціально кабаками. Онъ говоритъ, что по деревнямъ у него есть около пятнадцати кабаковъ. О земледѣліи же онъ что-то не упоминаетъ, все также вполголоса, отрывисто и неохотно, отвѣчалъ Карповъ.

— Ну да,—а самъ по себѣ что онъ такое?

— Самъ по себѣ этотъ господинъ—какое-то странное соединеніе практическаго, какъ видите, человѣка съ широкой натурой, которая не укладывается въ рамки обыденной жизни. Но однакоже и не выходитъ изъ этихъ рамокъ, прибавилъ онъ какъ будто для себя собственно.

— То есть какъ это? спросила она.

— Да самымъ простымъ образомъ. Всѣ вѣдь эти широкія натуры ссылаются на то, что не могутъ они жить такъ, какъ живутъ другіе люди. Мелка, видите ли, для нихъ эта обыденная жизнь. Ну, и не живутъ они ею; не живутъ ни семейной жизнью, ни за общественное какое нибудь занятіе не берутся, ни на рабочемъ мѣстѣ не уживаются. Это съ одной стороны, то есть не уживаются они въ обыкновенныхъ рамкахъ. А съ другой стороны и не выходятъ изъ нихъ, потому что ничего необыкновеннаго, ничего великаго, выходящаго изъ уровня пошлости не дѣлаютъ. Не дѣлаютъ ничего такого, чего не могъ бы сдѣлать и человѣкъ съ непирокой натурой. Пьютъ, кутятъ, дерутся, развратничаютъ,—и только. Это можетъ дѣлать всякій,

кто теряя человѣческія чувства, начинаетъ понемногу замѣнять ихъ скотскими.

Произнося это, онъ мрачно и зло смотрѣлъ куда-то въ сторону злыми, холодными глазами. Трудно было рѣшить, былъ ли ему ненавистенъ только этотъ человѣкъ, о которомъ онъ говорилъ или же въ немъ просто кипѣла давно накопленная всею его жизнью желчь и готова была излиться по поводу первого предмета, попавшагося ему на глаза. Скорѣе впрочемъ можно было склониться на сторону послѣдняго предположенія. Давно уже онъ хандрилъ и видимо тяготился жизнью. Щеки его осунулись, глаза глубоко ввалились, мысли и рѣчи были у него все мрачныя, иногда желчныя, иногда, и чаще всего, какія-то безотрадно холодныя.

— Такъ онъ развратничаетъ? спросила Упадышева.

— Что же больше ему дѣлать, отвѣчалъ Карповъ.—Да, прибавилъ онъ, вотъ-и судите вы о человѣческомъ сердцѣ. Я встрѣтился съ нимъ въ первый разъ въ кабакѣ. Онъ тамъ разсказывалъ одно изъ самыхъ грязныхъ своихъ похожденій. Всѣ смѣялись конечно. Я тогда какъ-то золъ былъ; на все и на всѣхъ золъ. Я назвалъ его негодяемъ по поводу этого его похожденія. Что же вы думаете! Тутъ-то онъ, послѣ моей брани, и воспылалъ ко мнѣ какой-то необъяснимой, глупой и внезапной дружбой. Вотъ и судите послѣ этого. Да можетъ быть подъ его наружною грязью таится въ немъ какое нибудь золотое и прекрасное сердце.

Онъ отрывисто и мрачно засмѣялся.

— Развратничаетъ ли онъ? спрашиваете вы.—До послѣдняго времени онъ почти безвыѣздно жилъ въ деревнѣ. Не знаю,—каковъ онъ былъ тамъ. Но здѣсь онъ живетъ положительно только по кабакамъ и трактирамъ. Впрочемъ это вѣдь замѣтно и въ его наружности, и въ его слогѣ...

— Да, я такъ и думала. Онъ мнѣ такимъ и представился, какимъ вы описываете его. Но Богъ съ нимъ. Каковъ бы онъ тамъ ни былъ,—но онъ счастливъ...

— Вы думаете? усмѣхнувшись спросилъ Карповъ.

— А что? Вы думаете, что нѣтъ? Положимъ; я не такъ выразилась. Я хотѣла сказать только то, что онъ все таки сво-

боденъ, здоровъ, наслаждается жизнью и если находитъ, что для его счастья недостаетъ чего нибудь, то можетъ пріобрѣсти или купить это недостающее. О немъ нечего заботиться и тревожиться. Я все думаю о его женѣ. Она у меня просто изъ головы не выходитъ. Тѣмъ больше, что отъ нея зависитъ моя участь.

— Она не чахоточная? Мнѣ все кажется, что жены всѣхъ этихъ широкихъ натуръ должны быть непремѣнно чахоточныя.

— Кажется, что чахоточная. Впрочемъ я потому такъ говорю, что она мнѣ представляется одержимой всѣми самыми худшими болѣзнями, какими только можетъ человѣкъ страдать. Да, она дѣйствительно капаетъ. Она была когда-то красавицей, но теперь худа и желта какъ скелетъ. Кромѣ того, она, мнѣ думается, близка къ съумасшествію. Она и теперь уже полуидіотка. Теперь я начинаю понимать ее и знаете ли, что такъ обезобразило эту женщину? Отчего она сходитъ съ ума? Она еще хочетъ жить. Ей хочется еще любви, дружбы, теплаго слова, ласки. А между тѣмъ всѣ ее бросили, оставили ее умирать. Она возмущается этимъ, она, я говорю вамъ, не хочетъ умирать, а жить, жить хочетъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она уже потеряла человѣческій образъ и всѣ отъ нея бѣгутъ. Дочери отъ нея сторонятся, ненавидятъ ее за ея болѣзненныя жалобы; мужъ уходитъ отъ нея къ любовницамъ, въ трактиры, не живетъ дома. Ее оставляютъ умирать, а она хочетъ еще жить, и должно быть чувствуетъ, что имѣетъ право на жизнь. И вотъ она хочетъ остановить мужа, хочетъ, чтобы онъ не уходилъ отъ нея. Ужасно слушать, какъ она иногда кричитъ своимъ страшнымъ, съумасшедшимъ голосомъ: «не смѣй идти. Я приказываю тебѣ остаться. Я приказываю тебѣ. Не уходи изъ дома. «Ужасно слышать и его грубый хохотъ. И какъ не смѣяться? Она, безсильная такая, полумертвая осмѣливается приказывать ему, властелину ея жизни. Должно быть она еще любитъ его или же инстинктивно понимаетъ, что если она имѣетъ право требовать отъ кого нибудь ласки и добраго слова, такъ это отъ него одного, потому что она отдала ему и молодость свою и здоровье. Потому наконецъ, что и здоровье, и силы ея взялъ онъ, одинъ онъ. Впрочемъ я думаю, что она

еще любитъ его. Ей, я вижу, кажется, что мужъ не уходитъ отъ нея, а его отнимаютъ у нея, увлекаютъ, соблазняютъ. И вотъ пунктъ ея помѣшательства. Она во всѣхъ подозрѣваетъ своихъ враговъ, которые хотятъ отнять у нея мужа. Ей все кажется, что ее стараются унизить въ глазахъ мужа, очернить. Она на всѣхъ смотритъ съ ужасомъ, съ подозрѣніемъ или, если ничего дурного не замѣчаетъ въ нихъ, то приходитъ въ полное отчаяніе отъ хитрости и притворства людей. Она не можетъ повѣрить, чтобы на свѣтѣ былъ хоть одинъ честный человѣкъ.

— Да, сказалъ Карповъ опять какъ будто про себя,—и всякій человѣкъ считаетъ себя несчастнѣйшимъ въ мірѣ. А тамъ вонъ какія бываютъ жизни. Что, эта бѣдная барыня и въ васъ начинаетъ видѣть врага?

— Кажется, со вздохомъ отвѣчала молодая женщина.

Карповъ покачалъ головой.

— Ну, а онъ что? Самъ-то? Какъ съ вами? спросилъ онъ.

— Я его почти не вижу.

— Это хорошо. Его тоже нужно беречься. Онъ ни съ особенно большимъ уваженіемъ смотритъ на гувернантокъ и учительницъ. Берегитесь...

— Берегитесь, съ усмѣшкой повторила Упадышева.—Я говорю вѣдь вамъ, что мы въ лѣсу.

— Да именно въ лѣсу, печально согласился онъ.—Однако прощайте. Взгляните, что дѣлается на небѣ; тамъ готовится гроза и скоро хлынетъ дождь. До свиданья...

Онъ быстро ушелъ, и скоро въ внезапно наступившей тишинѣ, отчетливо и ясно раздались его торопливые шаги по деревянному тротуару. Небо больше и больше заволакивалось черными тучами, и загремѣлъ громъ. Она торопливо закрыла окно.

Н. Ф. Бажинъ.

(Продолженіе будетъ.)

СЪ МОРСКАГО БЕРЕГА.

(Изъ Шелли).

На морскомъ берегу я сижу
И въ туманѣ вечернемъ слежу,
Какъ внизу предо мною,
Исчезая въ дали безконечной,
Убѣгаетъ волна за волною,
А у скалъ слышенъ ропотъ ихъ вѣчный.

* * *

Безпредѣльно ты, синее море!...
Но еще безпредѣльнѣй просторъ
Моря слезъ, проливаемыхъ съ горя
Человѣчествомъ съ давнихъ ужь поръ.
Въ этомъ морѣ безбрежномъ, холодномъ
Стонутъ гордыя волны во мглѣ
И, по цѣлой землѣ,
Разливаются стономъ народнымъ.

* * *

Холодна въ синемъ морѣ волна
И глубоки пучины морскія;
Но еще холоднѣй глубина,
Гдѣ таятся страданья людскія.

* * *

Въ синемъ морѣ, на днѣ,
Въ непробудной его тишинѣ,
Драгоцѣнные перлы скрываются;
Но житейское море темнѣй
Глубиною своей,
И пучиной его пожираются,
Словно жадною пастью чудовища,
Столько жертвъ и замученныхъ силъ,
Что въ виду ихъ могилъ
Такъ ничтожны морскія сокровища.

Дмитрій Минаевъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ УВЛЕЧЕНІЯ.

(Графъ Блудовъ и его время. Сочин. Евг. Ковалевскаго.)

I.

Книга г. Ковалевскаго удостоилась чести произвести бурю въ стаканѣ воды. Случилось это вовсе не потому, чтобы книга эта, обладающая многими несомнѣнными достоинствами, владѣла между прочимъ и свойствомъ производить ураганъ, а потому что русскому интеллекту предстоитъ совершить еще очень длинный путь развитія, прежде чѣмъ можно будетъ назвать его разсудительностію.

На 14 страницѣ книги г. Ковалевскаго говорится: «Блудовъ принадлежалъ къ тому древнему русскому, коренному дворянству, которое жило изъ рода въ родъ въ провинціи, вдали отъ дворца, близко къ народу, знало его, помогало въ бѣдѣ и нуждахъ не по одному своекорыстному разсчету, а по сочувствію къ той средѣ, въ которой постоянно находилось. Въ этомъ дворянствѣ, чуждомъ интригъ боярской думы и царскаго двора, жила и живетъ безусловная преданность престолу, тѣсно связанная съ его религіознымъ вѣрованіемъ и любовью къ отечеству. Подобно крѣпостному сословію, оно оставалось въ сторонѣ отъ политическихъ и дворцовыхъ пот-

рясеній, но когда могло, противостояло олигархическимъ замысламъ боярскихъ родовъ, безкорыстно, не выторговывая для себя у царей ни льготъ, ни наградъ. Это направленіе провинціальнаго дворянства, засвидѣтельствованное вѣками, проявилось въ послѣднее время, при освобожденіи крестьянъ; въ этомъ дѣлѣ оно усердно споспѣшествовало и помогало государю, неся потери болѣе чувствительныя для него, чѣмъ для богатыхъ, знатныхъ родовъ дворянства русскаго. Конечно оно, отерпѣвшееся и окрѣпшее въ бѣдствіи, подобно народу, скорѣе сольется съ нимъ и представитъ надежный оплотъ государству.»

Это простое и мимоходомъ сдѣланное замѣчаніе показалось нашимъ публицистамъ до того зажигательнымъ, что они заподозрили г. Ковалевскаго въ желаніи льстить провинціальному дворянству и, что еще хуже, въ неблагонамѣренномъ стремленіи возбудить враждебныя чувства между крупными и средними землевладѣльцами.

Вообразивъ такой ужасъ, нѣкоторые публицисты пришли къ заключенію, что книга г. Ковалевскаго угрожаетъ сдѣлаться политическимъ событіемъ и если они не взяли на себя труда объяснить, какимъ именно политическимъ событіемъ, то, какъ мнѣ кажется, только потому, что боялись нанести постыдное пораженіе своему собственному глубокомыслію.

Если относиться къ вопросу, возбужденному г. Ковалевскимъ, совершенно объективно, то обнаружится, что зажигательное мѣсто есть больше ничего, какъ историческое воспоминаніе и историческій анахронизмъ.

Г. Ковалевскій противополагаетъ знатнымъ боярскимъ родамъ, занимавшимся политическими и дворцовыми интригами, дворянство иного рода, — дворянство какъ бы деревенское, жившее изъ рода въ родъ въ провинціи, близкое къ народу, и потому знавшее его и сочувствовавшее ему.

Но такое дѣленіе, правильное—да и то не совсѣмъ—относительно старой московской Руси, становится ошибочнымъ по отношенію къ Россіи, созданной Петромъ и совершенно немыслимо послѣ освобожденія крестьянъ и земскихъ учрежденій.

У насъ никогда не существовало фамилій съ наслѣдственными правами на участіе въ государственныхъ дѣлахъ, какъ напримѣръ

въ Англіи, слѣдовательно не могло быть и сословной аристократіи.

Конечно, нельзя отвергать того, что людямъ знатнымъ и богатымъ открытъ у насъ легче доступъ къ высшей государственной дѣятельности; но это вовсе не юридическое ихъ право, а только слѣдствіе ихъ обезпеченнаго положенія, семейныхъ и общественныхъ связей.

Недостаточно еще быть графомъ, чтобы сдѣлаться министромъ, или дворяниномъ, чтобы занять мѣсто губернатора. Министерскій портфель, кресло въ государственномъ совѣтѣ или въ сенатѣ у насъ вовсе ненаслѣдственны и если читатель потрудится перебрать въ своемъ умѣ имена нашихъ высшихъ государственныхъ лицъ за послѣднія три царствованія, то онъ конечно согласится, что перевѣсъ принадлежитъ далеко не древнимъ титулованнымъ фамиліямъ.

Если же читатель обратитъ вниманіе на то, что дворянство было у насъ сословіемъ не только по преимуществу служилымъ, но и обязано было служить непремѣнно подъ страхомъ лишенія своихъ дворянскихъ правъ и что, вступая на путь государственной службы, каждый могъ идти безпрепятственно до высшихъ административныхъ должностей, то ему придется согласиться со мной, что дѣленіе, придуманное г. Ковалевскимъ, совершенно произвольное. Несостоятельность этого дѣленія обнаружится еще рѣзче, если подумать о томъ, кто именно составлялъ такъ называемое г. Ковалевскимъ *провинціальное дворянство*.

При обязательности для дворянъ государственной службы, каждый дворянинъ у насъ служилъ, потому что долженъ былъ служить. Большинство дворянскихъ дѣтей воспитывалось въ кадетскихъ корпусахъ и затѣмъ, смотря по состоянію, служило въ кавалеріи или въ пѣхотѣ. Этому большинству путь государственной службы казался очень тернистымъ и, достигнувъ чина поручика, оно выходило въ отставку, отправлялось въ свои помѣстья, облачалось въ халатъ и затѣмъ, до самой гробовой доски, занималось почти исключительно, подобно Гоголевскому Пѣтуху, соображеніями кулинарнаго свойства или же, облѣнившись окончательно, вовсе ничего не соображало.

Такимъ образомъ все, что отличалось прогрессивными стремле-

ніями, честолюбіемъ и т. д. въ своихъ деревняхъ не сидѣло; въ деревняхъ только жили или недовольные, или опальные, или люди, ищущіе покоя для тѣла и мысли.

Какимъ же образомъ эти представители покоя могли изображать собою ту идеальную силу, какую усматриваетъ въ нихъ г. Ковалевскій, сквозь розовые очки своей любви къ провинціальному дворянству?

Я не отрицаю того, что, въ годины бѣдствій и въ минуты опасности отечества, они пробуждались отъ своей спячки и обнаруживали нѣкоторую энергію, такъ что нѣкоторые изъ нихъ вступали даже въ ряды арміи или народнаго ополченія. Но энергія, пробуждавшаяся въ нихъ въ такія исключительныя годины, была слаба для подвиговъ гражданскаго мужества. Но и въ этомъ нельзя видѣть той заслуги, какую выставляетъ на видъ г. Ковалевскій, потому что не имъ принадлежитъ починъ одушевленія и патріотическаго энтузіазма; не они будили, а ихъ будили.

Соображая сказанное г. Ковалевскимъ о провинціальномъ дворянствѣ со всѣмъ, что онъ говоритъ раньше и послѣ, я думаю, что ему просто хотѣлось похвалить не только лично графа Блудова, но и весь его родъ въ восходящей линіи. Послѣ Назарія Блудова, участвовавшаго въ походѣ Пожарскаго, «исторія, какъ говоритъ г. Ковалевскій, не упоминаетъ о предкахъ Блудова. Они сошли со сцены вмѣстѣ съ народными дѣятелями великой эпохи и мало жили въ своихъ вотчинахъ, послуживъ по нѣскольку лѣтъ отечеству, какъ бы для успокоенія совѣсти... Объ отцѣ графа Дмитрія Николаевича ничего особеннаго сказать нельзя: богатый дворянинъ казанской губерніи, служившій недолго, жившій открыто, широко, разстроившій свое состояніе псовой охотой и частію карточной игрой, онъ умеръ довольно молодымъ, простудившись въ отъѣзжемъ полѣ.» Такъ какъ предки графа Блудова въ теченіе 200 лѣтъ не отличались ничѣмъ отъ мелкопомѣстныхъ отставныхъ поручиковъ, а родъ ихъ былъ все-таки очень древній, то г. Ковалевскій въ своемъ панегирикѣ долженъ былъ ради логической связи придумать тѣ похвалы идеальному провинціальному дворянству, которыя нѣкоторые публицисты приняли за желаніе возбудить вражду между крупными и средними землевладѣльцами.

Біографія Блудова г. Ковалевскаго—сочиненіе въ сущности очень

скромное; это красивая, раззолоченая ладья, искусно лавирующая среди мелей и подводныхъ камней. Г. Ковалевскій миновалъ съ большимъ свѣтскимъ тактомъ всѣ крайности мышленія и разлилъ на нее и на всѣхъ столько сердечной теплоты и всепрощенія, что человѣческая добродѣтель, изображаемая такою искусною рукою, совершенно подавляетъ читателя.

Хотя нѣкоторые и полагаютъ, что книга г. Ковалевскаго есть сочиненіе историческое, но это также одно изъ недоразумѣній нашей критики. Г. Ковалевскій говоритъ дѣйствительно объ одной изъ интереснѣйшихъ новѣйшихъ историческихъ эпохъ, потому что, говоря объ общественномъ дѣятелѣ, невозможно же умолчать о времени его создавшемъ. Блудовъ былъ не только дѣятелемъ этой эпохи, но и представителемъ ея. Въ томъ, что время, въ которое жилъ графъ Блудовъ, заключаетъ въ себѣ весьма поучительный интересъ, г. Ковалевскій конечно не виноватъ, и слѣдовательно онъ неповиненъ и въ томъ, что книга его читается съ интересомъ. Но вотъ въ чемъ онъ виноватъ неоспоримо;—онъ виноватъ въ томъ, что, взявшись рисовать въ миніатюрѣ копію съ огромной картины, онъ нарисовалъ ее всю одною свѣтлорозовою краской. Книга Ковалевскаго не столько біографія, сколько похвальное слово и не одному Блудову, но и всѣмъ, кто попадался подъ руку добродушнаго панегириста. А между тѣмъ въ то время, о которомъ въ ней говорится, совершались великія политическія событія, на которыя трезвый и безпристрастный взглядъ былъ бы дѣйствительно полезенъ нашему обществу.

II.

Есть два способа относиться къ людямъ и событіямъ при ихъ оцѣнкѣ—головной и сентиментальный.

Разница между ними заключается въ томъ, что при головномъ способѣ требуются точные факты и серьезный анализъ коренныхъ, причинъ и ихъ послѣдствій; затѣмъ подводятся итоги пользы и вреда и смотря по тому, чего окажется больше, дѣлаются и выводы—плюсъ и минусъ, т. е. утверждаютъ, что такой-то человѣкъ былъ полезенъ или вреденъ, такое-то событіе было благодѣтельно для общества или вредно.

Сентиментальный способъ гораздо проще, потому-то онъ и въ употребленіи между дилетантами, занимающимися литературой на досугѣ, для препровожденія времени. При этомъ способѣ оцѣнки дается полный просторъ сердечнымъ изліяніямъ, чувству благодарности и т. д. При выборѣ фактовъ нѣтъ строгой разборчивости и, подъ вліяніемъ сердечнаго увлеченія къ изслѣдуемому предмету, отдается предпочтеніе такимъ фактамъ, которые не могутъ испортить свѣтлорозовой краски, избранной для рисованья. Выводъ, конечно, бываетъ благопріятный, хотя и не всегда достовѣрный.

Какого изъ этихъ двухъ способовъ держался г. Ковалевскій, при составленіи біографіи графа Блудова,—читатель увидитъ изъ нижеслѣдующаго.

Дмитрій Николаевичъ Блудовъ родился въ 1785 г. въ родовомъ имѣніи, селѣ Романовѣ, владимірской губерніи. Кромѣ села Романова у его родителей была вотчина въ смоленской губерніи, имѣніе въ казанской губерніи и подмосковная. Слѣдовательно Блудовы были люди не бѣдные.

Мать Блудова, Катерина Ермолаевна, была женщина, воспитанная въ твердыхъ правилахъ и семейныхъ преданіяхъ. Къ сожалѣнію, г. Ковалевскій не объясняетъ, что значитъ то и другое, и потому одинъ изъ главныхъ факторовъ домашняго воспитанія — міровоззрѣніе матери и ея вліяніе остается необъясненнымъ. Изъ немногаго, что говоритъ г. Ковалевскій о Катеринѣ Ермолаевнѣ, нужно однако заключить, что это была женщина энергическая, потому что она отражала нападеніе одной изъ шаекъ Пугачева на свою деревню: что же касается до другого факта, то для правильнаго психологическаго обсужденія его, приводимыхъ авторомъ свѣденій слишкомъ недостаточно. У Дмитрія Николаевича Блудова былъ родственникъ, прибавившій къ своему родовому имѣнію много благопріобрѣтеннаго. Это пріобрѣтеніе было сдѣлано разными оборотами и спекуляціями, которыхъ, какъ говоритъ г. Ковалевскій, общественное мнѣніе никогда не одобряло. Дмитрій Николаевичъ былъ ближайшимъ наслѣдникомъ этого родственника и, по завѣщанію, ему досталось только родовое имѣніе, а все пріобрѣтенное перешло въ другія руки. «Слава-Богу! сказала его мать. Я рада, что ни копѣйки этого сомнительно нажитого богатства не досталось тебѣ. Отъ одной такой

лепты все остальное было бы запятнанно.» И г. Ковалевскій восклицаетъ: «Такого рода слова не пропадаютъ даромъ для ребенка.» Я не отрицаю того, что слова недурны; но почему же нужно имъ приписывать магическое дѣйствіе и точно ли такія слова *никогда* не пропадаютъ даромъ? А во-вторыхъ, въ какой степени они могутъ характеризовать Катерину Ермолаевну именно въ томъ направленіи, какъ того хочется г. Ковалевскому. Конечно, если ея родственникъ пріобрѣлъ свои имѣнія путемъ насилія, лжи и надувательствъ, то такимъ имѣніемъ лучше не пользоваться; но вѣдь этого не видно; имѣніе было пріобрѣтено «разными частными покупками, сдѣлками и другими оборотами и спекуляціями», т. е. коммерческимъ путемъ. Слѣдовательно, слова Катерины Ермолаевны нужно объяснять или дворянской гордостію и презрѣніемъ къ такому недворянскому занятію, какъ покупка, сдѣлки и спекуляціи или же простымъ свѣтскимъ благоразуміемъ.

Такимъ образомъ, личность Катерины Ермолаевны остается довольно неясной и все, что можно заключить о ней, на основаніи фактовъ, сводится къ двумъ выводамъ: она очень любила своего сына и была рачительная и благоразумная хозяйка, ибо привела въ порядокъ имѣніе, разстроенное слишкомъ расточительной жизнію своего мужа.

По бабкѣ Дмитрій Николаевичъ приходился двоюроднымъ племянникомъ Державина, а по матери двоюроднымъ братомъ Озерова. Ихъ имена повторялись часто въ семьѣ, и стихи Державина читала ему мать. «Ребенокъ заслушивался ихъ съ тѣмъ же увлеченіемъ, какъ заслушивался соловья въ рощѣ.» Это обстоятельство и послѣдующія знакомства съ литераторами внесли свою долю вліянія на складъ понятій Блудова и даже развили въ немъ литературный дилетантизмъ.

Третьимъ воспитательнымъ факторомъ является вліяніе французскихъ эмигрантовъ. Это вліяніе было наиболѣе сильное и прочное, потому что въ самой натурѣ Блудова нашло себѣ очень благопріятную почву. Первымъ представникомъ въ французскомъ духѣ была madame Фовель, бывшая при немъ ни то няней, ни то гувернанткой. Она была очень добрая и честная женщина, съ чистымъ правильнымъ выговоромъ. Гувернеръ Ремъ человѣкъ ученый, имѣлъ на Блудова вліяніе болѣе серьезное, чѣмъ добродушная madame Фовель; но са-

мое большое вліяніе обнаружилъ на него другой эмигрантъ, графъ де-Фонтень. «Это былъ человѣкъ блистательнаго ума, глубокаго образованія и вмѣстѣ съ тѣмъ съ изящными манерами высшаго свѣтскаго французскаго круга; онъ сильно пострадалъ во время революціи, лишился не только состоянія, но многихъ близкихъ родныхъ и друзей». Блудовъ проводилъ съ де-Фонтенемъ цѣлые вечера и слушалъ его разсказы о блистательномъ циклѣ французскихъ энциклопедистовъ, о французской литературѣ, объ ужасахъ революціи. «Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ людей, подобныхъ графу де-Фонтеню, французская революція оставила въ его, едва пробуждающемся умѣ, впечатлѣнія тѣхъ страшныхъ лицъ и событій, которыя рисовалъ предъ нимъ де-Фонтень, и несчастные страдальцы эмигранты, окружавшіе его, служили живымъ подтвержденіемъ словъ разскащика и свидѣтельствовали о грубомъ насиліи, замѣнившемъ всякую законность во Франціи». Другого вліянія эти разсказы на Блудова не обнаружили. Они дѣйствовали не на интеллектъ, а на чувство, и какъ правильная историческая оцѣнка французской революціи была въ то время еще немыслима, то понятно, что и вліяніе этихъ разсказовъ было самое одностороннее. Что же касается до «истинновеликодушныхъ порывовъ и блистательныхъ заблужденій первыхъ ея годовъ, привлекшихъ къ себѣ сочувствіе многихъ молодыхъ людей, въ томъ числѣ и Карамзина, то Блудовъ ихъ не понималъ по молодости», а потомъ уже развивался подъ вліяніемъ графа де-Фонтеня и другихъ эмигрантовъ. Изъ всего этого я вывожу то заключеніе, что политическая жизнь Франціи за послѣднюю четверть прошедшаго столѣтія правильнымъ, разсудочнымъ образомъ едва ли была графу Блудову знакома.

Для окончанія домашняго воспитанія Дмитрія Николаевича, Катерина Ермолаевна переселилась въ Москву, гдѣ лучшіе учителя, профессоры университета и университетскаго пансіона давали ему уроки». Какого рода мысли и знанія поселяли въ молодомъ Блудовѣ эти лучшіе учителя и профессора, изъ книги г. Ковалевскаго не видно. Видно только, что 16-ти лѣтъ онъ окончилъ свое образованіе дома и затѣмъ «надо было думать о поступленіи на службу, что составляло предметъ важной заботы для матери».

Вотъ все, что говоритъ г. Ковалевскій о воспитаніи Блудова. Мы узнаемъ, что Дмитрій Николаевичъ зналъ хорошо языки фран-

цузскій, нѣмецкій и итальянскій, отчасти языки древніе. Потомъ мы знаемъ, что онъ развивался подъ вліяніемъ французскихъ эмигрантовъ-аристократовъ и наконецъ, что чтеніе Державина дало ему извѣстный толчекъ въ литературномъ отношеніи.

По изъ словъ біографа мы знаемъ все это очень поверхностно, такъ что, для выясненія себѣ степени и рода вліянія всѣхъ воспитательныхъ факторовъ на Блудова въ дѣтствѣ, приходится обращаться къ собственнымъ знаніямъ, къ гипотезамъ и догадкамъ. Такъ г. Ковалевскій не говоритъ ничего опредѣлительнаго о вліяніи де-Фонтеня. Онъ говоритъ только, что де-Фонтень разсказывалъ молодому Блудову разныя интересныя вещи о Франціи и объ ужасахъ первой революціи. Но вѣдь де-Фонтень могъ разсказывать такъ, какъ разсказываетъ Шлоссеръ; онъ могъ разсказывать и такъ, какъ разсказываетъ Лоренцъ. Какъ же онъ разсказывалъ? Я не слышалъ разсказовъ де-Фонтеня и потому ничего о нихъ сказать не могу. Но я знаю, въ какомъ родѣ были разсказы и политическія воззрѣнія французскихъ эмигрантовъ того времени вообще и потому позволяю себѣ сомнѣваться въ историческомъ достоинствѣ разсказовъ де-Фонтеня, и слѣдовательно въ дѣйствительно просвѣтляющемъ ихъ вліяніи на умъ молодаго Блудова. Конечно всякому панегиристу графа Блудова такое заключеніе можетъ показаться слишкомъ придирчивымъ; а въ такомъ случаѣ я имъ отвѣчу, что для отраженія всякой придирчивости имъ слѣдовало бы выставить факты въ настоящемъ ихъ свѣтѣ. Въ противномъ же случаѣ они не оказываютъ особенной услуги тому, въ честь кого пишутъ панегирикъ; а во-вторыхъ, лишаютъ себя права сердиться на придирчивость критики.

И такъ Дмитрію Николаевичу уже 16 лѣтъ, и онъ думаетъ о поступленіи въ службу; біографія его дѣтства занимаетъ ровно 10 страницъ, а между тѣмъ мы ровно ничего не знаемъ объ этомъ дѣтствѣ, кромѣ хорошо-степенныхъ фактовъ, и личность его вовсе не рисуется передъ нами рельефной, ясно очерченной фигурой.

Такъ какъ это могло произойти и оттого, что о дѣтствѣ Дмитрія Николаевича г. Ковалевскій не могъ найти достаточныхъ данныхъ, то, не дѣлая упрековъ автору, я вознаграждаю себя надеждой, что послѣдующее описаніе служебной дѣятельности Блудова дастъ мнѣ возможность составить о немъ болѣе точное, опредѣленное понятіе,

и затѣмъ съ этой обольстительной надеждой углубляюсь въ розовые сады, насажденные искусной рукой г. Ковалевскаго.

Дмитрій Николаевичъ Блудовъ былъ записанъ дядей своимъ, поэтомъ Державинымъ, чуть не съ пеленокъ въ измайловскій гвардейскій полкъ. Но Катерина Ермолаевна слишкомъ любила своего сына, чтобы подвергать его всѣмъ опасностямъ военной службы и потому, по просьбѣ ея, онъ былъ уволенъ. Теперь Катерина Ермолаевна начала хлопотать о помѣщеніи Дмитрія Николаевича на службу гражданскую. «При содѣйствіи Каменскихъ и родственныхъ связей съ Наумовымъ, другомъ Бантышъ-Каменскаго, удалось помѣстить его въ московскій Архивъ государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, находившійся подъ начальствомъ Бантышъ-Каменскаго. Здѣсь необыкновенныя способности и знаніе иностранныхъ языковъ Блудова очень скоро обратили на него вниманіе. Въ 1800 году (іюля 5) онъ поступилъ юнкеромъ въ Архивъ, черезъ полгода произведенъ былъ въ переводчики, а 14 октября 1801 г. въ коллежскіе ассесоры».

Я расположенъ совершенно вѣрить въ истинность и искренность всего того, что говоритъ г. Ковалевскій; но что же мнѣ дѣлать, когда, совершенно независимо отъ моей воли, нѣкоторыя цифры и нѣкоторыя мысли, приводимыя авторомъ, на разныхъ страницахъ, сами собой становятся рядомъ, и я рѣшительно не въ состояніи устоять противъ искушенія подвергнуть ихъ сличенію и сравненію. Я понимаю очень хорошо, что на 8 страницѣ внизу сказано, что графъ Блудовъ родился 5 апрѣля 1785 г., за тѣмъ я помню, что на 16 страницѣ сказано, что когда онъ кончилъ свое образованіе дома и когда надо было думать о помѣщеніи его на службу, ему *минуло уже* 16 лѣтъ. Между цифрами сдѣланной выше выписки и цифрами, теперь приведенными, я замѣчаю какую-то неловкость. Я подвергаю ихъ нѣкоторому ариѳметическому процессу и, къ крайнему своему изумленію, открываю, что когда графъ Блудовъ поступалъ на службу ему было ровно 15 лѣтъ и 2 мѣсяца. Конечно ошибка на одинъ годъ, ошибка еще не слишкомъ большая; но тѣмъ не менѣе моя вѣра въ безошибочность г. Ковалевскаго уже поколебалась, и во мнѣ является невольное сомнѣніе въ его гласословныя похвалы, неподкрѣпленныя доказательствами. Я не спорю о способностей графа Блудова; но если мнѣ даютъ его печатное жизнеописаніе, изъ ко-

тораго я узнаю, что ровно въ 16 лѣтъ 5 мѣсяцевъ и 9 дней, онъ былъ уже коллежскимъ ассесоромъ, то меня уже не удовлетворяетъ голословное удостовѣреніе въ томъ, что быстрое повышеніе было вызвано необыкновенными способностями; я желаю фактовъ и доказательствъ.

Доказательствъ я, разумѣется, не нахожу; но за то нахожу нѣкоторыя указанія, бросающія нѣкоторый свѣтъ на интересующій меня вопросъ. Г. Ковалевскій говоритъ: «вѣроятно, вслѣдствіе дарованнаго московскому архиву права, онъ былъ наполненъ молодыми людьми *лучшихъ* фамилій, желавшихъ избѣжать тягостной военной службы, и пріобрѣтшихъ впослѣдствіи извѣстность въ московскомъ обществѣ подъ названіемъ архивныхъ юношей. Они, впрочемъ, не успѣли вытѣснить прежнее поколѣніе чиновниковъ, да едва ли и могли, потому, что и въ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, особенно при тогдашнихъ его начальникахъ, *необходимы были труженики и дѣльцы*». Если г. Ковалевскій утверждаетъ, что чиновники стараго поколѣнія были необходимы, какъ труженики и дѣльцы, то, конечно, онъ не отнимаетъ отъ меня права сдѣлать обратную посылку и сказать—слѣдовательно молодые люди лучшихъ фамилій не были ни тружениками, ни дѣльцами. Я не отрицаю того, что князь Гагаринъ, графъ Мусинъ-Пушкинъ, Андрей и Александръ Тургеневы, Даниковы были людьми замѣчательныхъ способностей, но я не стану отрицать способностей и въ тѣхъ семинаристахъ, въ фризовыхъ изношенныхъ сюртукахъ, которые, по словамъ Вигеля, сидѣли съ ними за однимъ столомъ въ канцеляріи архива. Наконецъ и самъ г. Ковалевскій подтверждаетъ мою догадку самымъ положительнымъ образомъ; на стр. 20 онъ говоритъ: «Бантышъ-Каменскій (начальникъ архива) не оставлялъ праздными многочисленное общество своей блестящей молодежи, большею частію числившейся сверхъ штата; *ей нечего было дѣлать въ самомъ архивѣ*, а потому онъ, вмѣстѣ съ Малиновскимъ, придумалъ другія занятія, заставляя переводить иностранныхъ писателей». Переводы эти дѣлались, какъ видно, вовсе не для существенной пользы службы, а только чтобы занять чѣмъ нибудь праздную блестящую молодежь. Такъ и думаю потому, что огромный писанный томъ, озаглавленный: «Дипломатическія статьи изъ Всеобщаго Робинсонова словаря, перев. при Московскомъ архивѣ, служащими благородными юношами» и т. д.,—не былъ напечатанъ.

Онъ хранится въ Императорской Публичной библіотекѣ. Статья, переведенная коллежскимъ ассесоромъ Блудовымъ—«О союзахъ, заключенныхъ между государствами», по словамъ Ковалевскаго, не отличается ни правильностію слога, ни легкостію рѣчи.

Въ этотъ періодъ времени Д. Н. Блудовъ отличался характеромъ «чрезвычайно пылкимъ», и даже изъ мягкихъ выраженій г. Ковалевскаго можно заключить, что Блудовъ былъ крайне самолюбивъ. «Тѣ, которые знали Д. Н. впослѣдствіи, могли убѣдиться, до какой степени измѣнился этотъ характеръ». Кроткое и благодушное вліяніе обнаружили на него Карамзинъ, Жуковскій, а впослѣдствіи и жена. «Дружба же съ Дашковымъ, человѣкомъ твердымъ, положительнымъ и неуклонныхъ убѣжденій, была полезно въ другомъ отношеніи».

«Въ одно печальное утро, когда надъ Москвой носились темныя тучи, а въ Москвѣ пуще обыкновеннаго свирѣпствовалъ Эртель», промчался фельдъегерь, и Москва узнала о смерти императора Павла и о восшествіи на престолъ Александра Павловича.

Въ день коронаціи Блудовъ былъ дежурнымъ при раздачѣ и предъявленіи билетовъ при входѣ на Кремлевскую площадь. День этотъ былъ замѣчателенъ для него еще и въ томъ отношеніи, что онъ влюбился въ княжну Щербатову, на которой впослѣдствіи и женился. Блудову было тогда 17 лѣтъ.

Вскорѣ послѣ коронаціи семейство князя Щербатова возвратилось въ Петербургъ; а вслѣдъ за ними былъ переведенъ и Блудовъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. «Влекла ли его въ Петербургъ любовь, которая въ пылкомъ юношѣ возгоралась сильнѣе и сильнѣе, или онъ былъ увлеченъ всеобщимъ стремленіемъ молодежи тогдашняго времени къ Петербургу, гдѣ происходила страшная ломка всего стараго ветхаго зданія государственныхъ учрежденій и воспроизведеніе новыхъ,—я, говоритъ г. Ковалевскій, не берусь рѣшать».

Такъ какъ этого вопроса не можетъ рѣшить даже такой компетентный судья, какъ самъ авторъ біографіи, то кто же будетъ рѣшать его? Но, вѣроятно, я не отступлю далеко отъ истины, если предположу, что 17-лѣтній юноша могъ легко увлечься и общимъ стремленіемъ къ перемѣнамъ, тѣмъ болѣе, что этой болѣзнью сильно страдали тогда люди высшаго круга и придворные, благодаря прогрессивному толчку, данному императоромъ Александромъ I.

Впрочемъ, если графъ Блудовъ и увлекся, по примѣру многихъ; если онъ, принадлежа къ передовымъ людямъ тогдашняго молодаго поколѣнія, и порицалъ громко старые порядки, то, при его благоразуміи, это увлеченіе все-таки не могло продолжаться долго. Г. Ковалевскій говоритъ, что, «увлекшись подобно другимъ идеями обновленія Россіи въ началѣ царствованія императора Александра I, Блудовъ невольно призадумался о ихъ послѣдствіяхъ и началъ серьезно всматриваться въ нихъ и изучать», Къ какимъ выводамъ пришелъ Блудовъ вслѣдствіе этого всматриванія и изученія, г. Ковалевскій не говоритъ нигдѣ ни слова. Но очевидно, что если въ человѣкѣ зашевелилось сомнѣніе въ пользѣ обновленія, то едва ли есть другой выходъ, кромѣ отрицанія этого обновленія.

Есть два пути, которыми люди доходятъ до отрицанія возможности обновленія въ данный моментъ. Одинъ мучительно активный, гдѣ полная вѣра въ людей и въ возможность обновленія разшибаются о несокрушимыя препятствія и люди видятъ, что для успѣха ихъ дѣла нужно родиться нѣсколькими десятками лѣтъ позже. Этимъ путемъ идутъ обыкновенно люди горячіе, увлекающіеся, неосторожные. Люди же благоразумные идутъ другимъ путемъ. Они увлекаются, да и то не всегда, только въ первой молодости; а затѣмъ въ нихъ скоро является сомнѣніе въ правильности своего увлеченія; убѣдившись въ своихъ ошибкахъ, они искренно желаютъ исправиться и, вступивъ на новую дорогу, идутъ ею до конца, уже не повторяя ошибокъ молодости...

Находясь на службѣ въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, Блудовъ обратилъ на себя вниманіе графа Салтыкова, товарища управляющаго коммиссіею. Салтыковъ занималъ Блудова постоянно работой и «здѣсь пріобрѣлъ онъ впервые навыкъ къ служебной дѣятельности вообще и къ дипломатической карьерѣ особенно». Съ этихъ поръ начинается служебная карьера Блудова.

Когда съ Блудовымъ сдѣлался тифъ и послѣ трудного выздоровленія онъ получилъ извѣстіе о смерти своей матери, то графъ Салтыковъ, желая дать ему возможность отдохнуть и разсѣять свое горе, командировалъ его за границу. Блудову было поручено отвезти къ голландскому королю три ордена Андрея Первозваннаго.

По возвращеніи въ Петербургъ, Блудову оказалъ новую служебную услугу графъ Каменскій. Желая удовлетворить тщеславію кня-

гини Щербатовой, не считавшей Блудова парой своей дочери, Каменскій, отправляясь главнокомандующимъ на Дунай, предложилъ Блудову мѣсто правителя канцеляріи своей дипломатической канцеляріи. Какъ догадывается уже читатель, Блудовъ наконецъ достигъ своего и женился на княжнѣ Щербатовой; впрочемъ ему потребовалось представить княгинѣ-матери доказательство, что родъ его записанъ въ бархатную книгу.

Женившись, Блудовъ обратился къ графу Румянцеву съ письмомъ, предлагая себя въ его распоряженіе Румянцевъ далъ ему мѣсто совѣтника миссіи въ Стокгольмѣ.

Все это, думаетъ читатель, еще не особенно важно и я могу прочесть въ формулярномъ спискѣ Блудова. Нѣтъ ли у васъ чего нибудь въ формулярахъ непомѣщаемаго? Вопросъ этотъ я передаю по принадлежности г. Ковалевскому, и онъ мнѣ указываетъ на 105 страницу. На этой страницѣ и на слѣдующихъ объясняется литературная дѣятельность Блудова. Графъ Блудовъ, Дашковъ и Жуковскій, чтобы противодѣйствовать славянофиламъ того времени, устроившимъ для своей пропаганды бесѣды «Любителей русскаго слова», основали общество «Арзамасъ». Это было очень благонамѣренное и скромное общество, занимавшееся литературными распрями съ славянофилами и собравшееся вокругъ Карамзина, котораго оно признавало своимъ путеводителемъ и вождемъ. При замѣчательно низкомъ умственномъ уровнѣ тогдашняго русскаго общества, скромный «Арзамасъ» казался разнымъ Шаховскимъ и Шишковымъ и другимъ ревнителямъ регресса подобіемъ якобинскаго клуба. Какъ всѣ скудоумные люди, сознающіе свое безсиліе бороться орудіемъ логики и знанія, славянофилы прибѣгали къ тайнымъ средствамъ, къ литературнымъ и нелитературнымъ доносамъ. Даже Карамзинъ, человѣкъ вполнѣ скромный, преданность котораго къ престолу стояла внѣ всякихъ подозрѣній, обвинялся въ какихъ-то непостижимыхъ, тайныхъ замыслахъ и въ зловредныхъ тенденціяхъ. Конечно все это были выдумки безсильныхъ стариковъ, но тѣмъ не менѣе ихъ желаніе напакостить литераторамъ и дѣятелямъ новаго поколѣнія, превращало журналистику того времени, какъ бы въ печатное дѣлопроизводство тайной канцеляріи.

Насколько подозрѣніе, хотя бы арзамасцевъ, въ зловредныхъ мысляхъ было неосновательно, читатель можетъ увидѣть изъ того

чѣмъ они занимались. «Собирались арзамасцы, говоритъ г. Ковалевскій, большею частію у Блудова и Уварова; вечеръ, посвященный какому нибудь серьезному чтенію или разбору критическому вновь появившагося въ одной изъ европейскихъ литературъ сочиненія, оканчивался веселымъ ужиномъ, гдѣ арзамасскій гусь и веселые куплеты, эпиграммы, а, за неимѣніемъ ихъ, обычная кантата Дашкова, пѣтая всѣми вмѣстѣ — составляли неизбѣжную принадлежность ужина». Во всемъ этомъ нѣтъ ничего кромѣ барскаго дилетантизма съ литературнымъ оттѣнкомъ, но въ тѣ времена отсталые люди простили бы скорѣе всякій разгулъ и даже штурмъ жидовскаго мѣстечка въ своемъ собственномъ отечествѣ, точно въ непріятельской землѣ, чѣмъ дѣйствительно головныя занятія и порядочность, колебавшіе авторитетъ стариковъ.

Хотя «арзамасцамъ» и приписываютъ вліяніе на развитіе тогдашней русской мысли, но въ этомъ мнѣніи заключается слишкомъ большая доля преувеличенія. Большой пользы не могло быть уже потому, что арзамасцы были дилетантами. Каждый изъ членовъ этого общества дѣлалъ себѣ служебную карьеру и каждый изъ нихъ достигъ впослѣдствіи большихъ служебныхъ рангов. Занимаясь литературой изъ дилетантизма, арзамасцы посвящали ей ровно столько времени, сколько дозволяли имъ служебныя занятія. Поэтому-то, когда общество задумало издавать журналъ, и въ тоже время главнѣйшимъ членамъ его были предложены выгодныя служебныя мѣста, такъ что одинъ уѣхалъ въ Константинополь, другой въ Лондонъ, то не только не состоялось изданіе журнала, но распалось и самое общество. Это было въ концѣ 1818 года. Какъ бы панегиристы не увлекались въ своемъ воззрѣніи на плѣнительную молодежь, составлявшую общество арзамасцевъ, но истинная сущность дѣла все-таки въ томъ, что *арзамаство* не было органической потребностію, не было вопросомъ жизни, это было только увлеченіе, либерализмъ, долженствовавшій уступить наконецъ свое мѣсто прозѣ служебной дѣятельности, представлявшей больше выгодъ, чѣмъ занятіе литературой и борьба съ Шишковымъ, Шаховскимъ, Каченовскимъ. Ни Дашковъ, ни Блудовъ не отказались отъ мѣстъ при посольствѣ въ Константинополѣ и въ Лондонѣ, ради задуманнаго ими журнала и литературныхъ вечеровъ; слѣдовательно,

нѣтъ основанія и говорить объ обществѣ арзамасцевъ, какъ о чемъ-то дѣйствительно серьезномъ, какъ о силѣ.

И самъ г. Ковалевскій хотя и не прямо, но подтверждаетъ туже мысль. «Незамѣтно, говоритъ онъ, подкрадывается новое поколѣніе; являются новыя идеи, новое направленіе умовъ. Какъ бы взамѣнъ «арзамасцу», основалось общество соревнователей просвѣщенія и благотворительности», но издаваемый имъ журналъ не имѣлъ единства убѣжденій; члены были слишкомъ разрознены и часто отличались противуположными воззрѣніями; а потому выраженія общаго ихъ направленія должно искать уже въ другихъ обществахъ, не всегда литературныхъ, явныхъ и тайныхъ: это направленіе оставило по себѣ слѣдъ кровавый». Если, по словамъ г. Ковалевскаго, уже въ то время подкрадывалось незамѣтно къ «арзамасцу« новое поколѣніе, новыя люди, новое направленіе умовъ, то очевидно, что идеи членовъ «арзамасца» оказывались устарѣвшими и русское общество, въ лицѣ своихъ лучшихъ интеллектуальныхъ представителей, нуждалось въ идеяхъ болѣе прогрессивныхъ. Все это заставляетъ меня думать, что принадлежность къ обществу арзамасцевъ никакъ не можетъ служить рекомендаціею обширнаго, глубокаго ума; справедливость моихъ словъ подкрѣпляетъ еще то обстоятельство, что путеводной звѣздой, кумиромъ этого общества былъ Карамзинъ, никогда не отличавшійся особенной шириной воззрѣнія; а если не было особеннаго свѣта въ самомъ солнцѣ, то какое же основаніе требовать солнечнаго свѣта отъ звѣздъ.

Принадлежность къ обществу арзамасцевъ и знакомство съ литераторами принесло графу Блудову и служебную пользу. По возвращеніи изъ Лондона, откуда онъ просился самъ, по разстроенному здоровью, ему было дано весьма серьезное порученіе. «Давно уже государь (какъ сказано въ предписаніи, Блудову) хотѣлъ обнародованіемъ важнѣйшихъ политическихъ актовъ и инструкцій своимъ уполномоченнымъ, разрушить тѣ обвиненія, которыя возводили на него, въ какихъ-то тайныхъ замыслахъ противъ независимости и цѣлости Европы. Кромѣ того, онъ желалъ сдѣлать ихъ вполнѣ доступными для всѣхъ русскихъ, которые могли бы судить о дѣйствіяхъ по документамъ, а не по журнальнымъ выдержкамъ и слухамъ, большею частію превратнымъ». Наконецъ государь желалъ положить начало введенія русскаго языка въ дипломатической пе-

перепискѣ. Съ этими цѣлями предполагалось собрать и перевести политическіе акты на русскій языкъ. Дѣло это и поручалось Блудову, какъ человѣку, «пользующемуся извѣстностью въ русской литературѣ».

Чрезъ десять мѣсяцевъ, первый томъ перевода былъ оконченъ и представленъ императору Александру I, который, оставшись очень доволенъ работой, тутъ же произвелъ Блудова въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Это было въ 1821 г.

Къ этому же времени относится переломъ въ политикѣ нашего кабинета. «Блудовъ, какъ и многіе другіе, видѣлъ въ этой перемѣнѣ только временное увлеченіе, нагнанное страхомъ революцій и вліяніемъ извѣстной партіи; и потому еще не рѣшался подавать въ отставку и оставался безъ всякихъ занятій». Блудовъ не рѣшался на отставку еще потому, что прослуживъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ 25 лѣтъ «не легко могъ найти занятіе по душѣ внѣ этого круга»... «Государь былъ мрачнѣе обыкновеннаго. Общество—разъединено, сдержано. Блудовъ рѣшился воспользоваться временемъ своего бездѣйствія, чтобы отвезти свою больную жену въ Эмсъ».

Тамъ онъ встрѣтилъ графа Каподистрія, этого бойца за свободу народовъ и независимость Греціи. Возвратившись въ Петербургъ подъ вліяніемъ сужденій графа Каподистрія, Блудовъ рѣшился выйти вовсе въ отставку. Только предстоящій отъѣздъ Государя замедлилъ подачу просьбы.» И Блудовъ остался на службѣ. Вскорѣ затѣмъ преслѣдовала смерть императора Александра и событія 14 декабря.

«Здѣсь, говоритъ г. Ковалевскій, по принятому нами плану, мы должны бы были окончить эту часть біографіи Блудова, относящуюся собственно только до времени царствованія Александра I, если бы не боялись оставить долѣе память Блудова подъ гнетомъ того обвиненія, которое взвела на него заграничная пресса, именно по поводу дѣла 14 декабря. Обвиненіе это сдѣлалъ Николай Тургеневъ.»

Императоръ Николай назначилъ Блудова — по указанію Карамзина, — производителемъ дѣлъ верховной слѣдственной коммисіи. «Блудову, говоритъ г. Ковалевскій, тяжело было это назначеніе: приходилось присутствовать при допросахъ людей, изъ которыхъ онъ иныхъ зналъ лично, съ семействами другихъ былъ въ связи... Отказаться отъ возлагаемаго на него порученія, — онъ полагалъ не-

возможнымъ, пока состоитъ на службѣ, считая строгое исполненіе обязанностей первымъ долгомъ гражданина.» Въ другомъ мѣстѣ, по поводу обвиненія Тургеневымъ секретаря лондонскаго посольства, явившагося къ нему съ обвинительными пунктами и съ требованіемъ правительства явиться для отвѣтовъ въ Россію, г. Ковалевскій говоритъ: «чѣмъ виновенъ секретарь, что на его долю досталось это непріятное порученіе? Опять — отказаться отъ порученія недостойнаго, выйти въ отставку; но тогда уже поздно! Отказываться отъ грямыхъ обязанностей невозможно,—развѣ вовсе не поступать на службу. Но объ этомъ предметѣ каждому позволено имѣть свое убѣжденіе.»

Оправданіемъ гр. Блудова противъ обвиненій Тургенева г. Ковалевскій кончаетъ первую часть біографіи.

Эта часть біографіи читается легко, благодаря огромному политическому интересу внутреннихъ и внѣшнихъ событій описываемаго времени. Что же касается до графа Блудова, то все, что говоритъ о немъ г. Ковалевскій, я изложилъ въ извлеченіи. Изъ этого извлеченія читатель легко увидитъ, что намѣренія г. Ковалевскаго были гораздо лучше, чѣмъ ихъ исполненіе.

«Приступивъ къ жизнеописанію графа Блудова, говоритъ г. Ковалевскій въ предисловіи, я вскорѣ убѣдился, что изображеніе лица, каково бы ни было его значеніе, взятаго отдѣльно внѣ общества, въ которомъ оно дѣйствовало, внѣ условій, убѣжденій, увлеченій его среды, наконецъ внѣ тѣхъ людей, съ которыми оно приходило въ соприкосновеніе—такое изображеніе останется всегда блѣднымъ, безжизненнымъ, неполнымъ, будетъ походить болѣе на тѣнь безъ образа и выраженія, чѣмъ на живое лицо.» Все это мысли весьма правильныя и, конечно, читатель не желалъ бы ничего больше, какъ чтобы авторъ исполнилъ свое обѣщаніе и далъ бы ему изображеніе не тѣни, а живого человѣка.

Но является ли предъ вами, читатель, живой, человѣческій образъ изъ моихъ извлеченій? Вы говорите нѣтъ. А между тѣмъ все, что разбросано у г. Ковалевскаго на 180 страницахъ, скучено у меня на десяти; слѣдовательно изображеніе должно быть рельефнѣе. Отчего же происходитъ эта туманность, расплывчивость изображенія? Здѣсь могутъ быть двѣ причины: или авторъ, понимая свою задачу, не имѣлъ силы ее выполнить, или же изображаемое лицо не даетъ

данныхъ для рельефнаго изображенія. Въ настоящемъ случаѣ объ причины имѣютъ извѣстную долю участія. Вина автора въ томъ, что онъ изображалъ только внѣшнія отношенія описываемаго имъ лица къ внѣшнимъ событіямъ, но нисколько не касался его внутренняго психическаго міра. Правда, авторъ говоритъ, что его герой любилъ, мыслилъ, говорилъ, имѣлъ желанія и стремленія; но вѣдь и во всѣхъ людяхъ происходятъ подобные же процессы; нужно знать, какъ онъ любилъ, какъ и что онъ мыслилъ, какія именно имѣлъ желанія и стремленія. А этихъ-то именно вопросовъ г Ковалевскій и не спеціализируетъ. Неужели это могло произойти оттого, что въ графѣ Блудовѣ не выяснилось характера, склада мыслей, стремленій? Такое предположеніе едва ли правдоподобно, потому что, ко времени возшествія на престолъ императора Николая, Блудову, какъ кажется, кончилось уже сорокъ лѣтъ.

Съ другой стороны, и въ самой дѣятельности графа Блудова мы не замѣчаемъ еще ничего выходящаго изъ ряда. Способный юноша, онъ начинаетъ свою служебную дѣятельность подъ покровительствомъ людей сильныхъ, какъ Наумовъ, графъ Каменскій, графъ Салтыковъ, и даже послѣ 25 лѣтъ службы не успѣлъ еще достигнуть самостоятельнаго служебнаго положенія, тогда какъ при императорѣ Александрѣ I карьеры дѣлались быстро. На недостатокъ связей графъ Блудовъ пожаловаться не могъ, особенно послѣ женитьбы на княжнѣ Щербатовой. Чего же ему не доставало, чтобы проявить глубокія мысли, широкіе замыслы, геніальныя стремленія? Эпоха, въ которую жилъ гр. Блудовъ, благопріятствовала всему этому и людямъ сильнаго ума, въ родѣ Сперанскаго, всегда была возможность заявить себя.

Изъ первой части біографіи графа Блудова видно, что въ царствованіе императора Александра I ему не представлялось еще случая заявить вполнѣ свои способности. А потому, не опережая автора, мы подождемъ, что онъ скажетъ въ слѣдующей части. Теперь же я обращусь опять къ г. Ковалевскому.

По нѣкоторымъ мѣстамъ написанной имъ біографіи можно полагать, что если бы г. Ковалевскій обнаружилъ больше смѣлости въ своемъ изложеніи и былъ бы больше біографомъ, чѣмъ панегиристомъ, то ему не представилось бы затрудненія сказать прямо о многомъ, чего онъ теперь не сказалъ, и вслѣдствіе чего далъ чита-

телю возможность дѣлать догадки, можетъ быть, не всегда правильныя. Кромѣ того, и по отношенію къ Блудову, онъ имѣлъ весьма недурной матеріалъ для болѣе подробной оцѣнки его характера и образа мыслей, но къ сожалѣнію онъ этого матеріала не коснулся и помѣстилъ его сырьемъ, въ концѣ книги, въ отдѣлѣ приложеній. Я говорю о литературныхъ статьяхъ гр. Блудова и преимущественно о его «Мысляхъ и замѣчаніяхъ.» Къ разбору ихъ я и хочу теперь приступить, при чемъ очень сожалѣю за читателя, что этой работы не взялъ на себя самъ г. Ковалевскій.

III.

Помѣщая «Мысли и замѣчанія» графа Блудова, г. Ковалевскій сдѣлалъ большую ошибку, что не объяснилъ, въ какомъ порядкѣ онъ ихъ располагаетъ. Лучшимъ порядкомъ былъ бы конечно хронологическій, потому что далъ бы возможность опредѣлить постепенность умственной зрѣлости графа Блудова. Теперь же, не зная, какъ думалъ Блудовъ въ молодости и какъ сталъ онъ думать въ пору возмужалости, я могу сдѣлать невольную ошибку и судить, о его зрѣлости по его юнымъ мыслямъ. Но съ другой стороны я, можетъ быть, и не ошибусь. Я не думаю, чтобы г. Ковалевскій не имѣлъ въ виду того, что я говорю теперь; тѣмъ болѣе, что изъ каждаго его слова видно, что онъ питаетъ благоговѣйное уваженіе къ памяти гр. Блудова. А въ такомъ случаѣ онъ конечно помѣстилъ только тѣ афоризмы покойнаго графа, которые бы не могли набросить на него никакой тѣни.

Въ числѣ первыхъ афоризмовъ графа Блудова я читаю: «Слогъ самый простой не есть языкъ обыкновенныхъ разговоровъ, также какъ самый простой фракъ не есть еще шлафрокъ.» Приведенный афоризмъ есть перефразировка франклиновскаго: мало того, чтобы *быть*, надобно еще и *казаться*,

Слогъ есть больше ничего, какъ форма или оболочка мысли; если у васъ хорошія мысли, у васъ будетъ и хорошій слогъ или языкъ. Нельзя говорить однимъ языкомъ, а писать какимъ-то другимъ.

Какъ человѣкъ говоритъ, такъ онъ и пишетъ. Можно пожалуй не печатать всего того, что говоришь въ обыкновенныхъ разговорахъ, но совсѣмъ не по причинѣ недостатковъ въ слогѣ, а потому, что въ обыкновенныхъ разговорахъ люди бываютъ не всегда разборчивы въ качествѣ мыслей. Ну а зачѣмъ же доводить до общаго свѣденія, печатнымъ образомъ, всякія глупости, которыя люди говорятъ и думаютъ, тѣмъ болѣе, что въ глупыхъ книгахъ, какъ кажется, и безъ того нѣтъ недостатка.

Во всякомъ случаѣ изъ приведеннаго афоризма графа Блудова я заключаю, что его взглядъ на искренность поведенія и искренность отношеній къ людямъ былъ ошибоченъ, и можетъ быть оправданъ только тѣмъ, что графъ Блудовъ развивался подъ вліяніемъ французскихъ эмигрантовъ. Какія практическія слѣдствія извлекалъ гр. Блудовъ изъ своего теоретическаго правила—въ книгѣ г. Ковалевскаго я не нашелъ.

Афоризмъ гр. Блудова можетъ быть объясненъ еще и тѣмъ, что не только въ его время, но даже и передъ самымъ Бѣлинскимъ наша литературная критика упражнялась только въ шлифованіи и полированіи слога, не затрудняя себя разборомъ качества мысли. Причина этого заключалась единственно въ нашей умственной незрѣлости, въ способности понимать только форму, что легко и въ неспособности понимать сущность, что гораздо труднѣе. Эта первая стадія умственной жизни проявляется всегда излишней словоохотливостью, въ разговорахъ для разговоровъ и въ ненужной тратѣ словъ. Арзамасцы именно и занимались этимъ; вотъ почему существенной принадлежностію ихъ собраній были ужины. Я говорю это не для обвиненія арзамасцевъ, а объясняю фактъ. Послѣ періода молчанія было естественно, что люди пришли въ восторгъ отъ дозволенія говорить и принялись усердно за разговоры. Вотъ отчего во всемъ, что писали и говорили тогда люди, было такъ много сентиментализма, фантазіи и фразъ, за которыми не скрывалось никакой серьезной мысли.

Таже любовь къ разговорамъ, т. е. къ занятіямъ несущественнымъ, была причиной, что явился обычай записывать мысли. Это тоже своего рода разговоры и упражненія въ слогѣ.. Въ наше время умные люди своихъ мыслей не записываютъ, потому что это только напрасная трата времени. Если у васъ много очень хоро-

шихъ мыслей—займитесь литературой, повѣдайте ихъ міру; если ваши мысли такъ умны, что современное человѣчество понять ихъ не въ состояніи, и по той же причинѣ онѣ не могутъ явиться въ печати, пожалуй запишите ихъ и завѣщайте обнародовать ихъ послѣ вашей смерти; также поступите и въ томъ случаѣ, если вы государственный человѣкъ или распорядитель народныхъ судебъ; ваши мысли и замѣчанія, напечатанныя по смерти, будутъ имѣть значеніе важнаго историческаго документа.

Отдавая дань своему времени, гр. Блудовъ въ своихъ «Мысляхъ и замѣчаніяхъ», отдавался подъ-часъ сентиментализму, подъ-часъ фразистости, подъ часъ тому и другому вмѣстѣ. Представляю на судъ читателя три афоризма, въ которыхъ соединилась наиболѣе удачно фраза съ сентиментальностью, выраженная полированнымъ карамзинскимъ слогомъ.

Афоризмъ № 1. «Близкая планета блистаетъ болѣе отдаленнаго Сируіса, но въ огнѣ послѣдняго примѣтно безпрестанное движеніе, ибо онъ безпрестанно производитъ новые лучи свѣта, а сіяніе планеты неподвижно, потому что заимствованное. Не то ли мы видимъ и въ обществѣ? Сколько умовъ блестящихъ... а при малѣйшемъ наблюденіи откроешь въ ихъ блескѣ неподвижность планетнаго свѣта». Если отбросить въ этомъ афоризмѣ все то, что составляетъ принадлежность такъ называемаго слога, то основная мысль его, неотличающаяся особенной грандіозностію, можетъ быть выражена слѣдующимъ простымъ образомъ: многое множество людей живетъ чужимъ умомъ.

Аф. № 2. «Что мы всего болѣе любимъ въ нашихъ друзьяхъ? Потребность ихъ въ нашей любви». Откинувъ слогъ и сентиментализмъ, пришлось бы сказать: мы только любимъ тѣхъ, кто насъ любитъ.

Аф. № 3. «Презирать злобу людей можетъ не добродѣтельный человѣкъ, а развѣ нечувствительный и вѣтреный. Напрасно ты вооружаешь себя героизмомъ философіи, напрасно отрекаешься отъ наслажденій избытка и отъ успѣховъ тщеславія, съ этимъ твое сердце еще не будетъ неуязвимымъ. Тебя принудятъ страдать въ любви къ семейству, къ друзьямъ, или, по крайней мѣрѣ, въ общей любви къ человѣчеству». Этого афоризма я рѣшительно не въ состояніи понять, благодаря полированному слогу, изображающему со-

вершенно несокрушимую броню, а частію и невѣрности основной мысли, которую нужно перевернуть. То ли хотѣлъ сказать авторъ афоризма, что добродѣтельный человѣкъ не презираетъ людскую злобу. Что же въ такомъ случаѣ онъ долженъ дѣлать? Что злые люди оскорбятъ васъ въ самомъ корнѣ вашего міровоззрѣнія, отравятъ вамъ всю жизнь, заставятъ васъ усумниться въ любви къ себѣ тѣхъ, кого вы считаете людьми къ себѣ самыми близкими, пошатнутъ всю вашу вѣру въ человѣчество? Но зачѣмъ толковать о людяхъ добродѣтельныхъ и злыхъ, о любви и ненависти; все это, правда, очень нѣжно, но совершенно непонятно. И въ этой-то ошибкѣ и заключается вся слабая сторона сентименталистовъ. «О вы, блага! говоритъ графъ Блудовъ въ другомъ мѣстѣ,—которыхъ сердце не перестаетъ просить съ упорствомъ: полнота радости, неизмѣнность дружбы, непоколебимость правосудія, покой души и свободы! Вы намъ являетесь въ жизни, какъ предметы являются въ зеркалѣ. Мы ихъ видимъ въ немъ, узнаемъ, разсматриваемъ, а ихъ въ немъ нѣтъ». И здѣсь вся ошибка въ сентиментальномъ отношеніи къ вопросу вмѣсто головнаго, въ желаніи возбудить чувство, вмѣсто возбужденія ума. Не говоря уже про то, что убѣждать людей можно только однимъ — дѣйствуя на ихъ интеллектъ; возбужденіе чувствительности имѣетъ еще и другую вредную сторону: оно колеблетъ человѣка между двумя крайностями — заносчивостію и приниженностію; первая ведетъ къ насилію и деспотизму, а вторая къ ложному смиренію и къ уничтоженію чувства собственнаго достоинства. Какъ легко, отправляясь отъ сентиментализма, придти къ ошибочнымъ теоріямъ, показываетъ между прочимъ афоризмъ гр. Блудова на тему о терпѣніи: «Въ обдуманномъ, постоянномъ и слѣдственно смиренномъ терпѣніи всѣ средства нравственнаго совершенствованія и условія лучшаго вѣка». Вступая на скользкій путь подобнаго пониманья, очень легко уйти въ темныя дебри самыхъ смутныхъ представленій и очень лукавой философіи, гдѣ о любви къ ближнему на дѣлѣ не будетъ уже и помину. Ну а для сентиментализма это какъ-то и неловко.

Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ мы находимъ у гр. Блудова афоризмъ, если и не идущій въ разрѣзъ предъидущему, то по крайней мѣрѣ убѣждающій въ томъ, что теорія смиренія не составляла непоколебимаго ученія графа. «Чтобы быть безъ страха, должно

смиряться передъ судьбою, то-есть, заранѣе рѣшаться на всѣ несчастія; но это смиреніе сообщаетъ намъ спокойство минутное и никогда не сдѣлается обыкновеннымъ состояніемъ души нашей». Изъ этого я вывожу то заключеніе, что если въ одномъ мѣстѣ гр. Блудовъ утверждаетъ, что въ терпѣніи заключается вся мудрость жизни и что слѣдуетъ смиряться, за то въ другомъ тотъ же авторъ утверждаетъ, что смиреніе не можетъ сдѣлаться обыкновеннымъ состояніемъ души и, слѣдовательно, оно несогласно съ природой человѣка или иначе—невозможно. Непослѣдовательно!

Этотъ переходъ къ болѣе правильному воззрѣнію на жизнь и на людей замѣтенъ и въ другихъ афоризмахъ гр. Блудова. «Многіе хвалятъ посредственность; но во всемъ ли хороша она? Я, напримѣръ, продолжаетъ Блудовъ, часто вижу людей, которые достойны названія посредственныхъ: они не знаютъ, что такое умъ и не скажутъ замѣчательной глупости! въ ихъ поступкахъ нѣтъ ни порывовъ, ни правилъ; въ сердцахъ нѣтъ склонности къ злобѣ и нѣтъ расположенія къ благороднымъ или нѣжнымъ привязанностямъ; вся жизнь ихъ безъ цѣли, безъ занятій, безъ побужденій, подобна стоячей водѣ, по которой нельзя доплыть ни къ крутой скалѣ ума и добродѣтели, ни къ пологому берегу порока и глупости. Должно-ли ихъ предпочитать глупцамъ и бездѣльникамъ? Не знаю: они между людьми тоже, что скука между чувствами; а иногда бываетъ тяжелѣе зѣвать, нежели плакать.» Откинувъ слогъ, мы найдемъ правильную мысль о томъ, что посредственность и дрянность хуже бездѣльничества и крайней глупости, и нельзя не согласиться съ гр. Блудовымъ, когда онъ туже мысль выражаетъ слѣдующимъ болѣе рельефнымъ образомъ: «иные люди надѣлали много зла и не могутъ быть названы злодѣями: это имя для нихъ слишкомъ благородно. Они не злодѣйствуютъ, а только *пакостятъ* съ вредомъ для ближняго.»

Здѣсь гр. Блудовъ дѣлаетъ переходъ къ другой серіи афоризмовъ, высказанныхъ имъ на тему человѣческой глупости. «Послѣ гордости, говоритъ онъ, величайшая язва человѣчества есть глупость или невѣжество, ибо глупость ничто иное, какъ невѣжество всеобладающее и неизлечимое. Но и гордость не есть ли также родъ глупости?» Или: «съ большею осторожностью можно предохранить себя отъ злости людей; но какъ спастись отъ ихъ глупости?»

Воззрѣнія гр. Блудова на міровое значеніе глупости были бы опредѣленнѣе, если бы онъ находился поменьше подъ вліяніемъ примиряющихъ воззрѣній и сентиментальной литературы.

Общественно-политическія воззрѣнія Блудова, можетъ быть, наиболѣе важныя, потому что ими должна характеризоваться его государственная дѣятельность, сводятся къ очень небольшому числу афоризмовъ, тѣмъ не менѣе однако заслуживающихъ вниманія по своей полнотѣ. «Вопреки якобинцамъ всѣхъ вѣковъ и племенъ, народъ не есть судья царей: но онъ ихъ критикъ, и подобно прочимъ, можетъ исправлять только людей съ дарованіемъ. Продолжая сравненія, мы скажемъ царямъ и авторамъ: не сердитесь за критику и не всегда ей вѣрьте; но умѣйте слушать и разумѣть ее. Скажемъ рецензентамъ и народамъ, первымъ: критикуя автора, не оскорбляйте человѣка; другимъ напротивъ: критикуя человѣка, не забывайте правъ государя и престола.» Или: «Давно сравниваютъ монархическое правленіе съ отеческимъ, и это сравненіе прилично всѣмъ монархіямъ, сколь бы впрочемъ между ими не было различія въ законахъ, опредѣляющихъ права народа, или образъ дѣйствій правительства. Отецъ есть глава семейства, изъ младенцевъ ли оно составлено, изъ юношей или изъ мужей зрѣлыхъ лѣтами и опытностію. Но въ попеченіи о младенцахъ, отецъ обязанъ самъ все предвидѣть, принимать всѣ предосторожности, однимъ словомъ, за нихъ и мыслить и дѣйствовать. Руководствуя юношами, еще недовольно имѣть свѣденіе о ихъ главныхъ нуждахъ и пользахъ; должно узнать ихъ склонности, желанія, составляющія особый родъ потребностей, должно съ оными соображать свои дѣйствія. Когда же дѣти въ зрѣломъ возрастѣ, то самыя ихъ мнѣнія имѣютъ необходимое вліяніе на поступки отца и зависимость такихъ дѣтей можно назвать только зависимостію почтенія. Управленіе въ двухъ послѣднихъ случаяхъ и труднѣе и легче, нежели въ первомъ; средства для дѣйствія не столь просты, за то и ошибки не столь часто неизбѣжны; но сей образъ правленія не можетъ существовать безъ взаимной довѣренности, слѣдственно безъ взаимныхъ почти непрестанныхъ сношеній, между отцомъ и дѣтьми. Какъ опасно оставлять младенцевъ, безъ нѣкотораго принужденія, въ жертву ихъ прихотямъ и неразумію, но какже опасно неосторожнымъ противоборствомъ возмущать страсти юношей, или, дѣйствуя вопреки совѣтамъ благоразу-

мія, унижать себя въ глазахъ сыновъ, достигшихъ зрѣлости! А что опредѣляетъ сію зрѣлость, кромѣ богатства понятій и свѣденій, кромѣ степени просвѣщенія». Или наконецъ: «что спорить о конституціяхъ? Всякое государство имѣетъ свою конституцію, ему сродную. Такъ часто говорилъ нашъ исторіографъ Карамзинъ. Конечно, могли бы мы отвѣчать ему: и всякій человѣкъ имѣетъ свое сложеніе, но одинъ, перенося труды, безпокойства, непріятности, только пріобрѣтаетъ новыя силы, другой, какъ бы липка погибаетъ отъ дуновенія вѣтра. Кому же лучше? Нельзя лечиться отъ сложенія; но если мы изберемъ приличный родъ жизни, если будемъ постоянно наблюдать за собою, перемѣняя мало по малу свои навыки, укрѣпляя себя хорошею пищею и трудомъ, то можемъ достигнуть до степени здоровья, о коей прежде не смѣли и думать. И что же! Въ иныхъ обстоятельствахъ хилой человѣкъ переживаетъ геркулеса».

Несмотря на интересъ и серьезное значеніе мыслей, высказанныхъ въ вышеприведенныхъ трехъ афоризмахъ, я не стану разбирать ихъ ни съ научно-теоретической точки зрѣнія, ни по практическимъ ихъ послѣдствіямъ. Такъ какъ, конечно, г. Ковалевскій не лишитъ русскихъ читателей удовольствія познакомиться съ дальнѣйшею дѣятельностію графа Блудова въ высшей государственной сферѣ, то къ этимъ вопросамъ можно будетъ возвратиться еще и тогда.

Н. Шелгуновъ.

УГОЛОВНОЕ ПРАВОСУДІЕ И ПСИХОЛОГІЯ.

(Болѣзни души. Соч. д-ра Шиллинга. Перев. съ нѣмецкаго д-ра Закса. Вып. первый. Харьковъ 1867 г).

Вѣроятно, читатель не забылъ судебный процессъ г-жи Умецкой, обратившій на себя общее вниманіе какъ журналистики, такъ и публики. Процессъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что гласному суду пришлось въ первый разъ приподнять кончикъ занавѣсы, за которой скрываются никому невѣдомыя, но повседневно совершающіяся сцены нашего семейнаго самодурства. Чуть-чуть сверкнулъ огонекъ надъ темнымъ міромъ, гдѣ глохнутъ тысячи молодыхъ и здоровыхъ силъ, какъ мы увидѣли лицомъ къ лицу дикій произволъ отца съ дикими наклонностями дочери. Съ одной стороны, любвеобильные родители преспокойно морятъ голодомъ своихъ дѣтей, уродуютъ и забиваютъ ихъ также хладнокровно, какъ снятъ и ѣдятъ, а съ другой — намъ бросается въ глаза полубольное, полузабитое существо, протестующіе противъ насилія насиліемъ и отстаивающее потребность жизни и независимости всѣми средствами, доступными неразвитой, но энергической натурѣ. Молодой дѣвушкѣ хочется избавиться отъ того дома, въ которомъ она ничего другого не знала, кромѣ гнета и оскорбленій, и она рѣшается на поджогъ этого дома; ей не предвидится въ будущемъ ничего отраднаго, и она готова покончить съ собою самоубійствомъ. Для человѣка привыкшаго смотрѣть равнодушно на страданія другихъ,—въ этомъ фактѣ нѣтъ ничего необыкновеннаго, вызывающаго на размышленіе; для юриста, взвѣшивающаго и примѣривающаго человѣческіе поступки по извѣстнымъ пунктамъ Свода Законовъ — въ г-жѣ Умецкой кромѣ преступленія и неизбѣжнаго наказанія ничего больше

не представляется. Но для мыслящаго человѣка тутъ возникаетъ множество вопросовъ самаго серьезнаго характера. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ рядомъ неестественныхъ и уродливыхъ случайностей можно довести себя отцу до такого извращенія самаго лучшаго изъ своихъ чувствъ — до уничтоженія въ себѣ любви къ дочери? Какъ можно заглушить въ себѣ всякое состраданіе къ безпомощному ребенку и мучить его съ какимъ-то лошадинымъ упрямствомъ? Слова *изверг*, *деспотъ* и т. п. въ этомъ случаѣ ничего не поясняютъ. Чтобы существовать такому явленію, необходимо предположить причины, лежащія не въ индивидуальномъ характерѣ отдѣльнаго лица, а въ общей совокупности условій той семейной обстановки при которой возможны подобныя аномаліи; нужна особенная сфера, гдѣ могъ бы человѣкъ отупѣть до совершенной окаменѣлости своихъ нервовъ, до потери нормальнаго отправленія мозга. Точно также, при нормальномъ отправленіи умственныхъ способностей, невозможно рѣшиться на такую безумную мѣру, какъ сожженіе дома, въ которомъ живется скверно... Пока психическія болѣзни будутъ загадкой для нашихъ наблюденій, намъ трудно провести границу, гдѣ оканчивается здоровый человѣкъ и начинается душевно разстроенный. Одно только можно утверждать, что мы каждый день видимъ различные образчики болѣе или менѣе замѣтнаго помѣшательства, и принимаемъ эти явленія за совершенно нормальныя. Мы привыкли къ нимъ; мы сами отчасти участвуемъ въ нихъ. И когда дѣло идетъ о томъ, чтобы вести чисто-внѣшнія отношенія съ этими индивидуумами, разговаривать съ ними въ гостиныхъ, веселиться на балахъ, вмѣстѣ обѣдать и отъ нечего дѣлать сплетничать, то взаимное наше положеніе дѣлается безвреднымъ и безобиднымъ. Но когда судья произноситъ свой приговоръ, рѣшая участь подсудимаго, тогда вопросъ о нормальномъ психическомъ его состояніи принимаетъ самый торжественный характеръ. Наказать больного тоже, что убить беззащитнаго. Вотъ почему нашимъ юристамъ, адвокатамъ и присяжнымъ, для обезпеченія дѣйствительно праваго и проницательнаго суда, кромѣ судебныхъ уставовъ нужны еще знанія, и обширныя знанія человѣческаго организма и его психическихъ отправленій. Только этотъ высшій соціальный разумъ можетъ ручаться за правду и гуманность суда.

Совершенно ошибочно думать, будто бы достаточно только здраваго смысла, чтобы опредѣлить виновность или невинность человѣка. Голый здравый смыслъ есть чисто практическая способность,

для разрѣшенія теоретическихъ вопросовъ непригодная. Здравый смыслъ хорошъ только рядомъ съ знаніемъ; а при невѣжествѣ онъ ведетъ къ глупой самоувѣренности и упорству, и нисколько не обезпечиваетъ противъ ошибокъ и несправедливости.

Для вѣрной оцѣнки человѣческихъ поступковъ и для опредѣленія вмѣняемости или невмѣняемости извѣстнаго дѣйствія, нужно прежде всего знать, чѣмъ именно опредѣляется то или другое поведеніе человѣка и какую роль играютъ въ немъ внутреннія психологическія процессы. Нужно знать, въ какомъ видѣ проявляются, во внѣшнемъ дѣйствіи, здоровые и болѣзненные процессы чувствующаго организма; иначе сказать, нужно знать психологію и психіатрію. Этихъ двухъ знаній даже очень ученые юристы не вводили въ кругъ своихъ знаній, неизбѣжно необходимыхъ для каждаго изъ нихъ; а обыкновенные присяжные и адвокаты едва ли даже подозрѣвали ихъ существованіе; а потому и нечего удивляться, что гласное судопроизводство представляетъ повсюду очень частые и, къ сожалѣнію, непоправимые промахи и ошибки, только роняющіе достоинство суда

Думаю, что послѣ этихъ объясненій читатель найдетъ правильнымъ сопоставленіе уголовнаго суда и психологіи, сдѣланное мною въ заглавіи настоящей статьи. Справедливый уголовный судъ немыслимъ безъ знанія психологіи и психіатріи, и мнѣ хотѣлось бы обратить вниманіе нашихъ юристовъ и тѣхъ, кому придется быть присяжными, на этотъ серьезный и для нихъ безусловно-необходимый вопросъ.

II.

Перейдемъ къ примѣрамъ. Въ одной изъ книжекъ «Архива Судебной медицины» (въ ст. о призрѣніи помѣшанныхъ въ Россіи.) разсказывается слѣдующій фактъ.

«Чиновникъ М. Б., 41 года отъ роду, родомъ изъ енисейской губерніи, присланъ 23 февраля 1862 года губернскимъ правленіемъ на шести-недѣльное испытаніе въ общественное заведеніе для помѣшанныхъ. При пріемѣ его оказалось въ старомъ дорожномъ мѣшкѣ, между ненужными записками и бумагами, 20,000 р. с.

частью наличными деньгами, частью въ цѣнныхъ бумагахъ, 8 золотыхъ и 4 серебряныхъ карманныхъ часовъ, нѣсколько долговыхъ росписокъ и кошелекъ съ золотомъ, вѣсомъ въ 8 зол. 30 долей. Больной кажется старше своихъ лѣтъ; волоса на головѣ и бородѣ посѣдѣлые, языкъ неповоротливъ; походка шаткая, живой бредъ о *преслѣдованіяхъ*. Несмотря на застарѣлый сифилисъ, больной не хочетъ принимать лекарствъ, боясь отравы; проситъ дать ему немного магнезіи, которую онъ, какъ позже сказалъ, употребляетъ затѣмъ, чтобы уничтожить ядъ, можетъ быть, ему данный. Въ теченіе болѣзни все явственнѣе наступали признаки общаго прогрессивнаго паралича. Такимъ образомъ можно было предсказать только неизлѣчимость болѣзни. Жену свою онъ особенно ненавидѣлъ, хотя жилъ съ нею счастливо почти 20 лѣтъ. Онъ не хотѣлъ принимать ее и объявилъ, что, когда будетъ свободенъ, убьетъ ее. Напротивъ того, онъ часто принималъ къ себѣ своего друга, коллежскаго секретаря Л—скаго. 27 апрѣля 1862 г. больной былъ потребованъ въ губернское правленіе, а 4 мая больница получила предписаніе выписать Б.; и такъ какъ онъ не страдаетъ ни *сумасшествіемъ*, ни *безумію*, то передать его коллежскому секретарю Л—скому, по просьбѣ послѣдняго. Больница сообщила на это генералъ-губернатору, что вопреки резолюціи губернскаго правленія врачи больницы должны признать Б. душевно-больнымъ. Затѣмъ испрашивалось, должно ли, въ случаѣ выписки Б. вручить ему имущество его. Вслѣдствіе этого послѣдовало приказаніе генералъ-губернатора удержать паціента въ больницѣ до вторичнаго освидѣтельствованія въ губернскомъ правленіи. Освидѣтельствованіе это сдѣлано двѣ недѣли спустя; губернское правленіе признало Б. *совершенно здоровымъ* и по его приказанію онъ отправленъ съ своими 20,000 руб. сер. и прочимъ имуществомъ, въ сопровожденіи своего друга Л—скаго въ канцелярію оберъ-полиціймейстера. Что сдѣлалось потомъ съ несчастнымъ паціентомъ — больницѣ осталось неизвѣстнымъ: скажемъ только, что 10 декабря полученъ запросъ изъ Управы благочинія, не находится ли въ этой больницѣ Б. и въ какомъ онъ состояніи?»

Еще случай. «Р. Курицкій, 16 лѣтъ отъ роду, съ дѣтства страдалъ припадками падучей болѣзни и, по просьбѣ отца (врача), по мѣщенъ въ общественное заведеніе для помѣшанныхъ, такъ какъ въ послѣднее время у него оказались припадки маніи вмѣстѣ съ эпилепсіей, и онъ сталъ опасенъ для самого себя и для своего семейства. Паціентъ поступилъ въ больницу 26 января 1865 г. и чрезъ 10 дней

потомъ, 5 февраля, потребованъ въ губернское правленіе. Дальнѣйшей резолюціи не послѣдовало, и надобно предполагать, что губернское правленіе признало Курицкаго больнымъ. Дѣйствительно, въ теченіе полугода у него нѣсколько разъ обнаружились припадки эпилепсіи и маніи, послѣдніе до такой степени, что нужно было принять укротительныя мѣры. 9-го августа 1865 г., слѣдовательно черезъ полгода по изслѣдованіи, губернское правленіе сообщило, что Курицкій, по рѣшенію сената отъ 13 іюля, не признанъ душевно-больнымъ и потому долженъ быть выписанъ изъ заведенія. Такимъ образомъ Курицкій переданъ отцу, вопреки желанію послѣдняго. Въ началѣ сентября, Курицкій, съ припадками бѣшенства, снова былъ доставленъ родителями въ больницу, но, съ одной стороны, во вниманіе къ вышеупомянутому рѣшенію, съ другой же, по недостатку мѣста и неимѣнію необходимыхъ документовъ, больной не былъ принятъ. Вскорѣ потомъ въ газетахъ, между полицейскими извѣстіями, напечатано было слѣдующее: 12 сентября, утромъ въ 5 часовъ, замѣченъ былъ неизвѣстный молодой человѣкъ на верхней площадкѣ выходящей къ стѣнѣ придворно-служительскаго дома въ Сергіевской улицѣ. Онъ разговаривалъ съ собравшимися внизу людьми, которые совѣтовали ему сойдти внизъ и вдругъ онъ бросился, съ высоты 10 саженей, на тротуаръ. Онъ тотчасъ же былъ отправленъ въ больницу, но умеръ уже на дорогѣ туда Оказалось, что несчастный былъ помѣшанный, 16-ти лѣтній сынъ доктора Курицкаго, за три дня до происшествія ушедшій изъ родительскаго дома.»

Авторъ статьи замѣчаетъ, что къ этимъ немногимъ случаямъ, приведеннымъ имъ въ видѣ примѣровъ, онъ могъ бы прибавить длинный рядъ другихъ въ доказательство ошибочныхъ діагнозовъ.

Отчего же происходятъ эти ошибки? А только оттого, что у насъ судебный приговоръ о душевной болѣзни дѣлается обыкновенно людьми некомпетентными. Постановленія этого рода составляются у насъ губернскимъ медицинскимъ начальствомъ, въ губернскомъ правленіи, въ присутствіи губернатора, вице-губернатора и депутата со стороны свидѣтельствуемаго. Результаты освидѣтельствованія представляются на окончательное рѣшеніе сената. Недостаточность подобнаго порядка вполнѣ уже доказалась практикой и тѣми противорѣчіями, какія обнаруживаются всегда при продолжительномъ наблюденіи больныхъ знающими психіатрами.

Если бы такія ошибки падали исключительно на тѣ случаи, когда идетъ дѣло о принятіи или непринятіи сумасшедшаго въ боль-

ницу, то даже и тогда трудно было бы найти имъ оправданіе. Но въ иномъ видѣ представляется вопросъ, если подобныя ошибки дѣлаетъ и будетъ дѣлать уголовный судъ. Въ этихъ случаяхъ больной идетъ за уголовнаго преступника; невинный, котораго бы нужно лечить,—наказывается. Въ другой статьѣ, подъ тѣмъ же заглавіемъ и въ томъ же «Архивѣ» говорится, что «нѣтъ у насъ ни одного острога или тюрьмы, въ которыхъ бы ни находились помѣшанные. Такъ, наприм., въ с.-петербургской тюрьмѣ находится постоянно человѣкъ 10 помѣшанныхъ, которые попадаютъ туда въ качествѣ бродягъ.» Наша уголовная статистика къ сожалѣнію ничего не говоритъ о томъ, сколько съумасшедшихъ подвергаются ежегодно уголовнымъ наказаніямъ. Но кому случалось бывать въ мѣстахъ ссылки, тѣ очень хорошо знаютъ, что многіе ссыльные—люди душевно разстроенные.

Обыкновенно думаютъ, что съумасшедшій долженъ имѣть нелѣпый, всклокоченный видъ и дѣлать всякія глупости. Это вовсе невѣрно. Очень часто здоровые похожи на съумасшедшихъ и съумасшедшіе на здоровыхъ; такъ, что самый опытный психіатръ, послѣ продолжительнаго наблюденія, не рѣшается высказать положительнаго заключенія ни pro, ни contra. Въ какой степени легкомысленно полагали, что діагноза человѣка, подлежащаго изслѣдованію, можетъ быть сдѣлана въ какіе нибудь полчаса или часъ времени, а тѣмъ болѣе людьми несвѣдущими, читатель увидитъ изъ слѣдующихъ словъ Гризингера, приводимыхъ мною въ сокращеніи. А Гризингеру вѣрить можно, потому что онъ первый нѣмецкій психіатръ.

Гризингеръ говоритъ, что бываютъ случаи, когда даже и не психіатръ замѣчаетъ безъ труда, что душевная дѣятельность индивидуума разстроена, но въ большинствѣ случаевъ сужденіе объ этомъ очень трудно и требуетъ долгихъ наблюденій и самыхъ основательныхъ спеціальныхъ свѣденій. «Я самъ, говоритъ Гризингеръ, читалъ мнѣнія спеціалистовъ психіатровъ, которые послѣ полугодового наблюденія человѣка у себя въ заведеніи, не могли рѣшить: съумасшедшій ли онъ или нѣтъ, и есть нѣсколько и старыхъ, и болѣе новыхъ случаевъ, что послѣ долгаго спеціальнаго наблюденія, знаменитости по психіатріи высказывали совершенно противоположныя мнѣнія; чтеніе подобныхъ мнѣній весьма полезно и поучительно. Это показываетъ, какъ неисполнимо во многихъ случаяхъ требованіе, часто дѣлаемое въ судахъ присяжныхъ, чтобы врачъ, видѣвши два или три раза обвиненнаго, и то недолго,—иногда вре-

мени едва только достаточно, чтобы внимательно просмотрѣть слѣдствіе и акты, —подалъ свое мнѣніе о душевномъ состояніи его.»

Опредѣленіе психическихъ болѣзней тѣмъ болѣе трудно, что онѣ не сопровождаются никакими непосредственно видимыми физическими признаками, какія замѣчаются, или какими опредѣляются обыкновенно органическія страданія. О родѣ послѣднихъ судятъ по пульсу, горячечному состоянію, по пятнамъ на кожѣ и т. д. Но въ психическихъ болѣзняхъ главную роль играетъ истолкованіе психическихъ актовъ. Два человѣка могутъ говорить совершенно одно и тоже, напр. высказывать вѣру въ колдовство или боязнь попасть въ адъ, и наблюдатель, знающій какъ каждый изъ нихъ смотритъ на эти вещи, признаетъ одного здоровымъ, другого съумасшедшимъ. То или другое истолкованіе возможно только въ томъ случаѣ, если приняты въ соображеніе всѣ сопровождавшія обстоятельства и на основаніи тѣхъ знаній, какія психіатръ пріобрѣлъ изъ своихъ личныхъ наблюденій различныхъ формъ съумасшествія. Напримѣръ, боязнь ада встрѣчается такъ часто у психически больныхъ, что тотчасъ же является подозрѣніе, нѣтъ ли въ данномъ случаѣ меланхоліи. И вотъ когда нить схвачена, опредѣлена форма съумасшествія, поставовлена вмѣстѣ съ тѣмъ и діагноза съумашествія вообще. Но и здѣсь могутъ встрѣтиться трудности, которыя неопытныхъ людей приводятъ нерѣдко къ легкомысленнымъ заключеніямъ. Можетъ случиться, что данный случай не подходитъ ни подъ одну изъ извѣстныхъ и описанныхъ главныхъ четырехъ формъ съумасшествія—бѣшенство, меланхолія, помѣшательство, слабоуміе—и несмотря на то, еще невозможно заключать, чтобы душевнаго разстройства не было. Кромѣ установленныхъ четырехъ характеристическихъ, типическихъ формъ, есть еще множество среднихъ состояній, формъ смѣшанныхъ, не вполнѣ выразившихся разстройствъ, неподходящихъ къ главнымъ четыремъ типамъ. Эта трудность распознаванія является преимущественно при болѣзненной душевной тупости и равнодушіи, при страсти къ тяжбамъ и т. п.

Тамъ, гдѣ человѣку все кажется очень простымъ и легко разрѣшимымъ, и онъ, съ остроуміемъ Александра Македонскаго, представляющіеся ему соціальные вопросы рубитъ, какъ гордіевы узлы, человѣкъ мыслящій и знающій останавливается нерѣдко въ смущеніи и говоритъ прямо, что онъ не понимаетъ. Кто въ самомъ дѣлѣ знаетъ, всегда ли и всякій ли болѣзненный психическій процессъ выражается непремѣнно какими нибудь признаками? Кто можетъ знать,

не бываетъ ли случаевъ, когда болѣзненное психическое состояніе, невыражающееся никакими признаками, имѣетъ вліяніе на совершеніе преступленія? На эти вопросы Гризингеръ отвѣчаетъ такъ: «Я считаю это возможнымъ. Кто рѣшится разбирать психическій механизмъ подобно тому, какъ перелистываютъ книгу? Или отрицать, что болѣзненныя органическія состоянія, незамѣтныя наружно, могутъ, въ минуту рѣшенія, повліять въ дурную сторону, разстроить умъ, помѣшать сужденію? Въ этомъ смыслѣ принужденъ я былъ высказаться въ уголовномъ процессѣ одного убійцы, имѣвшаго, какъ было доказано, vertigo epileptica. Я долженъ былъ сказать: ни до, ни во время, ни послѣ поступка, нѣтъ опредѣленныхъ признаковъ умственнаго разстройства; но тѣмъ не менѣе весьма можетъ быть, что эта болѣзнь имѣла на психическій ходъ рѣшенія такое вліяніе, которое разстроило умъ и уменьшило свободу, хотя это и не проявилось никакимъ внѣшнимъ признакомъ. Присяжные признали преступника виновнымъ; судъ приговорилъ его къ смерти. Преступникъ былъ помилованъ. Все это я нашелъ совершенно естественнымъ».

«Дилемма—человѣкъ либо сумасшедшій, либо нѣтъ—совершенно невѣрна. Вообще между здоровьемъ и болѣзнью нѣтъ опредѣленной границы: въ психіатріи, какъ и въ остальной патологіи, есть среднее состояніе, которое еще не составляетъ дѣйствительной болѣзни и въ которомъ субъектъ выказываетъ еще многіе признаки здоровья. Развѣ не тоже самое встрѣчается и въ самыхъ простыхъ болѣзняхъ организма? Гдѣ граница, когда можно назвать человѣка слѣпымъ? Развѣ только тогда, когда онъ не получаетъ ни малѣйшаго ощущенія свѣта? Или кого можно назвать глухимъ?—Когда начинается водяная?—тогдали, когда появляются первые легкіе признаки опухоли? Если же нѣтъ, то гдѣ граница, откуда начинается водяная? Относительно крайностей—спора нѣтъ; но можно не соглашаться, чтобы эти признаки примѣнялись уже и къ легкимъ степенямъ. Въ психіатріи къ этому среднему состоянію надо причислить множество судебно-медицинскихъ случаевъ, напр. поступки, совершенные, подъ вліяніемъ волненія, людьми съ необузданнымъ характеромъ и слабой головой, обыкновенное умѣренное возбужденіе или извращеніе понятій съ временнымъ изступленіемъ, пьянство, истерики и т. д. Въ этихъ случаяхъ обыкновенно приходится сказать, что субъекты находятся далеко не въ совершенно нормальномъ состояніи, но нельзя указать на призна-

ки опредѣленной психической болѣзни и можно высказать скорѣе какъ вѣроятіе, чѣмъ какъ увѣренность, что ихъ дѣйствія были вызваны болѣзненнымъ вліяніемъ организма или, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени зависѣли отъ подобнаго вліянія. Даже въ ихъ проявленіяхъ нѣтъ рѣзкой границы между странностію, страстностью, извращеніемъ склонностей, душевной тупостью съ одной стороны, и душевною болѣзнію съ другой; нѣтъ никакихъ признаковъ, которые во всѣхъ этихъ случаяхъ указывали бы на значеніе подобныхъ состояній: — происходятъ ли они исключительно отъ органическихъ (болѣзненныхъ) причинъ или, что эти причины только способствовали ихъ появленію, или, наконецъ, что организмъ не имѣлъ на нихъ никакого вліянія, и что они составляютъ первоначальныя свойства характера или пріобрѣтенные результаты внутренней исторіи психической индивидуальности.»

III.

Послѣднее положеніе новѣйшей психіатріи, высказываемое Гризингеромъ и отчасти повторяемое Шиллингомъ, заслуживаетъ вниманія потому, что возбуждаетъ полезныя размышленія на счетъ вмѣняемости вообще.

Нынѣ дѣйствующія европейскія законодательства хотя и удѣляютъ мѣсто психологическому элементу, но однако не той психологіи, которая создана мыслителями и учеными новѣйшаго времени. Въ основаніи законодательствъ лежатъ отвлеченныя этическія понятія, выработанныя умозрительнымъ путемъ, и потому несогласныя съ опытными изслѣдованіями современной психіатріи.

По европейскимъ законодательствамъ преступленіе невмѣняемо, когда оно сдѣлано при потерѣ или затмѣніи сознанія, при потерѣ разсудка и при отсутствіи свободной воли.

Если эти основанія примѣнять послѣдовательно ко всѣмъ уголовнымъ преступленіямъ, совершаемымъ съумасшедшими, то ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть оправданъ. Намъ положительно извѣстно, что вовсе не каждый помѣшанный теряетъ сознаніе, разсудокъ или лишается воли. Несомнѣнно помѣшанный, совершая преступленіе, можетъ очень хорошо знать, что онъ дѣлаетъ. Сюда принадлежатъ по преимуществу тѣ, кто страдаетъ галлюцинаціями

слуха и зрѣнія. Напримѣръ, больной слышитъ голосъ, приказывающій ему убить извѣстное лицо. Что больной несомнѣнно помѣшанъ,—видно изъ того, что онъ приписываетъ этотъ голосъ Богу. Вообразивъ, что онъ получаетъ божеское повелѣніе, съумасшедшій весьма логично рѣшаетъ, что божеское повелѣніе выше человѣческихъ постановленій и затѣмъ совершаетъ преступленіе. Въ этомъ случаѣ нельзя примѣнить ни одного изъ элементовъ невмѣняемости, ибо помѣшанный находился въ полномъ сознаніи; при соображеніи своего преступленія онъ владѣлъ разсудкомъ; наконецъ воля его была направлена именно на убійство, и слѣдовательно отсутствія ея несуществовало. Причина преступленія кроется не въ отсутствіи или присутствіи сознанія, разсудка и воли; а исключительно въ ложныхъ ощущеніяхъ слуха. При галлюцинаціяхъ слуха и зрѣнія, когда больной видитъ не то, что есть, и слышитъ иногда самыя обидныя ругательства, выведенный изъ себя онъ рѣшается иногда на весьма рѣшительныя и очень непозволенныя мѣры, чтобы отмстить своему воображаемому врагу. Выборъ средствъ и способовъ бываетъ обдуманъ иногда съ такой осторожностію и самое исполненіе задумано съ такимъ лукавствомъ и такъ тонко, что приходится удивляться не отсутствію разсудка или сообразительности, а скорѣе недоумѣвать ихъ рѣдкой силѣ. И въ этихъ случаяхъ элементы современной юридической невмѣняемости совершенно не имѣютъ мѣста, и преступникъ долженъ быть наказанъ. А между тѣмъ онъ несомнѣнно безумный, т. е. такой человѣкъ, въ которомъ патологическое измѣненіе органическихъ условій создало совершенно иное *Я*. Разница между преступленіемъ безумнаго и здороваго не въ томъ, чтобы дѣйствія, называемыя преступными, совершались въ нихъ по различнымъ законамъ; а только въ томъ, что въ здоровомъ человѣкѣ мотивы, достигающіе такой силы, чтобы произвести запрещенное дѣйствіе, являются при нормальныхъ органическихъ условіяхъ; а у безумнаго,—вслѣдствіе ихъ измѣненія — болѣзненнымъ образомъ. Поэтому у здороваго преступника преступленіе его находится въ послѣдовательной связи со всѣмъ его прошлымъ, а у съумасшедшаго оно является чѣмъ-то внезапнымъ, новымъ, неимѣющимъ никакихъ корней въ прошедшей жизни и міровоззрѣніи больного, и созданнымъ исключительно патологическими процессами. Слѣдовательно очевидно, что безумный дѣлаетъ преступленіе не потому, чтобы въ немъ исчезло сознаніе, разсудокъ, воля; а потому что мотивы, достигающіе такой силы, чтобы создать преступное дѣйствіе, вызваны ложными ощущеніями, ко-

торыхъ въ немъ не было до болѣзни. Здоровый дѣлаетъ преступленіе подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій окружающей его среды; съумасшедшій же подъ вліяніемъ внутреннихъ стимуловъ, порождаемыхъ его патологическимъ состояніемъ.

Если изъ сказаннаго читатель выведетъ то заключеніе, что вмѣняемость по отношенію къ безумному непримѣнима потому, что онъ больной; а по отношенію къ здоровому безусловно необходима и непзбѣжна, потому что онъ здоровъ, то такое заключеніе будетъ поспѣшно, ибо и здоровые люди не всѣ одинаково свободны въ своихъ дѣйствіяхъ.

Всѣ психическіе процессы имѣютъ стремленіе проявляться въ движеніи и дѣйствіи. Это происходитъ оттого, что возбужденія первныхъ центровъ переходятъ въ двигательные импульсы. Такимъ образомъ въ человѣческомъ организмѣ существуетъ два большихъ аппарата или механизма: одинъ, воспринимающій ощущенія и переработывающій ихъ въ наклонности и желанія; другой, производящій мышечныя сокращенія (движенія, дѣйствія) соотвѣтственныя вызвавшимъ ихъ влеченіямъ и желаніямъ.

Всѣ наши движенія распадаются на двѣ большія группы. Однѣ отраженныя или рефлективныя, лишенныя психическаго элемента, и потому безсознательныя и не цѣлесообразныя, напримѣръ вздрагиваніе всѣмъ тѣломъ, вслѣдствіе сильнаго чувственнаго впечатлѣнія, и движенія судорожныя; въ другихъ же, какъ влеченія и желанія, имѣется уже психическій элементъ, иногда въ видѣ темныхъ неясныхъ представленій, напримѣръ при чувственныхъ потребностяхъ — голодъ, жажда, половое побужденіе, порывъ самосохраненія — постепенно переходящій въ сознанныя, ясныя представленія, называемыя въ такомъ случаѣ желаніемъ (воля).

Въ переходѣ представленій, возбуждаемыхъ ощущеніями и чувствами, въ стремленія и желанія есть внутреннее принужденіе, служащее основнымъ закономъ человѣческихъ дѣйствій. «Мы *должны* хотѣть, говоритъ Гризингеръ. — Въ человѣкѣ здоровомъ душевно есть влеченіе, потребность выразить свои представленія, реализировать ихъ дѣйствіемъ, и такимъ образомъ какъ бы освободиться отъ нихъ. Если это выполнено, то душа чувствуетъ себя легче, свободнѣе; она дѣйствіемъ освободила себя отъ своихъ представленій, и равновѣсіе ея возстановляется снова; — замѣчательный основной фактъ психической жизни, извѣстный каждому по собственному внутреннему опыту. Онъ выражается какъ въ художникѣ, занятомъ въ теченіи цѣлыхъ годовъ безустанно своею мыслію,

давленіемъ «перожденнаго міра», и которому (т. е. художнику) оконченное и удачно выполненное созданіе дѣлается чуждымъ и безразличнымъ, такъ и въ несчастномъ, въ которомъ мысль о необходимости совершенія тяжкаго преступленія, производитъ самую мучительную внутреннюю борьбу, и который успокоивается тотчасъ же послѣ совершенія его».

Влеченія и желанія бываютъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе ощущенія и чувства, ихъ вызвавшія. Болѣе сильныя изъ нихъ переходятъ всегда въ дѣйствіе. Здѣсь мы вступаемъ въ тотъ психическій моментъ, который, на основаніи прежнихъ этическихъ понятій, служилъ краеугольнымъ камнемъ теоріи вмѣненія.

Я сказалъ, что не всѣ влеченія и желанія переходятъ въ дѣйствіе, а только болѣе сильныя изъ нихъ. Это происходитъ оттого, что, по закону ассоціаціи идей, одни представленія вызываютъ другія, имъ противоположныя, эти опять вызываютъ новыя представленія и такимъ образомъ въ человѣкѣ возникаетъ внутренняя борьба, исходъ которой зависитъ отъ силы и качества психическаго *Я*. Этотъ актъ и исходъ его, опредѣляемый всѣмъ міровоззрѣніемъ человѣка, есть то, что называютъ обыкновенно человѣческой свободой. Такимъ образомъ свобода воли зависитъ отъ того, будутъ ли вызваны надлежащія отвлеченныя представленія, и будутъ ли они на столько сильны, чтобы вызвать движущіе нервы въ направленіи противуположномъ злой воли юристовъ. Слѣдовательно, здѣсь все зависитъ отъ безпрепятственнаго, свободнаго и обильнаго возникновенія представленій, на столько сильныхъ, чтобы они могли противодѣйствовать злой волѣ и, вытѣснивъ порождающія ее представленія, дать перевѣсъ представленіямъ и движеніямъ противоположнымъ.

Чѣмъ человѣкъ богаче представленіями и чѣмъ психическіе процессы совершаются въ немъ быстрѣе, чѣмъ представленія эти сочетаются легче и чѣмъ прочнѣе извѣстныя ихъ сочетанія, тѣмъ человѣкъ свободнѣе. Напротивъ того люди бѣдные представленіями, въ которыхъ психическіе процессы совершаются туго и медленно, менѣе свободны. Это зависитъ частью отъ органической природы человѣка, частью отъ обстоятельствъ, которыми опредѣлилось его развитіе, которыя сформировали его психическое *Я* и которыя поставили его въ извѣстныя внѣшнія условія, опредѣляющія характеръ его дѣятельности.

У людей тупыхъ и неразвитыхъ, находящихся въ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, многихъ представленій недостаетъ, по-

тому что они не могутъ возбудиться; а вслѣдствіе этого и не возбуждается дѣятельность движущихъ нервныхъ центровъ. Отъ этого происходитъ то, что тупые люди бываютъ и становятся постепенно неспособны къ извѣстнымъ ощущеніямъ и чувствамъ и къ ихъ внѣшнимъ проявленіямъ.

Напротивъ того высшее образованіе и развитіе заключается въ богатствѣ отвлеченныхъ представленій, въ легкости, съ какой они приходятъ въ различныя комбинаціи, и въ прочности нѣкоторыхъ изъ этихъ сочетаній, проникающихъ до того психическое *Я* человѣка, что при каждомъ умственномъ движеніи, а тѣмъ болѣе сильномъ, они входятъ немедленно въ сознаніе, и въ борьбѣ возникающихъ представленій берутъ всегда верхъ и даютъ направленіе поступкамъ и дѣйствіямъ человѣка. Только этимъ обусловливается возможность нравственнаго поведенія, заключающагося въ перевѣсѣ нравственныхъ мотивовъ надъ всѣми остальными.

Чтобы нравственные мотивы имѣли такую власть надъ всѣми остальными, необходимо частое воспроизведеніе извѣстныхъ представленій и упражненіе, которыми бы при всякомъ болѣе сильномъ возбужденіи масса представленій, относящихся къ нравственному порядку, вытѣсняла бы всѣ остальныя. Но такое развитіе есть состояніе идеальное. Чтобы человѣкъ всегда и при всѣхъ рѣшительно условіяхъ могъ дѣйствовать такимъ образомъ, требуется особенная сила разума способнаго противостоять неправственнымъ влеченіямъ къ движенію. Состояніе это до того трудно достижимо, что сомнительно, чтобы могъ бы гдѣ нибудь существовать человѣкъ, застрахованный противъ безправственныхъ дѣйствій и противъ преступленія. Вотъ въ чемъ корень гуманнаго воззрѣнія, по которому въ преступникѣ слѣдуетъ видѣть не злодѣя, а несчастнаго и больного.

О книгѣ, по поводу которой мы говорили здѣсь, намъ нечего сказать. Послѣ такого знаменитаго психіатра, какъ Гризингеръ, д-ру Шиллингу трудно прибавить что нибудь новое; и мы не понимаемъ почему ретивые харьковскіе издатели рѣшились переводить на русскій языкъ сочиненіе Шиллинга послѣ того, какъ переведено лучшее въ этомъ родѣ сочиненіе Гризингера. Усердіе похвально, но только не въ томъ случаѣ, когда оно стучитъ лбомъ объ стѣну.

Н. Р.

НОВЫЯ КНИГИ.

Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія. Опытъ педагогической антропологіи. Константина Ушинскаго т. I. Спб. 1868 г.

Іезуиты въ Россіи въ царствованіе Екатерины I и до нашего времени. Часть I, обнимающая исторію іезуитовъ въ царствованіе Екатерины великой и Павла I. Свящ. Михаила Морошкина. Спб. 1867 г.

Путешествіе къ верховьямъ Нила и изслѣдованіе его источниковъ. Соч. Самуила Уайтъ Бэккера. Москва. Изд. Мамонтова 1868 г.

Философія естествознанія: объ общемъ характерѣ, пользѣ и принципахъ изслѣдованія природы. Джона Гершеля. пер. съ анг. Изд. Русской книж. торг. Спб. 1868.

Нравственная статистика въ связи съ исторіею приложенія чиселъ къ наукамъ нравственнымъ. Т. I Спб. Изд. Ламанскаго.

Философія уголовнаго права въ популярномъ изложеніи. Ад. Франка, профессора въ Collège de France. Пер. съ француз. Д. Слонимскаго. Спб. 1868 г.

Книга, о которой мы намѣрены говорить, заслуживаетъ нашего особеннаго вниманія, и потому мы не можемъ ограничиться только короткимъ отзывомъ, какъ мы дѣлали это часто относительно многихъ другихъ книгъ, также толковавшихъ о матеріяхъ важныхъ и вопросахъ міровыхъ. Дѣло въ томъ, что между матеріями

важными и вопросами міровыми есть разница, и разница весьма ощутительная: одни изъ нихъ затрогиваютъ, или, по крайней мѣрѣ, способны затрогивать интеллектуальные интересы большинства нашихъ читателей; другіе—не имѣютъ къ этимъ потребностямъ ни малѣйшаго отношенія. Такъ, напримѣръ, вопросы о падающихъ звѣздахъ и туманныхъ пятнахъ, о происхожденіи языка, о хронологіи геологическихъ эпохъ и т. п. вопросы очень важные и серьезные, но большинство читающей публики не можетъ не относиться къ нимъ равнодушно, такъ какъ для того, чтобы заинтересоваться ими, нужно или быть спеціалистомъ по геологіи, астрономіи и филологіи, или имѣть въ умѣ своемъ ясное и живое представленіе о соотношеніи этихъ отвлеченныхъ вопросовъ съ обыденными житейскими вопросами, невольно напрашивающимися на вниманіе публики.

Но чтобы составить себѣ живое представленіе о подобномъ соотношеніи, для этого надобно быть высоко развитымъ и образованнымъ человѣкомъ, чувствовать потребность не въ одномъ насущномъ знаніи, но и въ роскоши науки. А такой потребности нѣтъ и не можетъ быть у большинства нашихъ читателей. Журналистика, говорятъ, должна создать ее, распространяя въ массахъ серьезныя и положительныя знанія, какъ выражается одинъ нововозникшій журналъ. Нѣтъ, это совсѣмъ не дѣло журналистики; это дѣло школы, воспитанія,—воспитывать можно человѣка только до опредѣленнаго возраста и только при извѣстныхъ опредѣленныхъ условіяхъ. Журналъ же дѣйствуетъ внѣ этихъ условій, и никогда не можетъ брать въ расчетъ возрастъ своихъ читателей. Поэтому задача его состоитъ не въ созданіи новыхъ интеллектуальныхъ потребностей, а въ умѣньи пользоваться потребностями уже существующими, въ умѣньи направлять ихъ и указывать ближайшіе пути къ ихъ удовлетворенію. Слѣдовательно, журналъ не воспитываетъ; онъ только направляетъ. Вступая въ роль воспитателя, онъ теряетъ характеръ журнала, онъ превращается въ кафедру для университетскихъ лекцій. Но и университетская лекція только тогда можетъ имѣть значеніе, когда она слушается въ общей связи съ цѣлымъ рядомъ послѣдовательныхъ лекцій объ одномъ и томъ же предметѣ. Взятая въ отдѣльности, она не принесетъ слушателю ни малѣйшей пользы. Между тѣмъ, именно это-то необходимое условіе ея полезности и не можетъ быть соблюдаемо на журнальной кафедрѣ; оно возможно только для систематической школы. Мы считаемъ нелишнимъ высказать эти мысли въ виду

того страннаго настроенія, которое стало въ послѣднее время распространяться въ нашей литературѣ. Это настроеніе стремится привить къ нашей журналистикѣ университетскую кафедру, публициста обратить въ профессора, и живую струю общественной мысли отклонить въ безпечальныя сферы ничѣмъ невозмутимаго филистерства. Мы глубоко сожалѣемъ, что жертвою этого заблужденія сдѣлались многія талантливыя личности, которыя, при другихъ условіяхъ дѣятельности, могли бы принести обществу несравненно больше существенной пользы.

Вопросы, возбуждаемые книгой, къ разбору которой мы теперь приступили, не принадлежатъ однако къ категоріи вопросовъ— чуждыхъ интеллектуальнымъ потребностямъ читателей, т. е. не подлежащихъ вѣдѣнію журнальнаго обсужденія. Нѣтъ, эта книга касается вопроса живо всѣхъ интересующаго,—вопроса о воспитаніи человѣка и притомъ касается его съ самой основной и существенной стороны,—со стороны психологической. Мы не можемъ прінскать достаточно сильныхъ и точныхъ словъ для выраженія всей важности и всеобъемлющаго значенія вопроса о человѣческомъ воспитаніи. Въ немъ, какъ въ фокусѣ, соединяются и перекрещиваются самые существенные и животрепещущіе интересы, когда либо волновавшіе людей; къ нему сводятся всѣ политическія и соціальныя теоріи. Основной вопросъ этихъ теорій —созданіе наилучшаго порядка человѣческаго общежитія; но наилучшій порядокъ человѣческаго общежитія возможенъ только при наилучшихъ людяхъ, а наилучшихъ людей можетъ дать только наилучшее воспитаніе. Каковы люди, таковъ и порядокъ общежитія, — а люди таковы — какими ихъ сдѣлало воспитаніе. Въ этомъ едва ли кто будетъ искренно сомнѣваться въ наше время. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ самъ авторъ разбираемой книги. Ниже мы увидимъ, что онъ принадлежитъ къ числу весьма нерѣшительныхъ психологовъ и весьма крайнихъ послѣдователей теоріи дуализма человѣческой природы: однако и онъ ни на минуту не сомнѣвается въ могущественномъ вліяніи воспитанія на развитіе человѣческой личности. И если бы кто нибудь въ этомъ усумнился, говоритъ онъ, то мы укажемъ ему на послѣдствія такъ называемаго іезуитскаго образованія, на которыя уже указывали Бэконъ и Декартъ, какъ на доказательства громадной силы воспитанія. Стремленія іезуитскаго воспитанія, конечно, большею частью были дурны, но сила его очевидна. Не только единичный человѣкъ до глубокой старости сохранялъ на себѣ слѣды того, что когда-то,

даже въ самой ранней молодости, сформировалось подъ вліяніемъ отцевъ-іезуитовъ, но цѣлыя сословія, цѣлыя поколѣнія людей до мозга костей своихъ проникались началами іезуитской доктрины. Правда, іезуитское воспитаніе обнимало главнымъ образомъ только одну, чисто интеллектуальную сторону человѣка, укореняло въ немъ только одну привычку, привычку пассивнаго повиновенія. Но исторія представляетъ намъ и другой примѣръ могущественной силы воспитанія, примѣръ еще болѣе убѣдительный и поразительный, такъ какъ онъ относится къ воспитанію болѣе широкому и всестороннему, обнимающему всю разнообразную природу человѣка— и пересоздавшему цѣлый народъ. Мы говоримъ о воспитаніи спартанцевъ. Конечно спартанское воспитаніе было бы теперь нелѣпо, но, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ г. Ушинскій:

«Развѣ не нелѣпость то изнѣженное воспитаніе, которое сдѣлало насъ и дѣлаетъ нашихъ дѣтей доступными для тысячи неестественныхъ, но тѣмъ не менѣе, мучительныхъ страданій и заставляетъ тратить благородную жизнь человѣка на пріобрѣтенія мелкихъ удобствъ жизни? Конечно, спартанецъ, живній и умиравшій только для славы Спарты; но что вы скажете о жизни, которая вся была бы убита на пріобрѣтеніе роскошной мебели, покойныхъ экипажей, бархатовъ, кисей, тонкихъ суконъ, благовонныхъ сигаръ, модныхъ шляпокъ? Не ясно ли, что воспитаніе, стремящееся только къ обогащенію человѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ плодящее его нужды и прихоти, беретъ на себя трудъ Данаидъ?» (стр. XXVIII).

Но если воспитаніе имѣетъ такое могущественное вліяніе на образованіе человѣческаго ума и человѣческаго характера, то что сказать о его вліяніи на такъ называемую человѣческую *волю*? Не оно ли создаетъ аскетовъ, факировъ, фокусниковъ и т. п., въ которыхъ уже не одна только нравственная, но даже и физическая природа человѣка радикально передѣлывается и переработывается, сообразно той или другой человѣческой прихоти, той или другой нелѣпой *системѣ*.

Однако даже и эти примѣры не могутъ дать еще вполнѣ точнаго понятія о силѣ воспитанія. Мы не должны забывать, что іезуитскіе и спартанскіе воспитатели, создававшіе по своему произволу характеръ своихъ питомцевъ, были все-таки еще очень плохими воспитателями и имѣли въ своихъ рукахъ весьма скудный запасъ *педагогическихъ средствъ*; ихъ психологическія и физіологическія свѣденія о природѣ человѣка были очень бѣдны, а потому и власть ихъ надъ этою природою была очень ограничена. Если же они, при своихъ скудныхъ средствахъ и ограниченной власти,

могли такимъ могущественнымъ образомъ вліять на формированіе человѣческой личности, — то что же можетъ сдѣлать современное педагогическое искуство, опирающееся на выводы и факты, добытые новѣйшею физіологіей и психологіей? Трудно теперь, даже приблизительно, опредѣлить границы этой возможности, трудно даже сказать, есть ли у нея такія границы. Рядомъ съ этою безграничною силою воспитанія, разсматриваемою, такъ сказать, in potentia,—какъ жалка, ничтожна и мизерна та роль, которую оно играетъ въ нашей обыденной практической жизни. Г. Ушинскій справедливо говоритъ, что

«Кажется люди думали обо всемъ, кромѣ воспитанія, искали средствъ величія и счастія вездѣ, кромѣ той области, гдѣ скорѣе всего ихъ можно было найти.»

Воспитаніемъ пренебрегаютъ, какъ вещью слишкомъ старою и обыденною, чтобы о ней стоило много толковать и думать. Общество безпечно отдаетъ его въ руки людей, ничѣмъ незаявившихъ ни своего желанія, ни своего умѣнья быть воспитателями,—оно не только не контролируетъ ихъ,—оно даже не знаетъ ихъ. Даже отъ тѣхъ присяжныхъ педагоговъ, которые сдѣлали изъ воспитанія юношества свою спеціальную профессію,—оно требуетъ такого посредственнаго уровня знаній, что, дѣйствительно можно подумать, будто воспитаніе—самое легкое и пустое дѣло, въ родѣ разведенія бобовъ и гороха на заранѣе удобренной почвѣ. Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ насъ не считаетъ себя годнымъ разыгрывать роль воспитателя? Всякій гимназистъ, всякая барышня, знающая географію Россіи по Кузнецову, исторію — по Шульгину и Иловайскому, физику—по Ленцу или Писаревскому, усвоившіе себѣ основанія алгебры и геометріи и прочитавшіе краткую номенклатуру животныхъ подъ пышнымъ заглавіемъ «учебника зоологіи» — считаются очень свѣдущими и даже очень рѣдкими педагогами. А въ чьихъ обыкновенно рукахъ находится первоначальное воспитаніе младенца? Воспитаніе младенца—это безспорно самый важный періодъ въ исторіи воспитанія вообще. Весь тотъ своеобразный складъ мыслей и чувствъ, источникъ которыхъ теряется въ неизвѣданной области безсознательныхъ привычекъ и которыя составляютъ основу человѣческаго характера, образуется по большой части въ дѣтскомъ возрастѣ,—въ возрастѣ всего болѣе воспріимчивомъ ко всякаго рода навыкамъ и привычкамъ.

«Чѣмъ моложе организмъ», замѣчаетъ г. Ушинскій, «тѣмъ быстрѣе укоре

няются въ немъ привычки. Дитя усвоиваетъ привычку гораздо быстрѣе и вѣрнѣе, чѣмъ старикъ. Младенецъ, жизнь котораго считается днями, привыкаетъ къ какому нибудь дѣйствію, послѣ двухъ, трехъ разъ его повторенія, такъ что матери, напримѣръ, которыя откладываютъ пріучать ребенка къ правильному кормленію грудью, пока онъ окрѣпнетъ, черезъ нѣсколько же дней бываютъ принуждены бороться съ укоренившеюся уже привычкою. Пеленка свернутая, подушка положенная такъ или иначе два, три раза сряду, уже устанавливаютъ въ младенцѣ привычку, противодѣйствіе которой сопровождается крикомъ. Вотъ почему у безпокойныхъ матерей и дѣти безпокойны, тогда какъ у матерей съ опредѣленнымъ образомъ дѣйствій дѣти не кричатъ по напрасну. Нервы человѣка, такъ сказать, жаждутъ навыка, привычки и первыя привычки усвоиваются, быть можетъ, съ перваго же раза; но чѣмъ болѣе привычекъ и навыковъ накопляется у человѣка, тѣмъ труднѣе вкореняются новые, встрѣчая сопротивленіе въ прежнихъ: дитя пріучается въ нѣсколько мѣсяцевъ говорить на иностранномъ языкѣ, какъ не можетъ пріучиться взрослый человѣкъ и въ нѣсколько лѣтъ. Присоединимъ къ этой удивительной воспріимчивости ребенка еще тотъ фактъ, — доказанный новѣйшею психологіею,—что дитя, гораздо раньше чѣмъ начнетъ говорить, уже дѣлаетъ опыты, сравниваетъ и умозаключаетъ. (см. Ушинскаго, стр. 131—134).

Вы легко поймете, какой богатый и драгоцѣнный матеріалъ, въ педагогическомъ отношеніи, представляетъ жизнь младенца въ первые годы и мѣсяцы послѣ рожденія. И въ чьи же руки отдаемъ мы этотъ превосходный матеріалъ и какими условіями окружаемъ мы эту воспріимчивую жизнь? Мы все представляемъ въ этомъ дѣлѣ на произволъ случая. Мы вѣримъ въ какое-то постоянное чудо, мы полагаемъ, будто человѣкъ никогда не изучавшій человѣческой природы, неимѣющій никакихъ свѣденій ни въ психологіи, ни въ физіологіи, — сдѣлавшись отцемъ или матерью, внезапно прозрѣваетъ и превращается въ великаго психолога, великаго физіолога, великаго педагога. Мы вѣримъ, что всякій, кто умѣетъ рожать, умѣетъ и воспитывать. При такомъ жалкомъ воззрѣніи на воспитаніе, нечего удивляться младенческому состоянію современныхъ намъ педагогическихъ пріемовъ. Лучшіе мыслители нашего вѣка— Спенсеръ, Контъ и Милль—единогласно утверждаютъ, что весь нашъ учебный матеріалъ долженъ подвергнуться радикальному пересмотру, что всѣ наши учебныя программы должны быть до основанія передѣланы. И если есть общественная реформа, захватывающая такъ широко соціальные интересы, — если бы только каждое семейство было способно понимать хоть сотую долю важности воспитанія,— то эта реформа должна коснуться прямо школы.

Изъ всѣхъ антропологическихъ наукъ, долженствующихъ лечь въ основу педагогическаго искуства, — психологія и физіологія

играютъ первостепенную роль и имѣютъ въ дѣлѣ воспитанія самое рѣшительное значеніе. Онѣ даютъ воспитателю могущественное средство ознакомиться съ природою человѣка, управлять ею, и недостатокъ положительныхъ свѣденій въ той или другой можетъ имѣть на воспитаніе роковое вліяніе.—О значеніи физіологіи говорить конечно много нечего. Едва ли кто теперь рискнетъ утверждать, что можно правильно воспитать ребенка, не имѣя ни малѣйшихъ познаній о процессѣ питанія, пищеваренія, дыханія, кровообращенія и т. п. Что же касается значенія психологіи, то оно еще важнѣе въ дѣлѣ воспитанія, чѣмъ значеніе физіологіи. Исказить физическую природу человѣка несравненно труднѣе, нежели исказить его природу психическую. Всякое, черезъ-чуръ безцеремонное обращеніе съ тѣломъ дитяти, всякое черезъ-чуръ рѣзкое нарушеніе требованій физіологической науки, всегда встрѣтитъ со стороны воспитываемаго субъекта реакцію, а реакція, до извѣстной степени, непремѣнно нейтрализируетъ гибельныя послѣдствія неудачныхъ пріемовъ невѣжественнаго педагога. Но со стороны психической природы человѣка такой реакціи ждать нельзя: въ этой сферѣ произволъ воспитателя, никѣмъ и ничѣмъ не сдерживаемый, можетъ разгуливать свободно и безпрепятственно, созидая и разрушая все, что не попадется ему подъ руку. Потому здѣсь требованія раціональной психологіи не найдутъ себѣ въ питомцѣ ни защитника, ни противника. Кромѣ того, недостатокъ физіологическихъ познаній воспитатель безъ особеннаго затрудненія всегда можетъ пополнить совѣтами врача, тогда какъ пробѣлы по части опытной психологіи рискуютъ остаться пробѣлами навсегда, если только случайно благопріятныя обстоятельства самой жизни не поправятъ дѣла. Но и такое сравненіе относительной полезности физіологіи и психологіи не можетъ еще дать намъ достаточно полнаго понятія о всей неисчерпаемой важности послѣдней науки въ дѣлѣ раціональнаго воспитанія. Для того, чтобы хоть сколько нибудь ясно и рельефно опредѣлить ея значеніе, мы должны будемъ прибѣгнуть къ двумъ, тремъ примѣрамъ, послѣ которыхъ, какъ читатель увидитъ, всякія дальнѣйшія поясненія будутъ излишни и неумѣстны. Примѣрами этими мы позаимствуемся у г. Ушинскаго, и притомъ постараемся взять именно такіе, которые всего лучше оттѣняли бы педагогическое значеніе его книги.

При самомъ началѣ, при самомъ, такъ сказать, приступѣ къ воспитанію, педагогъ встрѣчается съ вопросомъ: возможно ли, и на сколько именно возможно, вліять на психическую жизнь ребенка,

подчинить его психическую природу своей власти и развивать ее сообразно съ своими идеями и желаніями. Выше мы примѣрами показали, что все это весьма возможно, и притомъ возможно почти въ безграничной степени. Но примѣръ не доказательство. Нужны доводы. Для этого надобно обратиться непосредственно къ самой психической природѣ человѣка, надобно анализировать ее, разложить на составные элементы, на основныя психическія явленія и процессы, потомъ обстоятельно прослѣдить порядокъ образованія этихъ процессовъ и точно опредѣлить, въ какой мѣрѣ и степени могутъ они подчиняться внѣшнему воздѣйствію, — зависѣть отъ внѣшнихъ вліяній. Анализъ психической природы человѣка даетъ въ окончательномъ (употребляя это слово, разумѣется, въ относительномъ значеніи) — результатѣ нѣсколько элементарныхъ психическихъ способностей, которыя на психологическомъ языкѣ называются обыкновенно: вниманіемъ, памятью, воображеніемъ, разсудкомъ и т. п. Что же такое каждая изъ этихъ способностей?—Отъ того, какъ отвѣтить на этотъ вопросъ психологія, зависитъ рѣшеніе педагогической задачи: *Какъ* ихъ слѣдуетъ воспитывать и насколько ихъ можно подчинить внѣшнему регулированію. — Мы желаемъ, напримѣръ, знать, въ какой степени воспитаніе можетъ образовать въ человѣкѣ *вниманіе*, безъ котораго невозможна никакая психическая жизнь, и вотъ мы обращаемся къ психологіи и спрашиваемъ ее, что такое вниманіе,—есть ли это актъ произвольный или непроизвольный? На это психологія даетъ двоякій отвѣтъ; германская школа утверждаетъ, что вниманіе есть актъ совершенно непроизвольный, что не *мы* обращаемъ вниманіе на то или другое впечатлѣніе, а на оборотъ само впечатлѣніе, перейдя извѣстную степень интенсивности, извѣстный *порогъ*, какъ выражается Фехнеръ, становится изъ безсознательнаго — сознательнымъ, т. е., примѣняясь къ обыденному языку, обращаетъ на себя наше вниманіе. Сила же нашего вниманія зависитъ отъ «количества слѣдовъ прежнихъ однородныхъ впечатлѣній, приливающихъ къ новому впечатлѣнію» (Бенеке), т. е. чѣмъ большее количество однородныхъ впечатлѣній возбуждаетъ въ насъ новое впечатлѣніе, тѣмъ мы *внимательнѣе* къ нему. Напротивъ, англійская школа психологовъ (Бенъ, Ридъ, Гамильтонъ, Гальперсонъ) признаетъ *произвольность* человѣческаго вниманія и ставитъ его въ зависимость только отъ *свободнаго* усилія человѣческой воли».

«Это фактъ, говоритъ Бенъ, что мы можемъ *свободнымъ усиліемъ* измѣнить или отклонить потокъ образовъ или воспоминаній въ нашей душѣ. — Но

власть моя въ этомъ отношеніи не ограничена: у однихъ эта власть болѣе, чѣмъ у меня; у другихъ менѣе».—Власть эта, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, зависитъ отъ упражненій. Умъ, мало воспріимчивый къ какому нибудь предмету, можетъ выработать въ себѣ это расположеніе настойчивымъ занятіемъ, подъ вліяніемъ произвольныхъ рѣшеній, направленныхъ на одинъ предметъ».

Изъ этихъ двухъ радикально-противоположныхъ взглядовъ на актъ вниманія вытекаютъ два противоположныя требованія для педагогики. Теорія Бенеке говоритъ: если вы хотите, чтобы извѣстныя впечатлѣнія обращали на себя вниманіе ребенка, то старайтесь накопить въ его умѣ какъ можно больше слѣдовъ отъ однородныхъ впечатлѣній. Если такихъ слѣдовъ еще не составилось, то интенсивность вниманія и первого слѣда будетъ прямо пропорціональна первому впечатлѣнію; если же въ умѣ дитяти уже образовались противоположные слѣды, то новое впечатлѣніе не въ силахъ будетъ обратить на себя его вниманія, какъ бы вы этого не желали.

«Въ этихъ случаяхъ, говоритъ Бенеке, обыкновенно для усиленія впечатлѣній, прибѣгаютъ къ возбужденію мотивовъ, посторонннихъ предмету вниманія: ребенку обѣщаютъ то или другое, если онъ дѣйствительно займется духовно тѣмъ, чѣмъ его хотятъ занять, или угрожаютъ ему наказаніемъ и проч. Но если дитя обращаетъ вниманіе на предметъ только затѣмъ, чтобы избѣжать наказанія или получить обѣщанныя лакомства, то воспріятіе, требуемое отъ дитяти, совершится только бѣгло и слабо, отъ него не останется никакого слѣда или развѣ очень слабый, и такимъ образомъ, ко внутренней силѣ вниманія ничего не прибавится, но, по большей части, еще нанесенъ будетъ ей ущербъ, такъ какъ чрезъ употребленіе посторонннихъ мотивовъ (страха наказанія) усиливаются еще болѣе противоположные слѣды (и слѣды вредные, какъ напримѣръ, слѣды страха) и образуется склонность, если опять представится предметъ, на который хотѣли бы обратить его вниманіе—обращать вниманіе не на самый предметъ, а на посторонніе мотивы». (Бенеке).

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія бенековской теоріи, раціональная педагогика должна отречься отъ наказаній и наградъ, какъ крайне непрактичныхъ и вредныхъ средствъ въ дѣлѣ воспитанія. Ребенка не слѣдуетъ ни принуждать, ни заманивать, — нужно только съ самаго ранняго возраста образовать въ душѣ его слѣды хорошихъ впечатлѣній, и тогда всякое новое хорошее впечатлѣніе будетъ жадно имъ схватываться, всякое дурное — отталкиваться. Напротивъ, съ точки зрѣнія теоріи англійскихъ психологовъ, какъ бы много дурныхъ слѣдовъ не накопилось въ душѣ человѣка, его всегда можно сдѣлать воспріимчивымъ и къ хорошимъ

впечатлѣніямъ, если мы будемъ дѣйствовать на укрѣпленіе въ немъ *воли*, т. е. если будемъ пріучать его произвольно, по собственному желанію, обращать свое вниманіе на то или другое впечатлѣніе. Такая *гимнастика воли* немыслима безъ воздѣйствія на нее посторонннхъ мотивовъ—угрозъ, наградъ, наказаній и т. п. И такъ, вы видите, — отъ того или другого опредѣленія процесса вниманія зависитъ весьма важный въ педагогической практикѣ вопросъ: нужны или ненужны, въ дѣлѣ воспитанія, награды и наказанія.

Не останавливаясь на психологическихъ опредѣленіяхъ памяти, воображенія и т. п. перейдемъ прямо къ опредѣленію разсудка. Опредѣленіе разсудка имѣетъ еще болѣе рѣшительное значеніе для педагогики, чѣмъ разобранное выше опредѣленіе вниманія. Воспитаніе, читаемъ мы во всѣхъ педагогическихъ учебникахъ, имѣетъ своею цѣлью развить разсудокъ. Но что же такое этотъ разсудокъ? Психологія опять-таки даетъ на этотъ вопросъ двоякій отвѣтъ. Нѣмецкая новѣйшая школа отрицаетъ разсудокъ, какъ особую душевную способность. Рѣзче всего выражаетъ это отрицаніе Бенеке.

Прежде перваго процесса абстракціи, говоритъ онъ, прежде перваго процесса отвлеченія, посредствомъ котораго образуются понятія, въ человѣческой душѣ не существуетъ никакой разсудочной формы, или, другими словами, человѣкъ не имѣетъ еще разсудка».

Въ душѣ, какъ мы сейчасъ видѣли, остаются только слѣды отъ впечатлѣній; вотъ эти-то слѣды, накопляясь въ ней все болѣе и болѣе, являются *силами*, *задатками*, изъ которыхъ сами собою образуются *понятія;* понятія, въ свою очередь, служатъ задатками, изъ которыхъ образуются также сами собою *сужденія*, а изъ сужденій, тѣмъ же порядкомъ, образуются умозаключенія.

«Разсудокъ, говоритъ Бенеке, начинается у ребенка рано, какъ только наберется въ душѣ его настолько достаточное количество представленій, чтобы они своими сходными признаками могли составить понятія. Накопившіяся понятія сами составляютъ уже *сужденія*, а изъ комбинаціи сужденій возникаютъ умозаключенія. Изъ понятій же, сужденій и умозаключеній составляются ученыя системы». (Бенеке).

Другая же школа психологовъ признаетъ, напротивъ, разсудокъ совершенно особенною, самостоятельною, врожденною способностью человѣка. Чтобы оцѣнить всю противоположность этого взгляда со взглядомъ только-что приведеннымъ, мы обратимъ вниманіе чи-

тателя на то, какъ смотритъ эта школа на формированіе разсудка въ ребенкѣ.

«Изъ всѣхъ человѣческихъ способностей, — говоритъ Руссо (одинъ изъ поборниковъ приведеннаго взгляда) въ своемъ Эмилѣ, — разсудокъ, который, такъ сказать, состоитъ изъ всѣхъ прочихъ способностей, развивается всѣхъ труднѣе и всѣхъ позднѣе».

Онъ возникаетъ въ человѣкѣ по достиженіи имъ 12-ти лѣтняго возраста. Потому продолжаетъ Руссо:

«Первое воспитаніе ребенка (т. е. воспитаніе до 12-ти лѣтъ) должно быть чисто отрицательное: оно состоитъ не въ томъ, чтобы учить добродѣтели и истинѣ, а въ томъ, чтобы предохранять сердце отъ порока и умъ отъ ошибокъ. Если бы вы могли ничего не дѣлать съ вашимъ воспитанникомъ и ничего не позволять съ нимъ дѣлать, если бы вы могли довести его до 12-ти лѣтъ здороваго и крѣпкаго, такъ чтобы онъ не умѣлъ отличить своей правой руки отъ лѣвой, то съ первыхъ же вашихъ уроковъ глаза его пониманія открылись бы разуму. Безъ предразсудковъ, безъ привычекъ, дитя не имѣло бы въ себѣ ничего, что могло бы противодѣйствовать вашимъ заботамъ. Въ вашихъ рукахъ вашъ воспитанникъ сдѣлался бы скоро мудрѣйшимъ изъ людей и вы, начавъ тѣмъ, что ничего бы съ нимъ не дѣлали, сдѣлали бы изъ него чудо воспитанія (Руссо).

Съ точки-же зрѣнія Бенековской психологіи, такое воспитаніе превратило бы, къ 12-ти лѣтнему возрасту, воспитываемый субъектъ въ окончательнаго идіота. Такимъ образомъ, основные пріемы первоначальнаго воспитанія вполнѣ зависятъ отъ того, какъ опредѣлитъ психологія разсудокъ. Мало того:

«Если разсудокъ есть особенная прирожденная человѣку способность», замѣчаетъ г. Ушинскій, — то она можетъ одинаково работать, къ чему бы она ни была приложена, и развитіе разсудка возможно одинаково на всякомъ предметѣ, который только упражняетъ его силу. Разсудокъ, развитый напримѣръ на математикѣ, окажется развитымъ и въ приложеніи къ вопросамъ общественной или частной жизни, неимѣющимъ ничего общаго съ математикою, а разсудокъ, развитый напримѣръ филологіею, — окажется развитымъ и при изученіи математики, исторіи или географіи. Напротивъ, если принять мнѣніе Бенеке, что разсудокъ есть только сумма образовавшихся въ душѣ понятій, сужденій и умозаключеній, то выводы будутъ совершенно противоположные, и разсудокъ, обогащенный математическими понятіями, можетъ оказаться рѣшительно никуда негоднымъ въ жизненныхъ вопросахъ, неимѣющихъ ничего общаго съ математикою; точно также, какъ разсудокъ, развитый на латинскихъ и греческихъ спряженіяхъ — можетъ оказаться совершенно тупымъ и слабымъ въ области математики, исторіи, и т. п.

По этимъ двумъ примѣрамъ, читатель сразу можетъ понять все

значеніе психологіи для педагогики: чѣмъ раціональнѣе первая — тѣмъ раціональнѣе будетъ и вторая; успѣхи первой прямо пропорціональны успѣхамъ послѣдней. На оборотъ, всякій невѣрный опытъ, невѣрный выводъ, всякое невѣжественное или предразсудочное мнѣніе, внесенное въ область психологическихъ наблюденій, отражается самымъ гибельнымъ образомъ въ сферѣ педагогической дѣятельности. Потому мы должны относиться съ чрезвычайною строгостью и осмотрительностью къ психологическимъ изслѣдованіямъ, особенно, если эти изслѣдованія предпринимаются съ педагогическою цѣлью. Здѣсь всякая путаница, повторимъ мы слова самого г. Ушинскаго, — «переходя въ такую практическую область, каково воспитаніе, перестаетъ уже быть невиннымъ бредомъ и отчасти необходимымъ періодомъ въ процессѣ мышленія, *но становится положительно вредною и загромождаетъ путь нашему педагогическому образованію*». И такая путаница дѣйствительно господствуетъ въ нашихъ воззрѣніяхъ на важнѣйшіе психическіе акты и явленія. Проясняетъ-ли эту путаницу г. Ушинскій — или онъ ее еще болѣе запутываетъ? Вотъ вопросъ, отвѣтомъ на который должна опредѣлиться относительная полезность или вредность его труда.

Г. Ушинскій, какъ въ предисловіи къ своей книгѣ, такъ и во всемъ ея послѣдующемъ изложеніи, даетъ вездѣ понять, что, во-первыхъ, онъ человѣкъ очень скромный, во-вторыхъ, очень безпристрастный,—чуждый всякихъ увлеченій и придерживающійся однихъ только *фактовъ* и *фактовъ*. Такія прекрасныя качества дѣлаютъ г. Ушинскаго, повидимому, весьма способнымъ къ этому дѣлу, за которое онъ взялся и даютъ намъ право надѣяться, что въ его книгѣ мы не встрѣтимъ той путаницы, «которая, переходя въ такую практическую область, каково воспитаніе, перестаетъ уже быть *невиннымъ бредомъ*,» и т. д.—Посмотримъ, на сколько эти похвальныя качества осуществились на самомъ дѣлѣ. Изслѣдованія свои г. Ушинскій начинаетъ съ краткаго обзора главнѣйшихъ физіологическихъ процессовъ человѣческаго организма. Здѣсь, повидимому, дѣйствительно безпристрастіе и осторожность не покидаютъ его; онъ старается по возможности придерживаться строго-фактической почвы и предостерегаетъ нѣкоторыхъ пылкихъ физіологовъ отъ излишнихъ увлеченій. Но, по мѣрѣ того, какъ физіологическіе процессы изъ менѣе сложныхъ переходятъ въ болѣе сложные, и начинаютъ соприкасаться съ процессами чисто психическими, холодное безпристрастіе начинаетъ постепенно

оставлять его, и дуалистическія воззрѣнія г. Ушинскаго все рѣзче и рѣзче выступаютъ наружу. Онъ уже не говоритъ увлекающимся физіологамъ: ваши доводы недостаточны для того, чтобы доказать то, что вы хотите доказать, потому вопросъ остается пока еще нерѣшеннымъ. Нѣтъ, онъ говоритъ имъ: ваши доводы недостаточны, чтобы доказать то, что вы хотите доказать, а *потому* вопросъ долженъ быть *рѣшенъ* не въ вашу пользу, а въ пользу *моей теоріи*. *А его* теорія разрываетъ человѣческую природу на двѣ, другъ на друга непохожія половинки, при изученіи которыхъ требуются совершенно особые пріемы, и которыя подчиняются въ своемъ развитіи совершенно особымъ пріемамъ.

«Переходя, говоритъ онъ, отъ физіологіи къ психологіи,—мы должны оставить совершенно въ сторонѣ физіологическія наблюденія и ограничиться наблюденіемъ души надъ собственною своею жизнію, или *самонаблюденіемъ*. Наблюденіе есть методъ естественныхъ наукъ: самонаблюденіе — методъ психологіи.» (стр. 188).

Безъ сомнѣнія, при настоящемъ уровнѣ нашихъ физіологическихъ свѣденій,—самонаблюденіе есть главное и самое могущественное орудіе психологическихъ изслѣдованій. Однако наука не имѣетъ ни малѣйшихъ основаній утверждать, что такъ будетъ и всегда, и что психологія на вѣки вѣчные осуждена остаться при такомъ шаткомъ критеріѣ, каково самонаблюденіе. Даже и теперь опыты Фехнера и Вундта ясно показываютъ, что самонаблюденіе не есть единственное средство психологіи.

Но г. Ушинскій не вѣритъ въ возможность слитія физіологическаго и психологическаго метода изслѣдованія.

«Предположимъ, говоритъ онъ, что явно выразившееся стремленіе современной физіологіи увѣнчалось успѣхомъ, и что этой наукѣ удалось доказать, что всѣ явленія въ жизни животныхъ и людей, которыя приписывались прежде сознанію и волѣ, суть ничто иное, какъ неизбѣжные «роковые» рефлексы, по мѣткому выраженію профессора Сѣченова; положимъ, что я, принявъ этотъ выводъ науки съ полною вѣрою, введу его въ свое міросозерцаніе: чѣмъ-же долженъ показаться мнѣ тогда весь живой, внѣшній для меня міръ, вся дѣятельность животныхъ и людей? Одною рефлектирующею машиною, вовсе неимѣющею нужды въ сознаніи, чувствѣ и волѣ, чтобы дѣлать то, что она дѣлаетъ. Спрашивается, разувѣрюсь ли я тогда въ существованіи сознанія, чувства и воли? Конечно нѣтъ...» (стр. 190).

Откуда такой самоувѣренный тонъ? Откуда вы заключаете, что тѣ психическіе факты, которые существуютъ теперь, будутъ существовать и всегда? Такъ ли долженъ говорить тотъ скромный

и безпристрастный мыслитель, какимъ вы себя отрекомендовали? Въ настоящее время очень можетъ быть, что и мы, пишущіе эти строки, и вы, читающіе ихъ, и авторъ разбираемой книги, твердо убѣждены въ истинности нѣкоторыхъ психологическихъ гипотезъ;— можетъ быть, точно такое же твердое убѣжденіе существуетъ и въ умахъ всѣхъ нашихъ знакомыхъ. Однако изъ того, что это убѣжденіе составляетъ въ настоящее время несомнѣнный психическій фактъ, наблюдаемый и у вашихъ, и у нашихъ знакомыхъ, и у Петра, и у Ивана, и у Федора, — еще никакъ не слѣдуетъ, что и у дѣтей, и у внуковъ и даже правнуковъ Петра, Федора и Ивана все тотъ же фактъ и все также непоколебимо будетъ сидѣть въ головѣ. Утверждая противное, психологъ впадаетъ въ ту же самую роковую ошибку, въ которую впадаетъ и экономистъ, возводя данное statu quo въ какое-то отвлеченное начало неизбѣжно присущее всякому порядку человѣческаго общежитія. Экономистъ, отправляясь изъ факта *данныхъ*, окружающихъ его бытовыхъ отношеній, самоувѣренно утверждаетъ, что эти отношенія вѣчны и неизмѣнны, потому что они одни только соотвѣтствуютъ *данной* природѣ человѣка. Психологъ, отправляясь отъ этой *данной* природы человѣка, — доказываетъ съ неменьшею скромностью, — что все то, что теперь считаетъ человѣкъ за несомнѣнные психическіе факты, то онъ всегда такимъ и будетъ считать, потому что эти факты дѣйствительно врожденны его природѣ. Такимъ образомъ, вы видите и экономистъ и психологъ апеллируютъ къ природѣ человѣка, и по преимуществу къ психической природѣ; и тотъ и другой видятъ въ ней подтвержденіе своихъ теорій,— и тотъ и другой берутъ эту природу такъ, какъ она есть, не украшая и не измѣняя ее, и тотъ и другой считаютъ такое отношеніе къ дѣйствительности въ высшей степени разумнымъ и гордятся имъ передъ своими противниками. Мы не утописты и фантазеры какіе нибудь,—самодовольно восклицаютъ экономисты,—мы беремъ людей такими, какими они представляются въ дѣйствительности, со всѣми ихъ слабостями и несовершенствами,—а не ангеловъ поднебесныхъ, не боговъ и не героевъ. Мы не уносимся въ заоблачныя фантазіи и не строимъ химерическихъ идеаловъ, годныхъ развѣ для какихъ нибудь безтѣлесныхъ небожителей, а уже никакъ не для земныхъ созданій. Мы не утописты и фантазеры, пародируетъ ихъ г. Ушинскій: —мы держимся строго однихъ только фактовъ, фактовъ и фактовъ, и всякій фактъ, который мы находимъ въ психической природѣ даннаго человѣка, мы безбо-

язненно признаемъ за нѣчто присущее этой природѣ,—а слѣдовательно неизмѣнное и постоянное.

«И вотъ отъ этихъ-то фактовъ, говоритъ онъ на стр. 538,—а не отъ кажущагося ихъ примиренія долженъ отправляться воспитатель въ своей практической дѣятельности, опираясь *на то, что есть*, а не на то, что *было бы желательно* видѣть.

Такимъ образомъ, онъ и воспитателя хочетъ поставить на ту же фактическую почву, на которой онъ самъ стоитъ, и вовлечь его въ ту же роковую ошибку, въ которую самъ попалъ. Прикрываясь громкимъ словомъ «факты», экономисты и психологи вообразили себѣ, будто вся ихъ задача только въ томъ и состоять должна, чтобы собирать и констатировать данные факты. И это дѣло они считаютъ порѣшеннымъ, и высокомѣрно говорятъ своимъ противникамъ: вы ничего не понимаете, мы даемъ вамъ факты, а не пустые вымыслы нашей фантазіи, и вы должны молчать передъ фактами. Но какъ же образовались эти факты, и дѣйствительно ли представляютъ они нѣчто постоянное и устойчивое или они случайны и измѣнчивы, сегодня могутъ быть, а завтра и не быть—на эти вопросы психологи и экономисты не отвѣчаютъ или правильнѣе отвѣчаютъ, но отвѣчаютъ такимъ ненаучнымъ, догматичнымъ тономъ, что ужъ лучше было бы и совсѣмъ не отвѣчать. Для доказательства, мы приведемъ разсужденіе г. Ушинскаго о дуализмѣ и свободномъ человѣческомъ произволѣ. Говоря объ этихъ щекотливыхъ вопросахъ, мы не намѣрены касаться ихъ, какъ говорятъ юристы, *по существу*, мы считаемъ себя не въ правѣ мимоходомъ затрогивать и обсуждать загадочныя явленія нашей психической жизни; теперь мы интересуемся только *научными пріемами* г. Ушинскаго, оставляя въ сторонѣ болѣе существенные предметы; а что бы совершенно устранить всякіе поводы къ недоразумѣніямъ, мы употребимъ самый безобидный алгебраическій способъ выраженія. Г. Ушинскій разсуждаетъ такъ: положимъ, что послѣдняя самая новѣйшая философская система, послѣдняя самая новѣйшая психологическая система, послѣднія самыя новѣйшія естественно-научныя историческія и статистическія изслѣдованія доказали намъ, какъ дважды два—четыре, что понятіе наше о существованіи какого нибудь X невѣрно и ошибочно и что такого X совсѣмъ не существуетъ. Однако, если мы, несмотря на это убѣжденіе всѣхъ наукъ, несмотря на то, что вполнѣ сознаемъ совершенную правильность этого убѣжденія, все-таки не перестаемъ вѣрить въ

существованіе Х, то отсюда слѣдуетъ, что наше понятіе объ Х есть понятіе простое, непосредственное, т. е. врожденное; это, заключаетъ онъ, и есть *психологическій фактъ*, и въ нашей головѣ всегда и неизмѣнно будетъ существовать, съ одной стороны, понятіе о томъ, что Х нѣтъ, съ другой убѣжденіе, что онъ есть. Дѣйствительно, въ головахъ многихъ изъ насъ такое противорѣчіе существуетъ. Но отчего оно происходитъ? Долженъ ли отвѣчать на это психологъ? По мнѣнію г. Ушинскаго, не долженъ:

«Указать фактъ, подтверждаемый собственнымъ сознаніемъ каждаго человѣка, даже и того, кому по какой бы то ни было причинѣ этотъ фактъ не нравится, вотъ все дѣло психолога (533).

Прекрасно. Но, дѣйствительно ли г. Ушинскій только *указываетъ* на этотъ фактъ, дѣйствительно ли онъ не присоединяетъ къ нему своего личнаго мнѣнія, которое тоже, по свойственной ему скромности, онъ считаетъ за фактъ? Нѣтъ, онъ не только указываетъ на него, но и комментируетъ его, онъ говоритъ:

Фактъ этотъ постоянен и неизбѣженъ, такъ какъ наше понятіе объ Х непосредственно, т. е. вытекаетъ не изъ опыта и наблюденія, а слагается въ насъ само собою (стр. 532).

Точно также поступаетъ онъ и при рѣшеніи вопроса о дуализмѣ и монизмѣ. Онъ не только признаетъ, «что въ одномъ и томъ же человѣкѣ очень часто совмѣщается сознаніе дуализма своей природы и всего міра съ убѣжденіемъ въ ихъ единствѣ, но и добавляетъ, что такъ всегда будетъ и быть должно. И опять таки на вопросъ: почему? онъ отвѣчаетъ: потому что

«Дуализмъ есть непосредственное чувство человѣка; это одна изъ тѣхъ скалъ, продолжаетъ онъ, о которыя бьется человѣческое сознаніе, стремящееся все привести къ единству, но которая до сихъ поръ остается непобѣдимою. Для психолога, *стремленіе сознанія къ единству и непосредственное чувство дуализма въ человѣческой природѣ*, выражающееся въ актѣ вниманія, воспоминанія, воображенія, разсудка и произвола, суть только психическіе факты и болѣе ничего. И вотъ отъ этихъ-то фактовъ, а не отъ кажущагося ихъ примиренія долженъ отправляться воспитатель въ своей дѣятельности» и т. д. (стр. 538).

Изъ послѣднихъ словъ мы убѣждаемся, что г. Ушинскій признаетъ вѣчность и неизмѣняемость этихъ фактовъ; въ противномъ случаѣ, онъ не имѣлъ бы права сказать воспитателю: возьмите ихъ за исходную точку своей педагогической дѣятельности. Напротивъ, онъ долженъ былъ бы сказать ему: анализируйте ихъ, быть мо-

жетъ, въ вашей власти устранить тѣ причины, отъ которыхъ они происходятъ и тогда устраните эти причины и не вносите въ психическую жизнь ребенка ненужной раздвоенности, ненужныхъ противорѣчій. Вѣра въ неизбѣжность и постоянство указанныхъ имъ противоположныхъ психическихъ фактовъ заставляетъ г. Ушинскаго заняться даже ихъ классификаціею: два первые факта—отрицаніе свободы воли, т. е. убѣжденіе въ причинности и монизмъ—онъ полагаетъ въ основу науки, два послѣдніе факта—дуализмъ и вѣру въ личную свободу человѣка—въ основу всякой практической дѣятельности, въ томъ числѣ и воспитанія (стр. 540). Такимъ образомъ, онъ хочетъ, чтобы воспитатель постоянно укоренялъ въ душѣ своего питомца всѣ четыре противорѣчивые факта: чтобы онъ, съ одной стороны, увѣрялъ его въ отсутствіи свободы воли и монизмѣ, съ другой — постоянно указывалъ бы ему на неизбѣжность дуализма и необходимость свободы воли. Только такое дуалистическое воспитаніе г. Ушинскій и считаетъ дѣйствительно полезнымъ и разумнымъ. Мы считаемъ, говоритъ онъ, дуалистическое возрѣніе на человѣка единственно возможнымъ и полезнымъ для педагога» (стр. 538). Всякая попытка внести единство въ міросозерцаніе ребенка, по мнѣнію г. Ушинскаго есть, не что иное какъ близорукая односторонность, которою педагогъ кромѣ вреда ничего не принесетъ своимъ воспитанникамъ. (стр. 543). Разумѣется, если воспитатели воспользуются и постараются примѣнить къ дѣлу благоразумный совѣтъ нашего скромнаго психолога, то противорѣчія никогда неизчезнутъ ни изъ психической природы человѣка, ни изъ науки, ни изъ жизни. Мы всегда будемъ какъ бы раздваиваться,—говоритъ одно, а дѣлать другое, мы всегда останемся великими вольнодумцами въ области отвлеченной теоріи и великими рутинерами въ области практической жизни, и наши внуки и правнуки, читая знаменитыя слова Вундта: для практики все равно, какая бы теорія не одержала побѣду (рѣчь идетъ о свободѣ воли), съ удовольствіемъ подчеркнутъ это мѣсто и отмѣтятъ на поляхъ книги: совершенно справедливо! Да, совершенно справедливо, а главное совершенно спокойно, такъ спокойно, что нѣтъ надобности тревожить ни ума, ни общественной совѣсти. Однако, не нужно обладать слишкомъ тонкою проницательностію, чтобы видѣть, что благоразумныя, педагогическія назиданія г. Ушинскаго съ незапамятныхъ временъ уже практикуются всѣми признанными и непризнанными педагогами, что головы дѣтей всегда набивались самыми противоположными воззрѣніями, и что, быть можетъ, вслѣдствіе такой си-

стемы воспитанія и образовались тѣ психическія противорѣчія, которыя г. Ушинскій такъ самоувѣренно признаетъ за casus incurabilis.

Отъ психологическаго метода г. Ушинскаго, основаннаго, какъ мы видѣли, на самонаблюденіи, перейдемъ къ его психологическимъ изслѣдованіямъ. Выше мы сказали, что г. Ушинскій считаетъ себя вполнѣ безпристрастнымъ и строго-научнымъ въ своихъ отношеніяхъ къ изслѣдуемымъ предметамъ. Посмотримъ, насколько такое мнѣніе г. Ушинскаго о самомъ себѣ оправдывается фактами; посмотримъ, не обманываетъ ли его самонаблюденіе.

Всѣхъ современныхъ психологовъ можно подраздѣлить на два класса: одни, анализируя психическія явленія, стараются свести ихъ къ одному или двумъ основнымъ началамъ, — и съ помощью этихъ началъ пытаются построить, такъ сказать, цѣльную, вполнѣ законченную картину психической жизни человѣка; другіе — только анализируютъ, не заботясь о единствѣ своихъ изслѣдованій, и не предпосылая своему анализу никакихъ теорій. Строго говоря, только психологи этого послѣдняго разряда (къ которому относятся по преимуществу англійскіе психологи) стоятъ на положительной почвѣ, только они одни могутъ сказать, положа руку на сердце: мы не фантазируемъ, а только анализируемъ, мы не плетемъ, какъ науки, паутины изъ своихъ гипотезъ и вымысловъ, а наблюдаемъ и выводимъ заключенія. Правда, такихъ психологовъ очень мало, или лучше сказать совсѣмъ нѣтъ; — есть психологи только *старающіеся болѣе или менѣе* приблизиться къ этому идеалу. Однако, каждый изъ нихъ отдаетъ свою дань фантазіи. Къ которой же изъ этихъ категорій принадлежитъ г. Ушинскій? Самъ о себѣ онъ говоритъ на стр. 195-ой, что будто онъ намѣренъ держаться *средняго пути* между двумя указанными крайностями. Такое намѣреніе весьма похвально. Но исполняетъ ли его г. Ушинскій? Психологи теоретики т. е. психологи первой категоріи, подраздѣляются въ свою очередь на двѣ группы: на психологовъ — монистовъ, пытающихся всѣ явленія психической жизни человѣка подвести подъ одно какое-нибудь начало—или чисто духовное или чисто матеріальное, и на психологовъ — дуалистовъ, допускающихъ оба начала, и духовное и матеріальное. Съ точки зрѣнія строгой науки, и та и другая теорія — основаны на гипотезахъ; однако, гипотеза первой теоріи имѣетъ больше научнаго достоинства, чѣмъ гипотеза второй. Самъ г. Ушинскій совершенно справедливо говоритъ, что «монизмъ и вѣра въ причинность дол-

жны быть основою всякой науки (стр. 540). Изъ монистическихъ (или по крайней мѣрѣ, стремящихся къ монизму) психологическихъ системъ, въ послѣднее время особенное вниманіе обращаетъ на себя система Бенеке и отчасти Фехнера. Монистическія стремленія этихъ системъ съ особенною силою проявляются при рѣшеніи вопросовъ о томъ, откуда возникаетъ сознаніе, произвольно оно или нѣтъ, произвольно или нѣтъ наше вниманіе, — можемъ ли мы за разъ, одновременно испытывать нѣсколько ощущеній и т. п. Какъ рѣшаются всѣ эти вопросы съ точки зрѣнія монистической психологіи, здѣсь не мѣсто объ этомъ говорить. Очень можетъ быть, что эти рѣшенія, при данномъ уровнѣ нашихъ знаній, нѣсколько преждевременны,—очень можетъ быть, что доводы, приводимые въ защиту ихъ — не безспорны и не вполнѣ основательны. Но даетъ ли это намъ право полагать, что эти рѣшенія безусловно невѣрны, и что слѣдовательно противоположныя имъ рѣшенія безусловно вѣрны? Разумѣется, нѣтъ. Все, что мы можемъ сказать о нихъ — это то, что они *еще не доказаны*; утверждая же, что они положительно невѣрны, мы поступаемъ крайне пристрастно; подставляя же вмѣсто нихъ другія, столь же мало доказанныя рѣшенія, мы поступаемъ не только безпристрастно, но въ высшей степени опрометчиво. А между тѣмъ именно такъ поступаетъ г. Ушинскій по отношенію къ монистическимъ стремленіямъ Фехнера, Бенеке, Вундта и др.; показавъ, что ихъ доводы не доказываютъ всего того, что они хотятъ доказать, онъ на этомъ не останавливается: онъ утверждаетъ далѣе, что то, что они хотятъ доказать, *никогда вообще и не можетъ быть доказано*, и что *слѣдовательно* кромѣ признаваемаго ими акта X нужно еще признать другой актъ Z. — Для доказательства, мы приведемъ хоть отношенія его ко взгляду Бенеке на вниманіе. Бенеке отвергаетъ произвольность вниманія; по его мнѣнію, оно обусловливается и зависитъ отъ «количества однородныхъ слѣдовъ, притекающихъ къ новому впечатлѣнію,» т. е. наше вниманіе невольно обращается на тотъ предметъ, который возбуждаетъ въ насъ слѣды прежнихъ, однородныхъ, съ производимыми имъ, — впечатлѣній. Есть однако много такихъ фактовъ, которые противорѣчатъ этому положенію; есть много такихъ случаевъ возбужденія нашего вниманія, которые не поддаются механическому объясненію. Безпристрастный изслѣдователь обязанъ остановиться передъ этими случаями и попытаться ихъ анализировать; если анализъ не разъясняетъ дѣла, онъ долженъ на время отказаться отъ объясненія ихъ, не обма-

нывая себя и другихъ подмѣною одного неизвѣстнаго другимъ. Но г. Ушинскій отнесся къ вопросу иначе. Во всѣхъ случаяхъ, разсуждаетъ онъ, *можно доказать*, что сами предметы возбуждаютъ наше вниманіе. *слѣдовательно* вниманіе можетъ быть *произвольнымъ* — т. е. мы сами можемъ произвольно обращать свое вниманіе на тотъ или другой предметъ. (См. его разсужденія на стр. 200—206). Но развѣ это *слѣдовательно* дѣйствительно *слѣдуетъ*? Развѣ изъ того, что «не во всѣхъ случаяхъ можно доказать, что сами предметы возбуждаютъ наше вниманіе», можно вывести заключеніе, что этого и *никогда* нельзя будетъ доказать, и что кромѣ *пассивнаго* вниманія должно еще быть и другое *активное*.

Такимъ же точно образомъ относится г. Ушинскій и къ другимъ спорнымъ психологическимъ вопросамъ. Вездѣ онъ проводитъ ту мысль, что если нельзя чего нибудь доказать, *въ настоящее время* и *при настоящемъ уровнѣ* нашихъ знаній съ помощью одной опредѣленной величины A,—то слѣдуетъ признать рядомъ съ величиною A—совершенно неопредѣленную величину X, т. е. вездѣ онъ старается монистическую гипотезу замѣнить дуалистической. Таковъ пріемъ его изслѣдованій.—Разумѣется, никто не назоветъ его научнымъ и безпристрастнымъ, и г. Ушинскій слишкомъ рано поспѣшилъ похвалить себя.

Объяснивъ читателю основную точку зрѣнія г. Ушинскаго и разобравъ методъ и научные пріемы его книги, намъ остается теперь познакомиться съ самымъ содержаніемъ его книги. Конечно, мы можемъ это сдѣлать только въ самыхъ общихъ чертахъ. Выше мы уже сказали, что г. Ушинскій предпосылаетъ своимъ психологическимъ изслѣдованіямъ краткій обзоръ важнѣйшихъ физіологическихъ процессовъ и органовъ, служащихъ для ихъ отправленія. Этому обзору посвящено семнадцать главъ; изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ послѣднія пять. Въ нихъ авторъ разсматриваетъ вліяніе нервной системы на воображеніе, волю и чувство, участіе ея въ отправленіяхъ памяти, — и разбираетъ образованіе и нравственно-педагогическое значеніе человѣческихъ навыковъ и привычекъ. Затѣмъ, послѣ физіологическаго обзора, авторъ переходитъ къ психологическимъ изслѣдованіямъ, къ анализу психической жизни человѣка. Этимъ изслѣдованіямъ посвящается болѣе $^2/_3$ книги (не считая предисловія) и они-то составляютъ весь ея интересъ. О порядкѣ расположенія частей, въ этомъ отдѣлѣ самъ авторъ говоритъ слѣдующее:

«Всякій, наблюдая надъ собственными своими психическими явленіями

удобно раздѣлить ихъ на три рода: на *явленія сознанія*, *чувства* и *воли*. Всякій замѣчаетъ надъ собою, что *видѣть* цвѣтокъ еще не значитъ *любоваться* имъ, и любоваться цвѣткомъ еще не значитъ желать сорвать его. *Видѣть* картину горя еще не значитъ *испытывать горе*, а чувствовать горе, еще не значитъ *желать* отъ него избавиться. Конечно всѣ эти три рода психическихъ явленій весьма часто соединяются между собою: *желаніе* избавиться отъ страданій непремѣнно предполагаетъ *чувство* такихъ страданій, а чувство страданій непремѣнно предполагаетъ *сознаніе* страданій, но *не на оборотъ*: мы можемъ смотрѣть на цвѣтокъ, не ощущая при этомъ ни удовольствія, ни неудовольствія, и можемъ *ощущать удовольствіе* не *желая* продолжать его, такъ какъ ничто и не угрожаетъ намъ его прекращеніемъ. Изъ этого мы выводимъ, что *явленія сознанія* проще и независимѣе *явленій чувствъ*, а явленія чувствъ проще и независимѣе явленій воли».

На этомъ основаніи онъ дѣлитъ свою психологію на три отдѣла: въ первомъ излагаетъ явленія сознанія, во-второмъ—явленія внутренняго, или какъ онъ выражается *сердечнаго* чувства,—въ третьемъ явленія воли. Въ вышедшей книгѣ разсматривается только первый отдѣлъ;—второй и третій—будутъ разсмотрѣны во второмъ томѣ, который вскорѣ появится. Прежде чѣмъ приступить къ опредѣленію, что такое сознаніе, авторъ анализируетъ его проявленія: вниманіе, память, воображеніе и разсудокъ; а вниманіе, память (воспоминаніе) и воображеніе авторъ раздѣляетъ на произвольное и непроизвольное, вызываемое нервною дѣятельностью. Вниманіе онъ опредѣляетъ, «какъ большую или меньшую сосредоточенность души въ процессѣ или душевнаго чувства или воли или сознанія.» Сочетаніе движеній, перешедшее въ *привычку*, пробудившись въ нервномъ организмѣ, по какой нибудь независящей отъ души причинѣ, вызываетъ въ душѣ *идею* этого сочетанія, т. е. повтореніе сознаніемъ того отношенія, по которому завязалось данное сочетаніе. Это мы называемъ актомъ *невольнаго воспоминанія*. Произвольное же воспоминаніе состоитъ въ томъ, что

«Душа наша, пришедшая какимъ нибудь процессомъ къ повторенію въ себѣ того отношенія, которое уже разъ или нѣсколько разъ въ ней было и сохранялось въ ней въ видѣ душевнаго слѣда или идеи, стремится воплотить эту идею въ тѣ самыя первыя сочетанія, которыми она была вызвана въ душѣ» (стр. 553).

Далѣе переходя къ воображенію, онъ отдѣляетъ его съ одной стороны отъ памяти, съ другой отъ разсудка.

«Отъ воспоминанія, говоритъ онъ, воображеніе отличается *новостью* производимыхъ имъ ассоціацій изъ тѣхъ представленій, которыя сохранились въ памяти. Память сохраняетъ намъ слѣды идей и представленій; процессъ

воспоминанія, откуда бы ни шла его инициатива (т. е. будетъ ли это воспоминаніе произвольное или непроизвольное), выдаетъ ихъ снова сознанію въ ощущаемой формѣ представленій, а воображенію принадлежитъ только новая комбинація этихъ элементовъ, сохраненныхъ памятью. Въ процессѣ мышленія, продолжаетъ авторъ, мы также не дѣлаемъ ничего иного, какъ только комбинируемъ представленія, выдаваемыя сознанію памятью, — но въ воображеніи душа наша сковываетъ и перековываетъ, сообразно тѣмъ или другимъ своимъ цѣлямъ, сочетанія, сохраняемыя памятью и вызываемыя изъ нея воспоминаніемъ; — въ актѣ же разсудка, душа наша хотя производитъ тотъ же самый процессъ (сличаетъ, различаетъ, сравниваетъ, производитъ сочетанія), но уже съ другою цѣлью: она стремится воспроизвести сочетанія вѣрныя дѣйствительности, истинныя. Слѣдовательно, разсудочный процессъ по своему содержанію, отличается отъ процесса воображенія только тѣмъ, что въ первомъ человѣкъ вѣритъ въ истину производимыхъ имъ сочетаній, а во-второмъ не вѣритъ».

Разсудочный процессъ, какъ и процессъ воспоминанія и воображенія, авторъ раздѣляетъ на двѣ перегородки: на непроизвольный разсудочный процессъ и произвольный. Предметами разсудочной дѣятельности авторъ признаетъ: образованіе понятій (т. е. сочетаніе въ одно общее представленіе сходственныхъ признаковъ однородныхъ впечатлѣній о единичныхъ веществахъ), составленіе сужденій (сочетаніе единичнаго представленія съ понятіемъ), выводъ умозаключеній, постиженіе предметовъ и явленій, постиженіе причинъ и законовъ явленій и наконецъ, постройка системъ науки и практическихъ правилъ для жизни. Вотъ границы, и вотъ содержаніе дѣятельности разсудка. Каждую изъ этихъ отдѣльныхъ дѣятельностей авторъ подвергаетъ особому анализу. Анализируя ихъ, авторъ разсматриваетъ и другіе, тѣсно связанные съ ними вопросы, имѣющіе громадный психологическій интересъ, какъ напримѣръ: вопросъ объ образованіи въ нашемъ умѣ понятій времени, пространства, числа, матеріи, силы идей, причины, цѣли, назначенія, случая, вліяніе различныхъ душевныхъ процессовъ (процесса памяти, воображенія и т. д.) или разсудочный и т. п.— Покончивъ съ дѣятельностью разсудка и указавъ на присущія ему противорѣчія, о которыхъ мы уже говорили выше, г. Ушинскій, по примѣру многихъ другихъ метафизиковъ и психологовъ, — открываетъ еще въ человѣкѣ новую и совершенно уже особую способность, отличающую его отъ всѣхъ тварей земныхъ и называемую *разумомъ*. Разумъ—это высшая инстанція въ іерархіи душевныхъ способностей.

«Назначеніе его, по мнѣнію г. Ушинскаго, состоитъ въ томъ, чтобы сохранять великія противорѣчія разсудочнаго процесса, находить новыя, и

чрезъ то сообщать неустанную энергію человѣческому движенію впередъ. Съ какою цѣлью онъ это дѣлаетъ — для насъ, скромно признается г. Ушинскій, это неизвѣстно. — Цѣль эта лежитъ внѣ человѣческой жизни и человѣческаго сознанія. — Несомнѣнно только то, что достигая этой невѣдомой цѣли, лежащей внѣ нашего временнаго существованія, мы достигаемъ множества побочныхъ цѣлей: наука наша идетъ впередъ, матеріальный бытъ улучшается, общественный — совершенствуется, человѣкъ развивается и умственно и нравственно». (541).

Превосходно, — и все это благодаря тому, что *разумъ*, удерживая въ себѣ разныя противорѣчія и нелѣпости, толкаетъ разсудокъ человѣка впередъ и впередъ!

«Иногда, впрочемъ, съ прискорбіемъ замѣчаетъ г. Ушинскій, разсудокъ возмущается противъ разума, и хочетъ вступить въ его права; хочетъ привести весь свой матеріалъ въ полную ясность, выбросить изъ него всѣ противорѣчія, которыхъ онъ не можетъ разрѣшить, или снѣшитъ фантазіями, а не фактами объяснить необъяснимое, свести все въ простыя положенія разсудка, разстаться наконецъ съ этими мучительными, вѣчными противорѣчіями и сомнѣніями и сдѣлать свои теоріи принципомъ практической жизни». (стр. 541).

За такія еретическія поползновенія разумъ строго наказываетъ разсудокъ именно тѣмъ, что заставляетъ его постоянно разрушать всеобъясняющія теоріи и оставляетъ пустоту въ душѣ.—И вся эта фантасмагорія выдается за несомнѣнные психологическіе факты! Но чѣмъ же, однако, по сущности своей отличается разумъ отъ разудка? А вотъ чѣмъ:

«Разсудокъ есть плодъ *сознанія*, разумъ плодъ *самосознанія*; сознаніемъ обладаютъ и животныя, но самосознаніемъ только человѣкъ». (стр. 542).

Т. е. разсудокъ есть и у животныхъ, — разумъ же только у одного человѣка. Чѣмъ же однако отличается сознаніе отъ самосознанія? А вотъ чѣмъ: когда вы говорите: *я сознаю отличіе желтаго цвѣта отъ чернаго*, – то въ васъ дѣйствуетъ одно только *сознаніе*; когда же вы говорите: *я сознаю, что я сознаю отличіе желтаго цвѣта отъ чернаго*, то въ васъ дѣйствуетъ *самосознаніе*. Но вѣдь это одно и тоже, скажетъ читатель, непосвященный во всѣ тонкости психологической хиромантіи г. Ушинскаго. Развѣ можно сознавать *А*, не сознавая въ тоже время, что я сознаю *А*? Вѣдь это два совершенно тождественные, другъ съ другомъ совпадающіе процессы! Но такъ какъ есть пословица, что умъ заходитъ за разумъ, то намъ остается предположить, что это при-

скорбное явленіе всего *чаще посѣщаетъ психологовъ*, къ разряду которыхъ относится и г. Ушинскій.

Въ нынѣшнюю хронику намъ приходится вписать не одно, а цѣлыхъ два самостоятельныхъ сочиненія нашей *собственной* фабрикаціи. Это трогаетъ и радуетъ наше патріотическое сердце. Темныя пятна, которыя мы замѣтили и на которыя мы указали въ трудѣ г. Ушинскаго, нисколько не умаляютъ этой радости; не умаляютъ ее и тѣ темныя пятна, которыя мы замѣчаемъ и на которыя мы укажемъ въ трудѣ г. Морошкина. Что за бѣда? вѣдь и на солнцѣ есть темныя пятна, какъ же имъ не быть въ первыхъ самостоятельныхъ опытахъ нашихъ собственныхъ ученыхъ? Одинъ изъ существенныхъ недостатковъ труда г. Ушинскаго состоялъ, какъ мы видѣли, въ томъ, что авторъ, прикрываясь заманчивымъ словомъ «фактъ», приподноситъ намъ подъ этой благовидной формой собственныя свои гипотезы и притомъ гипотезы весьма сомнительнаго характера, т. е. онъ постоянно старается выйти изъ области дѣйствительныхъ фактовъ, чтобы перейти въ область фантазіи, фантазіи, правда, благонамѣренной, но все-же фантазіи. Такія поползновенія, на обыденномъ языкѣ, называются обыкновенно «широкими» взглядами, и во многихъ случаяхъ они бываютъ очень полезны и даже необходимы, хотя г. Ушинскій сдѣлалъ бы лучше, если бы оставилъ ихъ въ сторонѣ. Совершенно противоположный упрекъ мы можемъ сдѣлать г. Морошкину. Трудъ его страдаетъ крайнею узкостью и односторонностью взгляда. Онъ хотѣлъ написать *исторію* іезуитовъ въ Россіи, но вмѣсто того далъ намъ только *сборникъ фактовъ*, рисующихъ отношенія іезуитовъ къ русскому правительству; объ отношеніи же ихъ къ русскому обществу — онъ почти ничего не говоритъ, а если и говоритъ, то не иначе какъ общими мѣстами: «развращали молъ, искушали.» На іезуитовъ и ихъ стремленія онъ смотритъ въ высшей степени односторонне. Мы далеки оттого, чтобы идеализировать эти стремленія; мы далеки оттого, чтобы защищать этотъ дикій цвѣтокъ, выросшій на гниломъ болотѣ среднихъ вѣковъ. Но мы все-таки не можемъ допустить, чтобы только одни эгоистическіе, чисто-личные мотивы двигали лучшими и ревностнѣйшими представителями этого ордена, которымъ самъ г. Морошкинъ не отказываетъ ни въ обширномъ умѣ, ни въ высокой образованности. Прочтя его

книгу, мы остаемся въ недоумѣніи: въ чемъ же заключалась та магическая сила, которая покоряла іезуитамъ толпы поклонниковъ ихъ, разбросанныхъ по Европѣ отъ дворца и до монашеской кельи. Въ чемъ заключалась таинственная сила ихъ могущественнаго вліянія? И какое дѣйствіе производило это вліяніе на общество, разсматриваемое внѣ правительственныхъ сферъ? Г. Мордовцевъ не даетъ отвѣта на эти вопросы. Онъ даже не подозрѣваетъ ихъ существованія, что, по нашему мнѣнію, составляетъ существенный недостатокъ его книги, отнимающій у нея право на значеніе строго-историческаго труда. Но опять повторимъ, какъ сборникъ, въ высшей степени любопытныхъ фактовъ, ясно обрисовывающихъ *одну изъ сторонъ* исторіи іезуитовъ въ Россіи, — она заслуживаетъ полнаго вниманія читателей,—тѣмъ болѣе, что большинство этихъ фактовъ будетъ для нихъ совершенною новостью. Объ отношеніяхъ правительства Екатерины II и Павла I къ іезуитамъ очень мало говорится въ нашихъ историческихъ руководствахъ, между тѣмъ эти отношенія отличаются такими своеобразными чертами, что на нихъ стоитъ остановиться не одному только историку, но и всякому мыслящему человѣку.

Восемнадцатый вѣкъ былъ очень несчастнымъ вѣкомъ для іезуитскаго ордена. Противъ него возстали не только вольнодумцы философы, но и всѣ сильные міра сего, министры и короли, банкиры и капиталисты,—возстали съ такою же фанатическою яростью, съ которою прежде заискивали и раболѣпствовали передъ нимъ. Не было такой мерзости, которая не приписывалась бы іезуитамъ; полицейскіе сыщики видѣли въ нихъ заговорщиковъ и цареубійцъ, ихъ проискамъ приписывались народныя волненія; либералы, вышедшіе изъ іезуитскихъ коллегій, видѣли въ нихъ отъявленныхъ враговъ разума, неисправимыхъ обскурантовъ; поэты и романисты рисовали ихъ какими-то невѣроятными чудовищами, похожими.... на все, что хотите, но только не на людей. Однимъ словомъ, гнѣвъ учениковъ противъ своихъ наставниковъ не зналъ ни предѣла, ни приличія; и подъ ударами этого гнѣва, говоритъ г. Мордовцевъ, «іезуиты пали, какъ падаютъ червивые плоды, при малѣйшемъ движеніи вѣтра.» Паденіе это, какъ и водится, историки приписываютъ *торжеству разума* надъ духомъ *тьмы и невѣжества*. Мы отъ души рады видѣть, вмѣстѣ съ историками, въ каждомъ историческомъ фактѣ торжество разума надъ духомъ тьмы и невѣжества,—но насъ удивляетъ одно: отчего тотъ же духъ разума такъ щепетиленъ и разборчивъ на счетъ проявленій духа тьмы и не-

вѣжества. Отчего онъ такъ строгъ и неумолимъ къ однимъ изъ нихъ, и такъ милостивъ и любезенъ — къ другимъ? Отчего онъ, возставая противъ принциповъ іезуитскаго ордена, защищалъ и восхвалялъ тѣ же самые принципы, только подъ другою формою и въ другомъ видѣ? Въ политикѣ, въ администраціи, въ общественной и семейной жизни были свои Лойолы, маленькіе и большіе, съ тѣми же назиданіями и взглядами на человѣческія отношенія, но только въ разноцвѣтныхъ костюмахъ, и духъ разума не только не вооружался противъ нихъ, но жилъ съ ними душа въ душу, какъ и теперь продолжаетъ мирно уживаться. За что же этотъ духъ разума особенно не возлюбилъ іезуитовъ и произвелъ противъ нихъ яростную реакцію?

Какъ бы то ни было, но эта реакція заставила іезуитовъ бѣжать отвсюду, и вынудила наконецъ у папы Климента XIV (въ 1773 г.) его знаменитый бреве, которымъ изрекался смертный приговоръ всему іезуитскому ордену, «этой папской гвардіи, папскому аргусу», какъ говоритъ г. Морошкинъ. Этимъ бреве орденъ совершенно уничтожался; по прочтеніи его, бумаги и документы іезуитскихъ общинъ, ризницы, мебель и другія вещи немедленно опечатывались. При этомъ іезуитамъ запрещалось носить платье своего ордена, а также отправлять какія бы то ни было духовныя должности: священнодѣйствовать, проповѣдывать, исповѣдывать и выходить изъ своихъ домовъ до опредѣленнаго времени.

Самыя ревностныя католическія страны отказывались дать имъ поддержку; папское бреве разверзло, повидимому, ничѣмъ не наполненную пропасть между католицизмомъ и іезуитизмомъ. Дѣйствительно, ни одинъ католическій государь не рѣшался взять ихъ подъ свою защиту. Проклятые, изгнанные и преслѣдуемые іезуиты нашли себѣ пристанище и покровительство только въ двухъ государствахъ Европы —въ протестанской Пруссіи и въ православной Россіи. Но и въ Пруссіи они удержались недолго; въ 1787 году они были удалены и оттуда. Главнымъ ихъ пріютомъ и центромъ ихъ дѣятельности осталась одна Россія.

Въ періодъ присоединенія бѣлорусскихъ областей къ Россіи (что случилось за годъ до изданія папскаго бреве) іезуиты, поселившіеся въ Бѣлоруссіи еще со временъ Баторія, составляли уже тамъ настолько обширную корпорацію, что могли выдѣлить изъ себя необходимое число для образованія литовской іезуитской вице-провинціи.

«Во всей литовской провинціи, говоритъ г. Морошкинъ, считалось тогда 1,077 іезуитовъ, изъ которыхъ 475 были священниками. Провинціаломъ этой

провинціи былъ Казиміръ Соболевскій. На долю же Бѣлоруссіи приходилось 200 іезуитовъ или около того. Здѣсь они имѣли 6 коллегій (въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Оршѣ, Мстиславѣ, Могилевѣ и Динабургѣ) и нѣсколько миссій и резиденцій (стр. 54—55).

Соболевскій, какъ подданный Польши, гдѣ папское бреве объ уничтоженіи іезуитскаго ордена, немедленно приведено было въ исполненіе, не хотѣлъ болѣе оставаться въ іезуитскомъ орденѣ, снялъ съ себя іезуитское платье и поступилъ въ одну приходскую церковь простымъ священникомъ. За отреченіемъ провинціала вся власть его должна была перейти въ руки вице-провинціала Станислава Черневича, ректора полоцкаго Коллегіума. Вотъ что говоритъ о немъ г. Морошкинъ:

«Едва ли когда нибудь судьба іезуитскаго ордена, въ его критическія минуты, находилась въ такихъ надежныхъ рукахъ, въ какихъ она была теперь. Черневичъ получилъ воспитаніе въ виленскомъ Коллегіумѣ, въ которомъ впослѣдствіи самъ сдѣлался наставникомъ и пріобрѣлъ репутацію весьма ученаго и образованнаго человѣка. Какъ человѣкъ, выдававшійся въ ряду своихъ собратій, особенною изворотливостью своего ума, онъ призванъ былъ генераломъ іезуитовъ Риччи въ Римъ, гдѣ состоялъ нѣсколько лѣтъ въ родѣ секретаря или товарища главнаго представителя интересовъ польскихъ іезуитовъ при іезуитскомъ генералѣ. Главная обязанность его состояла въ томъ, чтобы знакомить генерала іезуитовъ со всѣми событіями своей родины, а также съ лицами и ихъ склонностями и сообщать ему не столько офиціальныя, сколько неофиціальныя свѣденія о нихъ. Науку шпіонства, столь усовершенствованную въ іезуитскомъ институтѣ, Черневичъ долженъ былъ изучить до основаній и всѣхъ тонкостей, такъ сказать ex officio, по обязанности своего званія. Здѣсь же у самого центра іезуитизма, онъ вполнѣ познакомился съ духомъ іезуитскаго ордена и проникся его стремленіями» (стр. 66.)

Вотъ этотъ-то человѣкъ стоялъ во главѣ управленія бѣлорусскими іезуитами, въ тотъ критическій моментъ, когда мечъ Дамокла, казалось, готовъ былъ опуститься на ихъ головы. Отвергнутые своимъ римскимъ главою и всѣмъ католическимъ міромъ, они рѣшились опереться на свѣтскую власть не католическаго правительства. Повидимому, это рѣшеніе было столько же смѣлымъ, сколько и неудобоисполнимымъ. Бѣлорусскимъ іезуитамъ были не безъизвѣстны традиціи русской политики, по отношенію къ ихъ ордену. Петръ изгналъ ихъ изъ Россіи и навсегда воспретилъ имъ въѣздъ въ ея предѣлы. Екатерина II, въ первое время своего царствованія, относилась къ іезуитамъ крайне неблагосклонно; она постоянно старалась противодѣйствовать имъ въ Польшѣ и ни подъ какимъ видомъ не допускала ихъ въ Россію. По присоедине-

ніи къ имперіи Бѣлоруссіи, большинство населенія которой принадлежало къ католическому вѣроисповѣданію, наше правительство должно было бы повидимому отнестись къ нимъ еще строже, такъ какъ въ интересахъ его политики было, по возможности, стараться стѣснить и ограничить католическій элементъ въ новыхъ провинціяхъ; іезуиты же являлись самыми могущественными и вліятельными представителями этого элемента. И дѣйствительно, въ своемъ Наказѣ, ново-назначенному бѣлорусскому генералъ-губернатору Чернышеву, Екатерина писала объ іезуитахъ:

«Іезуитскимъ монастырямъ, школамъ и учителямъ сдѣлайте перепись. Вы за ними напаче *недремано* смотрѣть имѣете, яко за *коварнѣйшими* изъ всѣхъ прочихъ латинскихъ орденовъ.»

Несмотря на такое неблагопріятное отношеніе къ нимъ свѣтской власти, отношеніе, вызываемое ни какимъ нибудь мимолетнымъ капризомъ, а весьма простыми и правильными политическими соображеніями, іезуиты не теряли надежды привлечь эту власть на свою сторону. Съ этою цѣлью они прежде всего старались внушить правительству мысль, что оно можетъ воспользоваться ихъ услугами въ своихъ собственныхъ, правительственныхъ интересахъ, что они пользуются въ странѣ огромнымъ вліяніемъ (что и было совершенно справедливо) и что все это вліяніе они готовы употребить для искорененія въ краѣ элементовъ, враждебныхъ Россіи. Этими элементами были: полонизмъ и католицизмъ, и если бы іезуиты, дѣйствительно, вздумали вступить съ ними въ борьбу, то они сами затянули бы петлю на своей шеѣ. Исходъ борьбы, (если бы она когда нибудь могла имѣть мѣсто, былъ до того очевиденъ что, конечно, іезуиты и въ мысляхъ ее никогда не имѣли. Ихъ прямая выгода состояла въ усиленіи въ краѣ антирусскаго католическаго элемента. и въ этомъ смыслѣ они постоянно дѣйствовали. Однако, внушенія ихъ правительству не остались безъ послѣдствій. Не прошло и года, по присоединеніи Бѣлоруссіи, какъ уже іезуиты склонили его въ свою пользу; петровскіе законы, изгонявшіе ихъ изъ Россіи, были отмѣнены, и іезуитскій орденъ признанъ неприкосновеннымъ и узаконеннымъ. Чернышевъ и Екатерина самымъ явнымъ и недвусмысленнымъ образомъ выражали къ нему свое благоволеніе, и осыпали милостями его представителей (Черневича, Лепкевича и Катебрига), лично прибывшихъ въ Петербургъ для принесенія присяги на вѣрноподданичество.

Обезпечивъ себя такимъ образомъ со стороны свѣтской власти,

іезуиты—не безъ волненія однако, ждали рѣшенія своей судьбы изъ Рима. Ждать пришлось недолго. Въ Варшавѣ объявили бреве Климента XIV и вслѣдъ за тѣмъ виленскій епископъ Масальскій разослалъ его по своей епархіи, въ томъ числѣ и по Бѣлоруссіи, которая, собственно говоря, теперь уже не подлежала его вѣдомству, такъ какъ Екатерина II образовала изъ нея особую бѣлорусскую епархію, поставивъ во главѣ ея извѣстнаго епископа Сестренцевича. На обязанности этого послѣдняго и лежало приведеніе папскаго бреве въ исполненіе. Но, по указанію Екатерины, никакая папская булла, никакое папское бреве не могли быть приводимы въ исполненіе безъ ея предварительнаго согласія. Сестренцевичъ, заклятый врагъ и ненавистникъ іезуитовъ, спѣшитъ къ Екатеринѣ съ папскимъ бреве, но Черневичъ, Ленкевичъ и Катебринъ предупреждаютъ его. Прибывъ въ столицу нѣсколькими днями раньше епископа, они тотчасъ же обратились за помощью и совѣтомъ къ своему покровителю Чернышеву. Результатомъ переговоровъ ихъ съ Чернышевымъ было прошеніе, поднесенное ими отъ имени всѣхъ русскихъ іезуитовъ—Екатеринѣ II. Въ этомъ прошеніи іезуиты смиренно просятъ у Екатерины II позволенія покориться бреве Климента XIV объ уничтоженіи ихъ ордена. Относительно отвѣта они не безпокоились: онъ былъ имъ данъ уже заранѣе. Принявъ прошеніе, Екатерина отвѣчала Черневичу слѣдующими словами:

«Вы должны повиноваться папѣ въ предметахъ догматическихъ, а въ остальныхъ вещахъ вашимъ государямъ. Я замѣчаю, что вы *совѣстливы*. Я напишу моему посланнику въ Варшавѣ, чтобы онъ переговорилъ объ этомъ съ папскимъ нунціемъ и разсѣялъ бы вашу мнительность».

Къ этому Чернышевъ проницательно добавилъ, что:

«Папа вѣроятно, будетъ смотрѣть не безъ удовольствія на существованіе іезуитовъ въ Бѣлоруссіи».

Вслѣдъ за тѣмъ Сестренцевичъ получилъ предписаніе не обнародывать папскаго бреве и оставить іезуитовъ въ томъ положеніи, въ какомъ они были.

Однако предсказаніе Чернышева относительно того удовольствія, которое будто бы испытаетъ папа, узнавъ, что его бреве не обнародовано и не приведено въ исполненіе, не совсѣмъ оправдалось. Папа чувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ и страшно разгнѣвался. Гнѣвъ его прежде всего обратился на непокорныхъ сыновъ церкви, на дерзкихъ ослушниковъ его повелѣнія, а непокорные сы-

ны съ смиреніемъ отвѣчали ему, что они отъ всей души рады покориться св. отцу, но вѣрноподданическая присяга не дозволяетъ имъ ослушаться распоряженія императрицы. Тогда папа, видя, что съ сынами ничего не подѣлаешь, обратился къ иностраннымъ дворамъ, прося ихъ посредничества. Бурбонскій и австрійскій дворы изъявили ему на это полную готовность. Однако и ихъ посредничество ни къ чему не привело. Іезуиты не только не были потревожены, но напротивъ съ каждымъ годомъ на нихъ сыпались все новыя и новыя милости. Послѣ всѣхъ этихъ попытокъ, Римскій дворъ рѣшился отказаться отъ прямаго образа дѣйствій и пустилъ въ ходъ хитрости: Сестренцевичу, какъ мы уже сказали, врагу іезуитовъ, предложенъ былъ слѣдующій планъ къ уничтоженію іезуитскаго ордена, онъ долженъ былъ стараться опустошить іезуитскія коллегіи разсылкою іезуитовъ въ разныя мѣста для исправленія будто бы разныхъ духовныхъ требъ и порученій; такимъ образомъ іезуиты были бы разсѣяны и не имѣли бы центровъ для соединенія своего института; коллегіи ихъ сами собою опустѣли бы. Планъ былъ очень хитрый и очень тонкій. Но іезуиты нашли и тутъ возможность увернуться: чуть только Сестренцевичъ началъ приводить его въ исполненіе, они сейчасъ же обратились съ жалобою на него Чернышеву. И хотя епископъ дѣйствовалъ въ предѣлахъ своей власти и закона, хотя онъ имѣлъ полное право разстасовывать по произволу подчиненное ему духовенство, однако Чернышевъ не только принялъ жалобу іезуитовъ, но еще послалъ Сестренцевичу нагоняй.

«Вашему преосвященству извѣстно, писалъ онъ ему, что Государыня приняла подъ свою защиту и покровительство іезуитовъ Бѣлоруссіи, и желаетъ, чтобы они пребывали въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ были прежде, т. е. со всѣми своими прежними правами, привиллегіями, правилами и обычаями, и чтобы никто не смѣлъ никакъ, ни прямо, ни косвенно противодѣйствовать имъ, не только во внутреннемъ ихъ управленіи, въ отправленіи ихъ обязанностей, но даже и въ томъ, что относится къ ихъ храмамъ, домамъ, коллегіямъ и т. п., Августѣйшая Государыня не потерпитъ, чтобы дѣлалось имъ какое нибудь притѣсненіе и обида. Обо всемъ этомъ были предувѣдомлены ваше преосвященство, но несмотря на то, дошло до свѣдѣнія нашего, что вы простираете власть свою надъ іезуитами далѣе начертанныхъ вамъ границъ и, кажется, стремитесь угнетать и ослаблять это общество».

Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе жалобы іезуитовъ и внушеніе.

«Я надѣюсь, что на будущее время вы всѣми силами постараетесь исполнять предписанія Государыни, такъ что на будущее время іезуиты не только

не встрѣтятъ со стороны вашей какого либо оскорбленія и стѣсненія, но даже не подадите имъ ни малѣйшаго повода жаловаться на васъ».

По этому документу, читатели, могутъ составить себѣ понятіе о томъ, какою силою и вліяніемъ пользовались іезуиты при Екатеринѣ. И эта сила и вліяніе съ каждымъ годомъ росли все болѣе и болѣе, и съ 1780 года, когда въ Полоцкѣ открытъ былъ іезуитскій новиціатъ, Бѣлоруссія сдѣлалась для іезуитовъ такимъ же центромъ, какимъ прежде былъ Римъ.

«На вѣсть объ открытіи новиціата въ Полоцкѣ, говоритъ г. Морошкинъ, тотчасъ отозвались всѣ іезуиты во всемъ свѣтѣ и потянулись изъ всѣхъ угловъ въ Бѣлоруссію,—по преимуществу явились выходцы изъ Польши, Франціи, Германіи, Швейцаріи и Италіи. Сюда стремились теперь люди разныхъ званій, съ различными знаніями, искуствами и ремеслами; тутъ были механики, живописцы, медики, библіофилы, археологи, астрономы, химики, доктора, изобрѣтатели и строители разныхъ машинъ. Напискъ іезуитовъ изъ за границы въ Полоцкъ былъ такъ великъ, что принуждены были начальники ордена отказывать нѣкоторымъ за недостаткомъ помѣщенія. Для облегченія пріѣзда заграничныхъ іезуитовъ было сдѣлано все возможное со стороно русскаго правительства и со стороны бѣлорусскихъ іезуитовъ и ихъ друзей». (стр. 170—171).

Теперь для того, чтобы окончательно упрочиться и организоваться, іезуитамъ оставалось только одно—учредить у себя *генерала*. Имѣя своего *генерала*. іезуиты вышли бы изъ подъ ферулы епископа и образовали бы замкнутый и объединенный институтъ. Въ 1782 году они достигли и этой цѣли: имъ дозволено было избрать изъ среды своей «генеральнаго викарія, которымъ провинціалы и прочіе ихъ начальники, по правиламъ ордена ихъ, перемѣняемы будутъ». Такимъ-то образомъ. іезуитскій орденъ снова возродился и окрѣпъ, вдали отъ Рима и Италіи, и папское бреве не уничтожило, а только на время парализировало его дѣятельность. перенеся его центръ изъ одного угла Европы въ другой. Но, разумѣется, папа тутъ былъ не причемъ: факты, которые мы обозрѣли здѣсь въ бѣгломъ очеркѣ. ясно показываютъ, что возрожденіе іезуитскаго ордена произошло противъ его воли. Папа также искренно хотѣлъ уничтожить одну изъ могущественнѣйшихъ опоръ католицизма. одну изъ могущественнѣйшихъ опоръ своего трона. какъ искренно правительство Екатерины II старалось поддержать и развить въ Бѣлоруссіи элементъ, наиболѣе противный видамъ и интересамъ его политики.

Политика Павла. по отношенію къ іезуитамъ, составляетъ только

продолженіе политики Екатерины, съ тою разницею, что Павелъ еще съ большею энергіею покровительствовалъ ихъ видамъ и стремленіямъ. При немъ іезуиты перенесли центръ своей дѣятельности изъ Бѣлоруссіи въ Петербургъ. Здѣсь въ ихъ руки была передана католическая церковь св. Екатерины, при которой они устроили коллегіи, аптеку и выставку механическихъ произведеній; имъ возвращены были имѣнія, отнятыя у ордена во время польскаго владычества и теперь находившіяся въ казенномъ управленіи. Представители ихъ, въ особенности извѣстный іезуитъ Груберъ и Мануччи пользовались самымъ сильнымъ и неотразимымъ вліяніемъ на государя.

«Вліяніе Грубера, говоритъ г. Морошкинъ, достигло такой недосягаемой высоты, что передъ нимъ пзгибались (сильные въ то время вельможи) Лопухинъ и Кутайсовъ» (стр. 378).

Наполеонъ I, желая привлечь Павла на свою сторону и разорвать союзъ Англіи съ Россіею, обратился прежде всего къ Груберу; въ секретныхъ письмахъ къ іезуиту онъ умоляетъ его склонить императора на союзъ съ нимъ. И Груберъ дѣйствительно сдѣлалъ чудо: послѣ нѣсколькихъ бѣседъ съ Павломъ ему удалось превратить его изъ заклятыхъ враговъ Наполеона въ его восторженнаго друга. Немедленно союзъ съ Англіей былъ разорванъ, а союзъ съ Франціей заключенъ. Этотъ фактъ всего лучше характе, ризуетъ тогдашнее положеніе іезуитовъ при дворѣ. Разумѣется іезуиты пользовались этимъ положеніемъ и старались извлечь изъ него всевозможныя выгоды. И наконецъ въ первый годъ нынѣшняго столѣтія имъ удалось достигнуть осуществленія своей давнишней мечты. Въ августѣ 1800 года Павелъ отправилъ къ папѣ (Пію VII) собственноручное письмо, въ которомъ онъ просилъ его отмѣнить Климентовское бреве и возстановить іезуитскій орденъ. Письмо это встрѣтило въ Римѣ весьма благосклонный пріемъ. Взгляды римскаго двора на дѣятельность и значеніе іезуитскаго ордена теперь уже значительно измѣнились; въ Римѣ опять заговорили о великихъ услугахъ, оказанныхъ орденомъ католичеству; Пій VII открыто выражалъ ему свои симпатіи. Въ то же время и въ другихъ католическихъ государствахъ буря, поднятая противъ іезуитовъ XVIII вѣкомъ, стала мало-по-малу утихать. Тяжелая реакція начинала чувствоваться повсюду и однимъ изъ первыхъ предтечъ ея былъ поворотъ общественнаго мнѣнія въ пользу ордена. Еще ранѣе письма Павла, подобная же просьба была прислана къ папѣ отъ

герцога Пармскаго. Прусскій, австрійскій и испанскій дворы объявили Пію, что они не намѣрены вмѣшиваться въ его распоряженія относительно ордена, и предоставляютъ ему въ этомъ случаѣ полную свободу дѣйствій. Въ виду такого настроенія общественнаго мнѣнія, папа не долго колебался отвѣтомъ на просьбу русскаго императора. Онъ отвѣчалъ ему собственноручнымъ письмомъ, къ которому было приложено бреве о возстановленіи іезуитскаго ордена въ Россіи. Письмо это, однако, не застало Павла въ живыхъ.

«Груберъ, говоритъ г. Морошкинъ, знавшій все, что говорилось въ Римѣ, Мадритѣ, Вѣнѣ, Парижѣ, Петербургѣ, Америкѣ, Китаѣ и Индіи, не предузналъ близкой кончины своего благодѣтеля и покровителя».

Его преемнику суждено было объявить іезуитамъ папское бреве. Съ этого момента исторія іезуитовъ въ Россіи вступаетъ въ новый періодъ, этому періоду будетъ посвященъ 2-й томъ труда г. Морошкина, который, вѣроятно, не замедлитъ выходомъ въ свѣтъ.

Перейдемъ теперь къ вышедшимъ въ послѣднее время переводнымъ книгамъ. Изъ нихъ особенное вниманіе обращаетъ на себя: *Путешествіе Самуила Уайта Бэккера къ верховьямъ Нила во внутренность Африки.*

Самуилъ Бэккеръ, въ мартѣ 1861 года, предпринялъ, вмѣстѣ съ своею женою, путешествіе во внутренность Африки. Цѣлью путешествія было — открытіе таинственныхъ источниковъ Нила. Эти несчастные источники давно уже служатъ заманчивою приманкою для предпріимчивыхъ путешественниковъ. Давно уже они служатъ соблазномъ для географовъ; географическое самолюбіе давно уже страдаетъ и оскорбляется, что какъ это такъ, до сихъ поръ нельзя съ точностью узнать, откуда беретъ Нилъ свое начало? Этотъ мучительный вопросъ не даетъ имъ покоя, и такое безпокойство со стороны спеціалиста весьма понятно и, если хотите, извинительно. Но, удивительно, какъ могутъ подобныя вещи волновать и тревожить обыкновенныхъ смертныхъ, непричисляющихъ себя къ цеху географовъ.

Бэккеръ, напримѣръ, полагаетъ, что въ этомъ вопросѣ замѣшана національная честь Англіи, и потому своему африканскому путешествію онъ придаетъ какой-то патріотическій характеръ.

«Мнѣ не вѣрилось, говоритъ онъ, чтобы Англія была побита, и хотя я не могъ навѣрное расчитывать на удачу тамъ, гдѣ многіе и лучше меня потерпѣли неудачу, но тѣмъ не менѣе я рѣшился пожертвовать всѣмъ для попытки.

Когда въ Гондоноро онъ встрѣтилъ друзей своихъ Спика и Гранта, посланныхъ англійскимъ правительствомъ для изслѣдованія источниковъ Нила, и узналъ отъ нихъ, что эти источники уже открыты, онъ страшно опечалился, несмотря на то, что уже съ избыткомъ успѣлъ испытать всѣ прелести путешествія по дикой, неизвѣстной странѣ, населенной жестокими и кровожадными варварами.

«Я, разсказываетъ онъ самъ про себя, упалъ духомъ и сказалъ даже Спику: «неужели на мою долю не осталось и листочка отъ вашихъ лавровъ» (стр, 61.)

Отсюда ясно, что Бэккеръ смотрѣлъ на открытіе источниковъ Нила, какъ на такую міровую задачу, участвовать въ разрѣшеніи которой, хотя чѣмъ нибудь, уже значитъ заслужить право на вѣчную благодарность современниковъ и потомства. На такія увлеченія въ наше время можно смотрѣть съ такимъ же пожиманіемъ плечей, какъ въ средніе вѣки смотрѣли на сытыхъ дилеттантовъ, увлекавшихся открытіемъ философскаго камня. Тратить умъ, энергію, трудъ и время въ погонѣ за источниками Нила, въ разрѣшеніи нильскаго вопроса, въ то время, когда дома еще остается такъ много насущныхъ задачъ, связанныхъ съ интересами сотни милліоновъ людей—это, по меньшей мѣрѣ, нерасчетливо. Впрочемъ это *ниломанство* имѣетъ въ себѣ одну хорошую сторону, или, правильнѣе сказать, одно хорошее послѣдствіе, которому мы не можемъ отказать въ относительной полезности. Дѣло въ томъ, что путешественники, отыскивая начало Нила и изслѣдуя линію его теченія, встрѣчались на своемъ пути со множествомъ совершенно неизвѣстныхъ туземныхъ народцевъ и оставили намъ подробныя описанія ихъ; эти описанія имѣютъ важное антропологическое и соціальное значеніе; и онѣ-то придаютъ ихъ географическимъ изслѣдованіямъ тотъ живой интересъ, ту общедоступность и занимательность, которыхъ въ противномъ случаѣ они конечно бы не имѣли.

Смотря на дѣло съ этой точки зрѣнія, мы полагаемъ, что путешествіе Бэккера прочтется нашими читателями съ большимъ удовольствіемъ и дастъ имъ богатый запасъ поучительныхъ фактовъ. Бэккеръ не утомитъ ихъ географическими подробностями и вычисленіями, но онъ представитъ имъ довольно живую картину быта и нравовъ туземныхъ дикарей,—быта и нравовъ, съ одной стороны такъ рѣзко отличающихся отъ утонченной жизни цивилизованной Европы, а съ другой стороны представляющихъ такъ много сходныхъ и аналогичныхъ съ нею чертъ. Единственный упрекъ, который, быть можетъ, можно сдѣлать Бэккеру—это то, что онъ слишкомъ много останавливается на внѣшней сторонѣ быта дикарей, на ихъ прическахъ, костюмахъ и т. д. и слишкомъ поверхностно рисуетъ ихъ внутреннія отношенія, ихъ внутреннюю жизнь. Иногда даже онъ не говоритъ о ней ни слова. Впрочемъ упрекъ этотъ значительно ослабляется тѣмъ обстоятельствомъ, что Бэккеръ провелъ во внутренностяхъ Африки весьма короткое время и слѣдовательно не имѣлъ рѣшительно никакой возможности познакомиться съ туземцами ближе. Чтобы нагляднѣе показать читателю, чего онъ можетъ ожидать отъ бэккеровскаго описанія быта и жизни африканскихъ дикарей, мы считаемъ необходимымъ привести здѣсь одинъ или два примѣра. Возьмемъ на выдержку хоть описаніе двухъ туземныхъ племенъ—*бари* и *мира*. Замѣтимъ кстати, что эти описанія принадлежатъ еще къ числу наиболѣе обстоятельныхъ. Вотъ что онъ говоритъ о первомъ изъ названныхъ племенъ:

«Жилища туземцевъ отличаются полнѣйшею опрятностью. Мѣсто, занимаемое каждою отдѣльною семьею, обнесено обыкновенно густой, непроницаемой растительною изгородью изъ евфорбіи. Все пространство внутри ограды покрыто цементомъ изъ золы, песка и коровьяго помета. На этой чисто выметенной площадкѣ стоитъ одна или нѣсколько хижинъ, окруженныхъ хлѣбными амбарами, искусно сдѣланными изъ плетня, крытыми соломой и построенными на довольно высокихъ подставкахъ. Крыши хижинъ выступаютъ впередъ и такимъ образомъ даютъ тѣнь; входъ обыкновенно бываетъ фута въ два вышины. Каждый членъ семейства, по смерти, погребается въ этомъ дворѣ. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ зарытъ, втыкаютъ шестъ, прибѣгивают къ нему бычачьи рога и черепа, а верхушку украшаютъ пукомъ пѣтушиныхъ перьевъ. Мужчины всегда носятъ съ собою свое оружіе, трубку, скамейку, и когда стоятъ, то держатъ все это, исключая скамейки, упершись между ногами. Мужчины стройны,—но женщины непривлекательны, хотя и не имѣютъ, обычныхъ негритянскому типу, толстыхъ губъ и приплюснутаго носа. Естественнымъ признакомъ негритянской крови у нихъ служатъ волоса, похожія на шерсть. На животѣ, бокахъ и спинѣ, они акт

густо татуированы, что когда натираются красной охрой—что въ большой модѣ,—то мѣста эти бываютъ похожи на широкій поясъ изъ рыбьей чешуи.

Вышеозначенная краска получается изъ собственной глины, богатой окисью желѣза. Глину эту жгутъ, толкутъ въ порошокъ и дѣлаютъ изъ нея комья, похожіе на куски мыла, съ помощью жира превращаютъ ихъ въ родъ тѣста, которымъ и натираются, какъ мужчины, такъ и женщины; они становятся похожими на свѣжіе, алые кирпичи. На всемъ тѣлѣ у нихъ нѣтъ ни волоска, кромѣ маленькаго пучка на макушкѣ, въ который они втыкаютъ одно или нѣсколько перьевъ. У женщинъ и на головѣ ничего не оставляется. Вмѣсто фиговаго листа, онѣ носятъ маленькій фартучекъ, дюймовъ въ шесть длиною, сдѣланный изъ бусъ или изъ маленькихъ колечекъ въ родѣ кольчуги; сзади привѣшивается хвостъ изъ тоненькихъ полосокъ кожи или нитокъ, спряденныхъ изъ туземнаго хлопка. Какъ фартучекъ, такъ и хвостъ прикрѣпляются къ такому же поясу какъ и у племени лира. Вотъ и весь ихъ туалетъ (стр. 53).

Далѣе говорится о томъ, что рогатый скотъ у нихъ мелокъ,—что стрѣлы свои они намазываютъ ядовитыми веществами и что

«тетиву они натягиваютъ не двумя передними пальцами, какъ въ другихъ странахъ, а просто притягиваютъ ее немного, держа стрѣлу между среднимъ суставомъ указательнаго пальца и большимъ пальцемъ. Наконецъ «племя бари очень враждебно (кому?) и считается чуть не злѣйшимъ на всемъ Бѣломъ Нилѣ» (стр. 55).

Вотъ и все, что вы узнаете объ этомъ племени. Почти также поверхностно описаніе и другихъ племенъ. Мы выше упомянули о племени *лира*,—вотъ какія свѣденія сообщаетъ о немъ Бэккеръ:

«Они дѣлаютъ изъ волосъ войлокъ, довольно большой, покрывающій плечи и висящій сзади до лопатокъ. Носить фальшивые волосы не только не считается предосудительнымъ, но, напротивъ, всякій радуется, если ему удастся гдѣ нибудь достать ихъ. Когда человѣкъ умираетъ, у него тотчасъ же обрѣзаютъ волоса и дѣлятъ ихъ между друзьями покойнаго, которые присоединяютъ ихъ къ своимъ. Парадный нарядъ (туземцы ходятъ голые) состоитъ весь въ томъ, что этотъ волосяной войлокъ покрывается слоемъ голубоватой глины, гладко примазаннымъ, и по немъ иглой терновника тщательно выцарапываются ряды зубчиковъ, подобныхъ зубцамъ пилы. Потомъ на эту поверхность накладываются, сдѣланныя изъ бѣлой трубочной глины разныя фигуры, сверху втыкается украшеніе изъ сухожилій антилопы или жирафа, около фута въ длину и загнутое къ верху. Племя лира управляется начальникомъ, но власть его не превышаетъ власти мелкихъ начальниковъ въ странѣ Бари. Вообще, во всѣхъ странахъ, за исключеніемъ Уніора, власть начальниковъ на самомъ дѣлѣ весьма ограничена и положеніе ихъ такъ непрочно, что власть очень рѣдко остается въ теченіи двухъ поколѣній въ одномъ семействѣ. По смерти отца, многочисленные сыновья обыкновенно начинаютъ ссору изъ-за наслѣдства, кончающуюся всегда открытою войною и раздѣломъ коровъ и куръ, послѣ чего каждый поселяется отдѣльно и дѣлается мелкимъ начальникомъ» (стр. 292).

Полагаемъ, что эти выписки могутъ дать читателю понятіе о характерѣ описаній Бэккера, такъ что намъ съ своей стороны ничего уже не приходится прибавлять. Что же касается до внѣшней стороны изданія, то мы должны замѣтить, что оно вполнѣ удовлетворительно: переводъ сдѣланъ весьма тщательно, а приложенныя гравюры — отличаются отчетливостью и изяществомъ.

Книжка, изданная «Русскою книжною торговлею», подъ заглавіемъ: *Философія естествознанія* и книжка, изданная г. Ламанскимъ подъ заглавіемъ: *Нравственная статистика въ связи съ исторіею приложенія чиселъ къ наукамъ нравственнымъ* — имѣютъ между собою то общее сходство, что, по своему содержанію, онѣ далеко не соотвѣтствуютъ своимъ пышнымъ названіямъ. Но на этомъ сходство ихъ и прекращается. Трудъ Джона Гершеля, хотя и не соотвѣтствуетъ названію, приданному ему услужливыми издателями (на англійскомъ языкѣ онъ просто озаглавленъ «введеніе въ изученіе естественной философіи), однако, вполнѣ заслуживаетъ вниманія читателей. Въ первыхъ главахъ авторъ говоритъ вообще о значеніи естественныхъ наукъ, — о ихъ пользѣ и о ихъ совершенной *благонадежности* въ нравственномъ отношеніи. Разсужденія эти не отличаются особою оригинальностью и вращаются въ сферѣ самыхъ избитыхъ мѣстъ и совершенно безспорныхъ положеній. Едва-ли есть надобность доказывать въ настоящее время, что естественныя науки полезны, и что они не ведутъ къ невѣрію. Если еще встрѣчаются такіе чудаки, которые смотрятъ на естественно-научныя знанія, какъ на нѣчто крайне опасное и неблагонамѣренное, то съ такими людьми доводами и разсужденіями ничего не подѣлаешь. Человѣческая логика для нихъ недоступна, потому что ихъ невѣжество самымъ надежнымъ образомъ гарантируетъ ихъ отъ всякихъ поползновеній разсуждать и соображать. Большаго вниманія заслуживаетъ вторая часть книги, гдѣ авторъ разсматриваетъ принципы, на которыхъ основана успѣшная разработка естествознанія и излагаются правила, которыми долженъ руководствоваться наблюдатель при изслѣдованіи природы. Особенно

важны двѣ послѣднія главы объ индукціи, о низшихъ и высшихъ, степеняхъ обобщенія, о составленіи и повѣркѣ теоріи. Авторъ, вполнѣ признавая ту легкость, съ которою умъ человѣческій склоненъ къ умозрѣнію, къ выведенію общихъ законовъ, чуть только онъ замѣчаетъ между ними какую-нибудь аналогію, — точно опредѣляетъ правило для повѣрки гипотетическихъ теорій.

«Встрѣчая часто противорѣчивыя теоріи и объясненія одного и того-же явленія, — говоритъ онъ, — не должны ли мы воздержаться отъ всякихъ теорій и гипотезъ? Конечно не должны. *Est quodam prodire tenus si non datur ultra.* Гипотеза относительно теорій—тоже самое, что ближайшія причины относительно частныхъ индукцій, онѣ заставляютъ насъ отыскивать аналогію, побуждаютъ насъ къ изслѣдованіямъ. Гипотеза хорошо задуманная и вызванная разумнымъ индуктивнымъ обсужденіемъ общихъ законовъ, въ заключеніе почти всегда даетъ намъ возможность сдѣлать новый шагъ въ обобщеніяхъ, и свести многіе изъ такихъ законовъ въ одно общее выраженіе. Но въ этомъ заключается только очень ограниченная доля важности и пользы, приносимой гипотезами: можетъ случиться (и это случилось съ ученіемъ о волнообразномъ движеніи свѣта), что на сторонѣ гипотезы накопляется такое количество аналогій и вѣроятностей, что намъ остается принять одно изъ двухъ, — или дѣло дѣйствительно происходитъ согласно съ предположеніемъ, или оно идетъ настолько параллельно съ послѣднимъ, что можетъ имѣть съ нимъ нѣкоторые общіе способы выраженія, по крайней мѣрѣ, относительно извѣстныхъ явленій. Это уже очень большой шагъ, не только самъ по себѣ, какъ путь для философскихъ умозаключеній, но и по своимъ примѣненіямъ. Какіе бы выводы мы не дѣлали изъ подобной гипотезы, выводы эти должны имѣть въ свою пользу, по крайней мѣрѣ, значительную вѣроятность. Такимъ образомъ мы наталкиваемся на многіе любопытные опыты, — на многія полезныя и важныя изобрѣтенія, о которыхъ безъ этой гипотезы мы никогда и не подумали бы и которыя, если оправдаются практикою, уже сами по себѣ составляютъ пріобрѣтеніе для науки и искуства». (стр. 195).

Однако, для того, чтобы свобода умозрѣнія не перешла въ «буйное своеволіе раба, вырвавшагося изъ своихъ оковъ», какъ выражается Гершель, — необходимо ограничить ее извѣстными правилами.

Создавая какую нибудь теорію или гипотезу, мы, продолжаетъ Гершель, должны отдать себѣ разумный отчетъ въ тѣхъ естественныхъ явленіяхъ, которыхъ она касается; намъ *прежде всего* необходимо разобрать тѣ факторы, которыми эти явленія обусловливаются, или тѣ условія, которыя мы считаемъ за конечныя причины послѣднихъ. Факторовъ этихъ мы не можемъ изобрѣтать по своему произволу, они, по своимъ свойствамъ, должны быть согласны съ тѣми основными принципами, которые опытъ открываетъ въ природѣ и принимать участіе въ явленіяхъ, сходныхъ съ тѣми, о которыхъ идетъ рѣчь; или факторы эти должны быть такими, чтобы присутствіе въ данномъ случаѣ могло бы быть обнаружено несомнѣнными признаками».

Далѣе онъ разсматриваетъ законы, управляющіе дѣйствіемъ этихъ первичныхъ факторовъ и устанавливаетъ правила для провѣрки теорій вообще. Въ третьей части книги представленъ краткій обзоръ главнѣйшихъ ученій физики, раздѣленіе ея на части и соотношеніе этихъ частей между собою. Изложеніе отличается необыкновенною ясностью и популярностью, и въ тоже время дастъ читателю весьма удовлетворительное понятіе о современномъ положеніи этой науки и объ относительномъ значеніи каждой изъ ея частей. Заключительная глава посвящена разсмотрѣнію причинъ быстраго успѣха физическихъ знаній въ настоящее время, сравнительно съ успѣхомъ ихъ въ болѣе ранніе періоды. Причины эти, какъ и слѣдовало ожидать, авторъ видитъ въ

«громадномъ увеличеніи богатствъ и распространеніи образованія, доставившихъ необходимый досугъ и развившихъ вкусъ къ умственнымъ занятіямъ, а также въ расширеніи средствъ для этого занятія». (стр. 344).

Вообще эта глава не заслуживаетъ особаго вниманія и безъ всякаго ущерба для читателей могла бы быть даже и не написана авторомъ. Помѣщая ее въ концѣ книги, онъ руководствовался, вѣроятно, тѣми же побужденіями, которыя заставляютъ дирекцію театра давать обыкновенно въ заключеніе спектакля какой нибудь веселый дивертисментъ.

Что же касается до книжки, приподнесенной публикѣ г. Ламанскимъ, то о ней не стоитъ много и распространяться. Половину ея не стоитъ даже и разрѣзать, другую половину (88 страничекъ разгонистой печати, въ 16-ю долю листа) читатели, никогда ничего нечитавшіе по части статистики, могутъ пробѣжать не безъ пользы для себя. Однако, даже ради этихъ 88 страничекъ не стоитъ покупать цѣлой книги (въ которой впрочемъ всего только 143 страницы малаго формата), за которую издатель назначилъ не только уже неумѣренную, а просто невѣроятную цѣну—2 р. 25 к. Та половина книги, о которой мы сказали, что ее не стоитъ разрѣзать, состоитъ изъ безсодержательнаго *предисловія* (неизвѣстно для кого и для чего написаннаго) Вагнера и еще болѣе безсодержательной статьи Герри, весьма неосновательно названной *изслѣ-*

дованіемъ и весьма легкомысленно озаглавленной: «Исторія приложенія чиселъ къ наукамъ нравственнымъ». Это совсѣмъ не *исторія*, а просто самый краткій и поверхностный обзоръ развитія статистическихъ учрежденій во Франціи, въ связи съ развитіемъ теоріи математической школы. Обзоръ этотъ, какъ и вся статья Герри, не заслуживаетъ ни малѣйшаго вниманія. Остановиться можно только на другой статьѣ маститаго математика, статистика и философа Дробиша (занимающей остальную половину книги), озаглавленной «Нравственная статистика». Авторъ, разсмотрѣвъ въ ней общія основанія теоріи вѣроятности въ приложеніи къ статистикѣ, устанавливаетъ весьма точный и правильный взглядъ на такъ называемые законы *необходимости*, законы неизмѣннаго повторенія явленій въ сферѣ человѣческихъ дѣйствій и поступковъ. Вотъ главнѣйшіе результаты, къ которымъ приводитъ его анализъ фактовъ нравственной статитистики:

1) Вѣчная законность, какую нравственная статистика доказываетъ для произвольныхъ человѣческихъ дѣйствій, происходитъ не отъ фаталистическаго закона, не отъ судьбы, требующей слѣпой покорности и свершающейся съ неодолимой силой, а напротивъ того составляетъ *продуктъ* постоянныхъ, но могущихъ видоизмѣняться причинъ. 2) Законность, доказываемая нравственною статистикою, относится только къ извѣстнымъ классамъ произвольныхъ человѣческихъ дѣйствій и всегда только къ небольшой дробной части населенія страны,—части, особенно способной къ этимъ дѣйствіямъ. Какъ *средній человѣкъ* вообще, такъ и въ особенности средній человѣкъ мужскаго и женскаго пола и извѣстнаго возраста, ничто иное, какъ отвлеченная математическая фикція, которую можно допустить потому, что она показываетъ отношенія числа лицъ, совершающихъ извѣстное дѣйствіе, къ числу лицъ того же класса, не совершающихъ его; но это отвлеченное понятіе вовсе *не имѣетъ того* значенія, что будто всѣ индивидуумы этого класса принимаютъ *дѣйствительное* участіе въ этихъ различныхъ дѣйствіяхъ. 3) Способность къ дѣйствіямъ, изслѣдуемымъ нравственною статистикою, основывается частью на свойствахъ человѣческой природы вообще, частью на особенныхъ племенныхъ и въ особенности соціальныхъ условіяхъ. 4) Постоянство статистическихъ цифръ указываетъ только на то, что въ современныхъ обществахъ поводы и случай къ дѣйствіямъ, къ которымъ относятся эти цифры, ежегодно повторяются почти равномѣрно, вслѣдствіе слишкомъ упорной устойчивости даннаго общественнаго status quo. Наконецъ 5) Если подъ именемъ произвольныхъ дѣйствій понимать такія, которыя единственно и цѣликомъ составляютъ результатъ одного *желанія* (или, какъ иногда выражаются метафизики,—самоопредѣленія), то нравственная статистика, въ предѣлахъ, по крайней мѣрѣ, доступной ея области, отрицаетъ дѣйствительность существованія подобныхъ дѣйствій и объявляетъ такой произволъ чистымъ заблужденіемъ, потому что она вездѣ находитъ поводы, основанія, побудительныя причины дѣйствовать». (стр. 85).

Послѣ такого вывода нравственной статистики весьма назидательно перейти къ умозрѣніямъ философіи уголовнаго права. *Философія* уголовнаго права!! Но неужели есть еще такіе наивные простаки, которыя вѣрятъ въ эту удивительную и по истинѣ неуловимую науку? Признаемся, мы сомнѣвались въ возможности ихъ существованія въ нашъ положительный реальный вѣкъ. Мы полагали, что эту странную науку можно еще излагать съ кафедръ разныхъ учебныхъ заведеній. Но мы никакъ не могли себѣ представить, чтобы могъ найтись такой чудакъ, который бы вздумалъ открывать ея таинственныя истины простымъ смертнымъ изъ одной любви къ искуству. Теперь однако оказывается, что мы ошибались. Оказывается, что есть чудаки, не только отваживающіеся приподносить почтенной публикѣ «*философію уголовнаго права*» въ *популярномъ изложеніи*; но даже дерзко увѣряющіе, что будто приподносимое ими кушанье — очень вкусное и крайне необходимое для нормальнаго питанія организма. Такимъ невѣроятнымъ чудомъ является г. Франкъ, профессоръ въ парижской «Collége de France», издавшій въ популярномъ изложеніи философію уголовнаго права, и объявившій, будто безъ нея «государство разрушится, нравственность неосуществима на землѣ, личная свобода и общественный порядокъ явятся въ опасности» и т. д. и что вслѣдствіе всего этого она должна интересовать «не только философа и законовѣда,» но и каждаго образованнаго человѣка (стр. 2). Послѣ этой балаганной рекламы, читатель догадывается, отъ какихъ бѣдъ и напастей спасаетъ насъ эта удивительная философія. Но какъ же это происходитъ? Откуда она почерпаетъ свои волшебные талисманы? Мы много уже разъ поднимали эти вопросы и каждый разъ анализъ фактовъ приводилъ насъ къ тому убѣжденію, что такъ-называемая философія уголовнаго права есть не болѣе, какъ тоже самое положительное уголовное право, только изложенное въ нѣсколько другомъ порядкѣ и съ другою цѣлью. Мы считаемъ излишнимъ снова повторять и доказывать эти мысли по поводу такой, во всѣхъ отношеніяхъ, пустой и ничтожной книжонки, какъ сочиненіе профессора Франка.

Въ ней нельзя отыскать, при самомъ тщательнѣйшемъ осмотрѣ, ни единой крупинки оригинальности, ни одной сколько нибудь самостоятельной мысли, все старо и избито; избитое изложеніе избитыхъ теорій, избитое опроверженіе ихъ — избитыми аргументами, избитая постановка вмѣсто нихъ другой, столь же мало состоятельной теоріи; избитыя разсужденія о соразмѣрности между преступленіемъ

и наказаніемъ, избитыя жалобы на нѣкоторыя слишкомъ жестокія наказанія, избитый протестъ противъ смертной казни и проч. и проч. Какимъ образомъ могло кому нибудь придти въ голову переводить на нашъ многострадальный языкъ весь этотъ избитый и старый хламъ, и притомъ еще хламъ, изложенный крайне-безпорядочно и ненаучно, мы рѣшительно недоумѣваемъ. И полагаемъ, что всякій, кто будетъ имѣть несчастіе, подобно намъ, прочесть эту книгу до конца, придетъ въ точно такое же недоумѣніе. И на кого это разсчитывалъ переводчикъ даже въ нашей благодушной и всепрощающей публикѣ? На чей это счетъ онъ спекулировалъ? Вѣрно, онъ разсчитывалъ на учащуюся молодежь. Потому спѣшимъ предупредить ее, что она не найдетъ въ книжонкѣ Франка рѣшительно ничего для себя пригоднаго, рѣшительно ничего такого, чего бы она не знала гораздо лучше и основательнѣе изъ своихъ школьныхъ записокъ. Историческая часть, т. е. изложеніе основныхъ теорій уголовнаго права, крайне поверхностна и нелѣпа. Такъ, напримѣръ, о теоріи Гегеля и его послѣдователей не говорится у Франка ни слова, какъ будто ее совсѣмъ не существовало. Критика теорій изъ рукъ вонъ плоха, собственная же теорія, какъ извѣстно, очень старая и столь же мало состоятельная какъ и всѣ предыдущія теоріи. Вторая часть книги, въ которой опредѣляется понятіе о преступленіи вообще и разсматриваются нѣкоторые особые роды преступленій (самоубійство, дуэль, диффамація мертвыхъ, ростовщичество и преступленія по дѣламъ печати)—еще слабѣе (если только это возможно) первой. Авторъ здѣсь возстаетъ противъ общепринятаго опредѣленія, даваемаго обыкновенно юристами преступленію (преступленіе есть дѣяніе, закономъ уголовнымъ воспрещенное подъ страхомъ наказанія) и смѣшивая нравственную точку зрѣнія съ юридической, измышляетъ свое собственное опредѣленіе, по которому преступленіе есть дѣйствіе, нарушающее не право вообще, охраняемое даннымъ уголовнымъ закономъ, а право, «основанное на нравственномъ законѣ. Это образчикъ франковскаго глубокомыслія! И это называется философіею уголовнаго права въ *популярномъ* изложеніи. Замѣчательно, что эта вторая часть, начинающаяся такимъ удачнымъ опредѣленіемъ преступленія, кончается неменѣе удачнымъ и въ особенности весьма умѣстнымъ разборомъ романа В. Гюго (Les Misérables.) Разборъ этотъ до того уже нелѣпъ, что даже самъ переводчикъ, человѣкъ крайне-снисходительный ко всякаго рода нелѣпостямъ, не рѣшился переводить его на русскій языкъ. Такая воздержанность дѣлаетъ ему большую

честь. Дѣйствительно, по тѣмъ отрывкамъ, которые онъ приводитъ изъ этого знаменитаго разбора, можно съ достаточною основательностью судить, каковъ долженъ быть весь разборъ. Глубокомысленный авторъ, видете ли, силится доказать, что *идея* романа невѣрна, потому что, говоритъ онъ,

«такихъ людей какъ Жанъ Вальжанъ, вовсе нѣтъ во Франціи; и французскіе присяжные не осуждаютъ на каторгу человѣка за кражу хлѣба, хотя бы ночью и хотя бы со взломомъ.»

Сколько унцій можетъ вѣсить мозгъ человѣка, способнаго разсуждать такимъ образомъ? Какъ вы думаете объ этомъ, читатель? Но какъ бы вы объ этомъ не думали, а мы все-таки полагаемъ, что приведеннаго образчика авторскаго глубокомыслія слишкомъ достаточно для того, чтобы снять съ насъ непріятную обязанность входить въ болѣе подробный разборъ его великаго творенія. Отъ души желаемъ читателю никогда съ этимъ твореніемъ не встрѣчаться и никогда его не читать. Отъ души также желаемъ г. Слонимскому отказаться навсегда или, по крайней мѣрѣ, на долгое время отъ чтенія французскихъ книжекъ, а то онъ еще, пожалуй, чѣмъ нибудь подаритъ насъ въ родѣ «Философіи уголовнаго права.»

П. Т.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Болѣзненные симптомы французской имперіи. — Раздвоенность ея политики внѣшней и внутренней: защита европейскихъ національностей и деморализація собственной націи.—Быстрое возвышеніе Пруссіи.—Бисмаркъ—ученикъ Наполеона III.—Взаимное отношеніе политическихъ партій, разъединенныхъ Бисмаркомъ въ силу принципа: *divide et impera*.—Паралель между политикой Бисмарка и Наполеона III. — Неизбѣжность столкновенія Франціи и Германіи.—Вѣроятный исходъ этого столкновенія въ будущемъ. — Общественное неудовольствіе во Франціи настоящимъ положеніемъ дѣлъ.—Возрастающее недовѣріе въ финансовомъ мірѣ.—Неопредѣленность и безцвѣтность англійскаго правительства.—Отсутствіе государственнаго человѣка.—Репрессивныя мѣры торійскаго кабинета.—Реформы въ Австріи.—Что вызвало ихъ и чего можно ожидать отъ нихъ?—Реакція противъ католическаго духовенства.—Ограниченіе его политическихъ правъ и вліянія на воспитаніе.—Напряженное состояніе европейскихъ народовъ.

Сколько важныхъ событій совершилось съ той поры, какъ Жакъ Лефренъ въ послѣдній разъ бесѣдовалъ съ своими русскими друзьями, сообщая имъ новости политической жизни Европы и всего прочаго міра! Сколько перемѣнъ, измѣнившихъ повидимому установившійся порядокъ вещей! Въ то время молодая французская имперія, родившаяся въ ночь второго декабря 1852 г., находилась въ апогеѣ своего могущества; теперь она находится въ состояніи явнаго упадка со всѣми признаками старости и даже скорой дряхлости. Подлѣ нея возникаетъ другая имперія; она быстро возвышается, хотя родилась почти вчера, — днемъ ея рожденія была битва при Садовой. Солнце заходитъ надъ Тюильери и восходитъ надъ берлинскимъ дворцемъ; или, говоря языкомъ биржи, которому отдаютъ теперь предпочтеніе предъ языкомъ поэзіи,—фонды Наполеонидовъ падаютъ, фонды же Гогенцоллерновъ возвышаются. Въ древнія времена необходимы были цѣлыя столѣтія, чтобы могущественная монархія дожила до старческаго возраста, — теперь

не такъ. Мы живемъ гораздо скорѣе въ наше время. Въ западной Европѣ органическія конституціи считаютъ свой вѣкъ 10—20 годами; непогрѣшимость папы ограничена жизнью Пія IX. Быстрота движенія по желѣзнымъ дорогамъ, способствующая быстрымъ и частымъ сношеніямъ людей между собою, даетъ такой же быстрый полетъ нашимъ мыслямъ. Ничто не оставлено въ покоѣ, даже мертвые потревожены въ ихъ могилахъ. Баронъ Гаусманъ, префектъ сенскаго департамента, провелъ бульвары на мѣстѣ парижскихъ кладбищъ и заставилъ возить мертвыхъ за десятки верстъ въ провинцію, чтобы туда, вмѣстѣ съ покойниками, перешли всѣ атрибуты печалей человѣческихъ, конечъ всесильный падишахъ Парижа обѣщалъ вѣчное успокоеніе на новыхъ мѣстахъ. Впрочемъ извините, г. Гаусманъ сказалъ не просто *вѣчное*, а *относительно вѣчное*. Что разумѣлъ подъ этими словами важный сановникъ второй имперіи: нѣсколько лѣтъ или нѣсколько столѣтій?—онъ разъяснилъ этотъ вопросъ, и мы теперь знаемъ, что подъ относительной вѣчностію слѣдуетъ разумѣть просто пятнадцать лѣтъ.

Какой глубокій смыслъ въ этихъ повидимому простыхъ словахъ! Какъ прекрасно они разъясняютъ многое, казавшееся до сихъ поръ таинственнымъ, непонятнымъ! Мы знаемъ теперь, что вѣчностію въ пятнадцать лѣтъ слѣдуетъ также измѣрять господство тѣхъ людей, которые считали себя призванными спасти Францію отъ ея политическихъ и экономическихъ заблужденій, преобразовать весь ея соціальный строй и водворить въ ней блаженство и покой, — тѣхъ людей, которые, постоянно толкуя о мирѣ, съ такимъ постоянствомъ въ послѣдніе 15 лѣтъ мутили Европу и держали ее въ напряженномъ состояніи. Они считали свое господство вѣчнымъ, мы и будемъ измѣрять его мѣрой, придуманной однимъ изъ ихъ вѣрныхъ слугъ.

Въ этой новости нѣтъ ничего удивительнаго для нашихъ друзей. Они давно предвидѣли ее. Еще въ то время, когда имперія пожинала лавры подъ Севастополемъ, когда она вѣнчала себя лавровымъ вѣнкомъ подъ Сольферино, когда слава ея имени гремѣла на далекомъ Востокѣ, когда она присылала побѣдные бюллетени изъ Пекина и Сайгона, когда она цивилизовала Мексику, торжественно объявляя о неспособности и упадкѣ англо-саксонскаго племени, когда она дѣлала попытки уничтожить самостоятельность обѣихъ Америкъ, когда она мечтала уже объ учрежденіи всемірной монархіи, основанной на принципѣ всемірнаго рабства, — уже тогда мы говорили: «Все это вздоръ, безразсудства слѣдуютъ за без-

разсудствами; долго такъ продолжаться не можетъ. Бонапартистская имперія не заключаетъ въ себѣ никакого принципа; она вся состоитъ изъ противорѣчій; ей постоянно приходится балансировать, — толковать объ идеяхъ, доставшихся въ наслѣдство отъ первой революціи, которые Франція послѣдовательно развиваетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ опираться на теорію феодальнаго права. Но ясно, что, при малѣйшемъ неосторожномъ шагѣ, равновѣсіе рушится, и съ нимъ вмѣстѣ рушится и вся система, на немъ основанная. На сколько теорія феодальнаго права несовмѣстна съ бонапартизмомъ, вышедшимъ изъ революціи, на столько же бонапартизмъ, опирающійся на теорію феодальнаго права, не можетъ уживаться съ тѣми идеями, которыя своимъ развитіемъ обязаны революціи».

Этими словами болѣе или менѣе точно объясняются убѣжденія, распространенныя въ средѣ людей, понимающихъ ходъ современныхъ событій. Разумѣется, теперь уже нетрудно по слѣдствіямъ опредѣлить причины, ихъ породившія; но еще очень недавно многіе, даже изъ людей мыслящихъ, не могли убѣдить себя, что на бонапартизмъ, въ концѣ его царствованія, будутъ въ одно и тоже время нападать, опираясь, съ одной стороны, на теорію феодальнаго права, а съ другой—на идеи, провозглашенныя первою революціею; это именно и происходитъ въ настоящее время, если мы не ошибаемся въ оцѣнкѣ событій.

Внутри Франціи съ бонапартизмомъ связана идея о давленіи всякаго проявленія свободы и независимости; внѣ Франціи — надежда на освобожденіе національностей; внутри онъ есть синонимъ деспотизма; внѣ — либерализма. Чтобы не путаться въ лабиринтѣ безконечныхъ разсужденій, мы не будемъ разъяснять причины этихъ противорѣчивыхъ объясненій и примемъ фактъ, какъ существующій и извѣстный.

Что же вышло? Бонапартизмъ, обязанный своимъ существованіемъ простому случаю, скоро износился — при употребленіи его во Франціи въ качествѣ революціоннаго принципа, и внѣ Франціи, какъ принципа противо-революціоннаго; онъ оказался безсильнымъ вынести двойную тяжесть, которую навалили на него съ обѣихъ сторонъ разомъ. Онъ поколебался, онъ зашатался, онъ падаетъ, онъ упадетъ совсѣмъ.

Притомъ, упадку второй имперіи помогло еще одно постороннее повидимому обстоятельство: политическій и соціальный застой Австріи былъ нарушенъ случайною силою обстоятельствъ,—Австріи, униженъ-

ной потерей сраженія при Садовой. Въ нашемъ свѣтѣ, падающемъ ницъ передъ успѣхомъ, на долю побѣжденнаго остается всегда стыдъ и потери. До послѣдней и кровавой битвы въ Богеміи всѣ реакціонеры, феодалы, клерикалы и разныя другія подобныя партіи тянули всегда къ Австріи; даже прусскіе представители этихъ партій, особенно юнкерская, готовы были пожалуй замѣнить юныхъ Гогенцолерновъ старыми Габсбургами. Къ послѣднимъ лежали ихъ симпатіи, какъ къ представителямъ древняго феодальнаго принципа. Но на другой день послѣ сраженія все измѣнилось. Бисмаркъ сдѣлался такой силой, что каждая партія пожелала имѣть его въ числѣ своихъ. Даже демократы стали переходить къ нему массами подъ предлогомъ, что для германскаго единства стоитъ пожертвовать гражданской свободой, что великій министръ тоже для Германіи, что былъ Кавуръ для Италіи, даже болѣе—онъ Ришелье Германіи, съ тою лишь разницею, что французскій министръ, посылая на плаху Монморанси и Сенъ-Марса, унизилъ силу только мятежныхъ дворянъ, а Бисмаркъ, для усиленія своего отечества, отнялъ короны у королей и другихъ владѣтельныхъ принцевъ,—слѣдовательно онъ болѣе великъ чѣмъ Ришелье. Съ своей стороны, феодально-аристократическая партія соединилась съ Бисмаркомъ, потому, что, по ея мнѣнію, безъ единства Германіи для нѣмцевъ нѣтъ спасенія, и что нѣмецкій Ришелье подготовляетъ колоссальнаго Людовика XIV. «Дѣйствуй успѣшно и ты будешь правъ!» гласитъ народная мудрость.

Бисмаркъ ученикъ бонапартовской школы, и хотя, несмотря на его успѣхъ, мы не особенно уважаемъ этого великаго человѣка, мы однакоже должны признать за нимъ то достоинство, что онъ умѣлъ воспользоваться всѣмъ, что только могъ извлечь изъ преподаваемыхъ ему уроковъ. Онъ понялъ могущество двусмысленной политики; онъ умѣлъ ловко балансировать, удачно выходить изъ ложныхъ положеній; онъ пользовался всякими подмостками, какіе въ данный моментъ представлялись пригодными: — сегодня онъ карабкается на верхъ, цѣпляясь за демократовъ, завтра аристократы подставятъ ему спины и онъ также удобно будетъ скакать по нимъ. Послѣдователи Лассаля и силезскіе ткачи видятъ въ Бисмаркѣ провозвѣстника великихъ экономическихъ началъ; самые смѣлые демократы уже видѣли осуществленіе своихъ любимыхъ идей, когда побѣдоносный министръ торжественно заявилъ о всеобщей подачѣ голосовъ во вновь созданномъ сѣверо-германскомъ союзѣ; они забыли въ своемъ увлеченіи, что Луи-Наполеонъ Бонапартъ,

благодаря именно этой всеобщей подачѣ, могъ произвести государственный переворотъ. Революціонеры были признательны Бисмарку за униженіе Австріи и изгнаніе ганноверскаго короля. Но что особенно курьезно, — прусскіе либералы, эти ужасные предводители буржуазной и конституціонной оппозиціи, очутились въ числѣ друзей новаго великаго канцлера сѣвернаго союза, мало того, въ числѣ друзей, особенно искренно привязанныхъ къ нему, какъ будто ихъ силой заставили заявить свою признательность графу Бисмарку за то, что онъ ихъ билъ и оскорблялъ на каждомъ шагу. Но у всякаго барона своя фантазія, и о вкусахъ трудно спорить. Между тѣмъ именно эта ожесточенная война Бисмарка съ прусскими либералами возбудила къ нему симпатіи аристократической партіи, которая питаетъ самую искреннюю ненависть къ буржуазіи. Богатый и знатный сеньоръ охотнѣе подастъ руку простому рабочему на фермѣ, чѣмъ какому нибудь разбогатѣвшему толстопузому торговцу бакалейными товарами. Потому союзъ аристократіи съ рабочимъ классомъ еще возможенъ, но съ буржуазіей никогда. Въ обществѣ, также какъ въ электричествѣ, противоположные токи притягиваются, однородные же отталкиваются. Исторія строго осудитъ прусскихъ буржуа, отстранившихся отъ союза съ народомъ, несмотря на печальный примѣръ, который имъ дали событія 1848 года во Франціи; они насильственно заставили себя забыть, что тамъ за іюльскими днями совершенно логично послѣдовало второе декабря. Глава прусскихъ либераловъ, краснорѣчивый, хитрый, неутомимый, честолюбивый Шульце-Деличъ будетъ признанъ потомствомъ за самаго неразумнаго изъ всѣхъ неразумныхъ; потому что, стоя во главѣ народныхъ заемныхъ банковъ, покрывающихъ теперь Германію и составляющихъ чрезвычайно важную финансовую силу, — ему легко было дать инціативу всему дѣлу. Если бы вмѣсто ремесленныхъ, буржуазныхъ въ маломъ видѣ, банковъ, онъ учредилъ дѣйствительно народные банки; если бы его менѣе заѣдала рутина и узкіе кружковые интересы, и онъ былъ бы болѣе хладнокровенъ и умѣренъ въ своей экономической полемикѣ; если бы онъ былъ менѣе экономическій сектаторъ, а болѣе гражданинъ; если бы онъ предпочиталъ массу кастѣ, — онъ могъ бы сдѣлаться моральнымъ главой Германіи, онъ могъ бы способствовать заключенію союза образованной буржуазіи съ мускульной силой народа,—идеальнаго союза знанія и силы, безъ котораго не имѣли успѣха и не будутъ имѣть его еще долго всѣ попытки разумной соціальной реформы.

Бисмаркъ, подобно его тюильрійскому образцу, въ своей внут-

ренней политикѣ руководствуется старинным принципомъ divide et impera; съ помощью разныхъ вліятельныхъ глупцовъ и простаковъ, онъ натравливаетъ послѣдователей Шульце-Делича на лассальцевъ; буржуазію на народную партію; онъ прекрасно понимаетъ, что несогласіе между двумя живыми силами страны открываетъ широкое поле его личной инициативѣ, и онъ можетъ дѣлать все, что ему нравится; онъ хорошо знаетъ, что если дѣло доходитъ до серьезной схватки, ему легко, по своему произволу, или хорошенько потрепать буржуазію или заткнуть ротъ народной партіи.—Въ рѣшительный моментъ отъ котораго зависѣлъ исходъ борьбы между королевской прерогативой, представляемой Бисмаркомъ,и парламентскимъ либерализмомъ,—когда дѣло дошло уже до того, что пришлось раздать солдатамъ боевые патроны и полковые командиры получили секретныя предписанія на случай волненія, — въ то самое время буржуазія, чувствуя себя совершенно изолированной, оставленной всѣми, приняла героическое рѣшеніе не выходить изъ предѣловъ покорности и осторожности, чтобы не сказать болѣе; и въ то время, когда Бисмаркъ самымъ наглымъ образомъ гналъ ее изъ палаты, она отвѣчала ему обнаженіемъ... своихъ головъ и самыми торжественными и умилительными возгласами, выражавшими полнѣйшую преданность, кротость и скромность.

Устроивъ свой внутренній Coup d'état, побѣдивъ законъ, конституцію, народное представительство, Бисмаркъ, совершенно также какъ и Наполеонъ, понялъ, что для окончательнаго укрѣпленія его положенія въ странѣ, необходима внѣшняя популярная война. Выдвинувъ на сцену догматъ о германскомъ единствѣ, также точно какъ Наполеонъ выдвинулъ принципъ національностей, — Бисмаркъ сдѣлалъ свою крымскую компанію въ Даніи. Въ Крыму трое были противъ одного; въ Шлезвигѣ же только двое, но это, разумѣется, только потому, что пришлось имѣть дѣло съ небольшой и небогатой Даніей; — и при этомъ условіи силы были слишкомъ неравны!

Раздѣлъ загребленнаго далъ поводъ нашему великому дипломату начать войну противъ своего бывшаго союзника. Трудно было рѣшиться начать войну; побѣдить же новаго врага представлялось дѣломъ несравненно легчайшимъ. Прусскій король чувствовалъ какое-то суевѣрное уваженіе къ Австріи; онъ не допускалъ даже мысли поднять оружіе противъ Габсбурговъ, противъ наслѣдниковъ священной римской имперіи. Всѣ военные, дипломаты и другіе люди, компетентные въ этомъ дѣлѣ, были убѣждены, что

Пруссія, нападая на Австрію, вступитъ въ борьбу съ гораздо сильнѣйшимъ себя непріятелемъ. Наполеонъ, съ своей стороны увѣренный въ томъ же, дѣйствовалъ ли или молчалъ; ободрялъ ли Бисмарка попытать свои силы, или останавливалъ; обѣщалъ ли онъ ему нейтралитетъ, или грозилъ войной? — останавливаться на разрѣшеніи этихъ вопросовъ нечего. Всѣмъ извѣстны испугъ, недоумѣніе, почти столбнякъ, нашедшій на французскихъ дипломатовъ и военныхъ авторитетовъ съ какимъ они узнали объ ужасномъ пораженіи Бенедека. Ихъ особенно поразилъ не самый фактъ, а убѣжденіе, что не игольчатыя ружья Дрейзе побѣдили Австрію конкордата, а высшая степень развитія прусской арміи: старые опытные солдаты Радецкаго, Шлика и Гіулая бѣжали предъ юными, неопытными прусскими войсками и предъ новобранцами ландвера. Въ этомъ обстоятельствѣ они усмотрѣли новую дѣйствительную силу Пруссіи. Извѣстіе объ ужасномъ пораженіи поразило одинаково какъ Ватиканъ, такъ и Тюильри; въ Ватиканѣ пролили обильныя слезы; въ Тюильри Наполеонъ III и г. Руэ переглядывались другъ съ другомъ испуганными глазами; они заговорили голосомъ тихимъ и трепещущимъ; они дрожали отъ страха и ужаса, увидѣвъ противъ себя новаго юнаго побѣдоноснаго непріятеля. Между Австріей конкордата и Франціей конкордата могли существовать несогласія, но эти несогласія были католическія и ихъ нетрудно было улаживать; но между Франціей и Пруссіей къ ненависти политической присоединялась еще ненависть религіозная, — ненависть, постоянно существующая между католиками и протестантами.

Политика Бисмарка резюмируется также, какъ еще недавно резюмировалась политика императора Наполеона, слѣдующими словами: внутри — обуздывать либеральную буржуазію посредствомъ тройной силы: невѣжественнаго и грубаго народа, арміи и клерикализма; внѣ—вести популярныя войны. Мы только-что говорили о двухъ войнахъ, веденныхъ во имя германскаго единства: датской и австрійской—онѣ были очень популярны въ Пруссіи. Послѣ побѣды при Садовой Бисмаркъ могъ, съ нѣкоторымъ рискомъ, идти на самую Вѣну и тамъ провозгласить единую великую Германію; но какъ его прототипъ послѣ Сольферино, Бисмаркъ раздумывалъ, не рѣшался, и склонился къ умѣренности. Проглатывая кусокъ за кускомъ южную Германію, заключая тамъ и симъ военныя и таможенныя конвенціи, Пруссія готовится теперь къ большей войнѣ, которая можетъ дать ей владычество надъ всей Германіей и создать

ей первенствующее мѣсто въ Европѣ. Она знаетъ, что счастіе оставляетъ старцевъ, и что французская имперія уже сильно старѣется и разрушается. Бисмаркъ приготовляется пожинать лавры, предъ которыми лавры Дюппеля и даже Садовой окажутся совершенно ничтожными; онъ приготовляется къ завоеваніямъ въ иностранныхъ земляхъ; онъ, можетъ быть, уже видитъ себя герцогомъ альзасскимъ и принцемъ лотарингскимъ. Основаніе всякой дипломатіи есть неблагодарность, сказалъ замѣчательный государственный человѣкъ Шварценбергъ. Бисмаркъ предполагаетъ также удивить міръ своей неблагодарностью. Еще молодой и сильный, онъ намѣревается употребить свои силы и свое искуство противъ своего учителя и наставника; и именно по этой причинѣ отъ своихъ современниковъ онъ пріобрѣтетъ право на титулъ руководителя общества, и еще знаменитаго руководителя. «Резюме всѣхъ священныхъ мистерій», говоритъ спокойный мистическій авторъ Палингенезіи, «можетъ быть передано такимъ образомъ: «посвящающій въ таинства всегда будетъ уничтоженъ посвященнымъ въ нихъ.»

Что касается характера борьбы, которая неминуемо возгорится между двумя претендентами на руководительство европейскими дѣлами, Наполеономъ и Бисмаркомъ, то несомнѣнно, что съ одной стороны она должна принять революціонное направленіе, съ другой противо революціонное. Роль революціонера, худо ли, хорошо ли принадлежитъ императору Наполеону, обязанному своимъ существованіемъ народному избранію и февральской революціи,—императору Наполеону, имѣющему притязаніе на веденіе войнъ только изъ-за *идеи*. Когда первый изъ Наполеоновъ былъ побѣжденъ при Лейпцигѣ и Ватерлоо, его пораженія сочтены за пораженія революціи контръ-революціею, несмотря на то, что Наполеонъ былъ самъ контръ-революціонеръ въ душѣ и что этотъ новѣйшій деспотъ былъ низвергнутъ возстаніемъ нѣмецкихъ либераловъ, вооружившихся на войну за свободу (Freiheits Krieg). Хочетъ ли она, или не хочетъ, но Франція не можетъ отказаться отъ наслѣдства, оставленнаго ей революціею 1789 и 1792 годовъ; она можетъ имѣть правителей, дѣлающихъ всевозможное, чтобы создать изъ нея солдатъ для службы реакціи и даже папѣ, но она не можетъ вести значительной войны безъ того, чтобы ея побѣды, даже ея пораженія, не были приписаны революціонной партіи. Первая имперія впродолженіи долгаго времени вынуждена была называть себя французской республикой; вторая имперія должна была торжественно заявить, что она дѣйствуетъ на основаніи «безсмертныхъ принци-

новъ 1789 года.» Необходимость, надежда на выигрышъ побудятъ вторую имперію, вовлеченную въ борьбу съ Германіей, дѣйствовать или, по крайней мѣрѣ, показывать видъ, что дѣйствуетъ—революціоннымъ путемъ. Трехцвѣтное французское знамя не можетъ имѣть другого значенія, даже и тогда, когда неблагоразумные распорядители пошлютъ его въ кортежѣ кардинала Антонелли противъ Гарибальди и итальянскаго народнаго движенія.

Если французское знамя не можетъ представлять собою ничего другого, кромѣ французской революціи, или просто изображать революціонный принципъ, то знамя, которое ему противопоставятъ, хотятъ ли того или не хотятъ, непремѣнно будетъ служить принципу противо-революціонному. Этимъ мы однакоже не хотимъ сказать, что всѣ нѣмецкіе либералы съ полнѣйшей готовностью и радостью кинутся подъ анти-революціонное знамя, но вынужденные на это, они встанутъ въ ряды не особенно горюя. Чтобы завоевать своему отечеству первенствующую роль въ Европѣ, имъ необходимо національное единство; если для этого нужна германская имперія, они не позволятъ себѣ долго раздумывать; если для того, чтобы создать имперію, необходимо поступиться свободой, они откажутся отъ нея на неопредѣленное время. И вотъ почему знамя, поднятое королемъ Вильгельмомъ I, опирающимся на юнкерскую партію, и Бисмаркомъ, заклятымъ врагомъ либераловъ, не представляетъ, и не можетъ представлять ничего другого, кромѣ эгоистической идеи, идеи личнаго возвышенія, и Пруссія, силою обстоятельствъ, будетъ вынуждена опираться на болѣе общую идею — контръ-революціи, чтобы тѣмъ самымъ удобнѣе противостать революціонному знамени.

Кстати замѣтимъ при этомъ, что мы, выставляя эту вѣроятность будущихъ событій, руководимся совершеннымъ безпристрастіемъ, откидывая въ сторону всѣ наши личныя симпатіи и антипатіи. Оговорившись, послѣдуемъ далѣе въ нашемъ изложеніи, и предположимъ, что мы описываемъ партію шахматной игры, имѣя дѣло съ бѣлыми и черными.

Принимая за аксіому, что французская имперія, хотя и противъ желанія, представляетъ собою принципъ революціонный, а Германія противо-революціонный, можно ли утвердительно сказать, за кѣмъ останется побѣда?

Можно. Она никакъ не будетъ на сторонѣ французской имперіи. Послѣдняя постоянно переходила отъ ошибки къ ошибкѣ. Выйдя изъ февральской революціи, она поставила себѣ цѣлію уничтожить фран-

цузскую республику; затѣмъ она стала дѣйствовать противъ итальянскаго движенія; она составила обширный проэктъ уничтоженія республики Соединенныхъ штатовъ, и сдѣлала все возможное, чтобы уничтожить свободу въ Мексикѣ. Интимныя противорѣчія, которыя такъ долго составляли ея силу и могущество, показываютъ теперь ея слабость и станутъ причиной ея гибели. Нельзя въ одно и тоже время считать себя результатомъ всеобщей подачи голосовъ и говорить: въ одномъ человѣкѣ заключается вся Франція. «Франція, это—Я» дико звучитъ въ устахъ человѣка, всѣмъ обязаннаго февральскимъ днямъ. Подобныя противорѣчія еще могутъ имѣть смыслъ во времена междуцарствія, когда движеніе сдерживается реакціей, когда побѣда еще сомнительна, когда усталые бойцы отдыхаютъ каждый въ своемъ углу и собираютъ свои силы, чтобы успѣть распорядиться ими въ благопріятное время. Тогда каждаго, кто съумѣетъ воспользоваться обстоятельствами, примутъ съ распростертыми объятіями; ему стоитъ сказать: «я имѣю полномочіе отъ той и другой партіи: я буду дѣйствовать въ качествѣ представителя одинаково какъ отъ черныхъ, такъ и отъ красныхъ»—и ему повѣрятъ. Но когда красный и черный схватятъ за воротъ одинъ другого, представителю интересовъ обѣихъ партій остается одно — удалиться какъ можно скорѣе со сцены. Болѣе слабый говоритъ охотно: «тотъ за насъ, кто не противъ насъ»; но болѣе сильный скажетъ: «тотъ противъ насъ, кто не съ нами».

Франція съ 1789 года находится постоянно въ гражданской войнѣ. Обѣ имперіи были интермедіями, въ которыхъ Европа и Франція пытались привести въ равновѣсіе враждующія партіи. Тщетно обѣ имперіи пытались замѣнить собою то, что они называли «старыя партіи.» Послѣднія пережили первую и переживутъ вторую имперію потому, что онѣ представляютъ два принципа, старые какъ міръ, какъ статика и динамика, какъ душа человѣческая, между тѣмъ какъ наполеоновская династія не была, не есть и никогда не будетъ ничѣмъ инымъ, какъ только временной мировой сдѣлкой. Нація позволила наполеонидамъ уничтожать республики потому, что они взамѣнъ ихъ выставили принципъ національностей; она позволила имъ играть въ либерализмъ и автократію; она ничего не говорила противъ теоріи свободнаго обмѣна и обществъ императорскаго принца; противъ буржуазной экономіи и народнаго псевдо соціализма, противъ папизма и кавуризма и тысячи другихъ противорѣчій. Но не такое двусмысленное правительство, во главѣ націи такъ раздѣленной, какъ Франція,—не такое правительство

можетъ оказать серьезное сопротивленіе сомкнутымъ батальонамъ, солиднымъ, сплотившимся, единодушнымъ массамъ тевтоновъ, собравшихся изъ всѣхъ мѣстъ Германіи.

Это намъ кажется совершенно яснымъ и вѣрнымъ, и категорически вытекаетъ изъ слѣдующихъ умозаключеній:

Бонапартистское междуцарствіе приходитъ къ концу, потому что оно уже не нужно какъ внутри, такъ и внѣ Франціи. Внутри оно не имѣетъ болѣе силы обуздывать, въ чемъ именно и заключалась его роль; внѣ оно неспособно приводить въ исполненіе свою старую задачу—освобожденіе національностей. Экспедиція противъ мексиканской націи уличила ее во лжи; таже ложь выяснилась и въ римскомъ походѣ противъ Италіи и Гарибальди. Экспедиція противъ германской національности, виновной въ томъ, что она начинаетъ возрастать и дѣлаться сильной, прибавитъ еще новую ложь къ двусмысленной дѣятельности второй имперіи. Теперь ей ничего болѣе не остается, какъ только поставить на ставку демократическую и соціальную революцію. А при этомъ условіи она неминуемо будетъ разбита:—я ошибаюсь, не разбита, но совершенно раздавлена.

Тѣ осуждены погибнуть, кто идетъ въ сообществѣ или подъ начальствомъ людей, осужденныхъ на гибель. Mitgefangen,—mitgehangen, говоритъ нѣмецкая пословица. Если Франція вступитъ въ великую борьбу, имѣя во главѣ императора Луи-Наполеона Бонапарта, она падетъ вмѣстѣ съ Луи-Наполеономъ Бонапартомъ. Она падетъ потому, что имперія не есть миръ; она есть война и въ концѣ концевъ вторженіе иноземцевъ въ предѣлы Франціи. И если Франція испытаетъ это вторженіе, Франція побѣжденная, оскорбленная, изувѣченная,—съ той минуты настанетъ царство гражданской войны въ Европѣ, послѣдуетъ обвиненіе германской расы въ преступленіи, притѣсненіи и подлости, и осужденіе латинской расы на стыдъ, горе и месть.

Франція должна приготовиться къ сильнымъ потрясеніямъ, если она будетъ застигнута войной съ Германіей, при существующей въ ней теперь правительственной системѣ: ей придется выдержать новый Лейпцигъ и новое Ватерлоо. Таковъ выводъ, къ которому необходимо придти, исходя отъ дѣйствующихъ теперь фактовъ и ставя рядомъ три главные положенія: Франція, Наполеонъ и война, которая приготовляется, которую всѣ чувствуютъ въ воздухѣ, несмотря на успокоительныя заявленія какъ Бисмарка, такъ и императора Наполеона. Но къ этому еще можно прибавить рево-

люцію, орлеанизмъ, легитимизмъ, католицизмъ, англійское вліяніе, итальянское вліяніе и другіе болѣе или менѣе важные элементы, которые несомнѣнно должны играть немаловажную роль въ этой великой борьбѣ.

Мы предположили худшій исходъ, но потому, что этотъ исходъ самый простой, самый естественный и самый вѣроятный. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Франція должна дорого поплатиться за свою связь съ бонапартизмомъ и за свои ошибки послѣдняго времени. Едва окончилась февральская революція, какъ уже выступилъ на сцену грубый и жестокій эгоизмъ, и Франія стала переходить изъ реакціи въ реакцію. Французы, какъ древніе аѳиняне, любятъ мораль, но при непремѣнномъ условіи, чтобы она выдавалась малыми дозами. Французскій народъ восторгался республикой и восторгался бы ею до сихъ поръ, еслибъ при ея существованіи могъ избавить себя отъ обязанностей, налагаемыхъ ею. Когда реакція произвела государственный переворотъ, то послѣ второго декабря народъ протестовалъ разными способами противъ него, но скоро успокоился и даже сталъ твердить: «очень хорошо, ловко распорядились!» И онъ утвердилъ новый порядокъ своимъ вотомъ; онъ также, какъ аѳиняне, осудилъ своего Аристида на изгнаніе, онъ, легкомысленный, усталъ слушать постоянное прибавленіе къ имени Аристида—«справедливый.» Ему, этому французскому народу сказали: «разбогатѣй сперва и тогда все тебѣ будетъ дано: и могущество, и уваженіе, и обаяніе и слава. И какъ легко получить все это. Для того чтобы обогатиться, тебѣ не нужно будетъ работать, достаточно только играть счастливо, и ты играй на биржѣ.» И онъ играетъ на биржѣ, и уже потерялъ изъ своего богатства отъ 7 до 8 милліардовъ; онъ теряетъ по 500 милліоновъ въ годъ; онъ теряетъ плоды своего труда; изчезло его могущество, обаяніе; не пріобрѣлъ онъ ни славы, ни уваженія. Вокругъ него постоянно раздаются зловѣщія слова: упадокъ, разрушеніе, катаклизмъ, катастрофа. Онъ уже наказанъ въ своей гордости, онъ страшится еще большаго наказанія и его душа узнала тоску и горе. Но горе для него полезно; оно внушаетъ ему иногда великія рѣшенія. Онъ любитъ забываться въ разныхъ пустякахъ; въ нихъ онъ большой эгоистъ, въ худшемъ значеніи этого слова; но онъ способенъ на великія дѣла, если только великая идея или даже большое несчастіе живо затронутъ его, потрясутъ его душу до того, что онъ забудетъ тщеславіе, постоянно разъѣдающее его. Мы не станемъ жалѣть, если Франція будетъ нака-

зана, потому что она заслуживаетъ наказанія, и потому еще, что оно вѣроятно будетъ причиной ея благосостоянія въ будущемъ.

Однакоже справедливость требуетъ сказать, что, и недожидаясь нашествія извнѣ, Франція повидимому начала приходить въ себя и какъ будто желаетъ предупредить несчастіе. Она уже почувствовала стыдъ за свое невѣжество, за свое рабство и начала убѣждаться въ ложности своей славы; снова она начинаетъ желать честной, серьезной работы, справедливости, свободы, истины. Но мѣрѣ того, какъ она возрождается къ жизни, имперія приближается къ упадку. Читаютъ теперь такъ много, какъ никогда прежде не читали; читаютъ даже серьезные вещи; земледѣльцы, работники, мелкіе буржуа, почерпавшіе мудрость въ Маленькомъ монитерѣ и въ Petit Journal, теперь ищутъ ее въ иллюстрированныхъ изданіяхъ и даже въ оппозиціонныхъ журналахъ. Учреждаются ученыя общества, библіотеки и кабинеты для чтенія; устраиваются рабочіе клубы и кооперативныя ассоціаціи. Журналы говорятъ другимъ языкомъ, чѣмъ прежде, потому что разговоры теперь стали иные—стоитъ прислушаться о чемъ и какъ говорятъ на улицѣ, въ омнибусахъ, въ вагонахъ, въ салонахъ, въ дружескихъ кружкахъ. Но такъ говорятъ не только «неисправимые,» пропагандирующіе программу новой Франціи;—новую рѣчь можно услышать даже отъ чиновниковъ, занимающихъ видныя мѣста въ различныхъ административныхъ сферахъ. Приближенные ихъ превосходительствъ Руэ и Шпара скажутъ вамъ, что во Франціи всѣ согласны въ трехъ пунктахъ: 1) Отдѣленіе церкви отъ государства; 2) Большее число постоянной арміи и вооруженіе цѣлой націи по швейцарской системѣ; 3) даровое и обязательное обученіе. Но внѣ этихъ трехъ вопросовъ мнѣнія сильно раздѣляются и идутъ безконечные споры.

Такъ какъ я не имѣю права требовать, чтобы мнѣ вѣрили на слово, то, для поясненія моихъ положеній, насколько позволяетъ мнѣ память, возьму на удачу нѣсколько знаменательныхъ происшествій, которыя еще такъ недавно, во времена покойныхъ Билльо и Морни, во Франціи казались бы просто невѣроятными.

Вотъ, напримѣръ, *Фигаро*, предметъ нѣжнѣйшей любви Морни и жокей-клуба,—Фигаро, монитеръ кокотокъ, игроковъ Баденъ-Бадена, Эмса и Гамбурга; почитатель ханжи Луи Вельо, — этотъ самый Фигаро переходитъ въ самую рѣшительную, въ самую радикальную оппозицію и затрогиваетъ правительство, биржу и даже духовенство.

Или, судья, который объявляетъ, что гражданинъ имѣетъ право противиться полиціи, въ случаѣ неправильныхъ ея распоряженій... Тѣни Пьетри, Карлье не обезпокоили ли васъ въ вашихъ гробницахъ!

Или, въ Сенъ-мартенскомъ театрѣ шло такъ называемое «обозрѣніе,» т. е. пьеса съ выставкой обнаженныхъ женщинъ, шумомъ отъ разныхъ взрывовъ и блескомъ бенгальскаго огня и электрическаго освѣщенія,—нѣчто въ родѣ балагана. Одинъ изъ зрителей рѣшился свисткомъ протестовать противъ безобразнаго представленія вообще, и противъ какой-то ужъ очень нелѣпой выходки актера въ частности. Начальнику клакеровъ не понравилась такая свобода дѣйствій, и онъ обратился къ полиціи съ просьбою унять безпокойнаго. Полицейскій агентъ, съ особенной любовью и съ пылкой энергіей, взялся за дѣло, но, къ своему удивленію, встрѣтилъ сопротивленіе со стороны мирнаго гражданина, который настаивалъ на правѣ свистать или аплодировать по своему произволу. Полицейскій агентъ потребовалъ подкрѣпленія и, заручившись силою, пытался арестовать противника безобразныхъ театральныхъ представленій. Но тотъ, схватившись за барьеръ галереи, упорно сопротивлялся. Чтобы побѣдить его упорство, полицейскіе затянули свистуну галстукъ до того, что онъ лишился чувствъ, почему не могъ уже оказывать сопротивленія и его понесли на рукахъ. Свидѣтель возмутительнаго произвола полиціи,—публика, въ двѣ тысячи человѣкъ, пришла въ страшный гнѣвъ. «Мы не выйдемъ изъ театра, пока не возвратятъ сюда удушеннаго.»—«Подайте удушеннаго, или мы разнесемъ театръ на куски,» кричали въ разныхъ мѣстахъ театра. Никакія извиненія директора театра, режиссера, полицейскихъ, ничто не производило вліянія и публика продолжала кричать: «Подайде сюда удушеннаго!» Наконецъ побѣда осталась за публикой, и удушенный, приведенный въ сознаніе медиками, предсталъ на сценѣ предъ нею, поддерживаемый своими друзьями; жестами и взглядами онъ, едва держащійся на ногахъ, благодарилъ своихъ избавителей. Полиція понесла совершенное пораженіе.

Еще случай. Нѣсколько театровъ стоятъ на томъ же самомъ бульварѣ, на которомъ построенъ Сенъ-мартенскій театръ; къ полночи тысячи зрителей, выходящихъ изъ театровъ, собираются на этомъ бульварѣ. Нынѣшняя зима была очень холодна, вода замерзла и выпало очень много снѣга; подлѣ укрѣпленія Шато-д'О мальчики устроили катокъ. На этотъ импровизированный катокъ собралось

много охотниковъ развлечься катаньемъ на конькахъ и просто по льду. Окончилось представленіе въ театрахъ и къ катку прибыли новые охотники; такое громадное скопленіе людей въ одномъ мѣстѣ воспрепятствовало правильному движенію по бульвару, но какъ ни велико подобное неудобство, однакоже парижане легко примиряются со всякими неудобствами, въ особенности, если съ ними сопряжено развлеченіе, а потому, вмѣсто того, чтобы негодовать на невольное препятствіе, массы людей, вышедшія изъ театра, не умѣющія или не желающія кататься по льду, остановились у катка какъ простые зрители, что разумѣется не могло способствовать установленію правильности движенія. Полицейскій, наблюдающій здѣсь за порядкомъ, рѣшился энергически возстановить его и немедленно первый, попавшійся подъ руку, гражданинъ былъ схваченъ имъ за-воротъ и приглашенъ прогуляться въ префектуру. Но чрезъ секунду, при громкомъ смѣхѣ, и полицейскій и его жертва, влекомые толпой народа, катились по неволѣ по льду. Еще моментъ, и жертва очутилась вдалекѣ отъ своего врага. Полицейскій оказался изъ числа угрюмыхъ, онъ поклялся, что отомститъ и возстановитъ достоинство имперіи, оскорбленной въ его лицѣ; почему, собравъ товарищей, отправился къ начальнику военнаго поста въ Шато-д'О и донесъ ему о сопротивленіи публики. Тотъ разсудилъ дать необходимую военную силу въ помощь полиціи и послалъ на мѣсто происшествія капрала и четырехъ солдатъ, однимъ словомъ такую силу, съ какой маршалъ Бюжо считалъ возможнымъ предупредить февральскую революцію. Полицейскіе, подъ прикрытіемъ четырехъ солдатъ и капрала, прибыли на мѣсто происшествія; но въ то время, какъ они объявляли приказъ, трехъ изъ нихъ схватили и, при неистовыхъ крикахъ и громкихъ аплодисментахъ, прокатили по льду. Полицейскіе побагровѣли отъ гнѣва; схвативъ какого-то скромнаго гражданина, они приказали военной силѣ немедленно отвести его въ казарму, что было тотчасъ же исполнено и ворота казармы затворились за арестованнымъ и солдатами. Толпа послѣдовала за ними и постоянно прибывала въ числѣ, такъ, что къ тремъ часамъ утра собралось нѣсколько тысячъ народа. Вся эта толпа была въ сильнѣйшей агитаціи. Крики: «Прочь В..! Прочь Шасно! Да здравствуетъ Гарибальди» — раздавались непрерывно. Вскорѣ запѣли *Марсельезу* и разгоряченная толпа стала ломиться въ ворота, бить стекла и произносить весьма энергическія угрозы. Желая предупредить дальнѣйшія непріятности, начальникъ военнаго поста разсудилъ лучше освободить плѣнника, обратившись къ публикѣ съ прось-

бою разойдтись и не дѣлать безпорядковъ. Тѣмъ дѣло и кончилось. Но кто, еще наканунѣ, могъ предвидѣть, что толпа атакуетъ укрѣпленіе Шато-д'О, снабженное пушками и имѣющее гарнизонъ слишкомъ въ тысячу человѣкъ. Шато-д'О—одно изъ двухъ главныхъ укрѣпленныхъ стратегическихъ сооруженій Парижа, хорошо вооруженное,—и на него сдѣлано нападеніе раздраженной толпой, бросавшей въ осажденныхъ, лучше сказать въ стѣны, не пули и ядра, а снѣжки и куски льда.

Все это можетъ показаться смѣшнымъ въ другой странѣ, но слѣдуетъ замѣтить, что французъ становится самимъ собою, только миновавъ фазисъ веселости; его серьезное настроеніе, даже его геройство сильно приправлено ребячествомъ. Этими подробностями доказывается лучше, чѣмъ длинными разсужденіями о законодательномъ корпусѣ, о военномъ законѣ, о затрудненіяхъ при выборахъ, что обаяніе, внушаемое правительствомъ, изчезаетъ, а вслѣдствіе этого падаетъ и само правительство, такъ какъ французами можно управлять только обаяніемъ.

Надо сознаться, что если бы правительство предположило нарочно лишиться обаянія, оно не могло бы поступать иначе, чѣмъ теперь. Послѣ блистательной, колоссальной неудачи мексиканской экспедиціи, оно должно бы *одуматься*, имѣя уже передъ собою мудрый примѣръ другой державы. Нѣтъ, оно надѣялось скрыть пораженіе, бывшее результатомъ битвы подъ Садовой, скрыть свою явную непредусмотрительность, свое полнѣйшее невѣденіе истиннаго положенія вещей, и продолжало вмѣшиваться во всѣ дѣла, съ напускною важностью. Создавъ сильнаго врага въ Соединенныхъ штатахъ, французское правительство раздражило побѣдоносныхъ пруссаковъ, требуя платы за сохраненіе болѣе или менѣе враждебнаго нейтралитета; оно потребовало округленія границъ подъ предлогомъ, что Пруссія слишкомъ расширила свои предѣлы и можетъ вознаградить Францію. Нѣмцамъ это конечно показалось страннымъ. «Какъ, если я получу наслѣдство, если найду деньги, я обязанъ вознаграждать сосѣдей». Разбитое со стороны Сарреглуи и Сарребрюка, французское правительство набрасывается на Люксенбургъ. Офиціальный владѣтель этой маленькой страны соглашается продать своихъ подданныхъ по пятидесяти франковъ за душу, и вотъ Наполеонъ III требуетъ, чтобы Бисмаркъ вывелъ изъ Люксенбурга прусскій гарнизонъ, такъ какъ эта крѣпость—пушка, направленная противъ Франціи, какъ будто пограничныя крѣпости не пушки, направленныя одна на другую: Метцъ на Триръ, Майнцъ

на Страсбургъ. Къ великому удивленію Европы, секундантамъ этой дуэли удалось уладить дѣло, такъ какъ Бисмаркъ не былъ еще готовъ къ войнѣ, а Наполеонъ III и подавно; сами военные сознаются теперь, что если бы война разразилась въ то время, французскій главный штабъ, незнакомый съ стратегическими путями страны, не зналъ бы, гдѣ встрѣтить прусскія войска, которыя пришлось бы можетъ быть ожидать подъ стѣнами Парижа. Французскіе арсеналы опустѣли вслѣдствіе отдаленныхъ экспедицій. Понадобился еще годъ труда и чрезвычайныхъ издержекъ (въ Метцѣ 75 мил.) для того, чтобы маршалъ Ніэль могъ сказать Наполеону: «ваше величество. когда вамъ угодно!» а между тѣмъ, не побоялись дѣлать вызовъ Пруссіи, опьяненной гордостью побѣды.

Таже непредусмотрительность въ итальянскомъ вопросѣ. Гарибальди сказалъ: «Ментана была для меня гибельнѣе Аспромонте. При Аспромонте я былъ раненъ въ ногу, при Ментанѣ въ сердце». И несмотря на это, французы не думаютъ, что изъ четырехъ дѣйствующихъ лицъ при Ментанѣ (Гарибальди, Викторъ Эммануилъ, папа Пій IX, и императоръ Наполеонъ) освободитель обѣихъ Сицилій получилъ самый тяжкій ударъ. Не говоря уже о другихъ, императоръ французовъ достигъ искренней вражды единственнаго союзника, на помощь котораго онъ могъ еще разсчитывать въ приготовляющейся великой войнѣ. Съ этихъ поръ итальянскій народъ— непримиримый врагъ его. Между тѣмъ, воля Франціи была совершенно ясна; буржуазія и народъ довольно громко кричали: оставьте нашу вѣдаться самому съ Гарибальди, дайте Антонелли самому устроить дѣло съ Ратацци. Съ 1848 г. во Франціи не встрѣчалось подобнаго единодушія; всѣ удивлялись этому всеобщему согласію, за исключеніемъ впрочемъ духовенства, и Дюпанлу съ Вельо надѣлали такого шума своими клерикальными выходками, что испуганный императоръ напугалъ Виктора Эммануила, поддался своимъ врагамъ легитимистамъ, и Гарибальди встрѣтилъ не итальянскія войска, которыхъ онъ ждалъ, а ружья Шасспо. «Наши Шасспо надѣлали чудесъ,» воскликнулъ французскій генералъ съ глупою радостью. Конечно, надѣлали чудесъ! Со времени Ментаны, въ особенности послѣ знаменитаго *никогда*, произнесеннаго г. Руэ въ приснопамятное засѣданіе 5-го декабря: «никогда не позволимъ мы Италіи занять Римъ,» приготовляется война между Франціей и Италіей. Съ этихъ поръ идутъ постоянныя толки о мюратистскихъ интригахъ, поддерживаемыхъ въ Неаполѣ и подкрѣпляемыхъ французскимъ правительствомъ; на лету схвачены слова посланниковъ

Наполеона III при римскомъ и флорентинскомъ дворахъ: «1868 г. увидитъ конецъ итальянскаго единства». Но, если настанетъ конецъ итальянскому единству, настанетъ конецъ и піемонтской монархіи, къ которой присоединилось съ охотою республиканское и федеративное населеніе Италіи, именно для скорѣйшаго достиженія національнаго единства. Отнынѣ между Италіей и Франціей можетъ существовать только одно отвращеніе; благодаря Наполеону, водворились недоразумѣнія между Италіей и ея правительствомъ, обвиняемымъ въ трусливомъ подчиненіи внушеніямъ тюильрійскаго кабинета. И конечно, не періодически возобновляющимся слухамъ о государственномъ переворотѣ, готовящемся во Флоренціи, успокоить и утишить умы. Однимъ словомъ, Италія идетъ быстрыми шагами къ банкротству, къ революціи, къ войнѣ съ Франціей, и этимъ она обязана г. Руэ и ружьямъ Шассно. Мы обвиняли французскую политику въ непредусмотрительности — это обвиненіе намъ кажется теперь слишкомъ слабымъ.

А что же Англія? Англія чуетъ, что опасная болѣзнь постигла ея союзника императора французовъ, и отъ времени до времени, изъявляетъ ему свое соболѣзнованіе. Она уже принимаетъ предосторожности, отправляетъ экспедицію въ Абиссинію, для того чтобы овладѣть еще новыми морскими станціями, укрѣпиться на Востокѣ, и еще болѣе противодѣйствовать тамъ французскому вліянію. Въ настоящую минуту, впрочемъ, вниманіе ея обращено на другой предметъ. Въ видѣ подарка къ Новому году, французское правительство представило ей истинную или предполагаемую переписку между предводителями феніанскаго движенія и нѣкоторыми изъ главнѣйшихъ дѣятелей партіи дѣйствія на континентѣ. Англія, уже не та Англія, которую мы знали,—скрытная, самодовольная, разумно либеральная и очень положительная. Гнѣвъ и бѣшенство душатъ ее, она содрогается отъ страха и негодованія, Она также ранена и рана ея воспаляется. Все, что принадлежитъ къ аристократіи, высшей или мелкой буржуазіи, говоритъ только о томъ, чтобы залить кровью Ирландію и стѣснить народъ,—незабудьте, англійскій народъ, такъ какъ англійскихъ рабочихъ подозрѣваютъ въ симпатіи къ феніямъ, что еще впрочемъ не доказано, и уличаютъ въ ненависти къ аристократіи и англиканской церкви въ Ирландіи. Такимъ образомъ, въ правительственныхъ классахъ говорится только о репрессивныхъ мѣрахъ, и въ настоящую минуту реформисты и либералы находятся въ смущеніи. Какъ бы не разыгрался этотъ кризисъ, французскому правительству нечего на-

дѣяться ни на тори, въ рукахъ которыхъ находится теперь власть, ни на виговъ, и тѣмъ менѣе, на помощь народа.

Но императоръ Наполеонъ разсчитываетъ, можетъ быть, на своего новаго союзника императора Франца-Іосифа. Наполеонъ III сломилъ силу и могущество Австріи при Маджентѣ и Сольферино, и заставилъ ее играть грустную роль побѣжденной. Онъ увлекъ несчастнаго Максимиліана и привелъ его изъ Мирамаре въ Кверетаро. Въ Вѣнѣ, при погребеніи истерзанныхъ останковъ этого молодаго мечтателя, почетное мѣсто было занято посланникомъ императора французовъ; къ нему обращались всѣ взоры и вполнѣ справедливо. Союзъ и дружба съ Наполеономъ гибельнѣе для Австріи вражды и войны. Этотъ союзъ заключается противъ Пруссіи—эта тайна извѣстна всѣмъ, но всѣмъ извѣстно также, что лишь только пуля перелетитъ черезъ Рейнъ, вся Германія возстанетъ противъ Франціи, составляющей для нея предметъ ненависти и вражды. Южныя государства съ восторгомъ воспользуются случаемъ присоединиться къ сѣвернымъ, возникнетъ полное единеніе въ ущербъ императору австрійскому и тѣмъ державамъ, которыя хотѣли бы воспрепятствовать этому.

Не слѣдуетъ забывать, что и съ этой стороны возникаетъ такое стеченіе обстоятельствъ, которое, не будучи благопріятнымъ для Бисмарка, въ тоже время чрезвычайно невыгодно для императора Наполеона.

Для Австріи было полезно и благодѣтельно быть побѣжденной и униженной; подобно Пруссіи послѣ іенскаго сраженія, она поняла, что для возстановленія упавшихъ силъ ей необходимо преобразоваться и возродиться. Императору нужно было прежде всего примириться съ своими австрійскими и венгерскими подданными; онъ призналъ конституцію, которая возбуждаетъ слѣдующія восклицанія во Франціи: «свободу, какъ въ Австріи»! Мы едва вѣримъ собственнымъ глазамъ, читая въ вѣнскихъ газетахъ слѣдующія «Новыя положенія военнаго устройства», предложенныя венграми, принятыя министерствомъ и одобренныя императоромъ:

1) Истинное и дѣйствительное вооруженіе всего народа. Замѣнъ не допускается.

2) Гражданское и политическое раздѣленіе страны на округа и приходы сохраняется и для военной организаціи.

3) Рекруты обучаются военному искуству на мѣстѣ жительства.

4) Постоянное войско должно быть доведено до minimum'а; при

короткомъ срокѣ службѣ, оно постоянно будетъ состоять изъ новобранцевъ, которые, обучившись военному искуству, расходятся по домамъ и замѣняются опять вновь поступающими на службу.

5) Срокъ службы, т. е. обученія въ постоянной арміи назначенъ годовой. Но и этотъ срокъ предполагается ограничить одною или двумя годичными третями».

Какая разница между этими положеніями и закономъ, предложеннымъ императоромъ Наполеономъ законодательному корпусу, по которому 800,000 человѣкъ должны служить въ войскѣ впродолженіи девяти съ половиною лѣтъ! Враги наполеоновскихъ войска и династіи не могли бы придумать ничего лучшаго, чтобъ вселить непріязненныя чувства къ обоимъ.

Но вернемся къ Австріи, и для доказательства на сколько глубока, серьезна и радикальна перемѣна, происходящая въ Verdummungs Oestreich, представимъ нѣкоторыя подробности заимствованныя главнымъ образомъ изъ кореспонденціи англійскаго обозрѣнія «the Spectator:»

Порывъ восторга охватившій Австрію, при извѣстіи, что императоръ нѣсколько проучилъ епископовъ, можетъ быть одно изъ самыхъ замѣчательныхъ событій этого года. Оно показываетъ, что послѣднее государство, считавшееся вполнѣ преданнымъ папѣ, покидаетъ его дѣло. Въ Англіи, Австрію считали ультрамонтанскимъ государствомъ, думали, что она обречена реакціи, но теперь положеніе вещей измѣнилось. Послѣ 18-ти лѣтъ неограниченнаго владычества въ политикѣ, обществѣ, въ области воспитанія, духовенство возбудило къ себѣ ненависть въ томъ самомъ поколѣніи, которое оно воспитало. Въ Австріи, какъ и всюду, духовное владычество поселило къ себѣ неудовольствіе и ту странную и глубокую ненависть, которую оно постоянно возбуждаетъ.

Еще недавно 2000 школьныхъ учителей, подверженныхъ чисто солдатской дисциплинѣ, объявили публично въ большой залѣ вѣнскаго дворца, что предпочитаютъ голодную смерть дальнѣйшему подчиненію тираніи духовенства. Императоръ, меланхоликъ, воспитанный іезуитами, привыкшій къ несчастію, въ глубинѣ души—ультрамонтанецъ, но событія заставляютъ его дѣйствовать теперь противъ духовенства. Нѣкоторыя лица изъ знати готовы бы были поддерживать духовную власть,—но теперь и они должны молчать. Въ отдаленныхъ дистриктахъ, напримѣръ въ Тиролѣ, крестьяне и мѣщане еще порабощены духовенствомъ. Но болѣе богатая часть населенія совершенно освобождена отъ его вліянія. Лица «высшаго

полета» считаютъ приверженность къ духовенству признакомъ посредственнаго ума и недостатка образованія; вѣжливость требуетъ раскланиваться съ священникомъ, но этимъ и ограничивается связь этихъ сословій съ духовнымъ. Но нынче даже и мѣщане стали относиться къ духовенству весьма враждебно, столкновенія нескончаемы по поводу воспитанія, свободы слова и пр., такъ что теперь изъ четырехъ избирателей трое убѣждены, что вѣрны ли, нѣтъ ли, религіозные догматы, священникамъ нечего вмѣшиваться въ гражданскую администрацію, и какъ уже высказано муниципальнымъ совѣтомъ въ Вѣнѣ, «священникъ, замороженный въ своей безплодной индивидуальности, принадлежитъ къ иной породѣ людей чѣмъ мы, а потому не долженъ вмѣшиваться въ наши дѣла. Пусть онъ держится въ сторонѣ, на пьедесталѣ какой угодно вышины, но не слѣзаетъ съ него, подъ страхомъ непріятностей». Австрійцы, люди вовсе не наклонные къ революціямъ, судя по дѣйствіямъ ихъ рейхсрата, сдѣлались чрезвычайно либеральными во взглядахъ на вопросъ о вліяніи духовенства; они уже избавляются отъ притязаній духовной власти, они намѣреваются ввести ее въ должные предѣлы и идутъ къ этой цѣли съ рѣшимостью и настойчивостью, несказанно удивляющими тѣхъ, кто до сихъ поръ считалъ себя вполнѣ знакомымъ съ ихъ характеромъ.

Даже во Франціи, евреи не получили бы такъ легко права занимать политическія и муниципальныя должности, какъ въ Австріи. Даже въ Англіи, крещеніе маленькой израильтянки, наперекоръ волѣ ея родителей, не возбудило бы такого негодованія парламента, какъ въ австрійской палатѣ. Не потому, чтобы христіане, засѣдающіе въ рейхсратѣ особенно заботились объ іудействѣ, но потому, что они намѣрены ограничить церковь въ ея вмѣшательствѣ въ области государства и семейства. Пусть это желаніе народа исполнится—и онъ останется удовлетвореннымъ,—въ противномъ случаѣ, неудовольствіе его противъ духовенства обратится въ фанатизмъ.

Первая причина—недовольство всѣми существующими учрежденіями, овладѣвшее мало по малу всѣми умами. Недовольство повсемѣстно; оно проистекаетъ изъ доказанной несостоятельности всѣхъ общественныхъ учрежденій. Духовенство распоряжается воспитаніемъ и не учитъ ничему, администрація въ рукахъ бюрократовъ, и дѣла идутъ вкривь и вкось. Дворяне предводительствуютъ войскомъ, разбитымъ на полѣ сраженія...

Кромѣ того, въ Австріи, какъ и во всей Германіи, общество

подвержено двумъ вліяніямъ, важность которыхъ очевидна. Во-первыхъ, примѣръ Америки. Три милліона нѣмцевъ, изъ которыхъ 1,500,000 вышли изъ южныхъ государствъ, сдѣлались гражданами великой республики. Каждый день сотни нѣмцевъ покидаютъ старый свѣтъ; ежедневно пріѣзжаютъ въ гости въ Германію нѣмцы, ставшіе совершенными американцами; каждый мѣсяцъ приходятъ цѣлыя тонны писемъ, наполненныхъ выраженіями болѣе яраго либерализма, чѣмъ либерализмъ самихъ англо-саксовъ. Ирландія менѣе подвержена вліянію Америки, чѣмъ Германія, и люди, наиболѣе ненавидящіе притязанія духовенства,—американизированные нѣмцы

Въ непрестанной войнѣ противъ духовенства, нѣмцамъ, вернувшимся изъ Америки, сильно помогаютъ евреи. Преслѣдуемые впродолженіи 12 вѣковъ, евреи не пали; они крѣпли въ истязаніяхъ и теперь чувствуютъ свою силу. Дѣятельность ихъ изумительна; ихъ можно встрѣтить всюду; университеты наполнены ими; они занимаются искуствами и литературой. Римъ хвалится своимъ умѣньемъ ждать, но терпѣніе еврея упорнѣе терпѣнія священника. Поэтому, можетъ быть нѣмецкое духовенство питаетъ самую непримиримую ненависть къ евреямъ.

Очевидно, что власть ультрамонтановъ вскорѣ рушится въ Австріи, если только не уничтожится существующій теперь избирательный законъ и не будутъ призваны для подачи голоса неумѣющіе ни читать, ни писать... А это едва ли вѣроятно. Прибавьте, что теперь въ Вѣнѣ возбуждено множество общественныхъ вопросовъ, для обсужденія которыхъ по воскресеньямъ собираются митинги въ двѣ, три, четыре тысячи рабочихъ, которые вовсе не раздѣляютъ буржуазныхъ взглядовъ нѣмецкихъ либераловъ, и идутъ въ своихъ желаніяхъ несравненно дальше. Почти единодушно они заявили себя послѣдователями Ласалля, а не Шульце-Делича.

Какъ видно, броженіе происходитъ всюду. Общественное мнѣніе становится очень либеральнымъ во Франціи и въ Австріи, но въ Англіи, по крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту, либерализмъ не въ модѣ. Положеніе Италіи полно тревогъ, надъ Апеннинами собирается мрачная туча. Этого мало: голодъ и неурожай сопровождаютъ комерческій кризисъ, достигающій ужасающихъ размѣровъ. Въ сундукахъ банка лежитъ милліардъ, положенный туда капиталистами, потому что они потеряли довѣріе и сомнѣваются въ завтрашнемъ днѣ. Этотъ милліардъ признакъ *неудовольствія*, протеста противъ дурной политики правительства, но при всемъ

томъ, этотъ милліардъ отнимается у производства, и нищета увеличивается. Всюду слышатся только жалобы, разсказы о банкротствахъ, объ умершихъ отъ холода и голода. Въ Алжирѣ, какъ говорятъ, умерло съ голода 200,000 туземцевъ; одинъ этотъ фактъ доказываетъ, что Франціи не имѣетъ права владѣть Алжиріей; страна завоевывается не для того, чтобы морить голодомъ несчастныхъ жителей. Въ Пруссіи также ужасное бѣдствіе, цѣлая провинція умираетъ съ голода. Нужно около пятидесяти милліоновъ на хлѣбъ и пищу, и они есть въ прусскомъ казначействѣ, но ихъ предназначаютъ для лучшаго употребленія;—ими воспользуются для того, чтобы пріобрѣсти новыя усовершенствованныя ружья и убивать французовъ.

Вотъ каково положеніе. Какъ оно вамъ нравится?

Жакъ Лефренъ.

ТЕНДЕНЦІОЗНАЯ ДРАМА.

Невозможность драматической критики внѣ сцены.—Организація казеннаго драматическаго театра и причины его неподвижности.—Вліяніе этой организаціи на русскую драматическую литературу.—Частная конкуренція, какъ единственный выходъ изъ настоящаго положенія. — Почему мы начинаемъ говорить о театрѣ. — «Расточитель,» драма г. Стебницкаго.

Драматическая литература внѣ сцены почти немыслима. Еслибъ не было театра, то, конечно, не существовало бы и произведеній, написанныхъ въ драматической формѣ. Сцена и драма такъ тѣсно связаны одна съ другою, что сужденіе объ одной изъ нихъ безъ всякой связи съ другою будетъ сужденіемъ одностороннимъ, неполнымъ. Самыя условія, самый характеръ каждаго драматическаго произведенія таковы, что безъ помощи сцены оно не можетъ явиться передъ читателями во всей своей полнотѣ. Драматическую пьесу *читать* трудно; ее непремѣнно нужно *видѣть* на сценѣ. Въ каждой повѣсти, въ каждомъ романѣ или простомъ разсказѣ авторъ, обыкновенно, очерчиваетъ ту среду, въ которой дѣйствуютъ его герои; при помощи описанія, онъ кладетъ вокругъ нихъ тѣ или другія тѣни, имѣющія вліяніе на болѣе рельефное изображеніе характеровъ; вообще онъ дѣлаетъ *фонъ*, на которомъ происходитъ дѣйствіе. Притомъ авторъ часто самъ говоритъ за своихъ героевъ, досказываетъ ихъ мысли, объясняетъ ихъ поступки; онъ описываетъ нерѣдко ихъ физіономіи, привычки, образъ жизни, вообще онъ вводитъ читателя въ самые потаенные уголки ихъ дѣйствительной жизни. Драматическое произведеніе ничего этого не даетъ; само по себѣ, оно голо, блѣдно, сухо. Конечно, оно подлежитъ критикѣ какъ и всякое художественное произведеніе, но для про

стого читателя оно часто бываетъ не вполнѣ понятнымъ въ чтеніи. Для него декораціи и живыя фигуры дѣйствующихъ лицъ замѣняютъ тѣ описанія, которыми сопровождается ходъ дѣйствія въ каждой повѣсти или романѣ; оно становится вполнѣ живымъ только на сценѣ; безъ нея оно безжизненно, мертво. Повторяемъ, еслибъ не было театра, то не было бы и произведеній въ драматической формѣ, потому что эта форма имѣетъ смыслъ только на сценѣ; сама по себѣ она не представляетъ для писателя ничего заманчиваго, ничего самостоятельно-интереснаго, словомъ, ничего такого, почему авторъ предпочиталъ бы ее формѣ повѣсти или романа.

Опредѣливъ себѣ такимъ образомъ связь драмы со сценой, легко понять, что состояніе послѣдней имѣетъ сильное вліяніе на состояніе первой. Каждое драматическое произведеніе, въ силу вышеприведенныхъ соображеній, пишется непремѣнно въ виду постановки его на сцену; слѣдовательно, авторъ необходимо долженъ подчинять свое творчество тѣмъ условіямъ, какихъ держится въ данную минуту извѣстная сцена. Поэтому разсматривать драматическую литературу внѣ всякой связи съ условіями, господствующими на сценѣ, невозможно. Если то или другое состояніе печати выражаетъ собою то или другое состояніе правительства, которое даетъ ей большій или меньшій просторъ; если, слѣдовательно, характеръ литературы зависитъ отъ правительственной власти, то драматическое произведеніе еще менѣе зависитъ само отъ себя. Подчиняясь обще-государственнымъ условіямъ, наравнѣ со всякимъ другимъ произведеніемъ умственнаго труда, оно должно еще подчиняться условіямъ, господствующимъ на каждой данной сценѣ. Въ этомъ отношеніи можно провести полную паралель между сценой и періодическимъ изданіемъ. Извѣстное произведеніе можетъ вполнѣ удовлетворять тѣмъ общимъ условіямъ, которыя считаются необходимыми для того, чтобы это произведеніе явилось въ печати; но вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, оно можетъ не соотвѣтствовать направленію того или другого изданія; въ одномъ имъ будутъ дорожить, въ другомъ отъ него отвернутся. Вотъ почему, чѣмъ разнообразнѣе литературныя направленія, чѣмъ больше число наличныхъ періодическихъ изданій, тѣмъ легче составить себѣ ясное понятіе о состояніи и развитіи журналистики. Правительство можетъ считать извѣстное произведеніе далеко не вреднымъ, и все-таки отказать ему въ помѣщеніи на страницахъ офиціальнаго изданія. Дозволеніе и прямое покровительство — двѣ вещи совер-

шенно различныя и неимѣющія между собою ничего общаго. Если бы можно было представить себѣ какой либо образованный народъ, правительство котораго не допускаетъ частныхъ журнальныхъ предпріятій, а имѣетъ одни только офиціальные органы печати, то по характеру помѣщаемыхъ въ нихъ произведеній, конечно, никакъ нельзя бы было судить о характерѣ журналистики этого народа. Еслибъ были другія изданія, частныя, то они наполнялись бы такими произведеніями, которыя хотя и не могутъ встрѣтить препятствія въ появленіи на свѣтъ, но которымъ правительственные органы не могли предложить своихъ услугъ или по недостатку мѣста, или просто по личному мнѣнію отдѣльнаго лица, стоящаго во главѣ извѣстнаго правительственнаго органа. Но для каждаго литературнаго произведенія есть возможность сдѣлаться извѣстнымъ публикѣ и помимо офиціальныхъ или частныхъ періодическихъ изданій: оно можетъ быть отпечатано *отдѣльнымъ* изданіемъ, и такимъ путемъ достигнуть своей цѣли. Драматическое же произведеніе не можетъ пользоваться такими удобствами. Такъ какъ внѣ сцены достоинства его уменьшаются больше чѣмъ на половину, то оно вполнѣ можетъ достигнуть своей цѣли *только и единственно* при постановкѣ на сцену. Отсюда видно, что драматическая литература находится подъ сильнымъ и постояннымъ гнетомъ тѣхъ условій, какія господствуютъ на сценѣ. Тамъ, гдѣ театровъ много, гдѣ нѣкоторыя изъ нихъ находятся въ рукахъ правительства, а огромное большинство въ рукахъ частныхъ лицъ, тамъ условія для драматической производительности довольно благопріятны, и тамъ можно составить себѣ довольно вѣрное понятіе о характерѣ драматической литературы; но тамъ, гдѣ сцена, по отношенію къ драмѣ, играетъ роль единственнаго офиціальнаго органа печати по отношенію къ литературѣ, тамъ, конечно, всякое безусловное сужденіе о характерѣ драматической литературы становится невозможнымъ; тамъ невозможна даже и драматическая литература. Такимъ образомъ, говоря, напримѣръ, о какомъ либо русскомъ драматическомъ произведеніи, необходимо имѣть въ виду для *какой* сцены оно писано, въ какомъ положеніи находится русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ, какія условія sine qua non ставитъ онъ русскимъ драматическимъ писателямъ.

Вышеприведенныя соображенія достаточно, кажется, показали, почему мы считаемъ нелишнимъ начать слово о русскомъ театрѣ. Мы вовсе не намѣрены имѣть въ виду, при обсужденіи достоинства различныхъ пьесъ и ихъ исполненія, чисто художественной

стороны дѣла. Но мы намѣрены говорить о русской драматической литературѣ, а это намѣреніе ставитъ насъ въ необходимость говорить и о театрѣ, такъ какъ внѣ сцены драматическое произведеніе представляется намъ неполнымъ, и какъ бы недокончennымъ. Въ чтеніи пьеса можетъ произвести такое-то впечатлѣніе, а на сценѣ — совсѣмъ другое; вещь, кажущаяся въ чтеніи честною, симпатичною—на сценѣ можетъ оказаться совсѣмъ иною, смотря потому, какъ отнесутся къ своимъ ролямъ артисты. Словомъ, только на сценѣ драматическое произведеніе можетъ подлежать строгой критикѣ. Ниже мы приведемъ болѣе опредѣленныя доказательства того, какъ можетъ быть видоизмѣнено на сценѣ драматическое произведеніе, какъ можетъ быть исковеркана самая мысль автора тѣмъ или другимъ исполненіемъ; а теперь перейдемъ къ изображенію современнаго состоянія русскаго театра.

Ни одно изъ учрежденій въ Россіи не обращало на себя такого постояннаго вниманія со стороны періодической печати, какъ театръ. О немъ говорили и говорятъ всѣ газеты, начиная отъ самыхъ миніатюрныхъ и кончая самыми большими; ему долгое время посвящались особые отдѣлы даже въ журналахъ; за него принимались и простые фельетонисты, и серьезные критики, какъ напримѣръ Бѣлинскій; разсужденіямъ о немъ предавались даже «люди совѣта и разума», промѣнявшіе литературное поприще на болѣе солидное—вродѣ графа Соллогуба; о немъ начиналъ даже говорить «Современникъ», въ лицѣ одного изъ своихъ наиболѣе талантливыхъ сотрудниковъ послѣдняго времени. Словомъ, никакому учрежденію не посчастливилось быть предметомъ столь постояннаго вниманія со стороны печати, какого удостоился русскій театръ.

Незнакомому съ дѣйствительнымъ положеніемъ театральнаго дѣла въ Россіи, могло бы показаться, что оно, вслѣдствіе вышеизложенныхъ обстоятельствъ, находится на завидной степени развитія и благосостоянія, что оно совершенствовалось и совершенствуется съ каждымъ годомъ, и что дальнѣйшему преуспѣянію его, благодаря постоянному содѣйствію со стороны печати, не можетъ быть даже предѣловъ. Такъ, дѣйствительно, кажется, но не такъ происходитъ на дѣлѣ.

Не было и нѣтъ въ Россіи учрежденія, которое бы обращало на себя такое вниманіе какъ театръ; но за то не было и нѣтъ такого учрежденія, которому бы такъ мало приносило пользы такое вниманіе, какъ театру. До него, повидимому, не коснулось ни одно изъ всѣхъ разнообразныхъ мнѣній, желаній и всякихъ заявленій,

которыя почти ежедневно являлись и являются въ печати. Всѣ эти «мнѣнія» не принесли ни малѣйшей пользы тому дѣлу, для котораго они высказывались; актеры какъ играли, такъ и продолжаютъ играть; пьесы какъ прежде ставились, такъ и теперь ставятся; публика какъ прежде равнодушно относилась къ тому, что ей показывали, такъ и теперь относится. Правда, можетъ быть у подъѣздовъ стало больше порядка, чѣмъ было прежде; можетъ быть на вентиляцію обратили большее вниманіе, можетъ быть, освѣщеніе сдѣлалось эффектнѣе, можетъ быть даже декораціи подновились,— честь этихъ улучшеній смѣло могутъ приписывать себѣ наши театральные хроникеры; но русскій *театръ* горделиво игнорировалъ все, что о немъ говорилось въ печати. Заковавшись въ свои стародавнія формы, онъ оставался глухъ ко всему, что вокругъ него совершалось и не принималъ никакого участія въ той жизни, которая быстро шла мимо него. Онъ жилъ самъ собою, тѣми крошечными интересами, которые ему были указаны около ста лѣтъ тому назадъ. Онъ и до сихъ поръ стоитъ на своемъ неизмѣнномъ основаніи, ожидая, не сдвинетъ ли его съ мѣста какая нибудь посторонняя сила, такъ какъ онъ самъ достаточно уже заявилъ объ отсутствіи въ немъ прогрессивныхъ, способныхъ развиваться элементовъ.

Русскій театръ въ столицахъ есть учрежденіе офиціальное, и потому нужно удивляться, какимъ чудомъ удалось ему избѣгнуть вліянія тѣхъ широкихъ реформъ послѣдняго десятилѣтія, которыя, казалось, должны были дѣйствовать даже на то, чего они непосредственно не касались. Нужно думать, что есть какія нибудь особенныя причины, упрочившія за русскимъ театромъ ту неподвижность, которой онъ такъ упорно держится. Причины эти, какъ мы увидимъ ниже, заключаются въ самой организаціи русскаго театра, въ тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ онъ построенъ, и которыя остаются неизмѣнными до настоящаго времени. Что именно въ этомъ заключаются причины неподвижности русскаго театра, доказывается театрами французскимъ и нѣмецкимъ, а также итальянской оперой, существующими здѣсь же, въ Петербургѣ. Для этихъ трехъ театровъ, какъ пьесы, такъ и исполнители доставляются изъ-за-границы, *по выбору;* выборомъ пьесы руководитъ успѣхъ ея на иностранной сценѣ, выборомъ исполнителей руководитъ частію тоже успѣхъ, частію непосредственное сужденіе театральной дирекціи о талантѣ того или другого артиста. Ошибется дирекція—эта ошибка всегда исправима; артисты приглашаются только на из-

вѣстный срокъ, по прошествіи котораго одни могутъ быть снова ангажированы, другимъ можетъ быть отказано. Между тѣмъ артисты русскаго театра считаются состоящими *на службѣ*, и хотя имъ не полагается чиновъ, но за то по прошествіи извѣстнаго числа лѣтъ дается пенсіонъ. Выходъ артиста или удаленіе его со сцены дирекціей, наносятъ ему не только временный ущербъ, но портятъ всю его служебную карьеру съ матеріальной стороны. Понятно, что при такой обстановкѣ дѣла трудно разсчитывать на значительное число талантливыхъ актеровъ и актрисъ. Молодой человѣкъ выходитъ изъ театральнаго училища, куда онъ поступилъ мальчикомъ съ заранѣе опредѣленною цѣлью—поступить на сцену. Если у него нѣтъ голоса, если ноги его неспособны выдѣлывать съ требуемою ловкостью извѣстныя *па*, его опредѣляютъ на русскій театръ и онъ становится русскимъ драматическимъ артистомъ. Если у него нѣтъ таланта, что, конечно, случается очень часто, то онъ своимъ пребываніемъ на сценѣ приноситъ двоякаго рода вредъ: во-первыхъ, портитъ и коверкаетъ тѣ роли, которыя ему поручаются, во-вторыхъ, загораживаетъ дорогу человѣку, можетъ быть въ сто разъ талантливѣе его, но не бывшему въ театральномъ училищѣ; потому что касса театра не неизмѣримо-велика и онъ не въ состояніи давать содержаніе неограниченному числу артистовъ. Воспитанникъ училища всегда предпочитается человѣку постороннему.

Между тѣмъ успѣхъ каждаго драматическаго произведенія обусловливается двумя одинаково-важными обстоятельствами: самымъ содержаніемъ пьесы и степенью *развитія* артиста, обладающаго кромѣ того *талантомъ*. Актеръ дополняетъ автора; онъ непремѣнно долженъ быть на столько развитъ, чтобы понять характеръ изображаемой имъ личности; онъ долженъ быть и на столько талантливъ, чтобы вѣрно передать этотъ характеръ зрителю. Конечно, въ сценахъ обыденныхъ, встрѣчающихся на каждомъ шагу въ жизни, для артиста достаточно одного таланта, всегда связаннаго съ наблюдательностью; но въ сценахъ иного рода, когда актеру приходится изображать человѣка, стоящаго въ несовсѣмъ обыденныхъ *соціальныхъ* условіяхъ, когда ему приходится имѣть дѣло съ обстановкой, нѣсколько отличной отъ той, въ которой онъ постоянно вращается—тутъ уже одного таланта слишкомъ мало; тутъ необходимо знаніе, развитіе. Мы могли бы привести множество доказательствъ того, какъ портятся и уродуются на сценѣ характеры, единственно вслѣдствіе недостатка развитія въ артистахъ; но на

первый разъ достаточно указать одинъ. Года два назадъ, шла на сценѣ комедія г. Потѣхина «Отрѣзанный ломоть». Главное дѣйствующее лицо этой пьесы — молодой человѣкъ, бросившій родительскій кровъ вслѣдствіе господства въ немъ самого крайняго и дикаго деспотизма. Судьба какъ-то снова столкнула этого юношу съ семействомъ, въ которомъ оставалась его родная сестра. Чувствуя, что отецъ не можетъ уже передѣлаться, что онъ отжилъ свое время, молодой человѣкъ силится хоть сестру освободить изъ подъ этого гнета. Но старанія его остаются безъ успѣха: хотя сестрѣ и тяжело жить въ родительскомъ домѣ, но она не рѣшается его покинуть, какъ совѣтуетъ ей братъ. Между тѣмъ молодой человѣкъ другого выхода не видитъ; сознавая, что его усилія безплодны, и что сестра слишкомъ уже втянулась въ ту грязь, изъ которой онъ недавно вышелъ, юноша, наконецъ, снова покидаетъ родительскій домъ, и уходя, выражается въ такомъ родѣ: «прощайте, говоритъ онъ, я вижу, что не могу ужиться съ вами; я уже отрѣзанный ломоть». Г. Аграмову, исполнявшему роль молодого человѣка, почему-то показалось, что онъ непремѣнно долженъ энергически размахивать руками, говорить торжественнымъ, высокопарнымъ тономъ, считать себя безконечно выше всѣхъ, ко всѣмъ относиться презрительно и гордо, въ торжественныхъ мѣстахъ трясти головою и т. п., словомъ, г. Аграмовъ сдѣлалъ изъ своей роли какого-то необыкновенно-пустаго и глупаго фразера, который ничему и никому не сочувствуетъ, надъ всѣмъ и надъ всѣми издѣвается. Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ предполагать, что г. Аграмовъ намѣренно исковеркалъ свою роль, придавъ ей такой характеръ, котораго авторъ, очевидно, вовсе и не имѣлъ въ виду; мы объясняемъ это гораздо проще: г. Аграмовъ просто *не видѣлъ* подобнаго рода людей, никогда не думалъ такъ, какъ они думаютъ, никогда не чувствовалъ, какъ они чувствуютъ, а потому естественно и не могъ понять изображаемаго имъ характера. Зная кое-что о существованіи молодыхъ людей, которыхъ почему-то зовутъ нигилистами и приписываютъ имъ всевозможныя гадости, г. Аграмовъ вообразилъ, что и его роль списана именно съ такихъ людей; того обстоятельства, что юноша покидаетъ родительскій домъ, было для г. Аграмова слишкомъ достаточно, чтобы сдѣлать свою роль крайне-антипатичной и испортить ее всю отъ начала до конца. Тоже самое повторилось и съ другой пьесой того же автора, недавно поставленной на сцену — «Виноватая». Здѣсь фигурируетъ также молодой человѣкъ, котораго на сценѣ изобра-

жаетъ г. Нильскій. Очевидно, что этому артисту никогда не приходилось не только дѣйствовать при такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ стоитъ изображаемое имъ лицо, но даже не случалось размышлять, что долженъ думать порядочный человѣкъ въ такомъ положеніи. Дюжиннаго, безсильнаго, но честнаго и искренняго молодого человѣка г. Нильскій сдѣлалъ ходульнымъ фразеромъ, который считаетъ непремѣнною своею обязанностью картинничать передъ человѣкомъ, у котораго онъ служитъ, говорить ему дерзко, постоянно выставляя на показъ свое преимущество передъ нимъ и т. п. Понятно, что въ виду подобныхъ фактовъ, далеко не всякій авторъ рѣшится вставить въ свою пьесу какого нибудь порядочнаго человѣка, зная напередъ, что на сценѣ онъ сдѣлается далеко не порядочнымъ, и вмѣсто симпатіи возбудитъ въ зрителяхъ отвращеніе.

Такимъ образомъ, русскій драматическій писатель стѣсненъ въ самыхъ элементарныхъ вещахъ: онъ долженъ приноровляться къ наличнымъ силамъ артистовъ, потому что въ противномъ случаѣ пьеса его будетъ изуродована съ ногъ до головы; онъ долженъ постоянно имѣть въ виду степень развитія того актера, которому придется исполнять извѣстную роль, и не артиста подыскивать для роли, а роль писать для артиста. Положеніе, во всякомъ случаѣ, далеко не выгодное для писателя.

Отсутствіе талантливыхъ, а главное развитыхъ артистовъ на русской сценѣ, или по крайней мѣрѣ очень ничтожное число ихъ, создало даже особый родъ драматической производительности, которымъ такъ искусно съумѣлъ воспользоваться г. Дьяченко. Понимая очень хорошо, что писать для русской сцены серьезныя пьесы значитъ даромъ тратить время, такъ какъ при маломъ числѣ способныхъ исполнителей, эти пьесы не могутъ имѣть никакого успѣха, г. Дьяченко выработалъ себѣ слѣдующій пріемъ: онъ не гонится за мыслью произведенія, онъ не претендуетъ на изображеніе характеровъ, но онъ беретъ извѣстныя, впрочемъ самыя обыденныя положенія, нанизываетъ ихъ на какое нибудь нехитрое содержаніе, и затѣмъ пишетъ роли для артистовъ. Будучи коротко знакомъ со всѣмъ персоналомъ русскаго драматическаго театра, онъ заранѣе знаетъ, въ какихъ роляхъ и при какихъ положеніяхъ можетъ быть особенно эффектенъ тотъ или другой исполнитель; при этомъ условіи, пьесы его дѣйствительно имѣютъ *успѣхъ*, то есть, ихъ смотритъ многочисленная публика, которая уже довольна и тѣмъ, что видитъ на сценѣ живыхъ людей, а не ходульныхъ фразеровъ, го-

ворящихъ хотя и умныя, но, очевидно, вовсе не понятыя ими фразы, отъ которыхъ вѣетъ крайне-непріятною неискренностью и холодомъ.

Вотъ первое условіе, дѣйствующее крайне-неблагопріятно на развитіе русской драматической литературы, а слѣдовательно и театра. Пьеса пишется для сцены, а такъ какъ на сценѣ порядочныя пьесы могутъ быть только испорчены, то порядочныя пьесы почти и не пишутся, потому что ни одинъ авторъ не согласится видѣть уродованіе и поруганіе своей задушевной мысли. Между тѣмъ отсутствіе серьезныхъ пьесъ и даже невозможность появиться имъ и на будущее время никакъ не можетъ способствовать совершенствованію русскаго театра. Театръ совершенствуется путемъ развитія драматической литературы.

Но кромѣ этого, есть и другія условія, способствующія сохраненію настоящаго statu quo русскаго театра. Условія эти заключаются въ той процедурѣ, какою сопровождается постановка пьесъ на сцену. Авторъ, написавшій драматическое произведеніе съ цѣлью поставить на театрѣ, долженъ представить его въ главное управленіе по дѣламъ печати, при которомъ состоятъ особые, спеціальные цензора. Здѣсь рукопись разсматривается собственно съ цензурной стороны. Получивъ разрѣшеніе, пьеса получаетъ *право* быть поставленной на какомъ угодно театрѣ въ Россіи. Затѣмъ, для постановки собственно на столичныхъ театрахъ, она должна быть представлена на разсмотрѣніе такъ называемаго литературно театральнаго комитета, который состоитъ изъ лицъ, принадлежащихъ частію къ литераторамъ, частію къ артистамъ, частію къ чиновникамъ. Намъ неизвѣстно, какимъ образомъ составляется этотъ комитетъ; мы только знаемъ, что въ немъ есть очень плохіе литераторы, еще болѣе плохіе актеры и очень усердные чиновники. Комитетъ имѣетъ право жизни и смерти надъ пьесой, представленной на его разсмотрѣніе; чѣмъ онъ руководствуется, пропуская одну и не пропуская другую пьесу—это остается для публики тайной, которую никто до сихъ поръ проникнуть не могъ; извѣстно только, что онъ никому не обязанъ давать отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Назначеніе театрально-литературнаго комитета опредѣляется самымъ его названіемъ; собственно говоря, онъ обязанъ разсматривать пьесу только со стороны ея сценичности и литературныхъ достоинствъ и только на этомъ основаніи одобрять ее или не одобрять. Но, съ одной стороны, есть факты, что на сцену принималось множество пьесъ совершенно не сценичныхъ и безъ вся-

кихъ литературныхъ достоинствъ; съ другой — были случаи, что пьеса несомнѣнно талантливая и которая могла бы, повидимому, имѣть большой успѣхъ, не принималась на сцену по какимъ-то другимъ соображеніямъ; наконецъ, комитетъ часто совершенно выходитъ изъ своей роли, открыто принимая на себя цензорскія обязанности и недозволяя къ представленію пьесъ, которыя почему нибудь кажутся ему неприличными, хотя бы они и были уже одобрены главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати. Мы сперва думали, что театрально-литературный комитетъ играетъ, по отношенію къ театру, такую же точно роль, какую играетъ по отношенію къ періодическому изданію его редакція; то есть, находя, что пьеса хотя и цензурна, хотя и обладаетъ извѣстными достоинствами, онъ можетъ не принять ее просто потому, что она не соотвѣтствуетъ извѣстному направленію на сценѣ; дѣйствительно, параллель бы вышла совершенно полная, если бы не было такихъ случаевъ, что пьеса, одобренная какъ цензурой, такъ и комитетомъ, все-таки можетъ быть неноставлена на сцену. Слѣдовательно, есть еще одна инстанція (въ какой именно формѣ она существуетъ, намъ неизвѣстно), отъ которой окончательно зависитъ постановка пьесы на сцену.

Вся эта сложная процедура, о которой мы только что говорили, эта неизвѣстность для автора, чѣмъ руководствуется театрально-литературный комитетъ, одобряя или неодобряя пьесу, неувѣренность въ томъ, что она будетъ поставлена на сцену въ случаѣ даже согласія со стороны комитета,— все это, конечно, не можетъ особенно сильно содѣйствовать развитію драматической литературы, а слѣдовательно, опять-таки, и улучшенію театра; все это, напротивъ, способствуетъ пребыванію нашего театральнаго дѣла въ томъ положеніи, въ какомъ оно находится съ самыхъ давнихъ временъ.

Къ двумъ вышеизложеннымъ условіямъ, нужно присоединить еще третье, также очень важное. Есть факты, которые показываютъ, что театральное начальство само находится въ необходимости руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ только примѣрами изъ временъ минувшихъ и слѣдовательно противиться всякимъ нововведеніямъ, какъ бы они ничтожны ни были. Укажемъ на слѣдующій недавній случай, заявленный въ нѣкоторыхъ газетахъ: 27 ноября исполнилось двадцать пять лѣтъ со дня перваго представленія оперы Глинки «Русланъ и Людмила.» У нѣкоторыхъ поклонниковъ русскаго композитора родилась мысль устроить въ этотъ день самое

невинное торжество. Они хотѣли, чтобы, передъ началомъ представленія «Руслана и Людмилы», былъ выставленъ на сценѣ маріинскаго театра бюстъ Глинки; его должна была окружать вся русская оперная труппа, выслушать приличные случаю стихи и затѣмъ пропѣть хоръ изъ другой оперы того же композитора, «Жизнь за царя». Музыкальное общество взялось хлопотать объ устройствѣ этого невиннаго торжества. Но театральное начальство отказало, какъ отказало въ подобной же просьбѣ въ 1861 году нѣсколькимъ лицамъ, желавшимъ устроить подобное же торжество по поводу двадцатипятилѣтія оперы «Жизнь за царя». Отказъ свой оно сопровождало слѣдующаго рода мотивами «въ дѣлахъ театральной дирекціи, говорилось въ этомъ отказѣ, не встрѣчается примѣровъ подобныхъ торжествъ русскимъ композиторамъ.» Естественно, что если дирекція считаетъ необходимымъ руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ только примѣрами прошлыхъ лѣтъ, то ей нѣтъ никакой возможности совершенствовать, или, по крайней мѣрѣ, помогать развитію русскаго драматическаго театра.

Послѣ всего сказаннаго, сдѣлается совершенно понятнымъ, почему періодическая печать, такъ долго и такъ усердно занимаясь русскимъ театромъ, не принесла ему ровно никакой пользы. Тѣ многочисленныя театральныя рецензіи, которыя наполняли и наполняютъ большія и малыя газеты, обращали все свое вниманіе на такія случайныя и ничтожныя подробности, которыми рѣшительно не стоитъ заниматься съ такою настойчивостью. Наши театральные критики всѣ свои силы употребляли исключительно на то, чтобы превознесть одного артиста передъ другимъ, чтобы картиннѣе изобразить какое нибудь неловкое движеніе актера, чтобы выставить достоинства или недостатки пьесы чисто внѣшняго свойства. При этомъ никогда не упоминалось о тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находится вообще русское драматическое дѣло, и которыя, между тѣмъ, будучи главной причиной тѣхъ мелкихъ недостатковъ, о которыхъ упоминала журналистика, тормозили все это дѣло. Оставлять ихъ безъ вниманія — значило молчать о самомъ главномъ недостаткѣ русскаго театра, бить по верхамъ, не затрогивая корня и обвинять такихъ лицъ, которыя ни въ чемъ неповинны. Только въ самое послѣднее время театральная критика какимъ-то случаемъ стала на болѣе вѣрную дорогу, и если она по ней будетъ идти мало-мальски сознательно, то изъ этого можетъ быть что нибудь и выйдетъ. Обстоятельства, повидимому, сами благопріятствуютъ дѣлу.

До послѣдняго времени, такъ называемыхъ *тенденціозныхъ* пьесъ почти не являлось на русской сценѣ. Репертуаръ драматическаго театра, заключая въ себѣ громадное количество всякихъ комедій, драмъ и водевилей, отличался при всемъ своемъ кажущемся разнообразіи, поразительнымъ сходствомъ одного произведенія съ другимъ; всѣ они отличались своею безсодержательностью, отсутствіемъ всякой мысли — и въ этомъ заключалось ихъ однообразіе. Но съ недавняго времени, пьесы, появляющіяся на драматическомъ театрѣ, начинаютъ претендовать на мысль, на направленіе. Какова бы ни была эта мысль, каково бы ни было направленіе — все-таки подобнаго рода пьесы должны повліять на измѣненіе театральныхъ порядковъ. Въ самомъ дѣлѣ, положимъ литературно-театральный комитетъ принимаетъ на сцену драму г. Стебницкаго «Расточитель.» Тенденція этой пьесы слишкомъ ясна: г. Стебницкій имѣлъ въ виду показать недостатки и нелѣпости русскаго самоуправленія. Театральный комитетъ, очевидно, сочувствовалъ этой идеѣ, иначе онъ не принялъ бы пьесы г. Стебницкаго. Теперь предположимъ, что является пьеса съ противоположнымъ направленіемъ — пьеса, написанная талантливо, сценично и удовлетворяющая общимъ цензурнымъ условіямъ. Какъ долженъ поступить въ этомъ случаѣ театральный комитетъ? Непринявъ пьесы, онъ можетъ лишить театръ значительнаго дохода, а принявъ, слѣдовательно, выразивъ пьесѣ сочувствіе, онъ тѣмъ самымъ долженъ отречься отъ заявленнаго сочувствія къ пьесѣ г. Стебницкаго. Такимъ образомъ, комитету, дѣйствуя подобнымъ образомъ, приходилось бы постоянно отрицаться отъ однажды заявленныхъ симпатій и становится въ какое-то необыкновенно странное положеніе относительно самого себя. Пока на сцену ставились одни только чисто-художественныя произведенія, до тѣхъ поръ комитетъ не могъ чувствовать неловкости своего положенія; но какъ только чистая художественность начала по немногу уступать мѣсто реальному направленію, тогда непремѣнно должна была обнаружиться неестественность и странность подобныхъ порядковъ. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ допустить, чтобы на одномъ и томъ же театрѣ сегодня порицалось то, чему вчера заявлялось сочувствіе, или на оборотъ.

Конечно, никто не имѣетъ никакого права требовать, чтобы комитетъ ставилъ на сцену такія пьесы, которыя ему почему нибудь не нравятся, или чтобы постоянно держался того, а не другого направленія. Онъ полный хозяинъ своего дѣла и никто изъ посторонникъ не можетъ быть ему указчикомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы

думаемъ, что каждый имѣетъ нѣкоторое право разсчитывать на то, чтобы ему была предоставлена возможность свободно дѣйствовать въ предѣлахъ, допускаемыхъ закономъ. Если моя пьеса, по своему направленію, не можетъ быть поставлена на сценѣ казеннаго театра, то почему же ей нельзя явиться на театрѣ *частномъ*, устроенномъ хоть спеціально для такихъ пьесъ, которыя не могутъ явиться на казенной сценѣ. Наконецъ, почему же не дозволить существовать на ряду съ казеннымъ театромъ *постоянному частному* театру, или даже нѣсколькимъ — подобно тому, какъ рядомъ съ казенными періодическими изданіями существуетъ множество частныхъ. Конкуренція вообще способствуетъ развитію и совершенствованію всякаго дѣла, а относительно театра она является еще болѣе необходимою, потому что при ней явится возможность существованія театровъ съ разными направленіями, и слѣдовательно, только при ней и возможно существованіе драматической литературы въ строгимъ смыслѣ.

Вотъ эту-то мысль — о необходимости въ театральномъ дѣлѣ частной конкуренціи — мысль, которая только въ послѣднее время стала разработываться въ печати, мы считаемъ дѣйствительно важною и способною содѣйствовать улучшенію русскаго драматическаго театра. Здѣсь мы еще разъ должны повторить, что журналистика не имѣетъ никаго права требовать отчета отъ театральнаго начальства, почему оно ведетъ свои дѣла такъ, а не иначе. Даваемыя имъ представленія, конечно, подлежатъ критикѣ; коверканье актерами ролей можетъ возбуждать нападенія въ печати; но театральное начальство никогда и ничѣмъ не заявляло желанія отдавать свои дѣйствія на публичное обсужденіе, слѣдовательно, никто и не вправѣ требовать у него какихъ бы то ни было отчетовъ. Публика русскимъ театромъ, очевидно, довольна, потому что ни одинъ театръ не приноситъ такой выгоды, какъ александринскій, слѣдовательно, театральное начальство всегда можетъ опереться на это явленіе. Если бы русскій театръ находился въ рукахъ самого общества — ну, тогда другое дѣло; тогда все общество могло бы требовать и отчета въ его дѣйствіяхъ.

Но заявляя наше полнѣйшее сочуствіе мысли о необходимости частныхъ театровъ, и признавая эту мѣру единственно способною улучшить наше театральное дѣло, мы все-таки считаемъ себя не вправѣ молчать, во ожиданіи, пока эта мысль осуществится въ дѣйствительности. Театръ во всякомъ случаѣ — будь это даже театръ александринскій — привлекаетъ къ себѣ огромную массу

зрителей, значительная часть которыхъ никогда не интересовалась печатнымъ словомъ. Пока со сцены провозглашались одни только семейныя добродѣтели въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, пока въ театрѣ господствовала одна только чистѣйшая художественность — до тѣхъ поръ журналистикѣ, собственно говоря, не было никакой надобности до того, что писалось русскими драматургами и что ставилось на сценѣ. Но когда театральный репертуаръ сталъ наполняться пьесами тенденціозными, имѣющими претензію на общественное значеніе, когда со сцены стали провозглашаться извѣстные принципы въ формѣ такихъ произведеній, какъ «Расточитель», «Демократическій подвигъ», «Гражданскій бракъ» и т. п. — тутъ уже молчаніе журналистики было бы совершенно неумѣстнымъ. Она непремѣнно должна обратить свое вниманіе на русскую драматическую литературу, а вслѣдствіе этого, по изложеннымъ нами выше причинамъ, не должна оставлять безъ вниманія и русскаго театра.

Такимъ образомъ мы начинаемъ слово о театрѣ. во имя русской драматической литературы.

Для перваго раза, изъ числа *тенденціозныхъ* пьесъ Александринскаго театра, мы возьмемъ самую новую—пятиактную драму г. Стебницкаго «Расточитель». Это произведеніе знаменитаго автора романа «Некуда», напечатанное въ одномъ изъ тощихъ петербургскихъ журналовъ, родившихся во время литературной засухи послѣднихъ двухъ лѣтъ, не обратило на себя ничьего вниманія, исключая только присяжныхъ библіографовъ и журналистовъ. Съ своей стороны, и мы не осмѣлились бы отнимать у нашихъ читателей времени ознакомленіемъ ихъ съ этой драмой, еслибъ она не появилась на сценѣ петербургскаго, а вслѣдъ за нимъ и провинціальныхъ театровъ, и если бъ не представила собою рѣзкаго явленія въ русскомъ драматическомъ репертуарѣ. «Расточитель» г. Стебницкаго, будучи произведеніемъ весьма посредственнымъ по формѣ и ничтожнымъ по мысли, даетъ однакоже намъ поводъ сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній о тенденціозныхъ драматургахъ послѣдняго времени.

Всякое драматическое, какъ впрочемъ и всякое вообще литера

турное произведеніе, имѣетъ дѣло съ троякаго рода вопросами: семейными, общественными и политическими. Хотя въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ можно отыскать смѣсь всѣхъ этихъ трехъ родовъ, но одинъ изъ нихъ всегда выступаетъ рѣзче другихъ; авторъ всегда имѣетъ въ виду интересы одного изъ этихъ вопросовъ преимущественно передъ другими. До послѣдняго времени русскіе драматурги имѣли дѣло почти исключительно съ вопросами чисто-семейными, дѣлая ихъ предметомъ водевилей, комедій и драмъ. Хотя огромное большинство пьесъ русскаго драматическаго репертуара лишено всякаго опредѣленнаго содержанія и слѣдовательно всякой мысли, хотя пьесы этого рода писались и пишутся съ единственною цѣлью доставить минутное развлеченіе глазамъ и ушамъ; но среди этого хлама появлялись изрѣдка произведенія, хотя имѣвшія дѣло съ чисто семейными интересами, но все-таки старавшіяся провести какую нибудь соціальную мысль, или объяснявшія недостатки нашего семейнаго быта цѣлымъ строемъ общественной жизни. Таковы, напримѣръ нѣкоторыя произведенія гг. Островскаго и Потѣхина; у нихъ иногда рамки семейной жизни раздвигаются на столько широко, что захватываютъ въ себя нѣкоторыя черты изъ сферы общественной, хотя и въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Въ этихъ чертахъ зритель не видитъ ничего опредѣленнаго; онъ только чуетъ ихъ общій смыслъ. Авторы немногихъ пьесъ этого рода старались бороться съ такими уродливыми явленіями русскаго семейнаго быта, которыя, находясь очевидно подъ вліяніемъ соціальныхъ условій нашей жизни, составляютъ явленіе свойственное въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ всему русскому обществу: тупое самодурство, неподчиняющееся никакой логикѣ, уродливость отношеній между родителями и дѣтьми, мужьями и женами — всѣ эти проявленія русской семейной жизни на столько сильны въ насъ и на столько выработали себѣ опредѣленную физіономію, что способны возстановить всякаго порядочнаго человѣка на упорную, непримиримую борьбу съ ними. Они сдѣлались нашимъ національнымъ зломъ, которое запечатлѣли собою время и исторія; они служатъ только однимъ изъ симптомовъ болѣзненнаго, ненормальнаго развитія русскаго общества. Поэтому, никому и въ голову не прійдетъ видѣть въ авторахъ «Отрѣзаннаго ломтя» и «Свои люди сочтемся» или «Грозы»—людей, желающихъ клеветать на русскій народъ или бросать грязью «въ его лучшія симпатіи», какъ любятъ выражаться наши перезрѣлые патріоты и народолюбцы. Нѣтъ, правдивость главныхъ положеній, лежащихъ въ основѣ этихъ пьесъ, не только

сознается, но и чувствуется зрителемъ; а человѣкъ мало-мальски сообразительный поймет, что эти пьесы представляютъ собою только обобщеніе безчисленнаго множества подобныхъ случаевъ, повторяющихся изо дня въ день подъ разными формами.

Такимъ образомъ, наиболѣе талантливые изъ нашихъ современныхъ драматурговъ не пошли далѣе семейныхъ интересовъ въ своихъ произведеніяхъ; они только постарались нѣсколько осмыслить явленія, представляемые русскимъ семейнымъ бытомъ и отчасти показать ихъ связь съ нашею общественною жизнью. Окруженные тѣми неблагопріятными условіями, о которыхъ мы говорили въ первой половинѣ нашей статьи, и понимая, что явленія русской общественной жизни не самостоятельны на столько, чтобы можно было добросовѣстно ими пользоваться, не задѣвая гораздо болѣе важныхъ и серьезныхъ обстоятельствъ, эти драматурги предпочли пользоваться тѣмъ, что не представляло никакихъ затрудненій. Г. Потѣхинъ попытался однажды, въ комедіи «Шуба овечья, а душа человѣчья», коснуться нѣкоторыхъ обстоятельствъ, имѣющихъ вліяніе на нашу общественную жизнь, но его постигла полная неудача: пьеса хотя и была напечатана, но долгое время послѣ того не могла явиться на сценѣ; года два назадъ, ей, наконецъ, было разрѣшено явиться на сценѣ, но хотя она имѣла и громадный успѣхъ, все-таки послѣ нѣсколькихъ представленій снова изчезла. Подобная же участь постигла и другое произведеніе того же автора — «Отрѣзанный ломоть». Этими примѣрами мы хотимъ только показать, что, въ настоящее время, драматургу трудно еще брать предметами для своихъ произведеній явленія нашей общественной жизни, потому что, въ такомъ случаѣ, пришлось бы или клеветать на русское общество, или сознательно дѣлать пьесу *неудобною* для постановки на сценѣ казеннаго театра, въ виду тѣхъ условій, о которыхъ мы говорили выше. «Ревизоръ» Гоголя составляетъ въ этомъ отношеніи единственное и трудно объяснимое исключеніе. Такой талантливый и умный писатель, какъ Гоголь, пожелавъ раздвинуть рамки, доступныя русскому драматическому произведенію и ввести въ нихъ чисто-соціальные интересы, не могъ не остановиться прежде всего на *чиновничествѣ*. Онъ понималъ, что общественной жизни въ Россіи не существуетъ, что на всемъ обществѣ лежитъ тяжелый слой бюрократіи, которая хотя и дѣйствуетъ именемъ общества, но на самомъ дѣлѣ связана съ нимъ чисто-механически. Гоголь сознавалъ очень хорошо, что хотя въ русскомъ народѣ и обществѣ можно отыскать матеріалы для соціальной комедіи, но

что, пользуясь ими, онъ погрѣшилъ бы противъ общественной правды, такъ какъ эти матеріалы, вложенные въ комическую форму, представляли бы клевету на русскій народъ, что они вызваны къ жизни гораздо болѣе важными условіями, и что пользоваться ими, значило бы выгораживать и какъ бы защищать эти условія, когда они-то собственно и виновны во всемъ. Мы назвали появленіе «Ревизора» на казенномъ театрѣ трудно-объяснимымъ исключеніемъ. Дѣйствительно, еслибъ онъ былъ поставленъ на сцену *теперь*, когда само правительство признало вредъ чрезмѣрнаго развитія бюрократіи—это бы еще было понятно. Но комедія Гоголя явилась въ пору полнѣйшаго господства бюрократіи, такъ что появленіе этой пьесы на казенномъ театрѣ можно объяснить только тѣми допотопными костюмами, въ которые были облечены дѣйствующія лица, такъ что зрители могли относить время дѣйствія этой комедіи за нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ.

Мы хотимъ сказать, что у насъ, въ Россіи, до послѣдняго времени могли существовать драматическія произведенія, затрогивающія только семейные интересы, потому что собственно *общественной* дѣятельности у насъ не существовало. Заслуга наиболѣе талантливыхъ современныхъ драматурговъ заключается въ томъ, что они старались вложить хоть какую нибудь *мысль* въ тѣ скромныя рамки, какія имъ были предоставлены, и сдѣлать театръ не одной потѣхой для глазъ и ушей, а чѣмъ нибудь болѣе серьезнымъ.

Общественная дѣятельность въ Россіи едва только начинаетъ развиваться. При видѣ ея нарожденія, можно глубоко скорбѣть о тѣхъ условіяхъ, въ какихъ она находилась до послѣдняго времени, но издѣваться надъ нею честному писателю невозможно. Нѣтъ спора, въ первыхъ шагахъ нашей общественной жизни можно найдти много смѣшнаго и прискорбнаго: иной сталъ бы помирать со смѣху, еслибъ ему нарисовать картины крестьянскихъ выборовъ въ гласные, или изобразить засѣданія земскихъ собраній съ участіемъ выборныхъ отъ крестьянства, желающихъ принять участіе въ преніяхъ; иной возмутился бы до глубины души, еслибъ ему съ театральныхъ подмостокъ показали тѣ злоупотребленія, которыя могутъ случаться и дѣйствительно случаются при рѣшеніи дѣлъ крестьянскимъ сходомъ; но впечатлѣніе, производимое этими картинами, было бы въ высшей степени фальшиво и вредно. Вѣдь не крестьяне виновны въ томъ, что послѣднія реформы застали ихъ круглыми невѣждами, неумѣющими ни мыслить, ни говорить; не

сходка виновата въ томъ, что ее составляютъ люди запуганные, забитые, думающіе только о томъ, какими бы средствами добыть денегъ на уплату податей... Надъ чѣмъ же тутъ смѣяться и чѣмъ возмущаться? На всякаго порядочнаго человѣка, подобнаго рода сюжеты, облеченные въ литературную форму съ обличительными цѣлями, произведутъ отвратительное впечатлѣніе и невольно заставятъ заподозрѣть въ авторѣ человѣка или крайне недалекаго, или крайне недобросовѣстнаго, или несочувствующаго тѣмъ идеямъ, которыя положены въ основу земскихъ учрежденій или суда присяжныхъ. Мы не знаемъ, къ какому изъ этихъ трехъ разрядовъ людей слѣдуетъ причислить г. Стебницкаго, но онъ храбро взялся писать драму изъ русской *общественной* жизни, и написавши ее—напечаталъ въ одномъ убогомъ журнальцѣ и даже поставилъ на сцену.

Мы очень довольны тѣмъ, что имѣемъ возможность словами этого самаго журнальца опредѣлить цѣль, съ какою написалъ г. Стебницкій свое произведеніе. «Г. Стебницкій, говоритъ этотъ журналецъ, въ своемъ *Расточителѣ* остался тѣмъ же свободно мыслящимъ и смѣлымъ писателемъ, какимъ онъ явился нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ романѣ *Некуда*. Какъ тогда, въ самый разгаръ молодаго нигилизма, г. Стебницкій отважно приподнялъ завѣсу съ клоакъ, изъ которыхъ назначено разливаться по лицу русской земли одуряющему зелью, такъ и теперь, въ эпоху злостно-сентиментально-патріотической маниловщины, въ которую нигилизмъ облекся какъ волкъ въ овечью шкуру, въ эту эпоху фарисейскаго, пресмыкающагося народолюбія... г. Стебницкій съ тою же смѣлостью попытался изобразить, согласно съ дѣйствительностью, укромный міръ самоуправства, величаемаго у насъ *самоуправленіемъ*». Просто на просто, какъ—въ «Некуда» г. Стебницкій обличалъ молодежь, такъ въ «Расточителѣ» онъ вздумалъ обличать русское самоуправленіе. Г. Стебницкій, будучи писателемъ «смѣлымъ» и мыслящимъ «свободно», то есть не соображаясь ни съ какими окружающими условіями и не стѣсняясь никакими правилами приличія, не далъ себѣ труда поразмыслить, что такое самоуправленіе и отъ какихъ причинъ зависитъ возможность появленія въ его области всякой неправды и дикаго произвола; онъ просто сочинилъ или взялъ дѣйствительный отдѣльный фактъ и написалъ по немъ пятнактную драму, на тему: какъ вредно для русскаго человѣка самоуправленіе и какъ мало онъ къ нему способенъ.

Въ краткихъ словахъ, содержаніе «Расточителя» заключается въ слѣдующемъ: шестидесятилѣтній старикъ Князевъ, будучи «пер-

вымъ человѣкомъ въ городѣ,» состоялъ опекуномъ малолѣтняго купеческаго сына Молчанова. Когда пришло время сдавать счеты, то-есть когда срокъ опеки кончился, Князевъ увидѣлъ, что у него растрачено тысячъ двѣсти сиротскихъ денегъ. Онъ начинаетъ придумывать, какъ бы избавиться отъ необходимости заплатить эти деньги. Придумывая различные способы, онъ останавливается на слѣдующемъ: подговариваетъ городскаго голову и прочихъ почетныхъ лицъ въ городѣ, объявляетъ при ихъ помощи Молчанова расточителемъ и учреждаетъ надъ нимъ опеку, во главѣ которой становится самъ. Это положеніе даетъ ему возможность уничтожить всѣ документы, спутать счеты и избавиться отъ всякой отвѣтственности за растрату чужихъ денегъ. Молчановъ собирается ѣхать въ Петербургъ жаловаться, но его схватываютъ и сажаютъ въ больницу, какъ сумасшедшаго. Тамъ онъ дѣйствительно сходитъ съума, и однажды, вырвавшись изъ больницы, поджигаетъ городъ. Вся драма г. Стебницкаго построена на постоянныхъ нарушеніяхъ дѣйствующими лицами закона; эти нарушенія прикрываются мірскимъ приговоромъ, такъ что міръ является у г. Стебницкаго причиной всему злу, какое существуетъ у насъ на Руси; не будь міра, а будь... не знаемъ, чего именно желаетъ г. Стебницкій,—тогда бы у насъ все совершалось по закону, по чистой правдѣ, безъ всякихъ злоупотребленій. Г. Стебницкій можетъ сказать, что онъ вовсе не имѣлъ этого въ виду, что онъ изобразилъ только частный, исключительный случай. Но, во-первыхъ, исключительные случаи никогда не дѣлаются предметами драмы, а во-вторыхъ, подобное возраженіе было бы чистой ложью, потому что самъ г. Стебницкій, устами разныхъ героевъ своей комедіи, намѣренно и постоянно бросаетъ комками грязи въ русское самоуправленіе. То дѣйствіе, въ которомъ у г. Стебницкаго міръ составляетъ приговоръ объ отдачѣ Молчанова въ опеку за злостное расточительство, отдѣлано имъ особенно старательно, и въ самомъ дѣлѣ производитъ отвратительное впечатлѣніе. Сходъ собирается въ домѣ ближайшаго соучастника Князева; въ комнатахъ сидятъ представители купечества, черезъ открытыя окна комнатъ слышенъ со двора шумъ многочисленной толпы народа, тоже собравшейся на сходъ—это мѣщане. Г. Стебницкій характеризуетъ эту толпу слѣдующей сценой: «скажи пожалуста, говоритъ Князевъ, обращаясь къ своему помощнику Минуткѣ и глядя въ окно, отчего это они всѣ въ одно мѣсто вверхъ смотрятъ?»—Галка вонъ на карнизѣ сидитъ. Галку смотрятъ. «Что же она чуднаго дѣлаетъ, что они въ

нее воззрились?»—Ничего, хвостомъ трясетъ, а они смотрятъ. «Эко дурачищи!» замѣчаетъ Князевъ, смѣясь.—Ха-ха-ха! раздается подъ окнами; у-у-у-у! ура!... Полетѣла, полетѣла!... «Что за скоты такіе!» замѣчаетъ еще разъ Князевъ. Вслѣдъ за симъ онъ даетъ слѣдующее порученіе Минуткѣ: «пошли скорѣе кого нибудь въ мой шинокъ, что на углѣ здѣсь ближе, и прикажи сидѣльцу, чтобъ всѣмъ имъ въ долгъ далъ, кто сколько вылопаетъ. Понимаешь ли: не давать даромъ, чтобъ не сказали, что я подпаивать хотѣлъ всю эту сволочь. Въ долгъ пусть лопаютъ. Отдастъ-ли, не отдастъ-ли который, но только въ долгъ давать.» Начинается судъ. Городской голова и купцы говорятъ въ тонъ Князева. Молчановъ старается оправдаться, но его не слушаютъ. Въ сходкѣ участвуютъ жена и теща Молчанова, которыя тоже противъ него; онѣ перебиваютъ вопросы постороннимми замѣчаніями, такъ что Молчановъ считаетъ нужнымъ замѣтить собранію слѣдующее: «за расточительность какую-то вы собрались судить меня, такъ про расточительность и говорите, а не про то, что здѣсь говорится.» Городской голова отвѣчаетъ, «вѣдь мы еще не парламентъ, намъ парламентскія формы чужды. *Мы народъ*;» а Князевъ язвительно добавляетъ: «мы простецы, такъ по простому и разсуждаемъ, а по ученому, по заграничному не умѣемъ, и не поймемъ пожалуй.» Когда конченъ былъ этотъ судъ и купечество вышло къ мѣщанамъ, чтобъ заручиться ихъ согласіемъ, Дробадоновъ, принимающій близкое участіе въ судьбѣ Молчанова, вышелъ къ народу и сталъ убѣждать его не поддаваться увѣреніямъ Князева и городскаго головы. На это толпа отвѣчаетъ: «врешь! знаемъ мы! Ты не учитель нашъ, насъ Князевъ не обманетъ!..» затѣмъ раздается свистъ, гамъ и озлобленные крики: «Вонъ мускательщика! Вонъ Дробадонова!»—и нѣсколько рукъ вталкиваютъ его въ комнаты. Судъ конченъ. Молчановъ окончательно объявленъ расточителемъ и отданъ въ опеку. Міръ отправляется кутить и «запивать, поѣвши человѣчины», какъ выражается Дробадоновъ. Этотъ купчина, хотя и заступался за Молчанова, но тоже подписался подъ мірскимъ приговоромъ. На упреки Молчанова, онъ отвѣчаетъ слѣдующими словами: «ты вправду знать, не знаешь, *что такое міръ*? Спроси о немъ мои бока. Рѣдко я на него хожу, а все жъ это имъ не первый снѣгъ на голову. Одинъ на міръ не челобитчикъ. Тверезъ ты или пьянъ, а всѣ говорятъ, что пьянъ—ступай и спать ложись, а то силкомъ уложатъ... Великъ и силенъ кажусь тебѣ я—а міръ ядущъ, сожретъ и меня съ кишками». Но г. Стеб-

ницкій не удовольствовался тѣмъ, чтобы показать негодность самой организаціи міра; нѣтъ, онъ хочетъ сказать, что даже имѣя во главѣ человѣка образованнаго, эта форма народнаго суда никуда не годится. Молчановъ въ одномъ мѣстѣ обращается съ такими словами къ городскому головѣ: «вы, голова, товарищъ мой... *вы съ учеными, съ поэтами водили дружбу... соціалистъ вы были, народникъ, славянинъ вы...* изъ-за чего же вы подличаете?...» Таково содержаніе и такова мысль пятнактной драмы г. Стебницкаго.

Мы не знаемъ, къ какому именно идеалу стремится г. Стебницкій, низвергая въ прахъ идею самоуправленія. Желаетъ ли онъ, чтобы люди, составляющіе мірскіе приговоры, были болѣе образованы и самостоятельны, потому что только при существованіи такихъ людей приговоры будутъ свободны и правдивы? Но этого изъ драмы не видно; напротивъ, вездѣ ясно видно, что г. Стебницкій ратуетъ противъ самой формы русскаго самоуправленія и противъ его идеи. Князевъ и городской голова утѣшаютъ себя тѣмъ, что всю эту исторію надѣлали не они, а міръ, что «міръ цѣлый не осудятъ, его нельзя судить», что вообще «міръ не судятъ» — «міръ не судимъ и Князевъ не судимъ, добавляетъ Дробадоновъ *Они другъ друга создали и другъ другу работаютъ*... Вамъ нѣтъ еще суда, ума и совѣсти народной расточителямъ»; а журналецъ, въ которомъ напечаталъ г. Стебницкій свое произведеніе, говоря о русскомъ самоуправленіи, откровенно замѣчаетъ, что «нѣтъ такого мыслителя съ здоровыми мозгами, который бы отнесся одобрительно къ этой жалкой и безобразной формѣ гражданскаго строя.» По мнѣнію г. Стебницкаго, народъ нашъ дуренъ отъ того, что существуетъ міръ, а міръ безобразенъ потому, что дуренъ народъ. Міръ и русскій народъ скверны, потому что они «другъ друга создали и другъ другу работаютъ». Гдѣ же выходъ изъ этого круговаго безобразія? По нашему мнѣнію, г. Стебницкій сдѣлалъ большую ошибку, не выставивъ въ своей драмѣ положительныхъ и вполнѣ опредѣленныхъ идеаловъ; ему бы слѣдовало нарисовать, рядомъ съ мірскимъ безобразіемъ, благообразныхъ чиновниковъ, которые всегда судятъ и поступаютъ по закону и чистой совѣсти, взятокъ не берутъ, слабыхъ не обижаютъ, богатымъ не потворствуютъ въ ихъ несправедливыхъ требованіяхъ, лжи и обмана не прикрываютъ законными формами, а всякую неправду выставляютъ на общее поруганіе; съ сиротами обходятся привѣтливо и соблюдаютъ ихъ интересы какъ свои собственные. Тогда драма имѣла бы и гораздо болѣе

опредѣленную физіономію и несравненно большій успѣхъ на сценѣ. А теперь, хотя покровители г. Стебницкаго и увѣряютъ, что послѣ перваго представленія публика вызывала автора семь разъ и что пьеса эта-явленіе вовсе не мимолетное, а напротивъ имѣющее счастливую будущность — все таки, «Расточитель» потерпѣлъ полное пораженіе, а въ послѣднее время давался только по воскреснымъ днямъ, когда театръ бываетъ полонъ совершенно независимо отъ того, какая пьеса идетъ на сценѣ. Г. Стебницкому въ этомъ отношеніи нисколько не помогли тѣ, любимыя публикой сцены, какими онъ наполнилъ свое произведеніе: тутъ есть и народныя пѣсни, исполняемыя хоромъ, и пляска, и разныя соблазнительныя картинки, разсчитанныя дѣйствовать раздражительно на нервы, и мрачные подвалы, въ которыхъ томится добровольная узница, и пожаръ и кабакъ, и юродивый, живущій въ дуплѣ, и слѣпая старуха, бродящая безъ пріюта по городу; тутъ есть попытки подѣйствовать на патріотическую струнку зрителей—полякъ Минутка, продающій сегодня одного изъ своихъ пріятелей, а завтра другого; есть остроумныя фразы, въ родѣ слѣдующихъ: «Минутка, поди сюда на минутку;» или «въ тебѣ сидитъ одинъ польскій чертъ, а во мнѣ семь русскихъ чертей съ дьяволомъ» и т. п. — словомъ, есть все, что можетъ способствовать полному успѣху всякой пьесы на русской сценѣ. И однакожь, пьеса г. Стебницкаго все-таки потерпѣла полнѣйшее пораженіе. Это печальное для г. Стебницкаго обстоятельство мы объясняемъ именно тѣмъ, что г. Стебницкій позабылъ вставить въ свою драму добродѣтельныхъ и честныхъ чиновниковъ. Тогда публика выхотила бы изъ театра съ гораздо болѣе спокойнымъ и пріятнымъ чувствомъ, чѣмъ теперь, а потому и охотнѣе посѣщала бы представленія «Расточителя.»

Каждый имѣетъ право думать и высказывать какія угодно мнѣнія. Но честный писатель будетъ свободно и открыто высказываться только тогда, когда противное мнѣніе можетъ быть высказано также свободно и прямо. Точно также и каждый журналъ имѣетъ полное право печатать что ему угодно; но честный журналъ всегда станетъ руководствоваться тѣми соображеніями, какими руководствуется честный писатель. Подобныя же соображенія вполнѣ примѣнимы и къ театру. Мы вовсе не требуемъ, чтобы на сценѣ казеннаго театра появлялись пьесы непремѣнно того, а не другого направленія; но намъ кажется, что было бы болѣе удобнымъ, еслибъ театръ, въ виду отсутствія конкурренціи, воздерживался отъ всякаго направленія и принималъ только такія пьесы, которыя на-

писаны съ единственною цѣлью—услажденія сердца и возвеселенія духа. До послѣдняго времени, на сценѣ господствовали именно такія обыкновенія, и никто ими особенно не возмущался: публика посѣщала русскій театръ усердно, актеровъ и авторовъ вызывала также усердно, горланила до хрипоты, словомъ, выказывала полное свое удовольствіе и, повидимому, не желала никакихъ перемѣнъ. Драматическая критика также была вполнѣ безобидна; она обращала свое вниманіе на костюмы актеровъ и актрисъ, она интересовалась чисто художественными достоинствами или недостатками и рѣдко-рѣдко когда упоминала о *направленіи*. Теперь условія измѣнились, и потому самый характеръ драматической критики долженъ также радикально измѣниться. Критика должна теперь внимательно слѣдить за всѣмъ, появляющимся на сценѣ, что претендуетъ на направленіе, что разсчитываетъ дѣйствовать уже не на чувство, а на мысль.

Оставляя безъ вниманія множество пьесъ драматическаго репертуара, имѣющихъ чисто-художественное значеніе, до которыхъ намъ не можетъ быть никакого дѣла, мы будемъ внимательно останавливаться на тѣхъ изъ нихъ, которыя своею тенденціозностью стараются выйти изъ обычнаго уровня русскаго репертуара.

Гдб.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ КНИЖКИ.

Рюи-Блазъ, драма Виктора Гюго (съ французскаго) . . . . . *В. Луг—на.*
Больныя мѣста Швейцаріи . . . . . *Де-Колонна.*
Американскіе патріоты прошлаго столѣтія. (Ст. вторая) . . . . . *Н. В. Шелгунова.*
Подражаніе Лермонтову. (Стихотвореніе) . . *А. Мясоѣдова.*
Друзья—хуже враговъ. Романъ Х. Мармоля. (Съ испанскаго. Гл. VIII—XIII).
Зауральскій рабочій . . . . . *Н. Флеровскаго.*
Русская журналистика при Александрѣ I. (Продолженіе) . . . . . *А. П. Пятковскаго.*
Въ лѣсу. Повѣсть. (Окончаніе первой части.) *Н. Ф. Бажина.*
Съ морскаго берега. Стихотвореніе Шелли. (Съ англійскаго) . . . . . *Д. Д. Минаева.*

—

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Историческія увлеченія. (Графъ Блудовъ и его время. Соч. Ев. Ковалевскаго) . . . *Н. В. Шелгунова.*
Уголовное правосудіе и психологія. (Болѣзни души. Соч. д-ра Шиллинга, перев. д-ра Закса. Харьковъ. 1867). . . . . *Н. Р.*
Новыя книги . . . . . *П. Т.*

ЧЕЛОВѢКЪ, КАКЪ ПРЕДМЕТЪ ВОСПИТАНІЯ. Опытъ педагогической антрополіи Константина Ушинскаго. Т. I. Спб. 1868 г. — ІЕЗУИТЫ ВЪ РОССІИ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ I И ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ. Часть I, обнимающая исторію іезуитовъ въ царствованіе Екатерины великой и Павла I. Свящ. Михаила Морошкина. Спб. 1868 г. — ПУТЕШЕСТВІЕ КЪ ВЕРХОВЬЯМЪ НИЛА И ИЗСЛѢДОВАНІЕ ЕГО ИСТОЧНИКОВЪ. Соч. Самуэля Уайтъ

Беккера. Москва. Изд. Мамонтова. 1868 г.—ФИЛОСОФІЯ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ. ОБЪ ОБЩЕМЪ ХАРАКТЕРѢ, ПОЛЬЗѢ И ПРИНЦИПАХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПРИРОДЫ. Джона Гершеля. Пер. съ англ. изд. Русской книжн. торг. Спб. 1868 г.—НРАВСТВЕННАЯ СТАТИСТИКА ВЪ СВЯЗИ СЪ ИСТОРІЕЮ ПРИЛОЖЕНІЯ ЧИСЕЛЪ КЪ НАУКАМЪ, ПРАВСТВЕННЫМЪ. Т. I. Спб. Изд. Ламанскаго.—ФИЛОСОФІЯ УГОЛОВНАГО ПРАВА ВЪ ПОПУЛЯРНОМЪ ИЗЛОЖЕНІИ. Ад. Франка, профессора въ Collège de France. Пер. съ француз. Д. Слонимскаго. Спб. 1868 г.

Политическая и общественная хроника . . *Жаки Лефреня.*

Болѣзненные симптоны французской имперіи. — Раздвоенность ея политики внѣшней и внутренней: защита европейскихъ національностей и деморализація собственной націи.—Быстрое возвышеніе Пруссіи.—Бисмаркъ—ученикъ Наполеона III.—Взаимное отношеніе политическихъ партій, разъединенныхъ Бисмаркомъ въ силу принципа; *dividi et impera.*—Паралель между политикой Бисмарка и Наполеона III. — Неизбѣжность столкновенія Франціи и Германіи.—Вѣроятный исходъ этого столкновенія въ будущемъ. — Общественное неудовольствіе во Франціи настоящимъ положеніемъ дѣлъ. — Возрастающее недовѣріе въ финансовомъ мірѣ.—Неопредѣленность и безцвѣтность англійскаго правительства.—Отсутствіе государственнаго человѣка.—Репрессивныя мѣры торійскаго кабинета.—Реформы въ Австріи.—Что вызвало ихъ и чего можно ожидать отъ нихъ? — Реакція противъ католическаго духовенства.—Ограниченіе его политическихъ правъ и вліянія на воспитаніе.—Напряженное состояніе европейскихъ народовъ.

Тенденціозная драма. . . . . *Гдб.*

Невозможность драматической критики внѣ сцены. — Организація казеннаго драматическаго театра и причины его неподвижности.—Вліяніе этой организація на русскую драматическую литературу. — Частная конкуренція, какъ единственный выходъ изъ настоящаго положенія. — Почему мы начинаемъ говорить о театрѣ.—«Расточитель», драма г. Стебницкаго.